ДОКТОР
ТЕХНИЧЕСКИХ
НАУК
ПРОФЕССОР
Евгений
Степанович
Толоцкий

M 82
345

ОЧЕРКИ

ИЗЪ КРУГОСВѢТНАГО ПЛАВАНІЯ

ОЧЕРКИ

ПЕРОМЪ И КАРАНДАШЕМЪ

ИЗЪ

КРУГОСВѢТНАГО ПЛАВАНІЯ

ВЪ 1857, 1858, 1859 И 1860 ГОДАХЪ

А. ВЫШЕСЛАВЦОВА

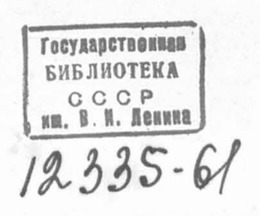
Съ 27-ью рисунками
Литогр. П. Пети

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.
1862

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 23 апрѣля 1862 года.

Цензоръ *А. Бекетовъ.*



ОЧЕРКИ
ПЕРОМЪ И КАРАНДАШЕМЪ
ИЗЪ
КРУГОСВѢТНАГО ПЛАВАНІЯ
А. ВЫШЕСЛАВЦОВА
АЗІЯ
ПОЛИНЕЗІЯ
АФРИКА
АМЕРИКА
·1857 - 1858 - 1859 - 1860·
Е. ШАРЛЕМАНЬ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ.

Стран.

Море и небо. — Прощаніе съ Петербургомъ. — Мадера. — Первая прогулка. — Мадера госпиталь Европы. — Salto cavale. — Аріеры. — Монастырь на горѣ. — Сани. — Camera de Lobos. — Балъ вечеромъ. — Большой Куралъ и Малый Куралъ. — Тенерифъ. — Теорія Буха. — Санта-Круцъ. — Ученый Бертело. — Вильямсъ и его яхта. — Маскарадъ. — Тенерифскій пикъ. — Островъ Зеленаго мыса. — Карантинъ. — Штиль. — Акула. — Свѣченіе моря. — Переходъ черезъ экваторъ. — Островъ Вознесенія. — Джоржъ-Таунъ. — Черепахи. — Опять море. 1

СЪ МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ.

Миражъ. — Симонсъ-Таунъ. — Малайцы. — Поѣздка въ Каптаунъ. — Masonick hotel. — Абрамъ. — Негры. — Готентоты. — Музеумъ рѣдкостей. — Бушмены. — Кафры. — Сандили. — Макомо. —

Стран.

Обѣдъ. — Капштадтскій Valentino. — Окрестности города. — Индусы. — Прогулка на Столовую гору. — Констанція и констанцское вино. — Фермеры. . . 56

МАЛАЙСКОЕ МОРЕ.

Переходъ Индѣйскимъ океаномъ. — Шторма. — Течь. — Берега Явы. — Зондскій проливъ. — Pepper bay. — Thwart the way. — Button. — Сингапуръ. — Индусы и китайцы. — Европейскій кварталъ. — Китайскій городъ. — Индусская пàгода. — Вечеръ. — Чудная ночь. — Рисованіе съ натуры. — Обитатели Сингапура. — Жонглеры. — Театръ индусовъ. — Мангустаны. — Окрестные острова. — Пріютъ разбойниковъ. — Вампоа и его дача. — Малайскій кварталъ. — Тигръ. — Китайскій храмъ. — Недостатокъ женщинъ. 109

ГОНЪ-КОНГЪ.

1) Городъ викторія. — Ночь и гроза. — Прогулка по городу. — Китайцы. — Цирюльникъ. — Парси. — Small feet. — Дѣти. — Обѣдъ у Боуринга. — Куперъ. 2) Чу-Кіангъ. — Тигрова пасть. — Столкновеніе. — Newtown. — Доки. — Кладбище. — Гробницы. — Китайское хозяйство. — Воздѣлываніе риса. — Наша жизнь въ Вампоа. — Рабочіе. — Шампанки. — Чинъ-чинъ. — Воры. — Непріятная картина. — Бѣглецы. — Болѣзни. — Тайфуны. — Что дѣлается

Стран.

въ Кантонѣ. 3) Яу-Хау. — Прогулка по Вампоа. — Чайныя лавки. — Площадь. — Табачныя лавки. — Опій. — Краткая исторія миссіонерства въ Китаѣ. — Китайскій пѣвецъ. — Вечеръ. 168

ОТЪ БУХТЫ СВ. ВЛАДИМІРА ДО АМУРА.

Формоза. — Манчжурскій берегъ. — На мели. — Бухта Св. Владиміра. — Ея жители. — Тихая пристань. — Императорская гавань. — Кладбище. — Орочи. — Жень-шень. — Ледъ. — Сахалинъ. — Каменноугольныя копи. — Заливъ Де-Кастри. — Амурскій лиманъ. — Амуръ. — Николаевскъ. — Оптимисты и пессимисты. — Николаевское общество. 241

ИЗЪ ЭДДО.

Тайфунъ. — Рыбаки. — Юкагава. — Эддо. — Чиновники. — Прогулка по городу. — Народъ. — Процессіи. — Хара-кири. — Обѣдъ. — Нипонъбасъ. — Религія японцевъ и ихъ храмы. — Осиро. — Побіеніе камнями. — Торжественный въѣздъ графа Муравьева. — Землетрясеніе. — Японскія лавки. — Японская вѣжливость. — Женщины. — Гора золотаго дракона. — Трагическое происшествіе въ Юкагавѣ. — Озіо и японскіе эпикурейцы. 284

ТИХІЙ ОКЕАНЪ.

Стран.

Сандвичевы острова. — Лошадиная широта. — Diamond-hill и Punch-boll. — Рифы. — Миссіонеры. — Гонолулу. — Канаки. — Общество въ Гонолулу. — Похороны. — Милицiя. — Казнь. — Вайкики. — Долина Евы. — Пали. — Хула-Хула. — Камеамеа IV. 2) Таити. — Впечатлѣніе острова. — Помаре. — Папеити. — Хлѣбное дерево. — Школы. — Поеа. — Роскошь тропической природы. — Папеурири. — Хижина и пѣвцы. — Папара. — Фатауа. — Балъ въ Hôtel de ville. — Хупа-Хупа. — Королева Помаре. — Эймео. — Бухта Папетуай. — Еще разъ Таити. . 370

ОТЪ ТАИТИ ДО БУЭНОСЪ-АЙРЕСА.

Магеллановъ проливъ. — Mercy. — Playa-parda. — Мысъ Froward. — Punta Arenas. — Гуанаки. — Монтевидео. — Испанки. — Прогулка за городомъ. — Пароходъ «Монтевидео». — Краткій очеркъ исторіи Лаплатскихъ республикъ. — Буэносъ-Айресъ. — Площадь Викторія. — Гаучо. — Саладеро и Матадеро. — Дворецъ Росаса. — Мѣстечки Бельграно и Исидоре. — Новый президентъ Бартоломео Митре. — Cazuela. — Общество въ Монтевидео. . 461

БРАЗИЛІЯ И ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

Корветъ и клиперъ. — Памперосъ. — Островъ Св. Екатерины. — Ріо-Жанейро ночью и днемъ. —

Стран.

Ботофого. — Тижуко. — Негры и желтая лихорадка. — Поѣздка въ Петрополисъ. — Итамарати. — Praya granda. — Религiозная процессiя. — Донъ-Педро II. — Бахiя. — Нижнiй городъ и верхнiй городъ. — Публичный садъ. — Бомфинъ. — Маскарадъ. — Взрывъ Пластуна. 543

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ.

МОРЕ И НЕБО. — ПРОЩАНІЕ СЪ ШЕРБУРГОМЪ. — МАДЕРА. — ПЕРВАЯ ПРОГУЛКА. — МАДЕРА ГОСПИТАЛЬ ЕВРОПЫ. — SALTO CAVALE. — АРІЕРЫ. — МОНАСТЫРЬ НА ГОРѢ. — САНИ. — CAMERA DE LOBOS. — БАЛЪ ВЕЧЕРОМЪ. — БОЛЬШОЙ КУРАЛЪ И МАЛЫЙ КУРАЛЪ. — ТЕНЕРИФЪ. — ТЕОРІЯ БУХА. — САНТА-КРУЦЪ. — УЧЕНЫЙ БЕРТЕЛО. — ВИЛЬЯМСЪ И ЕГО ЯХТА. — МАСКАРАДЪ. — ТЕНЕРИФСКІЙ ПИКЪ. — ОСТРОВА ЗЕЛЕНАГО МЫСА. — КАРАНТИНЪ. — ШТИЛЬ. — АКУЛА. — СВѢЧЕНІЕ МОРЯ. — ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ЭКВАТОРЪ. — ОСТРОВЪ ВОЗНЕСЕНІЯ. — ДЖОРЖЪ-ТАУНЪ. — ЧЕРЕПАХИ. — ОПЯТЬ МОРЕ.

Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht...

Мы въ морѣ, въ океанѣ, — наконецъ!... Кругомъ вода и небо, земля исчезла. Я испытываю знакомое ощущеніе. Какъ-будто вырвался изъ душнаго города въ чистое поле, въ степь; мнѣ стало такъ легко, такъ весело, я вздохнулъ такъ свободно, когда клиперъ вынесъ насъ на всѣхъ парусахъ изъ Ламанша въ Атлантическій океанъ. Плимутъ, виднѣвшійся вдали, былъ послѣднимъ европейскимъ городомъ, мысъ Лизардъ — послѣднимъ европейскимъ берегомъ.

«Море и небо, и больше ничего», говорили прежніе мореплаватели, гадательно смотря въ неизвѣстную даль, гдѣ линія морскаго горизонта сливается съ небомъ. Област

изслѣдованнаго и узнаннаго была тогда очень ограниченна, и нужна была отвага, почти героизмъ, чтобы довѣриться безпалубному судну и прихоти вѣтровъ и погоды. Тогда глубь моря населялась левіаѳанами и морскими змѣями, воображеніе до того настраивалось вѣчнымъ ожиданіемъ чудеснаго, что нѣкоторые дѣйствительно видѣли и описывали этихъ змѣй, составляя объ этомъ акты за подписью всего экипажа, для совершенной достовѣрности показаній; видѣли за Азорскими и Канарскими островами неясные берега западнаго материка, которые предчувствовались, которые надобно было создать... Изъ-за туманной линіи горизонта вставали новыя созвѣздія; находящіяся въ зенитѣ — уходили назадъ. Тихо, шагъ за шагомъ, расширялась область опыта и знанія; фантастическій берегъ западнаго материка сталъ дѣйствительностью, океанъ уподобился долинѣ, форму которой, какъ двѣ параллельно идущія цѣпи горъ, обозначили параллельные берега противоположныхъ материковъ, начиная съ 10° южн. шир., выпуклость Бразиліи противъ Гвинейскаго залива и выпуклость Африки противъ Антильскаго моря. Болѣе подробное изученіе береговъ и материка расширило кругъ дѣятельности европейскихъ народовъ, и успѣхи, превзошедшіе ожиданія, увеличили энергію и жажду наблюдательности. Усовершенствованіе астрономическихъ инструментовъ доставило мореплавателю много твердыхъ точекъ опоры; путь его обезпеченъ отъ случайностей, и твердымъ шагомъ пошелъ онъ впередъ... Диковинные образы, фантастическія страны, населенныя геніями, изчезли, и вся туманная даль прояснилась и прочистилась.

Нарушеніе равновѣсія воды въ океанѣ вызвало наблюденія, которыя повели къ опредѣленію движенія, зависящаго отъ вѣтровъ, частію правильныхъ, частію непостоянныхъ, опредѣлилось движеніе, зависящее отъ вліянія луны и солнца, и, наконецъ, движеніе производящее пеласги-

ческія теченія; приливы и отливы наблюдались въ портахъ, между тѣмъ какъ законы морскихъ теченій добывались далекими плаваніями, для совершенія которыхъ нужна была сила подвига и вдохновенія. Колумбъ первый замѣтилъ кругообращающійся экваторіальный потокъ, движущійся между поворотными кругами отъ востока на западъ. Движеніе это онъ сравнилъ съ движенімъ неба (т. е. съ кажущимся движеніемъ солнца, луны и звѣздъ). Какъ оживляютъ долину быстро несущіяся рѣки, такъ точно теченія, узкіе потоки, бороздятъ море, неся теплую воду въ высшія широты, а холодную въ низшія. Главная изъ такихъ рѣкъ, Нилъ Атлантическаго океана, — знаменитый *gulf-stream*, замѣченный еще въ XVI вѣкѣ Ангіерой. Начинаясь съ юга близь мыса Доброй Надежды, стремится онъ черезъ Антильское море и Мексиканскій заливъ въ проливъ Багамскій; потомъ, направляясь отъ SSW къ NNO, отдаляется отъ береговъ, и повернувъ на О, у Ньюфаундлендской банки, часто выбрасываетъ къ берегамъ Ирландіи сѣмена тропическихъ растеній. Его теплыя воды умѣряютъ холодъ Скандинавіи и освобождаютъ Бѣлое море отъ вѣчныхъ льдовъ. Ему же мы обязаны первымъ движеніемъ иностранной торговли у береговъ Россіи, въ Архангельскѣ. Другой рукавъ его идетъ отъ Ньюфаундлендской банки на югъ. На мѣстѣ раздѣленія двухъ потоковъ простирается огромная отмель морскихъ водорослей (fucus), названная прежними плавателями *лугомъ изъ водорослей*. Безчисленное множество морскихъ животныхъ обитаетъ въ этихъ вѣчно зеленѣющихъ массахъ (fucus natans). Какъ испытатели материка нашли формы растительности, общія всѣмъ климатамъ, начиная отъ вѣеровидныхъ пальмъ до злаковъ, мховъ и лихеновъ, и опредѣлили законы географическаго распредѣленія флоры, такъ испытатели морей, на глубинѣ, равной высотѣ величайшихъ горъ, находили лежащіе другъ на другѣ слои воды, оживленные разными

инфузоріями, морскими червями, циклидіями и офридинами. Они замѣтили вліяніе постепенно уменьшающейся температуры (различное въ тропикахъ и внѣ поворотныхъ круговъ) на миграцію и географическое распространеніе морскихъ животныхъ.

Удивленіемъ и безотчетнымъ восторгомъ поражали прежнихъ путешественниковъ свѣтящіяся волны океана, блистающія огнемъ и бриллiантами, въ тишинѣ тропической ночи. Микроскопъ объяснилъ фактъ и еще болѣе расширилъ кругозоръ безконечнаго разнообразія жизненныхъ формъ и явленій. Для современнаго плавателя океанъ можетъ быть богаче органическою жизнію, нежели какая-либо земная полоса. «Лѣса̀, по выраженію Карла Дарвина, не скрываютъ въ себѣ столько животныхъ, сколько расплодилось ихъ въ низменной лѣсной странѣ океана: длинные водоросли пускаютъ свои корни на отмеляхъ; вѣтви ихъ, оторванныя волнами и теченіемъ, свободно плаваютъ и развертываютъ на морской поверхности свою нѣжную зелень, поднимаемую воздухоносными клѣтками».

Отъ водянаго слоя переходя къ воздушному, пытливыя поколѣнія также нашли новые законы. Термометръ, барометръ, гигрометръ и проч. надѣляли массами данныхъ, изъ которыхъ выводились смѣлыя заключенія и подводились огромные итоги. Въ законѣ движенія вѣтровъ найдена причина многихъ процессовъ, совершающихся въ воздушномъ океанѣ.

Различіе температуры мѣстъ, лежащихъ близъ экватора и около полюсовъ, порождаетъ два противоположныя теченія воздуха въ высшихъ странахъ атмосферы и на поверхности земли. По причинѣ различной быстроты кругообращенія пунктовъ, лежащихъ ближе къ полюсу или ближе къ экватору, воздухъ, текущій отъ полюса, отклоняется на востокъ; экваторіальный — на западъ. Отъ

борьбы этихъ двухъ теченій, отъ мѣста низшествія высшаго потока, отъ перемѣннаго вытѣсненія одного теченія другимъ зависятъ величайшія явленія воздушнаго давленія, нагрѣванія и охлажденія воздушныхъ слоевъ, и даже образованіе облаковъ и формы ихъ. Эти явленія объяснили пассаты.

Успѣхи климатологіи довели до опредѣленія изотермическихъ линій; открытія въ областяхъ электромагнетизма опредѣляли географическое распространеніе грозъ.

Еще прежде важныхъ завоеваній въ области силъ и законовъ природы, Старый Свѣтъ устремился черезъ океанъ на новый материкъ. Тамъ выростали новыя государства, завязывались и запутывались новые узлы, разрѣшаясь страшными драмами. Сколько записала исторія кровавыхъ страницъ съ того времени, какъ переплыло въ Новый Свѣтъ первое судно Колумба!... Родился Вашингтонъ, подарившій свободу цѣлой обширной странѣ и основавшей на прочныхъ началахъ независимое государство... Какъ поразительныя явленія громадныхъ волкановъ Новаго Свѣта дали новое направленіе наукѣ, объяснили менѣе рѣзкія и непонятныя волканическія явленія Европы, такъ точно новыя гражданскія отношенія этого новаго міра, перенесенныя въ старый, пробудили страсти и дали толчокъ мысли, задремавшей подъ гнетомъ преданія. Волны Атлантическаго океана несли Лафайета во Францію; по Атлантическому океану стремились суда въ далекую Индію, начиная отъ корабля Васко де-Гамы до нашего клипера *Пластуна*, разсчитывающаго, какъ по пальцамъ, когда онъ обогнетъ прежде страшный мысъ Бурь, когда встрѣтитъ пассатъ... Океанъ пережилъ время чудеснаго и таинственнаго, пережилъ и время своей силы и могущества, и сталъ теперь широкою большою дорогой... Человѣчество, развившись у береговъ Средиземнаго моря, искало за предѣлами Геркулесовыхъ столбовъ болѣе обширной дѣятель-

ности. Побѣдивъ Атлантическій океанъ, оно обжилось и на немъ. Какъ Средиземное море сдѣлалось внутреннимъ озеромъ, и прежде живыя его колоніи: Тиръ, Карѳагенъ, Венеція и т. д., развалинами своими оживляютъ берега его, такъ Атлантическій океанъ сталъ Средиземнымъ моремъ, тоже съ своими Геркулесовыми столбами, — съ мысомъ Горномъ и мысомъ Доброй Надежды, — за предѣлы которыхъ манитъ теперь еще болѣе обширное море... И близко то время, когда Великій океанъ будетъ великимъ Средиземнымъ моремъ. Онъ ожидаетъ цивилизаціи на свои безчисленные острова, на разбросанные материки, на сцену своей роскошной природы.

Изъ этого вы можете заключить, что переходъ нашъ отъ Шербурга до мыса Доброй Надежды никакъ не можетъ назваться путешествіемъ. Мы просто ѣхали, какъ ѣхалъ Василій Ивановичъ изъ Москвы въ Мордасы; ѣхали тоже по безпокойной дорогѣ и также заѣзжали на станціи, изъ которыхъ первая называлась островъ Мадера, другая Тенерифъ, третья — Сан-Яго и четвертая—островъ Вознесенія. 29-го ноября задымила наша эскадра на шербургскомъ рейдѣ. День былъ очень хорошъ; бѣлый паръ густыми клубами выскакивалъ изъ трубъ, расходился и сливался въ одну массу, которая густымъ облакомъ разстилалась надъ городомъ. Всѣ были въ довольно-грустномъ расположеніи духа. Несмотря на короткій срокъ, мы уже нѣсколько обжились на мѣстѣ, попривыкли; у всѣхъ завелись знакомые и знакомки. Обычныя наклонности проявились въ каждомъ: кто вздыхалъ по образовавшейся сердечной склонности, кому не хотѣлось оставлять обогрѣтаго угла, кто жалѣлъ о завтракахъ, гомарахъ и *frommage de Bry*, съ устрицами, кто боялся предстоявшихъ качекъ и непогодъ. Я стоялъ у планширя и думалъ о вчерашнемъ, послѣднемъ вечерѣ. Мы были въ театрѣ, гдѣ играли какую-то комедію; Дюкурти (Du Courly) смѣ-

шилъ насъ до упаду. Въ антрактахъ глаза наши разбѣгались по балконамъ и ложамъ. Тамъ, между газовыхъ платьевъ, разноцвѣтныхъ лентъ и затѣйливыхъ куафюръ, командиръ бразильскаго корвета, мущина съ черною бородой и энергическимъ выраженіемъ лица, любезничалъ и рисовался, возбуждая наше одобреніе и отчасти завистъ Онъ входитъ въ ложу г. В. и садится около его жены такъ свободно, какъ-будто у себя въ кабинетѣ; онъ смотритъ ей въ глаза, громко смѣется, наклоняется къ ней. А она?... Ея взглядъ суровъ, сдержанъ; черты лица покойны; ротъ (прекрасный, съ нѣжными очертаніями губъ) сжатъ; цвѣтъ кожи матовый; лебединая шея связываетъ молодую головку съ раскошнымъ бюстомъ. Въ лицѣ у нея есть что-то особенное, и въ ней много породы. Она съ виду сурова; но въ тонкихъ чертахъ лица ея можно уловить выраженіе нѣжности; а взглядъ ея, по мнѣнію нашихъ вздыхателей, если она захочетъ кого подарить имъ, можетъ прожечь насквозь. Я вспоминалъ вмѣстѣ и о другой женской фигурѣ; въ клубахъ вылетающаго пара рисовалась передо мной четырехъ-угольная зала, съ темно-пунцовыми драпировками на нишихъ. Среди залы, на пьедесталѣ, стояла безрукая, вѣроятно, бѣлокурая, тысячелѣтняя красавица... Въ ней особенно хороши поворотъ головы и кроткій взоръ, бросаемый изъ полуоткрытыхъ рѣсницъ. Я вспомнилъ, какъ я сидѣлъ на одномъ изъ красныхъ921 дивановъ залы; направо, въ дверяхъ, выглядывала колоссальная Юнона; но я не смотрѣлъ на нее, а не сводилъ глазъ съ милосской красавицы, какъ-будто хотѣлъ увидѣть въ ней что-нибудь еще больше того, что́ даетъ она... И странно, что красота ея не поражала, но какъ-то привязывала, приголубливала... Годы бы, кажется, просидѣлъ здѣсь, только бы видѣть это доброе, прекрасное лицо, этотъ кроткій, ласкающій взглядъ. Какое сравненіе съ прежнею луврскою царицей, извѣстною Діаной!... Та,

точно петербургская дама, взглянетъ гордо, холодно; да еще стоитъ она теперь, невозмутимая, въ сосѣдствѣ Марсія, съ котораго сдираютъ кожу...

Воображеніе мое понеслось бы дальше, еслибы команда «всѣхъ наверхъ, съ якоря сниматься!» не заставила очнуться. Въ послѣдній разъ я взглянулъ па Шербургъ, когда уже винтъ шумѣлъ, и эскадра наша, корветъ за корветомъ, клиперъ за клиперомъ, оставляя за собою длинныя черныя суруи дыма, быстро шла въ море; дымъ скрылъ за собою и городъ, и берегъ.

Въ первые дни плаванія мы отдѣлились отъ эскадры; океанъ встрѣтилъ насъ сѣренькою погодой и качкой. Волны его двигались какъ-то равномѣрно, въ тактъ; иногда шелъ дождь, было сыро и съ непривычки довольно непріятно. На осьмой день, въ ночь, погода «засвѣжѣла», волненіе стало сильное. Клиперъ, переваливаясь съ боку на бокъ, трещалъ своими переборками. Сквозь сонъ я слышалъ, какъ размахи его увеличивались, какъ волна сильными ударами разбивалась о бортъ. Отъ качки я безпрестанно сползалъ съ постели и никакъ не могъ приловчиться, чтобы снова уснуть. Изъ сосѣднихъ каютъ слышались по временамъ тревожные вопросы, какъ вдругъ топотъ на палубѣ раздался какъ-то особенно громко: разбило вельботъ, висѣвшій на боканцахъ. Какъ ни интересно подобное приключеніе, я однако не вышелъ наверхъ, а упорно пролежалъ въ койкѣ до утра, не заснувъ, впрочемъ, ни на минуту. Я былъ въ выигрышѣ, потому, во-первыхъ, что ни измочился, во-вторыхъ, провелъ безсонную ночь собственно отъ бури, среди океана. Цѣлый день волненіе не унималось, хотя вѣтеръ стихъ съ утра. Волненіе океана величественно, движеніе волнъ правильно и однообразно; какъ-будто гдѣ-то глубоко скрыта, но присутствуетъ его сила, и на поверхности водъ является только ея признакъ. Клиперъ легко взлеталъ на воздымавшіяся горы, и, стремительно падая въ разверзшіяся

ямы, снова приподнимался, гордо неся свои паруса на гнувшихся стеньгахъ, на гудящихъ, какъ струны эловой арфы, снастяхъ. Къ вечеру небо прочистилось, солнце стало пригрѣвать промокнувшую команду. И вотъ, на бакѣ раздался звукъ бубна и хоровая пѣсня, топотъ трепака... Это развеселитъ хоть кого; развеселитъ, конечно, не самая пляска, но энергія, бодрость и живость нашихъ матросовъ. При этомъ замѣчу, что нигдѣ солнце не дѣйствуетъ такъ живительно на утомленныя силы, какъ въ морѣ. Я былъ свидѣтелемъ этого и прежде, во время нашего кратковременнаго знакомства съ Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями, и послѣ, когда плыли по Южному океану и Индѣйскому морю. Послѣ четырехъ — пяти дней свѣжей погоды, или шторма, когда у всей команды не оставалось ни одного нерва, не обезсиленнаго страшнымъ возбужденіемъ, какъ физическимъ, такъ и нравственнымъ, ни одной мысли, не отзывавшейся апатіей и мертвеннымъ равнодушіемъ, наконецъ, ни одной нитки сухой,—утихнувшее волненіе, прояснившееся небо и яркое солнце въ одну минуту возстановляли духъ и физическую силу. И усталость, и заботы, и опасность—все забывалось. Выйдешь наверхъ, сердце радуется: въ воздухѣ тепло, качка постепенно уменьшается, волны уже не переливаютъ съ своими бурлящими гребнями черезъ планширь и не затопляютъ палубы, но тихо замираютъ у борта, шипя и пузырясь въ потухающемъ гнѣвѣ. Между мачтами развѣшивается бѣлье, и палуба напоминаетъ въ это время дворъ Ивана Никифоровича, когда кухарка выносила его платье и бѣлье, и шпагу, и ружье для провѣтриванія и просушки. Наши плащи и кожанные балахоны, распростершись во всю ширину, тоже какъ-будто бы грѣются, и очень довольны теплымъ днемъ. Желающіе выспаться располагаются въ рострахъ; иной подлѣзетъ подъ барказъ, и тамъ, раскинувшись, въ живописной позѣ, въ громкомъ снѣ набираетъ

новыхъ силъ и здоровья. Въ другомъ мѣстѣ, охотники просвѣщаться собрались въ кучу около читающаго сказку *Про Ѳому и Ерему*; кто чинитъ сапоги или платье; на всемъ и на всѣхъ печать удовольствія, мира и тишины... А вчера сколько было физическихъ усилій, сколько пота, выступавшаго на лбу, несмотря на холодъ, вѣтеръ и брызги холодной и соленой воды, несмотря на души, обдающія съ ногъ до головы. И все это отдохнуло отъ одного теплаго, ласкающаго луча солнца! Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ градусовъ широты, съ каждымъ днемъ становилось теплѣе и теплѣе, сѣрое небо стало проясниваться чаще, и море, казалось, становилось лазурнѣе и голубѣе. Дольше засиживались мы по вечерамъ наверху, любуясь заходящимъ солнцемъ; для насъ какъ-будто наступала весна... Но мы простились съ ней надолго; ея нигдѣ не увидишь на югѣ, гдѣ весны нѣтъ. 14-го декабря мы были подъ 36° сѣв. шир.; море штилѣло; въ воздухѣ было тепло, даже жарко. «Въ Шербургѣ теперь грязь, слякоть, дождь», говорили мы, наслаждаясь пріятною теплотой. Шербургъ былъ послѣднею точкой нашею на землѣ, и потому, вѣроятно, многія воспоминанія относились къ нему. Мы развели пары; на другой день прекратили ихъ и наконецъ дождались вѣтра. 16 декабря, къ ночи, стали налетать порывы съ дождемъ. Къ утру вѣтеръ установился; мы пошли по восьми узловъ, и къ полдню увидали впереди, среди массы облаковъ, очертанія берега; но только опытный глазъ могъ отличить сѣровато-голубой островъ отъ облака. Къ четыремъ часамъ я едва различалъ контуры исполинскаго продолговатаго холма, съ линіями возвышеній, разнообразными и граціозными. Облака лѣпились по челамъ горъ; лѣвая часть горы совершенно сливалась съ сѣро-лиловатою тучей; справа можно было уже разглядѣть скалистые берега. Даль моря пропадала въ какой-то неясной линіи, служащей границею и водѣ, и острову; въ

одномъ мѣстѣ непрерывная линія пересѣкалась бѣлымъ парусомъ шедшаго отъ берега судна. Вечеръ наступалъ быстро; по нѣжной лазури неба бродили клочки разорванныхъ облаковъ; солнце садилось, пробираясь за постепенно-темнѣвшими тучами, и послѣднее отраженіе его искрилось на взволнованной слегка поверхности моря. Вѣтеръ надувалъ паруса клипера, и онъ, разошедшись, рѣзалъ носомъ клокотавшую массу, отбрасывая вправо и влѣво широкія струи кипящей пѣны. Отрадно было глазамъ, усталымъ отъ вида безпредѣльности, остановиться наконецъ на чемъ-нибудь. Такъ въ области сомнѣній, неясно высказанныхъ надеждъ и желаній, находимъ наконецъ точку опоры, на которой можно остановиться.

Ночью вѣтеръ сталъ свѣжѣе; мы убрали нѣсколько парусовъ, чтобъ уменьшить свой ходъ. Луна, по временамъ заволакиваемая облаками, тихо плыла по своему пути; звѣзды мѣстами горѣли, мѣстами мерцали; гребни волнъ выплескивались бѣлесоватою струйкой. Островъ, повернувшись къ намъ своею западною стороной, сталъ какъ будто вызвышеннымъ курганомъ въ степи безбрежнаго моря. Очертанія его смягчались туманною оболочкой.

Это былъ островъ Мадера.

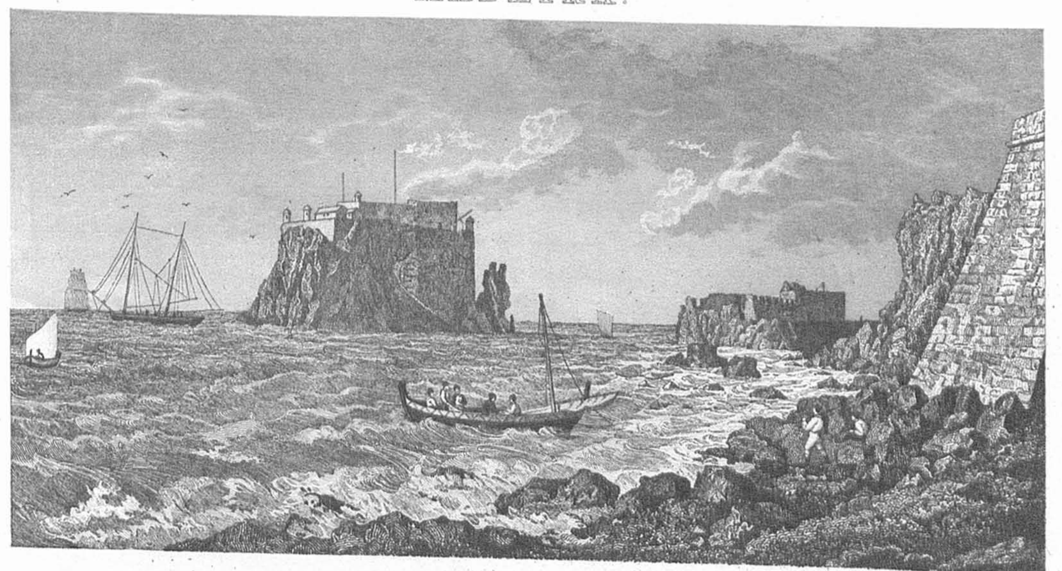
17-го декабря, утромъ, мы увидѣли южные, террасовидные уступы. Вѣтеръ не утихалъ, онъ дулъ намъ навстрѣчу, и, при противномъ волненіи, мы подвигались довольно медленно. Раза два принимался дождь, сильный и крупный, какой бываетъ у насъ среди лѣта. Туманъ стлался по вершинамъ горъ, которыя, по мѣрѣ того какъ прочищалось небо, выказывали свои каменные обрывы, ущелья и долины съ зеленѣющимися плантаціями. Иногда, набѣжавшая туча бросала рѣзкую тѣнь на передніе уступы скалъ, между тѣмъ какъ солнце нѣжнымъ фіолетовымъ цвѣтомъ обливало выступающіе фронтоны задней возвышенности. Слѣва берегъ кончался крутымъ, отвѣснымъ

обрывомъ (cabo Girâo), а прямо передъ нами мѣстность была холмиста и покрыта зеленью; цѣлая перспектива выступающихъ мысковъ пропадала вдали. Стали наконецъ обозначаться зданія, маленькія, едва замѣтныя, будто бѣлыя точки. Cabo Girâo принималъ форму мыса и отходилъ на заднiй планъ; на первый планъ, какъ декорація, вытягивалась длинная зеленая коса съ холмами, украшенными кудрявою зеленью. Подробности картины выступали намъ навстрѣчу: запестрѣли свѣжею зеленью квадраты плантацій сахарнаго тростника, обрисовались ущелія, и горный потокъ, падающій съ уступа на уступъ, виднѣлся металлическою полосой на темномъ фонѣ гранита и оттѣняющей его зелени. По отлогостямъ горъ темнѣли лѣса, и высоко надъ полосой лѣса вырѣзались двѣ башни католическаго храма. Бѣлыя точки пріобрѣтали болѣе опредѣленныя формы строеній; дома, разбросанные амфитеатромъ сначала широко, по уступамъ и висящимъ садамъ, толпились все тѣснѣе и тѣснѣе, по мѣрѣ того какъ спускались къ берегу, точно стадо овецъ, сбѣгающее съ горъ и толпящееся къ водопою. Отъ красующагося своими бѣлыми домами города, отдѣлялся горный *Кусокъ скалы* (*), къ которому прилѣпился *передовой фортъ*, съ развѣвающимся португальскимъ флагомъ.

Скоро мы бросили якорь на открытомъ рейдѣ Фунчала, гдѣ уже стояло нѣсколько судовъ. Одинъ изъ пароходовъ салютовалъ; синеватый дымъ лѣниво расплывался по воздуху, звукъ слышенъ былъ слабо, онъ весь уходилъ въ горы, въ ущелія, гдѣ ему было мѣсто разгуляться и найдти отвѣтъ въ тысячѣ откликовъ.

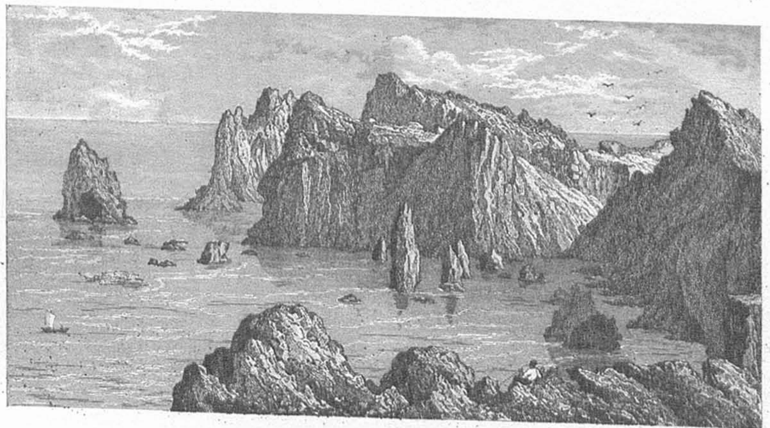
Первые пріѣхавшіе къ намъ были русскіе, братья К. Они уже нѣсколько лѣтъ живутъ на Мадерѣ. Съ рѣдкою любезностію предложили они намъ свои услуги показать

(*) Loo Rock.



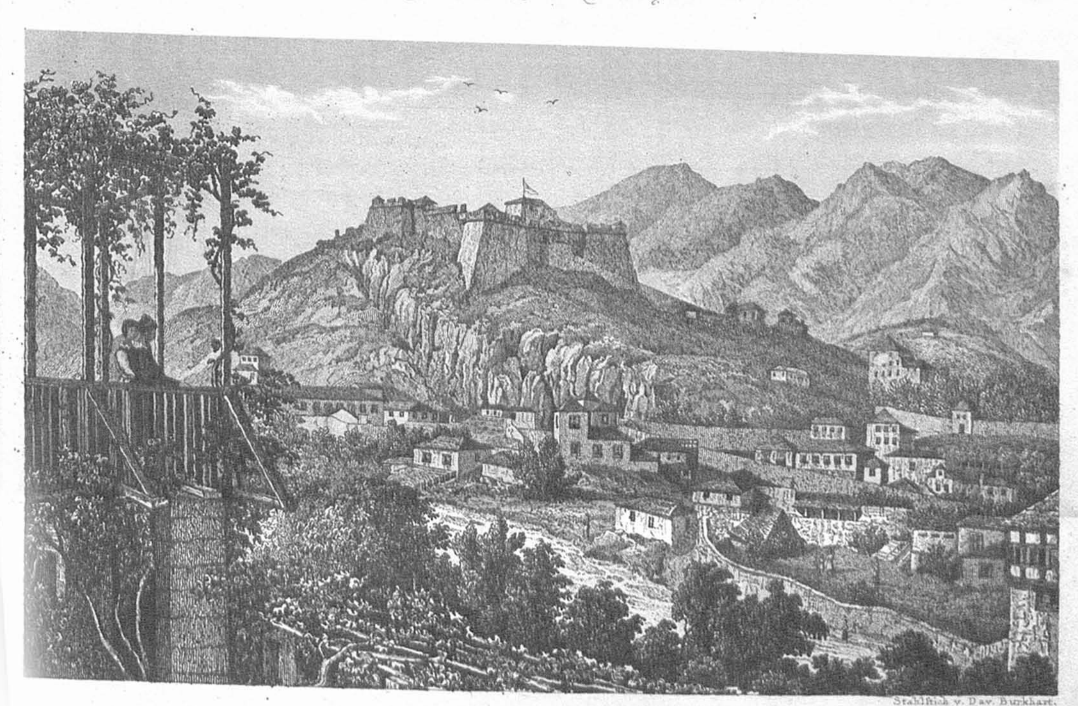
D. Burkhart sc.

Castell Ilheo.



D. Burkhart sc.

Ponta de San Lorenzo.



Stahlstich v. Dav. Burkhart.

Castell Pico.

все замѣчательное на островѣ, чѣмъ мы и воспользовались съ безсовѣстностію туристовъ. Конечно, въ этотъ день былъ и обѣдъ не въ обѣдъ. Около клипера появилось нѣсколько шлюпокъ, выкрашенныхъ зеленою краской; на нихъ пріѣхали различные господа, предлагавшіе свои услуги; кто былъ прачка, кто брался доставлять провизію; на письменныхъ «рекомендаціяхъ» были имена офицеровъ, бывшихъ здѣсь еще съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ.

Часа въ три собрались наконецъ и мы, и отправились на туземной шлюпкѣ на берегъ. К. поѣхалъ впередъ, чтобы заготовить верховыхъ лошадей. Приставать на шлюпкахъ къ берегу, въ Фунчалѣ, цѣлая исторія. Пристани нѣтъ, то-есть она есть, но гдѣ-то далеко, и она, какъ мы узнали, послѣ горькихъ опытовъ, чуть ли не хуже каменистаго берега, о который разбивается шумливый прибой океана. Саженяхъ въ десяти отъ берега, наши два гребца (оба съ голыми ногами по колѣно и въ крошечныхъ португальскихъ шапочкахъ, съ кисточками, на чернокудрявыхъ головахъ) повернули лодку кормою къ берегу и стали выжидать прибоя волны; а на берегу ждали насъ нѣсколько лодочниковъ, съ «концомъ» и парой запряженныхъ воловъ. Прибоемъ, наконецъ, понесло лодку; гребцы соскочили въ воду и потянули ее съ боковъ, между тѣмъ какъ береговые стремительно бросились впередъ, ввязали конецъ въ корму, ввели въ воду воловъ, пристегнули ихъ, и общимъ усиліемъ вынесли лодку на берегъ. Лодка была съ двумя килями, какъ сани на полозьяхъ. Этотъ способъ приставанья намъ очень понравился своею оригинальностію; особенно хороши лодочники съ ихъ разгорѣвшимися лицами, проворствомъ и ловкостію. Въ аллеѣ платановъ, которая начинается близь набережной, теперь разрушенной недавнею бурей, насъ ждали верховыя лошади, и мы сейчасъ же

отправились мимо дворца через площадь, по узкимъ и крутымъ улицамъ, за городъ. Лошади были очень красивы и прекрасно выѣзжены; при каждой былъ вожакъ, очень чисто одѣтый, въ соломенной шляпѣ и жилетѣ; вожакъ (ariere) не отстаетъ отъ своей лошади ни на минуту, чиститъ ее и холитъ, и слѣдуетъ за вами, куда бы вы ни поѣхали.

Общій видъ острова Мадеры намъ очень понравился; но прежде надобно нѣсколько вспомнить исторію этого острова, дававшаго такое знаменитое вино.

Слово *мадера*, или *мадейра*, значитъ лѣсистая страна (*). Она названа такъ Гонсалесомъ Сарко и Тристаномъ Васъ, которые были здѣсь въ 1431 г.

Но еще въ 1344 году одинъ англичанинъ видѣлъ этотъ островъ. На немъ былъ сплошной лѣсъ (madeira). Скоро отчего-тѣ сдѣлался пожаръ, который продолжался будто бы семь лѣтъ... Воображаю величественную картину горящаго острова среди океана... Зола сожженнаго лѣса удобрила почву. Въ 1445 году привезены были сюда первыя лозы винограда съ Кипра; виноградъ принялся отлично, пріобрѣлъ отъ свойства почвы свои исключительныя достоинства и сдѣлался главнымъ источникомъ богатства жителей. Англичане завладѣли Мадерой въ 1801, а въ 1814 г. она возвращена Португаліи, хотя вся торговля ея осталась и остается до сихъ поръ въ рукахъ англичанъ.

Островъ имѣетъ трех-угольную форму; берега его круты и скалисты, высадка трудная. Самая высшая точка острова Пикъ Риво (1900 метровъ), но онъ мало возвышается надъ другими горами. Главный городъ Фунчалъ *(Funchal)*, со 100,000 жителей. На Мадерѣ постоянная весна; растительность очень разнообразна. Лучшіе виды

(*) По-испански.

ея — бананы, драконовое дерево, сахарный тростникъ, платаны, итальянская пинія, кипарисъ, каштанъ, виноградъ, пирамидальный тополь и обширная семья *безпокоевъ* (кактусовъ). Жатвы хлѣба достаетъ едва на пятую часть народонаселенія, и недостатокъ хлѣба пополняется тыквами, которыхъ здѣсь очень много. Главнымъ продуктомъ острова было до сихъ поръ *вино*, котораго выдѣлывалось до 35,000 пипъ, но увы! теперь оно совершенно исчезаетъ. Въ 1852 г. болѣднь истребила здѣсь весь виноградъ; производители, большею частію не капиталисты, не могли ждать новыхъ плодовъ и засѣяли всѣ виноградники сахарнымъ тростникомъ, изъ котораго выдѣлываютъ коньякъ. Теперь на Мадерѣ можно найдти только вино, сохранившееся въ погребахъ; за то все вино, которое есть на Мадерѣ, превосходно. Лучшіе сорты его—мальвазія (malmsey) и сухая мадера (drymadera).

Вотъ вамъ краткій послужной списокъ острова; теперь поѣдемте по новой дорогѣ, которую прокладываютъ отъ города влѣво, къ мѣстечку Камера де-Лобосъ (Camera de Lobos), по берегу моря; сдѣлано верстъ пять только, и многіе сомнѣваются, кончится ли когда-нибудь эта дорога.

Мы ѣхали по узкимъ, крутымъ улицамъ, между довольно высокихъ бѣлыхъ домовъ, съ зелеными жалузи и верандами, съ болконами и черноглазыми португальками. Изъ-за низенькихъ заборовъ переваливались тяжелые, но блестящіе своею зеленью, листья банановъ; иногда, среди лавровыхъ деревьевъ и кустовъ датуръ, поднималась стройно фиговая пальма; по канавкамъ росли кактусы, какъ нашъ репейникъ. Мы ѣхали мимо португальскаго кладбища, потонувшаго въ зелени кипарисовъ и платановъ, съ ихъ серебристыми стволами. Для насъ, невидавшихъ ни Италіи, ни Греціи, все это было ново. Ничто, кажется, не производитъ такого впечатлѣнія, какъ

видъ другой растительности, другихъ ея формъ и группъ. Переѣхали черезъ два каменные моста, перекинутые аркой черезъ глубокіе овраги, по дну которыхъ струился по камнямъ ручей; бока овраговъ спускались террасами, которыми воспользовались, чтобы развести садикъ и насѣять сахарнаго тростника; все это очень красило мѣстность. Но на иныхъ уступахъ видны были остатки полусгнившаго трельяжа, по которому вилась засохшая вѣтвь, прежде можетъ быть роскошнаго винограда. Это грустно для любителей мадеры, то-есть вина мадеры. Изъ зелени тростниковъ бѣлѣлись хижины съ тростниковою крышей, и около нихъ бронзовое ихъ населеніе съ шумливыми ребятишками. Выѣхавъ изъ города, влѣво мы увидѣли море; справа зеленѣли холмы, мѣстность подымалась отлого полями, засѣянными, воздѣланными, пестрыми; за ними высились крутые каменные пики, убранные и украшенные кудрявою зеленью. По дорогѣ встрѣчались паланкины, гамаки, висящіе на бамбуковыхъ шестахъ, несомые двумя сильными туземцами, въ соломенныхъ шляпахъ и бѣлыхъ костюмахъ. Въ этихъ паланкинахъ выносили чахоточныхъ, которые впивали своими ослабѣвшими легкими укрѣпляющій воздухъ Мадеры. Тяжело было смотрѣть на худыхъ, блѣдныхъ женщинъ, съ блестѣвшими болѣзнію глазами, съ зловѣщимъ румянцемъ на щекахъ; протянувшись во всю длину, тихо покачивались онѣ въ своихъ гамакахъ, грустно слѣдя за склонявшимся солнцемъ, розовое освѣщеніе котораго уже бродило по верхушкамъ горъ.

Вечеръ становился все лучше и лучше; море, волновавшееся утромъ, совершенно успокоилось. Къ нашей кавалькадѣ присталъ одинъ англичанинъ, молодой человѣкъ, на красивомъ кровномъ конѣ, и мы разговорились съ нимъ. «Грустно жить здѣсь, говорилъ онъ, островъ напоминаетъ госпиталь; на самую прелесть здѣшняго

климата смотрятъ какъ на микстуру отъ тѣлесныхъ недуговъ. Сколько пріѣзжаетъ сюда прекрасныхъ молодыхъ людей, прекрасныхъ женщинъ, и всѣ — съ зародышемъ разрушительной болѣзни! Едва успѣешь привыкнуть, привязаться къ человѣку, пробудится симпатія, какъ уже это чувство переходитъ въ плачъ и тоску объ умершемъ».

Въ числѣ разныхъ особенностей дороги, мы осмотрѣли мѣсто, называемое *Salto cavale* (кажется такъ). У самаго моря отвѣсныя скалы берега образовали родъ замкнутаго цирка; волны, вливаясь туда, пѣнятся и крутятся въ ярости, какъ дикіе звѣри, силясь вскочить на сѣрыя скалы. Наконецъ обдѣланная дорога кончалась у развалившагося моста, наступали сумерки, намъ оставалось только полюбоваться выступившимъ въ море cabo Girâo, мы поворотили назадъ и, пришпоривъ коней, скоро были въ городѣ, обгоняя на дорогѣ паланкины и амазонокъ, конечно англичанокъ, за хвостъ лошадей которыхъ держались легконогіе *аріеры*, нисколько не отстававшіе отъ скока капризныхъ наѣздницъ.

Весь вечеръ бродили по городу; у рѣдкаго дома не раздавались гармоническіе звуки *машеты*, родъ маленькой четырехструнной гитары. Этотъ инструментъ здѣсь необходимость каждаго. Мотивы пѣсенъ очень увлекательны и напоминаютъ наши самыя бѣшеныя цыганскія пѣсни. Малѣйшее чувство выражается здѣсь необыкновенно сильно, или, по крайней мѣрѣ, эффектно, и звуки машеты приводятъ игрока, повидимому, въ восторгъ. Кисть руки замираетъ въ какомъ-то судорожномъ дрожаніи, голова то наклоняется, то поднимается въ томленіи, бросая искры изъ глазъ, черныхъ какъ угли. Около музыкантовъ часто слышались громкіе голоса и смѣхъ; а можетъ быть иногда послышится и вздохъ, полный любви и сладострастія... Надобно прибавить, что ночь пахла лимонами и лаврами.

Мы радовались, что вѣтеръ совершенно стихъ, и можно было попасть на клиперъ. Въ Мадерѣ нѣтъ собственно рейда, то-есть мѣста, закрытаго отъ сильныхъ вѣтровъ, гдѣ бы суда могли стоять безбоязненно на якорѣ; здѣсь просто стоятъ въ открытомъ морѣ. При сильномъ южномъ вѣтрѣ всѣ спѣшатъ сниматься съ якоря и уходятъ; лѣтъ семь тому назадъ нѣсколько судовъ выбросило на берегъ. Въ городѣ предузнаютъ погоду обыкновенно заранѣе, и въ случаѣ, не вызывающемъ сомнѣній, выстрѣлъ изъ пушки съ передняго форта даетъ знать, что необходимо убираться. Недѣли за три до нашего прихода поданъ былъ сигналъ; погода была, говорятъ, адская, волны перебрасывали свои гребни черезъ передовой фортъ и совершенно размыли набережную, которая при насъ представляла массу наваленныхъ въ безпорядкѣ камней. Всѣ суда, одно за другимъ, поднимая паруса и разводя пары, уходили; остался одинъ только норвежецъ; ему дѣлаютъ сигналъ за сигналомъ, давая знать, что опасность очень велика, что онъ много рискуетъ; но норвежецъ выдержалъ характеръ и, къ великому удивленію всѣхъ, оставался все время, покамѣстъ погода не стала стихать. Всѣ жители Мадеры были зрителями этой борьбы «морскаго волка» съ стихіями.

Въ Фунчалѣ прекрасная гостинница; содержитъ ее англичанинъ, мистеръ Майлсъ. Столъ сервируется какъ нельзя лучше, подаютъ всего очень много и все очень хорошо. Мы у него ужинали; пріятною новостію для насъ были фрукты въ началѣ зимы. Въ первый разъ намъ пришлось отвѣдать бананъ, аноны и танжерины. Аноны необыкновенно вкусны, точно бѣлое мороженое. Плоды были запиваемы, конечно, мадерой, которая имъ не уступала. Возвращаясь къ пристани, мы заглядывали въ нѣкоторыя освѣщенныя лачужки. Было Рождество; во всякой комнатѣ, какъ бы она бѣдна ни была, стояли

столы, убранные цвѣтами, фруктами, свѣчами и изображеніями святыхъ, въ видѣ куколъ, украшенныхъ фольгой. На другой день мы поѣхали въ горы, въ монастырь, который стоитъ на высотѣ почти 3000 футъ. Этотъ монастырь, бѣлый, съ черными пиластрами и двумя башнями, мы видѣли издалека, подходя къ Мадерѣ, и принимали его за замокъ. Къ нему надобно взбираться все въ гору, по мощеной дорогѣ, между двухъ невысокихъ стѣнокъ, изъ-за которыхъ массами вырывалась роскошная южная зелень. Мѣстами попадались бывшіе виноградники, въ которыхъ на деревянныхъ перекладинахъ грустно покоились высохшія лозы винограда. Эти трупы, среди всего живаго, молодаго и свѣжаго, непріятно дѣйствовали на душу; но для пейзажиста высохшія лозы и прутья необыкновенно эффектно разнообразили зелень. Красивые банановые листья перекидывались граціозно на своихъ стебляхъ; датуры, величиной съ большую трубу (ихъ и называютъ здѣсь *trompeta*), смотрѣли своими раструбами книзу; къ ночи онѣ издаютъ самый пріятный запахъ. Красивые цвѣты алоэ, какъ рожки жирандолей, выгибались вѣнчиками кверху; лавры, померанцы и апельсиновыя деревья осѣняли эту роскошную флору. Великолѣпная декорація открывалась на каждомъ шагу. Иногда, при какомъ-нибудь поворотѣ, являлась обширная панорама, передъ которою простоялъ бы долго: зеленая покатость, спускающаяся уступами къ морю, съ своими зданіями и садами, лужайками и красивыми камнями; далѣе суда на рейдѣ, превратившіяся въ точки; кряжи горъ, сѣрыхъ, зеленыхъ, пестрыхъ, но покрытыхъ общимъ тономъ; на ихъ вершинахъ каштановыя рощи, которыя своими обнаженными вѣтвями (*) придавали особый, нѣсколько мрачный, характеръ возвышенностямъ. Мы под-

(*) Каштанъ и здѣсь теряетъ листъ зимою, хотя не надолго.

нимались выше и выше. Дорога шла по ущелію, по краямъ котораго надъ обрывами лѣпились площадки, засаженныя зеленѣвшимъ сахарнымъ тростникомъ, или темною рощей апельсиновыхъ деревьевъ съ ихъ золотыми плодами. На днѣ ущелій шумѣлъ ручей, и, падая съ уступа на уступъ, бѣжалъ дальше, отражая въ безпокойной своей поверхности чудную раму своего каменнаго ложа. Надъ самымъ ущеліемъ склонилось нѣсколько италіянскихъ пиній, которыхъ грибовидныя верхушки отбрасывали тѣнь на дорогу. Недалеко отъ монастыря мы слѣзли съ лошадей и отправили ихъ въ городъ; къ сожалѣнію, видъ отъ самаго монастыря слишкомъ закрытъ растущими у стѣнъ его деревьями. Пѣшкомъ мы прошли нѣсколько дальше,—посмотрѣть другое ущеліе; тамъ внизу нѣсколько козъ лѣпились у камней. Обступившіе насъ мальчишки-пастухи взапуски кричали, заигрывая съ эхомъ.

Отъ монастыря спустились въ городъ, на чемъ думаете вы?.. на саняхъ. Дорога для спуска очень крута и почти безъ поворотовъ; съ обоихъ боковъ саней придѣланы ремни, которыми управляютъ два человѣка, бѣгущіе сзади; за эти же ремни они и везутъ, если покатость не такъ крута и бѣгъ саней замедляется; меньше чѣмъ въ десять минутъ мы были уже внизу. Мимо насъ, безпрестанно мѣняясь, быстро проносились чудныя картины; я успѣлъ замѣтить драконовое дерево, поразившее меня оригинальностію своего вида.

Для здѣшняго простолюдина ничего не значитъ сбѣжать съ горы версты три, и сейчасъ же идти назадъ въ гору, везя за собою порожнія сани, чтобы снова поймать наверху любителя скатиться; это здѣсь такъ же легко, какъ выпить стаканъ воды. *Аріерамъ*, бѣгающимъ за лошадьми, случается въ день проходить верстъ сорокъ, и они нисколько не жалуются, если вы скачете; если же вы ѣдете шагомъ, напримѣръ съ горы, то они бѣгутъ рысью

впередъ, чтобы выиграть время и въ свою очередь пройти шагомъ на гору или когда вы поскачете. Всѣ эти бѣгуны очень чисто одѣты, и, вѣроятно, этотъ образъ пропитанія имъ очень нравится, несмотря на его безпокойство и антигигіеническое свойство; они всѣ умираютъ преждевременно. Какъ видно, португалецъ не любитъ усидчивыхъ занятій, онъ пробѣгаетъ всю жизнь, а работать не станетъ. Въ этотъ день мы обѣдали и провели весь вечеръ у К. Они отлично устроились; ихъ домикъ пріютился въ тѣни лавровъ и банановъ, на небольшомъ холмѣ, на самомъ краю города; съ балкона видѣнъ весь Фунчалъ. На Мадерѣ, среди русскихъ, время шло для насъ какъ гдѣнибудь на дачѣ, около Москвѣ. Тѣ же разговоры, тотъ же чай, обѣдъ; только мадера была настоящая.

На слѣдующій день была устроена прогулка верхомъ въ деревеньку Камера де-Лобосъ (Camera de Lobos), верстъ за двѣнадцать отъ города. Дорогой рвали апельсины съ деревьевъ, завтракали бананами и запивали мадерой, которую брали въ какой-то некрасивой вентѣ. Нѣсколько разъ приходилось спускаться въ глубокія ущелія по крутымъ тропинкамъ. Не надѣясь на свое искусство, мы вполнѣ довѣрялись лошадямъ, очень привычнымъ къ этимъ дорогамъ; но мѣстами было такъ круто, что, право, глядя внизъ, кружилась голова. Мѣстечко *Camera de Lobos* лежитъ у самаго моря. Мы расположились тамъ на зеленомъ холмѣ, и въ минуту были окружены толпой оборванныхъ мальчишекъ, просившихъ милостыню. Нищіе здѣсь на каждомъ шагу, и между ними въ ходу особенный родъ добыванія денегъ: они просятъ васъ кинуть въ воду маленькую монету, бросаются за нею въ глубь и черезъ нѣсколько секундъ являются на поверхности, держа въ зубахъ добычу, которая и достается, конечно, имъ по праву.

Мѣстечко грязно и запахъ гнилой рыбы отравляетъ

атмосферу; все какъ-то напоминаетъ наши жидовскіе городки. Но море, вливающееся черезъ камни и скалы, образующіе родъ природнаго бастіона, затишье залива, къ которому стѣснились домики, амфитеатромъ поднимаясь по склону зеленаго холма, мысъ Girâo сзади, сбоку горы, растительность юга и южное солнце — всего этого достаточно, чтобы грязное мѣстечко превратить въ одинъ изъ самыхъ граціозныхъ уголковъ острова.

Въ этотъ день мы обѣдали у нашего консула, г. Бернса. У него, между прочимъ, лучшій винный погребъ въ Фунчалѣ, и онъ откупорилъ намъ подъ конецъ обѣда, съ торжественностью, приличною случаю, бутылку шестидесятилѣтней мадеры. Съ пріятнымъ звукомъ покинула свое шестидесятилѣтнее мѣсто пробка, блеснувъ образовавшимися на внутренней сторонѣ кристаллами. Сильный ароматъ сначала какъ-то странно поразилъ обоняніе; букетъ былъ не тотъ, къ которому мы привыкли, другой былъ и вкусъ: вкуса нашей мадеры не было и тѣни. Вечеромъ, вмѣстѣ съ семействомъ г. Бернса, отправились мы на балъ къ прусскому консулу, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди, въ возкѣ *на полозьяхъ*, запряженномъ двумя волами, ѣхала мадамъ Бернсъ съ дочерью въ бальномъ костюмѣ. Мы, en grande tenue, шли сзади. На Мадерѣ до сихъ поръ неизвѣстно употребленіе колесъ! Это изобрѣтеніе почему-то еще не доплыло сюда; на лошадяхъ ѣздятъ здѣсь только верхомъ. При видѣ здѣшнихъ экипажей, одинъ изъ нашихъ матросовъ пришелъ въ справедливое негодованіе. «У насъ, говорилъ онъ, простая дѣвка сраму одного не возьметъ на себя, чтобы среди бѣлаго дня ѣхать на полозьяхъ лѣтомъ, да еще на волахъ, а тутъ и господа не стыдятся!»

Стыдилась или нѣтъ мадамъ Бернсъ, медленно подвигаясь на балъ, — не знаю; но всю дорогу (довольно длинную) она очень любезно бесѣдовала съ нами. Чтобы же-

лѣзные полозья не производили непріятнаго звука при треніи о камни мостовой, погонщикъ (иначе назвать не умѣю кучера на волахъ) подкладывалъ подъ полозья, спереди, мокрую тряпку. Такимъ образомъ мы дошли до дома, окруженнаго садомъ, сквозь деревья котораго блистали освѣщенныя окна. На балѣ, данномъ наканунѣ Новаго Года (по новому стилю), присутствовалъ весь beau monde Фунчала. Танцовали подъ фортепіяно. Зала была убрана цвѣтами; каминъ и окна украшены сплошнымъ ковромъ изъ живыхъ камелій! Что́ бы дали въ Петербургѣ за эти камеліи! Въ 12 часовъ былъ ужинъ; поздравляли, точно такъ же какъ и у насъ, съ новымъ годомъ. Мадера лилась разливаннымъ моремъ.

На Новый Годъ многіе изъ нашихъ отправились въ католическій соборъ; а я, вмѣстѣ съ Н. И. С., отправился въ горы, за 20 верстъ, чтобъ осмотрѣть знаменитое своею красотой ущелье *Большой Куралъ* (куралъ означаетъ мѣсто, куда гоняютъ стада). Запасшись легкимъ завтракомъ, сѣли мы на знакомыхъ намъ лошадей, съ знакомыми проводниками. Ѣхали, ѣхали, взбирались на горы, на уступы, спускались въ ущелія и карабкались по горнымъ, каменистымъ тропинкамъ, гдѣ одинъ неосторожный шагъ лошади можетъ стоить жизни. Проѣхали нѣсколькими деревнями; въ церквахъ шла служба, и народъ, разодѣтый по праздничному, толпами встрѣчался на дорогѣ. Между мужчинами были красивыя лица, изъ женщинъ же ни одной не попалось хорошенькой. Декораціи живописныхъ видовъ смѣняли одна другую; каскады сбрасывались съ уступа на уступъ, и мы при шумѣ ихъ проѣзжали по живымъ мостикамъ, висящимъ надъ бездною и дрожащимъ отъ гула паденія воды.

Сначала дорога шла, какъ всѣ дороги около города, между двухъ стѣнокъ, убитая камнемъ; наконецъ прекра-

тилась мостовая, и пошли въ разныя стороны тропинки; дальше воздухъ дѣлался холоднѣе, и зелень попадалась рѣже. Мы ѣхали сплошными каштановыми рощами безъ листьевъ; единственною зеленью были сосны и мохъ. Намъ показалось, что мы заѣхали въ такую дичь, гдѣ не было никакой надежды увидѣть что-нибудь. Наконецъ мы остановились и слѣзли съ лошадей; надо было взбираться пѣшкомъ. Тутъ, точно изъ земли, появилась цѣлая толпа оборванныхъ мальчишекъ, которые предложили намъ длинные шесты съ желѣзными заостренными концами. Съ помощію этихъ шестовъ и нищихъ, мы взобрались на послѣдній кряжъ, и передъ нами вдругъ открылась одна изъ самыхъ грандіозныхъ картинъ, поражающихъ своими величественными размѣрами. Въ три тысячи футовъ глубины лежало передъ нами ущеліе, въ которомъ исполинскими ступенями набросаны были сѣрыя скалы, изборожденныя мрачными, черными трещинами. Передовые спуски скрывались подъ густою растительностью, изъ массы которой поднимались миловидные холмы, мѣстами покрытые мелкимъ кустарникомъ; одно огромное сухое дерево рѣзко выдавалось своими сучьями, повиснувъ надъ бездной, зіявшею таинственнымъ мракомъ. Тамъ, глубоко на днѣ, слышно было, журчалъ источникъ. Тучи ходили по вершинамъ противоположныхъ горъ, образующихъ ущелье (въ семьѣ этихъ горъ былъ Пикъ де-Риво, но онъ былъ весь закрытъ облаками), и хотя скрывали отъ насъ верхнія очертанія горъ, но общее впечатлѣніе выигрывало отъ особеннаго, дикаго и мрачнаго, колорита, придаваемаго ими грунту земли. Я легъ надъ пропастью; красивая толпа оборванцевъ расположилась около насъ въ живописныхъ группахъ; нѣсколько женщинъ, съ грудными дѣтьми, живописно драпировались въ красныхъ отрепьяхъ; мальчишки кричали въ ущельѣ, заигрывая съ горнымъ духомъ, и эхо въ тысячѣ мѣстахъ, изъ ущелій, изъ-подъ камней,

изъ пещеръ, отвѣчало имъ ихъ же пискливыми голосами. Часа два пробыли мы въ этомъ странномъ обществѣ; а, между тѣмъ, жаль было оставить его.

Вернувшись въ городъ усталые и голодные, — прямо къ Майлсу; а онъ насъ промучилъ еще съ часъ своею англійскою методичностью накрыванія стола; ему надо было устанавливать цвѣты, плоды и равнять приборы въ то время, какъ у насъ, съ Н. И., аппетитъ былъ совершенно волчій. Наконецъ все было на мѣстѣ, и мы принялись за грибной бульйонъ, приправленный перцемъ, и индѣйку.

Послѣ обѣда засвѣжѣла погода, надо было спѣшить на клиперъ, который, пожалуй, могъ и уйдти; а съ берега шлюпки не отваливали, по случаю сильнаго прибоя. Пошли отыскивать пристань гдѣ-то очень далеко. Послѣ долгихъ исканій, при помощи К., уже къ 11 часамъ вечера, мы добрались до отвѣсной скалы, въ которой была высѣчена лѣстница къ морю. Ярко горѣвшіе факелы освѣщали разбивавшіяся о берегъ волны и утлую шлюпку, подбрасываемую какъ щепка и привязанную на длинномъ концѣ. Наконецъ отвалили. Дорогою сломился шпинекъ, на который здѣшніе лодочники надѣваютъ весло, и лодку понесло бокомъ къ берегу. Однако, послѣ многихъ усилій, добрались мы до клипера, который такъ раскачало, что онъ чуть не черпалъ бортами.

Оставалось одинъ день провести на Мадерѣ. Какъ не съѣздить еще осмотрѣть Малый Куралъ? — и дѣйствительно стоило. На Большой Куралъ мы только посмотрѣли, а въ Малый спустились. На днѣ его, близь каскада, устроена мельница, и я отдыхалъ въ ней послѣ страшно-крутаго спуска, подъ гармоническій шумъ падающей воды и стукъ колесъ, вспоминая мотивы увертюры *Felsenmühle*. Дорога, страшно безпокойная, проложена зигзагами по отвѣсной стѣнѣ; безпрестанные повороты кружили голову;

надобно было совершенно ввѣриться лошадямъ и крѣпости ихъ ногъ; малѣйшее неправильное движенiе могло бы имѣть самыя страшныя послѣдствiя. Мы заѣхали въ знакомый намъ монастырь, откуда опять спустились въ городъ на салазкахъ.

Въ этотъ день нашъ капитанъ давалъ обѣдъ въ честь мадерскихъ знакомыхъ. Двѣ дамы, жены нашего и прусскаго консуловъ, очень оживляли общество. Какъ истинныя португальки — одна играла на машетѣ нацiональные мотивы, страстные, увлекательные, другая пѣла такъ же выразительно. Праздникъ кончился шумно и весело. Когда мы возвратились на клиперъ, пары уже были готовы, и мы, пустивъ двѣ ракеты на прощанье мадерскимъ друзьямъ, снялись съ якоря и были таковы.

Мадера оставила намъ по себѣ одно изъ самыхъ прiятныхъ воспоминанiй, можетъ быть потому, что первое впечатлѣнiе южной природы обаятельно и сильно. Для насъ здѣсь все было ново, начиная съ мрачной поэзiи Большаго Курала до грацiозно-упавшаго листа банана съ его ароматическимъ плодомъ. Нѣсколько дней мы провели въ бесѣдѣ съ природой, любуясь и наслаждаясь ею. На людяхъ нечего было останавливаться. Главное населенiе составляютъ португальцы, народъ не очень красивый, вздорный и лѣнивый. Костюмъ ихъ состоитъ изъ разстегнутаго жилета, сверхъ бѣлой рубашки, и крошечной шапочки на макушкѣ съ хвостикомъ; на ногахъ носятъ родъ сандалiй. Португалецъ здѣшнiй цѣлый день лежитъ подъ тѣнью дерева и лѣнивою рукой брянчитъ на маленькой машеткѣ. Португальки совсѣмъ не красивы; черты лица грубы, тривiяльны; я не видалъ ни одной хотя сколько-нибудь хорошенькой. Одѣты онѣ дурно по-европейски; вообще онѣ вовсе не гармонируютъ съ здѣшнею красавицей природой. Въ Фунчалѣ много англичанъ, прiѣхавшихъ сюда лѣ-

читься и по дѣламъ. Англичанки, въ живописныхъ амазонкахъ, цѣлыми эскадронами скачутъ за городомъ, и еще больше попадается ихъ въ паланкинахъ.

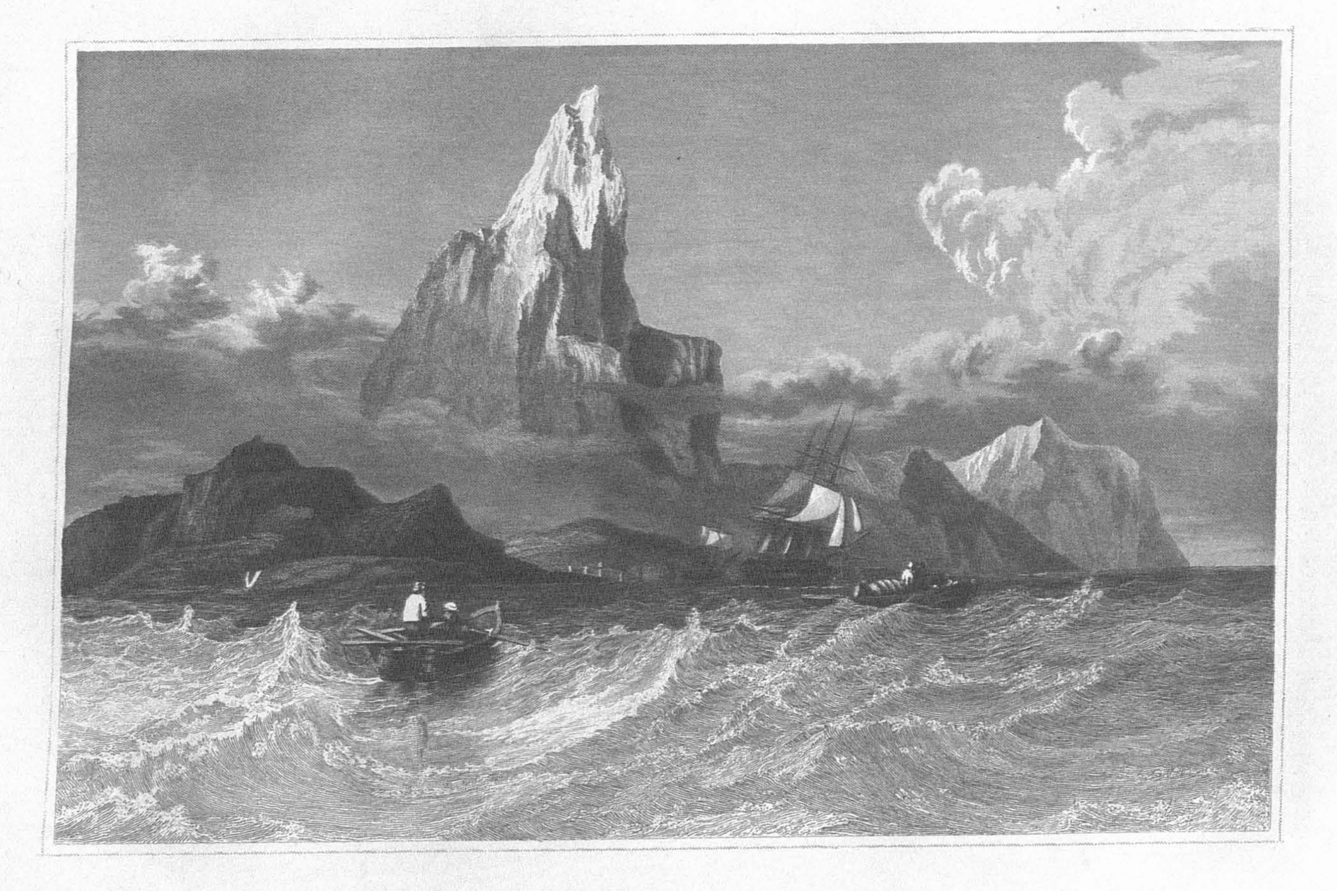
Въ городѣ есть дворецъ губернатора острова, нѣсколько церквей, ничѣмъ особенно не замѣчательныхъ; рынокъ, на которомъ продается живность въ большомъ количествѣ и очень дешево, такъ что суда, разсчитывающія на запасы живой провизіи, нисколько не ошибутся, зайдя на Мадеру. На рынкѣ, впрочемъ, есть странная особенность: животныхъ продаютъ по днямъ; такъ, напримѣръ, въ понедѣльникъ вы найдете только телятъ, и ужь будьте увѣрены, къ кому бы вы ни пришли въ этотъ день обѣдать, васъ непремѣнно угостятъ телятиной; въ слѣдующій день — быковъ, тамъ — птицъ и т. д. Англичане, по всей вѣроятности, завели здѣсь обыкновеніе отлично откармливать домашнихъ животныхъ. Нигдѣ вы не найдете такихъ индѣекъ, какъ на Мадерѣ. На нихъ «противно смотрѣть», какъ на индѣекъ Григорія Григорьевича Старченко, который угощалъ ими Николая Ѳедоровича Шпоньку. Кромѣ винъ, Мадера славится и водой. Островъ имѣетъ постоянное сообщеніе съ Англіей и Лиссабономъ. Вотъ вамъ, читатель, и практическія замѣчанія о Мадерѣ, которыя вамъ, можетъ быть, пригодятся, если вы когда-нибудь послѣдуете моему примѣру и поплывете за моря.

Черезъ трое сутокъ мы уже были на Тенерифѣ. Все время гналъ насъ ровный NO, вѣроятно предвѣстникъ пассата. Туманъ скрывалъ островъ; 24 декабря, наканунѣ Рождества (нашего стиля), бросили якорь на рейдѣ Санта-Круса.

Вотъ уже второй островъ выросталъ передъ нами изъ глубины океана. Эти клочки, какъ будто оторванные отъ близкой массы материка, принимались прежними путеше-

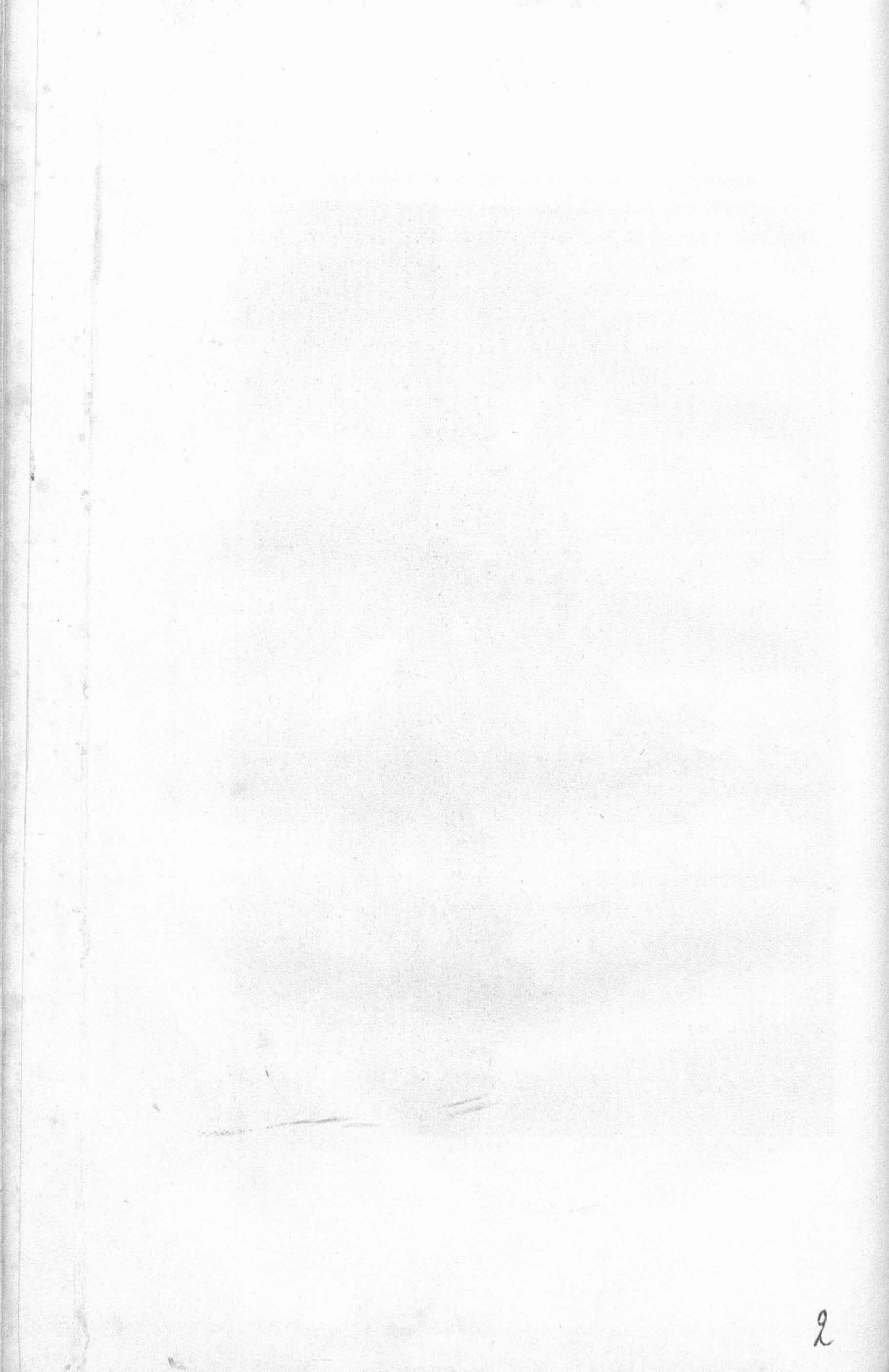
ственниками, дѣйствительно, или за отдѣлившіяся отъ материка части, или за остатки материковъ, погрузившихся въ море и выдававшихся изъ него только своими пиками. Леопольдъ фонъ-Бухъ, изслѣдывая Канарскіе острова и, въ особенности, Тенерифъ съ его пикомъ и окружающимъ его величественнымъ циркомъ, вывелъ заключеніе, что острова эти—произведенія обширной вулканической дѣятельности. Изслѣдованія другихъ островоъ и континентальныхъ волкановъ совершенно подтвердили смѣлую теорію, на которой выросло величественное зданіе современной геологіи. Воображеніе, вооруженное геніемъ и высокою логикой, перенесло великаго ученаго въ до-историческую эпоху; наука его говоритъ, что, когда еще земная кора представляла слабое противодѣйствіе силамъ, дѣйствующимъ изнутри, и являла на своей поверхности болѣе или менѣе обширныя трещины, изъ этихъ трещинъ изливалась трахитовая лава, которая, растекаясь по ровной и горизонтальной поверхности тверди, образовывала широкій потокъ, при основаніи превращавшійся въ правильный пластъ. Этотъ трахитовый пластъ, при новомъ изверженіи лавы, покрывался другимъ, также горизонтальнымъ пластомъ и т. д. Наконецъ, гораздо позднѣе, эти наслоенные другъ на другѣ пласты, силой внутреннихъ и упругихъ газовъ, были вздуты наподобіе пузырей, разорваны на своей вершинѣ и такимъ образомъ составили нынѣшній циркъ.

Разсматривая тенерифскій пикъ, подымающійся надъ моремъ до высоты 3800 метровъ и окруженный, въ видѣ пояса, величественнымъ циркомъ, образующимъ вокругъ него почти перпендикулярныя стѣны (циркъ состоитъ изъ правильныхъ трахитовыхъ пластовъ), великій ученый нарисовалъ одинъ изъ значительнѣйшихъ земныхъ переворотовъ такъ наглядно, такъ живо, какъ будто-былъ свидѣтелемъ событія.



DER PIC VON TENERIFFA

Aus d. Kunstanst. d. Bibliogr. Inst. in Hildbh.



Самый пикъ есть произведеніе позднѣйшаго, можетъ быть, историческаго времени, и состоитъ изъ неправильнаго нагроможденія волканическихъ шлаковъ и лавовыхъ потоковъ.

Кольцеобразныя стѣны, или цирки, названы *кратерами поднятія* (Erhebungs-Kratern, cratères de soulevement), въ отличіе отъ тѣхъ кратеровъ, которые образуются во время изверженія и нагромождаютъ конусъ (Eruption's Kratern, cratéres d'éruption); острова названы «островами поднятія» (Erhebungs-Inseln).

Почти въ одно время развивалась теорія Кордье и Констана *Прево*, названная, въ противоположность теоріи поднятія, теоріею пониженія *(affaissement)*. По ихъ мнѣнію, поднятіе земной коры зависитъ отъ постояннаго охлажденія внутренняго ядра, при чемъ земная кора, сжимаясь, образуетъ складки, являющіяся на поверхности земли въ видѣ горъ и поднятыхъ пластовъ.

Теперь тенерифскій волканъ потухъ; онъ сдѣлался, по словамъ Гумбольдта, лабораторіей возстановленной сѣры; но изъ боковъ его все еще вытекаютъ огромные потоки лавы, базальтовидной въ глубинѣ и обсидіановидной съ пемзой кверху, гдѣ давленіе меньше. Тенерифъ и вообще Канарскіе острова, Атлантида древнихъ, открыты были царемъ Юбою; онъ нашелъ острова необитаемыми, хотя, по остаткамъ памятниковъ, можно было заключить о бывшемъ здѣсь когда-то населеніи. Каждому острову далъ онъ свое названіе; самый большой изъ нихъ названъ Большою Канаріей (отъ canis, собака), потому что на немъ найдена была порода дикихъ, огромныхъ собакъ. Всѣ эти извѣстія, конечно, не очень вѣроятны. Римляне называли эти острова *Purpurariae*, отъ вывезеннаго съ нихъ пурпура, извѣстнаго подъ именемъ гетулійскаго. Послѣ рим-

лянъ извѣстіе о Канарскихъ (*) островахъ утонуло въ Летѣ, и только въ 1334 году открыли ихъ новые путешественники. Острова были заселены сильнымъ, воинственнымъ народомъ, нравственныя особенности котораго напоминали бедуиновъ. Они жили мирно, занимались земледѣліемъ и пасли стада; но любовь къ независимости поддерживала въ нихъ духъ во время войны съ испанцами, которымъ приходилось завоевывать островъ. Теперь нѣтъ слѣдовъ *гуанчей* на всемъ островѣ, кромѣ нѣсколькихъ мумій, завернутыхъ въ козьи шкуры и благочестиво схороненныхъ въ недоступныхъ пещерахъ. Гуанчи долго составляли неразрѣщимый вопросъ: откуда и когда явились они на островъ? Ученые терялись въ догадкахъ; наконецъ, сходство нѣсколькихъ словъ языка ихъ съ берберійскимъ заставило догадаться ученыхъ и вывести ихъ съ Сѣвернаго Атласа. Особенности ихъ характера и самая жизнь, дѣйствительно, напоминаютъ кабиловъ. Они исчезли, какъ метеоръ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда. Перерѣзаны ли они были до послѣдняго, или слились съ новымъ народонаселеніемъ, или, наконецъ, уплыли на материкъ въ первую свою родину? Этотъ вопросъ ученый Бертело (**) разрѣшаетъ такъ: «Три столѣтія иноплеменнаго владычества не могли изгладить народныхъ чертъ. Онѣ сохранились въ горныхъ пастухахъ нѣкоторыхъ округовъ и въ живущихъ на возвышеніяхъ земледѣльческихъ семействахъ. Африканскій типъ господствуетъ въ массѣ населенія и даетъ себя тотчасъ замѣтить». Такъ внимательный изслѣдователь въ неизвѣстномъ фактѣ видитъ явленія, обогащающія новыми взглядами науку.

(*) *Physikalische Beschreibung der Kanarischen Inseln*, von L. v. Buch. Berlin 1845 или 1835?

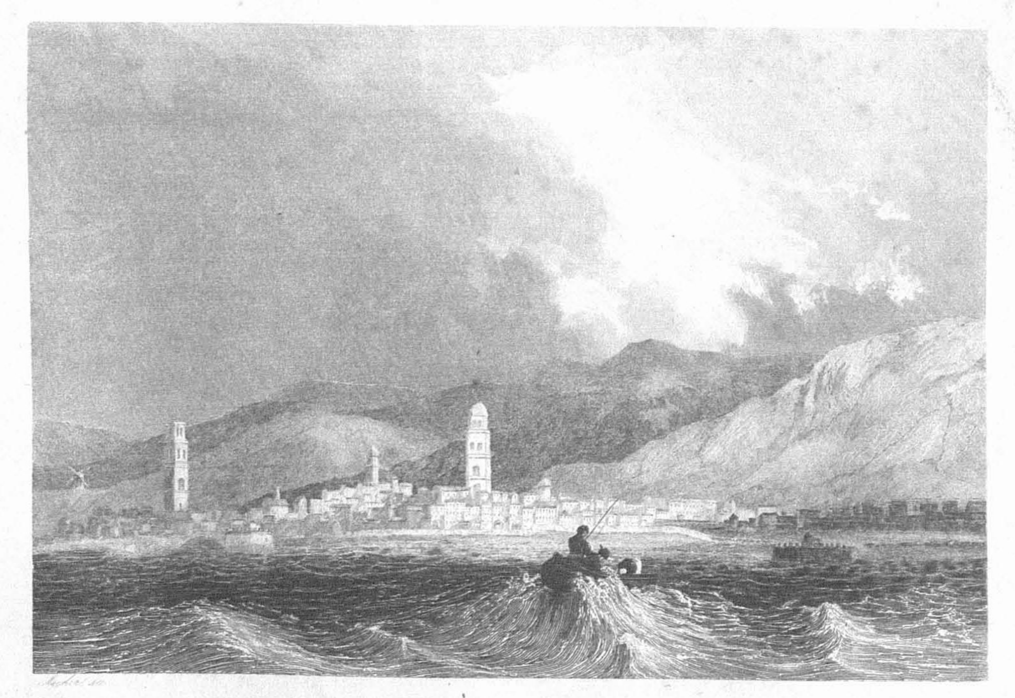
(**) *Histoire naturelle des Iles Canariens*, par Sabin Berthelot.

Берегъ, близь котораго мы подходили къ рейду, былъ скалистый, голый, пересѣченный горными кряжами, съ обрывами и ущеліями. Городъ Санта-Крусъ вытянулся своими зданіями въ линію; на дальнемъ мысѣ нѣсколько вѣтреныхъ мельницъ махали крыльями; двѣ высокія колокольни: одна четырехъ-угольная, другая цилиндрическая, съ колоннадой; небольшой природный молъ, на которомъ устроена пристань для шлюпокъ; нѣсколько судовъ на рейдѣ, въ числѣ которыхъ была яхта Вильямса (путешествующаго для удовольствія англичанина, съ которымъ мы познакомились на Мадерѣ), и надъ всѣмъ этимъ массы горъ, теряющихъ свои вершины въ облакахъ и туманѣ, — вотъ что̀ представилось намъ при приближеніи къ Тенерифу. На пристани насъ встрѣтило нѣсколько фигуръ; были мущины и женщины. Мущины величественно драпировались въ оборванныя фланелевыя одѣяла; на головахъ у нихъ были шляпы съ широкими полями. Женщины также были въ мужскихъ шляпахъ, соломенныхъ и пуховыхъ; изъ-подъ шляпы падалъ на плечи большой платокъ. По шляпѣ и цвѣту платья можно было узнать, изъ какого мѣста была женщина: обитательницы Лагуны (городъ внутри острова), кромѣ черной, никакой шляпы не носятъ; женщины изъ Оратавы носятъ соломенную и притомъ вообще любятъ красный цвѣтъ, и т. д. На улицахъ нѣтъ экипажей; на каждомъ шагу попадаются дромадеры, страшно навьюченные; иногда на вьюкахъ качалось цѣлое семейство. Красивыя мурильевскія головки дѣтей цѣлымъ букетомъ рисовались на горбѣ неуклюжаго животнаго. Верблюдъ привезенъ сюда французомъ Бетанкуромъ, вскорѣ послѣ завоеванія Канарскихъ острововъ. Онъ здѣсь расплодился и приноситъ большую пользу на базальтовомъ грунтѣ, лишенномъ тучныхъ пастбищъ. Домà всѣ въ два этажа; у каждаго дома есть внутренній дворъ съ садикомъ и фонтаномъ, куда скрываются жители отъ жаровъ, подъ тѣнь

широколиственнаго банана. Въ каждомъ окнѣ двѣ рѣшетчатыя деревянныя форточки, которыя занимаютъ мѣсто нижнихъ стеколъ въ рамѣ и служатъ продолженіемъ жалузи, находящемуся со внутренней стороны окна. Эти жалузи— единственное спасеніе въ жаркихъ странахъ. Постоянная тѣнь въ комнатѣ и постоянно продувающій воздухъ дѣлаютъ нѣсколько сносными тридцати-градусные жары. Идя по улицѣ, вы видите, какъ отворяется бѣленькою ручкой форточка и выглядываетъ красивая головка любопытной испанки. Зажиточныя женщины, попадавшіяся на улицѣ, были въ черныхъ мантильяхъ, красивыми складками падающихъ съ головы на плечи, и съ вѣерами, и всѣ, почти безъ исключенія, были если не красавицы, то граціозны и интересны. Походка, плавное движеніе шеи, глаза, свѣтящіеся во мракѣ (по чьему-то выраженію), высказывали породу Испаніи.

Неподалеку отъ пристани площадь, на которой по вечерамъ гуляетъ санта-круская публика. Я прогулялъ по ней весь вечеръ, ждалъ хоть какихъ-нибудь испанскихъ сценъ, но напрасно; дамъ почти не было ни одной.

Мы отыскали верховыхъ лошадей и поѣхали за городъ. Лошади были некрасивы, не такъ какъ на Мадерѣ; сѣдла оборваны; мундштуки какого-то средневѣковаго устройства, безъ удилъ и съ желѣзнымъ обручемъ на носу лошади; видно было, что англичанъ здѣсь нѣтъ. Проводники и здѣсь, какъ на Мадерѣ, отправились за нами. Но мѣстность была дика, гола и пустынна. Мѣстами видны были клочки долинъ въ ущеліяхъ; на нихъ воздѣлывался *ямъ* и *cactus opuntia* и *coccinillifer*; мѣстами дикая *euphorbia canariensis* распространяла свои рожкообразныя вѣтви. Дикія скалы Тенерифа мѣстами покрыты бѣловатыми и желтыми пятнами. Это—скопленіе микроскопическихъ лихеновъ, превратившихся въ рукахъ промышленниковъ въ предметъ большихъ выгодъ. Изъ нихъ добывался лактмусъ.



Santa-Crux de Teneriffe

Voyage autour du Monde.

Publié par Pourrat F. a Paris.

Во время реставраціи, англичане вывозили отсюда огромное количество этого продукта. Однако скоро англичане стали вывозить лактмусъ съ береговъ Анголы и нашли то же свойство въ лихенахъ Альпъ и Пиренеевъ. Поэтому, вывозъ ихъ съ Тенерифа совершенно прекратился. Тогда здѣсь начали разводить кошениль. Для этого сажаютъ обширныя рощи кактусовъ, на которыхъ живетъ пурпуровое насѣкомое. Съ виду кошениль кажется неподвижною точкой: это самка, у которой крыльевъ нѣтъ; она живетъ неподвижно на кактусѣ, въ твердый листъ котораго вонзаетъ свое сосальце. Самецъ съ крыльями; онъ летаетъ около самки, холитъ и кормитъ ее. Оплодотворенная самка превращается въ темный шарикъ. Это время для сбора; ее отдираютъ деревяннымъ ножомъ отъ листа и собираютъ въ сосудъ, который ставятъ въ постепенный жаръ, чтобы заморить животное. Отсюда и добывается карминъ. Натурально, при сборѣ всегда оставляютъ самокъ на заводъ. Но ошибется тотъ путешественникъ, который по окрестностямъ Санта-Круса будетъ судить о растительности острова. Чтобы видѣть природу Тенерифа, надо ѣхать въ Оратаву, на сѣверную сторону. Тамъ, въ Вилла-Франкѣ, среди богатыхъ виноградниковъ, въ виду величественнаго пика, растетъ знаменитое драконовое дерево, описанное нѣсколько разъ и получившее новый интересъ послѣ наблюденія Гумбольдта. Въ саду около Виллы-дель-Пуэрто, который развелъ Бертело (*), дѣлаютъ опыты акклиматизаціи растеній; тамъ уже воздѣлываются кофейное и коричневое дерево, бананъ, какао и проч.

Вечеромъ бродили по городу,—занятіе пустое съ виду, но очень дѣльное, можно даже сказать главное, для туриста. Не было форточки, въ которую не проглянула бы

(*) Чтобы жить постоянно на любезныхъ ему Канарскихъ островахъ, Бертело выхлопоталъ себѣ мѣсто французскаго консула въ Санта-Крусѣ.

красивая головка. Зашли и въ церковь: это былъ полуразрушившійся монастырь, откуда монахи были выгнаны послѣ послѣдней испанской революціи. Церковь была убрана довольно красиво; нѣсколько картинъ старой испанской школы чернѣлись въ закопченныхъ рамахъ, въ тѣни нишъ; общее было мрачно. Когда мы бродили подъ каменными тяжелыми сводами собора, явились какіе-то оборванные мальчишки, зажгли свѣчи и пошли намъ показывать галлерею святыхъ, которые были сдѣланы на подобіе куколъ изъ дерева и одѣты въ платье; были и мадонны и старцы, спрятанные въ нишахъ; около нихъ блестѣло золото, вились какіе-то ленты и лоскутки, стояли свѣчи, украшенныя фольгой, и проч.

На другой день, день нашего Рождества, послѣ молитвы на клиперѣ, который расцвѣтился флагами, мы съ капитаномъ отправились съ офиціяльными визитами. Г. Бертело былъ такъ любезенъ, что самъ пошелъ съ нами; къ счастію, мы никого не застали дома, проходивъ часа три по страшной жарѣ. Обѣдали въ этотъ день на яхтѣ у Вильямса, который еще наканунѣ пріѣзжалъ звать насъ. Позавидовалъ я этому Вильямсу!.. Лѣто онъ проводитъ въ Англіи, осень и зиму — гдѣ вздумается. Послушная яхта несетъ его изъ порта въ портъ, гдѣ онъ, по своему усмотрѣнію, располагаетъ своими фантазіями. Живетъ онъ такъ, какъ умѣетъ жить богатый англичанинъ. Всѣ условія комфорта соблюдены до мелочи. За обѣдомъ, какъ хозяинъ, онъ былъ любезенъ безъ приторности, какъ только бываетъ любезенъ англичанинъ, когда захочетъ. Между прочимъ я спросилъ его, отчего онъ не идетъ съ нами на острова Зеленаго мыса? «Оттого, что моя кухня слишкомъ близка къ моей каютѣ!» Не правда ли, какой англійскій отвѣтъ? Отъ кухни будетъ жарко, къ чему же стѣснять себя?.. Съ нимъ путешествуетъ, какъ онъ называетъ его, другъ; такую типическую физіономію мнѣ рѣдко слу-

чалось встрѣтить: человѣкъ ростбифа, пломпуддинга, портера и проч., человѣкъ, котораго всѣ способности направлены только на то, чтобъ ему было покойнѣе, теплѣе и сытнѣе. Весь обѣдъ онъ велъ рѣчь, страшно растягивалъ фразы о блюдахъ, о рыбѣ, супѣ, жареномъ, тихо, методически-серіозно, и вдругъ спросилъ меня, не знаю ли я какого-нибудь средства противъ толстоты?

Вечеромъ мы были въ маскарадѣ. Съ начала вечера мы собрались у г. Бертело, котлрый живетъ прекрасно. Во всѣхъ его комнатахъ видны принадлежности ученаго; здѣсь лежали какіе-то фоліанты, тамъ, подъ стекляннымъ колпакомъ, была рельефная карта Канарскихъ острововъ, сдѣланная имъ самимъ. Онъ уже давно живетъ здѣсь; въ воспоминаніяхъ его всѣ знаменитости, какъ путешественники, такъ и ученые, играютъ интересную роль. У него жилъ Гумбольдтъ, подарилъ ему свой портретъ и гравированный рисунокъ тропическаго лѣса, составленный по указаніямъ поэта-ученаго, — одна изъ великолѣпнѣйшихъ картинъ природы. На портретѣ Гумбольдтъ изображенъ занимающимся въ своемъ кабинетѣ, въ Берлинѣ; онъ пишетъ вторую часть *Космоса*; карта міра виситъ на стѣнѣ; около рабочаго стола фоліанты, картоны съ разными коллекціями, и проч. Бертело повелъ насъ въ маскарадъ цѣлою толпой; на площади къ намъ присоединились офицеры только что пришедшаго изъ Шербурга парохода; мы встрѣтились какъ старые знакомые. Посыпались разспросы о шербургскихъ знакомыхъ: что M-lle Мишо, Монкруа и проч. Тенерифское общество раздѣляется на нѣсколько кружковъ, изъ которыхъ каждый носитъ свое названіе: Аврора, Возрожденіе и т. д. Въ этотъ вечеръ Аврора давала балъ. Надо было сначала войдти во внутренній дворъ, огороженный четырьмя стѣнами дома; по стѣнамъ лѣпились веранды и балконы; однако запахъ двора не напоминалъ бальной атмосферы. Дамъ еще не было, здѣсь такой же

обычай, какъ, напримѣръ, въ Орлѣ: чѣмъ позднѣе явиться на балъ, тѣмъ лучше. Мужская публика была очень разнообразна: сапожники—не сапожники, портные—не портные; кто въ пальто, кто въ жакеткѣ, а одинъ просто въ нанковой курткѣ; а мы явились въ полной парадной формѣ, перчатки Jouvain, и пр.; наконецъ, появились и дамы, въ домино и маскахъ. Маски были большею частію картонныя, разрисованныя, въ родѣ тѣхъ, которыя у насъ надѣваютъ во время святокъ дворовые, потѣшая своихъ господъ. Домино были всѣхъ цвѣтовъ, у иныхъ были просто платки на головѣ, точно у нашихъ мѣщанокъ; другая сшила себѣ костюмъ изъ разноцвѣтныхъ фуляровъ, взятыхъ, вѣроятно, у мужа. Много было костюмированныхъ монашенками, — странный костюмъ для маскарада. Толпа все больше пестрѣла, становилось душно и тѣсно; отовсюду раздавался звукъ гармоническаго испанскаго языка; дамы, интригуя, старались поддѣлываться подъ чужой голосъ, кричали и пищали. Но какіе глаза глядѣли изъ за-старыхъ, истасканныхъ масокъ! Глаза эти какъ-то вырѣзывались наружу, блестѣли и жгли. Въ разноцвѣтной толпѣ, долго блуждая испытующимъ взглядомъ, остановился я на одной фигуркѣ, одѣтой швейцаркой, которая подъ конецъ вечера сняла маску. Помнится, никогда не случалось мнѣ видѣть подобной красавицы. Ей было, тропическихъ, лѣтъ четырнадцать; глаза черные, рѣзко-окаймленные длинными рѣсницами, глаза уже безъ выраженія *дѣтства*; они могли отразить въ себѣ цѣлый міръ впечатлѣній; глаза пылающіе, дышащіе, говорящіе... Тоненькій, едва заостренный носикъ, цвѣтъ лица матовый, съ самымъ очаровательнымъ румянцемъ! прелестный ротъ то змѣился улыбкой, то складывался съ выраженіемъ легкой думы и затаенной страсти. Я узналъ, что ее зовутъ Изабелитой, что ей дѣйствительно четырнадцать лѣтъ, и что она на будущей недѣлѣ выходитъ замужъ... Показали мнѣ

и жениха ея, рябенькаго какого-то молодаго человѣка. Такъ какъ я не тацовалъ, то избралъ себѣ занятіемъ слѣдить за хорошенькою Изабелитой. Занятіе дѣльное: красота, въ чемъ бы она ни проявлялась, возвышаетъ душу, облагороживаетъ стремленіе, отрезвляетъ умъ, а впрочемъ, иногда и отнимаетъ, смотря по тому, съ какимъ чувствомъ смотришь на нее. Сегодня я упивался красотой Изабелиты, на другой день съ тѣмъ же восторгомъ и благоговѣніемъ смотрѣлъ на тенерифскій пикъ, какъ онъ, по мѣрѣ нашего удаленія отъ острова, возвышалъ свою снѣговую вершину изъ среды горныхъ высотъ, выступавшихъ впереди его. Картина была величественная. Частности ландшафта все больше и больше сливались въ одну общую группу. Длинныя, продолговатыя облака пересѣкали островъ на двѣ половины; къ небу стремился снѣговой пикъ въ видѣ купола византійскаго храма; на его серебристыхъ выпуклостяхъ виднѣлись, стремясь къ высшей его точкѣ, темнѣющіе овраги и трещины, переливавшіеся изъ розово-фіолетоваго въ голубой тонъ; вмѣсто карниза купола, выдавались впередъ разноцвѣтныя вулканическія скалы; облака, висѣвшія на плечахъ исполина, казались таинственною завѣсой. Этотъ храмъ природы спускался къ основанію множествомъ горъ, неровностей, холмовъ, долинъ и скалистыхъ береговъ. Картина подернулась голубымъ туманомъ отдаленія; не было ни одной рѣзкой тѣни, ни одной яркой черты въ общемъ гармоническомъ тонѣ; только одна рѣзкая черта окаймляла островъ: темное, шумящее море, спорящее своею вѣчною красотой съ гордо поднявшимся изъ его же нѣдръ великаномъ.

Рейдъ въ Санта-Крусѣ такъ же неудобенъ, какъ и въ Фунчалѣ. За два дня до нашего прихода, разбилось судно въ дребезги на самомъ рейдѣ, у большой батареи. Два укрѣпленные мола, Paso Alto и San Juan, защищаютъ рейдъ.

Когда-то они дѣйствовали, отражали три штурма Нельсона, во время которыхъ знаменитый адмиралъ потерялъ глазъ.

Вся торговля Тенерифа сосредоточилась въ Санта-Крусѣ. Предметы вывоза — сода и вино; привозъ состоитъ изъ бумажныхъ матерій, сукна и прочихъ европейскихъ издѣлій, которыми снабжаютъ островъ почти исключительно англичане. Замѣчу для охотниковъ, что въ Санта-Крусѣ можно достать прекрасныхъ гаванскихъ сигаръ. Между Санта-Крусомъ и Марселью есть постоянное пароходное сообщеніе.

Сѣверовосточный вѣтеръ не переставалъ дуть; мы летѣли отъ Тенерифа съ какою-то судорожною быстротой, и на четвертыя сутки уже приближались къ архипелагу Зеленаго мыса. Болѣе 900 миль въ четверо сутокъ—быстрота, съ какою рѣдко удается ходить. Лагъ показывалъ 11, 12, а иногда и 13 узловъ въ часъ. Несмотря на то, что мы были уже въ тропикахъ, нельзя было сказать, что жарко; термометръ показывалъ 17°, какъ въ воздухѣ, такъ и въ водѣ. Однѣ летучія рыбы напоминали близкія къ экватору широты. Иногда онѣ падали на палубу и, обезсиленныя или испуганныя, бились въ напрасныхъ усиліяхъ и попадались въ руки матросамъ, для которыхъ были великою новостью, забавою и источникомъ разныхъ каламбуровъ.

Пріятно летѣть 12 узловъ въ часъ, подъ всѣми парусами; особенно пріятно это ощущеніе ночью. Давимое массою надутыхъ парусовъ, судно какъ-будто трещитъ, смѣло разсѣкаетъ своею заостренною грудью поднимающуюся горами океанскую зыбь; матовая, серебристая пѣна, блестя миріадами свѣтящихся огнемъ инфузорій, клокочетъ у боковъ его, бороздясь сзади кормы широкою, шипящею, блистающею дорогой.

Изъ всѣхъ воспоминаній, которыя остаются въ памяти моряка, ничто, говорятъ, такъ не запечатлѣевается на душѣ какъ эта картина. Она проста; ея элементы всегда одни и тѣ же: то же море, которое морякъ привыкъ видѣть, въ атмосферѣ котораго окрѣпла его грудь; то же судно, которое онъ знаетъ наизусть, отъ киля до клотика; та же пѣна валовъ, вѣчно серебряная, вѣчно клокочущая. Чтó же такого въ этой картинѣ? отчего переживаетъ она всѣ другія морскія воспоминанія, болѣе рѣзкія и, кажется, болѣе живыя?.. И грозные ураганы, и томительные штили, и виды роскошной тропической растительности, и ужасы крушенія — все это забывается, блѣднѣетъ въ памяти; но картина пѣнящагося моря, несущаго на волнахъ своихъ родное судно, остается вѣчно свѣжа и присуща воображенію. 29 декабря, въ синемъ туманѣ, стали вырѣзываться, какъ тѣни, справа островъ Св. Николая, слѣва Salt Island, Bonavista. Мы на ночь легли въ дрейфъ, а 30 декабря, утромъ, держали на высокій пикъ Св. Антонія, на островъ Сан-Яго; влѣвѣ виднѣлся островокъ Маіо (Mayo). Берегъ, бѣжавшій отъ насъ, съ нагроможденными на немъ скалами, подернутъ былъ туманомъ, можетъ быть, тою характеристическою пылью, на которую указалъ Дарвинъ, и которая, по открытіямъ Эренберга, заключаетъ въ себѣ несчетное количество кремнеземно-панцырныхъ инфузорій... Потокъ воздуха, порожденный тепломъ африканскаго берега, уноситъ съ собою, на большое пространство, даже твердыя вещества, распавшіяся въ тонкую пыль. Эти туманы носятъ въ себѣ міазмы заразительныхъ лихорадокъ и другихъ эпидемическихъ болѣзней.

Скоро мы нашли бухту, въ глубинѣ которой, на возвышеніи, расположенъ городъ. На рейдѣ Порто-Прая стояло нѣсколько судовъ, между которыми былъ американскій фрегатъ подъ адмиральскимъ флагомъ, стоявшій здѣсь на станціи, для наблюденія за торговлею неграми; далѣе

стоялъ и нашъ корветъ *Новикъ* и два клипера *Джигитъ* и *Стрѣлокъ*. Другіе корветы нашей эскадры были еще въ Брестѣ.

Выѣхавшій изъ города чиновникъ, опросивъ насъ, объявилъ, что мы должны выдержать двухдневный карантинъ. Это было для насъ неожиданною непріятностію; но нечего дѣлать, подняли желтый флагъ и стали разсматривать, ради утѣшенія, окружавшій насъ ландшафтъ. Рейдъ довольно закрытъ; берега пустынны и скалисты; городъ снаружи смотритъ уѣзднымъ городомъ; только зеленѣвшая у подошвы его пальмовая роща напоминала, что здѣсь не Усть-Сысольскъ, а Африка. За городомъ поднимались горы, большею частію стоящія отдѣльными пиками, принимающія различные оттѣнки, смотря по тому, какъ на нихъ падало солнце, и на сколько они удалялись отъ насъ. Вообще видъ былъ какъ-то сухъ; чувствовалась близость Африки, съ ея камнями, песками и душнымъ воздухомъ. Можетъ быть, дурное расположеніе духа много портило впечатлѣніе картины.

Новый годъ мы встрѣтили шумно и весело; къ намъ пробрались «во мракѣ ночи» сосѣди, джигитскіе офицеры. На другой день снова поставили паруса, и снова, подхваченные пассатомъ, летѣли до тѣхъ поръ, пока вѣтеръ не сталъ постепенно ослабѣвать и стихать; онъ часто перемѣнялся, былъ то слѣва, то справа, наконецъ совсѣмъ отказался отъ насъ, и мы заштилѣли въ 8° сѣв. шир. самымъ положительнымъ образомъ. Развели пары и шли около сутокъ. Потомъ пользовались малѣйшимъ вѣтеркомъ, налетавшимъ Богъ вѣсть откуда. Тропическіе жары начинали вступать въ свои права. Воздухъ становился удушливъ, хотя термометръ еще не показывалъ больше 23°; но та же температура была и въ водѣ, такъ что обливанья (единственный способъ купанья) не приносили никакой пользы. Въ каютахъ днемъ почти не было возмож-

ности сидѣть; тѣло истомлялось, и чувствовалась цѣлый день какая-то болѣзненная усталость, съ слабостію въ ногахъ и дурнымъ вкусомъ во рту. По временамъ набѣгутъ тучи, заблеститъ молнія, прогремитъ громъ; но, несмотря на это, духота все та же.

Внѣшнихъ развлеченій было мало. Море въ штиль однообразно; иногда изъ гладкой его поверхности вырвется летучая рыба и, блестя на солнцѣ своими лазоревыми крылышками, быстро пролетитъ въ сторону, и снова юркнетъ въ бездонную пропасть, иногда проскользнетъ моллюскъ съ своимъ парусомъ. Скучно, какъ бывало въ степи лѣтомъ, въ знойный день. Наблюдаешь природу, то-есть море и небо; въ тѣни у корабля море принимаетъ такой яркій голубой цвѣтъ, какой случается, да и то рѣдко, видѣть на прозрачныхъ дорогихъ камняхъ. Вечеромъ солнце, опускаясь въ туманъ, покрывающій постоянно горизонтъ, теряетъ свои лучи и виситъ огненнымъ, горящимъ шаромъ; туманъ, темный, непрозрачный внизу, переходя въ темно-лиловый цвѣтъ, постепенно алѣетъ и розовѣетъ, переливаясь въ голубоватую лазурь небосклона; въ этотъ моментъ, показавшіяся звѣзды блестятъ и сіяютъ, какъ брилліанты. Молодая луна, матовая, серебряная, становится все ярче и ярче при медленномъ потуханіи солнца; созвѣздія обозначаются яснѣе; наступаетъ ночь, теплая и душная какъ день; однако ночью всѣ какъ-то больше оживляются. Днемъ, если нѣтъ работы, матросы прячутся по угламъ, отыскивая себѣ прохлады и тѣни; а ночью слышится часто бубенъ, по кожѣ котораго водитъ пальцемъ виртуозъ Михайловъ, производя подобіе звука смычка, то выводя продолжительныя ноты, то кончая нѣсколькими отрывистыми ударами, сопровождаемыми сотрясеніемъ бубенчиковъ; собираются пѣсельники, тянутъ: «Плакала-рыдала, русою косой слезы утирала», и всѣ эти мотивы и звуки переносятъ далеко, далеко... Но вотъ угомонились

и матросы и пѣсельники; тишина прерывается хлопаньемъ обезвѣтренныхъ парусовъ и скрипомъ снастей, изъ которыхъ каждая, кажется, говоритъ своимъ, собственно ей принадлежащимъ голосомъ: звукъ одной напоминаетъ зловѣщій крикъ филина, другая вдругъ зазвучитъ какъ басовая струна, и этотъ дребезжащій, густой звукъ бываетъ очень эффектенъ въ общемъ аккордѣ. Эти «дорожные» наши звуки ночи какъ-то особенно настраиваютъ душу когда къ нимъ прислушиваешься. По временамъ команда вахтеннаго офицера и бой склянокъ нарушаютъ тишину. Выглянешь за бортъ, тамъ стаи рыбъ, блестя на поверхности воды свѣтящимися полосами, перегоняютъ другъ друга, какъ-будто хотятъ опередить насъ.

Такъ однообразный жаркій день смѣнялся такимъ же другимъ. Иногда налетитъ шквалъ, сразу зальетъ страшною массой дождя, прогремитъ, проблеститъ и уйдетъ дальше; закрываютъ шпигаты, чтобы набрать на палубѣ воды, команда располагается мыть бѣлье; кто самъ раздѣнется и, вмѣстѣ съ рубашками и буршлатами, моетъ и свое грѣшное тѣло.

Разъ замѣтили акулу и сейчасъ бросили ей кусокъ солонины; она съ жадностію проглотила его и продолжала плыть за кормой. Бросили удочку съ солониной, и скоро опять показалось въ водѣ зеленоватое слизистое чудовище; акула подплыла, перевернулась брюхомъ кверху и схватила удочку. Но не давъ ей хорошенько проглотить куска, нетерпѣливый ловецъ дернулъ за бичовку; голова чудовища, коричнево-зеленоватая, высунулась изъ воды (сердце у многихъ замерло!) и къ крайней досадѣ нашей скрылась. Послѣ, сколько мы ни забрасывали удочки съ лакомыми кусками, акула подплывала, вертѣлась около удочки, но схватить не рѣшалась. Наконецъ она совсѣмъ пропала. Въ эту же ночь (это было 13 января) мы были свидѣтелями одной изъ самыхъ великолѣпныхъ, самыхъ волшеб-

ныхъ картинъ природы. Небо было чисто. Луна сіяла. Изъ-подъ клипера, съ двухъ его сторонъ, густыми потоками начало вырываться блестящее голубое пламя, какъ-будто бы мы плыли по огненному морю; глазамъ было больно смотрѣть на этотъ блескъ. Море сіяло не блестками, не звѣздами, но цѣлыми сплошными массами, которыя то распространялись обширными полукружіями, по мѣрѣ движенія широкой, густой волны, то извивались зелеными огненными змѣями, мельчая съ отдаленіемъ и превращаясь въ пятна, въ точки, въ звѣзды. Глазъ, отведанный отъ этого блеска, еще долго видѣлъ все—и небо, и луну, и ея отраженіе, въ тепломъ, красноватомъ освѣщеніи; а клиперъ, его борты и снасти, казались зелеными, какъ-будто освѣщенные бенгальскимъ огнемъ, какъ это бываетъ въ балетахъ. Желалъ бы я видѣть эту картину, написанную хорошимъ пейзажистомъ.

Картина эта поразительна; но еще болѣе значенія получаетъ она, если вы, съ помощію науки и мысли, рѣшитесь далѣе проникнуть въ этотъ свѣтоносный міръ, кишащій безчисленнымъ количествомъ живыхъ организмовъ, которыхъ здѣсь несравненно больше, нежели въ самомъ непроходимомъ тропическомъ лѣсу. Превратитесь на нѣсколько времени въ гофмановскаго Швамердамуса, и вы увидите миріады разнообразныхъ инфузорій, вмѣстѣ съ разрушенными остатками органическихъ волоконъ, плавающихъ въ водѣ: дрожалки, панцырныя монады, коловратки, акалефы различныхъ формъ и величины, безконечно малыя, доходящія до $^1/_{3000}$ линіи въ своихъ измѣреніяхъ; отдѣленіе ихъ свѣтящейся жидкости есть слѣдствіе разряженія электричества. Чтобы провести сквозь водяной слой свой свѣтъ, онѣ должны подвергать свои свѣтящіеся органы сильному электрическому напряженію. Въ нихъ происходитъ тотъ же процессъ, какъ въ облакахъ, издающихъ громъ, или какъ въ сѣверномъ сіяніи, то-есть внѣш-

нее раздраженіе заставляетъ ихъ свѣтиться. Свѣтовозбудительный толчокъ особенно чувствителенъ при взволнованномъ морѣ (mer clapoteuse), когда волны сшибаются съ противоположныхъ направленій.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ животныхъ нашли строеніе (студенисто-крупно-клѣтчатое), весьма сходное съ электрическимъ органомъ гимнотовъ и скатовъ. Посмотрите, вотъ маленькое животное, называемое *Photocaris*; у него есть усики; раздражите его, и на каждомъ усикѣ зажжется искорка, которая, постепенно усиливаясь, освѣщаетъ и весь усикъ; наконецъ, живой огонь пробѣгаетъ по спинѣ, и весь онъ превращается въ горящую зеленовато-желтымъ огнемъ нить. У другаго усики расположены иначе, и свѣтъ появляется огненнымъ вѣнчикомъ, и этотъ вѣнчикъ— жизненный актъ, проявляющійся у инфузоріи на мгновеніе искрой, но повторяющійся послѣ краткаго отдохновенія.

Сильное свѣченіе моря зависитъ отъ плесканія части его, болѣе наполненной студенистыми моллюсками; а можетъ быть и отъ того, что это населеніе всплываетъ наверхъ при извѣстномъ состояніи атмосферы, какъ напримѣръ передъ грозою.

На другой день, ночью, была новая картина. Отдаленный шумъ моря и наступающія со всѣхъ сторонъ тучи, какъ непріятельскія арміи, возвѣщаютъ о шквалѣ. Клиперъ, уже опытный боецъ, приготовляется къ защитѣ; крѣпятся паруса, отдаются фалы. Горизонтъ все темнѣетъ и темнѣетъ; море плещетъ зловѣщими волнами съ огненно-бѣлесоватыми «зайчиками». Шумъ вѣтра и волнъ, хлопанье парусовъ, крикъ команды — все это сливается въ общую дикую гармонію. Наконецъ шквалъ разрѣшается сильнымъ дождемъ, и каждая его капля высѣкаетъ изъ поверхности моря, какъ огниво изъ кремня, огненныя искры. Море кажется животрепещущимъ небомъ, усѣяннымъ миріадами сильно блистающихъ звѣздъ.

19-го января доползли мы наконецъ до экватора. Переходъ отпраздновали какъ слѣдуетъ. Какъ нарочно, было воскресенье. Всѣ флаги пошли на костюмы; около дымовой трубы былъ устроенъ тронъ, драпированный красными вымпелями. Въ четыре часа, при звукѣ барабана, бубна и гармоники, вызвавшемъ всѣхъ наверхъ, изъ кубрика потянулось шествіе. Тутъ былъ и негръ, совершенно голый, вымазавшійся сажей, съ красною перевязью; былъ и турокъ, и русскій мужикъ съ медвѣдемъ, который кувыркался и дѣлалъ разныя штуки подъ монотонный крикъ вожака; были и воины, и какой-то фантастическій поваръ съ чумичками и рѣшетами; наконецъ самъ Нептунъ, роль котораго исполнялъ первый балагуръ клипера Худобинъ, и супруга его—кочегаръ Васька. При самой дикой музыкѣ, обошла эта процессія весь клиперъ; наконецъ, Нептунъ усѣлся на тронъ, и вся пестрая свита окружила его. Сначала подводятъ къ нему капитана, который платитъ только за клиперъ, потому что онъ уже переходилъ экваторъ; офицеры отплачиваются деньгами, которыя собираются на особенномъ подносѣ. Всѣ клянутся никогда не волочиться за законною женой моряка. Началась настоящая комедія, когда очередь дошла до матросовъ. На нѣкоторыхъ особенно изливалось нерасположеніе морскаго бога. Ударъ изъ помпы — нешуточная вещь. Поплатились тутъ такъ-называемые чиновники, баталеръ, писаря и проч., народъ, котораго матросы обыкновенно не жалуютъ. Паціента держатъ человѣкъ шесть, и, несмотря ни на какія его усилія, воду непремѣнно направятъ прямо въ лицо и заставятъ порядочно наглотаться соленой воды. Окончили, конечно, самимъ Нептуномъ и его супругой, которые выдерживали роль свою съ остроуміемъ и находчивостью; имъ досталось чуть ли не больше всѣхъ. День кончился пѣснями и лишнею чаркой водки. Съ экваторомъ кончились томительные штили, и спалъ жаръ. Скоро мы почувствовали юго-

восточный пассатъ, который и подгонялъ насъ узла по 3 и по 4 въ часъ. Мы держались бейдевиндъ. Небо прочищалось рѣдко, только по ночамъ, когда всходила луна; но и тогда цѣлыя гряды облаковъ, однѣ подъ другими, пробѣгали съ юга на сѣверъ, держась больше восточной стороны. Луна, пробирающаяся сзади ихъ, озаряетъ ихъ полупрозрачныя массы своимъ фантастическимъ свѣтомъ; падучія звѣзды оставляютъ за собою длинный огненный путь. Новыя для насъ созвѣздія: Центавра, Корабля и Южнаго Креста, каждое съ своимъ особымъ блескомъ. Море почти не свѣтится; кое-когда блеснетъ искра. Чаще стали попадаться птицы; дельфины стадами проходили около насъ, какъ арміи, тянулись, тянулись, и конца имъ не было; иногда у поверхности моря брызнетъ вырвавшійся наружу хвостъ, и отъ наступательнаго движенія всей этой массы рыбъ дѣлается зыбь въ томъ направленіи, куда идутъ онѣ.

Наконецъ, 25 января, увидали островъ Вознесенія. Къ намъ на клиперъ пріѣхали два англичанина, одинъ рыжій и съ необыкновенно-надутою физіономіей. Подъ мышкой онъ несъ съ приличною важностію огромный пакетъ изъ холстины, гдѣ лежали бумаги для записыванія тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ намѣревался отобрать отъ насъ.

Островъ смотрѣлъ на насъ голыми *пиками*, дальними возвышеніями, а слѣва болѣе отлогимъ берегомъ, состоявшимъ изъ набросанныхъ камней и лавы. Нигдѣ ни признака зелени; одна только высокая гора, стоящая посрединѣ острова, какъ-будто нѣсколько зеленѣла своими склонами, почему, вѣроятно, она и названа Зеленою горой (Green Mountain). Впереди ея стоятъ нѣсколько пирамидъ темно-краснаго, сплошнаго цвѣта, точно пережженный кирпичъ. Между горъ видны трещины, канавы, овраги; нѣкоторыя углубленія подернуты были сверху испареніями, которыя, лѣниво разстилаясь, скрывали рѣзкости выдававшихся камней. Вездѣ скалы, камни; островъ показался

Овъ Вознесеніе

намъ такимъ негостепріимнымъ. Городокъ его, или, правильнѣе, колонія Джорджъ-Таунъ состоитъ изъ нѣсколькихъ казенныхъ форменныхъ строеній: казармъ, пакгауза и крѣпости, которыя столпились на берегу неглубокой бухты. Песчаная отмель, рѣзко отличающаяся своимъ свѣтло-палевымъ цвѣтомъ отъ темныхъ скалъ и красно-бурыхъ пиковъ, окаймляетъ бухту. Надъ городомъ поднимается конусообразная масса темнокирпичнаго цвѣта, образуя довольно большую возвышенность, на вершинѣ которой построенъ телеграфъ.

Островъ заселенъ въ 1815 году; здѣсь станція для англійскихъ судовъ, идущихъ изъ Индіи.

На другой день мы, конечно, отправились на берегъ, посмотрѣть на камни, походить по песку. Пристань устроена, по мѣстности, довольно удобно, хотя это еще не значитъ, чтобы можно было во всякую погоду пристать здѣсь. Здѣсь разбить шлюпку о камни, говорятъ, такъ же возможно, какъ наѣсться, садясь обѣдать. Въ скалѣ высѣчены ступеньки; часовой бросаетъ сверху конецъ, и съ помощію его, двухъ крюковъ и счастливаго случая, можно вскочить на ступеньку и быть довольну, что прибой волны не выкупалъ съ ногъ до головы. Едва мы поднялись на эти ступеньки, какъ горячій воздухъ пахнулъ на насъ будто изъ печки; нога тонула въ пескѣ, ни одной травки, ни признака растительности, какъ-будто люди поселились здѣсь внутри огромной печки, въ которой прогорѣли дрова и сгребенный въ пирамидальныя кучи пепелъ очистилъ гладкое дно, гдѣ можно поставить и пирогъ, и горшокъ со щами. На пристани устроенъ кранъ; тутъ же въ большихъ грудахъ, уложенный въ порядкѣ кирпичъ къ кирпичу, находился каменный уголь, пыль отъ котораго разносилась далеко. Печальный островъ!

Кромѣ казенныхъ строеній, въ колоніи есть церковь, нѣсколько домиковъ и, главное, резервуаръ для воды, въ

которой на Вознесеніи большой недостатокъ. Единственный источникъ, сбѣгающій съ Зеленой горы, проведенъ водопроводомъ въ большую систерну, и ключъ отъ нея находится у губернатора. Всѣ жители острова постоянно на водяной порціи; каждый получаетъ пять галлоновъ въ день на всѣ потребности, на приготовленіе пищи, стирку бѣлья, умываніе и питье. Кромѣ этого, изъ каждой водосточной трубы дождевая вода течетъ въ небольшіе резервуары, точно такъ же запертые.

Зеленая гора оказалась дѣйствительно зеленою; на ней разводятъ огороды, есть небольшой садикъ и госпиталь. Климатъ Вознесенія считается не только здоровымъ, но и цѣлительнымъ. На Зеленую гору мы не попали, потому что всѣ лошади острова (а ихъ небольше десятка) были заняты, а идти пѣшкомъ шестнадцать миль по здѣшнимъ пескамъ, почти подъ вертикально-падающими лучами солнца, мы не рѣшились.

На улицѣ мы не встрѣтили ни души; можетъ быть потому, что было воскресенье, день, который англичанинъ любитъ проводить дома. Въ сторонѣ отъ офиціяльныхъ зданій лѣпились лачужки; около нихъ бродили козы, утки и куры. Здѣсь почти каждое зданіе обнесено каменною галлереей, такъ что солнце никогда не заглядываетъ внутрь комнатъ; всѣ окна и двери настежь. Около одного домика, на внѣшней галлереѣ, были разставлены въ горшкахъ цвѣты, единственная зелень, видѣнная мною вблизи на островѣ. И вдругъ, на этомъ балконѣ, показалась молодая дама въ голубенькомъ холстинковомъ пеньюарѣ, и скоро скрылась. Это была тоже единственная дама на островѣ, и еслибъ она не была женой г. Эліота, капитана сухопутныхъ силъ Вознесенія, то я имѣлъ бы полное право сказать:

«Я видѣлъ дѣву на скалѣ!»

Два англичанина, наши вчерашніе посѣтители, завидѣвъ насъ изъ своего тѣнистаго убѣжища, ходящихъ и ищущихъ впечатлѣній въ этой пустынѣ, выскочили на балконъ и пригласили насъ къ себѣ. Обрадованные, что нашли хоть что-нибудь, за что̀ можно было ухватиться, мы вошли и раскланялись, какъ можно любезнѣе. Вчерашній рыжій господинъ оказался докторомъ, почему мы съ нимъ уже не разлучались во все время пребыванія нашего на островѣ; другой былъ черноволосый, длинноногій и съ ужаснымъ количествомъ зубовъ; какъ съ ногами, такъ и съ зубами онъ не зналъ куда дѣваться. Послѣ нѣсколькихъ фразъ, многозначительныхъ: «Yes, sir!» они повели насъ осматривать городъ, и во-первыхъ, какъ истые англичане, то-есть *спортсмены*, показали намъ конюшню. Она была устроена изъ тонкой драни, сквозь щели которой постоянно продувалъ вѣтеръ. Въ конюшнѣ осмотрѣны были два осла, три клячи старыя, да «два иль три козла» (буквально! при подобныхъ описаніяхъ, я знаю, надо быть точнымъ). Изъ конюшни мы пошли улицею, между маленькихъ домиковъ, въ которыхъ живутъ женатые солдаты; у дверей нѣкоторыхъ изъ нихъ стояли толстогубыя негритянки и скалили бѣлые зубы при видѣ насъ. Эта часть колоніи напомнила мнѣ тѣ скоро-выростающія деревеньки, которыя извѣстны въ нашихъ странахъ подъ разными именами: службъ, поселковъ, выселковъ, слободокъ и проч., и густо населены семействами дворни съ ихъ телятами, поросятами и разною домашнею птицей. Наконецъ, подошли мы къ двумъ большимъ резервуарамъ, у самаго моря, отгороженнымъ стѣнками изъ набросанныхъ каменьевъ. Въ этихъ резервуарахъ знаменитыя вознесенскія черепахи высиживаютъ яйца, которыя онѣ кладутъ въ большомъ количествѣ на здѣшнихъ песчаныхъ берегахъ. Черепахъ двадцать ворочалось автоматически въ водѣ; нѣкоторыя были больше двухъ аршинъ длины. По близь-набросаннымъ камнямъ

миріады крабовъ ползали, бѣгали и пригрѣвались на солнцѣ. Черепахами мы и окончили прогулку, и, простившись съ любезными чичероне, вернулись на клиперъ. Прогулка на другой день была оживленнѣе. На улицѣ попадались негры; одна изъ лошадей, видѣнная нами вчера, какъ рѣдкость, тащила что-то въ гору, на склонѣ которой бѣлѣлся домъ губернатора, а двѣ дороги къ нему, обозначаясь бѣлыми столбиками, опоясывали горизонтально красно-кирпичное конусообразное возвышеніе. Какой-то мальчикъ велъ за руку бѣлокураго ребенка, лѣтъ трехъ, а другою рукой тащилъ на длинной веревкѣ маленькую обезьянку, за которою, заигрывая съ нею, бѣжала рыжая собачонка. Магазинъ, въ которомъ можно было достать все необходимое для жизни, былъ открытъ. Мы зашли туда за нѣкоторыми покупками; все было очень хорошо и по тѣмъ же цѣнамъ, какъ въ Англіи.

На клиперѣ грузили въ то время уголь. По вечерамъ матросы ловили рыбу, изъ которой рѣдкую можно было ѣсть. По странному повѣрью, рыба, пойманная по близости судна, заподозривается въ глоданіи мѣдной обшивки и потому считается ядовитою. Рыба была очень разнообразна и красива. Одна, широкая и плоская, какъ лещъ, съ маленькимъ круглымъ ртомъ, усѣяннымъ острыми зубами, горѣла сине-огненными и желтоватыми полосами, бороздившими ея блистающее чешуйчатое тѣло; другая въ ярко-красныхъ пятнахъ, длинная, съ большою головой и широкими жабрами; третья—вся сіяла серебромъ и золотомъ. Нѣсколько матросовъ, изъ извѣстныхъ охотниковъ, отпущены были на катерѣ въ море на рыбную ловлю. Возвратившись, они разсказывали, что два раза срывалась у нихъ огромная рыба, которую удочкой и вытащить нельзя было, что она сильно бьется и срывается, и надо на нее острогу! На другой день они взяли съ собою пику, и привезли молоденькую акулу, аршинъ двухъ длины.

Пріѣзжалъ къ намъ и губернаторъ острова, коммодоръ Сеймуръ, маленькій старичокъ, на тоненькихъ ножкахъ, съ багрово-краснымъ лицомъ и съ тоненькими, выразительными и очень граціозно-очерченными губами; на головѣ у него былъ родъ чепца, какой-то бѣлый чахолъ съ назатыльникомъ, собранный въ небольшія складки лентой. Интересно было бы составить коллекцію шляпъ и шапокъ, изобрѣтенныхъ и приноровленныхъ англійскимъ комфортомъ къ тропическимъ жарамъ. Всѣ онѣ очень удобны, о томъ и спору нѣтъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ придаютъ удивительно-оригинальную внѣшность господамъ, носящимъ ихъ. Форма этихъ шляпъ разнообразна до безконечности: есть шляпы въ видѣ военныхъ касокъ, съ вентиляторами, шляпы въ видѣ куличей, держащіяся на головѣ внутреннимъ механизмомъ и отстоящія отъ головы со всѣхъ сторонъ на вершокъ; наконецъ, эти чепцы съ назатыльниками, и проч.

Вслѣдъ за губернаторомъ вскочилъ къ намъ на шканцы черный, мохнатый сетеръ, и вѣроятно въ душѣ морякъ, потому что сейчасъ побѣжалъ обнюхивать всѣ углы клипера. Коммодоръ подвигался впередъ, мимо встрѣтившихъ его офицеровъ, медленнымъ шагомъ, едва двигая ножками, сгибая ихъ въ колѣнкахъ и поводя своею багровою головкой, какъ-будто осматриваясь.

На рейдѣ Джорджъ-тауна, закрытомъ отъ юго-восточнаго пассата островомъ, стоялъ двухдечный корабль на станціи; его якорь былъ завезенъ на берегъ. Команда и офицеры, перемѣняющіеся каждые три года, занимаютъ здѣсь всѣ береговыя должности. Постоянно на островѣ живетъ небольше двухъ сотъ человѣкъ. Такъ какъ островъ славится черепахами, то каждое англійское военное судно, возвращающееся въ свой родной Альбіонъ, обязано отвезти двухъ черепахъ въ подарокъ, одну, кажется, королевѣ, а другую — лорду адмиралтейства.

*

Тридцать два дня шли мы отъ Воснесенія до мыса Доброй Надежды. Это былъ послѣдній переходъ по Атлантическому океану. Сначала мы все шли бейдевиндъ, держась на юго-западъ, пока не встрѣтили западныхъ вѣтровъ. Это было около 30° южн. шир. Тогда мы повернули налѣво, то-есть взяли курсъ на востокъ, и шли, подгоняемые довольно свѣжими порывами.

Тридцать два дня жизни въ морѣ, жизни скучной, однообразной, какъ заведенные часы, какъ машина! Были развлеченія, но лучше бы, еслибы такихъ развлеченій совсѣмъ не было. Такъ напримѣръ, цѣлую ночь проворочаешься на постели; не спишь, потому что слишкомъ сильно качаетъ, и раздается скрипъ снастей и разсохнувшихся деревянныхъ переборокъ; тамъ хлопанье дверей, паденіе съ полокъ книгъ, капанье воды черезъ растрескавшуюся отъ тропическихъ жаровъ палубу; все это вмѣстѣ, вдругъ, какъ будто согласится не давать покоя. Между каютами начинаются разговоры; а общее горе какъ-то скорѣе утѣшаетъ: человѣкъ эгоистъ; и вотъ, общими силами, кое-какъ коротается безпокойная длинная ночь, а на другое утро эта же ночь служитъ источникомъ разговоровъ, анекдотовъ и остротъ, притупившихся отъ слишкомъ частаго употребленія. Всякій повѣряетъ свое горе, кто свалился съ койки, кто всю ночь провоевалъ съ капавшимъ настойчиво къ нему на носъ водопадомъ, кого напугалъ съ просонья показавшійся ему шумъ воды, и онъ вообразилъ, что у него течь въ каютѣ. Томительны эти безсонныя ночи! Методически, черезъ каждые полчаса, бьютъ отрывисто склянки; иногда вдругъ надъ головой раздастся частое топанье ногъ, точно шумъ пробѣжавшаго табуна лошадей; голосъ вахтеннаго, надрываясь, доходитъ до крикливыхъ, фистульныхъ нотъ; слышенъ шумъ и хлопанье убираемыхъ парусовъ, журчаніе за бортомъ воды, и опять шумъ и хлопанье, и порывы вѣтра;

все это выводитъ на нѣсколько мгновеній изъ летаргической апатіи; прислушиваешься и стараешься отгадать по нѣкоторымъ словамъ и звукамъ, въ чемъ дѣло, и, смутно догадываясь, снова успокоиваешься и стараешься или ни о чемъ не думать, или перенестись воображеніемъ куда-нибудь, гдѣ надъ рѣкой, извилисто протекающею по лугамъ, между кустарниковъ, возвышается рощей высокій берегъ, весь зеленый, убранный ольхой и ясенью, или березой и темнымъ развѣсистымъ дубомъ. На берегу, воображеніе старается провести разныя покатости и убитыя крѣпкимъ щебнемъ дорожки, убираетъ ихъ бархатомъ цвѣтниковъ, клумбами и мелкимъ кустарникомъ, который, разрастаясь, соединяется съ стариннымъ обширнымъ садомъ; тамъ, въ саду, длинныя, тѣнистыя аллеи, густо разросшіяся; тамъ рощи, куртины яблоней, грушъ и сочныхъ бергамотовъ. А вдали видны и села съ церквами, и мосты черезъ рѣчку, и мельницы, и господскіе домики съ ихъ усадьбами.

Но все не спится; свистокъ боцмана хочетъ настоять на своемъ; рулевой все изъ вѣтра выходитъ; голосъ штурманскаго офицера, сонный и хриплый, переходитъ въ наставительный тонъ, и становится удивительно кратокъ и выразителенъ.

Однако, какое дѣло мнѣ до того, что́ происходитъ наверху! Крѣпко натягиваю сползающее съ меня одѣяло, усиливаясь ни о чемъ не думать, и снова взволнованное воображеніе, во что́ бы то ни стало, хочетъ дорисовать и дополнить милую, никогда незабываемую картину.

У края сада возвышается бѣлый восокій домъ съ широкою террасой. Луна всплыла за рѣкой, и круглый ея отблескъ колеблется на поверхности воды. Деревья и кусты протянули отъ себя длинныя и прозрачныя тѣни. Въ воздухѣ свѣжо, крикъ какой-то птицы раздается изъ рощи. Длинныя окна дома свѣтятся огнями, видны ходя-

щія тѣни, раздаются разные звуки, то хоръ пѣсни, то звуки рояля, и все сливается въ общую гармонію, и съ тишиной ночи, и съ отблескомъ луны въ рѣкѣ, и съ огонькомъ, вспыхнувшимъ гдѣ-то далеко. Чтó это, сонъ или воспоминаніе?.. Если сонъ, то качка сдѣлала свое дѣло, убаюкала.

Но вотъ звуки слабѣютъ, гармоническій ритмъ ихъ переливается въ равномѣрный всплескъ воды, ударяющій въ бортъ; скрипъ расшатавшихся переборокъ все слышнѣе и слышнѣе; нельзя лежать: одѣяло опять упало и подушку хоть выжми, вся мокрая отъ протекшей черезъ палубу воды: видно «поддало»; въ ахтеръ-люкѣ что-то катается. Нѣтъ, плохая надежда на сонъ!

День идетъ своимъ чередомъ: обѣдъ, ужинъ, чай.

А промежутки наполняются у насъ, на клиперѣ, чтеніемъ, рисованіемъ, спорами, вѣчными разговорами объ одномъ и томъ же, прогулками по палубѣ и сидѣніемъ наверху по вечерамъ. Солнце, уходя отъ насъ, разрисовываетъ правильно зыблющуюся поверхность моря и набѣжавшія на небо облака, или розовымъ, или золотистымъ, или фіолетовымъ цвѣтомъ; команда, поужинавъ горохомъ съ масломъ и сухарями, собирается на бакѣ въ кучки, и однообразная пѣсня сливается съ звуками ударовъ волнъ въ борты и носъ клипера. Но вотъ, солнце садится въ тяжелыя, свинцовыя тучи, красный отблескъ его, какъ пожаръ, охватилъ полнеба; волнующееся море покраснѣло и побагровѣло. Будетъ погода; вѣтеръ дуетъ сильнѣе и сильнѣе; альбатросы цѣлыми стадами проносятся мимо, изрѣзывая по всѣмъ направленіямъ воздухъ; темныя «штормовки» снуютъ между брызжущими гребнями волнъ. Темнѣетъ; разорванныя тучи бѣгутъ, догоняя другъ друга. Очищенный клочокъ неба блеснетъ то созвѣздіемъ Южнаго Креста, то далекимъ Оріономъ; а вѣтеръ крѣпчаетъ. Судно какъ-будто кряхтитъ и стонетъ

отъ взмаховъ, паденій и переваловъ. На палубѣ, того и гляди, обдастъ съ головы до ногъ. Не до прогулки; надо идти внизъ, гдѣ, усѣвшись за зеленый диванъ, столько намъ знакомый, прислушиваешься къ эху того, что́ происходитъ наверху. Сперва, когда это было вновѣ, наверхъ такъ и тянетъ; и послѣ, иной разъ, не вытерпишь и простоишь ни съ того, ни съ сего, съ полчаса наверху, нечаянно увлекшись и бриллiантовою фосфоризацiей разбившейся въ мелкiя брызги волны, и мощiю надутаго паруса, и чудными формами разбросанныхъ по небу облаковъ, волнующихся и клубящихся, какъ густой дымъ, или вытянутыхъ въ продолговатыя линiи, пестрѣющихъ мелкими, разорванными, разбросанными клочками.

СЪ МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ.

МИРАЖЪ. — СИМОНСЪ-ТАУНЪ. — МАЛАЙЦЫ. — ПОѢЗДКА ВЪ КАПТАУНЪ MASONICK HOTEL. — АБРАМЪ. — НЕГРЫ. — ГОТЕНТТОТЫ. — МУЗЕУМЪ РѢДКОСТЕЙ. — БУШМЕНЫ. — КАФРЫ. — САНДИЛИ. — МАКОМО. — ОБѢДЪ. — КАПШТАДТСКІЙ VALENTINO. — ОКРЕСТНОСТИ ГОРОДА. — ИНДУСЫ. — ПРОГУЛКА НА СТОЛОВУЮ ГОРУ. — КОНСТАНЦІЯ И КОНСТАНЦСКОЕ ВИНО. — ФЕРМЕРЫ.

Вотъ я и на мысѣ Доброй Надежды. Далеко, далеко отъ васъ!.. Смотрю на карту, и то кажется далеко! міръ совсѣмъ другой, какъ-будто я переѣхалъ жить на луну. Слышу о львахъ, слонахъ и тиграхъ, а нашихъ страшныхъ звѣрей, волковъ и медвѣдей, и вспоминѣ нѣтъ; вижу черныхъ, коричневыхъ и разныхъ цвѣтныхъ людей; въ лавкахъ страусовыя перья и разныя невиданныя вещи, палку купилъ изъ шкуры носорога. Смотрю на сѣверъ,— тамъ солнце, что́ составляетъ предметъ какого-то недовѣрчиваго удивленія для нашихъ молодыхъ матросовъ; въ маѣ здѣсь начинается зима, въ декабрѣ — лѣто... Несмотря на все это, я провожу здѣсь время очень пріятно. Недѣлю прожилъ въ Каптаунѣ, лазилъ на Столовую гору, посѣтилъ плѣннаго кафрскаго предводителя. Гуляю почти цѣлый день; то собираю раковины по морскому берегу, то взбираюсь на горы; рисую, вспоминаю васъ и все наше; мечтаю, — чуть стиховъ не пишу...

Только прозой писать не хочется; должно быть, здѣшній климатъ располагаетъ къ другой дѣятельности, — неписьменной. Но дѣлать нечего; для васъ это не отговорка. Надо писать; увѣряютъ, что послѣ самому будетъ пріятно. Однако предисловіе необходимо, такъ какъ уговоръ, говорятъ, лучше денегъ. Состояніе путешествующаго вообще, можно назвать болѣзненнымъ, по крайней мѣрѣ, не нормальнымъ состояніемъ; а путешествующій моремъ, на военномъ пароходѣ, не зависящій отъ себя, въ особенности можетъ разсчитывать на права больнаго; то-есть позволять себѣ всевозможныя отступленія, ссылки, капризы, выдавать наскоро собранныя наблюденія и замѣтки за факты, собирать свѣдѣнія по сплетнямъ и пр. и пр.

Войдите въ его положеніе: три, четыре, пять недѣль въ морѣ; наконецъ брошенъ якорь, и всѣ спѣшатъ на берегъ: увидѣть, узнать, сравнить. Иногда какое-нибудь явленіе поглощаетъ все ваше вниманіе, но вы торопитесь пройдти мимо, чтобъ успѣть увидѣть другое, можетъ быть, еще болѣе важное. А въ это время торопятъ отходомъ, и собиратель свѣдѣній и впечатлѣній часто уѣзжаетъ, совершенно сбитый съ толку.

Буду разсказывать вамъ о томъ, чтó видѣлъ и слышалъ; но вы можете уличать меня въ покражѣ: иногда я буду приводить чужія мнѣнія и чужія наблюденія; на это я имѣю полное право. Думаю не безъ основанія, что и всѣ туристы пользуются этимъ правомъ, хотя умалчиваютъ объ этомъ.

По мѣрѣ приближенія нашего къ твердой землѣ, когда до нея оставалось еще очень далеко, чаще стали показываться суда; встрѣча ихъ — происшествіе въ морѣ; сначала, съ салинга, кто нибудь увидитъ едва замѣтную точку, и нуженъ опытный глазъ, чтобъ узнать въ этой точкѣ судно. Долго вы еще всматриваетесь, пока замѣтите, далеко-далеко, очертаніе парусовъ; часа черезъ три

проплыветъ оно наконецъ передъ вами, и вы, узнавъ по флагу его націю и по вооруженію—рангъ и значеніе, невольно занимаетесь догадками: куда, и откуда, и зачѣмъ переплываетъ оно океанъ?.. Не то ли же у васъ въ уѣздномъ городѣ? Вы, сидя подъ окномъ своего деревяннаго домика, тоже занимаетесь догадками: куда и зачѣмъ идетъ Иванъ Ивановичъ по той сторонѣ площади, поросшей травой и бурьяномъ?

Еще чаще, нежели суда, стали попадаться *альбатросы*. Намъ весело было смотрѣть и на то, какъ они, блистая своимъ бѣлымъ, короткимъ корпусомъ, разсѣкаютъ воздухъ длинными черными крыльями, граціозно выгнутыми; какъ одно крыло тихо бороздитъ конечнымъ перомъ пѣнящуюся волну. Уставъ летать, альбатросъ садится на воду и спокойно отдыхаетъ, то поднимаясь, то опускаясь вмѣстѣ съ родною ему гульливою волною. Должно-быть, альбатросы привыкли къ качкѣ, какъ и мы: мы тогда не могли себѣ представить, что можно ходить по ровной плоскости и спать горизонтально.

Дней пять мы крейсеровали въ виду мыса Доброй Надежды; противный вѣтеръ и сильное волненіе никакъ не хотѣли пустить насъ въ Симонову губу (Simons bay). Разъ были миляхъ въ семи отъ Капштадта. Столовая гора и другія возвышенія показались намъ сквозь прозрачный, голубой туманъ; но къ ночи свѣжій вѣтеръ съ сѣвера угналъ насъ далеко на югъ. Развели пары, винтъ почти не дѣйствовалъ, — такъ сильно было волненіе. Наконецъ 2 марта, при восходѣ солнца, увидали мы берегъ, и вдругъ такъ близко, что можно было различить малѣйшія возвышенія и углубленія на твердой землѣ. Вскорѣ, однако, берегъ этотъ пропалъ передъ нашими глазами; это былъ *миражъ!* Настоящій же берегъ замѣтили мы часа въ два пополудни, въ видѣ неясныхъ, голубоватыхъ очерковъ, терявшихся въ облакахъ и ту-

манѣ. Вѣтеръ на этотъ разъ былъ попутный, и мы пошли узловъ по осьми. Оконечность мыса и противоположный ему берегъ принимали все болѣе и болѣе ясную форму. Показался и камень, означенный на картѣ вправо отъ мыса.

Вечерѣло; небо заволакивалось облаками, сталъ дождь накрапывать, и туманъ вмѣстѣ съ сумракомъ наступающей ночи окутывали непроницаемымъ покровомъ приближавшіеся къ намъ желанные берега. Или противное береговое теченіе, или прежнее, неуспокоившееся волненіе, разбивалось о напираемыя вѣтромъ волны, и каждый ударъ производилъ миріады фосфорическихъ искръ и брызгъ. Съ разведенными парами, прикрытые темнотою ночи, вползли мы тихо въ Фальшивую губу (False-bay). Огонь маяка, на который мы должны были идти, терялся въ искрахъ фосфоризаціи; дождь не переставалъ, вѣтеръ становился все свѣжѣе и свѣжѣе; наконецъ бросили якорь, на глубинѣ 27 саженей, и ждали разсвѣта.

Проснувшись на другой день, я увидѣлъ уже не море, вѣчное море, но скалистые склоны береговъ, песчаныя прибрежья, рядъ бѣленькихъ домиковъ, едва видимыхъ изъ-за темной сѣти мачтъ и снастей стоявшихъ на рейдѣ судовъ. Въ числѣ ихъ были: фрегатъ *Аскольдъ*, два клипера и корветъ *Новикъ*; всѣ они стояли со спущенными стеньгами и, казалось, давно поджидали насъ. Мы стали вновь на якорь, ближе всѣхъ къ берегу. Первый день былъ днемъ встрѣчъ, новостей, разсказовъ, — однимъ словомъ, самый живой день. Сейчасъ же передали намъ цѣлую пачку писемъ, и извѣстія о родныхъ и близкихъ съ большимъ удовольствіемъ заѣдали мы сочнымъ ароматическимъ виноградомъ, привезеннымъ на клиперъ какими то двумя коричневыми людьми съ красными платками на головѣ и въ пестрыхъ курткахъ. Ихъ маленькая лодка, державшаяся у лѣваго трапа, почти вся была завалена плодами.

Симонсъ-таунъ стоитъ на берегу того же имени бухты, которая въ свою очередь составляетъ часть большой бухты, называемой Фальшивою (False bay). Симонова бухта очень удобна для стоянки кораблей, потому что закрыта со всѣхъ сторонъ. Въ городѣ находится адмиралтейство и военный портъ; самъ городъ держится приходящими сюда военными судами; купцы же предпочитаютъ Столовую бухту, несмотря на то, что тамъ стоянка, особенно въ зимніе мѣсяцы, когда бываютъ частые NW вѣтры, очень опасна; рѣдкій годъ проходитъ безъ того, чтобы тамъ не выбросило нѣсколько судовъ на берегъ. Симонсъ-таунъ расположился у самаго берега, на косогорѣ, пользуясь малѣйшею отлогостью, на которой можно было что-нибудь построить; въ иномъ мѣстѣ домъ стоитъ прямо надъ другимъ домомъ; между ними красуется зелень, газоны, кусты въ естественномъ безпорядкѣ; растутъ кактусы, алоэ, фиги, олеандры, акація, каждый по своему убирая ландшафтъ. Кое-гдѣ видны миніатюрныя церкви, небольше нашихъ часовень, съ сіяющими на солнцѣ шпицами. Стоящая надъ городомъ гора (кажется Blockhouse-pick) дика и пустынна; каменные острые выступы ея торчатъ изъ-за бѣдной зелени кустарниковъ, изрѣдка покрывающихъ ея неправильные склоны. Всѣ зданія города столпились у прибрежной дороги; но живая и пестрая линія ихъ, приближаясь къ морю, часто прерывается то уступомъ каменистаго берега, въ который ударяется морская волна, разсыпаясь брызгами, то чистенькимъ англійскимъ коттеджемъ, скрывшимся въ густыхъ кедрахъ и огороженнымъ колючими кактусами и граціозно изогнутымъ алоэ, то, наконецъ, крѣпостью, построенною на выдавшемся мысѣ, недалеко отъ камня, называемаго Ноевымъ ковчегомъ; камень этотъ выходитъ со дна моря, образуя довольно правильный продолговатый параллелограммъ, почему и получилъ такое почетное названіе. Вправо отъ крѣпости, на косогорѣ, видно клад-

бище, окруженное бѣлою стѣнкою; надгробныя плиты и памятники, большею частію изъ аспида, исчезаютъ въ густо растущемъ между ними кустарникѣ. На другомъ концѣ города находится домъ адмирала, обнесенный нѣсколькими кедрами; передъ нимъ флагштокъ, на которомъ поднимаютъ сигналы стоящимъ на рейдѣ англійскимъ судамъ. За домомъ шоссейная застава, откуда выбѣгаютъ то маленькая дѣвочка, то англичанинъ въ одномъ жилетѣ, взять съ проѣзжаго неизбѣжные six pence.

На улицахъ попадаются всего чаще малайцы, костюмъ которыхъ напоминаетъ Востокъ; голова повязана платкомъ, въ видѣ тюрбана, почти всегда краснымъ, — какъ будто дикари эти чувствуютъ, что красный цвѣтъ всѣхъ больше идетъ къ черной физіономіи! иногда, сверхъ тюрбана, надѣваютъ они конусообразную тростниковую шляпу, часто намоченную въ водѣ, ради прохлады. Подъ жилетомъ пестрый платокъ или шаль; ноги голыя или въ сандаліяхъ; а сандаліи состоятъ изъ деревянной подошвы съ металлическимъ шпинькомъ наноскѣ; этотъ шпинекъ пропускается между большимъ и вторымъ пальцами ноги и придерживаетъ такимъ образомъ эту нехитрую обувь. Весело смотрѣть на живыя и оригинальныя лица малайцевъ, встрѣчающихся здѣсь на каждомъ шагу, на ихъ проворство, дѣятельность. Тамъ малайцы ловятъ рыбу, живописными группами пестрѣя на морскомъ берегу, или, по колѣна въ водѣ, вытаскиваютъ на песокъ выкрашенную красною краскою лодку; иные тутъ же чистятъ рыбу и складываютъ ее въ корзины. Здѣсь малаецъ несетъ на плечахъ двухъ альбатросовъ съ перерѣзанными шеями; малаецъ въ каждой лавкѣ, у каждой калитки; коричневое лицо его, вмѣстѣ съ лукавствомъ, выражаетъ и умъ. Малайцевъ здѣсь больше, нежели всѣхъ другихъ цвѣтныхъ пришлецовъ и туземцевъ. Они довольно образованы, занимаются всевозможными ремеслами и даже денежными

оборотами; всѣ они магометане, имѣютъ здѣсь мечети и муллъ; въ Симонсъ-таунѣ мечеть ихъ отличается отъ всѣхъ зданій своею красною крышею. Въ Капштадтѣ, на склонѣ Столовой горы, видѣлъ я ихъ кладбище, усаженное кипарисами, похожее на турецкія кладбища, хотя исламизмъ малайцевъ не очень чистъ и строгъ; во время похоронъ, малаецъ приноситъ покойнику на могилу разныя кушанья, ставитъ ихъ въ нарочно для этого устроенномъ домикѣ и зажигаетъ кругомъ блюдъ множество свѣчъ; при поминкахъ и въ большіе праздники повторяется то же самое. Эти дни, замѣчаютъ разсчетливые торгаши, очень выгодны для продавцовъ жизненныхъ припасовъ.

По переписи, бывшей въ 1852 г., въ Капштадтѣ и окрестностяхъ было слишкомъ 6400 малайцевъ. Миссіонеры не успѣли обратить къ христіанству ни одного малайца. Языкъ ихъ благозвученъ, богатъ гласными и выговоромъ какъ-будто походитъ на италіянскій. У малайцевъ длинные гладкіе волосы и рѣдкая борода, небольшимъ клиномъ на подбородкѣ; они отличные слуги и особенно — кучера; у насъ рѣдко можно встрѣтить такое вниманіе къ лошадямъ. Между прочимъ, надобно замѣтить гадкую привычку ихъ класть нюхательный табакъ между деснами и щеками; на это изводятъ они страшное количество табаку и портятъ себѣ десны. Говорятъ, что и малайки тоже сосутъ табакъ; но я этого не замѣтилъ; а было бы жаль, потому что онѣ очень хороши собой.

На улицахъ города попадаются цвѣтные всѣхъ возможныхъ типовъ, начиная съ желтыхъ до совершенно черныхъ; но типы эти такъ перемѣшаны, или отличаются такими тонкими оттѣнками, что опредѣлить по цвѣту и чертамъ каждое племя нѣтъ никакой возможности, и остается только называть ихъ общимъ именемъ *черныхъ*. Бѣлый загорѣлъ отъ здѣшняго солнца, между тѣмъ какъ мозамбикъ выцвѣлъ и сталъ очень похожъ на кафра. Гот-

тентотскій типъ исчезаетъ, и скоро, можетъ быть, не найдется ни одного представителя чистаго готтентотскаго типа, съ крупными чертами лица, съ улыбкою, выказывающею бѣлыя зубы, и *перечными* головами (*).

На улицахъ также очень много собакъ, изъ которыхъ многія своими сухими головами, умными взглядами и граціозными движеніями обличаютъ англійское происхожденіе. Попадаются вывѣски съ надписями «Stables», конюшни, гдѣ можно найдти лошадей для прогулокъ за городъ, и около нихъ — непремѣнно малайца; экипажей здѣсь нѣтъ, кромѣ дилижанса изъ Капштадта и двухъ кабріолетовъ, всѣмъ знакомыхъ, которые тоже возятъ въ Капштадтъ. Часто, однако, увидишь огромную фуру, запряженную 7-ю, 8-ю и даже 9-ю парами воловъ, рога которыхъ удивятъ всякаго своею необыкновенною величиною. Волы съ такими рогами — остатки туземной породы; вообще же скотъ здѣсь голландскій, мѣшанный; а туземный замѣчательно красивъ: сухая голова, что-то дикое во взглядѣ, длинные рога, изогнутые широко въ обѣ стороны съ наклономъ напередъ, короткая шея, на твердомъ мускулѣ которой мелкими складками виситъ тонкая, покрытая нѣжною шерстью, кожа; шерсть самая красивая, пестрая. Запряженная восемью парами пестрыхъ длиннорогихъ быковъ, фура, двигающаяся по песчаной дорогѣ, подъ сводомъ густыхъ кедровъ и дубовъ, составляетъ одну изъ самыхъ характеристическихъ картинъ этого живописнаго мыса.

Въ городѣ есть и гостиница, въ которой если и можно достать что-нибудь поѣсть, то съ большимъ трудомъ и при большомъ терпѣніи. Флегматическій старикъ — слуга

(*) У большей части готтентотовъ волосы на головѣ ростутъ небольшими отдѣльными остроконечными прядями, похожими на перечные корешки; почему европейцы и называютъ готтентотовъ перечными головами; у дѣтей готтентотовъ на головѣ образуется войлокъ вмѣсто волосъ.

безтолковъ и глухъ, а хозяйка, высокая мистрисъ, неподвижна и почему-то очень надменна: бутылку элю или кусокъ ветчины подаетъ, будто подноситъ какую-нибудь награду. Съ подобными условіями тяжело мирится расходившійся аппетитъ русскаго желудка. Мы съѣхали въ первый разъ на берегъ послѣ обѣда и спросили себѣ ростбифу, потому что не ѣли свѣжаго мяса цѣлый мѣсяцъ. Послѣ часа терпѣнія, принесли намъ, наконецъ, подъ жестянымъ колпакомъ, нѣсколько кусковъ подогрѣтаго мяса, за которое мы принялись съ большимъ удовольствіемъ. Клиперъ нашъ цѣлый день осаждали коричневые и черные гости, кто въ остроконечной соломенной шляпѣ, кто вовсе безъ шапки, съ натуральнымъ войлокомъ на головѣ, прикрывавшимъ голову лучше всякой шляпы. Матросы наши скоро освоились съ ними; кто покупалъ виноградъ, кто арбузъ, кто рыбу. Солдатъ нашъ, какъ извѣстно, говоритъ на всѣхъ языкахъ; по крайней мѣрѣ, нимало не затрудняется говорить съ французомъ, англичаниномъ, малайцемъ, готтентотомъ. Любопытно слышать и видѣть разговоръ матроса съ малайцемъ по-русски; онъ хотя и дополняетъ слова самыми выразительными жестами и движеніями, но говоритъ бойко и много, какъ-будто малаецъ совершенно понимаетъ его. И выдетъ точно, что они другъ друга какъ-то поняли!

На другой день въ 6-ть часовъ утра мы съѣхали на берегъ, торопясь въ дилижансъ, отправляющійся въ Капштадтъ. Солнце только что начинало всходить; утренній свѣтъ появился на вершинахъ отдаленной цѣпи горъ, заслоняющей съ сѣвера Фальшивую губу; длинныя тѣни домовъ легли по косогору; почти никого не было на улицахъ, только фура, съ безконечною упряжью воловъ, складывала корни и вѣтви деревъ, вѣроятно для топлива; волы стояли и лежали, протянувъ меланхолически свои головы съ громадными рогами, на округлостяхъ которыхъ

начинало играть солнце. Изъ воротъ дома, на вывѣскѣ котораго написано было «Stables», выкатили два малайца двухколесный шарабанъ съ тремя узкими лавками и съ верхомъ, который былъ обтянутъ некрашенымъ холстомъ. Затѣмъ, эти же малайцы вывели двухъ сильныхъ лошадей, уже совсѣмъ въ сбруѣ, и стали медленно и внимательно впрягать ихъ въ экипажъ; потомъ впряжена была впереди другая пара, болѣе легкихъ и красивыхъ лошадей, и мы сѣли. Кучеръ англичанинъ, уже успѣвшій напиться до нѣкотораго градуса, вооружился длиннымъ бичемъ, разобралъ возжи, и мы шагомъ поѣхали по городу. Насъ на каждомъ шагу останавливали или пассажиры, влѣзавшіе къ намъ съ своими саками, или люди, передававшіе письма и посылки, для доставленія ихъ по адресу. Въ шарабанъ набралось наконецъ девять человѣкъ, хотя на первый взглядъ намъ показалось, что тамъ едва ли было мѣста на четырехъ. Дѣлать было нечего, и притомъ терпѣніе — великая добродѣтель. Когда наконецъ кучеръ нашъ убѣдился, что и «городничему» негдѣ было бы помѣститься, то ударилъ бичемъ, и мы понеслись по берегу моря.

Дорога огибала послѣдовательно одинъ за другимъ четыре мыса, выступающіе въ море и образующіе небольшія бухты съ песчаными отмелями, о которыя разбивались морскія волны. Шарабанъ мчался у самаго прибоя, волны котораго оставляли пѣну и брызги у нашихъ колесъ; дорога шла прекрасная, ровная какъ шоссе, лошади звучно стучали копытами о твердый и сырой песокъ, на которомъ, какъ змѣи, чернѣли и вились длинные стволы морской травы. Изрѣдка попадались у берега домики, чистенькіе, бѣленькіе, при нихъ огороды, подпертые китовыми ребрами. Низкорослый кустарникъ обхватывалъ густою сѣтью камни, выдавшіеся у дороги, сцѣплялся съ вьющимися растеніями, образуя живописные фестоны и группы

зелени. Склоны горъ, обращенные къ прибою моря, оканчивались песчаными площадями, обнесенными густою, но блѣдною зеленью. Когда мы обогнули послѣдній мысъ, оставивъ за собою небольшую деревеньку, съ церковію и гостиницею, глазамъ нашимъ явилась обширная равнина, ограниченная справа кряжемъ горъ, рисовавшимся, на горизонтѣ, голубымъ и фіолетовымъ цвѣтами; въ сторонѣ видѣнъ былъ синій заливъ, разливавшійся между песчаными отмелями, которыя длинными бѣловатыми полосами врѣзывались въ луга и долины, зеленѣвшіе, синѣвшіе и наконецъ совершенно исчезавшіе въ прозрачномъ туманѣ. Слѣва, горы нѣсколько отодвинулись и, громоздя скалы на скалы, оканчивались однимъ бокомъ Столовой горы и южнымъ склономъ «Чортова пика». По пространству долины бѣлѣлись фермы, зеленѣли сады, рощи и лѣса, разбросанные по равнинѣ, по уступамъ горъ и въ тѣни ущелій; по сторонамъ дороги росъ частый кустарникъ и, мѣстами, изъ-за густой его зелени, блестѣло гладкое, какъ зеркало, озеро, отражавшее въ своихъ водахъ стадо пестрыхъ, длиннорогихъ быковъ, которые столпились на берегу. Кое-гдѣ густая зелень разросшагося лѣса подступала подъ темную массу скалъ, миловидно рисуясь на ихъ мрачномъ фонѣ.

У одной изъ фермъ мы остановились перемѣнить лошадей; выпряженныхъ пустили сейчасъ на лугъ, привязавъ поводья къ передней ногѣ (*). У другаго домика, называвшагося трактиромъ, остановились, чтобы напиться кофе, и нашли здѣсь нѣсколько чистыхъ комнатъ, по стѣнамъ литографіи и гравюры, изображавшія скачки и другія лошадиныя сцены. Цѣлый шкафъ наполненъ былъ чучелами птицъ и маленькихъ звѣрковъ; около нихъ, подъ стеклами, красовалась хорошая коллекція бабочекъ и насѣко-

(*) Здѣшній способъ треножить.

Мысъ Доброй Надежды.

мыхъ; на столѣ лежали необыкновенной величины бычачьи рога, отполированные съ большимъ искусствомъ. Я вспомнилъ наши губернскія и уѣздныя гостиницы, съ ихъ безпорядкомъ, насѣкомыми, — только не за стекломъ, — нечистотою и проч., и больно стало, что здѣсь, на дорогѣ, въ Африкѣ, гостиница несравненно лучше, нежели всѣ гостиницы нашихъ губернскихъ городовъ....

Напившись кофе, мы поѣхали дальше. Послѣднія 20 верстъ дороги особенно хороши. Все время ѣхали мы подъ тѣнью сплошныхъ кедровыхъ и дубовыхъ аллей; на каждой верстѣ выглядывала чистенькая дача, кокетливо убранная зеленью кактусовъ, кипариса, алоэ и олеандровъ; часто изъ-за роскошнаго цвѣтника, какъ птичка, выпархивала дѣвушка, подбѣгала къ намъ и подавала нашему кучеру письмо, которое онъ любезно подхватывалъ на рыси. Но быстро проносились мимо и озеро въ зеленыхъ берегахъ, и миловидное лицо дѣвушки, и мрачныя скалы, и готическіе шпицы часовень, и фуры съ быками, и щегольскіе *кебы* мѣстныхъ франтовъ, запряженные прекрасными полукровными лошадьми, въ серебряныхъ наборахъ. Живописная и живая дорога! Встрѣтилось нѣсколько дилижансовъ огромныхъ размѣровъ, съ имперіалами наверху, гдѣ едва успѣешь разсмотрѣть въ пыли двѣ, три рыжія физіономіи. Попадались на дорогѣ чернолицые переселенцы, съ дѣтьми, такими же чернолицыми, за спиною; и нищій кафръ, *съ доскою на шеѣ*, что очень краснорѣчиво говоритъ проѣзжающимъ кебамъ, дилижансамъ и фурамъ о страждущемъ и униженномъ человѣчествѣ...

Направо, на лугахъ, исчезающихъ въ необозримой дали, видны селенія, которыя становятся все чаще и чаще по мѣрѣ приближенія къ городу: являются и вѣтряныя мельницы, напоминающія Голландію и нашу Россію. Съ наслажденіемъ и вмѣстѣ съ грустію, смотрѣлъ я на луга, рисующіе воображенію берега Оки и среднюю Россію!

*

Наконецъ Столовая гора стала выдвигаться изъ-за Чортова пика; мачты судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, выросли вдругъ изъ-за небольшаго возвышенія. По бокамъ запестрѣли дома, колеса застучали о торцовую мостовую; фуры, запряженныя четырьмя и пятью парами длинноухихъ муловъ и наполненныя пестрыми малайцами, быстро проносились мимо. Обогнувъ уголъ крѣпости, у которой расхаживалъ часовой въ красномъ мундирѣ, въѣхали мы на готтентотскую площадь, обсаженную кедрами, вѣтви которыхъ отъ постояннаго нордъ-веста получили наклонъ въ одну сторону, что̀ можно замѣтить почти на всѣхъ деревьяхъ, растущихъ здѣсь на открытыхъ мѣстахъ. Столовая гора стояла передъ глазами какъ громадная декорація, съ своими вертикальными уступами, съ ущельями, которыя сбѣгаютъ черными изогнутыми линіями, съ лѣсами и рощами, которыя рисуются зелеными квадратами у ея подножія. Въ сторонѣ стоитъ Львиная гора, не столько живописная. Мы остановились у крыльца Masonick hotel; къ нашимъ услугамъ сейчасъ явился малаецъ Абрамъ, или Ибрагимъ, въ красномъ шлыкѣ; перенесъ наши вещи въ нумеръ и объявилъ, что по звонку надобно являться къ двумъ завтракамъ и обѣду, которые бываютъ въ 9 часовъ, въ часъ и въ 6 часовъ, и предлагалъ всевозможныя услуги. Я захотѣлъ попробовать нарисовать его портретъ и просилъ его постоять смирно; онъ преважно принялъ живописную позу и стоялъ, боясь пошевелиться какимъ-нибудь членомъ. Послѣ сеанса онъ обидѣлся, вообразивъ, что я нарочно нарисовалъ ему носъ слишкомъ широкимъ и приплюснутымъ. И здѣсь претензіи на красоту! Между тѣмъ, онъ былъ очень некрасивъ съ своими отвислыми губами, дряблою коричневою кожею и рѣдкими волосами на бородѣ. Онъ оказался человѣкомъ очень ловкимъ и даже просвѣщеннымъ; кто-то изъ насъ запѣлъ французскій романсъ, и что же? Абрамъ сталъ подтягивать и ловкимъ

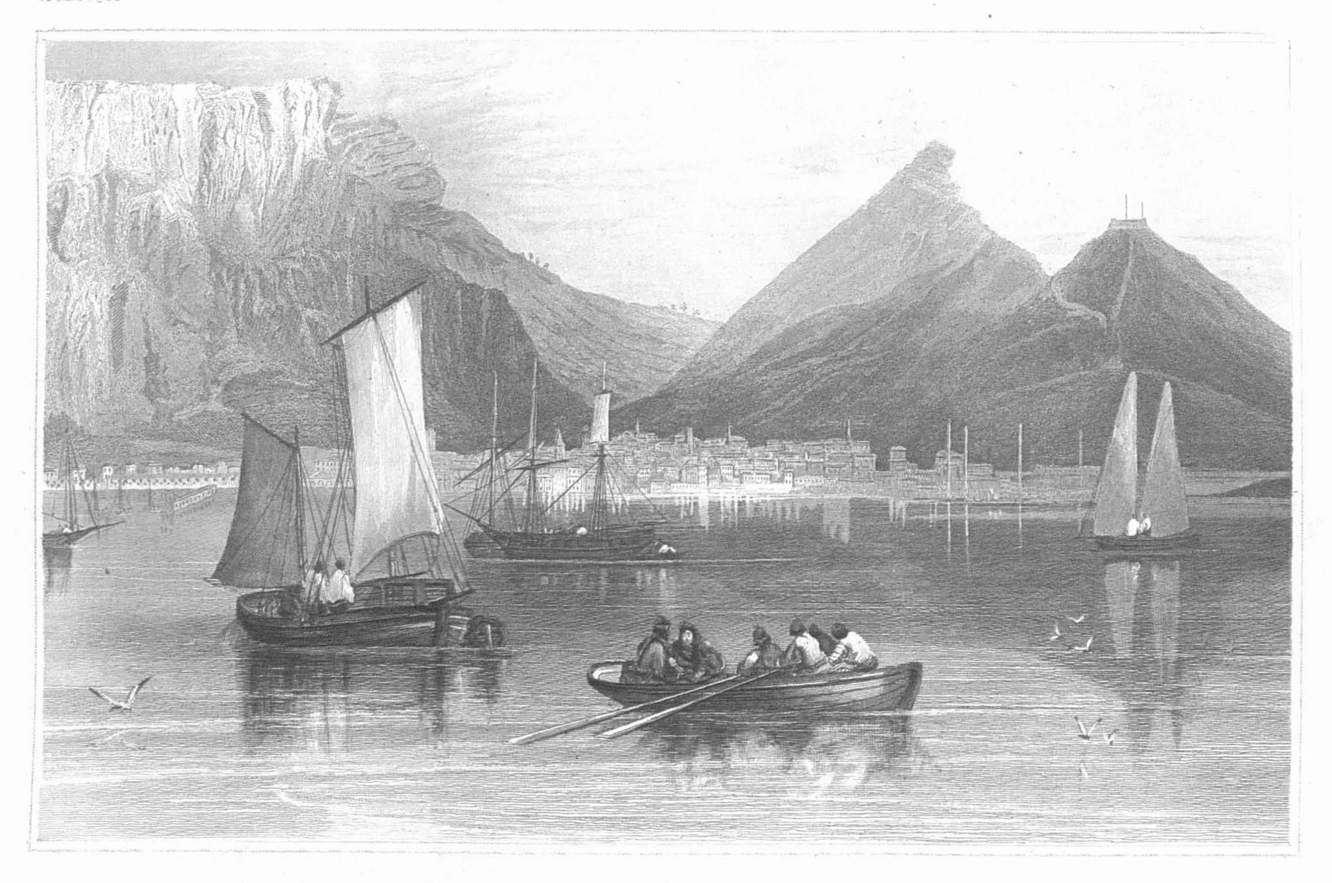
refrain бойко окончилъ куплетъ! Долго еще вертѣлся онъ, пока мы одѣвались; помогалъ чистить платье, бѣгалъ, суетился.

До завтрака мы успѣли сходить къ нашему консулу, размѣняли бывшія у насъ французскія деньги на англійскія и дорогою потолкались на площади, среди которой выстроено довольно большое зданіе, биржа, гдѣ вмѣстѣ и засѣдаетъ парламентъ, и даютъ концерты. Между деревьями толпились разноцвѣтные жители мыса. Тутъ было нѣчто въ родѣ нашего толкучаго рынка; продавалась также всякая дрянь, съ тою только разницею, что все продавалось съ аукціона, — кусокъ сыру, миска, стаканы, гравюры разнаго содержанія, кожи, гвозди. По субботамъ, особенно если къ этому времени придетъ корабль изъ Европы съ товарами, аукціоны на этой площади принимаютъ обширные размѣры. Я подошелъ къ продаваемымъ лошадямъ; мальчикъ малаецъ, точно нашъ цыганъ, нѣсколько разъ проѣдетъ передъ набивающею цѣну публикою, поднимая лошадь въ галопъ; аукціонеръ кричитъ страшнымъ голосомъ; стуча молоткомъ; въ это же время звукъ мѣдной тарелки привлекаетъ публику къ новой группѣ; тамъ продается фура съ волами, какой-нибудь экипажъ съ запряженными лошадьми, корова, книжная лавка, дѣтская библіотека, около которой толпятся, по обыкновенію, маменьки и няньки; шкипера разсматриваютъ байковыя рубашки, блоки, веревки и пр. Шумъ, крикъ, говоръ, стукъ, толкотня, точно у насъ въ Москвѣ, въ Зарядьѣ!

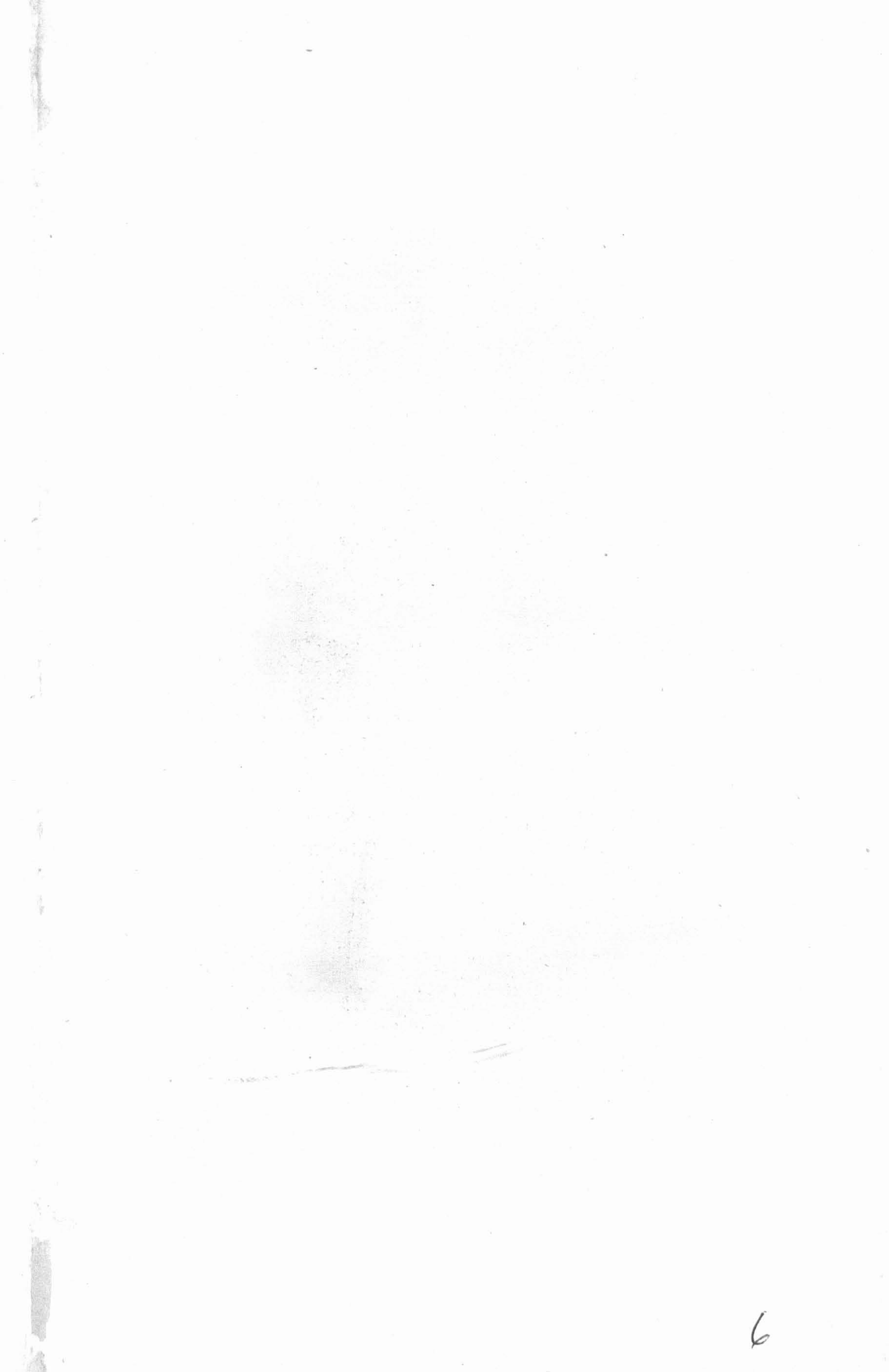
Пришли въ гостиницу прямо къ завтраку; въ общей залѣ былъ накрытъ столъ, который буквально гнулся подъ тяжестію блюдъ, покрытыхъ жестяными колпаками. Нашъ общій пріятель, А.С.О., всегда приходитъ въ поэтическій экстазъ, усѣвшись за хорошій англійскій столъ. Такъ напримѣръ, столъ съ блюдами, покрытыми блестящими жестяными колпаками и всѣми принадлежностями хорошо сер-

вированнаго стола, уподобляетъ онъ обширному ландшафту, гдѣ вершины горъ восходятъ изъ густаго тумана: когда туманъ начнетъ рѣдѣть, взору путешественника являются поэтическія подробности картины, — то озеро, блистающее на солнцѣ, то роща среди луга, скалы съ водопадами, лѣсъ по горамъ... Такъ и здѣсь, когда рыжій англичанинъ проворно откроетъ всѣ блюда, снявъ колпаки, проголодавшемуся страннику предстанутъ всѣ соблазнительныя подробности картины, то величественный ростбифъ, скалою возвышающійся на блюдѣ, то окорокъ, заплывшій жиромъ, то молодая редиска, въ сосѣдствѣ съ живительными кистями винограда. Насытившись, поэтъ пускался въ умозрѣнія и, какъ новый Линней, строилъ для блюдъ систематическую классификацію; онъ дѣлилъ блюда на существенныя, любопытныя, серьезныя, игривыя и пр., прибавляя, впрочемъ, что онъ нелицепріятенъ и никому изъ нихъ не отдаетъ исключительнаго предпочтенія.

Послѣ завтрака мы пошли осматривать городъ. Капштадтъ или Каптаунъ, какъ онъ сталъ называться со времени англійскаго владычества, то-есть окончательно съ 1815 года,—главный городъ и самый значительный портъ «капскихъ» колоній. Мѣсто живописно и удобно для города. Онъ основанъ голландцами въ 1650 году; въ немъ около 30 000 жителей, болѣе англичанъ. Выстроенъ правильно, всѣ улицы пересѣкаютъ одна другую подъ прямымъ угломъ, и потому въ немъ нѣтъ ни одного мѣста, которое бы особенно могло понравиться или остановить вниманіе; дома всѣ похожи одинъ на другой: внизу лавки и магазины, наверху живутъ хозяева. Каптаунъ укрѣпленъ нѣсколькими батареями; въ немъ живетъ губернаторъ колоній и собирается парламентъ. Особенно развита здѣсь жизнь коммерческая; около 700 судовъ приходитъ и уходитъ ежегодно, или для сгрузки товаровъ въ городѣ, или чтобы запастись матеріяломъ по пути въ Индію, Китай



CAPSTADT
Cap der Guten – Hoffnung in Africa


6

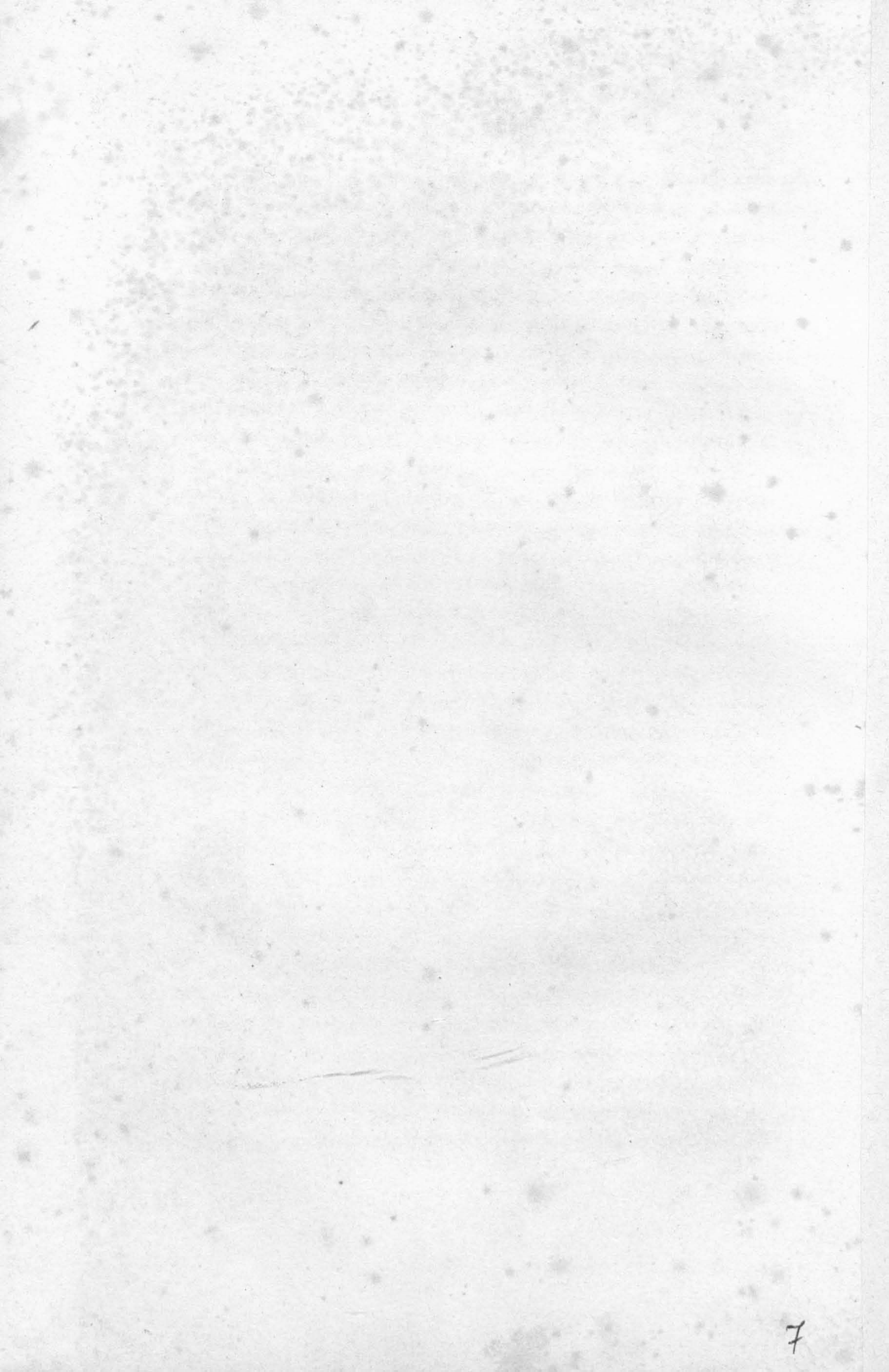
и проч., вслѣдствіе чего Каптаунъ служитъ мѣстомъ свиданія людей со всѣхъ концовъ міра. За столомъ въ гостиницѣ приходится сидѣть съ пріѣзжимъ изъ Портъ-Наталя, изъ Индіи, изъ Чили, изъ разныхъ городовъ Европы, и всѣ они «стеклися для стяжаній...» Въ Каптаунѣ нѣтъ праздныхъ людей, всѣ заняты дѣломъ, начиная съ банкира англичанина до послѣдняго готтентота, который свозитъ съ улицъ соръ. Можетъ-быть, поэтому общественная жизнь здѣсь совершенно неразвита; вечеромъ семья сидитъ обыкновенно дома; въ высшемъ кругу вечера, собранья и балы бываютъ очень рѣдко и даются только по какому-нибудь важному случаю. Намъ удалось попасть на одинъ балъ. Оркестръ состоялъ почти изъ однихъ малайцевъ; дамы держались чинно, танцовали будто по нотамъ, никто не сдѣлалъ ни одной ошибки, ни лишняго движенія; скучно, скучнѣе даже, нежели у насъ на балахъ. На мой вопросъ, часто ли бываютъ здѣсь собранія, одна дама поспѣшила отвѣчать, что очень рѣдко, и что одна изъ главныхъ причинъ этого — что́ бы вы думали? — то, что нѣтъ средствъ отыскать слугу, который согласился бы служить вечеромъ; всѣ они (т. е. слуги) проводятъ это время въ своихъ семействахъ, или по своему усмотрѣнію. Оригинальная причина необщительности въ городѣ!

Кажется, будто всѣ народы міра прислали въ Каптаунъ по образчику своей національности; на улицахъ пестрота удивительная; то краснѣются малайскіе тюрбаны, то стоитъ толпа кафровъ, людей сильно сложенныхъ, съ лицами темно-мѣднаго цвѣта; то мозамбикъ, то негръ pur-sang, то индусъ въ своемъ живописномъ бѣломъ плащѣ, легко и граціозно драпированномъ. Прибавьте англичанъ во всевозможныхъ шляпахъ, какъ напримѣръ, въ видѣ сѣрой войлочной каски съ какимъ-то вентиляторомъ, чѣмъ-то въ родѣ бѣлаго стеганаго самовара; то въ соломенной шляпѣ съ вуалью. Между кафрами, неграми, англичанами и малай-

цами изрѣдка являются шкипера и *каптены* съ купеческихъ судовъ, и солдаты въ красномъ мундирѣ, наконецъ и мы, жители Орла, Тамбова, Твери... Вся эта толпа постоянно движется, какъ муравейникъ, то на улицѣ, на рынкѣ, у пристани, хлопочетъ около тюковъ, на площади обступаетъ аукціонера, мчится въ щегольскихъ кебахъ, фіакрахъ, омнибусахъ, съ имперіяломъ и безъ имперіяла, скачетъ верхомъ, бѣжитъ пѣшкомъ, суетится...

Костюмъ негровъ здѣсь чисто европейскій — шаравары и куртка, да на головѣ иногда что-нибудь; такъ какъ ихъ привозятъ сюда совершенно голыми, то они поневолѣ должны носить что́ дадутъ, часто не въ пору и вовсе не къ лицу. Часто попадается англійскимъ крейсерамъ испанское или португальское судно, съ неграми для Америки; судно это приводится обыкновенно въ Капштадтъ, и негровъ, чтобы не наводнить край бродягами, раздаютъ по рукамъ на условное время, по прошествіи котораго они получаютъ полную свободу. Негры — отличные слуги и, какъ хорошій рабочій народъ, вытѣсняютъ готтентотовъ, мало полезныхъ членовъ колоніи. Готтентоты — первоначальные обитатели мыса, и можетъ-быть поэтому число ихъ быстро уменьшается, и типъ ихъ, такъ оригинальный, исчезаетъ. Такова судьба всѣхъ дикарей, въ сосѣдствѣ которыхъ поселяются европейцы. Готтентотъ — большею частію слабаго, хилаго сложенія и небольшаго роста (рѣдко пяти футъ); на головѣ у него короткіе пучки волосъ, растущіе въ видѣ перечныхъ стручковъ (почему *буры* и зовутъ ихъ реpег-корре); носъ едва замѣтный и приплюснутый, но съ раздутыми широко ноздрями; губы выдаются впередъ и отвисаютъ, составляя по крайней мѣрѣ треть всего лица. Женщины отличаются страшно развитыми сѣдалищными мускулами, что́ частію происходитъ отъ большаго изгиба позвоночнаго столба, но еще болѣе отъ самыхъ мясистыхъ частей, которыхъ поперечный разрѣзъ, по отзыву меди-

Мысъ Доброй Надежды.



ковъ, бываетъ въ футъ и даже полтора. Такимъ дамамъ не нужны кринолины!.. Трудно вообразить себѣ что-нибудь отвратительнѣе старой готтентотки; молодыя, впрочемъ, немного лучше. Кромѣ упомянутой особенности, замужнія женщины отличаются необыкновенно длинными грудями, которыя онѣ перекидываютъ за спину или закладываютъ подъ мышку, для кормленія ребенка, сидящаго обыкновенно на спинѣ у матери. Ребенокъ прикрѣпленъ сзади ремнемъ или кожею и упирается въ выдавшуюся заднюю часть матери, какъ въ спинку турецкаго сѣдла. За то природа наградила этихъ красавицъ самыми маленькими ручками и ножками, такъ что башмаки и перчатки европейскихъ девятилѣтнихъ дѣтей впору взрослымъ готтентоткамъ. Народъ этотъ имѣетъ еще одну непріятную особенность — сильный «собственный запахъ», такъ что черезъ часъ слышно, что готтентотъ былъ въ комнатѣ. Всѣ готтентоты, безъ исключенія, лѣнивы, нерадивы, безпечны въ высшей степени; выработанная копѣйка идетъ на табакъ, водку и *таха*, родъ дикой конопли, опьяняющей какъ опіумъ. Насѣкомое, похожее на саранчу, чтется ими какъ символъ божества, но божество ихъ по преимуществу есть водка, для которой они готовы на все,— готовы продать жену, дѣтей и посягнуть на убійство. Въ одеждѣ ихъ нѣтъ ничего особеннаго; если они въ услуженіи у бура, то разныя лохмотья европейскаго костюма прикрываютъ ихъ коричневое тѣло. Ножъ, огниво и таха въ мѣшкѣ, — и готтентотъ считаетъ себя богатымъ. Многоженство у нихъ допускается, но встрѣчается рѣдко; его впрочемъ и ненужно для поддержанія породы: готтентотки замѣчательно плодовиты и рожаютъ такъ легко, какъ вѣроятно никакія женщины въ свѣтѣ; часто, въ дорогѣ, готтентотка уходитъ на нѣсколько минутъ за кустъ и возвращается съ приращеніемъ такъ равнодушно, какъ-будто ничего особеннаго не случилось. Причиною же быстраго уменьше-

нія ихъ числа дожно считать необыкновенно неправильную ихъ жизнь. Иногда готтентотъ голодаетъ цѣлую недѣлю и стягиваетъ себѣ животъ кожанымъ поясомъ, чтобъ утолить желудочный жаръ давленіемъ; но вдругъ случайно нападаетъ онъ на изобильную пищу, и обжирается до послѣдней возможности, какъ волкъ; потомъ опять питается кое-чѣмъ, опивается водкой и одуряетъ себя наркотическимъ таха. Цѣлыя ночи проводятъ они въ оргіяхъ, а день волочатъ за работою, превышающею ихъ силы. Дѣти брошены на произволъ судьбы; они, какъ обезьяны, инстинктивно отыскиваютъ въ землѣ коренья и все, чтó можно проглотить; рѣдко достается имъ что-нибудь отъ стола родителей, они буквально на подножномъ корму. Готтентотъ находится въ услуженіи у бура только до тѣхъ поръ, пока не отъѣстся, не потолстѣетъ; едва онъ увидитъ, что сталъ сытъ и полонъ, сейчасъ же, обыкновенно ночью, потихоньку убѣгаетъ отъ хозяина въ свою хижину. Здѣсь всѣ говорятъ, что готтентотъ никуда не годится при хорошемъ съ нимъ обращеніи; что «пока голландцы дѣйствовали на нихъ своею schambok (ремень изъ шкуры носорога), они занимались дѣломъ, а когда явились англичане, съ своими филантропическими идеями, съ эманципацією рабовъ, готтентоты стали никуда негодны. Англичане начали обращаться съ ними какъ съ людьми, какъ съ дѣтьми природы; англійскіе миссіонеры явились между ними съ своимъ религіознымъ энтузіазмомъ, и готтентоты перестали работать и предпочитаютъ собираться вокругъ этихъ апостоловъ, пѣть за ними псалмы, ничего не дѣлать, пить и прокармливаться на счетъ европейскихъ филантропическихъ обществъ и разныхъ пожертвованій». Таково здѣшнее мнѣніе; за справедливость его не ручаюсь.

Только недавно стали называться готтентоты какими-нибудь именами; прежде они имѣли только клички: плясунъ, проворный, плутъ и т. п. Отъ нихъ и отъ бѣлыхъ

расплождается племя метисовъ, которое селится по границамъ колоніи и извѣстно подъ именемъ бастардовъ; впрочемъ, они ведутъ больше кочевую жизнь, перегоняя съ мѣста на мѣсто свои стада, и до сихъ поръ называются голландскими именами. Эта порода современемъ, безъ сомнѣнія, замѣнитъ готтентотовъ. Лучшаго образчика dolce far niente нельзя найдти какъ въ готтентотской *бонтокѣ* (хижинѣ). Голыя, какъ мать родила, дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, бѣгаютъ или валяются по землѣ, покрытыя пылью, землею и грязью, съ раздутымъ отъ случайной пищи животомъ, или съ подобраннымъ брюхомъ, послѣ долгаго поста; между ними, на корточкахъ, сидитъ мать, покуривая таха́ изъ продолбленной кости; около нея, растянувшись на спинѣ, бренчитъ готтентотъ на скрипкѣ, сдѣланной изъ травянки, часа два повторяя одинъ мотивъ. Нельзя не замѣтить, что эти полу-звѣри, готтентоты, обладаютъ всѣ вообще музыкальными способностями! Въ Паарлѣ мнѣ случилось слышать одну готтентотку, которая, моя на рынкѣ бѣлье, распѣвала свои національныя пѣсни; сильный контральто, вѣрный и гармоническій, поразилъ всѣхъ насъ; можетъ-быть, раза два, три въ жизни удавалось мнѣ слышать подобный голосъ...

Итакъ, мы отправились осматривать городъ; останавливались передъ лавками съ африканскими рѣдкостями, то-есть съ разнымъ оружіемъ дикихъ, съ страусовыми перьями и яйцами, съ тигровыми шкурами и разными вещами изъ кожи. Пошли въ знаменитый ботаническій садъ и нашли его, дѣйствительно, не ниже своей репутаціи. Тропическія растенія цвѣтутъ, зеленѣютъ, группируются и оттѣняютъ другъ друга, составляя то красивыя клумбы, то цѣлыя рощи. Цвѣты пестрѣютъ всевозможными красками; не знаешь, на чемъ остановиться, — у цѣлой ли семьи разнообразныхъ уродливыхъ кактусовъ, у финиковой ли пальмы, стволъ которой покрытъ густою вьющеюся зе-

ленью. Здѣсь трепещущая граціозная акація, тамъ широкій листъ хлѣбнаго дерева, за которымъ возвышается перистая вершина пальмы. На одной дорожкѣ, образуя родъ свода, стоятъ два дерева, которыхъ зелень, висящая къ низу, дала имъ названіе метелъ, — broom-tree; тамъ дубы и лавровое дерево, кипарисъ, орѣшникъ и кедръ; и все это со вкусомъ разбросано вокругъ газоновъ, среди которыхъ находятся бассейны для прибрежныхъ и водяныхъ растеній. Любуясь этою благодатною природою, поднимаешь глаза—и передъ ними возвышается Столовая гора съ своими уступами, впадинами и тѣнями.

Видъ открывается еще лучше, когда выйдешь совсѣмъ изъ города, черезъ длинную дубовую аллею, и очутишься среди рощей кедровъ, въ виду хорошенькихъ виллъ, украшенныхъ затѣйливо разнообразною зеленью, и опять передъ глазами является Столовая гора, съ Чортовымъ пикомъ и со Львомъ.

Есть въ Капштадтѣ и музеумъ рѣдкостей и естественной исторіи. Тамъ, между прочимъ, виситъ русское ружье, заслонка отъ печки и кожаныя ножны офицерской сабли; всѣ эти трофеи пріобрѣтены въ Бомарзундѣ. Есть еще греческая куртка лорда Байрона, судя по которой, знаменитый поэтъ былъ необыкновенно узокъ въ плечахъ. Еще останавливаютъ вниманіе нѣсколько алебастровыхъ крашеныхъ фигуръ, изображающихъ бушменовъ и кафровъ въ ихъ національныхъ костюмахъ, и, какъ-будто для контраста съ ними, стоитъ тутъ же слѣпокъ «присѣвшей Венеры» (Venus accroupie); разница между Венерой и бушменской женщиной такая же, какъ между двумя противоположными полюсами, и первый естествоиспытатель затруднился бы помѣстить ихъ въ одно семейство людей.

Въ окрестностяхъ Каптауна рѣдко можно встрѣтить бушмена, развѣ гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ; но слышишь о нихъ на каждомъ шагу. По наружности народъ этотъ

мало походитъ на другія племена южной Африки. Бушменъ черенъ, и сверхъ черноты на немъ обыкновенно лежитъ густой слой пыли, потому что умыванье незнакомо ему до самой смерти. У него короткіе висящіе волосы, изъ которыхъ онъ отпускаетъ одинъ пучокъ и обвиваетъ его вокругъ головы; страусовое перо въ волосахъ и какая-нибудь кость, продѣтая въ уши, или въ ноздри, составляютъ украшеніе его туалета. Самая характеристическая особенность лица бушмена — его глаза, дотого живые и выразительные, что по нимъ можно слѣдить за его мыслями и чувствами, даже тогда, какъ онъ молчитъ. Они вообще хорошо сложены, но ростъ ихъ рѣдко превышаетъ четыре фута. Ходятъ почти совершенно голые; черезъ плечо перекидываютъ шкуру, иногда дотого маленькую, что не знаешь, на что́ она нужна ему; на закрываемыхъ мѣстахъ носятъ небольшіе фартучки, сшитые изъ ремешковъ. Но настоящій бушменъ ничего этого не носитъ, не имѣя ни малѣйшаго чувства стыдливости; за то на шеѣ у каждаго виситъ непремѣнно черепъ черепахи, какъ талисманъ противъ укушенія звѣрей и гадовъ. Женщины наряжаются въ красивыя пелеринки изъ страусовыхъ перьевъ, чему позавидовали бы и наши дамы.

Бушмены живутъ ближе къ восточной границѣ колоніи; они прячутся въ кустарникахъ, почему и получили европейское названіе: *Bush-man*. Все, что́ можетъ нѣсколько защитить бушмена отъ вѣтра и къ чему можно прислониться, служитъ ему кровомъ, будь то кустъ, камень или муравьиная куча. Ближайшіе къ европейской границѣ нѣсколько болѣе образованы и строятъ себѣ хижины, вбивая для этого три или четыре шеста въ землю и забирая стѣны камнями или кожами; за это ихъ называютъ мирными бушменами. Эти мирные имѣютъ небольшія стада рогатаго скота и иногда оставляютъ свою вольную жизнь и поступаютъ въ услуженіе къ бурамъ. Оружіе бушме-

новъ составляетъ лукъ со стрѣлами и копье — *кири* (съ крѣпкимъ деревяннымъ наконечникомъ), которымъ они владѣютъ съ необыкновенною ловкостію. Стрѣлы намазываютъ ядомъ, отъ котораго всякая рана смертельна. Ядъ этотъ берется изъ сока эвфорбіи и одного луковичнаго растенія, извѣстнаго у колонистовъ подъ именемъ: *Giftbollen*. Ядъ змѣй, скорпіоновъ и разныхъ пауковъ доставляетъ имъ также хорошій матеріялъ (*).

Удивительно, что на охотѣ бушменъ употребляетъ тѣ же ядовитыя стрѣлы; сваливъ стрѣлою животное, онъ бросается на него съ ножомъ, вырѣзываетъ окружающія рану мясистыя части, и не заботясь о томъ, насколько ядъ могъ проникнуть дальше, съ жадностію звѣря пожираетъ остальное; ѣстъ до отвалу, до невозможности. О завтрашнемъ днѣ бушменъ не думаетъ и запасаетъ кое-что только тогда, когда ему удастся напасть на цѣлое стадо. Тутъ онъ убиваетъ сколько можетъ, сушитъ мясо и прячетъ его во всевозможные знакомые ему углы и дыры. Другая любимая его пища—саранча. Онъ легко выноситъ голодъ и даже рѣдко худѣетъ отъ долгаго поста. Изъ растительной пищи употребляютъ *U'gaap*, горько-сладкій корень, похожій на морковь, и *T'camroo*, родъ длиннаго, сладкаго картофеля, называемаго колонистами лисьимъ кормомъ.

Бушмены мало слушаютъ миссіонеровъ и, кажется, равнодушны ко всякой религіи и всякимъ религіознымъ обрядамъ. У нихъ есть, однако, общій обрядъ погребенія,

---

(*) Ядовитыя змѣи въ колоніи слѣдующія: *Vipera cornuta*, *Cerastes caudatis*, *Cobra de Capello*. Какъ средство противъ яда змѣи, мѣстные знахари, которыхъ спеціяльность состоитъ именно въ леченіи отъ укушенія змѣй и насѣкомыхъ, употребляютъ корень *Garuleum bipinnatum*. Нѣкоторыя насѣкомыя также наводятъ страхъ на здѣшнихъ жителей своимъ укушеніемъ, которое смертельно. Кромѣ этого, на мысѣ есть насѣкомое, родъ осы, очень падкое на человѣческіе волосы. Случается, что, проснувшись поутру, буръ видитъ себя совершенно лысымъ; насѣкомое подгрызаетъ волосы подъ корень такъ гладко, какъ лучшая англійская бритва, и удивительно скоро.

весьма впрочемъ несложный: трупъ кладутъ въ муравьиную яму и насыпаютъ надъ нимъ небольшой холмъ. Встрѣтивъ бушмена на улицѣ Капштадта, конечно трудно узнать его въ полу-европейскомъ костюмѣ, въ какой-нибудь курткѣ или пальто; развѣ глаза его скажутъ, что это бушменъ. Мнѣ разсказывали, что разъ привели въ капштадтскій госпиталь бушмена, которому жерновомъ мельницы оторвало обѣ руки; ему дѣлали двѣ ампутаціи, одну за другою, и онъ не только не издалъ ни одного крика, но казалось не ощущалъ никакой боли, только съ любопытствомъ смотрѣлъ, что́ съ нимъ дѣлаютъ! Терпѣніе ли это Муція Сцеволы или одеревенѣлость нервовъ?

Изъ музеума поѣхали мы въ тюрьму смотрѣть заключеннаго тамъ кафрскаго предводителя. Сначала насъ заставили вписать въ книгу наши имена, потомъ ввели, черезъ трое запертыхъ желѣзныхъ дверей, на небольшой дворикъ, на который выходили двери нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ; въ каждой изъ нихъ виднѣлась низенькая кроватъ, вездѣ было чисто и опрятно. По двору ходило нѣсколько разноцвѣтныхъ заключенныхъ, между ними не трудно было узнать плѣнника, котораго мы пріѣхали смотрѣть, тѣмъ больше, что рѣдко можно встрѣтить лицо такое характеристическое. Ему казалось лѣтъ пятьдесятъ пять, рѣдкая сѣдая бородка ясно обрисовывалась на темно-бронзовомъ лицѣ; въ широкихъ губахъ было выраженіе сильной воли; онѣ постоянно складывались въ насмѣшливую, непріятную улыбку, и никто не отыскалъ бы въ этой улыбкѣ ничего добродушнаго. На глаза его надвинутъ былъ картонный зонтикъ; они у него болѣли; гипертрофированные розовые сосочки постоянно подернуты были слезою. Ноздри широкаго сплюснутаго носа раздувались какъ у арабской лошади; въ ушахъ, вмѣсто серегъ, воткнуты были два небольшіе деревянные клинышка. Зонтикъ мѣшалъ ему смотрѣть прямо, и онъ часто подносилъ руку къ глазамъ, подни-

малъ голову и смотрѣлъ на насъ изъ-подъ руки. Онъ очень самодовольно представлялъ свою фигуру нашему любопытству, какъ-будто сознавая самъ, что онъ довольно рѣдкій звѣрь. Обращаясь на кафрскомъ языкѣ къ кому-то изъ своихъ товарищей заключенныхъ, онъ чему-то смѣялся, вѣроятно, острилъ и, какъ мнѣ показалось, надъ самимъ собою. Въ его позахъ и въ выраженіи лица видно было желаніе казаться веселымъ и веселить другихъ, какъбудто роль шута ему очень нравилась. Или это была маска, желаніе показаться твердымъ въ несчастіи?

Много разныхъ чувствъ являлось въ душѣ, когда я смотрѣлъ на этого вождя, на этого владѣтеля. Когда-то горячія патріотическія чувства воспламеняли это бронзовое лицо; огонь блисталъ въ этихъ глазахъ, теперь гноящихся и слезливыхъ. Другое выраженіе принимали эти черты лица, когда передъ ними смирялись толпы такихъ же дикарей, преклонялись его собратья и, можетъ-быть, приходила въ восторгъ молодая и пылкая кафритянка. Передъ грознымъ взоромъ его блѣднѣлъ приведенный плѣнникъ-бѣлый, и какимъ страшнымъ огнемъ, какою неистовою яростію сверкалъ тогда этотъ кровожадный взоръ, какъ страшны были эти энергическія губы, когда изъ нихъ раздавалось приказаніе рѣзать, бить, жечь... и пылали фермы, зарево пожаровъ далеко распространялось по Альбани, и стоны и крики разоренныхъ фермеровъ вторили звукамъ разгрома и разрушенія! Много горя должно было обрушиться на эту посѣдѣлую голову, чтобы грозный вождь сдѣлался такимъ, какимъ онъ былъ передъ нами, — укрощеннымъ звѣремъ, смѣющимся шутомъ!

Теперь война съ кафрами на нѣкоторое время прекратилась; многіе думаютъ — на долго. Послѣднее возстаніе ихъ не удалось. Предводители отдѣльныхъ племенъ, желая какимъ-нибудь особеннымъ средствомъ возбудить все народонаселеніе къ единодушному возстанію, убѣждали жите-

лей, чрезъ пророковъ и проповѣдниковъ, перерѣзать весь скотъ. Проповѣдники прошли весь край; ихъ пламенныя рѣчи гремѣли по горамъ и долинамъ Кафраріи, и главною силою ихъ слова былъ разсказъ о сверхъестественномъ явленіи великаго духа многимъ изъ нихъ и объ откровеніи свыше, которое сообщило имъ, что если кафры перерѣжутъ весь свой скотъ, то не только зарѣзанный теперь, но и прежде павшій, воскреснетъ въ новой красотѣ и силѣ; бѣлые снесены будутъ вихремъ въ море, гдѣ и погибнутъ, а кафры останутся владѣтелями земли и скота. Хитрость эта не совсѣмъ удалась; иные вѣрили и рѣзали свой скотъ, другіе, болѣе благоразумные, а ихъ была бо́льшая часть, ждали послѣдствій. Первые, между которыми распространился голодъ, дѣйствительно, большими партіями врывались въ Альбани, жгли, грабили и убивали; но скоро были разсѣяны. Между тѣмъ, голодъ, нужда и болѣзни заставляли ихъ бѣжать въ колоніи, воровать и грабить по-одиночкѣ; и этихъ ловили, сажали въ тюрьмы и ссылали въ дальнія колоніи.

Кафры—самое многочисленное и сильное племя въ южной Африкѣ; они занимаютъ все пространство отъ рѣки Кискама до губы Делагоа (Delagoa-bay); земли ихъ раздѣляются цѣпью горъ, лежащею по срединѣ, на двѣ половины: на западную, богатую долинами, но пустынную, и восточную, береговую, болѣе плодоносную и населенную. Въ первой половинѣ живутъ племена *тамбуки*, съ своими подраздѣленіями—кораунасами, абазутасами, мантатесами и проч. На второй, восточной, находятся *амакозы*, *зоолухи* и *ухаубауасы*.

Тамбуки живутъ въ пустынныхъ песчаныхъ степяхъ, предоставленные постояннымъ сухимъ и знойнымъ вѣтрамъ; они худощавы, но крѣпкаго сложенія; цвѣтъ кожи ихъ темный, мѣдно-красный. Амакозы выше ростомъ тамбуковъ; плодоносныя долины и тѣнь лѣсовъ, въ которыхъ живутъ

они, больше развили въ нихъ физическую силу. Цвѣтъ кожи ихъ темнѣе, близко подходитъ къ черному, но не на столько, однако, чтобы нельзя было замѣтить румянца щекъ.

Вообще, кафры, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, стоятъ выше всѣхъ народовъ южной Африки; умомъ и многими качествами они много напоминаютъ *краснокожихъ* Сѣверной Америки. Про нихъ говорятъ, что они мудры въ совѣтѣ и храбры въ бою, остроумны и великодушны, благодарны за малѣйшее одолженіе и патріоты въ самомъ обширномъ значеніи слова. Ростъ ихъ достигаетъ обыкновенно 6, 7 футъ; малорослыхъ и тщедушныхъ между ними нѣтъ. Въ движеніяхъ и пріемахъ Кафра столько благородства и изящества, что одинъ англійскій путешественникъ назвалъ ихъ народомъ джентльменовъ. Кафры большіе дипломаты, и ихъ понятія о предметахъ, для нихъ совершенно новыхъ, иногда удивительно вѣрны. О Европѣ и ея государствахъ знаютъ они довольно вѣрно и много, а политическія извѣстія Европы, Богъ знаетъ какимъ путемъ, доходятъ до нихъ такъ же скоро, какъ и до колонистовъ; извѣстный фактъ, что кафры знали о послѣдней французской революціи и низложеніи Лудовика Филиппа раньше, нежели колонисты. Одинъ разъ каптаунскій губернаторъ вздумалъ погрозить имъ, что черезъ три дня явится къ нимъ изъ Англіи военный пароходъ; «неправда, отвѣчалъ кафръ, два раза перемѣнится луна, прежде нежели придетъ къ вамъ приказаніе отъ вашей королевы».

Изъ религіозныхъ обрядовъ у кафровъ существуетъ только обрѣзаніе, неизвѣстно когда и какимъ образомъ установленное между ними. Они не татуируются; но во время войны красятъ себя красными и бѣлыми полосами и натираютъ тѣло какимъ-то краснымъ жирнымъ составомъ. Кромѣ ружей, замѣнившихъ ихъ прежній ассагай,

родъ пращи, они еще ничего не приняли изъ европейскаго оружія. Сами они довольно хорошо выдѣлываютъ металлическія вещи, стрѣлы, концы копій, кольца и браслеты для женъ, ножи и пр.; другія покупаютъ у странствующихъ европейскихъ торгашей. Хижины кафровъ напоминаютъ своею постройкою ульи; снаружи смазаны глиною, съ узкою и высокою отъ земли дверью, изъ предосторожности отъ хищныхъ звѣрей. Пищу варятъ въ глиняныхъ обожженныхъ горшкахъ. Внутри хижина устилается тростниковыми рогожками, матами, что придаетъ ей чистый и веселый видъ. Безъ этихъ матовъ кафръ никогда не отлучается далеко отъ дома; но главное франтовство его составляетъ маленькая ложечка для нюхательнаго табаку, которою онъ черпаетъ табакъ изъ табатерки, большею частію деревянной, съ вырѣзанными на ней фигурами. Вся одежда ихъ состоитъ изъ кожаныхъ плащей и мокасинъ; плащи въ разныхъ мѣстахъ прошиты шелкомъ и бисеромъ. На женщинахъ бываютъ кожаные колпаки и другія украшенія, искусно вышитыя также шелкомъ и бисеромъ. На женахъ лежитъ вся тяжелая забота: онѣ работаютъ въ полѣ, строятъ хижины, готовятъ пищу; мужья воюютъ, охотятся, а дома выдѣлываютъ мелкія вещи изъ иглъ дикобраза и т. п., какъ напримѣръ коробочки, подносики, и такъ тонко и искусно, что невольно заставляютъ удивляться, какимъ образомъ рука, бросающая съ такою силою копье, можетъ выдѣлать такую искусную вещь.

Кафры питаются преимущественно молокомъ, которое хорошо сохраняется у нихъ въ землѣ, въ глиняныхъ сосудахъ, оплетенныхъ тростникомъ. Если имъ приходится бить собственный скотъ, то они немного ѣдятъ мяса, но за то пожираютъ его съ нечеловѣческимъ аппетитомъ, когда нападаютъ на чужое. Они дѣлаютъ еще родъ похлебки изъ маиса и молока; изъ дикихъ плодовъ ѣдятъ Mystroxylon, киви, и Sideroxylon.

Англійское правительство посылаетъ предводителямъ ихъ подарки, большею частію разныя дорогія матеріи и платья; кафры берутъ ихъ, но никогда не носятъ; кафритянки со смѣхомъ бросаютъ богатыя шелковыя платья, обшитыя брюссельскими кружевами, предпочитая имъ свои кожи.

Рогатый скотъ составляетъ все богатство кафра; разницу состояній нельзя замѣтить ни въ одеждѣ, ни въ образѣ жизни кафровъ; богатые только имѣютъ больше скота. За воловъ покупаетъ себѣ кафръ жену, волами уплачиваетъ свой долгъ и денежное взысканіе. Чтобы достать скота, вспыхиваетъ война, и миръ заключается за стадо быковъ. Во время войны кафръ угоняетъ только скотъ, все остальное жжетъ, уничтожаетъ, или оставляетъ безъ всякаго вниманія. Пророки ихъ знали, что̀ дѣлали, убѣждая ихъ перерѣзать скотъ!

Вся нація кафровъ дѣлится на множество колѣнъ, управляемыхъ каждое своимъ главой, который въ свою очередь признаетъ власть большихъ предводителей, независящихъ другъ отъ друга. Часто одно колѣно ведетъ войну съ другимъ, между тѣмъ какъ остальныя остаются спокойными зрителями. Глава тамбуковъ — *Крели*. Часть амакозовъ, называемая *х'лламби*, признаетъ предводителемъ *Умхалу*, а сильное поколѣніе гаика — *Сандили*, управляющаго за свою мать, *Сута*. Высшая власть находится въ рукахъ верховнаго совѣта—*амапахати*. Власть предводителей наслѣдственна и переходитъ къ *великому сыну*, то-есть рожденному отъ послѣдней жены, которую предводитель беретъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ; поэтому почти всегда власть находится подъ вліяніемъ верховнаго совѣта.

Войну съ колонистами вели постоянно племена х'лламби и гаика; особенно послѣдніе играли въ ней важную роль и первенствовали между своими; многіе изъ ихъ героевъ составили себѣ громкую славу; между первыми стали извѣ-

стны *Пато*, *Кобузъ Конго*, *Сивани* и особенно *Умхала*; у гаиковъ—*Макомо* съ своими двумя сыновьями *Кона* и *Намба*, *Штохъ*, *Тла-тла Цана* и *Сандили*, кафрскій Шамиль, предводительствовавшій во время соединеннаго религіознаго кафрскаго возстанія.

Сандили былъ высокаго роста, съ прекраснымъ мужественнымъ лицомъ и съ выраженіемъ достоинства предводителя. Рѣчь его была тиха и размѣрна, никогда не шумлива и рѣдко горяча; онъ не носилъ на себѣ никакихъ знаковъ власти; только тигровая шкура, висѣвшая на его плечахъ, отличалась богатствомъ. Военный талантъ его признаютъ сами англичане; онъ постоянно разнообразилъ свои маневры, сбивая съ толку европейскую тактику: то стремительно нападалъ сильною сомкнутою колонною, то раздѣлялъ ее на малочисленные отряды, направлялъ ихъ на разныя точки и потомъ, въ быстромъ отступленіи, снова соединялъ ихъ; то, наконецъ, разсыпалъ войско въ застрѣльщики, смотря по мѣстности, и вдругъ, собравшись быстро въ массу, ударялъ опять сомкнутымъ фронтомъ. Преслѣдуя кафровъ, колонисты и англійскія войска истомлялись трудными переходами, въ продолженіи которыхъ, иногда по нѣскольку дней, не видѣли непріятеля; между тѣмъ, кафры, выждавъ удобную минуту, быстро и неожиданно нападали, скрывались такъ же быстро и снова появлялись въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ всего меньше могли ожидать. Лучше нельзя было дѣйствовать въ ихъ положеніи. Театромъ этихъ кровавыхъ драмъ были роскошныя долины Альбани, самой богатой провинціи колоній, гдѣ все говоритъ о благосостояніи и довольствѣ: веселыя деревни и мызы окружены садами, на роскошныхъ лугахъ пасутся безчисленныя стада; все здѣсь цвѣтетъ и радуетъ взоръ, до перваго вторженія кафрской орды, превращающей все въ пустыню, пепелища и развалины (*). Разорившійся

(*) Послѣ войны 1834 года *семь тысячъ* человѣкъ были совершенно разо-

фермеръ оставляетъ сожженное жилище нищимъ, основывается на новомъ мѣстѣ и быстро и легко поправляется, благодаря здѣшней благодатной природѣ, до новаго разоренія и новаго горя. Извѣстіе о впаденіи кафровъ, какъ электрическая искра, проносится въ провинціи; на горахъ вспыхиваютъ сигнальные огни, весь край поднимается на ноги, и начинаются схватки, деревни пылаютъ, и льется кровь. Кажется, такое невѣрное и безпокойное положеніе должно бы было у всякаго отнять желаніе жить здѣсь; но, напротивъ, наплывъ англійскихъ переселенцевъ такъ великъ, что народонаселеніе провинціи съ каждымъ годомъ становится тѣснѣе.

Среди Альбани тысячью изгибами протекаетъ *Рыбная рѣка*, въ берегахъ, густо поросшихъ мимозою (Mimosa horrida), которая растетъ такъ плотно и часто, что въ ней прорубаютъ просѣки для прогона стадъ на пастбища и водопой. При вторженіи въ колонію, кафры скрываются въ этихъ непроходимыхъ кустахъ, и нѣтъ никакихъ средствъ выжить ихъ оттуда; пробовали жечь кусты, но сочная мимоза не поддается огню, и такимъ образомъ эти кусты и рощи, краса страны, составляютъ гибель и разореніе для колонистовъ. Прорубать въ нихъ поляны и широкія просѣки, какъ у насъ дѣлаютъ въ Чечнѣ, колонисты не имѣютъ средствъ и достаточной силы. При первой тревогѣ, колонистъ бросаетъ хозяйство и берется за оружіе; домъ его превращается въ укрѣпленіе; онъ собираетъ къ себѣ сосѣдей, которымъ собственныхъ средствъ недостаетъ для защиты, заколачиваетъ окна и двери и отстрѣливается, сколько можетъ. Натурально, что это положеніе образовало изъ колониста храбраго и находчиваго солдата; кафръ одного колониста боится больше, нежели трехъ *красномундирниковъ*, какъ называетъ онъ солдатъ.

рены; разрушено и сожжено было 455 фермъ, похищено 111 418 быковъ и 156 878 овецъ!

Извѣстный Мако́мо старъ, дряхлъ и хилъ; онъ одѣтъ бѣдно, если костюмъ его можно назвать одеждою; живетъ гдѣ можетъ, на счетъ другихъ, потому что самъ совершенно нищъ. Онъ принимаетъ подаяніе, однако никто не видалъ его просящимъ милостыню, онъ принимаетъ какъ бы должное ему, какъ дань. Въ лицѣ его видно выраженіе независимости, и въ глазахъ умъ, во всемъ лицѣ—смѣлость и рѣшительность. Прежде, до войны онъ жилъ большею частію въ портѣ Бофортъ, шляясь по кабакамъ и харчевнямъ,—тотъ самый Мако́мо, который владѣлъ плодоносными странами между рѣками Кая и Кидкама и имѣлъ большое вліяніе на свой народъ. Его стали упрекать въ бродяжничествѣ и пьянствѣ; но какъ были удивлены европейцы, когда узнали, что Мако́мо сталъ, вмѣстѣ съ Сандили, во главѣ кафровъ! Мако́мо разыгрывалъ роль бродяги, служа своимъ соотечественникамъ агентомъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ, послѣдовательностію и добросовѣстностію. Послѣ кафрской войны 1835 года, бывшій бродяга явился въ совѣтъ предводителей со свитою въ 600 конныхъ и 1000 пѣшихъ воиновъ.

Земли, лежащія по южному берегу Рыбной рѣки, были населены до 1776 года *гонака—готтентотами*, предводитель которыхъ, Руйтеръ, продалъ эти земли кафрамъ, а самъ, съ своимъ народомъ, отступилъ къ Бушменской рѣкѣ. Колоніяльное правительство, подъ предлогомъ возстановленія правъ готтентотовъ на эти земли, вытѣснило оттуда кафровъ (въ 1811 и 12 годахъ); но не отдало готтентотамъ ни одной десятины... Съ этихъ поръ начинается постоянная война кафровъ съ колонистами. Нельзя не пожелать, чтобы восторжествовала правая сторона, хотя, къ стыду европейцевъ, она принадлежитъ дикарямъ.

Многоженство дозволяется у кафровъ, но жены сто́ятъ дорого, и потому у рѣдкаго предводителя есть небольшой гаремъ. Замѣчательно, что молодые люди обоихъ половъ

собираются одинъ разъ въ годъ въ одно мѣсто, и тамъ празднуется, всѣми вмѣстѣ, общая свадьба (Runlho). Говорятъ, будто этотъ развратъ есть слѣдствіе заботы о размноженіи народонаселенія; но это вовсе не можетъ содѣйствовать умноженію народонаселенія, скорѣе напротивъ; вѣроятно, обычай этотъ происходитъ изъ дикихъ первобытныхъ понятій народа; послѣ этого, конечно, кафрскія женщины, выйдя замужъ, не могутъ похвалиться нравственностію, тѣмъ болѣе, что мужчины смотрятъ на это совершенно равнодушно. Кафритянки довольно красивы и изъ красоты умѣютъ извлекать выгоды. Хорошенькія изъ нихъ приходятъ въ непріятельскій лагерь съ разными бездѣлушками, какъ-будто для продажи, жалуются на нужду и голодъ, хотя ихъ красиво-округленныя таліи говорятъ противное, и умѣютъ вынудить участіе и состраданіе... Высмотрѣвъ и узнавъ, что́ нужно, онѣ возвращаются домой, къ предводителямъ, съ требуемыми свѣдѣніями. Кафры никогда не посылаютъ шпіонами мужчинъ.

Томасъ Принглъ *(Wrongs of Amakosa)* приводитъ любопытную рѣчь кафрскаго уполномоченнаго, послѣ безпрерывныхъ стычекъ посланнаго (въ 1818 г.) къ англійскому главнокомандующему. Рѣчь эта полна силы и оригинальной, кафрской поэзіи.

«Англійскій вождь! Эта война—несправедливая война; вы хотите покорить народъ, который сами же заставили взяться за оружіе. Когда наши отцы и бѣлые встрѣтились въ первый разъ въ Цуурвельдѣ (Альбани), они стали жить въ мирѣ, ихъ стада паслись вмѣстѣ по холмамъ и долинамъ; а хозяева ихъ курили изъ одной трубки; они были какъ братья. Колонисты стали жадны, и когда имъ нельзя было вымѣнять всего нашего скота на свои старыя пуговицы и бисеръ, они захотѣли отнять нашъ скотъ силою. Наши отцы были мужи; они любили свой скотъ, ихъ жены и дѣти питались его молокомъ; они стали оборонять

собственность, и началась война. Отцы наши вытѣснили буровъ изъ Цуурвельда и поселились тамъ, потому что они честно завоевали эту землю; тамъ мы были обрѣзаны, тамъ мы брали себѣ женъ, тамъ родились наши дѣти. Буры ненавидѣли насъ, но покорить не могли. Но вы (англичане) пришли сюда и подружились съ нашими врагами. Вы назвали коварнаго Коику братомъ и захотѣли завладѣть Цуурвельдомъ; вы налетѣли на насъ какъ саранча. Мы уступили; больше намъ нечего было дѣлать. Вы сказали намъ: отступите за Рыбную рѣку, вотъ все, что́ мы хотимъ; мы послушались и отступили на землю отцовъ. Мы жили съ вами мирно. Можетъ-быть, нѣкоторые негодяи наши грабили у васъ, но весь народъ нашъ былъ смиренъ, и предводители были смирны. А Коика, другъ вашъ, воровалъ, и предводители его воровали, и весь народъ воровалъ. Вы давали имъ мѣдь, давали бисеръ, давали лошадей; на нихъ они ѣздили, чтобъ еще удобнѣе было воровать. А къ намъ вы присылали только войска. Мы поссорились съ Лахой за траву. Это вамъ не понравилось; вы послали къ намъ войска, вы отняли у насъ послѣднюю корову; вы оставили намъ только нѣсколько телятъ. Мы и дѣти наши умирали отъ нужды и голода.

«Половину добычи отдали вы Лахѣ; другую взяли себѣ. Безъ молока умирали у насъ жены и дѣти; мы видѣли, что наконецъ и сами помремъ, и бросились за угнаннымъ скотомъ на колонію. Мы грабили и дрались, за свою жизнь. Мы застали васъ врасплохъ; уничтожили вашихъ солдатъ; мы чувствовали тогда, что были сильны! Мы напали на вашу главную квартиру, и еслибъ успѣли взять верхъ, то правое дѣло восторжествовало бы, потому что вы начали войну. Но случилось не такъ, и вы теперь здѣсь.

«Мы хотимъ мира, хотимъ отдохнуть въ своихъ хижинахъ, намъ надобно молока для дѣтей, мы хотимъ охо-

титься и желаемъ, чтобы нашихъ женъ оставили въ покоѣ. Но ваши войска заняли наши степи, скрываются въ чащѣ лѣсовъ, и тамъ, не различая мужчины отъ женщины, убиваютъ всѣхъ одинаково!

«Вы приказываете намъ признать права Каика. Его лицо красиво для васъ; а сердце его черно. Оставьте его, помиритесь съ нами; пускай его воюетъ одинъ, мы не попросимъ у васъ помощи. Освободите Манканну, и другіе придутъ сами заключить съ вами миръ и не нарушать его. Но вы хотите войны, вы твердо желаете уничтожить всѣхъ насъ, до послѣдняго.

«Каика же (*) никогда не будетъ властвовать надъ тѣми, которые считаютъ его за женщину.»

До обѣда мы пошли опять гулять по городу; заходили въ магазины, которые здѣсь довольно хороши и смотрятъ настоящими англійскими магазинами: они не блестятъ выставленными товарами, почти все спрятано и закупорено, но за то все есть и все хорошее. Опять попали въ ту дубовую аллею, которая отдѣляетъ ботаническій садъ отъ губернаторскаго дома. Домъ этотъ тоже обнесенъ садомъ, гдѣ

(*) Капское правительство, вмѣшавшись въ ссору Каики съ сосѣдними племенами, послало сильное войско за Рыбную рѣку и угнало до 23 000 головъ скота. Приведенные въ отчаяніе и вынужденные нуждою и голодомъ, враги Каики соединились и, побуждаемые своимъ проповѣдникомъ Манканною, ворвались въ числѣ десяти тысячъ въ колонію и захватили Грамстоунъ (Grahamstown), гдѣ была главная квартира англійской арміи. Скоро, однако, они должны были отступить; ихъ преслѣдовали, жгли ихъ *крали* (деревни), запасы, и убивали всѣхъ, и мужчинъ и женщинъ... Доведенные до крайности, кафры отправили къ англичанамъ пословъ съ приведеннымъ предложеніемъ. Манканна былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Капштадтъ, откуда его отправили на островъ Роббенъ (Robben), находящійся въ Столовой бухтѣ. Онъ бѣжалъ оттуда и второпяхъ утонулъ. Кречмаръ подробно описываетъ всѣ эти событія; сочиненіе его есть плодъ самаго внимательнаго и добросовѣстнаго изученія страны. Онъ докторъ медицины и около десяти лѣтъ прожилъ въ капскихъ колоніяхъ.

разгуливаетъ страусъ, мелькаютъ по кустамъ антилопы и другія дикія козы и еще какіе-то журавли; все это только остатки бывшаго здѣсь хорошаго звѣринца.

Губернаторъ, г. Грей, всѣми очень любимъ; прежде онъ былъ губернаторомъ въ Новой Зеландіи, гдѣ заводилъ колоніи. Желая нравственно дѣйствовать на туземцевъ и внушить имъ охоту къ образованію, онъ перевелъ, на новозеландскій языкъ, чью-то исторію Петра Великаго; и замѣчательная вещь, примѣръ Петра необыкновенно сильно подѣйствовалъ на многихъ предводителей! Они съ жаромъ стали учиться сами и учить своихъ подчиненныхъ.

Теперь здѣшніе губернаторы уже не имѣютъ той власти, какою пользовались прежде, когда какой-нибудь секретарь самовластно распоряжался въ краю и наживалъ огромныя деньги. Капскимъ колоніямъ дана полная самостоятельность; уже четыре года, какъ у нихъ есть свой парламентъ, ограничивающій дѣйствія губернатора (*) и собирающійся въ присутствіи королевскаго прокурора. За нѣсколько дней до нашего пріѣзда было открытіе парламента на нынѣшній годъ, и въ первомъ засѣданіи предложено было три билля: 1) объ открытіи въ Каптаунѣ университета; 2) объ устройствѣ каменнаго *брекватера* въ Столовой бухтѣ и 3) о проведеніи желѣзной дороги до Уорстера и дальше. Правительство, пользующееся только четыре года своею самостоятельностію, энергически берется за дѣло; но, къ сожалѣнію, финансовыя средства его еще не соотвѣтствуютъ потребностямъ страны; до сихъ поръ расходы на колонію превышаютъ даваемые ею доходы.

(*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прокладывали дорогу въ Уорстеръ; она неминуемо должна была идти черезъ мѣстечко Паарль, весьма значительное. Секретарь главнаго управленія, tout comme chez nous, просилъ съ жителей Паарля четыре тысячи фунт. стерл.; они не дали,—и дорога пошла стороною. Къ счастію, теперь въ колоніи основанъ парламентъ, распоряженія котораго устраняютъ подобныя злоупотребленія административныхъ лицъ.

Развивающееся въ восточныхъ провинціяхъ *овцеводство* и высокое качество шерсти даютъ многимъ здѣшнимъ начальникамъ надежду на значительное увеличеніе доходовъ колоніи.

Вывезено	шерсти	въ 1833	году	111 077	фунт.
—	—	— 1843	—	1 754 737	—
—	—	— 1853	—	5 912 927	—

Усиленіе вывоза значительно; но какова бы ни была шерсть, она не индиго и не сахарный тростникъ, такъ щедро вознаграждающій въ другихъ колоніяхъ труды хозяевъ.

Другой важный предметъ вывоза колоніи — *вино*, не констанское, котораго вывозится очень мало, но смѣсь виноградного сока и водки, извѣстная подъ названіемъ *imitation*, которая, замѣтимъ для нашихъ любителей, подъ именемъ мадеры, портвейна и проч. везется въ Англію, а оттуда, перейдя вторично чрезъ лабораторію виноторговцевъ, развозится по всей Европѣ уже настоящею мадерою и настоящимъ портвейномъ...

Въ 1839 году англійское правительство освободило въ колоніи рабовъ. Слѣдствіемъ этого было то, что буры ушли на востокъ, основали тамъ Портъ-Наталь, и поселились до Делагоа-бе и земли зоолуховъ. Колонизація эта, конечно, не обошлась безъ кровопролитій; еще и до сихъ поръ колонисты подвержены частымъ нападеніямъ воинственныхъ дикарей-сосѣдей. Внутри новозанятой земли есть деревня, носящая грустное названіе «Плача» (Weenen): здѣсь перерѣзано было 500 челов. буровъ царькомъ зоолуховъ, Дингааномъ. Земли, окружающія Портъ-Наталь, необыкновенно плодородны; безчисленные источники горъ Каталамбы соединяются въ рѣки, орошающія долины, и

Колонія начинаетъ благоденствовать; управленіе приняло законный характеръ, хотя всѣ другія условія остались одни и тѣ же.

вливаются въ море; на пространствѣ двухъ градусовъ, впадаетъ въ море 122 рѣки! Грунтъ земли черноземъ, на которомъ кукуруза достигаетъ такой высоты, что человѣкъ, ставъ на лошадь, не достаетъ ея верхушки. Кофе, чай, бананы и многія тропическія произведенія растутъ здѣсь въ изобиліи; жатва хлѣба бываетъ два раза въ годъ, деревья покрыты вѣчною зеленью, все круглый годъ цвѣтетъ и несетъ плодъ. Хлопчатая бумага составляетъ также одно изъ важныхъ естественныхъ произведеній колоніи; въ сѣверной ея части находятся богатыя копи каменнаго угля. Въ рѣкахъ водятся аллигаторы, змѣи шипятъ и вьются по кустарникамъ, и міазмы заразительныхъ лихорадокъ гнѣздятся въ болотистыхъ дельтахъ рѣкъ. Въ лѣсахъ есть тигры и львы, но число ихъ замѣтно уменьшается, по мѣрѣ распространенія народонаселенія.

Портъ-Наталь хотя принадлежитъ англичанамъ, но они не мѣшаются въ дѣла здѣшнихъ буровъ, уважая ихъ самостоятельность. Новое капское правительство старалось нѣкоторыми окольными путями поддержать благосостояніе колоніи; навезены были многіе «цвѣтные» работники, руки стали дешевы въ Капѣ; но, несмотря на это, колонисты недовольны. Не измѣняя своей голландской натурѣ, они флегматически перетерпѣли переходное состояніе и отмалчивались точно такъ же, какъ прежде отстаивали свои земли отъ нападеній дикихъ сосѣдей и дикихъ звѣрей. Какъ бы то ни было, но хозяйственная машина мало-помалу пошла, и теперь колонія уже требуетъ университета и желѣзныхъ дорогъ, доказывая здоровое состояніе своего политическаго организма. Устройство брекватера сдѣлаетъ капштадтскій рейдъ однимъ изъ самыхъ удобныхъ.

Къ 6-ти часамъ мы возвратились въ гостиницу и, приведя въ порядокъ свой туалетъ, сошли, по звонку, въ общую залу. Серебро и хрусталь на столѣ искрились и блистали при свѣтѣ газовыхъ лампъ. Блюдъ было вдвое больше,

чѣмъ за завтракомъ, и всѣ они покрыты были жестяными колпаками. Всякій распоряжается тѣмъ блюдомъ, противъ котораго сидитъ, но не прежде, какъ всѣ поѣдятъ супъ и рыбу... Кромѣ этого общаго строгаго чина, соблюдается еще множество мелочей; такъ напримѣръ, бѣда, если вы станете рѣзать рыбу ножомъ, если что-нибудь на концѣ ножа поднесете ко рту, если высморкаетесь за столомъ и пр. Человѣкъ, совершившій одно изъ подобныхъ преступленій, навсегда лишается званія джентльмена. Подъ конецъ стола подаются пломпуддинги и кексы, за ними сыръ, огурцы, редиска, петрушка. Наконецъ, со стола снимается все, даже скатерть, и на столѣ является дессертъ: плоды, орѣхи, сладкое вино и кофе. А. С. О. былъ въ своей тарелкѣ...

Вечеръ провели на балѣ, родъ маленькаго Valentino. Малайцы играли на двухъ скрипкахъ и флейтѣ; ими дирижировалъ страшный толстякъ; онъ же и собиралъ деньги за входъ. Нѣсколько свѣчъ, вправленныхъ въ несовсѣмъ красивыя люстры, освѣщали небольшую залу; по сосѣдству, чрезъ отворенныя двери, видѣнъ былъ курятникъ, и иногда крикъ пѣтуха гармонически смѣшивался съ звуками польки.

На другой день я долго ходилъ по окрестностямъ города. Прекрасныя кедровыя рощи окружаютъ Капштадтъ; зелень ихъ такъ густа, что если посмотришь на деревья нѣсколько сверху, то они кажутся сплошнымъ зеленымъ мохнатымъ ковромъ; рѣдко встрѣтишь тѣнь, которая бы отдѣляла одну группу отъ другой. Попалъ и на купеческую пристань, на которой устроены рельсы; по нимъ подвозятъ огромныя фуры для складки товаровъ. Погода была хорошая, тихая; облака бродили по Столовой горѣ, неподвижною массою; какъ зеркало, стояло море на рейдѣ, гдѣ около 40 судовъ, различной величины, чернѣли своими снастями и корпусами, отражаясь въ спокойной глади водъ. Нѣкоторыя суда

отдавали паруса для просушки, на другихъ дымились трубы; флаги всѣхъ націй пестрѣли, сонно повиснувъ на флагштокахъ. По обѣимъ сторонамъ деревянной пристани, столпившись въ кучи, краснѣли шлюпки съ своими пестрыми гребцами, предлагавшими свои услуги. На нѣкоторыхъ лодкахъ были мачты, и неубранные паруса красиво драпировались на длинныхъ реяхъ. На иныя шлюпки укладывали свѣжее мясо, на другія зелень, корзины съ виноградомъ и плодами; собаки шныряли у ногъ. Говоръ разноязычной толпы, крикъ, стукъ, плескъ веселъ, все сливалось въ общій гармоническій гулъ, заставившій меня долго простоять на мѣстѣ.

Здѣсь, также какъ на Мадерѣ, сигналами извѣщаютъ объ опасности стоящія на рейдѣ суда, предлагая сняться съ якоря. Многія примѣты даютъ знать на мысѣ о неблагопріятной погодѣ; такъ напримѣръ, если *на столѣ накрыта скатерть, если левъ надѣнетъ чепецъ* и т. п., то будетъ свѣжо, то-есть если Столовая или Львиная гора покроются туманомъ.

Переходя изъ улицы въ улицу, съ пристани на рынокъ, попали мы съ Ч. на дворъ пакгауза, гдѣ толпа индусовъ хлопотала около большихъ вѣсовъ, вѣшая огромные тюки и складывая ихъ потомъ въ цѣлыя горы. Почти всѣ индійцы были голые; небольшіе бѣлые передники, красныя фески да ожерелье составляли весь костюмъ ихъ. На нѣкоторыхъ были бѣлые плащи, набросанные съ такимъ вкусомъ и умѣньемъ, что можно было засмотрѣться на складки этой живописной одежды, облегающей коричневое тѣло. Толпою распоряжался небольшой худенькій человѣкъ, кровный индусъ, въ чалмѣ изъ тонкой бѣлой шали и въ бѣлой рубашкѣ, или туникѣ, красиво драпировавшейся на его граціозномъ, породистомъ станѣ. Собою онъ былъ тоже очень хорошъ; взглядъ орла, тонкій, прямой носъ съ прекрасно очерченными ноздрями, ротъ почти женскій; не-

большіе усы темнѣли даже на темномъ фонѣ кожи; маленькія сухія руки, съ тонкими длинными пальцами, могли бы возбудить зависть самого лорда Байрона, который красоту рукъ своихъ ставилъ, кажется, выше своей поэтической славы, и котораго аристократическое происхожденіе Али-паша призналъ по рукамъ и ушамъ. Красавецъ индусъ встрѣтилъ насъ съ подобострастнымъ поклономъ, приложивъ руку ко лбу и низко поклонившись. Я попросилъ его постоять смирно, чтобы набросать съ него этюдъ; послѣ обѣщанія на водку, онъ согласился; всѣ другіе бросили работу и съ любопытствомъ окружили насъ, образуя самую оригинальную и живописную группу. Можно было засмотрѣться на ихъ живыя и умныя лица, ихъ свободныя движенія и граціозныя позы; наши «фигурные» художники пришли бы въ восторгъ отъ этой картины!... Но господинъ, который нанялъ индійцевъ для работы, вовсе не раздѣлялъ нашего восторга; сначала онъ, ворча какъ бульдогъ, ходилъ кругомъ насъ, но наконецъ безъ церемоніи разогналъ живую картину.

Вечеромъ мы были въ концертѣ, довольно оригинальномъ. Турокъ, а можетъ быть и не турокъ, но только человѣкъ съ длиннымъ турецкимъ названіемъ Али-бенъ-Суаалиса и пр., игралъ на персидскомъ инструментѣ, *туркофонъ*; странно было видѣть вышедшую на подмостки фигуру, въ классическомъ восточномъ нарядѣ, раскланивающуюся униженно предъ «почтеннѣйшею» европейскою публикою; турокъ вѣроятно не зналъ, что кланяться такъ— прилично только во фракѣ.... Хотя бы талантомъ или искусствомъ искупилъ онъ униженіе своего романическаго костюма; но нѣтъ, онъ игралъ довольно посредственно, и даже въ афишѣ объявлено было, имъ самимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ игралъ съ большимъ, а въ другихъ «съ порядочнымъ» успѣхомъ. Только эта откровенность изобличала въ немъ настоящаго турка.

На слѣдующій день собрались мы идти на Столовую гору. Утро было прекрасное, на небѣ ни одного облачка, воздухъ дышалъ свѣжестію. Въ половинѣ девятаго вышли мы, вчетверомъ, изъ гостиницы, въ сопровожденіи голоногаго малайца, навьюченнаго большою корзиною, съ съѣстными припасами. Мы собрались на день, а взяли, какъ говорится, хлѣба на недѣлю, вовсе не такъ, какъ поступаютъ европейскіе туристы; наши сборы напомнили намъ очень живо выѣздъ русскихъ помѣщиковъ къ роднымъ или сосѣдямъ, верстъ за пятьдесятъ. На дорогѣ есть постоялый дворъ или хуторъ, куда надобно заѣхать кормить лошадей; надо и закусить, а на хуторѣ кромѣ кислаго квасу, да чернаго хлѣба, конечно, ничего нѣтъ; и вотъ съ утра подвезенъ къ крыльцу длинный тарантасъ, начинается бѣготня, укладываютъ пирожки, индѣйку, хлѣбъ, печеныя яйца, соль въ бумажкѣ и проч. и проч., и все это пригодится въ дорогѣ... Блаженной памяти Араго пошелъ на Столовую гору съ однимъ яблокомъ въ карманѣ, и вѣрно не дошелъ бы до ея вершины, еслибы не встрѣтилъ на дорогѣ племянника Кювье, который запасся однимъ сухаремъ. «Но ихъ примѣръ былъ намъ наукою»: согнулась спина малайца подъ тяжестію ростбифа и другихъ принадлежностей холоднаго завтрака на четыре персоны, уложеннаго систематически въ большой корзинѣ хозяиномъ гостиницы, вѣроятно хорошо знакомымъ съ русскими обычаями...

Подкрѣпляемые свѣжестію утра, шли мы бодро и скоро оставили за собою городъ, войдя въ тѣнь длинной аллеи; съ обѣихъ сторонъ ея были кедровыя рощи, изъ-за густой зелени которыхъ проглядывали высокія трубы бѣлыхъ голландскихъ домиковъ или крылья вѣтряныхъ мельницъ, окрашенныя въ красную краску. Скоро лѣсъ началъ рѣдѣть; съ одной стороны потянулась бѣлая низенькая стѣнка, скрываемая мѣстами кустарникомъ; за нею виднѣлись де-

ревья и домики; потомъ опять пошелъ лѣсъ и, наконецъ, зеленая равнина, поднимающаяся до самой Львиной горы. Съ другой стороны аллеи журчалъ ручей, растекаясь нѣсколькими протоками, омывавшими то груду камней, то густой кустарникъ, то зеленый лужокъ; дальше красовались рощи, возвышаясь одна надъ другою; за ними, еще выше, сѣрые каменные уступы горы, окаймленные зеленью, потомъ голыя массы камня, образующія трехглавую гору, извѣстную подъ именемъ «Чортова пика» (Devils pik). Тропинка вилась по ручью, часто переходя черезъ него по набросаннымъ камнямъ. На каждомъ шагу попадались намъ прачки, чернолицыя кафритянки и малайки, въ изорванныхъ платьяхъ, отличавшихся, несмотря на лохмотья, яркостію и смѣсью цвѣтовъ. Стукъ вальковъ, плескъ полоскаемаго въ мыльной водѣ бѣлья, звукъ рѣзкаго языка болтливыхъ дикарокъ, удивленные взгляды ихъ черныхъ глазъ, при видѣ путешественниковъ, и сверкающія бѣлыми зубами улыбки—все это встрѣчало насъ у каждаго куста и каждаго утеса, отражавшагося въ мыльной водѣ. Кустарникъ сталъ опять гуще и разросся шире, деревья толпились группами, образуя красивыя рощи, убиравшія холмы, которые взбирались другъ на друга. Прачки, и вальки, и простыни ихъ исчезли; тропинка вышла изъ рощи и повела насъ по гранитному взлобку, дотого гладкому, что скользила нога, уже начинавшая трястись отъ усталости; то шла мимо водопада, который съ шумомъ и гуломъ, широкою струею, низвергался на камни, прибавляя силы оставленному нами ручью; то опять входила въ густой кустарникъ, котораго сплетенныя вѣтви надобно было безпрестанно раздвигать руками. А между тѣмъ, и руки и ноги устали; солнце сильно пекло, дыханіе становилось тяжело, во рту сохло, а виноградъ мы съѣли еще при началѣ дороги. Наконецъ рѣшили отдохнуть, въ тѣни развѣсистыхъ деревъ, на скамейкѣ, въ сосѣдствѣ рощи «серебрянаго» дерева.

Нѣсколько глотковъ хереса подкрѣпили насъ, и когда дыханіе стало ровнѣе, мы пустились дальше. Дорога становилась труднѣе,—если только эту, едва замѣтную тропинку можно назвать дорогою; она взбиралась все круче и круче; ноги то вязли въ пескѣ, то ударялись объ острые камни. Кустарникъ рѣдѣлъ, наконецъ совсѣмъ пропалъ, и солнце безнаказанно палило наши головы. По русской привычкѣ мы стали снимать тяготившее насъ платье: сначала галстухъ, потомъ пальто, жилетъ, наконецъ, и шляпу, замѣняя ее платкомъ, намоченнымъ въ водѣ. Одинъ А. А. К. не рѣшился разстаться съ своею шляпой и былъ очень живописенъ въ ней, съ pince-nez на носу и почти въ одномъ бѣльѣ.

Мы забыли мудрое правило: во время всякаго дѣла, требующаго физическихъ усилій, не уступать себѣ ни въ одной мелочи; малѣйшая уступка своей слабости влечетъ за собою другую и удивительно балуетъ человѣка. Отдыхи наши становились чаще: второй продолжительный привалъ былъ на половинѣ дороги, подъ тѣнью огромнаго камня, близъ пещеры, неизвѣстно кѣмъ сдѣланной, природою или людьми. По стѣнамъ пещеры и на разбросанныхъ вблизи камняхъ нацарапаны и написаны были имена нашихъ предшественниковъ.

Несмотря на усталость, А. А. К. пошелъ въ пещеру и сталъ царапать ножемъ свою фамилію: кажется, это единственная вещь, сдѣланная имъ для своего безсмертія. Невдалекѣ сбѣгалъ съ камня ключъ; мы припали къ нему, пили, мылись и полоскались съ наслажденіемъ, и только тутъ совершенно понялъ я чувство отрады, которое испытываетъ арабъ знойной пустыни, пріѣхавъ къ оазису, гдѣ растетъ десятокъ пальмъ и въ зелени прячется родникъ. Въ пещерѣ, вмѣстѣ съ именемъ А. А., оставили мы свой завтракъ и лишнее платье, и пошли дальше. Отсюда начинался самый крутой подъемъ; кустарника уже небыло,—

одни голые камни, то въ грудахъ, то по одиначкѣ; между ними вилась тропинка и взбиралась на голые уступы. Малаецъ, какъ кошка, цѣплялся за острые камни голыми ногами и, свободный отъ тяжести корзины, шелъ бодро и легко впереди насъ, оглядываясь часто назадъ и подсмѣиваясь надъ нами. К. мало отставалъ отъ него; но я и А. А. садились черезъ каждые десять шаговъ, не внимая увѣщаніямъ; а С. совершенно изнемогъ; надъ каждымъ почти камнемъ склонялся онъ, какъ плачущая старуха надъ гробницей своего дѣтища; сравненіе это невольно пришло всѣмъ въ голову при взглядѣ на платокъ, повязанный на головѣ С., какъ повязываютъ его наши старушки; но онъ не смѣялся съ нами, усталость дѣйствовала на него, какъ на иныхъ дѣйствуетъ вино, — онъ былъ сердитъ и угрюмъ и не отвѣчалъ на наши насмѣшки. Мы, остальные, не падали духомъ, задыхались, валились на камни, но продолжали смѣяться другъ надъ другомъ; духъ нашъ былъ бодръ, но плоть немощна. Сколько проектовъ развивалъ передъ нами А. А., развалившись на колючей травѣ, прикрывавшей мѣстами острые камни: то предполагалъ устроить желѣзную дорогу на вершину Столовой горы, то сдѣлать подъемъ на блокахъ, тоже посредствомъ паровъ, то завести муловъ и пр. Но надобно было вставать; сгоряча проходили мы скоро шаговъ двадцать и садились опять! Малаецъ нашъ сталъ наконецъ пускаться на хитрости: онъ указывалъ вверхъ на какой-нибудь утесъ, говоря, что тамъ вода, или что оттуда пойдетъ положе, и это придавало намъ, на время, нѣсколько силы...

Тропинка вошла въ ущелье, которое постепенно съуживалось; съ обѣихъ сторонъ тѣснили насъ поднимавшіяся отвѣсно сѣрыя, мрачныя громады, изрѣзанныя черными трещинами, изъ которыхъ пробивался зеленый кустарникъ, украшая и смягчая рѣзкія ихъ очертанія. Часто изъ тре-

щинъ выбѣгала красивая ящерица и, блеснувъ своимъ изумруднымъ хвостомъ, быстро исчезала въ другой трещинѣ. По крайней мѣрѣ мы шли теперь въ тѣни, въ этомъ дикомъ ущельѣ; громкое, раскатистое эхо вторило каждому шагу, каждому звуку голоса и оторвавшемуся камню.

Вершина Чортова пика скрылась въ туманѣ; облако всползло и на Столовую гору; тѣнь сгущалась, становилось холодно; малаецъ съ безпокойствомъ указывалъ на это облако, совѣтуя торопиться. Но какое средство торопиться, когда едва двигаешь ноги! Притомъ мы дотого устали и ослабѣли, что намъ было рѣшительно все равно «быть или не быть»; это психологическій фактъ, которому повѣрятъ только бывшіе въ подобномъ положеніи. А между тѣмъ, все шли дальше. Ущелье съуживалось, надобно было взбираться по голымъ камнямъ на уступы, которые къ вершинѣ понижались; взлѣзли на одинъ уступъ, впереди— ничего, только небо; ниже, на горизонтѣ, засинѣло море, показалось нѣсколько вершинъ горъ, по которымъ бродили разорванныя облака; мы взошли на гору!

Вершина Столовой горы совершенно гладка, какъ столъ; даже мелкіе камни, устилающіе ее, какъ мостовую, лежатъ кверху плоскими и сглаженными поверхностями; только у края они образуютъ зубчатую стѣнку, какъ-будто карнизъ на плоской крышѣ исполинскаго храма въ индійскомъ вкусѣ. Когда подошли мы къ сѣверному краю, глазамъ предстала одна изъ тѣхъ картинъ, величественные размѣры которыхъ возвышаютъ душу, какъ звуки гайденовской ораторіи. Цѣпи горъ, съ нѣжными переливами тѣней, свѣта и тоновъ, рисовались въ необозримой дали; море неподвижною массой лежало у ногъ и уходило въ даль, сливаясь съ горизонтомъ, не линіею, но тѣнью, лазоревою, прозрачною; Столовая бухта, ярко-голубая, окаймленная рѣзкими линіями береговъ, была какъ зеркало въ

великолѣпной рамѣ; берега ея примыкали къ зеленымъ лугамъ и пестрымъ нивамъ, терявшимся въ дали; оттуда, изъ дали, текли рѣчки съ своими притоками, тамъ бѣлѣлись, какъ точки, мельницы и фермы; ближніе берега пестрѣли песчаными отмелями и наконецъ зданіями города, который казался нарисованнымъ на листѣ бумаги à vol d'oiseau. Львиная гора, изогнувшая свою лѣсистую спину, зеленѣющія рощи, бѣлые домики, стѣны, трубы, мелькающія изъ-за массы деревьевъ,—все нѣжно рисовалось въ общемъ тонѣ дали, въ общемъ блескѣ и свѣтѣ; рѣзкія тѣни и линіи сгладились и слились, какъ звуки, въ общую величественную гармонію. «Хорошо, прекрасно!» заговорили всѣ, толпясь у края обрыва и держась за выдавшіеся камни. Я попробовалъ высунуться на самый крайній уступъ; но надобно было лечь, чтобы не упасть въ пропасть, и сердце забилось какъ-то непріятно отъ ощущенія страшной высоты.

Чортовъ пикъ весь покрылся облакомъ; струи тумана двигались и къ Столовой горѣ, заволакивая правую ея сторону; надобно было торопиться идти внизъ. Веселые и довольные, съ чувствомъ торжества, скоро сбѣжали мы къ пещерѣ, гдѣ ждалъ насъ завтракъ, которымъ и занялись всѣ съ необыкновеннымъ усердіемъ. Послѣ завтрака мы наслаждались отдыхомъ часа полтора. Надобно признаться, что мы взбирались на вершину горы четыре съ половиною часа, то-есть дольше всѣхъ извѣстныхъ намъ туристовъ. Къ шести часамъ, то-есть прямо къ обѣду, возвратились въ гостиницу, гдѣ А. О. уже сидѣлъ за столомъ, заигрывая съ вилкою.

Дня черезъ два собралось насъ нѣсколько человѣкъ ѣхать верхомъ въ Констанцію. Наняли лошадей, но горячіе застоявшіеся кони понесли насъ съ мѣста, и мы, всѣ плохіе кавалеристы, поскакали въ разныя стороны по городу, представляя собою вѣроятно самыя забавныя фи-

Мысъ Доброй Надежды.

гуры; А. О. даже упалъ и заплатилъ за это, къ великой его досадѣ, пять фунтовъ штрафу. Однако это нисколько не остановило его и не разстроило нашей кавалькады; всѣ собрались, кое-какъ сладили съ лошадьми и послѣдовали за А. О., который, несмотря на паденіе, храбро поднялъ своего караковаго коня въ курцъ-галопъ. Думаю, что мы напомнили англичанамъ почтенныхъ членовъ Пиквикскаго клуба. Сначала мы поѣхали по дорогѣ къ Симоновой губѣ, потомъ свернули вправо, и миновавъ множество фермъ, рощей, аллей и красивое мѣстечко Винбергъ съ превосходными виноградниками, достигли наконецъ Большой Констанціи.

Къ дому голландской архитектуры вела дубовая аллея; со двора открывался видъ на Фальшивую губу съ ея гористыми берегами и лазоревою гладью водъ. Хозяинъ, М. Клёте (Klöte), толстый голландецъ, встрѣтилъ насъ любезно, повелъ по виноградникамъ и давалъ отвѣдывать отъ всякаго сорта, объясняя притомъ какой виноградъ идетъ въ какое вино. Потомъ пошли въ погребъ, большое бѣлое зданіе съ фронтономъ, на которомъ изображенъ былъ Ганимедъ на орлѣ и еще что-то; живой Ганимедъ, хорошенькій бѣлокурый мальчикъ, подносилъ намъ на серебряномъ блюдѣ вино, котораго ароматную струю потягивали мы по самому маленькому глотку, боясь множества разныхъ сортовъ и качествъ подносимыхъ винъ.

Виноградники заведены здѣсь назадъ тому лѣтъ полтораста; первый, начавшій здѣсь выдѣлывать вино, назвалъ его *констанцскимъ*, по имени дочери тогдашняго губернатора, на которой онъ послѣ и женился. Впрочемъ, Клёте разсказывалъ, что только одно его заведеніе выдѣлываетъ настоящее констанцское вино; а сосѣдъ его, Ванъ-Риненъ (владѣтель Констанціи собственно; ферма Клёте называется Большая Констанція,—Great-Constantia), производитъ себя по прямой линіи отъ перваго воздѣлывателя,

о которомъ я говорилъ, и даже показываетъ одно дерево передъ своимъ домомъ, посаженное, кажется, самою фрейлинъ Констанціею. Оба они, какъ два деревенскіе пѣтуха, никакъ не могутъ ужиться въ ладу, упрекаютъ другъ друга въ недобросовѣстности и напоминаютъ во многомъ ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Вино у обоихъ очень хорошо; но я бы совѣтовалъ брать у Клёте, у котораго оно сладковато и душисто, какъ конфета. Его четыре сорта: констанцское, бѣлое, красное, фронтиньякъ и понтакъ. Фронтиньякъ не такъ сладокъ (vin sec) и потому считается лучшимъ.

Черезъ нѣсколько дней я опять пріѣзжалъ въ Констанцію, смотрѣть на выдѣлку вина. Процесъ этотъ здѣсь очень простъ. На небольшой тележкѣ, запряженной двумя ослами, подвозятъ въ большихъ корзинахъ виноградъ, ссыпаютъ его въ огромный чанъ, куда забираются трое чернолицыхъ работниковъ съ голыми ногами и начинаютъ мять ягоды, дѣлая всевозможныя усилія ногами и всѣмъ корпусомъ; сокъ стекаетъ въ резервуаръ, откуда, насосомъ, переливается въ открытую бочку. Въ бочкахъ этихъ остается онъ дней пять и больше, пока перебродитъ; потомъ переливается въ другія бочки, закрытыя, и закупоривается. Все искусство состоитъ въ умѣньи *воздѣлать* виноградъ, т. е. выростить ягоды, которыя должны быть сладки, неводянисты и доведены до извѣстной степени зрѣлости. Виноградъ разводятъ здѣсь на открытыхъ мѣстахъ, сажая его грядами и не пуская въ ростъ, такъ чтобы лозы не превышали смородиннаго куста. Ни малѣйшая тѣнь не должна на него падать; даже обрѣзывается, смотря по надобности, много листьевъ, въ тѣни которыхъ могла бы спрятаться кисть винограда; онъ долженъ спѣть на солнцѣ.

Главное вліяніе на качество винограда и вина имѣетъ почва; даже сортъ винограда не столько важенъ, какъ почва; виноградъ, растущій не дальше мили отъ Кон-

станцской горы, не даетъ констанцскаго вина. Поэтому-то наши крымскія вина, несмотря на лучшіе сорты винограда, выписываемаго отвсюду, и несмотря на приглашаемыхъ за дорогую цѣну мастеровъ, вовсе не хороши и никогда хороши не будутъ, сравнительно съ европейскими и другими извѣстными винами. Пора бы убѣдиться въ этомъ.

Сборъ винограда вездѣ, также какъ и здѣсь, самое пріятное и оживленное время для сельскихъ жителей. Взрослые гуляютъ и ожидаютъ барышей, молодые люди лишній разъ вмѣстѣ, дѣти съ утра до вечера толпятся у чановъ и корзинъ, провожаютъ тележку съ виноградомъ и воруютъ кисти лакомаго плода, изъ которыхъ съѣдаютъ только по двѣ, по три ягоды, пресыщенные изобиліемъ.

— Сколько платите вы работникамъ? спросилъ я у Клёте.

— Два шиллинга и бутылку констанцскаго вина въ день, отвѣчалъ онъ; потомъ, задѣтый за чувствительную струну, прибавилъ:

— Во время сбора винограда я ихъ нанимаю до двадцати человѣкъ; а въ остальное время мнѣ и половины этого не нужно. Да, теперь времена тяжелыя! прежде я имѣлъ своихъ невольниковъ до полутораста человѣкъ! И чтожъ? бóльшая часть ихъ такъ привыкла къ нашему дому, что были какъ родные; а теперь возись съ этимъ народомъ! Смотри за нимъ съ утра до ночи, а то плата какъ разъ пропадетъ даромъ... Да, тяжелы эти нововведенія!

«Знакомая и старая пѣсня, подумалъ я. Полтораста дармоѣдовъ были милѣе сердцу фермера, потому что онъ владѣлъ ими, и потому что ему въ своихъ расходныхъ книгахъ не приходилось цифрою измѣрять трудъ ихъ.»

Знакомство мое съ капскими колоніями ограничилось не одною поѣздкою въ Капштадтъ и его окрестности; время у меня было, и я успѣлъ нѣсколько разъ побывать во

внутреннихъ земляхъ колоніи; былъ въ Стелленбошѣ, въ Дракенстеенѣ, въ Паарлѣ и Веллингтонѣ; проѣхалъ по знаменитой дорогѣ Бена, чрезъ ущелье, которое получило имя этого геолога-инженера (Bens-Kluft). Но я не хочу употреблять во зло ваше вниманіе, и притомъ почти всѣ эти мѣста вы знаете уже по превосходнымъ описаніямъ г. Гончарова, которыя, кромѣ своего литературнаго достоинства, отличаются удивительною вѣрностію. Замѣчу, что я, какъ туристъ, былъ счастливѣе его: я видѣлъ огромную змѣю, которая переползла передо мною черезъ дорогу, и могъ видѣть двухъ пойманныхъ тигровъ, которые бродили по ущелью Бена за день до моего проѣзда.

Ради изученія края былъ я въ гостяхъ у многихъ фермеровъ, видѣлъ ихъ жизнь, до поры до времени тихую и безмятежную, какъ жизнь нашихъ помѣщиковъ; осматривалъ ихъ хозяйство, которое ограничивается большею частію фруктовыми садами съ апельсинными, лимонными, миндальными и фиговыми деревьями, хотя, по голландской склонности къ цвѣтоводству, между плодовыми деревьями красуются и жасмины и бѣлыя огромныя датуры, и красныя алоэ, изогнутыя сверху какъ рожки канделабръ.

Гостепріимство фермеровъ, надобно правду сказать, самое радушное; хозяинъ иногда самъ взлѣзалъ на дерево, чтобы сорвать для насъ апельсинъ или фигу, или дарилъ хотя цвѣткомъ. Все это прекрасно; но недалеко бы ушли впередъ капскія колоніи, съ ихъ флегматическими фермерами и сентиментальными фермершами, еслибы не взялась за нихъ Англія, давъ имъ правильное устройство, приведя въ порядокъ ихъ финансы, проложивъ дороги, отдаливъ внутрь Африки воюющія племена, освободивъ невольниковъ, распространивъ школы и вдохнувъ во все свою здоровую жизнь, свой духъ просвѣщенія и торговли.

Между фермерами встрѣчается нѣсколько потомковъ французовъ, удалившихся сюда во время религіозныхъ гоненій Карла IX. Они не только утратили свои національныя особенности, но даже разучились правильно произносить свои имена; Дету обратился въ Де-Тей, Беранже— въ Беранзи и т. п. Я былъ въ гостяхъ у одного изъ нихъ, по имени Mr. Mélan; на лицо ему было лѣтъ сорокъ, по манерамъ былъ онъ совершенный голландецъ, медленный, точный, флегматическій; въ домѣ все было такъ чисто, какъ-будто и мебель, и посуда, и всѣ вещи выставлены были напоказъ. Съ большою любезностью водилъ онъ насъ по всему своему хозяйству, показывалъ и огороды, и виноградники, и цвѣтники; называлъ всякій цвѣтокъ, даже самый обыкновенный, и не пропустилъ, кажется, ни одного дерева, чтобы не сорвать съ него плода для насъ; нѣсколько разъ даже самъ взбирался на деревья! Съ балкона дома его открывался превосходный видъ; прямо противъ оконъ возвышается Зеленая гора, за которою поднимаются скалы самой разнообразной формы, какъ бы споря между собою дикостію и уродливостію своихъ очертаній; одну изъ нихъ, тонкою нитью, огибала дорога, ведущая въ ущелье Бена; Зеленая гора какъ будто улыбалась своими веселыми склонами, садами, рощами и холмами. За однимъ изъ холмовъ бѣлѣлась ферма брата нашего хозяина; въ другой сторонѣ, изъ за-пригорковъ и рощъ выглядывалъ «Діамантъ», камень, лежащій на живописной горѣ, у подножія которой расположенъ перлъ всѣхъ здѣшнихъ колоній, извѣстный *Паарлъ*. «А вотъ ферма моего отца», продолжалъ хозяинъ, указывая на густой садъ, между деревьевъ котораго виднѣлись строенія. «А это ваши дѣти?» спросилъ я, когда его обступила цѣлая куча разнаго возраста бѣлокурыхъ малютокъ; одинъ изъ нихъ лѣзъ къ нему съ гуавомъ въ рукѣ, другой требовалъ кукурузы, чтобы накормить куръ, третій самъ не зналъ чего ему было нужно; вмѣстѣ съ ними ластилась

огромная собака и, казалось, ревновала его къ дѣтямъ. «Это дѣти моего сына, — того самаго молодаго человѣка, который былъ съ нами въ саду.» Такимъ образомъ я попалъ къ капскому Іову въ гости,—дѣдъ, прадѣдъ, внучаты! и все живо, свѣжо и здорово; ему казалось никакъ не болѣе пятидесяти лѣтъ. «Что же, вашъ батюшка неужели еще самъ занимается хозяйствомъ?» — О, да! онъ еще очень свѣжъ и самъ во все входитъ. Во время работъ не отходитъ отъ дѣла; вѣдь вы знаете: свой глазъ — алмазъ. «А чужой — стеклушко», — передалъ я ему по-нѣмецки, чѣмъ онъ остался очень доволенъ. Прадѣдъ его былъ французъ, а онъ французскаго языка никогда и не слыхивалъ!

Прибавлю еще, что я познакомился со всѣми докторами и даже миссіонерами тѣхъ мѣстечекъ, гдѣ мнѣ случилось быть, прибавлю потому, что бо́льшая часть ихъ показались мнѣ какими-то странными людьми; между прочими, одинъ смотрѣлъ Маниловымъ, съ голландскою обстановкою, другой былъ рѣшительно Михайло Семеновичъ Собакевичъ. Даже приглашеніе его, когда онъ просилъ насъ садиться: «ich bitte», звучало извѣстнымъ «прошу»; и весь разговоръ былъ въ духѣ Собакевича. Когда я заговорилъ о беновской дорогѣ, онъ сказалъ: «А зачѣмъ нужна эта дорога? развѣ павіанамъ ходить по ней?» О губернаторѣ отозвался нехорошо; а о бывшемъ секретарѣ, который хотѣлъ взять взятку за дорогу, онъ говорилъ съ ожесточеніемъ, такъ что еслибы говорилъ по-русски, то конечно назвалъ бы его Гогой и Магогой. Близь этого олицетворенія Собакевича неподвижно сидѣлъ его сынъ, настоящій Митрофанушка; когда отецъ говорилъ, то этотъ дѣтина, разинувъ ротъ, съ подобострастіемъ смотрѣлъ въ глаза своему папенькѣ. Вотъ сколько русскихъ воспоминаній....

Послѣднимъ знакомымъ нашимъ на мысѣ былъ г. А. Этотъ самъ явился къ намъ, не знаю какъ, откуда и за-

чѣмъ. Небольше какъ въ полчаса, успѣлъ онъ разсказать, что живетъ въ Веллингтонѣ съ 1817-го года, что все въ колоніи начато при немъ, что онъ совѣтовалъ Бену прокладывать дорогу по другому мѣсту и не рыть тоннеля; Бенъ не послушался, и тоннель обрушился, и пр. и пр.

А помните ли вы, въ разсказѣ г. Гончарова, двѣнадцати-лѣтнюю дѣвочку, дочь хозяина гостиницы въ Паарлѣ? Она вышла замужъ за аптекаря въ Веллингтонѣ; сдѣлалась отличною хозяйкой, что̀, впрочемъ, неудивительно, но сдѣлалась и премилою дамою. До обѣда она предсѣдательствуетъ на кухнѣ, стряпаетъ своими бѣленькими ручками; а вечеромъ, переодѣвшись, любезна и мила, право не хуже нашихъ дамъ.

Вы теперь, пожалуй, будете ждать отъ меня заключительнаго слова о колоніяхъ на мысѣ Доброй Надежды. Но кто можетъ сказать послѣднее слово, особенно о томъ, что̀ еще не остановилось, или, лучше сказать, не установилось? Я разсказалъ что̀ видѣлъ и слышалъ; а заключительное слово—не мое дѣло.

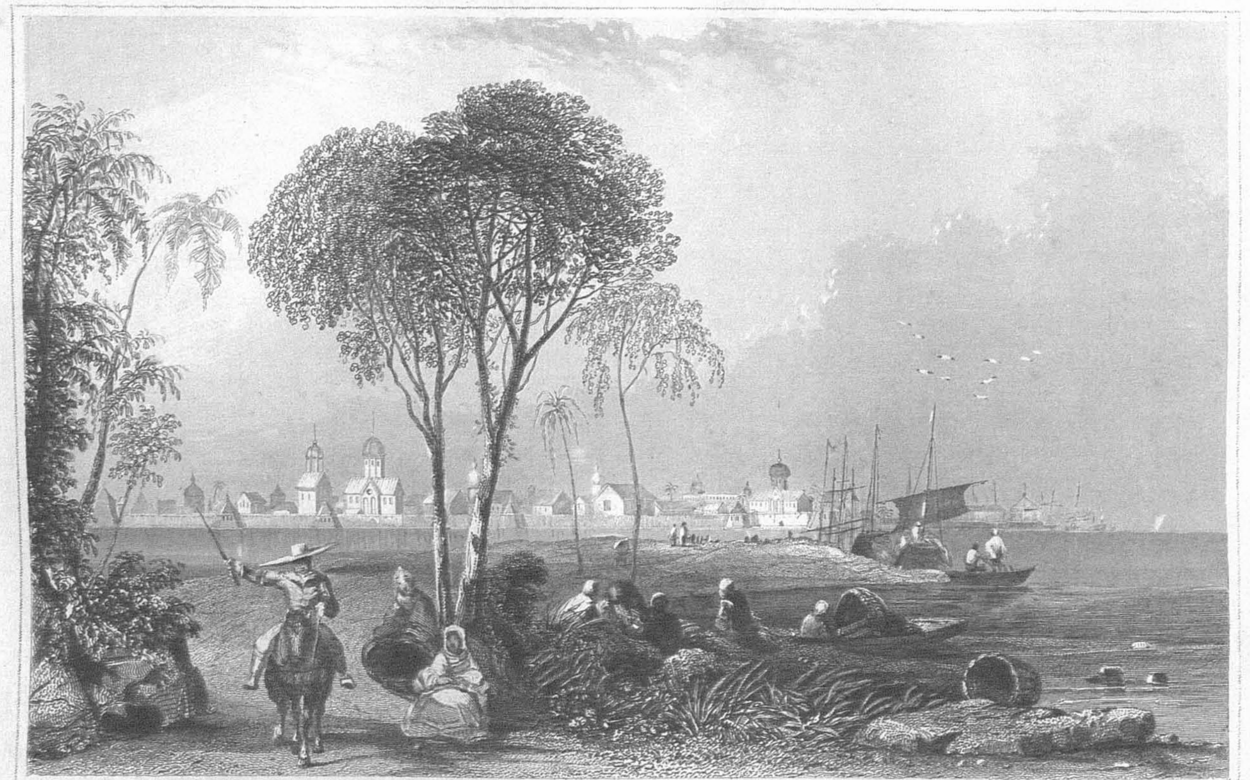
МАЛАЙСКОЕ МОРЕ.

ПЕРЕХОДЪ ИНДѢЙСКИМЪ ОКЕАНОМЪ. — ШТОРМА. — ТЕЧЬ. — БЕРЕГА ЯВЫ. — ЗОНДСКІЙ ПРОЛИВЪ.—PEPPER-BAY.—THWART THE WAY. — BUTTON.—СИНГАПУРЪ.—ИНДУСЫ И КИТАЙЦЫ. — ЕВРОПЕЙСКІЙ КВАРТАЛЪ.—КИТАЙСКІЙ ГОРОДЪ.—ИНДУССКАЯ ПАГОДА.—ВЕЧЕРЪ.—ЧУДНАЯ НОЧЬ. — РИСОВАНІЕ СЪ НАТУРЫ. — ОБИТАТЕЛИ СИНГАПУРА. — ЖОНГЛЕРЫ.—ТЕАТРЪ ИНДУСОВЪ.—МАНГУСТАНЫ.—ОКРЕСТНЫЕ ОСТРОВА.—ПРІЮТЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.—ВАМПОА И ЕГО ДАЧА.—МАЛАЙСКІЙ КВАРТАЛЪ. — ТИГРЪ. — КИТАЙСКІЙ ХРАМЪ. — НЕДОСТАТОКЪ ЖЕНЩИНЪ.

13/25 іюня 1859 года. На экваторѣ.

Послѣднее безконечное письмо мое было писано, то-есть было кончено, въ день нашего отплытія изъ Симонстауна, 25 мая; и вотъ, съ 25 мая до 13 іюля, мы все въ морѣ, или лучше въ моряхъ; летимъ, летимъ,—и уже за тридевятью землями, въ тридесятомъ государствѣ! Съ мыса Доброй Надежды мы спустились на югъ до 39° южной широты и шли по параллели до самыхъ острововъ Павла и Амстердама, обогнувъ южную сторону которыхъ, стали постепенно подниматься къ сѣверу. Подъ 106° восточной долготы пошли по меридіану до Зондскаго пролива; прошли и его, проплыли Явайскимъ моремъ и теперь находимся въ Малайскомъ; завтра, если ничто не задержитъ, будемъ въ Сингапурѣ: итого сорокъ девять дней въ морѣ и прошли 7500 миль, то-есть 12 275 верстъ. Но

Mᶜ C.L. № 916



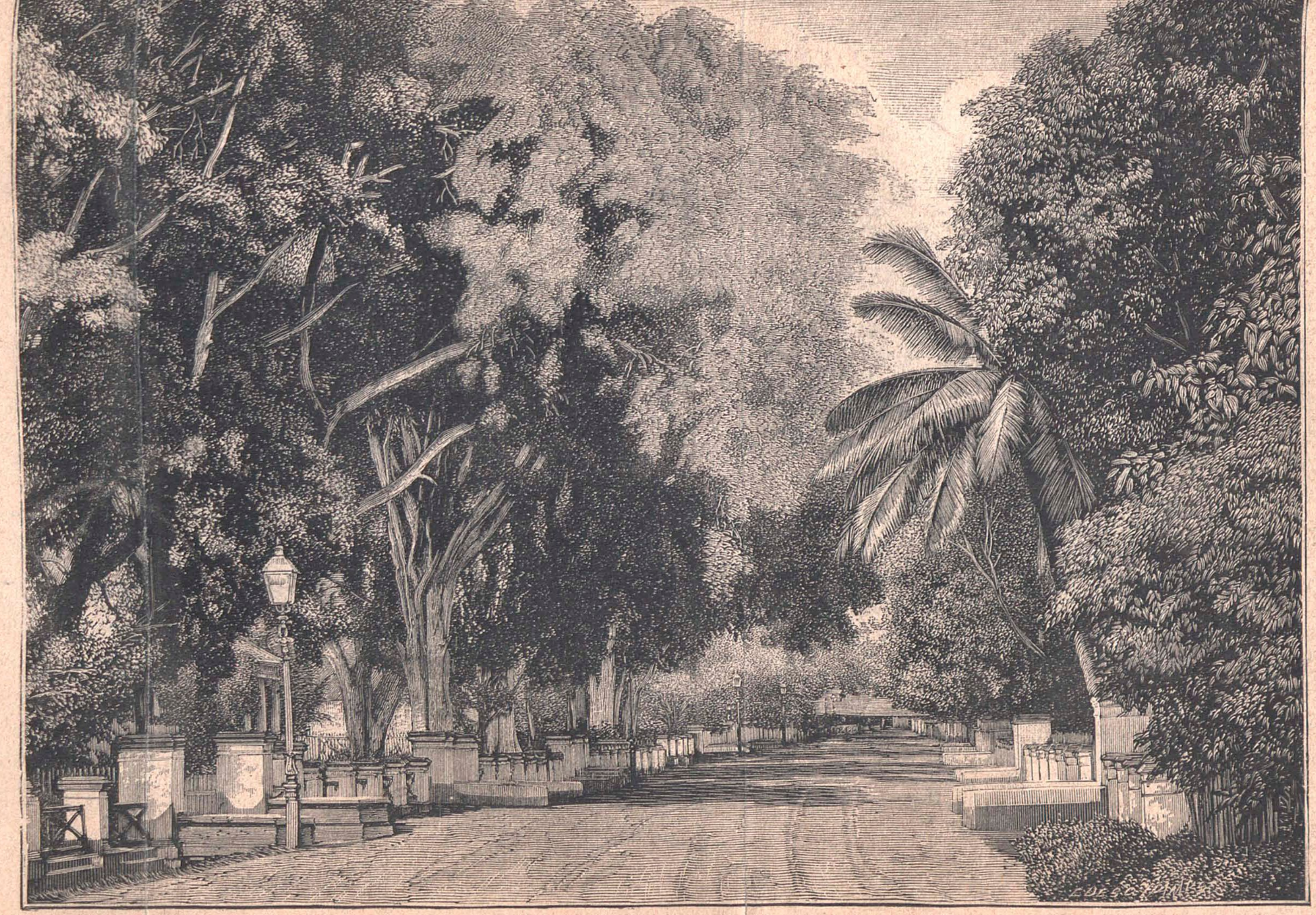
C.Reiss del.

W.Wallis sc.

BATAVIA

Aus d.Kunstanst. d.Bibliogr. Institut in Hildbh.

9



Gravé d'après une photographie

Frontispice.

Une rue centrale à Batavia (ville neuve).

скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается; эти сорокъ девять дней показались намъ за полгода. Мы вышли въ море съ течью — и шли подъ конвоемъ корвета *Воеводы*. Кромѣ того, мы плыли по такому пути, гдѣ позднѣе апрѣля рѣдко кто ходитъ, а намъ пришлось идти въ іюнѣ, въ самую глухую зиму, когда здѣсь встрѣчаются льды, и бушуютъ бури и штормы. Этихъ штормовъ вынесли мы больше восьми. Едва скрылся изъ виду Симонстаунъ, какъ заревѣлъ и завылъ осенній вѣтеръ, и страшный штормъ понесъ насъ на своихъ крыльяхъ, и несъ трое сутокъ съ такою силой, что мы шли больше тринадцати узловъ, то-есть по двадцать-три версты въ часъ, часто выходя *изъ лагу*, то-есть теряя возможность считать, сколько узловъ проходимъ. Люки были законопачены наглухо, волны ходили черезъ палубу, матросы и вахтенные часто, буквально, плавали въ водѣ... Пригласилъ бы я въ это время на клиперъ нашихъ солдатъ, чтобъ они сравнили свою службу съ матросскою; это было бы имъ очень полезно: они убѣдились бы, что ихъ служба игрушка, въ сравненіи съ службой на морѣ. Три раза, три — этого нельзя забыть — клиперъ ложился на бокъ!.. Въ эти минуты мы, какъ говорится, проживали нѣсколько лѣтъ, какъ вблизи готовой лопнуть бомбы. Но клиперъ, затрясясь всѣмъ корпусомъ, тяжело приподнимался, приподнимался, и снова несся по волѣ вихря.

До острова Амстердама, 3000 миль, шли мы двѣ недѣли: быстрота страшная, отъ которой иногда кружилась голова! Здѣсь, на прощаньи съ осенью, штормъ трепалъ насъ цѣлую ночь; но онъ былъ послѣдній, мы уже привыкли къ его обращенію и были почти спокойны. По мѣрѣ приближенія нашего къ сѣверу, погода становилась лучше; вѣтеръ стихъ, и наконецъ настали штили; цѣлыя недѣли мы едва двигались, причемъ однако качка была большая, потому что зыбь океана рѣдко улегается со-

вершенно; паруса плескали и хлопали въ безсиліи: дни тянулись безконечно. Неразлучными спутниками нашими во все время плаванія были альбатросы и петрели, доставлявшіе намъ нѣкоторое развлеченіе, вмѣстѣ съ китами, которые иногда пускали свои фонтаны очень близко отъ клипера. Европейцы такъ часто бороздятъ теперь моря своими судами, что скоро, кажется, киты сдѣлаются ручными.

Течь наша начала увеличиваться и дошла до десяти дюймовъ въ часъ. Течь, какъ нечистая совѣсть, мучила насъ при каждой «свѣжей» погодѣ, при внезапномъ вѣтрѣ... Половина команды не отходила отъ помпъ. Но все это прошло, все уже назади, и можетъ-быть все это было нужно, хотя бы для того, чтобы дать намъ живѣе и полнѣе насладиться роскошною природой Явы, по берегамъ Зондскаго пролива.

Берега эти до того прекрасны, что, проѣзжая мимо ихъ, невольно воображаешь земной рай. 8-го іюля увидѣли мы берегъ, далекій, синеватый; потомъ, скоро, вмѣсто дикихъ скалъ и утесовъ, которые привыкли встрѣчать при приближеніи къ землѣ, какъ напримѣръ на Мадерѣ, Тенерифѣ и мысѣ Доброй Надежды, мы увидѣли здѣсь горы и долины, покрытыя самою роскошною зеленью. Масса дѣвственнаго лѣса зеленымъ ковромъ спускалась по уступамъ холмовъ въ тихое, спокойное море. Какъ все показалось намъ радостно и ново послѣ такого пути,—и цвѣтущая зелень деревьевъ, и просвѣты между высокихъ стволовъ пальмъ и папоротниковъ, и вся эта роскошная растительность, убравшая развѣсистымъ деревомъ или кустомъ каждый камень, выступившій въ море! Вездѣ, куда ни посмотримъ, такъ тѣнисто, свѣжо, заманчиво; вдали синѣютъ лѣса; въ долинахъ, на яркой зелени, цвѣты ласкаютъ зрѣніе разнообразными переливами красокъ; кой-гдѣ изъ-за темной группы деревьевъ вьется струйка дыма;

у береговъ, какъ лебеди, плаваютъ лодки *(проа)* малайцевъ, сіяя на солнцѣ бѣлыми парусами. Что̀ за природа, что̀ за виды!.. День плаванія Зондскимъ проливомъ показался мнѣ днемъ, прожитымъ какою-то сказочною жизнію, страницей изъ *Шехеразады!...*

На каждомъ шагу приставали къ намъ малайскія лодки съ ананасами, съ кокосами и обезьянами; даже некрасивые малайцы, полуобнаженные, въ чалмахъ, какъ-то гармонировали и съ лодками своими, и съ окружающею ихъ мѣстностью. Мы шли вдоль берега Явы и по ночамъ становились на якорь. Я вставалъ до восхода солнца, которое на моихъ глазахъ будило здѣшнюю красавицу-природу; просыпалось населеніе лѣсовъ и водъ, невиданныя птицы перелетали между деревъ, раздавались неслыханные голоса, солнце освѣщало незнакомую, роскошную зелень. Вмѣстѣ съ первыми его лучами, цѣлыя флотиліи приморскаго населенія малайцевъ неслись къ Суматрѣ или въ море, на рыбную ловлю. Слѣва, почти на каждой верстѣ, открывался новый островокъ, одинъ красивѣе другаго; этотъ поднимается вдали туманною пирамидой до облаковъ, за нимъ другой, какъ старый запущенный садъ, темнѣетъ группами столѣтнихъ деревъ, третій красуется, какъ корзина съ цвѣтами, среди неподвижныхъ, нѣжащихся водъ; но эти столѣтнія деревья были не простыя, а тѣ самыя, за которыя мы платимъ большія деньги: черное дерево, баобабъ, красильное и проч. Можно засмотрѣться на ихъ красивыя формы, которыя ждутъ Рейсдаля и Клодъ-Лоррена тропической природы. Иногда, у берега, разсмотришь черную обезьяну, которая, забравшись на вершину громаднаго дерева, безпечно качается на вѣтвяхъ, не боясь упасть въ море. И вдругъ, почти мгновенно, вся эта картина рая омрачается: налетитъ гроза, окрестность потемнѣетъ, какъ при затмѣніи солнца, и засверкаетъ тропическая молнія, и загремитъ тропическій громъ.

Выступающіе мысы Явы, *First-point*, *Second-point* и *Third-point*, одинъ за другимъ приближали къ намъ берегъ и зелень, съ ея бальзамическими ароматами и прелестью чудныхъ картинъ, освѣщаемыхъ здѣшнимъ солнцемъ. Вечеромъ мы бросили якорь въ *Pepper-Bay*, на глубинѣ пятнадцати сажень. На другой день я всталъ прежде солнца и вышелъ къ нему навстрѣчу, наверхъ. Передъ нами была высокая гора Ранконгъ; она поднималась въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега, который тянулся отъ насъ по обѣ стороны непрерывными лѣсами. Многое еще скрывалъ туманъ; но косвенные лучи солнца, хлынувшіе сквозь расщелины Ранконга, разсѣяли туманъ и разбудили долины, и лѣсъ, и море.

Къ намъ спѣшила на веслахъ маленькая лодочка; бамбуковая мачта ея лежала на двухъ подставкахъ вдоль судна; на немъ сидѣли два существа, какія-то сморщенныя, старыя, прикрытыя тряпками, вмѣсто всякой одежды; сидѣли они въ своей выдолбленной лодкѣ на корточкахъ, одно у кормы, гребя маленькою лопаточкой, замѣнявшею ему и руль, другое на носу. Мы имъ бросили конецъ. Не смотря на очень близкое разстояніе, нельзя было положительно сказать, съ кѣмъ мы имѣли дѣло, съ двумя старухами или стариками? У обоихъ на головѣ были длинные сѣдые волосы, на лицѣ ни слѣда бороды; безчисленное множество мелкихъ морщинъ испещряли во всѣхъ направленіяхъ ихъ безжизненныя, пергаментныя маски. Голосъ ихъ былъ безъ звука; они что-то жевали и шамкали своими мягкими губами. Въ лодкѣ лежало все ихъ хозяйство: плетеныя изъ тростника коническія шляпы, двѣ чашки изъ кокосоваго орѣха, канатъ, свитый изъ какой-то травы, деревянный якорь, нѣсколько удочекъ и еще какая-то дрянь. Мы взяли у нихъ вареннаго сладкаго картофелю и очень подозрительную смѣсь чего-то сладкаго и тягучаго, завернутую въ банановомъ листѣ. Другія, пристававшія къ

намъ въ продолженіи дня лодки были и больше, и любопытнѣе. На одной изъ нихъ сидѣла такая граціозная фигурка, что мы всѣ невольно на нее засмотрѣлись. Была ли то дѣвочка, или мальчикъ, также никто изъ насъ не могъ рѣшить. Не думайте, однако, что мы потеряли способность различать полъ, оттого, что попали на крайній Востокъ. И костюмъ, и подбородки безъ волосъ, и длинные волосы вводятъ здѣсь въ сомнѣніе всякаго. Одна лодка везла намъ цѣлую коллекцію разнообразныхъ, пестрыхъ птицъ, другая — обезьянъ, третья — ананасы; на каждой была группа новыхъ личностей. Здѣсь многіе ходятъ голые; формы тѣла кажутся вычеканенными изъ бронзы; на нѣкоторыхъ были накинуты красиво - драпировавшіеся красные платки, бѣлыя чалмы, тростниковыя шляпы: все пестро, живописно среди этихъ прекрасныхъ береговъ и очаровательной мѣстности. Это морское населеніе иногда измѣняетъ своимъ мирнымъ привычкамъ, и жители его являются страшными морскими разбойниками (*orangs laüt*, по-малайски), вооружаясь намазанными ядомъ кинжалами (*cris*). Лодки ихъ нападаютъ на небольшія суда и соединяются часто въ цѣлыя вооруженныя флотиліи какимъ-нибудь предпріимчивымъ флибустьеромъ. Часу въ третьемъ мы проходили въ виду Анжера. Тамъ, на вершинѣ широко-вѣтвистаго дерева (Ficus religiosa) краснѣлъ голландскій флагъ, и маякъ, выстроенный на Четвертомъ мысѣ (Fourth-point), ярко отдѣлялся отъ окружавшей его зелени. Ясно виднѣлись бѣлые домики Анжера и суда, стоявшія на рейдѣ, въ числѣ которыхъ былъ и нашъ *Японецъ*. Слѣва придвигался островъ *Thwart the way*, точно старый, запущенный садъ: никакихъ другихъ формъ, кромѣ полукруглыхъ массъ густой листвы и всѣхъ возможныхъ зеленыхъ цвѣтовъ; только формы зелени обрисовывали или углублявшіяся бухты, или выступавшіе мысы. Въ этой таинственной группѣ деревъ, столпившихся въ непрони-

*

цаемую сѣнь, было столько заманчиваго, что невольно фантазія увлекалась во мракъ ея затишья и рисовала капризные узоры и разныя прибавленія....

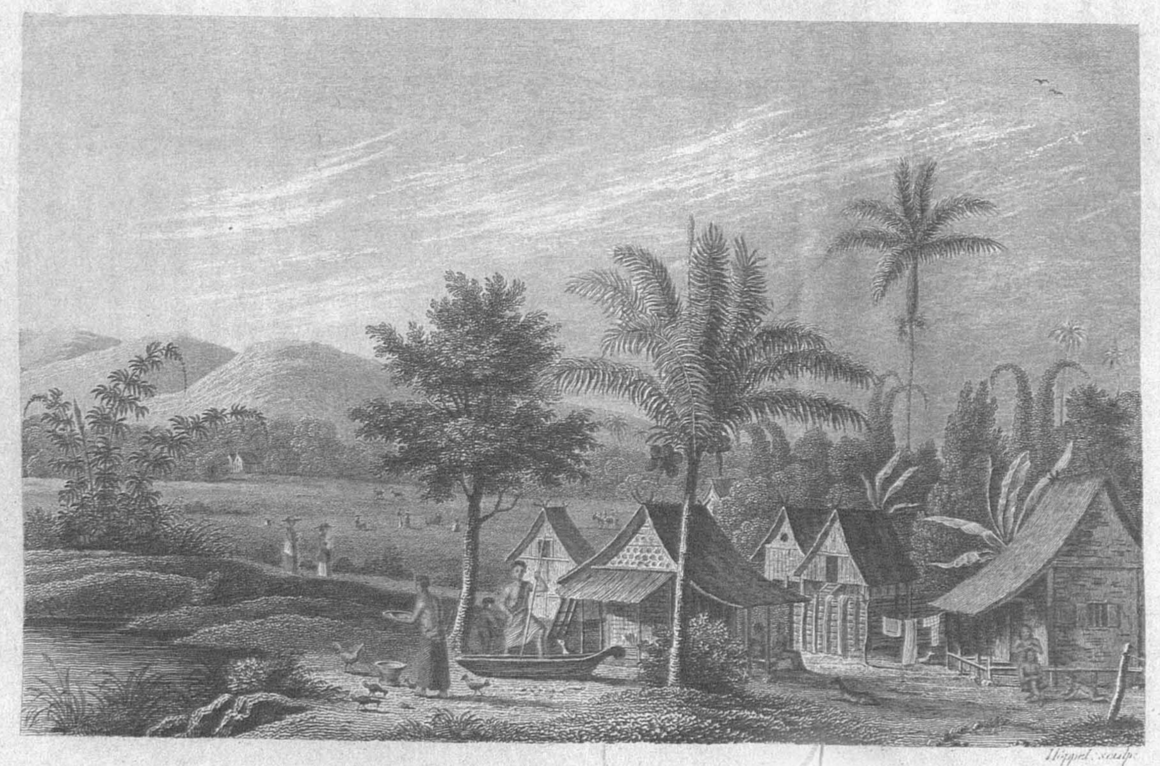
Недалеко отъ *Thwart the way*—островокъ *Button*, точно корзина цвѣтовъ, качающаяся на водѣ: названіе очень приличное этому граціозному островку (бутончикъ). Вообразите себѣ букетъ, составленный изъ зелени, гдѣ, вмѣсто маленькихъ травъ и вѣточекъ, исполинская листва сначала широко-вѣтвистыхъ деревьевъ, надъ которыми возвышаются другія формы болѣе высокихъ, и наконецъ стволы пальмъ и папоротниковъ, увѣнчанныхъ качающимися вершинами. На одной выдавшейся вѣткѣ качалось что-то черное. «Птица», говорили одни; «обезьяна», подхватили другіе, и всѣ спѣшили согласиться съ послѣдними; почему-то всѣ были бы гораздо довольнѣе, еслибъ это была дѣйствительно обезьяна, а не птица!

Но видъ радостной картины вдругъ измѣнился. Черная туча наступала со стороны Явы. Горы, холмы и берега потемнѣли, почернѣли; темная полоса двигалась къ намъ по водѣ, начинавшей уже бурлить и волноваться. Вскорѣ разразилась гроза съ проливнымъ дождемъ. Но потомъ скоро опять солнце съ картиной его заката, съ пурпуромъ, золотомъ и роскошью свѣта.

Ночью опять стали на якорь. Не отмѣчаю чиселъ, надѣясь, что это для васъ рѣшительно все-равно. Утромъ, на другой день, проходили Явайскимъ моремъ, вблизи двухъ зеленокудрыхъ островоеъ, названныхъ очень удачно *двумя братьями* (Two Brothers).

Проходя проливомъ Банка, видѣли отлогіе берега Суматры и далеко-далеко туманныя, неясныя очертанія какой-то высокой горы.

Два дня шли по Малайскому морю, частію на парахъ, частію подъ парусами. 14 іюля, проливомъ Ріо, вошли въ Сингапурскій проливъ и вечеромъ бросили якорь на



Höppel sculp.

Ein Dorf auf Iava.

сингапурскомъ рейдѣ. Сингапуръ, какъ индѣйскій магъ, въ ризѣ изъ золота и свѣта, встрѣтилъ насъ, утопая въ огнѣ заходящаго солнца. Послѣдній день былъ днемъ прогулки, а не плаванія. Проливъ Ріо очень узокъ; въ иныхъ мѣстахъ, до обоихъ его береговъ, было не больше мили. Сотни острововъ украшаютъ справа и слѣва дорогу; ѣдешь точно по аллеѣ парка. А растительность, кажется, хочетъ доказать свое неистощимое разнообразіе; и что́ за воздушная перспектива, что́ за волшебная панорама! Къ вечеру показались суда, стоявшія близъ Сингапура. Солнце садилось за городомъ въ блескѣ и заревѣ, горя яркимъ золотомъ, щедро бросая его на холмы и зелень, на море и острова. На горящемъ фонѣ неба рисовались легкіе очерки холмовъ, увѣнчанныхъ пальмами; вдали изъ-за лѣса клубами вырывался дымъ; огоньки начинали показываться между зеленью и на рейдѣ. Солнце садилось; горячій отблескъ его уменьшался и холодѣлъ; луна выплывала съ противоположной стороны, полная, горящая, теплая, серебря легкія массы облаковъ причудливыхъ формъ. Зажглись звѣзды, затеплился Южный Крестъ (спутникъ нашъ уже болѣе полугода) своимъ мирнымъ сіяніемъ, словно лампада передъ Мадонною. Мы идемъ; машина однообразно и мѣрно постукиваетъ; лѣсъ мачтъ все ближе и ближе; вотъ уже одно судно за нами; вотъ ихъ около десяти, которое съ боку, которое передъ носомъ; съ бака раздается голосъ капитана: «Самый малый ходъ!» наконецъ команда: «Изъ бухты вонъ: отдай якорь!» Цѣпь съ тяжелымъ двузубцемъ, съ громомъ, покатилась и что-то тяжелое шлепнулось: такъ и чувствуется, вмѣстѣ съ звукомъ, сила паденія.

Итакъ, послѣ пятидесяти дней моря—мирная пристань, и гдѣ пристань!.. Ни законопаченныхъ люковъ, ни сырости, ни мокроты, ни солонины; роскошная природа и изобиліе, новые нравы, новые люди, Востокъ съ сказочною обстановкой и естественнымъ неистощимымъ богатствомъ.

Нѣсколько длинныхъ остроконечныхъ лодокъ окружили нашъ клиперъ; къ намъ полѣзли бронзоваго цвѣта люди, кто въ чалмѣ, кто въ красной шали, кто въ балахонѣ; предлагали разныя услуги и свои рекомендаціи или аттестаты. Мы выбрали себѣ мусульманина Саломона, «болѣе честнаго изъ всѣхъ», какъ сказано было въ данныхъ ему русскихъ и французскихъ свидѣтельствахъ. У Саломона было очень красивое лицо; съ такими лицами всегда рисуютъ шаховъ или пашей, когда ихъ изображаютъ полулежащими на диванѣ въ сообществѣ гуріи и съ кальяномъ въ зубахъ. На его крутомъ лбѣ красовалась большая бѣлая чалма; носъ острый съ довольно-замѣтною горбиной, глаза ястреба и ротъ полуоткрытый, окруженный черною, клинообразною бородой и усами; десны и зубы были выкрашены красною краской. Ему было заказано на завтра все, чтó только можно достать въ Сингапурѣ по части съѣстнаго, свѣжаго мяса, масла, зелени, ананасовъ, мангустановъ и проч. Другому индусу, черезъ плечо котораго была перекинута живописными складками красная шаль, поручили мы свое бѣлье. Въ рекомендаціи его было сказано: «онъ меньше плутъ, чѣмъ другіе».

Долго любовались мы чудною тропическою ночью. Больше ста судовъ (почти всѣ трехмачтовыя) были на рейдѣ; каждые полчаса поднимался трезвонъ *склянокъ*; между судами сновали шлюпки; на одной перекликались тихою мелодическою пѣснію два голоса; одинъ густой теноръ начиналъ мотивъ, другой, словно эхо, тоненькій, высокій сопрано, оканчивалъ отрывисто музыкальный стихъ, точно вѣтеръ ударялъ по серебрянымъ струнамъ лютни, и равномѣрный всплескъ веселъ вторилъ этой оригинальной пѣснѣ. Съ берега блестѣли огни, съ неба луна и звѣзды лили свой успокоивающій свѣтъ на готовый отдохнуть міръ; все было такъ торжественно-хорошо, такъ упоительно-прекрасно, что, право, ничего не оставалось больше желать! Но че-

ловѣкъ такъ уже устроенъ, что счастіе его неполно, если онъ не раздѣляетъ его съ кѣмъ нибудь близкимъ... А гдѣ они, близкіе?.. И чувство счастія смѣняется грустью...

Съ моря, вблизи, видъ Сингапура не представляетъ ничего особеннаго. Нѣсколько холмовъ, зелень на ихъ вершинахъ, пальмы и какія-то кустовидныя деревья; бѣлѣющіе дома между зеленью; отлогіе берега и множество судовъ, шлюпокъ, проа, джонокъ, снующихъ по всѣмъ направленіямъ, съ китайцами и индусами. Суда были большею частію англійскія и американскія; онѣ внушали къ себѣ невольное уваженіе громадностію размѣровъ, вмѣстительностію трюмовъ и легкою, красивою формой очертаній; рѣдко видѣлся крутобокій, короткій голландецъ, старинной постройки. Итакъ, вотъ они, настоящіе владѣтели здѣшнихъ морей, въ чьихъ рукахъ находится огромная торговля крайняго Востока, съ его милліонами и громадными предпріятіями!

Здѣшній рейдъ порто-франко. Часто приходятъ сюда корсары и запасаются всѣмъ, что́ имъ нужно. Зато англичане не щадятъ ихъ при встрѣчѣ въ открытомъ морѣ.

Удивительно быстро развитіе Сингапура. Англіи нуженъ былъ коммерческій пунктъ, тамъ, гдѣ Голландія и Испанія почти исключительно владѣли коммуникаціями, и хоть и плохо, но все-таки почти одни пользовались сокровищами края. А едва ли найдется въ мірѣ болѣе счастливый уголокъ земли, какъ эти острова, прорѣзанные безчисленными проливами и омываемые нѣсколькими морями — Малайскимъ, Явайскимъ и Китайскимъ. Острова эти изобилуютъ всѣмъ, что́ только можетъ произвести природа прекраснаго и поражающаго чувства. Земля изъ нѣдръ своихъ даетъ драгоцѣнные камни и золото; море прибиваетъ къ берегамъ драгоцѣнную амбру; изъ трещинъ дерева вытекаетъ камфора и росной ладонъ; летучія ароматическія масла пронизываютъ кору многихъ растеній; многіе плоды и цвѣты

даютъ тѣ пряности, за которыя велись кровопролитныя войны и которыми обогатилась нѣкогда Голландія. Здѣсь больше пятидесяти видовъ вкуснѣйшихъ плодовъ, между которыми первый изъ всѣхъ, мангустанъ, можетъ, кажется, удовлетворить самый избалованный вкусъ. Здѣсь родина безчисленнаго множества великолѣпныхъ цвѣтовъ. Лѣса наполнены лучшими строевыми деревьями необыкновенныхъ размѣровъ, какъ напримѣръ знаменитое тиковое дерево, и многими видами пальмъ, поднимающихъ высоко свои стройныя колонны, осѣненныя вѣчно-зелеными, перистыми верхушками. Даже остатки жизни, раковины, блестятъ здѣсь чудными красками и даютъ знаменитый на всемъ Востокѣ жемчугъ *cooлo*. Рыбы, бабочки, птицы соперничаютъ между собою красотой формъ и блескомъ одежды. Изъ птицъ, облитая разноцвѣтнымъ золотомъ и пурпуромъ утренней зари—*райская птица* не даромъ носитъ это названіе.

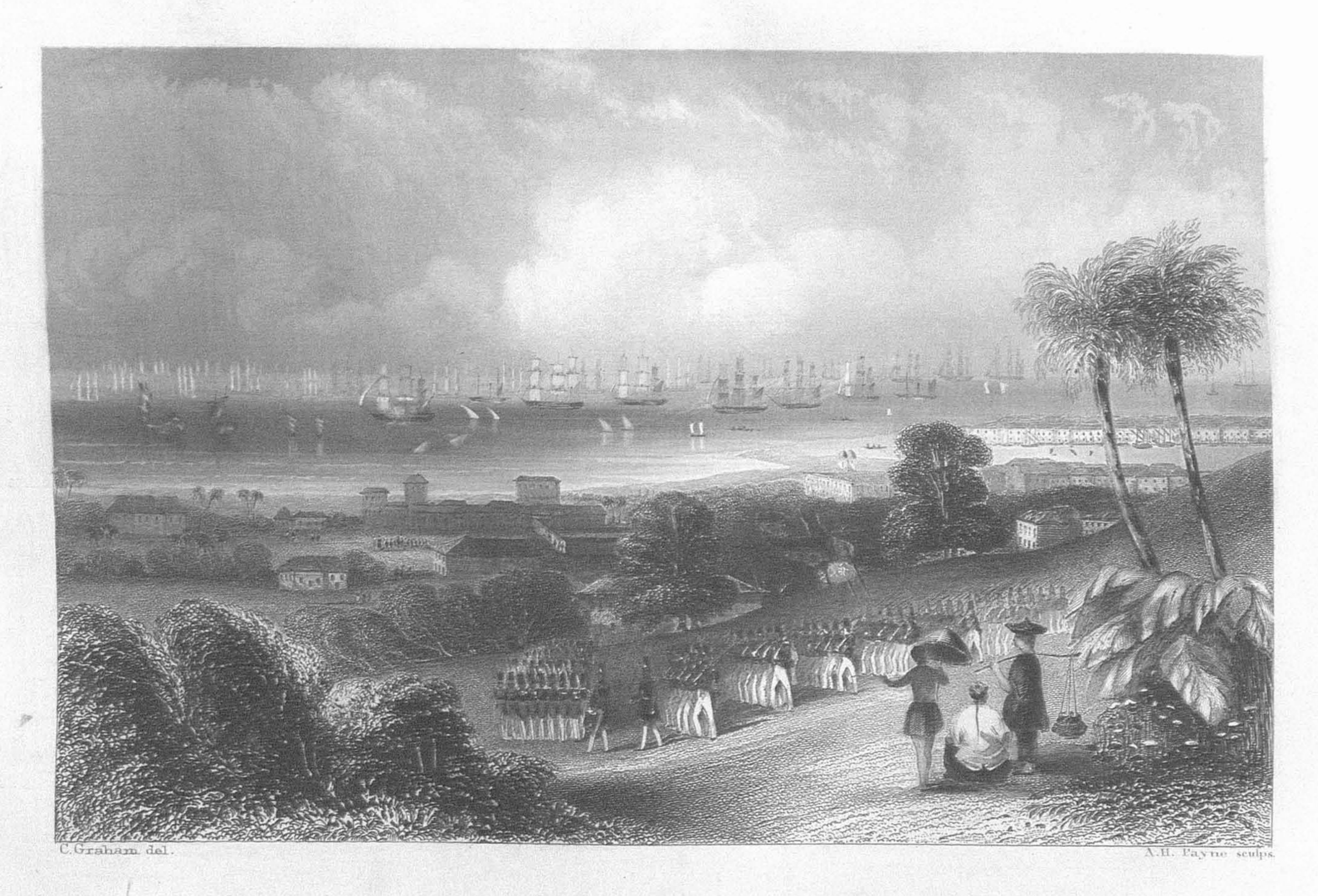
Въ этой-то странѣ нужно было основаться англичанамъ. Къ тому же, здѣсь перепутье между Китаемъ и Индіей. Голландское вліяніе было сильно; Ява, въ 1816 г., окончательно осталась за голландцами. Этого никакъ не могъ переварить сэръ Стамфордъ Рафльсъ, горячій патріотъ и ревностный преслѣдователь цѣлей своего предпріимчиваго отечества. Назначенный губернаторомъ въ Бенкуленъ, на восточномъ берегу Суматры, онъ всячески старался поправить дѣла и вознаградить хоть чѣмъ-нибудь такую важную утрату, какъ островъ Ява. Послѣ многихъ поисковъ и соображеній, онъ обратилъ свое вниманіе на маленькій островокъ Сингапуръ, необитаемый и дикій; но этотъ островокъ находится у устьевъ трехъ проливовъ: Ріо, Дріонъ и Малакка. Въ началѣ 1819 г. джохорскій раджа, голландскій данникъ, уступилъ англичанамъ этотъ, повидимому, незначительный клочокъ земли, на который еще никто изъ европейцевъ не обращалъ вниманія, и здѣсь-то

Сингапуръ

Рафльсъ основалъ городъ, сдѣлавшійся въ скоромъ времени соперникомъ Батавіи и Манилллы. Между всѣми портами отдаленнаго Востока онъ занялъ самое выгодное положеніе. Черезъ Зондскій проливъ идутъ мимо его европейскія суда въ Китай и Японію, Малаккскій проливъ— большая дорога изъ Калькутты въ Кантонъ; изъ Сингапура Англія свободно наблюдаетъ за двумя морями, которыми владѣетъ. Сингапуръ сосѣдъ Явы и Борнео; онъ открылъ новый рынокъ для сбыта произведеній Малайскаго архипелага и привлекъ къ себѣ все, что еще не попало подъ опеку Голландіи и Испаніи. Самому Рафльсу, передъ смертію, удалось увидѣть блестящіе результаты своего дѣла: въ 1827 г. обороты коммерческихъ предпріятій Сингапура уже достигали до такой цифры, что ни одинъ экономистъ не осмѣлился бы предположить въ своемъ воображеніи подобный результатъ. Значеніе Сингапура прогрессивно увеличивалось до того дня, когда китайская война открыла англійскимъ кораблямъ доступъ пяти портовъ по берегу Небесной Имперіи. Цифра операцій здѣшняго торга достигла тогда 150 милліоновъ франковъ. Съ тѣхъ поръ развитіе Сингапура остановилось, если не пошло назадъ, тѣмъ болѣе, что торговля чаемъ сосредоточилась въ китайскихъ портахъ. Сингапуръ, однако, никогда не перестанетъ быть рынкомъ для различныхъ азіятскихъ племенъ, которыя, при посредствѣ англійскихъ негоціантовъ, будутъ являться для размѣна своихъ произведеній на здѣшній рейдъ, открытый всѣмъ флагамъ и націямъ; Целебесъ шлетъ воскъ, Борнео — антимонію и золото, Сулуйское море—свой перламутръ и черепаху, а Англія привозитъ достаточное количество своихъ издѣлій для того, чтобы нагрузить суда, на ихъ обратное плаваніе, здѣшними продуктами. Сингапуръ, по народонаселенію, не англійскій городъ: въ немъ едва 400 человѣкъ европейцевъ на 60,000 народонаселенія; онъ и не китайскій

городъ, хотя китайцевъ въ немъ больше всего; онъ какое-то убѣжище и притонъ для всѣхъ торгующихъ; въ развитіи и распространеніи своемъ онъ слѣдовалъ примѣру древняго Рима и Соединенныхъ Штатовъ. *Free trade*, свобода торговли, его высшій законъ, передъ которымъ другія государственныя учрежденія кажутся излишествомъ.

Прежде, на здѣшнемъ рейдѣ бывало много китайскихъ джонокъ; теперь стояло ихъ не больше трехъ, и тѣ, казалось, стояли безъ всякаго дѣла, смотря въ разныя стороны драконами, украшающими ихъ мачты. За то мелкія китайскія лодки, съ разрѣзною кормой, такъ и кишатъ въ заливѣ и на небольшой рѣчкѣ Сингапурѣ, протекающей середи города и отдѣляющей китайскій кварталъ отъ европейскаго; лодкой управляетъ одинъ человѣкъ, стоя и гребя правою рукой лѣвымъ весломъ, а лѣвою—правымъ. Рѣки почти не видно за множествомъ этихъ лодокъ; бо́льшая часть ихъ крыты тростниковою крышей и служатъ постояннымъ жилищемъ для хозяевъ; на каждой найдете, какъ въ нашихъ столичныхъ *садкахъ*, котелокъ, подогрѣваемый здѣсь на угляхъ, шкафъ съ домашними божками и весь подручный скарбъ несложнаго хозяйства. Эта флотилія, выказывающаяся цѣлымъ лѣсомъ мачтъ и реевъ, на которыхъ болтаются всевозможные паруса, бѣлые, холстинные (или бумажные), кожаные, тростниковые, имѣетъ видъ цѣлаго городка, живописнаго, пестраго и очень занимательнаго картинами оригинальныхъ группъ и разными сценами. Тутъ, на палубѣ, почти голые, восковаго цвѣта, лимфатическіе китайцы усѣлись на корточкахъ около котла съ варенымъ рисомъ и работаютъ проворно двумя палочками вмѣсто ножей, ложекъ и вилокъ; на другой увидите толстаго китайца, важно и съ великимъ достоинствомъ совершающаго свой туалетъ; другой, худой и тощій, съ выраженіемъ лица нашихъ горничныхъ, расчесываетъ ему косу. Тамъ одинъ изъ сыновъ Небесной Имперіи со-



C. Graham del. A.H. Payne sculps.

Singapore.

вершаетъ какую-то некрасивую операцію въ ухѣ; наконецъ, можно досмотрѣться до такихъ натуральныхъ сценъ, о которыхъ нельзя и разсказывать; жаль только, что нѣтъ возможности долго любоваться картинами этого китайскаго Rialto: спертый, удушливый запахъ кокосоваго и кунжутнаго масла, которыми, кажется, пропитаны стѣны домовъ, и разные другіе запахи гонятъ отсюда непривычнаго европейца. Между китайскими лодками, которыя сейчасъ узнаешь по разрѣзной кормѣ и по усѣченному носу съ нарисованнымъ глазомъ, стоятъ и снуютъ продолговатыя, остроносыя индѣйскія лодочки, построенныя удивительно граціозно и какъ-то отчетливо; три-четыре полунагіе индуса, бронзовыя формы которыхъ такъ и блестятъ на солнцѣ, кажется, играютъ своими короткими лопатообразными веслами; узкая, легкая ихъ лодка, на серединѣ прикрытая легкою тростниковою крышей, такъ и скользитъ и вьется, будто змѣйка, по тихой глади водъ всегда спокойнаго рейда. Увидите тамъ еще большіе, раскрашенные боты, съ завернутымъ улиткообразнымъ носомъ и съ огромнымъ парусомъ; эти боты перевозятъ на суда товары; чернорабочіе на нихъ—индусы, а распорядители — китайцы. Наконецъ, точно мухи, зарябятъ по водѣ маленькія микроскопическія лодочки, которыя меньше и уже нашихъ *тузовъ* и *душегубокъ;* на нихъ и одному едва можно помѣститься, и часто нѣсколько малайскихъ мальчишекъ съ крикомъ перегоняютъ на нихъ другъ друга. Развѣ только корзинку съ ананасами подниметъ такая лодка. Ананасы здѣсь превосходны, и вообще здѣсь царство плодовъ, особенно ананасовъ; они растутъ въ дикомъ состояніи; есть цѣлые острова, заросшіе ананасами и кокосами; за одинъ пенни вамъ дадутъ такой ананасъ, какого нельзя найдти въ Петербугѣ ни за какія деньги.

Почти весь первый день мы просидѣли на клиперѣ, по случаю бывшаго у насъ домашняго праздника. Вдо-

воль насмотрѣлись на лодки и суда китайцевъ и индусовъ, поминутно пристававшихъ къ намъ. Красныя и пестрыя драпировки торговцевъ красовались середи цѣлыхъ горъ банановъ и ананасовъ, которыми завалены были ихъ лодки. Китайцы были большею частію голые, съ небольшими юпочками, или въ бѣлыхъ блузахъ и широкихъ шароварахъ, волнующихся въ такихъ обширныхъ складкахъ, что съ непривычки не различишь ихъ отъ юпки. На головахъ ихъ тростниковыя остроконечныя шляпы, очень разнообразныхъ фасоновъ,—однѣ маленькія, другія огромныя и развѣсистыя, точно крыша съ небольшаго китайскаго павильона. Иная лодка была нагружена всевозможными раковинами и кораллами, которыми такъ богата здѣшняя сторона; другая везла бездѣлки, вырѣзанныя изъ слоновой кости и перламутра, шелковые платки, куски матерій и, наконецъ, всѣ тѣ предметы, которые извѣстны подъ именемъ *chinoiseries*. Работа нѣкоторыхъ вещей такъ отчетлива, что, казалось, нѣтъ цѣны, которая бы опредѣлила этотъ удивительный трудъ, а между тѣмъ, за нѣсколько долларовъ вы покупаете вещь, на которую потрачено Богъ знаетъ сколько времени и труда. У китайцевъ трудъ, кажется, ничего не стоитъ. Огромная конкурренція и всеобщая бѣдность сбиваютъ у нихъ цѣну на издѣлія. Особенно хороши мозаичные ящички изъ перламутра, слоновой кости и серебра. Привозили намъ и разныхъ птицъ, блестящихъ разноцвѣтными перьями и хвостами. Сингапуръ богатъ попугаями, которыхъ здѣсь нѣсколько породъ: бѣлый (какаду), зеленые и розовые (лорисъ); послѣдніе самые дорогіе: они большіе музыканты, запоминаютъ наизусть цѣлыя музыкальныя піесы и поютъ ихъ съ отчетливостію опернаго пѣвца. Не знаю, водится ли здѣсь яванская *беа*, которая больше всѣхъ птицъ способна перенимать людскую рѣчь и музыкальный мотивъ: иногда довольно ей услышать что-нибудь

одинъ разъ, чтобы съумѣть передразнить. Эта птичка удивительно нервозна; она страдаетъ при малѣйшемъ негармоническомъ звукѣ, а стукъ и шумъ ее страшно пугаютъ. Къ сожалѣнію, кромѣ воздуха своей родной стороны, она другаго не выноситъ. Привозили къ намъ множество драгоцѣнныхъ камней, аметистовъ, рубиновъ, бамбуковыя трости, тростниковыя рогожки, на которыхъ только и можно спать въ здѣшнюю жару. Всѣ эти гости, бронзовые и коричневые, кажется, заманивали насъ на берегъ, привозя съ собою образцики всевозможныхъ сокровищъ и богатствъ здѣшняго края. Утромъ нѣкоторые изъ офицеровъ корвета были на берегу, и отрывочные разсказы ихъ о китайскомъ городѣ, о *саисахъ*, бѣгущихъ около экипажей, о новыхъ деревьяхъ, будто-бы растущихъ на каждомъ шагу, раздражали наше любопытство. За обѣдомъ нѣсколько золотыхъ ананасовъ, среди группы мангустановъ и банановъ, красовались на нашемъ столѣ. Въ четыре часа мы съѣхали съ клипера къ берегу.

Налѣво отъ пристани впадаетъ въ заливъ та рѣчка, запруженная лодками и барками, о которой я уже говорилъ. На ея набережной видны строенія въ родѣ нашего гостинаго двора, со множествомъ лавокъ и сильнымъ народнымъ движеніемъ. Мы вышли на обширную эспланаду, на углу которой распространяли свою широкую и прохладную тѣнь нѣсколько роскошныхъ, развѣсистыхъ деревьевъ, тихо шелестя своею блестящею, свѣжею зеленью. Въ тѣни ихъ, на травѣ, живописно раскинулось нѣсколько группъ, наслаждавшихся прохладой и отдохновеніемъ. Дневной жаръ уже нѣсколько спалъ, можно было дышать свободно и даже ходить. Близъ этихъ деревьевъ возвышался обелискъ, теперь реставрируемый, весь закрытый тростниковыми рогожками: это памятникъ сэру Стамфорду Рафльсу, — единственная историческая вещь, напоминающая въ городѣ о прошедшемъ. На эспланаду выходитъ евро-

пейскій кварталъ съ своими чистыми бѣлыми домами, утонувшими въ зелени: точно голуби, скрывающіеся въ тѣни вѣтвей. Здѣсь все стараніе при постройкѣ домовъ направлено на то, чтобы защищаться отъ вертикальныхъ лучей экваторіальнаго солнца; нигдѣ не увидите ни запертыхъ дверей, ни стеклянныхъ оконъ; вездѣ деревянныя жалузи, сквозь которыя дуетъ постоянно, хоть и раскаленный, но все-таки сквозной вѣтеръ; навѣсы, крытыя *веранды*, не допускаютъ солнечныхъ лучей забраться внутрь комфортабельнаго покоя, какъ бастіоны и редуты не пускаютъ сильнаго врага. Цѣлый день все молчитъ; спущенныя жалузи — точно опущенныя вѣки спящаго; но къ вечеру оживаютъ эти заколдованныя, молчаливыя жилища. Нѣсколько охлажденный воздухъ врывается широкимъ, благоухающимъ потокомъ въ раскрытыя большія окна, сквозь которыя видна съ улицы вся внутренность дома; населеніе просыпается и принимается за работу. Изъ иного уголка вылетаетъ гармоническій звукъ фортепіано, какъ будто бы онъ обрадовался прохладѣ и свободѣ; на улицахъ показываются экипажи, не досчатыя кареты *саисовъ* (извощиковъ), которые жарятся цѣлый день на перекресткахъ, а красивыя открытыя ландо, съ чалмоносными грумами на запяткахъ, съ блѣднолицыми, страдающими печенью англичанками внутри, раскинувшимися въ поэтическихъ неглиже, въ щегольскихъ костюмахъ, обхватывающихъ, какъ будто облакомъ, своими газами и тюлями ихъ легкое тѣло. Онѣ проѣдутся раза два по эспланадѣ, и возвращаются домой подкрѣплять ростбифомъ и элемъ силы, ослабленныя дневнымъ жаромъ. Близъ памятника Рафльса насъ окружила цѣлая толпа *саисовъ*. Ихъ экипажи, сколоченные изъ досокъ, впрочемъ очень легки и красивы; форма ихъ — карета безъ рессоръ; со всѣхъ сторонъ жалузи, которыя можно опускать и приподнимать по волѣ. Кареты запряжены въ одну лошадь; лошадки очень

малы ростомъ, но красивы и сильны, и напоминаютъ шотландскихъ пони; ихъ привозятъ съ Борнео. Ко́зелъ у каретъ нѣтъ, а есть какая-то дощечка спереди, на которую *иногда* садится легконогій кучеръ (*); большею же частію онъ бѣжитъ мѣрнымъ шагомъ около экипажа, держа лошадь подъ уздцы. Упряжь — англійскія шоры; только индусъ непремѣнно прибавитъ чего-нибудь своего: или навѣситъ на лобъ лошади мѣдную звѣзду, или раковину на шею, въ родѣ талисмана. Цѣна *саису* съ экипажемъ долларъ въ день; впрочемъ, берутъ и больше, особенно съ туристовъ. На каждомъ свой костюмъ, и костюмы эти разнообразятся фантазіей и средствами каждаго. Иной совсѣмъ голый, съ небольшою тряпичкой изъ стыдливости; другой одѣтъ очень чисто и прилично, въ бѣлой чалмѣ изъ легкой матеріи и бѣломъ кафтанѣ, или съ такою же матеріей у пояса, или черезъ плечо. Почти у всѣхъ кусокъ ткани виситъ вмѣсто юпки; въ конецъ перевязи, завязавъ его узломъ, они кладутъ деньги. По вертикальному разрѣзу на лбу узнаешь чистаго индуса; по маленькимъ кружкамъ, бѣлымъ, желтымъ и краснымъ, наклееннымъ между бровей, можно узнать религіозную секту, если кто умѣетъ различать эти секты. Лица ихъ удивительно подвижны и выразительны. Нѣкоторые такъ красивы, что, забывая темный, пепельный цвѣтъ ихъ, долго засматриваешься на ихъ оживленныя черты. Это сангвинико-холерическое племя—совершенный контрастъ съ лимфатическими, одутловатыми китайцами. Индусъ—темно-бронзоваго цвѣта, который иногда переходитъ почти въ черный; нѣжныя части кожи подернуты будто пепломъ; глаза его блещутъ молніею, волосы вьются тяжелыми массивными кудрями, поэтически оттѣняющими костлявую голову; зубы блескомъ неуступающіе глазамъ; крѣпкіе, какъ кость, мускулы и

(*) *Саисы* всѣ безъ исключенія индусы.

тонкая кожа, обтянувшая ихъ безъ складочки, безъ излишества, выказываетъ малѣйшую жилку и всякій выступающій наружу внутренній органъ. Кажется, онъ весь вычеканенъ изъ крѣпкаго металла; даже солнце на немъ блеститъ металлическимъ блескомъ. Индусъ никогда не станетъ неграціозно; каждое его движеніе, каждая поза—картина; съ такимъ вкусомъ, съ такимъ кокетствомъ перебroситъ онъ красный платокъ черезъ плечо, что не знаешь для чего ему этотъ платокъ—для защиты ли отъ солнца, или для щегольства.

Но, къ сожалѣнію, ихъ умственныя способности слабы. Это ли потомки творцовъ *Магабгараты* и *Саконталы?* ихъ ли предки слушали *Торжество свѣтлой мысли?*

Ихъ хватаетъ на жонглерство, на греблю веслами, на бѣганье и бѣганіе около лошадей и экипажа. Не таковы ихъ сосѣди, одутловатые китайцы. Въ нихъ столько же поэтическаго чувства, сколько его, напримѣръ, въ петербургскомъ франтѣ. Всѣ они одѣты одинаково; самые бѣдные, кромѣ коротенькой юпочки, ничего не носятъ; болѣе достаточные и самые богатые ходятъ въ бѣлыхъ блузахъ и широкихъ синихъ, черныхъ или коричневыхъ шараварахъ; головы бриты, — только на затылкѣ длинная коса, чаще всего подвязная. Цвѣтъ тѣла ихъ грязно-желтый, будто восковой; такой цвѣтъ часто бываетъ у засидѣвшихся въ дѣвкахъ престарѣлыхъ невѣстъ, цвѣтъ, напоминающій о ненормальномъ состояніи физіологическихъ отправленій. Кожа дряблая, изобилующая подкожною клѣтчаткой; толстые китайцы напоминаютъ откормленныхъ свиней; даже и загривки выростаютъ на ихъ широкихъ затылкахъ. Глаза черные, свѣтящіеся ровнымъ, умнымъ блескомъ; часто въ нихъ видишь выраженіе тонкой ироніи и плутовства; они иногда узки и внѣшними углами подняты кверху, иногда же совершенно овальны, миндалевидны; въ губахъ часто пріятное выраженіе; лишенныя рѣзкихъ очертаній, они

заключаютъ въ себѣ что-то мягкое и неопредѣленное. Часто попадаются лица, изуродованныя оспой. Разнообразіе физіономій китайцевъ замѣчается не въ рѣзкостяхъ, какъ у индусовъ, но въ безконечно маленькихъ оттѣнкахъ, обозначающихся иногда едва замѣтною линіей, едва замѣтною чертой; поэтому въ массѣ они всѣ кажутся на одно лицо. Однообразіе костюмовъ еще болѣе ихъ обезцвѣчиваетъ, но всмотритесь въ эти лица, — вы найдете и тутъ весьма разнообразные типы.

Въ практическомъ отношеніи китаецъ неизмѣримо выше индуса. Китаецъ, по своему, дипломатъ; онъ спокойно достигаетъ своей цѣли, хотя бы цѣль эта была выточить изъ слоновой кости самую тонкую и миніатюрную вещицу. Всѣ ремесла въ Сингапурѣ, портняжное и сапожное, золотое мастерство и ювелирство, наконецъ торговля оптомъ и всякое веденіе дѣлъ—все это въ рукахъ китайцевъ. Они же копаются въ садахъ и воздѣлываютъ поля.

Но мы еще не дошли до китайскаго квартала; еще арековыя пальмы, хлѣбныя деревья, бананы и тысячи экваторіальныхъ цвѣтовъ и кустарниковъ, обхватывающихъ своею тѣнью европейскія жилища, склоняются надъ нами, выступая изъ-за каменныхъ оградъ и рѣшетокъ.

Прямо передъ нами былъ зеленый холмъ; на немъ группами темнѣла масса деревьевъ, сквозь которую выглядывалъ губернаторскій дворецъ и высокій флагштокъ, служащій маякомъ для входящихъ на рейдъ судовъ. Мы повернули налѣво и прошли рѣку по мосту; за нимъ начинался китайскій городъ, съ длинными, безконечными караван-сараями, со множествомъ лавокъ, кумиренъ, мастерскихъ и всевозможныхъ темныхъ и свѣтлыхъ уголковъ, гдѣ кишѣли китайцы, какъ пчелы въ ульѣ. Тутъ нѣсколько мальчишекъ сидятъ съ иголками вокругъ стола; тамъ столяры распиливаютъ пахучее дерево; здѣсь точильщикъ, въ позѣ теньеровскаго точильщика, приставилъ къ нехитрому станку

брусокъ, и вставленное желѣзо, шумя и визжа, выбрасываетъ каскадомъ стружки и опилки. Надъ лавками черныя китайскія буквы на красныхъ вывѣскахъ, будто кабалистическія надписи; бумажные фонари, склеенные изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ и пузыря, висятъ по перекладинамъ, подъ длиннымъ черепичнымъ навѣсомъ. Въ цирюльняхъ брѣютъ головы, заплетаютъ косы и чистятъ уши. Кумиры блестятъ фольгою, золотою бумагой и красною краской; въ глубокой нишѣ засѣдаетъ какой-нибудь святой, съ физіономіей слишкомъ извѣстною, и около него арабесками извиваются китайскія надписи и буквы; тутъ же, въ ящикѣ съ землею, натыканы тоненькія свѣчи, и слабый свѣтъ ихъ едва мерцаетъ мелкими искрами. На самой улицѣ, у столбовъ, цѣлое населеніе полунагихъ фигуръ съ лотками и корзинами; это продавцы, неимѣющіе лавокъ. Чего нѣтъ у нихъ на лоткахъ! Какія-то кушанья, въ родѣ желе, какая-то подозрительная жидкость въ маленькихъ чашечкахъ и нарѣзанные улиткообразно ананасы, всякая зелень и мелочь. Все это населеніе, вѣроятно самое бѣдное въ Сингапурѣ, сидѣло, лежало на улицѣ, предоставляя солнцу жечь, сколько ему угодно, желтыя, маслянистыя ихъ спины. Кромѣ обыкновеннаго аромата, присущаго тѣснонаселеннымъ частямъ городовъ, крѣпкій запахъ пахучихъ деревьевъ и растительныхъ маслъ такъ и билъ въ носъ. Иногда зданія перерывались, и передъ нами была зеленая поляна, за которою виднѣлся холмъ, увѣнчанный богатою растительностію, и по сочной травѣ луга паслись здѣшніе маленькіе, но сухіе и крѣпкіе быки, съ мясистымъ наростомъ на спинѣ. Двухколесныя телеги, запряженныя парою такихъ быковъ, часто попадались на улицѣ. По дорогѣ, мы зашли въ небольшой китайскій храмъ; на его крышѣ всѣ четыре угла были выгнуты кверху; по ней вились драконы и другіе фарфоровые арабески, и все было такъ, какъ рисуютъ китайскіе храмы, кіоски и проч. Черезъ крытый дворъ, на

которомъ былъ колодецъ и небольшая часовня съ идолами, вошли мы внутрь зданія. Тоже часовня, только ниша была шире; святые сидѣли въ ней глубже; пестрота сусальнаго золота, фольги и красокъ такъ и рябила въ глазахъ. На столѣ были искусственные цвѣты, свѣчи и два куска дерева для добыванія огня. Справа и слѣва въ поставцахъ стояли хоругви, длинные шесты, выкрашенные красною краской съ вызолоченною кистью руки на верхнемъ концѣ; на иныхъ были другія изображенія. Въ боковой часовнѣ была цѣлая коллекція небольшихъ дощечекъ, съ надписями, съ именами и эпитафіями умершихъ. Китаецъ, чинившій до нашего прихода какую-то статью своего туалета, бросилъ работу и очень обязательно показывалъ намъ всѣ подробности своей церковной утвари. Гораздо интереснѣе этого храма была индусская *пагода*, стоявшая на концѣ улицы и скрывавшаяся въ таинственной рощѣ арековыхъ пальмъ, откуда она смотрѣла легкою и граціозною башенкой. На обширномъ дворѣ, обнесенномъ высокою каменною оградой, насъ встрѣтили съ поклонами нѣсколько индусовъ. Среди двора было довольно большое зданіе; широкая крыша его поддерживалась четырьмя рядами массивныхъ бѣлыхъ колоннъ; въ ихъ просвѣты виднѣлась пальмовая роща и небольшой зеленый лугъ, на которомъ паслись привязанные къ дереву два теленка и козленокъ, приготовленные для жертвы. Жертвенникъ, сложенный изъ бѣлаго камня, возвышался здѣсь же, въ сосѣдствѣ огромнаго колодца. Чувство природы больше развито у индуса; для построенія храма онъ выбираетъ мѣсто, достойное его; граціозный стволъ пальмы, увѣнчанный блестящею короной, тихій шелестъ ея листьевъ, трепещущая тѣнь отъ нея, ярко-голубое небо — все это дѣйствуетъ на его душу, восходящую до тихаго религіознаго настроенія. Китайцу все равно, гдѣ бы ни былъ его храмъ, только чтобы барабанъ былъ побольше, а то пожалуй Будда не

услышитъ, особенно если развлеченъ чѣмъ-нибудь. На дворѣ, на растянутомъ по травѣ полотнѣ, индусскій живописецъ разрисовывалъ различныя красивыя фигуры, вѣроятно, предназначенныя для какой-нибудь религіозной церемоніи. Тутъ же стояли церемоніальныя колесницы, какія-то уродливыя машины на тяжелыхъ колесахъ. Въ другомъ крытомъ зданіи нѣсколько заштатныхъ идоловъ, обломанные и съ вылинявшею краской, спокойно доживали свой вѣкъ. Черезъ крытый дворъ дошли мы, наконецъ, до самаго храма, украшеннаго круглымъ бѣлымъ куполомъ, форма котораго близко подходила къ той, что́ у насъ слыветъ подъ именемъ византійской. Зала внутри вся уставлена была идолами; посерединѣ было углубленіе, въ темнотѣ котораго, на тронахъ, блистая золотомъ и каменьями, засѣдали главныя божества. Туда насъ не пустили и заставили въ залѣ снять башмаки и шляпы. Идолы были одинъ уродливѣе другаго. Одинъ сидитъ съ восьмью руками и съ зараждающимся ребенкомъ у утробы; другой, съ красною физіономіей и блестящими глазами, ведетъ бесѣду съ какимъ-то карломъ, держащимъ въ рукахъ книгу. Что-то такое стояло подъ чахломъ. Индусы съ гордостію подняли чахолъ, и мы не могли не удивиться, увидѣвъ новаго тельца, выкрашеннаго бѣлою краской съ золотыми разводами на спинѣ и бокахъ. Индусы дали намъ нѣсколько цвѣтовъ, вмѣсто *лотоса*, которые сами приложили сначала къ глазамъ.

За индусскою пагодой черепичныя крыши строеній смѣнились тростниковыми; чаще стала попадаться зелень; все принимало болѣе деревенскій видъ. Слѣва, на высокомъ холмѣ, разросся тѣнистый садъ съ мускатными деревьями, мангустанами и арековыми пальмами; это была дача одного англичанина. Дня черезъ два послѣ, мы были у него, и онъ очень любезно водилъ насъ по своему саду, показывалъ различныя деревья и плоды, нарвалъ намъ по букету

цвѣтовъ (и какихъ цвѣтовъ!); наконецъ, тропинкой, осѣненною листьями бамбука и банана, привелъ на самую возвышенную точку ландшафта. Оттуда былъ превосходный видъ на Сингапуръ. На прекрасной англійской литографіи видъ этотъ схваченъ вѣрно.

Весь городъ расположился на нѣсколькихъ холмахъ. Массы черепичныхъ крышъ китайскаго и малайскаго кварталовъ прятались въ углубленіяхъ и толпились къ морю; за то всѣ значительныя строенія старались принять болѣе веселый и праздничный видъ. Такъ, на одномъ холмѣ виднѣлось бѣлое зданіе съ красивымъ портикомъ и красовалось нѣсколько развѣсистыхъ деревьевъ; на другомъ холмѣ пальмовая роща и плантація мускатныхъ деревьевъ едва показывали сквозь свою чащу бѣлѣющія строенія. Рейдъ, окаймленный вдали лежащими островами, пестрѣлъ и рябилъ въ глазахъ сотнею кораблей. Изъ близлежащихъ зданій всего больше отличались замысловатая крыша большаго китайскаго храма и граціозная башенка индусской пагоды. Домикъ англичанина, выглядывающій угломъ черепичной крыши изъ темной густой зелени, спускающейся къ низу холма величественными пальмами, очень счастливо занималъ первый планъ картины. Во всемъ ландшафтѣ ничего не было кричащаго, бросающагося въ глаза; всмотрѣвшись въ подробности, въ тѣни повсюду разбросанной растительности, въ изобиліе и роскошь органической жизни, разлитой съ такимъ богатствомъ и щедростью, долго не оторвешься отъ этихъ формъ, ласкающихъ глазъ, отъ гармоническихъ переливовъ цвѣтовъ, тѣней и свѣта, яркаго, великолѣпнаго.

Но возвратимся къ первой нашей прогулкѣ. Мы вышли за городъ, миновали китайское кладбище съ памятниками, расположившимися амфитеатромъ по скату зеленѣющаго холма. Палисады изъ сплошнаго кустарника тянутся по сторонамъ дороги; за палисадами идетъ лѣсная чаща, и

иногда, между вѣтвями, выказывается тростниковая крыша хижины съ двумя-тремя кустами пизанга, неразлучнаго спутника всякаго здѣшняго жилища. Мы своротили съ дороги и пошли тропинкою, которая вела неизвѣстно куда и была такъ узка, что едва можно было идти одному; вѣтки кустарниковъ цѣплялись за платье и били въ лицо; за то въ сплошной тѣни ихъ было хорошо; солнце садилось, и прохлада отъ зелени проливала отраду въ грудь, уставшую дышать раскаленнымъ воздухомъ. Набрели мы наконецъ на деревеньку; между хижинами протекалъ ручей; на берегу нѣсколько индусовъ обливали другъ друга водой; въ сторонѣ была кумирня, въ которой двѣ-три фигуры что-то ѣли, чѣмъ мѣстное божество, какъ видно, не смущалось. Та же тропинка повела насъ дальше и вывела на большую дорогу. Въ этотъ разъ, съ одной ея стороны, была великолѣпная дача съ рощами и цвѣтами; съ другой, на довольно возвышенномъ холмѣ, красовалась казарма сипаевъ, откуда слышался звукъ трубы и гдѣ виднѣлись оригинальныя фигуры въ сипайской формѣ. Мы перешли зеленымъ лугомъ, посреди котораго протекаетъ ручей, на другую дорогу, чтобы вернуться въ городъ съ другаго конца, и встрѣтили нѣсколько гуляющихъ. Черный статный индусъ несъ на рукахъ разряженнаго какъ куколку и бѣлаго какъ алебастръ ребенка. Индусы отлично ходятъ за дѣтьми и у англичанъ, живущихъ въ Индіи, очень часто исполняютъ должность нянекъ. Часть города, въ которую мы вошли, была не изъ самыхъ чистыхъ, хотя передъ нами и красовались сначала холмы и зелень загородной мѣстности. Ручей, сначала узенькій, становился шире; на немъ начали показываться лодки съ постоянными ихъ обитателями; дома почти всѣ были на сваяхъ; вѣроятно, во время дождей и разливовъ вся эта часть города стоитъ подъ водою; стоящія лодки у домовъ еще болѣе подтверждаютъ это предположеніе. Воздухъ былъ удушливъ, всякая нечистота, остатки гніющихъ

органическихъ веществъ заразительными міазмами отравляли атмосферу: удивительно какъ могутъ жить люди при такихъ условіяхъ! Но они живутъ, и въ этихъ углахъ постоянно разыгрываются драмы человѣческой жизни. Мы, какъ туристы, то-есть поверхностные наблюдатели, попали на комедію: оборванный китаецъ что-то стянулъ у другаго съ лотка; тотъ поймалъ вора за косу; въ минуту ихъ обступили, явился полисменъ (а полисменъ, большею частію изъ туземцевъ, здѣсь на каждомъ шагу; онъ—въ своемъ національномъ костюмѣ, только красная перевязь или нашивка отличаетъ его отъ прочихъ смертныхъ), и пошелъ разборъ. Китаецъ-воръ не былъ за то въ претензіи, что его поймали, но зачѣмъ его схватили за косу, вотъ что̀ крайне огорчило его.

Вечеръ просидѣли въ гостинницѣ *Надежда* (Esperance); она около самой эспланады. Общій столъ устроенъ въ особомъ рѣшетчатомъ зданіи, напоминающемъ исполинскую клѣтку для птицъ.

Надъ столомъ приводился въ движеніе медленнымъ качаньемъ огромный вѣеръ, изобрѣтеніе индусскаго комфорта. Время шло въ разговорахъ, касавшихся, натурально, Сингапура, его обитателей, ихъ нравовъ и обычаевъ. Къ намъ подсѣлъ хромой, словоохотливый господинъ, говорящій по нѣмецки, съ остренькимъ носомъ, заставлявшимъ подозрѣвать его еврейское происхожденіе. Одна нога его была въ туфлѣ. Здѣсь, въ Сингапурѣ, маленькій червячокъ заползаетъ иногда подъ ноготь пальца, производитъ опухоль и воспаленіе, и нога болитъ недѣли три. Эта непріятность случается здѣсь очень часто, и противъ червячка нельзя принять никакихъ предупреждающихъ мѣръ. Вотъ почему хромалъ нашъ собесѣдникъ. Онъ, между прочимъ, разсказывалъ намъ о тиграхъ, которыхъ очень много внутри острова, и утверждалъ, будто бы до четырехъ сотъ человѣкъ погибаетъ отъ нихъ въ

продолженіи года. «Въ лѣсахъ, говорилъ онъ, вы встрѣтите сотни обезьянъ; но не совѣтую стрѣлять по нимъ: раненая стонетъ такъ жалобно, точно женщина, такъ что вы не вынесете этихъ раздирающихъ душу звуковъ. Въ тростникахъ много кабановъ, и если вы услышите шумъ бѣгущаго стада, то готовьте ружье,—это тигръ гонитъ ихъ. Щетинистое населеніе инстинктивно чувствуетъ страшнаго врага и безъ оглядки бѣжитъ впередъ».

Мы думали въ разсказчикѣ видѣть сингапурскаго Жерара; но вышло, что онъ говорилъ со словъ одного охотника, живущаго внутри острова и занимающагося охотой уже двадцать-пятый годъ.

Чудная ночь! Густой ароматъ цвѣтника раздражалъ нервы, и мы до того воспламенились разсказомъ о чудномъ островѣ, о его тиграхъ, безчисленныхъ пернатыхъ обитателяхъ, поющихъ и говорящихъ, о бабочкахъ, кабанахъ и прочемъ, что тутъ же рѣшили ѣхать къ охотнику въ гости и вмѣстѣ съ нимъ отправиться на тигровъ. Къ сожалѣнію, это желаніе, какъ и многія другія, осталось однимъ желаніемъ. Между прочимъ, я воспользовался разговорчивостію нашего собесѣдника и попросилъ его доставить мнѣ нѣсколько сингапурскихъ типовъ, чтобы, по возможности, срисовать съ нихъ въ альбомъ, на что́ онъ охотно согласился. Мы пошли гулять при свѣтѣ луны, которая во всемъ своемъ экваторіальномъ блескѣ свѣтила надъ городомъ. Въ воздухѣ было тепло и пріятно. Попадавшіеся экипажи мелькали фонарями. Въ лавкахъ тоже горѣли огни; разнощики, сидѣвшіе на улицѣ, жгли факелы, и голыя тѣла ихъ эффектно освѣщались дрожащимъ пламенемъ горящей смолы — картина, которою увлекся бы и Рембрандтъ. Изъ нѣкоторыхъ оконъ раздавались удары въ барабанъ и еще во что-то звенящее, по всей вѣроятности въ тазъ; иногда вырывались мелодическіе звуки, извле-

каемые смычкомъ изъ какой-то плоской, но широкой бандуры. Мы шли долго; освѣщенная часть города осталась за нами; вмѣсто домовъ, начались камышевыя хижины на высокихъ сваяхъ; иногда струя испорченнаго воздуха поражала обоняніе; иногда напротивъ, букетъ, утонченнаго аромата дышалъ на насъ изъ-за группы деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ разрастался роскошный цвѣтникъ. Мы вошли въ домъ, называемый *tea-house*, *чайный домъ*, стоящій среди небольшаго садика. Хозяйка была молодая константинопольская еврейка, въ какомъ-то фантастическомъ восточномъ костюмѣ, съ глупымъ лицомъ и съ сверкающими нагло глазами. Пока наши пили эль, я вышелъ на балконъ, внутренно негодуя, что изъ такого вертепа наслаждаюсь такою ночью. Балконъ выходилъ въ садъ, въ которомъ рощица пальмъ рисовалась просвѣтами стройныхъ стволовъ и граціозно нависшими вѣтвями. Изъ высокой травы и цвѣтника слышался цѣлый хоръ насѣкомыхъ, жужжаніе, звонъ, мѣрный звукъ какого-то голосистаго кузнечика, и все это гармонировало и съ тѣнью пальмовой рощи, и съ луной, едва видною изъ-за зелени, и съ тишиной этой ночи, не смотря на крики, раздававшіеся изъ комнатъ, и на звуки исковерканнаго англійскаго языка. Мнѣ стало ясно, почему въ религіи и поэзіи Востока столько одушевленія силъ природы. Но для меня, сына далекаго сѣвера, здѣшняя природа, здѣшняя ночь оставалась безмолвна, какъ неумолимая красавица, у ногъ которой изнывалъ я, ея несчастный обожатель. Гдѣ ты, Джюльета? восклицалъ я (про себя). Эта ночь придала бы страсти моей всю полноту выраженія, и ты поняла бы меня. Здѣсь бы только раздаваться словамъ любви! Здѣсь бы увлеченію благоухать тихою и мирною поэзіей, какъ благоухаетъ здѣшній цвѣтокъ, роскошно распустившійся своею блестящею чашечкой и свиснувшими тяжелою головкой пестиками!..

— One bottle ale! раздалось изъ комнаты и напомнило мнѣ гдѣ я; вернувшись въ залу, я выпилъ стаканъ прегадкаго элю.

На возвратномъ пути, когда мы шли улицами еврейской части города, около строющагося огромнаго готическаго храма, и когда плыли на лодкѣ между судовъ и пароходовъ, луна и звѣзды сопровождали насъ въ тишинѣ до нашего скучнаго жилища. Такъ окончился нашъ первый вечеръ въ Сингапурѣ.

Вполнѣ сознавая, какъ утомительно читать подробное описаніе проведеннаго дня, — прогулокъ, разговоровъ и всѣхъ тѣхъ мелочей, которыя поневолѣ заставляютъ разбрасываться и дѣлаютъ разсказъ длиннымъ, я, вслѣдствіе разныхъ достаточныхъ причинъ, опишу вамъ и второй день, съ самаго утра и до поздняго вечера. Главнымъ стараніемъ путешественника должна быть точность. Съѣхалъ я на берегъ одинъ. Было рано, и жаръ еще не успѣлъ накалить ни стѣнъ, ни воздуха, ни земли. Я отправился прямо, безъ цѣли, куда глаза глядятъ; обогнулъ холмъ, на которомъ красуется губернаторскій дворецъ, и все шелъ по дорогѣ, то въ постоянной тѣни отъ густоразросшихся по сторонамъ кустарниковъ и деревьевъ, то между клумбами цвѣтниковъ и бархатныхъ газоновъ; такъ дошелъ я до протестантскаго кладбища, окруженнаго каменною стѣной, лѣсомъ пальмъ и другихъ широко и высоко распространившихся деревьевъ. Надгробные памятники скрывались въ цвѣтахъ, и все кладбище казалось такою мирною юдолью, въ своемъ поэтическомъ затишьѣ, что хотѣлось бы здѣсь заснуть,—однако не холоднымъ сномъ могилы. Нѣсколько индусовъ, закованныхъ въ цѣпяхъ, что-то работали; старикъ китаецъ, вѣроятно сторожъ, въ очкахъ, копался въ своей канурѣ, заваленной разнымъ хламомъ.

Вернувшись въ городъ, я шелъ вдоль канала, впадающаго въ заливъ съ противоположной стороны пристани, у самаго края эспланады. Черезъ каналъ переброшено было нѣсколько мостиковъ. Къ берегамъ сходила зелень садовъ, окружающая чистенькіе домики европейцевъ, обнесенные рѣшетками. У послѣдняго мостика возвышалась величественная индусская смоковница (Ficus religiosa), краса индійской растительности, освященная миѳомъ Будды; подъ вѣтвями ея Будда погружался въ блаженство *потуханія* (nirwana). Широкій стволъ дерева казался свитымъ изъ тысячи тонкихъ стволовъ; съ безчисленныхъ, широко-раскинувшихся вѣтвей милліоны корнеобразныхъ побѣговъ стремились внизъ, сростаясь въ клубки, и странными, но живописными фестонами висѣли съ дерева; другія, дойдя до земли, пускаютъ въ нее свои отростки, укрѣпляются и всасываютъ въ себя новую силу и жизненность; въ свою очередь, они получаютъ крѣпость ствола и разростаются роскошнымъ деревомъ, посылая съ вѣтвей своихъ такіе же новые отпрыски, и нѣтъ конца этой силѣ растительности. Подъ тѣнью дерева была цѣлая лавочка; нѣсколько пестрыхъ фигуръ постоянно сидятъ на его вѣтвистыхъ корняхъ, пользуясь прохладою натуральной сѣни.

Становилось жарко. Попадавшіеся на встрѣчу китайцы вооружались громадными зонтиками и вѣерами. Я спѣшилъ въ гостинницу спрятаться отъ солнца и начать свои этюды съ натуры.

Вчерашній говорунъ не обманулъ меня: онъ досталъ мнѣ по экземпляру изъ разнохарактерной толпы сингапурскаго народонаселенія.

Первое лицо былъ чистый индусъ. Это можно было видѣть по разрѣзу, проведенному вертикально отъ переносицы до вершины лба; этотъ разрѣзъ дѣлается при рожденіи и затирается китайскими чернилами. Индусъ былъ красивый юноша, съ прядью густыхъ черныхъ во-

лось, на которые наброшенъ былъ очень легко и граціозно красный платокъ; въ ушахъ, кромѣ серегъ, блестѣли еще какія-то украшенія; на плечѣ и около таліи большой платокъ, въ легкихъ и красивыхъ складкахъ. Онъ никакъ не могъ стать свободно, непринужденно. Не знай онъ, что его рисуютъ, какъ бы легко размѣстилъ онъ свои руки, какъ бы оперся на одну ногу, какой бы изгибъ далъ онъ своей спинѣ и шеѣ! Но онъ стоялъ какъ пойманный; руки повисли какъ плети; вѣроятно, въ первый разъ въ жизни онъ стоялъ некрасиво, и, кажется, чувствовалъ это. Но нечего дѣлать, надо было рисовать что́ есть.

Второю натурой былъ индусъ изъ Мадраса; на немъ былъ легкій, бѣлый кафтанъ, бѣлая довольно большая чалма и бѣлые же, узкіе при концѣ, панталоны. Лицо его было не слишкомъ темно и испорчено оспой; глаза и вообще линіи лица были рѣзки и выразительны. Онъ очень легко принялъ граціозную позу и очень серьезно выстоялъ пять минутъ.

Я сидѣлъ въ первой комнатѣ (лучше сказать, клѣткѣ); двери, конечно, были настежь; собралось нѣсколько любопытныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и туземный полисменъ, высокій, худой, съ огромнымъ носомъ и съ характеристическимъ выраженіемъ лица. Онъ не соглашался, чтобъ я срисовалъ его.

— Богъ меня создалъ одинъ разъ, говорилъ онъ:—и если кто-нибудь создастъ мое лицо въ другой разъ, то я непремѣнно умру.

Я не настаивалъ, уважая подобное убѣжденіе, за что полисменъ взялъ меня подъ свое покровительство и рѣшительно тащилъ ко мнѣ всякаго, кто ни приходилъ на широкій дворъ гостинницы. Попался продавецъ оружія, высокій, жилистый, съ рѣзко-очерченнымъ ртомъ, съ красивою драпировкой висѣвшаго у пояса платка; въ рукахъ у него было нѣсколько кинжаловъ (*cris*) въ деревянныхъ

ножнахъ, съ змѣевидными лезвеями, намазанными ядомъ. Подъ мышкой былъ зонтикъ; на бритой головѣ круглая цилиндрическая шапочка.

Попался *разнощикъ журналовъ*, черный индусъ, въ бѣлой чалмѣ и курткѣ, съ красивымъ платкомъ у пояса, съ зонтикомъ и цѣлою пачкой сингапурской газеты подъ мышкой. Онъ такъ заинтересовался рисованьемъ, что часа два стоялъ здѣсь, и тщетно ожидали любители новостей свою опоздавшую газету.

Полисменъ поймалъ китайца, продавца игрушекъ, какого-то парса, почтеннаго усача, съ горбатымъ носомъ и ястребиными глазами, пришедшаго въ гостинницу также за какимъ-то дѣломъ. Едва успѣлъ я окончить послѣдній эскизъ, смотрю, полисменъ тащитъ китайца еще, который, съ коромысломъ на плечахъ, зазѣвался середи двора. Китаецъ не хотѣлъ идти; полисменъ сдернулъ съ его головы остроконечную, величиною съ крышу, шляпу и принесъ ее въ комнату. Китаецъ осердился, прибѣжалъ и ударилъ полисмена коромысломъ. Сдѣлалась исторія; какъ водится, ихъ обступили; нѣсколько нѣмцевъ, сидѣвшихъ около меня, пришли въ благородное негодованіе; я отчаявался, думая, что мой сеансъ разстроится. Однако, все скоро уладилось: китайцу, получившему отъ полисмена нѣсколько подзатыльниковъ, возвращена была шляпа, и онъ, бранясь, побрелъ со двора.

Между тѣмъ, передо мною уже стоялъ прехорошенькій мальчикъ изъ индусовъ. Подобная фигурка была бы очень у мѣста возлѣ какой-нибудь красавицы-матери. Представьте себѣ тоненькую граціозную куколку, обтянутую черною, но нѣжною кожей, съ большими умно-свѣтящимися глазами, съ веселою и доброю улыбкой, выказывавшею зубы ослѣпительной бѣлизны. Нарядите эту куколку въ восточный легкій костюмъ, — чалма на головѣ, бѣлая

курточка и панталоны, дробящіеся въ легкихъ складкахъ,—и вы составите себѣ приблизительное понятіе объ этомъ граціозномъ ребенкѣ. Ему было лѣтъ десять.

За индусомъ слѣдовалъ уроженецъ Явы. Какъ хорошъ былъ индусъ, съ своимъ дѣтскимъ взглядомъ, блестѣвшимъ чѣмъ-то наивнымъ и въ высшей степени пріятнымъ, такъ дуренъ былъ яванецъ, также мальчишка, съ огромными выдавшимися впередъ губами, съ деснами, изъѣденными бетелемъ, который жуютъ почти всѣ жители здѣшняго архипелага. Взъерошенные волосы вырывались клочками изъ-подъ краснаго платка, наброшеннаго на голову; въ лукавыхъ глазахъ было выраженіе волчонка, раздразненнаго, но чувствующаго свое безсиліе. Онъ безпрестанно смѣялся, какъ будто не въ силахъ былъ удержаться; на немъ была какая-то масляная куртка и за поясомъ торчалъ *крисъ* (кинжалъ). Въ то время, какъ я доканчивалъ рисунокъ, слухъ мой былъ пораженъ странными звуками; кто-то съ изумительною быстротой отбивалъ языкомъ и по временамъ издавалъ звуки, напоминавшіе крысиный пискъ. Я поднялъ глаза: въ комнату входили двѣ фигуры въ чалмахъ, съ какими-то тряпичками и желѣзными прутьями въ рукахъ; за ними слѣдовало нѣсколько любопытныхъ.

— Жонглеры, сказалъ нѣмецъ.

Я былъ доволенъ какъ нельзя больше; во-первыхъ, могъ видѣть индѣйскихъ жонглеровъ, во-вторыхъ, могъ срисовать ихъ *ex ipsa fonte*. Они усѣлись на полу; старшій, съ выраженіемъ юродливости въ лицѣ, сѣлъ впереди и сталъ вынимать изъ тряпичекъ нужныя для представленія вещи: нѣсколько мѣдныхъ чашекъ, какую-то нелѣпую куклу, кусокъ дерева, змѣю, сшитую изъ тряпокъ, и шарикъ. Все это размѣщалъ онъ, съ разными ужимками, и сопровождалъ каждое свое движеніе отбиваніемъ языкомъ дроби съ неимовѣрною быстротой; младшій, мальчикъ лѣтъ пят-

Индусы
(Жонглёры)

надцати, въ красной чалмѣ, помѣстился нѣсколько сзади, приготовляясь помогать учителю, и по временамъ вторилъ его страннымъ присказкамъ. Только что они расположились, я остановилъ ихъ и сталъ рисовать. Около насъ образовалась порядочная толпа; всѣ, и срисованные, и ожидавшіе очереди быть срисованными, стояли кругомъ въ живописныхъ позахъ; кто усѣлся на полу, кто, изогнувшись, облокотился о притолку. Сидящіе за столомъ нѣмцы, вѣрные себѣ вездѣ, по временамъ острили: «Zassen sie sich, Hr. Müller, auch zeichnen», скажетъ одинъ изъ нихъ и самъ же засмѣется: — «sie sind ja auch ein echter Singapurianer», добавитъ онъ въ поясненіе... Жонглеръ, вѣроятно, не совсѣмъ понимая, зачѣмъ его прервали, глядѣлъ изподлобья какимъ-то потеряннымъ, какъ будто его окатили холодною водой. Голый индусъ, стоявшій противъ меня, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, съ длинными волосами на затылкѣ, съ пріятнымъ выраженіемъ веселенькаго личика, казалось, былъ тоже очень удивленъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, будетъ ли жонглеръ показывать свои штуки?

Но я кончилъ эскизъ и, какъ индѣйскій магъ, однимъ наклоненіемъ головы, снялъ со всѣхъ очарованіе. Точно спущенный съ цѣпи, жонглеръ встрепенулся, началъ кривляться, бормотать и юродствовать, и показалъ дѣйствительно удивительныя штуки. На каждую изъ нихъ былъ свой припѣвъ; не было ни одного движенія не въ тактъ; при нѣкоторыхъ акробатическихъ эволюціяхъ онъ приходилъ въ изступленіе: глаза бѣгали, сверкали какимъ-то зловѣщимъ блескомъ, движенія его тѣла, съ лихорадочною судорожностію, слѣдили за летавшими по воздуху мѣдными шарами, которые выдѣлывали въ своемъ полетѣ разные узоры; члены тряслись; звуки носовые и гортанные вылетали изъ спертой груди. И вдругъ эти пиѳическія движенія смѣнились тихими, медленными; мелодическіе звуки едва слышались; голова его медленно вытяги-

валась впередъ; взглядъ, какъ будто украдкой, тихо слѣдилъ за ровнымъ узоромъ шаровъ, перелетавшихъ изъ правой руки, черезъ плечо, голову и ноги, въ лѣвую; пѣсня становилась все тише и тише, и вдругъ, какъ будто кто укусилъ его, шары блестящимъ каскадомъ посыпались съ громомъ и звономъ, и каждый мускулъ и нервъ жонглера трясеніемъ и подергиваньемъ отвѣчали этой дикой эволюціи. Помощникъ не принималъ въ играхъ никакого участія; однако раздѣлялъ, съ юношескимъ увлеченіемъ, изступленіе старшаго. Не стану описывать ихъ фокусы; они изумительны, особенно если подумаешь, что у этихъ фокусниковъ нѣтъ ни механическихъ столовъ, ни раздвижныхъ половъ; онъ, голый, сидитъ передъ вами, и вся его магія помѣщается въ грязномъ мѣшкѣ. Но не могу умолчать о послѣдней штукѣ, замѣчательной въ физіологическомъ отношеніи: жонглеръ проводитъ черезъ пищепріемное горло, до самаго желудка, желѣзный тупой ножъ, въ двѣ съ половиною четверти длины. Во время этой операціи едва замѣтно антиперистальтическое (извините за медицинское выраженіе) движеніе: оно побѣждено силою навыка и привычки.

Когда жонглеры ушли, уже новая фигура стояла передо мною. Точно нашъ дьячокъ Осипъ Никифоровичъ! Длинный, худой, съ длиннымъ носомъ, съ рѣденькою бородкой; волосы были зачесаны назадъ и кучкообразною косой пришпилены на затылкѣ; спереди они были прикрѣплены полукруглымъ гребнемъ; на этой фигурѣ была черная куртка и длинная, до пятъ, юпка; то былъ уроженецъ Цейлона.

За нимъ слѣдовалъ малаецъ, настоящій сингапурскій малаецъ. Грязно-желтое, одутловатое лицо, съ маслянистымъ глянцемъ на щекахъ, черные глазенки, заплывшіе жиромъ, куртка, шертинговая рубашка съ запонками и манишкою, у пояса платокъ, будто фартукъ, — какая

разница съ малайцами Доброй Надежды! Здѣсь они какое-то скорбутное, грязное, чернорабочее племя. Ротъ ихъ оттянутъ впередъ постоянно находящеюся на деснахъ жвачкою бетеля, которая коричневою мочкой часто торчитъ изо рта между зубъ. Бетель—родъ перца; его сильно пряный листъ, съ острымъ вкусомъ, очень сходенъ съ листомъ чернаго перца; на листъ бетеля кладутъ кусокъ *чунáма* (самая лучшая известь), величиною съ бобъ, часть орѣха съ арековой пальмы, потомъ немного табаку и инбиря, и все это завертываютъ въ другой листъ бетеля. Эту смѣсь жуютъ нѣсколько часовъ сряду, такъ что сильно-текущая слюна получаетъ красный цвѣтъ, а зубы черный. Ракъ въ щекѣ—самая обыкновенная болѣзнь между жующими эту отвратительную жвачку.

Малайцы—единственное туземное племя на здѣшнихъ островахъ; теперь они большею частію рыбаки.

Цѣлое утро я какъ будто разсматривалъ этнографическую коллекцію. За малайцемъ шелъ китаецъ, за китайцемъ характеристическая личность бенгальца и мальчикъ изъ племени мангури (mangouri). Всѣ ихъ костюмы и лица, составляющіе вмѣстѣ преинтересное цѣлое, нарочно описаны мною подробно, чтобы не возвращаться къ нимъ больше, потому что ихъ безконечныя видоизмѣненія встрѣчаете вы здѣсь повсюду; они-то и составляютъ разнохарактерную толпу сингапурскаго народонаселенія.

Вечеромъ были въ театрѣ. Театръ индусовъ — вещь очень оригинальная. Мы отыскивали его очень долго, наконецъ остановились около крытаго двора, въ родѣ нашихъ ямскихъ дворовъ; подъ навѣсами стояло много каретъ. Пройдя дворъ и заплативъ деньги у небольшой калитки, очутились мы на обширномъ дворѣ, въ концѣ котораго устроена балаганная сцена. Нѣсколько большихъ факеловъ освѣщали своимъ трепещущимъ огнемъ актеровъ и зрителей; около балагана было нѣ-

сколько пальмъ; на землѣ сидѣли зрители, большею частію индусы, малайцы, китайцы, человѣкъ пятьсотъ, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Эта ночная картина, съ эффектнымъ освѣщеніемъ факеловъ, была очень живописна. На сценѣ ходилъ какой-то старикъ въ золотомъ кафтанѣ и съ сѣдою бородой. Онъ пѣлъ, и ему вторили два суфлера, ходившіе съ книгами сзади его и принимавшіе въ піесѣ бо́льшее участіе, нежели актеры. За суфлерами слѣдовали музыканты: одинъ съ небольшимъ барабаномъ, другой съ тарелками. Старикъ скоро удалился; задняя кисейная занавѣсь раздвинулась, и оттуда вышли двѣ плясуньи, тоже въ золотыхъ платьяхъ, съ громадными ожерельями на шеѣ. Лица ихъ были подъ масками. Суфлеры и другія находившіяся на сценѣ лица пѣли подъ тактъ ихъ кривляній; впереди два голые мальчика слѣдовали за представлявшими актерами и освѣщали ихъ съ двухъ сторонъ. Плясуньи сначала принимали различныя позы, танцуя медленно, тихо; но послѣ, постепенно оживляясь, доходили до изступленныхъ движеній баядерокъ.

Вслѣдъ за плясуньями началась самая піеса. Мы видѣли только часть ея. Дѣло было вотъ въ чемъ: Жила-была какая-то царица, конечно въ Индіи, такая красавица, что побѣждала всѣ сердца. Это бы еще не бѣда, но то было нехорошо, что она отбирала у одурѣвшаго отъ любви царевича имѣнія и всѣ богатства, и послѣ, не говоря худаго слова, отсѣкала голову своему вздыхателю. Но и для этой индусской Тамары пробилъ роковой часъ: она сама влюбилась въ одного царя, вдобавокъ женатаго и имѣвшаго сына. Царь не соглашается любить ее, помня примѣръ прежнихъ ея возлюбленныхъ. Вся піеса состоитъ въ переговорахъ благоразумнаго царя съ влюбленною царицей. Царь въ огромной коронѣ и въ костюмѣ раджи, съ золотыми крыльями на плечахъ, съ каменьями и ожерельемъ на шеѣ, съ золотою птицей въ рукахъ; царица почти въ такомъ же

костюмѣ, только въ рукахъ, вмѣсто птицы, держитъ обнаженную саблю. При обоихъ по два человѣка свиты. Они поютъ на одинъ мотивъ длинныя тирады, разбитымъ голосомъ; суфлеры оживляются, приходятъ въ восторгъ; но актеры неподвижны, какъ статуи: ни одного движенія рукою или головою. На лицахъ маски, а изъ-подъ блестящаго костюма торчатъ черныя ноги. Для глазъ было много блеска и пестроты, но ничего для воображенія. И на публику дѣйствіе драмы было слабо; никто не слушалъ; всѣ громко разговаривали. «Это скучная піеса, говорилъ мнѣ индусъ, разсказывавшій содержаніе піесы, — а вотъ посмотрѣли бы вы когда играютъ комедію, такъ умереть можно со смѣха.» Не знаю, комедіи я не видалъ, а драма-опера не произвела на меня особеннаго впечатлѣнія, какъ ни кричалъ главный пѣвецъ.

Но все-таки мы были очень довольны театромъ, гдѣ зрители занимали насъ больше актеровъ. Вамъ, конечно, случалось видѣть на картинкахъ эффектныя ночныя сцены какой-нибудь индійской церемоніи, гдѣ при свѣтѣ факеловъ мелькаютъ сотни обнаженныхъ фигуръ. Зрители театра, сидящіе, полулежащіе и совсѣмъ лежащіе, кто въ бѣломъ костюмѣ, кто совсѣмъ безъ костюма, представили мнѣ эту давно знакомую картину въ натурѣ. Я все время бродилъ между ними и пробирался вдоль стѣнокъ, около которыхъ прятались въ тѣни нѣсколько женскихъ фигуръ. Въ сторонѣ была раскинута палатка съ прохладительными напитками и фруктами, и мы купили цѣлую связку мангустановъ. Никакой плодъ не можетъ сравниться съ свѣжимъ, хорошимъ мангустаномъ; вы разламываете толстую кожу, и бѣлое ароматическое мясо проситъ чуть не поцѣлуя, столько въ немъ нѣжности и красоты! Не даромъ мангустанъ называется царемъ плодовъ; это одинъ изъ плодовъ, за которымъ ухаживаютъ въ Сингапурѣ; онъ растетъ на деревѣ, очень похожемъ на апельсинъ; всѣ другіе плоды вызрѣваютъ

круглый годъ, а мангустановъ не бываетъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Въ Сингапурѣ, какъ я уже говорилъ, царство плодовъ: ананасы дешевле картофеля, ими откармливаютъ свиней. Есть еще *дуріонъ*, большой зеленый плодъ, съ непріятнымъ запахомъ, но когда привыкнешь къ этому запаху, дуріонъ предпочитается всѣмъ другимъ плодамъ. *Мангу*, *boa outang*—плодъ величиной съ сливу, наружная кожа покрыта махровою оболочкой; ее срѣзаютъ сверху и выдавливаютъ прозрачное студенистое мясо, ароматическая сладость котораго превосходна. *Пампльмусъ*, исполинскій апельсинъ, величиной съ порядочный арбузъ; ароматъ апельсина, вкусъ горько-кисловатый, освѣжающій; онъ относится къ обыкновенному апельсину, какъ омаръ къ рѣчному раку. У Вампоа въ саду мы видѣли еще, въ горшкѣ, микроскопическое деревцо-игрушку, съ плодами величиной въ горошинку, а цвѣтомъ и вкусомъ точь-въ-точь апельсины. Не говорю о бананахъ (которые впрочемъ здѣсь такъ хороши, что подобныхъ мы нигдѣ не ѣли), апельсинахъ, кокосовыхъ орѣхахъ, танжеринахъ и другихъ фруктахъ, на которые здѣсь и не смотрятъ.

Но пора было отдохнуть отъ городской жизни; уличныя сцены, театръ, китайцы—все это уже начинало утомлять; надобно было взглянуть туда, гдѣ природа на свободѣ развернулась во всемъ блескѣ своей красоты. Надобно было проникнуть нѣсколько внутрь острова. Поѣздка къ фермеру-охотнику окончательно разстроилась; мы были только въ загородномъ домѣ здѣшняго богатаго купца, китайца Вампоа, и ѣздили на острова, верстъ за 30 отъ Сингапура. Вампоа еще ребенкомъ привезенъ изъ Кантона въ Сингапуръ. Мѣстечко Вампоа (около Кантона) носитъ имя его предковъ. Онъ прекрасно говоритъ по англійски и очень богатъ. Хотя нѣкоторые и поговариваютъ, что всего состоянія его едва ли хватитъ на уплату долговъ, но все-таки Вампоа живетъ-себѣ какъ раджа. У него огромный домъ въ городѣ

и нѣсколько магазиновъ; загородный домъ въ европейско-индійскомъ вкусѣ; при немъ большой садъ и богатыя плантаціи мускатныхъ деревьевъ; наконецъ, загородная дача въ китайскомъ вкусѣ, въ которой живутъ его тринадцать женъ; изъ нихъ послѣдняя еще недавно куплена и привезена изъ Небесной Имперіи. Въ этомъ домѣ онъ живетъ домашнею, неофиціальною жизнію. Путешественниковъ и любопытныхъ принимаетъ онъ въ европейской виллѣ, куда и перебирается для этого заранѣе.

Мы выѣхали изъ города часу въ первомъ утра. Саисъ бѣжалъ около сильнаго и проворнаго клепера, запряженнаго въ нашъ экипажъ. Скоро городскія строенія смѣнились зелеными палисадами густаго, непроницаемаго кустарника, за которымъ разрастались сады и лѣса. И здѣсь природа сохраняла свой холмообразный характеръ. Иногда встрѣчалась небольшая изумрудная лужайка, на которой пестрѣло стадо худыхъ коровъ; кое-гдѣ къ начинающемуся лѣсу примыкала тростниковая хижина съ высокою крышей и нѣсколькими полуголыми фигурами черныхъ индусовъ, мелькавшихъ то между стволами деревьевъ, то у входа въ хижину, то подъ тѣнью листа пизанга, близь текущаго по свѣжей травѣ ручья. Мѣстами тянулся сплошной лѣсъ кокосовыхъ пальмъ, съ толстыми, рѣдко-растущими стволами; перообразные листья ихъ, изогнутые въ различныхъ направленіяхъ, роскошно раскидывались, перегибались на вѣтвяхъ и красиво склонялись; и между этой, будто каскадами раскинувшейся зелени поднимался стрѣлой стройный стволъ арековой пальмы, которую здѣсь зовутъ по праву царицей, или лучше царевной деревьевъ. Часто попадались плантаціи мускатнаго дерева, сахарнаго тростника и перца. Воздѣлкой всего этого, конечно, занимаются китайцы. Благодаря имъ, дѣвственный лѣсъ здѣшнихъ острововъ начинаетъ мало по малу расчищаться, и тигръ, настоящій его обитатель, шагъ за шагомъ отступаетъ передъ трудомъ человѣка.

Каждый можетъ взять себѣ клочокъ земли; правительство въ первые два года не беретъ никакого оброка съ воздѣлываемаго поля, и лишь потомъ, въ теченіи слѣдующихъ двадцати лѣтъ, беретъ за пользованіе землею самую незначительную плату; благодаря этой мѣрѣ, плантаціи съ каждымъ годомъ увеличиваются.

Скоро мы въѣхали въ каменныя ворота китайскаго стиля; это было начало владѣній Вампоа. Дорога огибала холмъ и спиралью поднималась на возвышеніе, зеленѣющее огромнымъ тѣнистымъ садомъ, богатымъ цвѣтами. Граница владѣній обсажена была ананасами; ихъ колючая зелень замѣняетъ нашъ терновникъ. По дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ, двумя пестрѣющими лентами вились клумбы цвѣтовъ,—цвѣтовъ Индіи и Китая, роскошныхъ, блестящихъ, ароматическихъ. Чернолицый *саисъ* нашъ поминутно срывалъ ихъ и, набравъ роскошный букетъ, бросалъ его къ намъ въ окно кареты. Что́ бы дала петербургская барыня-охотница за подобный букетъ! Но у насъ, профановъ, онъ такъ и оставался въ каретѣ. Нѣсколько китайскихъ розъ спряталъ *саисъ* для себя, въ фонарь; цвѣты у индусовъ играютъ большую роль въ религіозныхъ обрядахъ, цвѣтами дарятъ въ храмахъ. Кто не слыхалъ о мистическомъ значеніи лотоса?... Цвѣты, полежавшіе на алтарѣ, считаются чудотворными, ихъ прикладываютъ къ глазамъ, они очищаютъ взглядъ и просвѣтляютъ мысль... Кажется, будто между легконогими индусами и цвѣтами есть какое-то сочувствіе. Изъ всѣхъ деревьевъ здѣсь больше всего ухаживаютъ за мускатнымъ; когда оно еще молодо и не окрѣпло, надъ нимъ дѣлаютъ родъ шалаша изъ тростниковыхъ цыновокъ, и по количеству этихъ цыновочныхъ крышъ, нарушающихъ своимъ видомъ живость и блескъ другой зелени, можно судить о величинѣ плантаціи. Среди зелени въѣхали мы на гору. Домъ, мѣстной архитектуры, то-есть такой,

при которой больше всего берутся въ разсчетъ вертикальные лучи солнца, стоялъ на довольно обширномъ скверѣ. *Саисъ* въ одну минуту выпрягъ лошадь и пустилъ ее пастись тутъ же. Ленты цвѣтовъ расплылись въ широкіе цвѣтники, будто ручьи въ озеро; двѣ вѣеровидныя пальмы, какъ павлины, распустившіе и поднявшіе кверху хвосты, красовались среди разнообразной индійской флоры; между цвѣтовъ лежали исполинскія раковины, изъ которыхъ выползали шнурки и вѣтки ненюфаровъ и водяныхъ лилій.

Невдалекѣ отъ дома были службы, у которыхъ сушились на солнцѣ мускатные орѣхи, съ красною кожицей, разсыпанные въ широкихъ и плоскихъ корзинахъ; небольшой звѣринецъ помѣщался въ клѣткообразномъ зданіи; тамъ было нѣсколько газелей, антилопа, дикобразы, кангуру, макака и еще нѣсколько животныхъ.

Хозяинъ, толстый и жирный, съ умнымъ и пріятнымъ лицомъ, въ китайской блузѣ и съ длинною, привязною косой, вышелъ къ намъ на встрѣчу и съ радушіемъ повелъ показывать свой садъ, подводя насъ ко всякому, сколько-нибудь замѣчательному растенію. Голосъ его былъ тихъ и вкрадчивъ, рѣчь ровна; въ губахъ выраженіе доброты и кротости. Каждый, чѣмъ-нибудь отличавшійся, цвѣтокъ онъ срывалъ и давалъ намъ, такъ что потомъ мы не знали куда дѣвать эти цвѣты. Передъ домомъ, въ отгороженномъ мѣстѣ, красовался собственно-китайскій садъ. Это былъ родъ цвѣтника, раздѣленнаго лабиринтомъ дорожекъ на клумбы и разныя группы. Цвѣты расли въ фарфоровыхъ вазахъ, разноцвѣтныхъ и разнообразныхъ, самой причудливой формы. При входѣ въ этотъ садикъ стояли двѣ фарфоровыя группы, изображавшія храмъ, павильоны и китайцевъ въ остроконечныхъ шапкахъ, съ зонтиками. По рѣшеткамъ цѣплялось вьющееся растеніе съ кувшино-видными листьями, называемыми

monkey cup (чашечка обезьянъ): въ лѣсахъ обезьяны пьютъ воду, набирающуюся въ эти кувшинчики. Другая зелень разрасталась въ разныя искусственныя формы; были храмы и башни, павлины и собаки, образованные изъ вѣтокъ и листьевъ: таковы причуды китайскаго садоводства! Прежде нежели вывести растеніе, дѣлаютъ изъ проволоки фигуру, которую оно должно изображать; а чтобы растеніе было какъ можно миніатюрнѣе, слѣдуетъ цѣлый рядъ насилующихъ природу дѣйствій; такъ напримѣръ, мало поливаютъ растеніе, давая ему пищу лишь на столько, чтобъ оно не погибло, на корѣ дѣлаютъ надрѣзы, истощающіе дерево, и т. п., и наконецъ китайцы добиваются своего: маленькое, изъ горшка выползающее растеніе смотритъ старымъ, развѣсистымъ деревомъ, какъ карликъ со сморщеннымъ лицомъ семидесятилѣтняго старика. На насъ это дѣйствуетъ непріятно, хотя, срывая съ миніатюрнаго деревца апельсины, величиной съ горошенку, нельзя не подивиться искусству и терпѣнію китайца. Даже китаецъ Вампоа съ улыбкой указывалъ на эту маленькую флору и называлъ эти дива игрушками. Но вмѣстѣ съ нами остановился съ восторгомъ передъ однимъ кустомъ, изъ котораго каскадами выбрасывались наружу гирлянды массивныхъ, бѣлыхъ цвѣтовъ: «Теперь лучшія мои растенія не цвѣтутъ, говорилъ онъ, вы не видите и десятой доли того, что̀ растетъ здѣсь.»

Домъ Вампоа—маленькій музеумъ рѣдкостей. Все размѣщено со вкусомъ и знаніемъ, выставлено не на показъ, а служитъ для комфорта хозяина. Здѣсь насмотрѣлся я на всевозможныя китайскія произведенія, начиная отъ акварельныхъ рисунковъ на рисовой бумагѣ до вышитыхъ шелками фигуръ по матеріи. Большіе рисунки, нѣчто въ родѣ картоновъ, развѣшены по стѣнамъ. На одномъ изображена цѣлая группа людей, столпившихся около играю-

Китайцы въ Сингапурѣ.

щихъ въ шашки: иные смѣются, другіе сердятся, двое спорятъ, одинъ игрокъ въ отчаяніи; всѣ эти страсти выражены смѣлою линіей контуровъ. На другомъ картонѣ нѣсколько нѣжныхъ сценъ; рисунокъ двухъ обнявшихся дѣвушекъ, повернутыхъ нѣсколько назадъ, такъ граціозенъ, что не испортилъ бы альбома Гаварни,—чего я никакъ не ожидалъ отъ Китая! Слѣдующія картины изображали идеальную мѣстность, берегъ и высокое дерево. Внизу, то-есть на землѣ, ходили куры и гуси, на воздухѣ летали вороны и сороки, на деревѣ пестрыя пташки и длиннохвостки, на самомъ верху—райская птица. Эта птичья прогрессія выполнена была превосходно.

Пестрота китайскихъ фарфоровъ, костяныя вещи, коллекція раковинъ, рѣзная мебель—все это перемѣшивалось съ предметами роскоши, необходимыми для комфорта образованнаго европейца. Въ комнатахъ стояла превосходная мягкая мебель, на столахъ разбросаны были кипсеки; при богатомъ освѣщеніи широкихъ оконъ виднѣлись двѣ-три картины старинной италіянской школы. Вообще домъ какъ нельзя больше характеризовалъ хозяина, полукитайца, полу-европейца. Хотя онъ еще вѣренъ своему костюму, своимъ тринадцати женамъ и длинной привязной косѣ, однако легко подсмотрѣть на его лицѣ улыбку, когда онъ показываетъ какую-нибудь китайскую вещь, курьозную, но нелѣпую по значенію; такъ напримѣръ, показывалъ онъ намъ изданную въ Нью-Йоркѣ карту Небесной Имперіи съ китайскаго рисунка. Настоящій китаецъ гордился бы ею и считалъ бы ее, конечно, далеко выше всѣхъ европейскихъ картъ, но Вампоа показывалъ ее съ улыбкой, просившею нашего снисхожденія, какъ нѣжный отецъ показываетъ рисунокъ своего десятилѣтняго сына. Человѣкъ, совершенно отступившійся отъ всего своего, сталъ бы, конечно, бранить свои издѣлія и издѣваться надъ ними изъ угожденія иностранцамъ. Поведеніе Вам-

поа, напротивъ, отличалось очень хорошимъ тономъ; онъ понимаетъ, что китайская цивилизація не то, что̀ европейская, а потому онъ и беретъ у Европы все то, что̀ можетъ сдѣлать жизнь его удобнѣе и лучше. Роднаго сына своего онъ отослалъ въ Лондонъ, и съ гордостію разсказывалъ намъ о его образованіи, о его успѣхахъ; онъ показалъ и портретъ его, представлявшій молодаго человѣка очень недурной наружности и безъ малѣйшаго признака китаизма въ лицѣ.

Когда мы все осмотрѣли съ любопытствомъ провинціяловъ, хозяинъ пригласилъ насъ посидѣть на террасѣ, съ которой открывался превосходный видъ. Зеленѣли холмы, темнѣли лѣса, рисуясь на небесномъ фонѣ вѣтвистыми исполинскими деревьями, красовались плантаціи и сады, кое-гдѣ бѣлѣлся домикъ съ навѣсною черепичною крышей и съ букетомъ стройныхъ пальмъ у оконъ. Вдали видно было море; мачты судовъ, стоящихъ въ Госбургѣ,—а тамъ опять холмы, и вѣчно-юная, веселая зелень съ тысячью оттѣнковъ и переливовъ. Вампоа завелъ какой-то музыкальный ящикъ, и раздался англійскій маршъ, съ барабанами и бубнами, съ звономъ и громомъ. На террасу вынесли попугая съ розовою головой и шеей; это былъ *loris*, изъ породы розовыхъ попугаевъ. Трудно вообразить себѣ что-нибудь нѣжнѣе и граціознѣе этой птицы. Онъ долженъ былъ, по словамъ хозяина, пѣть подъ акомпаниментъ музыки; но вѣрно присутствіе гостей его сконфузило; онъ безпокойно чесалъ носъ и только топтался на одномъ мѣстѣ.

Въ наружныхъ галереяхъ дома, въ самыхъ затѣйливыхъ клѣткахъ, съ мезонинами и лѣстницами, щебетали какія-то микроскопическія птички всевозможныхъ цвѣтовъ, а въ цвѣтникѣ бѣлый какаду по временамъ кричалъ, вѣроятно по китайски, и безпрестанно щетинилъ свой роскошный хохолокъ.

Внизу, въ тѣнистой залѣ, ждалъ насъ роскошный завтракъ, обвѣваемый качающимся надъ столомъ вѣеромъ. Всѣ плоды Сингапура красовались въ фарфоровыхъ китайскихъ вазахъ. На каждой тарелкѣ, рисунками и надписями, разсказана была какая-нибудь исторія про любовь, ревность и т. п. Кто-то спросилъ себѣ воды, и подали холодной какъ ледъ воды, рѣдкость въ Сингапурѣ. Нечего говорить, что мы ѣли плоды, какъ говорится, до-отвала, запивая ароматическія *боа-утанги* и мангустаны прекраснымъ хересомъ. Послѣ завтрака мы разстались съ гостепріимнымъ хозяиномъ.

Вторая наша поѣздка была на острова. Въ Петербургѣ также говорятъ: «мы были на островахъ», между тѣмъ какъ были только на болотахъ. Здѣсь острова — настоящіе острова, съ моремъ, омывающимъ ихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, съ великолѣпною природой, съ густою зеленью дѣвственныхъ деревьевъ, смотрящихся въ голубую гладь водъ, съ рощами кокосовыхъ и арековыхъ пальмъ,—острова, заросшіе ананасами, какъ простою болотною травой!

Островъ Сингапуръ окруженъ большими и маленькими островками; одни стерегутъ входъ въ Малаккскій проливъ, другіе присоединяются къ системѣ острововъ, образующихъ проливы Ріо и Дріонъ.

Нѣкоторые изъ нихъ совершенно необитаемы; на другихъ есть небольшія населенія малайцевъ. Иногда на цѣломъ островѣ стоитъ одна хижина; выжжетъ себѣ малаецъ лѣсъ, на сколько ему нужно, и засѣетъ это пространство ананасами и бананами; часто встрѣтишь, между блестящею зеленью банановыхъ листовъ, свалившіеся обгорѣлые стволы гигантскихъ обгорѣлыхъ деревьевъ, можетъ быть свидѣтелей до-исторической эпохи.

Если малаецъ поселился вблизи кокосовой рощи, то ему больше ничего не нужно, какъ сгородить избушку на

курьихъ ножкахъ и грѣться цѣлый день на солнцѣ: кокосовое дерево даетъ ему все необходимое: листомъ своимъ оно прикроетъ жилище, молокомъ орѣха утолитъ жажду, мясомъ напитаетъ, скорлупою замѣнитъ домашнюю посуду. Развѣ иной хозяинъ возраститъ еще хлѣбное дерево (Artocarpus incisa), глубоко вырѣзные листья котораго такъ украшаютъ разнообразную зелень сингапурскаго ландшафта. На эти-то острова хотѣлось намъ взглянуть; и вотъ мы, сначала, по русской привычкѣ, откладывая день за день, наконецъ собрались.

Съ вечера погода была прекрасная и обѣщала такой же слѣдующій день. Утромъ въ пять часовъ барказъ, снаряженный всѣмъ, что́, по нашему мнѣнію, нужно было для подобной экскурсіи, ждалъ насъ, подтянутый къ трапу. Въ большихъ двухъ корзинахъ уложенъ былъ чай, сахаръ, вино, плоды и пр., потомъ нѣсколько штуцеровъ, револьверы, удочки; матросы выбраны такіе, которые имѣютъ понятіе объ охотѣ. Рейдъ еще спалъ, штиль былъ мертвый. Мы пошли на веслахъ, пробираясь на просторъ между громадныхъ купеческихъ судовъ, на которыхъ еще не замѣчалось ни малѣйшаго движенія. Когда вышли изъ залива, поверхность воды зарябилась, потянулъ вѣтерокъ, и мы поставили паруса; вѣтеръ свѣжѣлъ, и мы полетѣли, оставляя за собою шумящій и клокочущій слѣдъ; барказъ, накренившись, рѣзалъ увеличивавшуюся зыбь воды. Цѣлью нашей поѣздки былъ самый отдаленный островъ, очертанія котораго едва синѣли на горизонтѣ; до него тянулась цѣпь острововъ, которые мы оставляли за собою. Солнце вставало прямо противъ насъ, изъ-за горъ выбраннаго нами острова, подробности котораго все болѣе и болѣе обозначались. Возвышенности и долины обтянуты были густымъ ковромъ непроницаемаго лѣса; только у праваго мыса, близъ самаго берега, вытягивалась узенькая, песчаная полоса; къ ней-то мы и намѣревались пристать.

Тутъ же, точно выстроившаяся колонна солдатъ съ великолѣпными султанами на головахъ, виднѣлась пальмовая роща, въ тѣни которой мелькало нѣсколько хижинъ, съ высокими тростниковыми крышами; всѣ онѣ стояли на высокихъ сваяхъ, вѣроятно отъ хищныхъ звѣрей. Сейчасъ же за пальмовою рощей начинался лѣсъ, переплетенный вьющимися растеніями; совершенно непроницаемою, сплошною массой поднимался онъ на горы, спускался въ долины, ущелья, овраги, выходилъ красивыми косами и мысами къ морю, отражаясь въ немъ со всею своею разнообразною листвой, и тамъ отступалъ въ таинственныя бухты, бросая отъ себя густую тѣнь на спокойныя воды залива. На песокъ вытащено было нѣсколько остроконечныхъ лодокъ. Мы попали во время малой воды, и потому никакъ не могли пристать: на отмели, начинавшейся непосредственно за глубиною, виднѣлись острые камни, о которые мы могли легко разбить барказъ. Пошли дальше вдоль берега; но, можно сказать, островъ смотрѣлъ на насъ раемъ съ таинственною надписью на вратахъ; заманчива была тѣнь лѣсовъ, но камни и отмели заслоняли намъ путь. Нечего дѣлать, поворотили направо, снова поставили паруса и скоро очутились въ обширной бухтѣ, образованной архипелагомъ нѣсколькихъ острововъ; вершина одного изъ нихъ была безъ лѣсу; лишь нѣсколько деревьевъ, одиноко стоящихъ, рѣзко отдѣлялись отъ изумрудной, яркой зелени, которою блисталъ возвысившійся холмъ; у береговъ же былъ все тотъ же таинственный, развѣсистый, тѣнистый лѣсъ. Саженей за сто отъ этого острова мы стали на мель; дно было чисто, и мы рѣшились, нѣсколько подвинувшись впередъ, бросить дрекъ и перебраться на берегъ. Сказано—сдѣлано. Повыскакали въ воду, протащили немного барказъ на рукахъ и потомъ побрели по водѣ до колѣнъ, не снимая сапоговъ, изъ опасенія поранить ногу о раковину или ка-

мень. Деревья, растущія по берегу, были съ совершенно обнаженными корнями; безчисленное количество вѣтвей сплеталось между собою, составляя какъ бы пьедесталъ, съ котораго возвышался стволъ, дробясь, въ свою очередь, въ безконечныя развѣтвленія. Когда вода прибыла, обнаженные корни скрылись, и зелень вѣтвей прямо легла своею массой на поверхность воды; островъ точно плавалъ въ морѣ.

Мы нашли небольшую пристань, такъ искусно скрытую деревьями и кустами, что только случайно можно было отыскать ее. Двѣ длинныя лодки лежали на пескѣ; на одной изъ нихъ придѣланъ былъ шестъ, съ дощечкой наверху, а на дощечкѣ висѣло нѣсколько раковинъ. Малѣйшее движеніе лодки производило стукъ и громъ раковинъ, ударявшихся о дощечку: «затѣя сельской остроты»! Тутъ же, на возвышеніи, скрытыя вѣтвями деревъ, стояли двѣ хижины, построенныя, какъ всѣ малайскія хижины, изъ бамбуковыхъ стволовъ, на сваяхъ, и прикрытыя съ боковъ и сверху цыновками изъ тростника и пальмовыми листьями. Далѣе, на возвышающейся мѣстности, была плантація ананасовъ и банановъ, яркая зелень которыхъ давала изумрудный блескъ острову. Мѣсто для плантаціи очищено было огнемъ; черные обгорѣлые пни свидѣтельствовали объ исполинахъ, павшихъ здѣсь, среди огня и пламени. Кое-гдѣ громадный стволъ протягивался во всю длину, и листъ банана, при всей величинѣ своей, не могъ прикрыть наготы его. Два-три высокія, развѣсистыя дерева, уцѣлѣвшія случаемъ, грустно стояли на самой вершинѣ холма, неприкрытыя тѣнью сосѣдей; отъ нихъ открывался превосходный видъ на лежавшій у ногъ архипелагъ. За плантаціей во всѣ стороны начинался лѣсъ, въ который мы напрасно старались проникнуть; мы должны были вернуться, едва пройдя нѣсколько шаговъ: обнаженные корни тысячи растущихъ между ство-

ловъ кустарниковъ, плетиліановъ, — все это дѣлало лѣсъ совершенно непроходимымъ. Не называю лѣса *первоначальнымъ*, помня строгость Гумбольдта къ настоящему значенію эпитета «первоначальный», но дѣвственнымъ и непроходимымъ назвать его можно. Полнота жизненности проявилась здѣсь какъ въ сочности, цвѣтѣ и разнообразіи листвы, такъ и въ миріадахъ шумящихъ и звенящихъ насѣкомыхъ, голоса которыхъ мѣшались съ звономъ въ ушахъ, отъ раскаленнаго воздуха. Бабочки самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ перелетали съ куста на кустъ; какая-то стрекоза пурпуроваго цвѣта быстро мелькала и исчезала, сверкнувъ въ тѣни вѣтвей своими паутинными крыльями.

Въ хижинѣ было одно живое существо, какая-то сморщенная старуха, худая, темно-коричневаго цвѣта, въ лохмотьяхъ. Я вспомнилъ далекое дѣтство, долгіе зимніе вечера, узоры двадцати пяти градусовъ мороза на окнахъ и огонь, потрескивающій въ печкѣ. Сгорбившись надъ безконечнымъ чулкомъ, съ щупальцами на носу, сидитъ старушка няня, и, полный фантастическими образами, долгій разсказъ ея монотонно льется и журчитъ, какъ тихій ручей. Жадно слушая повѣствованіе, я вѣрю каждому его слову, и долго преслѣдуютъ меня чудныя похожденія Ивана-царевича, или Иванушки-дурачка; я сержусь на злую колдунью и чуть не плачу отъ злости, когда она торжествуетъ.... Теперь, казалось, разсказъ няни «въ очію совершался»: я попалъ на невѣдомый островъ, избушка на курьихъ ножкахъ стояла передо мною, и страшная, беззубая баба-яга хлопотала около кадушекъ и разнаго хлама, можетъ быть искала ножа, чтобы зарѣзать меня.... Скоро явились и братья-богатыри: вмѣстѣ съ приливомъ, на остроконечныхъ *проа*, пристали трое малайцевъ, вооруженныхъ своими отравленными кинжалами, и очень удивились присутствію незваныхъ гостей.

Эта хижина и эта таинственная пристань могли быть пріютомъ пиратовъ, въ чемъ мы и были увѣрены; приплывшіе малайцы, съ своими кинжалами за поясомъ, казались очень подозрительными. Знаками спросилъ я ихъ: зачѣмъ они вооружены? На это они отвѣчали, что этими кинжалами они рубятъ дрова, а я самъ видѣлъ около ихъ хижины отличные топоры.

Между тѣмъ, на берегу, наши матросы разложили огонь, заварили кашу, стали мыть бѣлье и развѣшивать его на деревьяхъ. Романтическій разбойничій притонъ сталъ принимать характеръ болѣе прозаическій. Вспомнили и мы о чаѣ, о винѣ; въ это время матросы, отлучившіеся на фуражировку, таскали къ намъ спѣлые ананасы цѣлыми десятками. Успѣли мы и выкупаться; вода такъ прибыла, что выпущенныя на берегъ лодки, поднявшись, покачивались прибивающею волной; вѣтви деревъ легли на воду, барказъ подтянули, и, поставивъ паруса, мы отправились на другой островъ; хотѣли пристать къ песчаному берегу, чтобы набрать раковинъ, но другой островъ, съ пальмами, соблазнилъ насъ. Вѣтеръ былъ крутой *бейдевиндъ* и мы должны были лавировать. Матросы, не запуганные командными голосами, маневрировали легко и безъ шуму; нѣкоторые затянули пѣсню, другіе покуривали самодовольно трубочки, лежа подъ банками. Берегъ, соблазнявшій насъ, былъ такъ хорошъ, что мы никакъ не могли противиться влеченію побывать на немъ. На краю его, подъ тѣнью нависшихъ кокосовыхъ листьевъ, виднѣлись хижины; у прибрежья замѣтно было движеніе; нѣсколько пестрыхъ фигуръ хлопотало около лодокъ. Мы пристали хорошо; деревенька казалась зажиточною; въ одной хижинѣ малайка, въ *очкахъ*, сидѣла передъ ткацкимъ станкомъ и ловко перебрасывала легкій челнокъ между оснащенными нитками. Всѣ домики стояли въ непроницаемой тѣни пальмовой рощи. Выйдя изъ рощи, мы поднялись, едва про-

Сингапуръ

топтанною тропинкой, въ гору; пространство на нѣсколько десятинъ покрыто было, какъ сплошное болото, ананасовою травой; золотистый плодъ мелькалъ на каждомъ шагу изъ-за своей колючей зелени. Наконецъ и тропинка исчезла, и мы пошли шагать по цѣлику, проклиная колючки, затруднявшія ходьбу. Мѣстами росли арековыя пальмы, отличаясь рѣзко отъ кокосовъ стройностью ствола и легкостью граціозной лиственной короны. Можетъ быть, этотъ островъ оттого поразилъ насъ своею красотой, что зелень на немъ была не сплошная, а счастливо расположена живописными группами. Однако, время уходило, надобно было думать о возвращеніи, а вѣтеръ былъ непопутный, и изъ проливовъ тянуло сильное, противное теченіе. Часа три плыли мы, и уже къ ночи насилу отыскали свой клиперъ между сотней судовъ, блиставшихъ безчисленными огнями съ ихъ отраженіемъ. При нашемъ приближеніи къ рейду садилось солнце... но какъ садилось! подобныхъ картинъ, кромѣ какъ подъ экваторомъ, нигдѣ не увидишь. Пламенное, ярко-пунцовое зарево переливалось въ оранжево-золотистое: огонь ли это, золото ли?... Природа употребила всю яркость, блескъ и роскошь своихъ цвѣтовъ, всю силу свѣта, чтобъ украсить здѣшнее небо, покрывающее такую растительность, такую землю; другое небо было бы здѣсь бѣдно. Освѣщенный подобнымъ заревомъ небосклонъ видѣла прощенная Пери, когда летѣла съ своимъ послѣднимъ даромъ,—съ предчувствіемъ полнаго примиренія въ просвѣтленной душѣ....

Мы пробыли въ Сингапурѣ дней восемь. Не обходилось ни одного вечера безъ грозы, молніи или зарницы. Бóльшую часть времени я проводилъ, конечно, на берегу, посѣщая тѣ мѣста, которыя еще не успѣлъ видѣть. Такъ одно утро я посвятилъ на осмотръ буддійскаго китайскаго храма, построеннаго по плану храма въ Амоѣ. Близъ него возвышаются двѣ осми-угольныя башни, со вздерну-

тыми по угламъ крышами и съ пестрыми украшеніями; около храма нѣсколько кумирень, и въ каждой былъ свой святой. Главный придѣлъ пестръ до невѣроятности; но я не скажу, чтобы не было вкуса въ этомъ множествѣ арабесокъ, куколъ, украшеній и китайскихъ надписей, очень похожихъ на тѣ же арабески. Деревянныя колонны, поддерживающія красиво изукрашенныя балки сквознаго, легкаго потолка, были покрыты такимъ густымъ лакомъ, что можно было принять ихъ за отполированный порфиръ. Съ одной стороны придѣла висѣлъ огромный *гонгъ* (барабанъ), въ который бьютъ во время молитвы, чтобы привлечь вниманіе Будды; я ударилъ въ гонгъ зонтикомъ, и гармоническая октава загудѣла въ воздухѣ. Съ другой стороны висѣлъ надтреснутый колоколъ безъ языка. Святые сидѣли глубоко въ темныхъ нишахъ; нѣсколько рядовъ занавѣсокъ отдѣляли ихъ отъ простыхъ смертныхъ. Около алтаря стояли четыре уродливые воина, четыре стража міра (міръ, по буддійскому воззрѣнію, четырехъ-угольный); каждый уголъ стережетъ особый воинъ; восточная фантазія надѣлила этихъ воиновъ страшными, уродливыми лицами; въ числѣ ихъ атрибутовъ находится непремѣнно какое-нибудь животное, змѣя, черепаха и проч. На главномъ алтарѣ много свѣчъ; въ простѣнкахъ виситъ нѣсколько исполинскихъ фонарей, пестрыхъ и живописныхъ своею причудливою формой. Наружныя ворота украшены фресками, надписями и двумя каменными львами, которые держатъ въ пасти выточенные изъ камня же шары (tour de force китайскихъ точильщиковъ); ворота соединяются съ главнымъ храмомъ боковыми крытыми переходами, образуя такимъ образомъ внутренній дворъ, откуда видъ на алтарь очень эфектенъ; весь храмъ можно перенести цѣликомъ на сцену самаго блестящаго балета. Китайцы безъ всякаго благоговѣнія водили насъ по святилищу, нисколько не удивляясь, когда мы подходили къ самому носу божества, щелкали его паль-

цемъ, трогали руками и не снимали шляпъ. Ничто не напоминало, что мы въ храмѣ; китайское равнодушіе къ религіи такъ и бросается въ глаза.

«А вѣдь мы еще не были въ малайскомъ кварталѣ», сказалъ одинъ изъ нашихъ товарищей.—«Не были», отвѣчалъ я: «отправимтесь сегодня же вечеромъ.» Много толковали мы потомъ о своихъ экскурсіяхъ, сидя дома на клиперѣ, послѣ вкуснаго обѣда. Часовъ въ пять мы съѣхали, предварительно выкупавшись, и пошли все направо, сначала по эспланадѣ, потомъ мимо индійской смоковницы черезъ красиво-перекинувшійся мостъ, по набережной. Европейскіе дома скоро остались за нами, и потянулся безконечный рядъ, родъ *Зарядья*, съ лавками, разнымъ соромъ, лужами, торговцами, китайцами, малайцами, индусами, курами, огромными и хохлатыми (Кохинхина здѣсь подъ рукой съ своими знаменитыми курами, которыхъ я видѣлъ даже въ Москвѣ), съ фарфоровыми чашками и китайскими вывѣсками, съ физіономіями, жующими жвачку или курящими флегматически кальянъ и наслаждающимися кейфомъ, наконецъ со всевозможными запахами, съ крикомъ и безпрерывнымъ движеніемъ. У берега притонъ рыбачьихъ лодокъ,—здѣсь ихъ верфь; огромныя бревна заготовленнаго лѣса лежатъ половиной въ водѣ, половиной на берегу, покрытомъ всякимъ соромъ; между бревенъ прилѣпился тростниковый шалашъ, и нѣсколько фигуръ подъ сѣнью цыновокъ усѣлось ѣсть свой рисъ и вареные *шримсы*. На улицѣ попадались кареты и сидѣвшія въ нихъ индусскія и малайскія барыни, съ украшеніями въ носу и ушахъ. Здѣсь было и нѣсколько лавокъ, въ которыхъ курятъ опіумъ. На концѣ улицы стояло довольно большое зданіе съ каменными аркадами со всѣхъ сторонъ; это былъ родъ народнаго рынка. Чего тамъ не продавали, чего тамъ не дѣлали, и какой запахъ понесся оттуда!.. Около рынка находится складъ рыбы, которую

подвозили сотни лодокъ, толпившихся у берега. Далѣе тянулся кварталъ деревянныхъ домиковъ, выстроенныхъ на высокихъ сваяхъ, надъ водою; а еще дальше—декорація изъ пальмовыхъ верхушекъ, задумчиво перешептывавшихся между собою... о чемъ? Вѣроятно о томъ, что, какъ ни будь прекрасенъ уголокъ земли, люди ухитрятся превратить его въ резервуаръ нечистоты и гадости, столпятся въ грязныя кучи, заразятъ воздухъ своими тяжелыми испареніями, отъ которыхъ вянетъ дѣвственный листъ пальмы и ароматъ цвѣтка заглушается запахомъ загноившейся рыбы.

Впрочемъ, здѣсь былъ, кажется, самый нечистый сингапурскій уголъ; но за то здѣсь много зелени: банановый листъ, хлѣбное дерево и пальмы украшали собранныя на живую нитку лачужки, изъ маленькихъ оконъ которыхъ выглядывали смѣшныя рожицы малайскихъ и индусскихъ дѣтей.

Въ послѣдній день я опять случайно попалъ сюда. *Саисъ*, возившій насъ за городъ, безъ нашей просьбы подкатилъ къ самому берегу и остановился близъ какого-то шалаша, показывая знаками, чтобы мы вошли въ него. Не зная чего онъ хочетъ, мы вошли: въ шалашѣ, въ огромной клѣткѣ, сидѣлъ тигръ въ сообществѣ собаки,—настоящій житель сингапурскаго острова, въ клѣткѣ! Какъ же не вянуть пальмамъ и не идти имъ на постройку грязныхъ хижинъ, когда ты, могучій царь лѣсовъ, сидишь здѣсь и потѣшаешь публику?

Всѣ тигры, видѣнные мною въ Европѣ, были не больше какъ кошки, въ сравненіи съ этимъ. Хотя онъ былъ и въ неволѣ, однако дышалъ роднымъ своимъ воздухомъ, а потому былъ свѣжъ, сытъ, со всѣми зубами въ своей страшной пасти, со всѣми когтями своей страшной лапы. Несчастная собака, довольно большая, пріучена бросаться на тигра, класть ему въ пасть ногу и проч.; она пови-

нуется, но очень неохотно. Страшный видъ звѣря каждую минуту заставляетъ ее измѣнять себѣ. Смотря на эту сцену, я думалъ о Сингапурѣ. Десятки тысячъ китайцевъ, день и ночь, какъ пчелы въ ульѣ, работаютъ, строятъ, копаютъ землю; другія тысячи индусовъ выбиваются изъ силъ, бѣгая какъ лошадь, едва уступая ей въ быстротѣ и силѣ, глотаютъ камни и ножи, жарятъ свое голое тѣло подъ вертикальными лучами солнца, работая на дорогахъ; и все это дѣлается по мановенію нѣскольких людей, завоевавшихъ народы не силой и не войскомъ, а умомъ и умѣньемъ. Бѣдная собака визжитъ, а кладетъ свою лапу тигру въ пасть и бросается на него; тигръ уничтожилъ бы ее однимъ движеніемъ лапы, да палка хозяина слѣдитъ за нимъ, и тигръ и собака, хоть и скрѣпя сердце, покорно слушаются.

— Что̀, кантонскія дѣла не имѣли вліянія на здѣшнихъ китайцевъ? спросилъ я вечеромъ у хромоногаго нѣмца. Къ нему я обращался постоянно за разрѣшеніемъ моихъ сомнѣній и вопросовъ, и онъ никогда не задумывался.

— Никакого, отвѣчалъ онъ:—да здѣсь и не можетъ быть ничего. Китайцы и индусы ненавидятъ другъ друга; сто̀итъ взбунтоваться китайцамъ, индусовъ выпустятъ на нихъ, и обратно.

— Но вѣдь здѣсь индусовъ гораздо меньше.

— Да вы не знаете развѣ, что̀ за трусы китайцы?.. Недавно тридцать человѣкъ англійскихъ матросовъ, напившись до-пьяна, разорили чуть не весь ихъ кварталъ. Китайцамъ позволено было даже стрѣлять по нимъ, а все-таки они ничего не сдѣлали.

Всѣ эти извѣстія странны для насъ, привыкшихъ къ порядкамъ европейскихъ городовъ, но здѣсь все это вещь обыкновенная. Составъ народонаселенія самый пестрый. Всѣ здѣшніе индусы ссыльные; иные даже клеймены; на

лбахъ ихъ вырѣзано названіе преступленія и наказаніе; другіе ходятъ въ кандалахъ; послѣднихъ посылаютъ на работы дорогъ. По истеченіи срока многіе остаются здѣсь поселенцами. Въ Сингапурѣ рѣдко можно встрѣтить старика; китайцы переселяются сюда только въ молодыхъ лѣтахъ; нажившись, всякій старается дни своей старости провести на родной землѣ. Много здѣсь восточныхъ евреевъ и армянъ, пріѣхавшихъ, конечно, для денежныхъ оборотовъ. Едва ли въ какомъ городѣ можно свободнѣе и легче обдѣлать свои дѣла. Поэтому въ Сингапурѣ почти нѣтъ постоянныхъ жителей; все больше пріѣзжіе, все смотритъ чѣмъ-то случайнымъ, временнымъ.

Но вы вѣроятно замѣтили страшный недостатокъ въ моемъ описаніи: я почти не говорю о женщинахъ. Въ этой обѣтованной землѣ, гдѣ природа употребила всѣ усилія, чтобы выказать свои неисчерпаемыя богатства, гдѣ растительность является въ самыхъ роскошныхъ, грандіозныхъ формахъ, гдѣ блестящая флора поражаетъ своимъ разнообразіемъ, въ этой странѣ женщина, «перлъ созданія», вовсе не сіяетъ красотой, вмѣстѣ съ природою. Здѣшнія красавицы, если онѣ есть, скрыты въ глубинѣ гаремовъ; у одного джохорскаго раджи ихъ, говорятъ, сто двадцать; этотъ счастливый смертный имѣетъ право всякую женщину (конечно подвластнаго ему племени), встрѣтившуюся съ нимъ на улицѣ, взять къ себѣ и любить ее, на сколько достанетъ его каприза и фантазіи. Но и этихъ сто двадцать красавицъ никто не видитъ. Встрѣчающіяся на улицахъ женщины большею частью старухи и съ виду очень похожи на мужчинъ. Изъ молодыхъ я видѣлъ константинопольскую еврейку и нѣсколько молодыхъ малаекъ. Эти послѣднія дѣвицы имѣютъ очень мясистыя и толстыя руки, а равно и черты лица ихъ напоминаютъ собою сдобныя булки. Засталъ я ихъ за весьма невиннымъ занятіемъ: онѣ ѣздили другъ на другѣ верхомъ по широкому двору.

Кажется, достаточно водилъ я васъ по сингапурскимъ улицамъ, стараясь выказать всѣ ихъ блестящія и грязныя стороны. Прибавлю еще, что со временемъ будетъ въ Сингапурѣ великолѣпный готическій соборъ, который вчернѣ почти оконченъ, и который придастъ городу болѣе постепенный видъ. Теперь лучшія офиціальныя зданія, какъ напримѣръ госпиталь, казармы сипаевъ и др., находятся за городомъ; европейская часть города находится въ серединѣ; къ его обѣимъ сторонамъ примыкаютъ китайское и малайское предмѣстья,—два крыла, съ помощію которыхъ Сингапуръ можетъ подняться высоко.

ГОНЪ-КОНГЪ.

1) ГОРОДЪ ВИКТОРІЯ.—НОЧЬ И ГРОЗА.—ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ.—КИТАЙЦЫ.—ЦИРЮЛЬНИКЪ.—ПАРСИ.—SMALL FEET.—ДѢТИ.—ОБѢДЪ У БОУРИНГА.—КУПЕРЪ. 2) ЧУ-КІАНГЪ.—ТИГРОВА ПАСТЬ.—СТОЛКНОВЕНІЕ.—NEWTOWN.—ДОКИ.—КЛАДБИЩЕ.—ГРОБНИЦЫ.—КИТАЙСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.—ВОЗДѢЛЫВАНІЕ РИСА.—НАША ЖИЗНЬ ВЪ ВАМПУ.—РАБОЧІЕ.—ШАМПАНКИ.—ЧИНЪ-ЧИНЪ.—ВОРЫ.—НЕПРІЯТНАЯ КАРТИНА.—БѢГЛЕЦЫ.—БОЛѢЗНИ.—ТАЙФУНЫ.—ЧТО ДѢЛАЕТСЯ ВЪ КАНТОНѢ. 3) ЯУ-ХАУ.—ПРОГУЛКА ПО ВАМПУ.—ЧАЙНЫЯ ЛАВКИ.—ПЛОЩАДЬ.—ТАБАЧНЫЯ ЛАВКИ.—ОПІЙ.—КРАТКАЯ ИСТОРІЯ МИЛЛІОНЕРСТВА ВЪ КИТАѢ.—КИТАЙСКІЙ ПѢВЕЦЪ.—ВЕЧЕРЪ.

I.

23 іюля 1858 года мы снялись съ Сингапурскаго рейда и тихо, шумя парами, оставляли за собою красивые клипера и вмѣстительныя, крутобокія суда купцовъ. Послѣднее судно было американское: *Lobelia*; рангоутомъ своимъ упиралось оно чуть не въ облака; мы долго любовались имъ. Скоро скрылся изъ виду Сингапуръ, но вдали все еще тянулись острова; наконецъ, выйдя наверхъ еще разъ, я уже ничего не видалъ, кромѣ неба и моря. Въ первые три дня сопровождали насъ безпрестанные шквалы, сильные, продолжительные съ ослѣпляющею молніей и громомъ. Ими угощалъ насъ Сіамскій заливъ; но когда мы прошли его, вѣтеръ подулъ ровный, зюйдовый и зюйдъ-

остовый муссонъ. Мы шли среднимъ ходомъ; днемъ парило, къ вечеру небо разрисовывалось чудными узорами, яркими волшебными красками, которыми пышетъ закатъ здѣшняго солнца. Синева небосклона сіяла изумруднымъ блескомъ; далеко и слабо мерцалъ уже покидавшій насъ Южный Крестъ; увидѣли и новую луну; она какъ будто полулежала. «Ну, слава Богу, говорили нѣкоторые, дойдемъ счастливо: луна стоитъ, матросъ лежитъ.» «Гдѣ же она стоитъ?» возражали другіе. «Конечно больше стоитъ, чѣмъ лежитъ». И вотъ возгарается объ этомъ споръ, потому что всѣ уже успѣли переговорить другъ съ другомъ обо всемъ, и подобный спорный пунктъ служитъ для всѣхъ единственнымъ развлеченіемъ.

Разъ какъ-то солнце, всегда великолѣпное, захотѣло, кажется, пощеголять передъ нами, и разлило по всему небу и облакамъ такой ослѣпительный огненный свѣтъ, что мы смотрѣли на этотъ волшебный закатъ какъ на какое-нибудь особенное явленіе. Долго солнце какъ будто купалось въ пламени и блескѣ. Каждое отдаленное облачко принимало участіе въ этой великолѣпной игрѣ, краснѣя и пылая каждымъ, чуть замѣтнымъ изгибомъ своимъ, каждымъ очертаніемъ. Небесная лазурь пробивалась сквозь пурпуръ изумрудными полосами; ближайшія къ солнцу облака убирались огненною бахрамой. Не передъ ураганомъ ли? У Горстбурга сказано, что часто урагану предшествуетъ какое-нибудь особенное явленіе, странный цвѣтъ неба или воды, или что-нибудь подобное.

Передъ ураганомъ бываетъ всегда такая духота и тоска, что не знаешь куда дѣваться; звѣрь и птица прячутся; а теперь, во первыхъ, не душно, во вторыхъ, я далекъ отъ всякой тоски, когда чѣмъ-нибудь восхищаюсь, и, втретьихъ, *макаки* наши и не думаютъ прятаться и забиваться въ норы.

Не прошло и получаса, какъ одинъ ипохондрическій товарищъ уже спрашивалъ меня: не чувствую ли я особенной тоски?

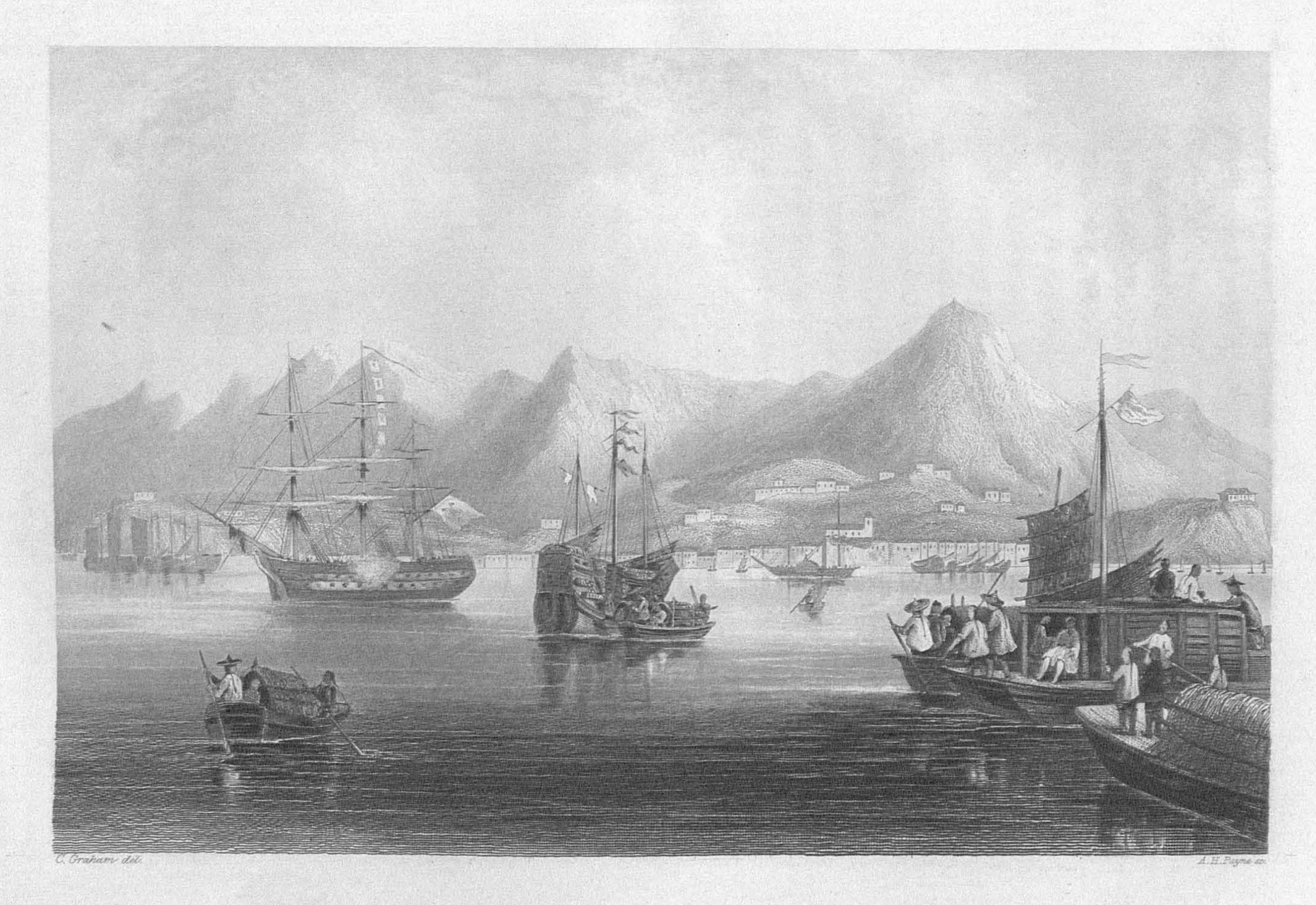
Изъ Тонкинскаго залива ждали мы, по Горстбургу же (а Горстбургъ для моряка то же, что коранъ для мусульманина), нордъ-веста; но и на этотъ разъ Горстбургъ былъ неправъ: попутный вѣтеръ не оставлялъ насъ. На Макесфильдовой банкѣ мы ложились въ дрейфъ и бросали лотъ; лотъ показалъ глубину въ 45 саженей (какъ и значилось по картѣ); концомъ своимъ вырвалъ онъ кусокъ коралла со дна морскаго и вынесъ его на свѣтъ божій. Подходя къ берегу, мы убавили ходъ до двухъ узловъ, чтобы ночью не проходить между островами. Берегъ показался, какъ всегда, неясными группами, частію теряющимися въ туманѣ и облакахъ. Нѣсколько острововъ поднимались холмами, едва виднѣясь. Миль за тридцать до берега встрѣтила насъ китайская джонка съ рогожнымъ парусомъ, и высадила къ намъ лоцмана, курносаго китайца въ нанковой курткѣ, съ отвислыми губами, съ косою, обвивавшею два раза его обритую голову. Тихо пробирались между островами; берега были голы, холмисты; едва зеленѣвшая трава покрывала ихъ неровности. Ущелья развѣтвлялись овражками и ручейками. У самой воды виднѣлись пещеры, мрачныя, глубокія; таинственный мракъ ихъ отражался въ плескавшемся подъ ихъ сводомъ прибоѣ, и эхо разносило эти звуки глухимъ, мѣрно прерывавшимся шумомъ. На этихъ холмахъ печать какой-то неоконченности; тѣни и свѣтъ ложатся на нихъ ровными массами, образуя строгій рисунокъ твердой руки, но рисунокъ безъ оконченныхъ подробностей, безъ отчетливо выработанныхъ мелочей. Вотъ солнце освѣтило островъ. Съ одной стороны ложится тѣнь, съ другой — ровно, гладко, не то что на какихъ-нибудь изъ Зондскихъ острововъ, гдѣ безчисленныя

неровности, долины, деревья, заливы и бухты не дадутъ простора для тѣни. Тамъ столько оттѣнковъ, переливовъ, случайностей; тамъ тоже рисунокъ, но рисунокъ миніатюриста на фарфорѣ или слоновой кости; тамъ каждая вѣтка, каждая травка рельефно выступаетъ своими резко-очерченными контурами; ни одинъ камень не выйдетъ наружу въ своей наготѣ, но кокетливо уберется зеленью, и надъ нимъ выростетъ роскошное вѣтвистое дерево, и нѣжитъ его подъ своею тѣнью. А здѣсь, если берегъ оборвался, то и желтѣетъ обрывъ такъ, какъ онъ есть, не думая прикрыться; выступилъ камень, и лежитъ онъ себѣ, грѣясь на солнцѣ и отражаясь въ водѣ тѣмъ же голымъ, сѣроватымъ кускомъ. Мѣстами домики, съ немногими деревьями, смотрѣли веселыми оазисами среди этой пустыни. Мы вошли въ проходъ, шириной не больше двухсотъ саженей, между островомъ Гонъ-Конгомъ и нѣсколькими другими островами. По берегамъ желтые обрывы виднѣлись чаще, мѣстами они были краснѣе, мѣстами темнѣе; надъ ними былъ все тотъ же коверъ тусклой зелени, поднимавшійся на холмы и неровности. Эти желтые обрывы—каменоломни; во многихъ видны слѣды отдѣленнаго пластами камня (гранита). Построенные вблизи домики и снующія джонки съ своими рогожными парусами иногда бываютъ живописны, а иногда очень безцвѣтны, смотря по тому, какой мѣстности служатъ украшеніемъ. Тростниковая хижина, прикрытая пизангомъ и пальмой, очень хороша; но поставьте ее у желтой каменоломни, и она исчезнетъ. Въ одной бухтѣ столпилось больше ста джонокъ. Бамбуковые шесты, мачты, паруса, одни въ лохмотьяхъ, другіе съ лучеобразными древками, раздѣляющими ихъ на четыре части; хижины на берегу, песокъ, камень, полуголые китайцы — все это рябило, двигалось и отражалось въ тихо-плескавшемся заливѣ.

Обогнувъ одинъ изъ мысковъ, мы увидали городъ

Викторію и лѣсъ мачтъ отъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. Городъ расположился амфитеатромъ по склону горы, болѣе возвышенной, нежели другія; справа горы, прямо опять горы, сзади тоже. Рейдъ смотритъ широкимъ неподвижнымъ озеромъ; туда не залетитъ ни вихрь, ни муссонъ, чтобъ освѣжить эти каменныя дикія стѣны. Городъ начинается большими зданіями, точно дворцами. Дворцы же съ портиками и колоннадами возвышаются на выдающихся мѣстахъ, дворцы смотрятся у пристани въ неподвижную гладь рейда, кишащаго тысячью лодокъ и судовъ всевозможныхъ величинъ и видовъ.

Спѣшу сказать: шестнадцать лѣтъ тому назадъ нога европейца въ первый разъ ступила на этотъ дикій, необитаемый островъ, и вотъ, точно ударомъ волшебнаго жезла, выросли изъ его камней дворцы, готическія башни, сады, обхватившіе роскошною, благоухающею зеленью выступающія террасы, спускаясь густыми массами въ ущелья и расплетаясь зелеными лентами по веселымъ бульварамъ и скверамъ. Выросли магазины, факторіи; флаги всевозможныхъ націй развѣваются на высокихъ мачтахъ; каменные водопроводы освѣжаютъ и очищаютъ улицы. На рейдѣ есть уже нѣсколько ветерановъ-блокшифовъ, инвалидныхъ военныхъ кораблей; подъ деревянными навѣсами, они оканчиваютъ свой вѣкъ, между тѣмъ какъ новое поколѣніе, фрегаты и клипера, суетятся около нихъ, стучатъ своими винтами, наполняютъ воздухъ черными струями дыма, свистятъ и дѣйствуютъ. Поминутно пристаютъ легкія канонирки; рѣчные пароходы, съ цѣлыми домами на палубѣ, приходятъ и уходятъ; китайскія джонки везутъ грузъ на купеческія суда; между ними мелькаютъ граціозныя гички, *tanka*, *sampan*, или, какъ мы ихъ называемъ, *шампанки*, точно плавучіе, рогожные возки. Каждый такой возокъ—цѣлый домъ. Китаецъ родится въ немъ; младенчество свое проводитъ онъ, привязанный къ спинѣ матери, гребущей кормовымъ вес-



Hong-Kong.

Verlag der Englischen Kunstanstalt von A. H. Payne in Leipzig.

ломъ, плачетъ и надоѣдаетъ всѣмъ своимъ крикомъ, потомъ помогаетъ матери и наконецъ навыкаетъ грести самъ и управлять своей ладьей. Въ этихъ *шампанкахъ* все хозяйство китайца; онѣ сдѣланы очень отчетливо и часто изъ очень хорошаго дерева; палуба, чистая и выполированная, будто мебель, мѣстами прикрыта красивою цыновкой. Двѣ-три кибитки, сплетенныя изъ тростника и покрытыя рогожками, составляютъ постоянный навѣсъ; средняя кибитка выше крайнихъ; въ отверстіе постоянно проходитъ воздухъ, и въ это же отверстіе часто выглядываетъ голова хозяйки, съ самою затѣйливой куафюрой, съ узкими, лукавыми глазами, — а иногда на длинномъ бамбуковомъ шестѣ выставляется вымытое бѣлье для просушки. Въ кормовой части горитъ огонекъ и варится рисъ; тамъ же скамеечка, шкафчикъ съ домашними божками, передъ которыми курится *sam-chou* (особенное благоуханіе). Тутъ-то, усѣвшись вокругъ двухъ-трехъ фарфоровыхъ чашечекъ съ вареннымъ рисомъ, тыквой, мелкою рыбой или *шримпсами* (креветки), и дѣйствуя двумя палочками, медленно совершаетъ китайская семья свою мирную трапезу. Поѣстъ немного и подождетъ, точь-въ-точь наши извощики, усѣвшіеся около братскаго котла: захватитъ ложкою щей, наберетъ въ ротъ хлѣба и положитъ ложку на столъ.

На этихъ лодкахъ распоряжаются большею частію женщины. Мужчины работаютъ на берегу, а жены очень ловко управляются весломъ и рулемъ, и исправно ведутъ свои плавучія дѣла. Иногда на такой лодкѣ цѣлая лавка съ фруктами и всевозможными вещами китайскаго издѣлія, игрушками, вѣерами и пр. На этихъ же лодкахъ пріѣзжаютъ прачки, которыя всѣ не слишкомъ нравственнаго поведенія, и всѣ очень смѣлы: непрошеныя являются онѣ въ каюту и не прочь отъ самыхъ выразительныхъ жестовъ. Первыя китаянки, которыхъ мы видѣли, были прачки, и дальнѣйшія наблюденія подтвердили первое впечатлѣніе.

Китаянки вообще небольшаго роста, съ головами удлиненными назадъ странною прической, не лишенною впрочемъ своего рода *шика*, въ кофтахъ, съ короткими, но широкими отдувшимися рукавчиками, въ широкихъ панталонахъ и съ маленькими ножками. Въ общемъ онѣ представляютъ смѣшную, коротенькую фигуру съ огромною головой и съ нетвердою, переваливающеюся поступью. Это также своего рода шикъ: китайская женщина не должна умѣть ходить (можетъ быть для того, чтобы не бѣгать отъ мужа); хотя здѣсь, въ южныхъ провинціяхъ, кажется, не въ употребленіи обычай ломанія ногъ, по крайней мѣрѣ между простымъ народомъ, но все-таки противъ моды не въ силахъ устоять самая либеральная женская партія. Здѣсь женщины смотрятъ совершенно эмансипированными; нѣтъ и слѣда стыдливости и женственности. Онѣ корыстолюбивы, большія хозяйки и чистоплотны: ни у одной не увидите невымытыхъ рукъ или ногъ. Дѣвушки носятъ сзади косы, иногда распущенныя, иногда заплетенныя; спереди прядь волосъ зачесывается на лобъ и обрѣзывается ровно надъ глазами; перпендикулярный къ нашему проборъ отдѣляетъ эту прядь волосъ отъ косы. Часто дѣвушка сидитъ на носу своей лодки и гребетъ легкимъ весломъ. Поджавъ одну ногу подъ себя, а другою опираясь въ деревянную уключину, обнаживъ круглыя руки, не лишенныя мягкости и благородства въ своихъ формахъ, и закинувъ назадъ свою молодую головку съ распущенною косой, дѣвушка заставитъ художника невольно засмотрѣться на нее. Сдѣлавшись женщиной, она уничтожаетъ переднiй вихоръ, дѣлаетъ проборъ по серединѣ и мажетъ косу какимъ-то густымъ составомъ, такъ что вóлосъ можетъ стоять, какъ деревянный: широкимъ кольцомъ сгибаетъ она сзади всю массу волосъ, укрѣпивъ ее кольцами, длинною спицей съ бусами и разными другими украшеніями. Все это затѣйливо, неловко, неудобно и некрасиво, но оригинально; къ нѣкоторымъ лицамъ,

Colin pinx. A. H. Payne sc.

Chowang und Seangfo.

Verlag der Englischen Kunstanstalt von A.H. Payne in Leipzig

пожалуй, и идетъ эта прическа. Но что́ къ хорошенькому личику не пойдетъ? Красота китаянокъ также оригинальна. Вообразите себѣ красавицу съ выдающимися скулами и узкими глазенками, которыя двумя линіями расходятся въ разныя стороны кверху, съ маленькимъ приплюснутымъ носомъ и съ широкимъ, большимъ ртомъ, при коричнево-маслянистомъ цвѣтѣ лица. Все это, напротивъ, больше чѣмъ некрасиво; но иногда вы встрѣчаете глаза, которые щурятся съ такимъ сладострастнымъ лукавствомъ, большой ротъ смѣется такъ открыто и граціозно, щеки пышатъ свѣжестію, въ движеніяхъ природное изящество, и вы засматриваетесь на некрасивую китаянку! Впрочемъ, сердце человѣческое какъ струнный инструментъ: отъ моря портится, и струны часто издаютъ звуки фальшивые.

Мы бросили якорь; корветъ отсалютовалъ своими двадцатью однимъ выстрѣломъ англійскому флагу и девятью командорскому; насъ окружили шлюпки, черезъ бортъ полѣзли, какъ тараканы, китайцы и китаянки; у многихъ были свидѣтельства отъ бывшихъ прежде здѣсь русскихъ судовъ; прачки явились даже и въ каютъ-компаніяхъ, и одна изъ нихъ, маленькая, узкоглазая, съ плутовскимъ взглядомъ, очень бойко распоряжалась у насъ: дергала за руки, усаживалась на диванъ, двусмысленно улыбалась, и такъ успѣла всѣхъ очаровать, что мы ей тутъ же, именно ей, отдали свое бѣлье; другая, высокая, въ синей кофтѣ, сердито смотрѣла на первую и, казалось, была готова, если не растерзать, то по крайней мѣрѣ прибить ее. Вмѣстѣ съ китайцами явился какой-то господинъ въ поношенномъ пальто и съ физіономіей, украшенною угрями и прыщами. Онъ отрекомендовался какъ русскій, хотя говорилъ несовсѣмъ правильнымъ русскимъ языкомъ. «Какъ вы попали сюда?» спрашивали мы его. «Это длинная исторія», уклончиво отвѣчалъ онъ, смотря куда-то въ пространство, какъ

будто боясь смотрѣть въ глаза прямо. Въ его взглядѣ было то, что̀ французы называютъ *louche*. «Я родомъ изъ Тулы, сказалъ онъ, ѣхалъ съ чужими деньгами въ Лебедянь, и у меня эти деньги украли. Заплатить было нечѣмъ, показаться совѣстно, и я бѣжалъ изъ Россіи. Слыхалъ я, что въ Австраліи много золота, что оно тамъ на улицахъ валяется; я отправился туда на англійскомъ суднѣ. Но и тамъ золото не достается даромъ. Теперь я живу здѣсь и занимаюсь часовымъ мастерствомъ.» Вотъ въ короткихъ словахъ его разсказъ. Онъ просилъ, чтобы мы его взяли на Амуръ. Командиръ корвета обѣщалъ; но когда у него спросили, какой онъ покажетъ видъ, если у него спросятъ въ Николаевскѣ, то онъ куда-то скрылся и больше не являлся.

День клонился къ вечеру; было жарко; спертый со всѣхъ сторонъ горами воздухъ полонъ былъ электричествомъ. По берегу, у города, тянулись цѣлыя вереницы джонокъ; часто раздавался оттуда негармоническій звукъ гонга, точно палкой колотили по желѣзному листу. Мы съ клипера любовались китайскою флотиліей; иногда мимо кормы проходила тяжелая джонка; народъ толпился на ея палубѣ; на трехъ мачтахъ, смотрящихъ въ разныя стороны и украшенныхъ или флагами, или тоненькими жердями, висѣли вѣеровидные рогожные паруса. Отъ каждаго рейка, пришитаго на парусѣ, шли веревки (брасы), и ихъ всѣ вмѣстѣ держалъ въ рукахъ, какъ опытный кучеръ держитъ вожжи четверни, какой-нибудь полуголый китаецъ. А на палубѣ крыша на крышѣ, рогожа на рогожѣ, и множество шалашей. Вся эта тяжелая масса, однако, ловко лавировала, парусъ послушно поворачивался вокругъ мачты, длинное весло, вмѣсто руля, твердою рукой приводилось въ движеніе съ высокой, поднятой къ верху кормы. Обыкновенно за такою джонкой слѣдовало нѣсколько маленькихъ лодокъ и лодочекъ. Паруса иногда

были новы, иногда же дыра на дырѣ, заплáта на заплатѣ, такъ что мы невольно удивлялись и спрашивали: во что́ же вѣтеръ дуетъ?

Смерклось; городъ заблисталъ тысячью огнями; очертанія зданій исчезли въ общей массѣ горы. Изъ мрака вырывались только яркія звѣздочки и ихъ продолговатыя отраженія въ тихой, спокойной водѣ. По шлюпкамъ можно было замѣтить какіе-то летающіе огни и непродолжительный рѣзкій звукъ, точно бѣглый огонь ружейной пальбы; это китайцы дѣлали *чинъ-чинъ*. Но объ этомъ послѣ.

Въ воздухѣ было такъ душно, что надо́ было ждать грозы; и дѣйствительно, съ наступленіемъ вечера заблистала яркая зарница на горизонтѣ; черныя тучи сходились, сплывались и грохотали глухимъ громомъ. Около полуночи разразилась настоящая гроза. Но мы были уже коротко знакомы съ здѣшними грозами и не смущались ослѣпительною молніей и страшнымъ громомъ. Одинъ только разъ, когда молнія ударила около нашего клипера, мы на нѣсколько секундъ ослѣпли, точно тысяча орудій залпомъ грянули у самаго уха. А мы какъ нарочно расположились спать на верху; дождь промочилъ насъ до костей.

29 августа 1842 года, по нанкинскому трактату, китайцы уступили англичанамъ островъ Гонъ-Конгъ, или *Heang-Keang* (островъ сладкихъ потоковъ). На островѣ, кромѣ небольшой деревеньки, не было ничего. Онъ одинъ изъ большихъ острововъ, находящихся при устьѣ Чу-Кіанга, и имѣетъ въ длину восемь миль, въ ширину въ иныхъ мѣстахъ три, а въ иныхъ шесть миль. Берега его изрѣзаны бухтами и мысами. Островъ гористъ и обрывистъ у береговъ и изборожденъ безчисленными оврагами, которые наполнены громадными обломками; обломки эти или смыты дождевою водой, или упали въ до-историческую эпоху съ вершинъ горъ. Овраги богаты водой, и этому обязанъ островъ своимъ благозвучнымъ именемъ. Во время дождей, потоки, сдержи-

ваемые гранитами, собираются въ озера; озера выступаютъ изъ береговъ и съ невыразимою быстротой падаютъ съ горъ и скалъ. Въ 1845 году одинъ изъ такихъ потоковъ чуть не смылъ города Викторіи, произведя страшныя опустошенія. Самая большая долина на островѣ — *Ванго-не-Чонгъ*, что̀ значитъ Счастливая Долина. Она въ двухъ миляхъ отъ города; въ ней однако не больше десяти десятинъ. Сперва китайцы воздѣлывали на ней рисъ, но почва, разрыхляясь отъ постоянной ирригаціи, грозила превратиться въ гнѣздо заразительныхъ міазмовъ. Воздѣлываніе риса запрещено на цѣломъ островѣ, всѣ подозрительныя мѣста высушены, чтобы предупредить злокачественную лихорадку, сразившую въ первые годы занятія острова много европейцевъ. Теперь на Счастливой Долинѣ англійскіе спортсмены, при видѣ своихъ скакуновъ, забываютъ о распространившемся кладбищѣ, выросшемъ въ недавнее время. Тамъ два памятника невольно останавливаютъ вниманіе: на одномъ вырѣзано имя *маіора Поттингера* (major Pottinger), на другомъ имя *Мориссона*, сына знаменитаго доктора, котораго пилюли пользуются такимъ почетомъ у нашихъ барынь.

Климатъ Гонъ-Конга не можетъ назваться пріятнымъ. Онъ равно нездоровъ какъ для европейца, такъ и для китайца. Въ іюлѣ и августѣ (самые жаркіе мѣсяцы) maximum температуры +94° по Фаренгейту, и minimum +80. Разница денной и ночной температуры 10°. Воздухъ такъ сухъ, что едва можно дышать, и вовсе нѣтъ тѣни, которая бы умѣряла силу падающихъ перпендикулярно солнечныхъ лучей. Всѣ путешественники согласны, что даже и подъ экваторомъ лучъ солнца не имѣетъ той силы и проницательности, какъ здѣсь. Недостатокъ растеній, умѣряющихъ рефлексію солнечнаго сіянія, голыя скалы и горы, закрывающія заливъ отъ всѣхъ муссоновъ—вотъ главныя причины нездороваго климата. Ни съ чѣмъ не приходилось англичанамъ такъ упорно бороться, при занятіи этого острова,

какъ съ дурными гигіеническими условіями. Въ 1843 году часть войскъ была переведена въ мѣстечко *Вестъ-Пойнтъ* (West-Point), казавшееся болѣе благопріятнымъ для здоровья; но и оно сдѣлалось могилой для большей части войскъ. Лордъ Сальтонъ (Saltoun), тогдашній губернаторъ, принужденъ былъ перенести казармы въ другое мѣсто, а медики совѣтовали совсѣмъ оставить островъ. Самая убыль гранита, шедшаго на постройку города, усиливала массу неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Совпаденіе эпидемическихъ лихорадокъ съ убылью гранита часто бывало замѣчено. Наконецъ, возложили надежды на южную сторону острова, какъ болѣе открытую юго-западнымъ муссонамъ; однако и это оказалось невѣрнымъ: войска, стоявшія въ Абердинѣ, еще болѣе пострадали, нежели тѣ, которыя были въ Викторіи.

Но англичане не останавливались. Порохъ рвалъ гранитныя скалы; обломки ихъ, обточенные и сглаженные, складывались въ капитальныя зданія. Скоро вытянулась улица у самаго моря, и китайскіе домики, какъ мухи, облѣпили ее съ восточной стороны. Двѣ купеческія фамиліи, напоминающія богатствомъ и вліяніемъ своимъ прежнихъ венеціянскихъ и генуэзскихъ аристократовъ, Джардинъ и Матесонъ (Jardine and Matheson), строили городъ съ западнаго конца, прозваннаго по имени своихъ основателей, между тѣмъ какъ весь городъ названъ именемъ королевы. Городъ началъ взбираться на гору, и столько было вѣры въ блестящую будущность Гонъ-Конга, что страшная цѣна набивалась конкуренціей на эти песчаные и каменистые клочки земли. Это объясняется удобнымъ положеніемъ острова. Находясь въ семидесяти миляхъ отъ Кантона, Гонъ-Конгъ владѣетъ устьемъ Чу-Кіанга. Правительство не могло избрать лучшаго стратегическаго пункта. Вмѣстѣ съ тѣмъ думали, что англійскіе капиталы привлекутъ сюда и всю торговлю Китая съ Европой; въ этомъ, однако, ошиблись. Ни одинъ изъ китайскихъ капиталистовъ не хотѣлъ

переселиться въ Гонъ-Конгъ; ихъ не соблазняла безграничная свобода торговли; она и теперь шла бы черезъ Кантонъ, еслибы не военное время.

Противъ непріятныхъ гигіеническихъ условій были приняты всѣ мѣры, требуемыя и филантропіей, и чистымъ разсчетомъ, и результаты оказались удовлетворительными. Я уже упоминалъ о высушкѣ низменныхъ мѣстъ, о запрещеніи на всемъ островѣ воздѣлывать рисъ. Около казармъ и домовъ негоціянтовъ разведены обширные сады, которые съ каждымъ годомъ разрастаются. При горныхъ потокахъ устроены сдерживающія ихъ плотины, а водопроводы уносятъ воду въ море. Наблюденія показали, что болѣзненность была болѣе развита между солдатами, нежели между торговымъ народомъ; но генералъ Джервойсъ (Jervois) понялъ, какъ много значитъ занятіе дѣломъ, мало интересующимъ человѣка. Онъ сдѣлалъ много своимъ гуманнымъ обращеніемъ; далъ солдатамъ больше свободы, смягчилъ, на сколько можно было, дисциплину, улучшилъ пищу и помѣстилъ ихъ просторнѣе; во время скуки и бездѣйствія, онъ старался, чѣмъ и какъ могъ, занимать ихъ и доставлялъ имъ различныя развлеченія. Вообще теперь, можно сказать, Гонъ-Конгъ съ каждымъ годомъ теряетъ свою репутацію нездороваго мѣста и становится въ общій уровень съ другими мѣстами, находящимися у тропиковъ.

Въ Гонъ-Конгѣ много дико-растущихъ цвѣтовъ. *Ixora coccinea* и лиловый цвѣтокъ *Chirita chinensis* часто украшаютъ дикіе обрывы; разноцвѣтныя *Lagerströmia* пестрятъ берега и долины. Замѣчательно, что красивѣйшія растенія въ Гонъ-Конгѣ растутъ на горахъ, на высотѣ 2000 фут. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Китая, равно и въ Чусанѣ, тѣ же растенія, по замѣчанію нѣкоторыхъ ботаниковъ, находятся гораздо ниже. Многіе виды азалеи покрываютъ обрывы скалъ въ 1500 ф. вышиной, также какъ и краси-

вѣйшее изъ здѣшнихъ растеній *Euryanthus reticulatus*, такъ любимое китайцами. Оно цвѣтетъ въ февралѣ и мартѣ, около китайскаго новаго года. Китайцы вѣтвями его украшаютъ свои дома. Сорванные бутоны распускаются въ водѣ и сохраняютъ до двухъ недѣль всю свѣжесть и красоту. Изъ этихъ горныхъ цвѣтовъ дѣти составляютъ красивые букеты и продаютъ ихъ за грошовую цѣну. Впрочемъ, съ насъ брали по шиллингу. Изъ деревьевъ самое обыкновенное китайская сосна (Pinus sinensis), сальное дерево (плодовъ его ни на что не употребляютъ), различные виды *ficus*, наконецъ всевозможные виды бамбука, легкая зелень котораго составляетъ красоту китайскаго ландшафта. Фруктовыя деревья: манго, *leechee*, *longan*, *wangpee*, апельсины, лимоны, гранаты и бананы. Ихъ плодами завалены тѣсные китайскіе рынки. Но покамѣстъ довольно. Послѣ скажу нѣсколько словъ о торговлѣ и другихъ болѣе серьезныхъ сторонахъ этой англійской колоніи, а теперь буду описывать свои впечатлѣнія.

На другой день, когда жаръ нѣсколько спалъ, мы съѣхали на берегъ, я и К. У каменной пристани толпилось нѣсколько шлюпокъ, такъ что надо было проталкиваться. Китаянки съ лукавою улыбкой смотрѣли на насъ изъ своихъ плавучихъ кибитокъ. У самаго берега шла широкая улица, вся застроенная громадными купеческими домами. Прямо противъ пристани еще желтѣлъ обдѣлываемый обрывъ, и крутые подъемы вели на холмы и террасы. Часто, вмѣсто поперечныхъ улицъ, шли крутыя каменныя лѣстницы съ безконечнымъ числомъ ступенекъ.

Первая улица была, очевидно, капитальною улицей города; вотъ мы и пошли по ней. Европейскіе дома, необыкновенно высокіе, обнесены со всѣхъ сторонъ каменными верандами; часто тянулись огромныя зданія съ высокими оградами, съ портиками, колоннадами. Около одного изъ такихъ зданій разрастался красивыми деревьями молодой

садъ: это казармы, которыхъ здѣсь много; онѣ-то смотрятъ издали великолѣпными дворцами. Вообще, дома здѣсь не прячутся въ зелени, какъ въ Сингапурѣ, а гордо высятся своими сѣрыми, массивными стѣнами на террасахъ и уступахъ. Такъ какъ городъ выстроенъ амфитеатромъ по склону горы, то домъ, кажется, стоитъ надъ домомъ, и видѣнъ весь съ своимъ фундаментомъ и палисадомъ. Много домовъ еще строится. До закладки фундамента выводятъ легкое строеніе изъ бамбуковыхъ жердей, какъ будто клѣтку для какой нибудь баснословной птицы; надъ клѣткой дѣлаютъ высокую тростниковую крышу, дающую постоянную тѣнь рабочимъ, и подъ этимъ импровизированнымъ павильономъ начинаютъ уже правильную стройку. Эти клѣтки служатъ также основаніемъ для лѣсовъ, и приводятъ въ недоумѣніе видящаго ихъ въ первый разъ. Скоро по нашей дорогѣ европейскіе дома прекратились, и потянулся рядъ низкихъ китайскихъ домиковъ, съ лавками, мастерскими, цирюльнями, кумирнями, вывѣсками, старухами, китайцами,—словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что̀ мы видѣли въ китайскомъ кварталѣ Синґапура. Одна была разница: въ Сингапурѣ не видно женщинъ, а здѣсь ихъ столько, что ими, по русской пословицѣ, хоть заборъ подпирай или прудъ пруди. Вотъ идетъ ихъ цѣлая толпа; впереди коротконогая фигурка, съ рукавами на отлетѣ, съ косой, изогнувшеюся сзади громаднымъ колесомъ, блистающимъ кольцами и бусами. Она семенитъ своими крохотными ножками, на которыхъ болтаются широкія складки короткихъ панталонъ. Передняя что-то скрипитъ на своемъ мудреномъ нарѣчіи, и, какъ видно, она колонновожатый всей толпы. Почти на всѣхъ ярко-синія кофты. А вотъ другая группа, которая тоже не встрѣчалась въ Сингапурѣ. Шесть китайцевъ, съ связанными вмѣстѣ въ одинъ узелъ косами, и при нихъ одинъ полицейскій. Видно недаромъ. Если они что-нибудь украли, то надѣнутъ имъ страшно-тяжелыя цѣпи

Engraved by S. Fisher.

Macao, from the Forts of Heang-shan.

Macao près des forts de Heang-shan. *Macao von der Festung Heang-shan.*

на руки и на ноги и выгонятъ на тропическое солнце ломать камни, копать землю, и не скоро освободятся они отъ этого безпокойнаго убора. А если сдѣлали что-нибудь похуже,—придушили, напримѣръ, какого-нибудь беззащитнаго негоціянта,—то и съ ними не задумаются сдѣлать то же самое.

Въ Гонъ-Конгѣ всякая вина китайца виновата; да иначе городу Викторіи нельзя было бы и существовать. Все китайское народонаселеніе состоитъ изъ нищихъ, бродягъ и мелкихъ прожектеровъ: они лавочники, слуги, носильщики; поэтому нигдѣ нѣтъ болѣе строгой и бдительной полиціи. Какъ только начинаетъ смеркаться, на каждомъ углу зажигается фонарь, безчисленные полисмены, съ заряженными карабинами и пистолетами, являются на улицахъ. Ни одинъ европеецъ не пойдетъ за городъ безъ оружія. Еще до настоящей войны, какъ Гонъ-Конгъ, такъ и Макао и европейскій кварталъ въ Кантонѣ, не были совершенно безопасны. Либеральные мандарины южныхъ провинцій Небесной Имперіи не хотятъ знать трактатовъ имперіялистовъ съ европейцами: въ душѣ ихъ только ненависть и преслѣдованіе. Говорятъ, будто въ эту ненависть они не включаютъ русскихъ; но этому трудно вѣрить: достаточно быть европейцемъ, чтобы въ Китаѣ быть отравленнымъ или зарѣзаннымъ, особенно если кто не силенъ и безоруженъ.

Нѣсколько разъ пытались они открытою силой свергнуть власть пришельцевъ; но возстанія ихъ (какъ напримѣръ въ Макао) не удавались. Многіе кровавые эпизоды ясно изобличали враждебное чувство; стóитъ только вспомнить убійство Амараля. Бомбардированіе Кантона и занятіе его европейскими войсками еще болѣе возбудили фанатизмъ патріотовъ; скоро 25 000 китайцевъ (изъ 80 000) удалились изъ Гонъ-Конга. Слуга бросалъ своего господина, а если оставался, то конфисковалось его имѣніе, и всѣ его

родственники (хотя бы въ десятомъ колѣнѣ), находившіеся внѣ Гонъ Конга, отвѣчали за него тѣломъ и деньгами. Головы европейцевъ были оцѣнены; толпы бродили по деревнямъ и старались напасть на беззащитнаго европейца, чтобы за голову его взять значащуюся по таксѣ цѣну. Въ одинъ день всѣ европейцы Гонъ-Конга съ своими китайскими слугами были отравлены; но отравленіе не удалось, хотя оставило за собою страшный слѣдъ въ болѣзняхъ. Контрибуцію въ четыре милліона рублей мандарины начисто отказались выплатить. Англичане знаютъ мѣста, гдѣ бываютъ сходки патріотовъ, знаютъ жилища мандариновъ, словомъ и деньгами поддерживающихъ эту страшную народную войну; по временамъ нападаютъ на нихъ и разоряютъ ихъ дома и деревни. Дней за пять до нашего прихода разорена была деревня, въ которой рѣшено было отравленіе европейцевъ. Недѣли двѣ тому назадъ, китайцы пытались выгнать европейцевъ изъ Кантона; они пошли даже на приступъ, но, какъ совершенныя дѣти, точь-въ-точь повторили маневры англичанъ, употребленные ими при штурмѣ. Конечно, эта попытка кончилась ничѣмъ.

Но частныя убійства продолжаются. Недавно зарѣзали двухъ англійскихъ офицеровъ и одного французскаго капитана; другой французскій капитанъ съѣхалъ съ вооруженною командой на берегъ, отмѣрилъ отъ мѣста убійства на всѣ четыре стороны по сту шаговъ, и на этомъ пространствѣ вырѣзалъ все и всѣхъ, не щадя ни возраста, ни пола. Чѣмъ-то все это кончится? Придетъ ли то время, когда китаецъ скажетъ европейцу:

Que celui à qui on a fait tort, te salue!

Какъ французскіе, такъ и англійскіе офицеры сочли за нужное предостеречь насъ, чтобы мы не спускали на берегъ команды и сами не ѣздили безъ револьверовъ; по

русской безпечности, мы долго не рѣшались на такое воинственное украшеніе и продолжали прогуливаться съ бамбуковыми тросточками въ рукѣ, вмѣсто всякаго оружія.

Восточный конецъ главной улицы сначала занятъ магазинами, а тамъ опять идетъ китайщина; частые переулки лѣстницами поднимаются въ гору и полутемными корридорами сходятъ къ рейду; они часто такъ узки, что, кажется, можно подать другъ другу руку изъ противоположныхъ оконъ; поперегъ этихъ корридоровъ протянуты бамбуковыя жерди съ растопырившимися на нихъ рубашками и синими кофтами. Идетъ по улицѣ китайскій фигаро, цирюльникъ съ коромысломъ на плечѣ; а на коромыслѣ, съ одной стороны, выкрашенный шкафикъ, съ туалетными принадлежностями (на этотъ шкафикъ и сѣсть можно); съ другой—родъ кадушки съ водою. Хотите, остановите его, и онъ вамъ тутъ же обрѣетъ бороду, голову, вычиститъ уши и будетъ бить васъ въ продолженіе часа по спинѣ, чѣмъ доставитъ, по-китайски, неизъяснимое удовольствіе. Этого удовольствія я не испыталъ, а часто видалъ китайцевъ, подвергавшихся этой операціи. По щурившимся глазамъ и по выраженію какого-то сладостнаго упоенія въ мягкихъ, круглыхъ чертахъ сонливой физіономіи, можно было заключать, что претерпѣвавшему эту операцію очень пріятно. Встрѣтите еще толпу людей въ длинныхъ халатахъ, въ клеенчатыхъ, высокихъ колпакахъ, формой усѣченнаго конуса; лица ихъ полны, кожа точно пергаменъ; большіе черные глаза на выкатѣ, усы растутъ впередъ, и бакенбарды узкою, черною полосой идутъ отъ рта къ ушамъ. Всѣ они смотрятъ откормленными индюками: это парси или фарси, то-есть персіяне, купцы, торгующіе большею частію опіемъ.

Едва-едва плетется старушонка, опираясь на высокую палку; но не отъ старости слаба ея походка: взгляните на ноги,—точно коровье копыто... Вотъ онѣ настоящія *small*

feet, маленькія ножки—первое условіе красоты китаянки! Старушка была когда-то большая модница, а теперь глубокія морщины избороздили прежде свѣжее и, можетъ быть, красивое лицо. Ее окружаютъ мальчишки, шаловливые и шумливые, какъ и вездѣ, и можетъ быть теперь насмѣхающіеся надъ ея изуродованными ногами. На улицѣ не видно экипажей; кто не хочетъ идти пѣшкомъ, беретъ паланкинъ, и два *кулія*, какъ двѣ неутомимыя лошади, носятъ его (за полъ-доллара) съ утра до вечера, съ горы на гору, очень рѣдко останавливаясь для отдыха. Эти паланкины встрѣчаются на каждомъ шагу; иногда они закрыты со всѣхъ сторонъ, и черезъ сквозящія жалузи можно разсмотрѣть сидящую тамъ женщину. Другіе совершенно открыты: тамъ сидитъ какой-нибудь длинноногій англичанинъ, поднявъ ноги выше головы. Въ этихъ паланкинахъ очень покойно; упругія, бамбуковыя жерди, на которыхъ ихъ носятъ, имѣютъ пріятную эластичность и слегка покачиваютъ сѣдока. Кули идутъ мѣрнымъ шагомъ, не дѣлая неровныхъ движеній. Въ Гонъ-Конгѣ попадаются и индусы; что̀ они здѣсь дѣлаютъ, не знаю, но своими костюмами и бронзовыми фигурами они живописно пестрятъ улицу, и съ удовольствіемъ останавливается на нихъ взоръ, утомленный однообразіемъ китайскихъ фигуръ.

Мы долго гуляли, заглядывали въ лавки и въ мастерскія, часто останавливались при видѣ курьезныхъ вещей китайской работы изъ слоновой кости, пахучаго дерева и серебра. Видѣли рисунки на рисовой бумагѣ; ихъ продаютъ цѣлыми альбомами; въ одномъ все птицы, нарисованныя со всевозможною отчетливостію, въ другомъ—цвѣты, въ третьемъ—костюмы, исторія какого-нибудь китайскаго мандарина, начиная съ рожденія его до самой смерти. Есть и такіе альбомы, которыхъ въ присутствіи дамы раскрыть невозможно; здѣсь фантазія китайцевъ разыгрывается

до nec plus ultra. Всѣ эти рисунки имѣютъ мало художественнаго достоинства, но въ нихъ нельзя не удивляться яркости и живости красокъ.

Переулками взобрались мы на верхъ; тутъ уже не было лавокъ, дома смотрѣли пріютами частной жизни; потянулись сады, перебрасывающіе густую зелень вѣтвей черезъ ограды. Мѣстность, расположенная амфитеатромъ, очень способствовала образованію террасъ и площадокъ, которыми пользовались, чтобы насадить деревьевъ и построить домъ. Красивыя виллы столпились у довольно обширнаго оврага, въ которомъ было столько зелени, что ни въ одномъ мѣстѣ не проглядывало изъ-за нея каменистое дно; изъ этого моря густой растительности, какъ острова̀, выглядывали крыши домовъ своими угловатыми формами. Одно широко разросшееся, вьющееся растеніе, съ широкими листьями и большими бѣлыми цвѣтами, покрывало своею сѣткой цѣлыя деревья, гирляндами перекидывалось съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на кустарникъ, покрывало каменную ограду, охвативъ ее въ разныхъ мѣстахъ богатою, зеленою массой. Въ одномъ мѣстѣ красовался китайскій домикъ съ оригинальною крышей, со вздернутыми кверху углами; домикъ смотрѣлъ игрушкой, окруженною со всѣхъ сторонъ цвѣтами и зеленью. По дну оврага шелъ каменный водопроводъ. Проходя обдѣланною дорогой по окраинѣ оврага, мы видѣли большой каменный резервуаръ, около котораго рабочіе еще постукивали кирками и молотками. Мы были почти на самой возвышенной точкѣ города; надъ нами стояли горы, съ кусками разбросаннаго гранита и рѣдкою зеленью; кое-гдѣ виднѣлся домикъ, съ окружавшимъ его садомъ; у ногъ нашихъ, лѣстницей, спускались къ водѣ дома, террасы и сады; на рейдѣ, между стоящихъ большихъ судовъ, двигались сотни лодокъ; за судами тянулись горы, сначала низкія, желто-красныя, точно брустверы укрѣпленій; далѣе горы поднимались выше и вы-

ше; рѣзкія ихъ очертанія сглаживались и скруглялись; онѣ обхватывали рейдъ со всѣхъ сторонъ, то раздвигаясь, то стѣсняясь; проливъ смотрѣлъ озеромъ, онъ былъ тихъ и невозмутимъ, и въ гладкой его поверхности отражались и столпившіяся около него со всѣхъ сторонъ горы, и качавшіяся на немъ суда, и тысячи лодокъ, и небо, освѣщенное теплымъ лучемъ заходящаго солнца.

Обогнувъ небольшой зеленый холмъ, мы увидѣли губернаторскій домъ, стоящій на горѣ, покрытой прекраснымъ англійскимъ садомъ. Громадный домъ смотрѣлъ дворцомъ; на всѣ его стороны выходили фронтоны, поддерживаемые десятью или двѣнадцатью іоническими колоннами; плоская крыша, большія окна, высокая, каменная ограда, съ массивными воротами, подъ аркой которыхъ ходило нѣсколько солдатъ въ красныхъ мундирахъ, съ ружьями. На дворѣ зеленѣлъ обширный скверъ, съ широковѣтвистымъ деревомъ по серединѣ, съ цвѣтами и клумбами, разбросанными въ живописныхъ группахъ; наконецъ обширная терраса, смотрящая на рейдъ и спускающаяся широкими каменными ступенями, съ тяжелыми балюстрадами, въ густую зелень красиво разросшагося сада. Невдалекѣ, на небольшой площадкѣ, рѣзвились дѣти, англичане, съ своими китайскими нянюшками; нѣкоторыхъ возили въ маленькой колясочкѣ; одна бѣленькая дѣвочка, съ большими голубыми глазами, каталась на ослѣ, и няня ея, небольшаго роста китаянка, въ опрятной голубой кофтѣ, шла около нея. Между этихъ красиво разряженныхъ малютокъ какъ-то замѣшался ребенокъ-китаецъ; на затылкѣ его болталась миніатюрная коса, и бѣлая блуза, съ широкими шароварами, дѣлала изъ него пресмѣшную фигурку. Но смѣхъ его также былъ звонокъ, та же невинная прелесть сіяла въ его ясныхъ, хотя немного узкихъ глазахъ. Долго любовались мы дѣтьми, игравшими, прыгавшими и

оглашавшими воздухъ своими звонкими голосами, которые такъ живительно дѣйствуютъ на того, кто ихъ долго не слышалъ.

Но пора было идти дальше. Дорога, обогнувъ дворъ губернаторскаго дома, спускалась зигзагами по горѣ. Уступомъ ниже красовалась хорошенькая башня готической церкви, еще неконченной; шпицы ея и стрѣльчатыя окна ярко обозначались на однообразномъ фонѣ европейскихъ зданій. Еще уступомъ ниже, и мы были на обширномъ скверѣ, продолжающемся до самаго рейда; аллеи молодыхъ деревьевъ протянулись на немъ въ различныхъ направленіяхъ. Здѣсь на скверѣ бываютъ гулянья, играетъ полковая музыка, и англійскіе офицеры, въ безукоризненно-чистомъ бѣльѣ и бѣлыхъ панталонахъ, въ красныхъ легкихъ блузахъ и въ шляпахъ съ вентиляторами, чинно двигаются взадъ и впередъ, рисуясь на зеленомъ коврѣ газона.

На другой день я обѣдалъ у губернатора, сэра Джона Бауринга. Мы (нашъ капитанъ и я) отправились въ половинѣ седьмаго въ паланкинахъ, по дорожкамъ, обвивающимъ спиралью высокій холмъ, на которомъ возвышается красивый губернаторскій домъ. Внутреннее его расположеніе и убранство вполнѣ соотвѣтствуютъ его внѣшнему виду. Рѣдко случалось мнѣ видѣть большее великолѣпіе, соединенное съ комфортабельностью и вкусомъ. Обыкновенно, великолѣпіе не прельщаетъ: смотришь на пестроту раззолоченныхъ стѣнъ, на анфиладу мраморныхъ залъ, всему удивляешься, но чувствуешь себя какъ бы на улицѣ. А здѣсь ощутишь присутствіе жилья, увидишь слѣды личнаго вліянія; увидишь, что эти потолки изъ краснаго дерева съ золочеными арабесками сдѣланы съ цѣлію: они развлекаютъ взглядъ хозяина, утомленный вѣчнымъ видомъ моря и пустыннаго острова; огромныя залы, съ наружными веран-

дами, даютъ постоянную прохладу, массивныя двери, ворота пропускаютъ вольную струю воздуха, и великолѣпный дворецъ становится гораздо прiютнѣе; чувствуешь, что пришелъ къ человѣку, для котораго эта роскошь и великолѣпiе необходимы. У Баурингa одна изъ тѣхъ физiономiй, типъ которыхъ теперь довольно рѣдокъ. Тонкiя черты его худощаваго, старческаго лица выражаютъ то самодовольство, которое развивается вслѣдствiе не даромъ прожитой жизни, вслѣдствiе богатства, высокаго положенiя въ обществѣ, и такъ далѣе. Въ молодости своей онъ былъ въ Петербургѣ, занимался русскимъ языкомъ и перевелъ отрывки изъ нашихъ поэтовъ на англiйскiй языкъ, за что̀ получилъ отъ Императора Александра I-го перстень. Послѣ онъ, кажется, былъ представителемъ въ нижней палатѣ мѣстечка Больтонъ, гдѣ поднялись первые вопросы о свободѣ хлѣбной торговли. Гизо говоритъ о немъ: «Баурингъ — остроумный экономистъ, человѣкъ дѣятельный, говорливый, неутомимый, всегда старавшiйся представлять на разсужденiе палаты факты и заключенiя, клонящiеся въ пользу свободы торговли, которую онъ ревностно защищалъ. Филантропическiй жаръ его находилъ обыкновенно сильную поддержку въ томъ энергическомъ шумѣ, съ какимъ онъ дѣлалъ добро.» Мнѣнiе здѣшняго общества почти сходится съ этимъ опредѣленiемъ. Онъ постоянно занятъ науками и древностями, и на дѣла англо-китайскiя, съ прiѣздомъ лорда Эльджина, мало имѣетъ влiянiя. Между тѣмъ, заключенный имъ трактатъ съ Сiамомъ утвердилъ за нимъ репутацiю искуснаго дипломата. Къ обѣду пришли его дочери, три блѣдныя миссъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ признаками пошатнувшагося здоровья на исхудалыхъ лицахъ; мнѣ досталось вести одну изъ нихъ къ столу и занимать ее во время обѣда; широкiя двери растворились à deux battants, и мы вошли въ обширную столовую, съ портретомъ во весь

ростъ Георга IV. На столѣ блестѣли серебро и хрусталь. Надъ каждою свѣчой устроенъ былъ хрустальный колпакъ, чтобы не задувало ее качавшимся надъ столомъ вѣеромъ. Вина были въ хрустальныхъ кувшинахъ, завернутыхъ въ мокрыя салфетки. Въ водѣ былъ ледъ, который привозятъ въ Гонъ-Конгъ изъ Америки. Цвѣты и плоды довершили убранство стола. Въ залѣ было почти прохладно. О кушаньяхъ говорить нечего, все au naturel, и все превосходно.

Скоро завязался общій разговоръ. Хозяинъ заговорилъ о Россіи. Воспоминанія его перенесли меня ко временамъ *Арзамасскаго общества*. Онъ разсказывалъ *о другѣ* своемъ, Карамзинѣ, и говорилъ съ восторгомъ о Державинѣ. О новой русской литературѣ, начиная съ Пушкина, онъ не имѣлъ понятія. Для насъ это былъ человѣкъ минувшаго, пришедшій послѣ сорокалѣтняго сна разсказывать о томъ, что́ онъ еще видѣлъ засыпая,—хотя онъ на эти сорокъ лѣтъ засыпалъ только для русской литературы. Сидѣвшая около меня миссъ пояснила мнѣ причину блѣдности своего лица: онѣ всѣ, съ домочадцами (несмотря на то, что эти домочадцы были китайцы), въ одинъ прекрасный день встали отравленными... Не доложилъ ли отравитель яду, или какимъ-нибудь другимъ образомъ испортилъ дѣло, только, къ счастію, отравленіе не удалось. Жена Бауринга, съ окончательно разстроеннымъ здоровьемъ, уѣхала въ Англію, дочери выходились. Прибавлю еще по секрету, что злые люди сомнѣваются въ справедливости этой исторіи, будто бы выдуманной богатою фантазіей доктора. Впрочемъ, ничего нѣтъ мудренаго; въ Гонъ-Конгѣ все можетъ случиться. Послѣ обѣда собрались въ салонъ, барышни являли свое искусство: одна пѣла, другая играла на клавикордахъ. Часу въ одиннацатомъ мы возвратились домой. Кули (носильщики) пошли прямою дорогой, по узкой тропинкѣ, ползущей между бамбуками и кустарниками; схо-

дить было довольно круто; заднiй кули напиралъ на передняго, который, какъ сильная лошадь, сдерживалъ на плечахъ своихъ тяжесть паланкина. Въ травѣ и зелени тысячи стрекозъ и кузнечиковъ трещали и звенѣли, а тамъ, на верху, на безконечномъ небосклонѣ, сiяли мирiады звѣздъ разнообразнымъ блескомъ; за горами сверкала зарница, и городъ спалъ въ тишинѣ и спокойствiи; попадались одни полисмены съ заряженными ружьями. Хорошо однако спокойствiе!

Между тѣмъ, введенiе въ докъ нашего клипера было окончательно рѣшено; онъ потекъ еще въ Южномъ океанѣ. Время и мѣсто благопрiятствовали, надо было пользоваться. Въ мѣстечкѣ Вампу, или Вампуа, есть нѣсколько доковъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, а до Вампу 60 миль. Намъ рекомендовали доки Купера, и вотъ самъ Куперъ явился на клиперъ и торопилъ скорѣе выходить изъ Гонъ-Конга.

Куперъ, маленькiй человѣкъ, съ краснымъ носомъ, рыжеватыми бакенбардами, и глухой отъ солнечнаго удара, принадлежитъ къ разряду людей, составляющихъ себѣ трудомъ, предприимчивостью и энергiей большiя состоянiя. Эти люди становятся выше случайности, и неудачи только подстрекаютъ ихъ къ большей предпрiимчивости. Еще отецъ его выстроилъ въ Вампу доки, изъ которыхъ два были каменные; но въ прошломъ году оба дока, съ чинившимися въ нихъ двумя фрегатами, были сожжены китайцами. Банкротство готово было разразиться надъ Куперами, но они не унывали. Немедленно заложенъ былъ новый докъ. Всѣ лучшiе мастеровые оставили ихъ, потому что мандарины грозили имъ разоренiемъ семействъ и казнями въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ, если они останутся у Купера. Наконецъ, лодка съ двѣнадцатью гребцами подъѣзжаетъ къ блокшиву, на которомъ жилъ Куперъ; спрашиваютъ старика-хозяина, гово-

рятъ, что имъ нужно видѣть его самого, чтобы передать въ собственныя его руки очень важное письмо. Обманутый старикъ выходитъ; его хватаютъ, связываютъ, и лодка быстро уходитъ, сопровождаемая отчаяннымъ крикомъ оставшагося семейства. Съ тѣхъ поръ никакой вѣсти не приходило о старикѣ; убитъ ли онъ, изнываетъ ли въ заключенiи, неизвѣстно. Жена его, не смѣя убѣдиться въ чемъ-нибудь рѣшительномъ, мучится неизвѣстностiю и тайною обманчивою надеждой. Но сынъ его не унывалъ. Несмотря на то, что голову его оцѣнили въ 4000 пiастровъ, онъ кончилъ каменный докъ и вводитъ въ него (такъ же какъ и въ пять земляныхъ доковъ) судно за судномъ; дня не проходитъ праздно. Китайскiе рабочiе, за грошовыя цѣны, копошатся и хлопочутъ съ утра до вечера, таская мачты, работая у шпилей, вбивая деревяннымъ молотомъ въ разошедшiеся пазы конопатку, и съ изумительною быстротой мѣняютъ мѣдную обшивку судна. Маленькiй Куперъ смотритъ между ними главнокомандующимъ. Какъ боятся его клерки, съ какимъ почтенiемъ подходитъ къ нему какой-нибудь старшина-плотникъ, китаецъ съ заячьею губой!... Куперъ серьезенъ и некрасноречивъ; его боятся, слушаются, а между тѣмъ каждый изъ этихъ китайцевъ знаетъ, что можетъ взять за его рыжую голову 4000 пiастровъ. При такомъ настойчивомъ преслѣдованiи цѣли, дѣла Купера поправляются. Сгорѣвшiе доки и фрегаты, за которые ему пришлось платить, отдалили его возвратъ на родину на нѣсколько лѣтъ, въ теченiи которыхъ онъ долженъ погасить долгъ. Онъ недавно женился; но и тутъ ему неудача: жена его не доносила перваго ребенка, выкинула и вскорѣ умерла.

Этотъ-то Куперъ, въ бѣлой курткѣ, съ заряженными пистолетами въ карманахъ (безъ нихъ онъ никуда не ѣздитъ), явился къ намъ на клиперъ, торопя идти, чтобы воспользоваться высокою водой на барѣ и попутнымъ

теченіемъ во время прилива. Нашъ компрадоръ (поставщикъ провизіи) Атонъ привезъ своего брата Уошъ, который долженъ былъ идти съ нами въ Вампу и доставлять все, что́ намъ нужно. Атонъ, при прощаньи, сказалъ, что Вампу—«not good,» и пальцемъ провелъ поперегъ горла. Лоцманомъ былъ тоже китаецъ.

II.

Августа 6-го, часу въ третьемъ по полудни, пары были готовы, и мы снялись съ якоря. Не успѣли отойдти нѣсколько саженей, смотримъ догоняетъ насъ *шампанка*; это были наши прачки, неуспѣвшія привезти намъ нашего бѣлья. Вмѣстѣ съ бѣльемъ очутилась и вертлявая прачка на клиперѣ, и объявила рѣшительное намѣреніе идти съ нами. Такимъ образомъ, китайцевъ расположилось на палубѣ нашего клипера довольно. Каждый изъ нихъ везъ свои вещи и свою пищу. Въ узелкѣ прачки, который мы развязали, былъ цѣлый новый костюмъ, панталоны, блуза, пара маленькихъ башмаковъ на толстой подошвѣ и довольно большая связка чоховъ (чохи или коши, мѣдныя деньги, единственная китайская ходячая монета). «Баба на суднѣ не къ добру», вѣроятно подумалъ не одинъ матросъ.

«Ваше благородіе, сказалъ мнѣ таинственно М.: вѣдь у всѣхъ этихъ китайцевъ подъ рубашкой пистолеты.» —Ты почемъ знаешь?—«А я нечаянно увидалъ, вотъ у этого, что косу обмоталъ вокругъ своей бритой башки; а у другаго мы тихонько приподняли сзади рубашку, и тоже пистолетъ виситъ.» Что́ же это за воинственная сторона Вампу, думалъ я, если и китайцы вооружаются?

Мы шли проливами, между островами. Никогда еще машина наша такъ хорошо не дѣйствовала; она какъ будто интересничала съ Куперомъ, желая показаться во

всей своей красотѣ. Китаецъ-лоцманъ рукой дѣлалъ знаки рулевому, вахтенный офицеръ спѣшилъ переводить эту мимику на команду: «право, одерживай», и пр. Китаянка-прачка, въ невинности сердечной, не подозрѣвая всей важности шканецъ, усѣлась подъ барказъ и принялась кушать свои патентованные пироги, и послѣ этого скрылась за рубкой. Всегда строгаго, военнаго вида, клиперъ какъ будто разсмѣялся на этотъ разъ. Справа и слѣва тѣснили проливъ горы, голыя, однообразныя, холмовидныя, то расходясь, то сближаясь. Изрѣдка виднѣлось жилье, какая-нибудь лачужка съ деревомъ, на водѣ качающаяся джонка съ подобранными рогожными парусами и съ краснымъ флагомъ о нѣсколькихъ концахъ. Наконецъ слѣва море расчистилось, съ другой стороны холмистыя громады образовали живописную перспективу, и заходящее солнце не замедлило разлить на все свое теплое, волшебное освѣщеніе. Вдали засинѣло; фіолетовые кряжи горъ подергивались матовою пеленой, и отражавшійся въ тихой глади водъ свѣтъ солнца началъ нестерпимо рѣзать глаза. Еще мгновеніе—и все облилось ровнымъ мягкимъ свѣтомъ; въ воздухѣ сдѣлалось свѣжѣе; отдаленныя горы стали исчезать; на другихъ неровности сглаживались въ ровныя массы; только небо долго еще переливалось безконечными оттѣнками волшебныхъ, неимѣющихъ названія цвѣтовъ. Цѣлые ряды бамбуковыхъ мачтъ китайскихъ лодокъ, выѣхавшихъ на рыбную ловлю, въ стройномъ порядкѣ виднѣлись справа и слѣва. Скоро вошли въ Чу-Кіангъ. Луна ложно выказывала очертанія береговъ. Но вотъ у насъ передъ глазами выросла скала, по сторонамъ приблизились къ ней возвысившіеся, крутые берега; по нимъ, какъ бѣлою лентой, обвивались стѣны укрѣпленій. Это знаменитая Тигровая Пасть (Bocca tigris), страшное китайское укрѣпленіе, бойницы котораго впрочемъ нѣсколько разъ были разрушены англичанами. Ни-

*

какой флотъ не могъ бы пройдти здѣсь, еслибы кто другой, а не китайцы, защищали этотъ проходъ. Въ 1847 году одинъ бригъ и три парохода, съ 900 человѣкъ команды, разрушили всѣ укрѣпленія и заклепали на нихъ 879 пушекъ! По близости должна быть бухта, въ которой прежде останавливались суда, нагруженныя опіемъ, и гдѣ скрывалась эта китайская контрабанда. Я спрашиваю лоцмана, гдѣ эта бухта, и онъ пальцемъ указываетъ мнѣ направо, гдѣ въ темнотѣ я, конечно, ничего не вижу.

За Тигровою Пастью берега рѣки опять раздвинулись и исчезли во мракѣ. Идемъ, смотримъ, впереди огонекъ. «Рыбакъ!» говорятъ всѣ. «Рыбакъ», подтвердили Куперъ и лоцманъ. Идемъ ближе; оказывается идущая на встрѣчу канонирская лодка... «Право на бортъ!» но уже поздно. «Всѣ люди прочь съ праваго борта!» и вслѣдъ за этимъ трескъ столкновенія. Канонирка не имѣла фонаря на марсѣ, чѣмъ и ввела насъ въ заблужденіе. Съ канонирки послышались выразительныя *годдемъ;* дали заднiй ходъ и разошлись благополучно. «Не даромъ баба на суднѣ!» почли долгомъ замѣтить нѣкоторые.

Часу въ первомъ по полуночи бросили наконецъ якорь близъ Вампу. Вскорѣ на клиперѣ все успокоилось; затушили машину; пропѣли свою извѣстную пѣсню выкачивающія изъ трюма воду паровыя *донки*; подвахтенные захрапѣли на кубрикѣ, и тишина, изрѣдка прерываемая боемъ склянокъ, да короткими замѣчаніями вахтеннаго офицера, распространилась по всему клиперу.

На другой день утромъ мы ясно разсмотрѣли мѣстность. Мы стояли въ рѣкѣ, катившей свои желтыя волны между холмистымъ берегомъ съ одной стороны и отлогимъ съ другой; сама рѣка дѣлилась на нѣсколько рукавовъ, такъ что трудно было опредѣлить ея главное ложе. Отлогій берегъ, находившійся у насъ справа, составлялъ довольно большой островъ; широкое водяное простран-

The Foochun Hill, in the Province of Chĕ Keang.

Colline de Foochun dans la province de Chĕ Kiang.

Der Foochun Berg in der Provinz Chĕ Keang.

ство отдѣляло его отъ идущихъ въ даль луговъ, озеръ, холмовъ, увѣнчанныхъ рѣдко-растущими лѣсами, наконецъ отъ горъ, исчезающихъ въ прозрачной воздушной перспективѣ. Въ одномъ мѣстѣ виднѣлась островерхая башня, возвышающаяся между зеленыхъ густыхъ деревьевъ, гдѣ можно было разглядѣть довольно большое поселеніе. У подножія отдаленной возвышенности долженъ былъ находиться Кантонъ.

Отлогій берегъ начинался длиннымъ рядомъ сѣрыхъ домиковъ, построенныхъ на сваяхъ, подъ которыя Чу-Кіангъ заплескивалъ свои волны во время прилива. Домики стояли плотно другъ подлѣ друга; не было малѣйшаго пространства, намекавшаго на улицу или переулокъ. Въ тѣни навѣсовъ, между сваями, стояли сотни лодокъ, привязанныхъ къ бамбуковымъ шестамъ; можно было сказать навѣрное, что половина народонаселенія жила на водѣ; всѣ эти лодки имѣли до трехъ и четырехъ крышъ, устроенныхъ такъ, что среднія стояли выше крайнихъ; внутри лодокъ цѣлый домъ, съ божками и цѣлымъ хозяйствомъ, съ дѣтьми, привязанными, какъ обезьяны, на веревочкахъ, чтобы не падали въ воду. Всѣ домики были похожи одинъ на другой; отъ каждаго висячая лѣстница, сходящая прямо на воду. Взойдя по лѣстницѣ, ступишь на живой мостикъ изъ нѣсколькихъ дощечекъ, а потомъ опять лѣстница. Во время отлива, кругомъ этихъ лодокъ увидите разную дрянь, выброшенную вонъ, и собакъ, промышляющихъ себѣ пропитаніе; увидите оставшіяся на мели лодки, а иногда китаянокъ, стоящихъ немного поодаль въ водѣ по грудь и выжимающихъ изъ своихъ черныхъ косъ прохлаждающую влагу. Между домиками на берегу отличался одинъ своими бѣлыми стѣнами и зеленымъ деревомъ, разросшимся около него. Я вспомнилъ наши длинныя, однообразныя села, и домъ сельской расправы съ вѣчнымъ зеленымъ деревомъ по близости, и

это воспоминаніе повлекло за собою вереницу подробностей: припомнился и домикъ подъ вывѣской двуглаваго орла, и какой-нибудь дядя Акимъ, перебранивающійся черезъ улицу съ теткой Акулиной, и плачущая Матрена, съ перетянутымъ подъ мышками передникомъ, вѣчно жалующаяся на судьбу свою, наконецъ кучеръ, сельскій Донъ-Жуанъ, отмахивающій на балалайкѣ камаринскую... Но эти воспоминанія скоро исчезаютъ: посмотришь направо,—тутъ остроносый клиперъ съ высочайшимъ рангоутомъ; тамъ толпа бритыхъ китайцевъ съ крикомъ о чемъ-то хлопочутъ на длинной, страннаго вида лодкѣ,— и вспомнишь, что находишься въ иномъ мірѣ, далеко, далеко отъ нашихъ сельскихъ картинъ. Вмѣсто запаха свѣжаго чернаго хлѣба, слышишь кунжутное масло, ароматъ, преслѣдующій путешественника въ Китаѣ. Деревня на Чу-Кіангѣ называется New-town (новый городъ),—какъ видите, названіе чисто англійское. Самый Вампу тянется параллельно Нью-тауну, только по сѣверной сторонѣ острова; отсюда видна зелень его садовъ и высокая башня нѣкогда знаменитой пáгоды; далѣе еще пáгода какого-то еще болѣе отдаленнаго мѣстечка, и высокая гора близъ Кантона. Впереди насъ было нѣсколько холмообразныхъ острововъ, уходящихъ въ даль своими мысками, съ рѣдкою растительностью. Налѣво отлогія мѣста между холмами и зелеными, рисовыми плантаціями, орошаемыми высокою водой Чу-Кіанга и, кромѣ того, обширною системой ирригаціи, въ которой китайцы очень искусны. Никакое поле, никакой лугъ не блеститъ такою изумрудною зеленью, какъ рисовый посѣвъ.

Мѣстность поднималась, восходя искусственно сдѣланными полукруглыми террасами, на которыхъ неутомимый китаецъ воздѣлывалъ хлѣбъ и зелень. Мѣстами группы деревьевъ бросали густую тѣнь на гряды; проведенные каналы впускали воду, стекающую съ террасы на террасу,

Вампоа.

и орошающую гряды и борозды и рисовое поле, находящееся на самомъ низу. Эти низменныя пространства, раздѣляемыя холмами, очень удобны для доковъ, и этимъ-то воспользовались предпріимчивые люди, взявъ въ расчетъ постоянные приливы и отливы рѣки. Здѣсь, въ этой мирной, буколической странѣ, часто видишь военный корабль, возвышающійся изъ-за холмовъ своими мачтами; это судно, разлученное съ своею родною стихіей, обнаженное до самыхъ сокровенныхъ частей и оставленное для починки. Хладнокровный строитель обдираетъ его мѣдь, стучитъ молотомъ около самаго киля, ломаетъ ахтеръ-штевень, точно какъ опытный хирургъ вводитъ исцѣляющій ножъ въ части человѣческаго тѣла. Около такого судна бѣлѣются домики и разростается цѣлое мѣстечко; видны высокіе навѣсы, крытые листомъ латаніи; подъ ними копошатся трудъ и нужда, а изъ высокой трубы клубится черный дымъ, паровая машина быстро выкачиваетъ изъ бассейна воду, на отведеніе которой въ старину нужно было столько рукъ и усилій. На самой рѣкѣ цѣлая флотилія, конца которой и не видно. Всѣ эти суда пришли сюда, послѣ бурь и океановъ, искать обновленія. Нѣсколько военныхъ судовъ стоятъ здѣсь постоянно на станціи; въ числѣ ихъ были англійскіе фрегаты *Тисбе* и *Эссистенсъ* (Assistance, госпитальный пароходъ). Всѣ, имѣющіе здѣсь доки, и служащіе при нихъ, живутъ не на берегу, а на блокшивахъ, что́ и прохладнѣе, и безопаснѣе. Мѣста же, гдѣ находятся доки и прилежащія къ нимъ строенія, отдѣлены высокими бамбуковыми изгородями, и постоянные часовые (изъ китайцевъ), вооруженные пиками и ружьями, наблюдаютъ за общею безопасностію и тишиною.

Въ первый же день сгрузили съ клипера орудія и всю тяжесть; слѣдующее утро онъ стоялъ съ обнаженною подводною частію, подпертый сбоковъ и снизу. Не стану описывать подробностей вводки въ докъ; это дѣло спеціалистовъ.

Мы стали устраиваться на берегу; сначала рѣшили разбить палатку на горѣ, внѣ бамбуковой изгороди; но всѣ мѣстные жители, даже китайцы, отсовѣтовали. Дѣйствительно, это было бы неблагоразумно: въ одну прекрасную ночь мы могли бы быть всѣ перерѣзаны. А между тѣмъ, на этой горѣ такъ хорошо продувало, и какой видъ былъ оттуда! На всѣ четыре стороны разливы рѣки, которая широкою лентой обвивала пологіе и холмистые острова, съ ихъ лѣсами, рисовыми плантаціями, красиво обдѣланными полями, съ пизангами и бамбуками вокругъ; разливы и заливы,—*загогулины*, какъ говорятъ матросы, —широкой рѣки виднѣлись далеко; то блеснетъ яркая полоса воды свѣтлымъ озеромъ надъ поверхностію лѣса, то серебряною полосой врѣжется въ долины, зеленѣющія кустарникомъ. Вдали виднѣется клубящійся дымъ: пароходъ спѣшитъ въ Кантонъ. Тамъ возвышаются высокія пáгоды, и зелень сгустилась около нихъ развѣсистыми деревьями, рисовыя поля облегли ихъ правильными изумрудными квадратами. А у ногъ нашихъ первый планъ картины: южный склонъ зеленѣющагося холма, на которомъ видны кресты и памятники европейскаго кладбища. Сколько разъ, во время нашего пребыванія, приносили на этотъ холмъ гробъ, прикрытый флагомъ, и толпа товарищей-матросовъ сопровождала сюда своего брата, на его послѣднее жилище! Залпы ружей нарушали тишину, и съ этимъ залпомъ кончалось все земное для отошедшаго въ лучшій міръ! Кладбище растетъ быстро, климатъ въ Вампу очень нездоровъ; англійскія суда, стоящія здѣсь на станціи, много теряютъ команды отъ лихорадокъ и диссентерій.

Отъ этого грустнаго холма направо, въ ложбинѣ, каменный докъ, изъ котораго теперь видны три наклонныя мачты нашего клипера. Налѣво, влажное рисовое поле врѣзывается въ рѣку, и часто по его жидкимъ бороздамъ

бредетъ буйволъ, глубоко завязая своими мясистыми ногами въ топкомъ грунтѣ, или китаецъ въ конусообразной шляпѣ, какимъ-то инструментомъ, въ родѣ мотыки, разрыхляетъ и безъ того рыхлую землю. Прямо подъ нами разбросанныя группы деревъ, и въ ихъ тѣни полукруглыя террасы, на которыхъ воздѣлывается всякая зелень. Мѣстами бѣлѣютъ китайскія гробницы. Извѣстно, какое почтеніе питаютъ китайцы къ своимъ мертвымъ. Богатые воздвигаютъ по своимъ усопшимъ высокія пáгоды; нѣсколько такихъ пáгодъ теперь передъ нами. Бѣдные выстилаютъ камнемъ круглую площадку, обнося ее невысокою стѣной; немного отступя, дѣлается другая ниже, съ небольшими арабесками; обѣ стѣнки упираются въ землю, которая нарочно для этого и обкапывается; на гробницахъ надписи. Каллери свидѣтельствуетъ, что пишется только имя умершаго, династія, при которой онъ жилъ, и годъ смерти. На сѣверѣ Китая гробницы болѣе разнообразны. Подобныя гробницы здѣсь на каждомъ шагу; онѣ не вмѣстѣ, но разбросаны, и преимущественно по склону холмовъ. Окиньте разомъ весь этотъ пейзажъ, не забывъ отдаленной цѣпи горъ; представьте себѣ, что мы могли бы любоваться имъ и въ ясное утро, и при великолѣпномъ вечернемъ освѣщеніи,—и вы легко поймете, отчего намъ такъ хотѣлось поставить палатки на холмѣ. Но нечего было дѣлать,—расположились близъ дока, у канавъ, въ которыхъ сотни лягушекъ каждый вечеръ составляли концертъ. Въ ложбинѣ, стѣсненной съ трехъ сторонъ холмами, свободнаго воздуха было мало; камни дока накалялись, какъ печка, и жаръ былъ нестерпимый. Никогда не страдали мы такъ отъ жара, какъ здѣсь; свободно дышать можно было только утромъ, да вечеромъ, когда садилось солнце, и то если бы притомъ не было мускитосовъ, которые въ первые же дни надѣлили насъ волдырями, разнообразно украсившими все наше тѣло.

Я нѣсколько разъ упомянулъ о рисовыхъ плантацiяхъ, которыхъ очень много по берегамъ и островамъ Чу-Кiанга; скажу теперь нѣсколько подробнѣе объ этомъ полезномъ растенiи, такъ богато вознаграждающемъ упорный трудъ жителя тропическихъ странъ. Тотчасъ же за нашею изгородью тянулось рисовое поле, и часто, среди нестерпимаго зноя, неутомимый пахарь, по колѣно влачась по грязи, съ своимъ товарищемъ, буйволомъ, наводилъ насъ на безконечный рядъ мыслей, дѣлавшихъ нестерпимый зной еще нестерпимѣе.

Земледѣлiе въ Китаѣ пользуется съ незапамятныхъ временъ особеннымъ уваженiемъ. Императоръ, какъ сынъ неба, или посредникъ между божествомъ и своими подданными, посвящаетъ три дня на принесенiе жертвъ и молитву; потомъ идетъ на поле, проводитъ первую борозду и собственною рукой бросаетъ нѣсколько сѣмянъ рису, чтобы показать, какое значенiе имѣютъ для государства трудъ и обработыванiе земли.

Много говорили о совершенствѣ китайскаго хозяйства, но много преувеличили, въ чемъ виноваты миссiонеры, которые не имѣли правильнаго понятiя о хозяйствѣ. Имъ вѣрили, какъ единственнымъ людямъ, имѣвшимъ случай проникнуть внутрь страны. Китайцы, конечно, обогнали индусовъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ, но смѣшно сравнивать ихъ рутинную систему съ рацiональнымъ европейскимъ хозяйствомъ. Можетъ ли назваться хозяйствомъ то положенiе дѣлъ, въ основанiи котораго лежитъ не свобода труда, а рабство и страшная, неисходная бѣдность рабочаго? Китайскiй работникъ хуже невольника южныхъ американскихъ штатовъ; того по крайней мѣрѣ порядочно кормятъ, чтобы поддерживать его физическую силу; китайцу же даютъ горсть проса, которое тяжелымъ камнемъ ложится на желудокъ и только обманываетъ разыгравшiйся апетитъ въ ожиданiи слѣдующей порцiи.

Почва въ южныхъ провинціяхъ гориста и самаго дурнаго качества. Вездѣ видишь разбросанные граниты между тощею растительностію, и все богатство земли состоитъ изъ выжженной солнцемъ красной глины, перемѣшанной съ раздробленными кусками того же гранита. Горы пустынны и дики. Пользуются уступами, террасовидными площадками, долинами, чтобы разводить рисъ и другія необходимыя растенія. Эти затрудненія породили сложную систему ирригаціи. Хорошо, если на горѣ находили озеро; тогда легко было провести изъ него воду на поля, террасами расположенныя. Но озера не вездѣ; часто надобно было поднимать воду, и вода поднималась гидравлическимъ колесомъ, распространеннымъ въ Китаѣ. Эти колеса приводятся въ движеніе либо рукою рабочаго, либо ногою, либо съ помощію буйвола.

Поле для риса готовится съ весны. Буйволъ тащитъ легкій плугъ, какое-то неотесанное, неуклюжее орудіе, но вѣроятно достигающее своей цѣли вѣрнѣе, нежели англійскіе плуги, которые старались ввести здѣсь въ употребленіе. Пашня должна имѣть твердое глинистое дно; на этомъ основаніи, частымъ орошеніемъ и шестикратнымъ мѣшаніемъ (не говорю пахaніемъ), производятъ слой грязи, глубиною не менѣе восьми дюймовъ. Плугъ не забираетъ глубже глинянаго дна, и пахарь съ его скотиною находятъ для ногъ своихъ твердую опору. Буйволъ, употребляемый на югѣ, очень хорошъ для этой работы, любя наслаждаться въ грязи; а рабочій, убѣжденный, что «никакая скотина больше китайца не вынесетъ», плетется, равнодушный ко всему, за своимъ плугомъ. Послѣ запашки боронятъ поле. Борона дѣлается безъ длинныхъ, раздробляющихъ комки, зубцовъ; рабочій просто становится на нее и давитъ ее своею тяжестью, между тѣмъ какъ буйволъ тащитъ ее по грязи поля. Цѣль плуга и бороны — перемѣшать все вмѣстѣ, и когда образуется

сплошная жидкая грязь, равномѣрно распространить ее по твердому дну. Столько трудовъ употребляется для того, чтобы приготовить грунтъ для молодыхъ рисовыхъ отпрысковъ, которые заблаговременно выростаютъ на грядахъ разсадою. Ее осторожно переносятъ на поле и садятъ около двѣнадцати побѣговъ на грядкѣ, отстоящей отъ другой на двѣнадцать дюймовъ. Пересадка совершается съ поразительною быстротою. Первая жатва въ концѣ мая или началѣ іюня; вторая въ ноябрѣ. Пока рисъ растетъ, онъ долженъ быть постоянно въ водѣ: понятно, почему у китайцевъ такъ развилась система орошенія полей. Поспѣвшій рисъ не нуждается въ орошеніи; за то необходимо лѣтомъ нѣсколько разъ выполоть его. Поспѣвшій рисъ срѣзываютъ ножами, похожими на серпъ; обыкновенно тутъ же его и молотятъ.

Кромѣ риса, близъ Вампу воздѣлывается сахарный тростникъ, но немного. Китайцы выдѣлываютъ изъ него леденецъ и темный песокъ. Рафинировки они не знаютъ. Въ садахъ и по всему берегу много фруктовыхъ деревьевъ: гуавы, манго, wangpee (Cookia punctata), leechee, longan, апельсины. Изъ деревъ, украшавшихъ обширный нашъ ландшафтъ, назову кипарисы, баньяны и другіе виды *ficus*; также особенный видъ сосны, которую китайцы называютъ водяною *(Thuja)*, бамбукъ и родъ нашей плакучей ивы, которую китайцы очень поэтически называютъ «вздыхающей ивой». По берегу рѣки много водяныхъ лилій и лотосовъ; они разводятся какъ для красоты, такъ и для пользы: корни ихъ употребляются въ пищу. Лѣтомъ и осенью эти поля лотосовъ, во время цвѣтенія, дѣйствительно очень красивы.

Потянулся однообразно день за днемъ. Жизнь въ палаткѣ была во всякомъ случаѣ отдыхомъ послѣ жизни на клиперѣ: свободнѣе и просторнѣе. Лежишь себѣ полдня, лѣниво перевертывая страницы тугопонимаемой книги;

встаешь, чтобы пить, и пьешь, чтобъ утолить ничѣмъ неутолимую жажду; силы возвращаются мало по малу, когда солнце начнетъ гаснуть, скрываясь за холмомъ и рощей. Тогда пойдешь бродить по ограниченному пространству владѣній, принадлежащихъ доку. Зайдешь въ сарай, гдѣ работаютъ двѣ паровыя машины, и поневолѣ подумаешь, смотря на эти несложныя работы, какъ все просто, если захочешь дѣлать дѣло. Станутъ строить у насъ, въ Европѣ, доки, и начнутъ съ великолѣпныхъ дворцовъ, которые лѣтъ десять прождутъ машинъ и работы; а здѣсь точно конный приводъ какой-нибудь круподерки: сгороженъ изъ бамбука, обмазанъ глиной, стóитъ грошъ, а сдѣлаетъ много. Къ выкачивающимъ машинамъ придѣланъ приводъ для точильнаго станка, далѣе кузница, гдѣ выливаютъ мѣдныя вещи; однимъ словомъ, сарай удовлетворяетъ почти всѣмъ требованіямъ для починки судна. Зайдешь потомъ и подъ высокій бамбуковый навѣсъ, гдѣ китайцы-плотники пилятъ, сверлятъ, строгаютъ и, когда солнце совсѣмъ уже скроется, укладываютъ въ мѣшки свои плотничьи и всякіе инструменты, и усаживаются около стола ужинать, на скамеечкахъ; передъ каждымъ круглая чашка и двѣ палочки; по серединѣ стола, въ широкой мискѣ, вареный рисъ. Около нихъ собаки и дѣти, ожидающія скудной подачки. Ужинъ идетъ тихо, безъ шума; поднесетъ китаецъ свою чашечку къ самому рту и сваливаетъ въ него палочкой надлежащую порцію.

Пойдешь на пристань, гдѣ наша команда купается: плаваютъ, перегоняя другъ друга, матросы, довольные и оконченными работами, и свѣжестью воды, и кратковременною свободой; тутъ же, вблизи, человѣкъ сто китайцевъ, валовыхъ рабочихъ, тянутъ на берегъ съ разгружающагося французскаго фрегата, *Audacieuse*, мачту. Движенія ихъ тихи, не видать въ ихъ лимфатическихъ мускулахъ усилія и игры, плохо двигается мачта изъ воды на берегъ,

точно не хочетъ покинуть свою родную стихію. Да и любо ли ей, привыкшей къ героической пѣснѣ бури и урагана, слушаться заунывной китайской пѣсни, которою бодрятъ себя китайскіе рабочіе? Французскій боцманъ, толстая съ черными бакенбардами фигура, почтенная и уважительная, подозрительно покрикиваетъ: «mais faites donc jouer la pièce, faites donc jouer la pièce!» «Ай-я-у, а-ау, и лу-а-у», отвѣчаютъ дребезжащими голосами китайцы, пересмѣиваясь съ нашими матросами... А мачта все не подается! Да и откуда взяться силѣ? посмотрите, что̀ за народъ! Какой-нибудь Лапша показался бы между ними богатыремъ. Пятерымъ въ день платятъ долларъ, и въ этотъ день каждый изъ нихъ долженъ исполнять всякую работу, лошадиную и воловью. Но еслибъ его запрягли въ плугъ, безропотно̀ пошелъ бы онъ пахать, будь только сила. Въ работахъ китайцы апатичны, не видно никакого участія къ дѣлу, или желанія хоть поскорѣе окончить работу. Годились бы они всѣ въ натурщики къ Гаварни: головы бриты, кто весь голый, кто въ курткѣ; заплата на заплатѣ, даже дыра на дырѣ. Дряблая кожа безсмысленнаго лица виситъ въ безконечныхъ складкахъ; иной считаетъ, я думаю, уже восьмой десятокъ своей безцвѣтной жизни... Но почему безцвѣтной?.. Можетъ быть, это такъ кажется намъ; можетъ быть, и у этой беззубой фигуры были свои свѣтлые дни... Страшная масса застоявшейся и заплеснѣвшей жизни, — забродитъ ли она когда-нибудь?.. Вѣроятно, Европа разбудитъ и Китай, какъ разбудила весь остальной міръ. Начало уже положено.

У берега столпились *шампанки*; на иной старуха, изогнувшись, махаетъ зажженною бумагой надъ готовымъ ужиномъ, и потомъ бросаетъ ее съ огнемъ на воду; зажигаетъ тоненькія свѣчки и ставитъ ихъ во всѣ мѣста, куда только можно поставить; это все различные обряды, которыхъ такъ много у буддистовъ. Бумага для сожиганія

должна быть особенная, нарѣзанная квадратами, съ наклееннымъ посереди клочкомъ серебряной бумаги. На другихъ шампанкахъ дѣлаютъ *чинъ-чинъ*; это родъ фейерверка: нѣсколько картонныхъ трубочекъ, набитыхъ пороховою мякотью и соединенныхъ между собою стапиномъ, который зажигается; и трубочки взрываются послѣдовательно одна за другою. Этотъ-то трескъ, подобный батальному огню, поминутно раздается со всѣхъ концовъ, и его-то мы слышали въ Гонъ-Конгѣ, не зная чему приписать его. *Чинъ-чинъ* (слово въ слово значитъ: здравствуй) дѣлается и въ честь божества, и въ честь новой луны, и въ честь полной луны; наконецъ, при всякомъ торжественномъ случаѣ. Цѣлыя лавки торгуютъ только тоненькими свѣчами, бумагой и трубочками для *чинъ-чина*. На одинъ шиллингъ можно сдѣлать такую иллюминацію, что останетесь довольны. Звукъ *чинъ-чина* заглушается часто звукомъ гонга и мѣдныхъ тарелокъ; эта музыка начинается подъ вечеръ на военныхъ джонкахъ и продолжается часа два; потомъ она возобновляется при всякомъ удобномъ случаѣ; если есть покойникъ, то бьютъ въ тарелки цѣлую ночь, какъ будто, если одинъ уснулъ вѣчнымъ сномъ, то другіе не должны спать. Хуже этой музыки трудно гдѣ-нибудь слышать; вообразите десятки мѣдныхъ тазовъ, въ которые бьютъ немилосердно палками. При описаніи китайскаго вечера можно не жалѣть никакихъ красокъ, только ужъ о гармоническихъ звукахъ слѣдуетъ умалчивать. Всю прелесть зеленѣющей природы въ состояніи отравить подобный концертъ.

Настанетъ вечеръ, сидишь себѣ на пристани до глубокой ночи, смотря на звѣзды, да на летающихъ свѣтящихся насѣкомыхъ, и такъ проходятъ дни. Работы на клиперѣ идутъ успѣшно. Иногда является хозяинъ, Куперъ. Вдругъ раздается крикъ: «Лови, лови!» Нѣсколько матросовъ бросятся за убѣгающимъ китайцемъ, вѣроятно

стянувшимъ что-нибудь. «Нѣту на нихъ никакого начала; только заглядишься, ужъ стащилъ что-нибудь; ишь, бритый чортъ, какъ удираетъ: люминаторъ укралъ!..» говоритъ на бѣгу матросъ, и дѣйствительно, бритый китаецъ, какъ заяцъ, скачетъ черезъ рвы и канавы, и, юркнувъ въ небольшую калитку, сдѣланную въ бамбуковой изгороди, несется по рисовому полю и скоро скрывается изъ глазъ. Эти сцены повторялись почти каждый день; одинъ стащитъ какую-нибудь желѣзную штуку, другой наполнитъ всѣ карманы мѣдными гвоздями; терпѣнье истощилось; за каждымъ нужно было ставить надсмотрщика; увѣщевали старшинъ, частнымъ образомъ таскали за косы,—ничто не помогало. Поймали наконецъ двухъ, связали имъ руки и посадили на докъ до рѣшенія ихъ участи. Одинъ былъ старикъ со сморщеннымъ лицомъ, съ рѣдкою косичкой на затылкѣ, весь въ лохмотьяхъ. Чтó принудило его украсть какой нибудь гвоздь—нужда или привычка? Другой былъ моложе и съ страшно-плутовскою физіономіей, испорченною оспой. Ихъ, какъ водится, окружили; между китайцами замѣтно было движеніе; они толпами собирались около доковъ. «Васъ разстрѣляютъ!» кто-то сказалъ пойманнымъ, и они повѣрили. «Къ русскимъ хуже попасться, нежели къ французамъ и англичанамъ: тѣ побьютъ, высѣкутъ, а вы хотите убить», говорили они потухшими отъ страха и отчаянія голосами. Дождались Купера, которому ихъ и передали. Когда ихъ сводили съ клипера, китайцы оттѣснили одного и помогли ему бѣжать; остался старикъ. Его повели на дно дока, привязали стоя къ деревяннымъ козламъ, и линекъ, ловко управляемый рукой нашего боцмана, давно острившаго на китайцевъ зубы и вызвавшагося теперь охотой въ экзекуторы, загулялъ по лохмотьямъ стараго отрепья, покрывавшаго спину арестанта. Сгустившаяся толпа китайцевъ зашумѣла; Куперъ закричалъ на нихъ, раскраснѣвшись отъ злости и волненія, и ткнулъ зонтикомъ въ

Drawn by T. Allom. Engraved by A. Fox.

A Mandarin paying a visit of Ceremony.

Mandarin rendant une visite de cérémonie.

Ein Mandarin der einen förmlichen Besuch abstattet.

лицо разсуждавшаго и размахивавшаго руками болѣе всѣхъ. Это имѣло магическое дѣйствіе: китайцы мгновенно разошлись, а старикъ, привязанный къ козламъ, дѣлалъ различныя движенія, желая избѣжать удара; то какъ кошка прискакивалъ онъ кверху, то корчился и ежился, и ни одинъ крикъ, ни одинъ стонъ не вылетѣлъ изъ его старой груди! Сцена была непріятная. Русскій боцманъ сѣкъ китайца, а англійскій прожектеръ считалъ удары; вотъ что̀ можетъ иногда связать три націи!.. Это своего рода ассоціація. Надобно было разсказать эту сцену, какъ имѣющую couleur locale, какъ случай, характеризующій мѣсто и обстоятельства. Мы въ Китаѣ, но не въ томъ идеальномъ Китаѣ, который знаемъ по картинкамъ на чайныхъ ящикахъ и по разсказамъ лорда Макартнея,—Китаѣ, съ миніатюрными ножками, мандаринами и торжественными церемоніями, въ которыхъ блещетъ золото и пурпуръ, — мы въ Китаѣ нищихъ, бродягъ, пиратовъ, въ настоящемъ Китаѣ, нѣсколько дѣйствующемъ и шевелящемся.

Въ одно утро, въ командѣ стоявшаго близъ насъ судна, не досчитались двухъ матросовъ и нѣкоторыхъ вещей. Бѣжали; но куда, зачѣмъ, что̀ соблазнило ихъ, неизвѣстно. Объявили китайцамъ, чтобъ искали, и назначили награду тому, кто отыщетъ. Прошло недѣли двѣ; начали уже позабывать о бѣжавшихъ, какъ вдругъ является китаецъ и говоритъ, что можетъ указать мѣсто, гдѣ скрываются матросы, если ему заплатятъ обѣщанное и дадутъ въ помощь людей. Назначили офицера съ нѣсколькими вооруженными людьми, и отправили ихъ на лодкѣ съ китайцемъ. Они подплыли къ пустынному берегу: «вотъ тамъ», показалъ китаецъ пальцемъ на кустарникъ, и объявилъ намѣреніе ретироваться.—Отчего же ты нейдешь съ нами? говорятъ ему. «Ступайте вы, а я боюсь! (характеристическая черта китайца). Ищите въ кустахъ, они тамъ, это вѣрно...»

Команда разбрелась; густо поросшій кустарникъ обносилъ плотною сѣткою берегъ; искать было трудно; къ кустарнику подступала вода; остатки сгнившихъ человѣческихъ труповъ, и наконецъ трупъ почти свѣжій, на каждомъ шагу попадались искавшимъ; страшный смрадъ наполнялъ воздухъ. Въ этомъ-то вертепѣ скрывались бѣглецы: одинъ залѣзъ по горло въ воду, и, несмотря на крики своихъ, не хотѣлъ откликнуться. Нѣсколько дней они сидѣли здѣсь безъ пищи. Блѣдныхъ, худыхъ, покрытыхъ какою-то сыпью, привели ихъ; запахъ трупа такъ и въѣлся въ ихъ платье, выброшенное тутъ же за бортъ. Пока у нихъ были деньги и вещи, ихъ кормили, а тамъ прогнали, можетъ-быть грозили зарѣзать; они скрылись отъ китайцевъ и боялись вернуться къ своимъ. На вопросы, что побудило ихъ бѣжать, они не давали удовлетворительнаго отвѣта, только одинъ изъ нихъ разсказывалъ, что его соблазнили китайцы, звали служить на военную джонку, говорили, что обрѣютъ голову и привяжутъ косу. Все это случилось на нашихъ глазахъ. Мы принимали большое участіе въ бѣжавшихъ, хотя они были съ чужаго судна; разсказъ о ихъ страданіяхъ возбуждалъ невольную общую симпатію. Вечеромъ шелъ разговоръ о нихъ; взволнованная деннымъ солнцемъ, кровь сильно настраивала воображеніе; мы сами стали поддаваться ложному страху и сильному преувеличенію въ ощущеніяхъ. Было уже за полночь, и всѣ спали. Часовой замѣтилъ, что двѣ тѣни крадутся по забору. Ихъ окликнули. Они скрылись, но послѣ опять показались, только ближе къ нашей палаткѣ. По нимъ закричали: «лови, лови!» Крикъ ли этотъ имѣлъ въ себѣ что-нибудь особенное и въ звукѣ своемъ уже содержалъ ноту паническаго страха, только первый проснувшійся закричалъ страшно-испуганнымъ голосомъ; этотъ второй крикъ еще сильнѣе подѣйствовалъ на остальныхъ спавшихъ, которые всѣ вскочили какъ угорѣлые, стали кричать и произвели такой гвалтъ, что

вѣроятно слышно было за версту. К. полѣзъ къ С. подъ подушку за пистолетомъ; С., принявъ его за китайца, схватилъ его и готовъ былъ вступить въ единоборство. Вся эта сцена оставалась неразгаданною, пока не принесли фонарь; тогда все объяснилось; тѣни исчезли, хотя еще долго искали ихъ по канавамъ. Попадись въ эту минуту какой-нибудь невинный китаецъ, его бы навѣрное подстрѣлили. Такъ расходилось воинственное расположеніе духа въ пробужденномъ отъ сна ополченіи; и долго еще мы не могли уснуть, смѣясь надъ храбростію другъ друга. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ насъ были *севастопольскіе герои*, мы разыграли сцену сорока жидовъ, испугавшихся одного цыгана.

Между тѣмъ, стали показываться послѣдствія сильныхъ жаровъ и работъ въ докѣ: лихорадки и диссентеріи. Мы платили обычную дань климату, и хорошо, что расплатились дешево; ни одинъ у насъ не умеръ. Заболѣлъ и я; утомительны и тяжелы были лѣтніе дни. Меньше 25 градусовъ въ тѣни Реомюръ не показывалъ, а выйдешь на солнце, не смотря на зонтикъ, вѣеръ и другія предохранительныя средства, точно огнемъ палитъ. Бритыя головы китайцевъ привыкли къ этому солнцу, однако и изъ нихъ не было ни одного, который бы не имѣлъ вѣера. Вѣера дѣлаются изъ листа латаніи (latania chinensis), которому сама природа дала вѣерообразную форму. Цѣлые часы проводятъ китайцы на воздухѣ, изрѣдка прикрывая вѣеромъ слишкомъ накалившійся лобъ; другой обвернетъ нѣсколько разъ голову косою, которую впрочемъ всегда распуститъ, если говоритъ съ человѣкомъ выше его званіемъ, какъ будто снимаетъ шапку.

Когда клиперъ вытянулся изъ дока въ рѣку, я, какъ больной, помѣстился на китайской лодкѣ, на которую сгрузили паруса и другія вещи, мѣшавшія работамъ на суднѣ. Лодка была длинная, съ круглымъ навѣсомъ; наверху

родъ палубы, въ кормовой части которой стояло нѣсколько горшковъ съ зеленью и цвѣтами. Подъ этою оранжереей жили хозяева, цѣлое семейство. Лодка была очень вмѣстительна и чисто содержана: вездѣ гладко выполированное дерево, тростниковыя плетенки и бамбуковыя перекладины. Если шелъ дождь, то мгновенно закрывались всѣ окна тростниковыми покрышками; у меня была постоянная тѣнь и сквозной воздухъ. Въ извѣстные часы дня приходила хозяйка или ея сынъ въ ту часть, гдѣ я жилъ, и гдѣ въ угольномъ шкафчикѣ помѣщались домашніе пенаты: кукла изъ сермяги, обклеенная снаружи фольгой и бумагой, бумага для *чинъ-чина* и еще какія-то принадлежности; хозяйка зажигала бумагу и, потомъ, помахавъ ею въ различныхъ направленіяхъ, бросала на воду, ставила маленькія свѣчки во всѣ углы, куда только можно было ткнуть ихъ, и уходила. Все это дѣлалось безъ всякой мысли, безъ всякаго религіознаго чувства. Китайцы суевѣрны, и наклонность къ религіознымъ церемоніямъ, какъ у всѣхъ буддистовъ, развита въ нихъ сильно. Нѣтъ дома въ южныхъ провинціяхъ, въ которомъ бы не было домашней часовни, помѣщаемой обыкновенно въ концѣ столовой. Обрядъ исполненъ, и китаецъ спокоенъ. Во время богослуженія въ храмахъ смѣются и глазѣютъ по сторонамъ. Зачѣмъ молиться? на это есть бонзы, которые дѣйствительно не развлекаются общимъ шумомъ и съ торжественностью повторяютъ свои молитвы, держа въ скрещенныхъ на груди рукахъ четки, звоня въ колоколъ и по временамъ ударяя въ гонгъ, чтобы привлечь вниманіе Будды къ молитвѣ. На югѣ буддизмъ распространенъ болѣе ученія Конфуція и секты *Тау*, или Разума. Кромѣ того, въ Китаѣ есть мусульмане и евреи.

Кромѣ домашнихъ суевѣрныхъ обрядовъ, въ Китаѣ въ большомъ ходу приношеніе общественныхъ жертвъ и другія торжественныя церемоніи и процессіи, которыя тянутся иногда на нѣсколько миль. Идоловъ убираютъ въ дорогія

одежды, несутъ ихъ на великолѣпныхъ носилкахъ; поклонники тысячами слѣдуютъ за ними и забѣгаютъ впередъ, разодѣтые въ праздничныя платья. Страшное количество извѣстной бумаги, съ серебряною пластинкой, сжигается подъ конецъ, какъ жертва. Не распространяюсь объ этихъ церемоніяхъ, потому что говорю о нихъ только по слухамъ; мнѣ не удалось видѣть ни одной.

Во время моей болѣзни пріѣхалъ къ намъ докторъ Рамзей съ парохода *Assistance*; онъ уже четыре года въ Китаѣ и скоро возвращается въ Англію. Онъ молодъ, и лицо его очень располагаетъ въ его пользу. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые, кажется, не совсѣмъ высказываются и заставляютъ предполагать гораздо больше того, что́ хотятъ высказать и выказать. Есть какія-то затаенныя достоинства, скрывающіяся въ этихъ пріятныхъ и умныхъ чертахъ; такихъ людей можно любить, и привязываешься къ нимъ все больше, по мѣрѣ того какъ узнаешь ихъ. Довѣриться имъ всегда можно; я замѣтилъ, что чаще всего эти физіономіи встрѣчаются между англичанами. Давидъ Копперфильдъ долженъ былъ имѣть именно такое лицо. Мистеръ Рамзей кончилъ курсъ въ Эдинбургскомъ университетѣ, слушалъ Сайма и Симсона, и изъ университета отправился въ Китай. Во время войны онъ былъ на корветѣ *Горнетъ* (Hornet), знакомомъ нашимъ де-кастрійскимъ морякамъ. По моемъ выздоровленіи, я сейчасъ же отправился на *Assistance*. Докторъ водилъ меня по пароходу, который немного меньше *Гималая*, видѣннаго нами на мысѣ Доброй Надежды. Вся жилая палуба отдана подъ больныхъ. Какая чистота и какой просторъ! Есть даже отдѣленіе для акушерскихъ случаевъ. Въ то̀ время, какъ мы сидѣли на пароходѣ, началъ дуть нордъ-вестъ. Опытные англійскіе офицеры обратили наше вниманіе на этотъ вѣтеръ. Это было въ концѣ августа; все время господствовалъ зюдъостъ—муссонъ; нордъ-вестъ обѣщалъ *тайфунъ*, который

бываетъ здѣсь преимущественно во время перемѣнныхъ муссоновъ: рѣдко одинъ муссонъ уступаетъ мѣсто другому безъ борьбы; борьба эта начинается съ іюля и продолжается до декабря. Уже лѣтъ шестьдесятъ дѣлаютъ постоянныя наблюденія надъ тифонами въ здѣшнихъ моряхъ; всякое судно, попавшее въ тифонъ и вышедшее благополучно, опрашивается, и отъ него отбираютъ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ бывшему случаю. Есть цѣлая система, научающая средствамъ избѣгнуть этого страшнаго врага. Судно, надѣющееся на себя и имѣющее передъ собою свободное мѣсто, должно немедленно уходить на фордевиндъ или бакштагъ, опредѣливъ заранѣе направленіе урагана и свое отъ него разстояніе; а это дѣлается слѣдующимъ образомъ: ложатся въ дрейфъ,—въ сѣверномъ полушаріи на правый, а въ южномъ на лѣвый галсъ. Если стать спиной къ вѣтру и протянуть руку перпендикулярно къ линіи, означающей направленіе вѣтра, то лѣвая рука укажетъ мѣсто урагана въ сѣверномъ, а правая—въ южномъ полушаріи. Свое отъ него разстояніе опредѣляютъ увеличивающеюся или уменьшающеюся силой вѣтра, быстро падающимъ барометромъ и другими признаками. Ураганъ имѣетъ два движенія: свое — вращательное около центра, и движеніе общее, поступательное. Послѣднее движеніе совершается по параболической линіи. Скорость вихря равняется отъ 80 до 90 миль въ часъ, тогда какъ скорость самаго сильнаго шторма не превышаетъ 20 миль. Но въ ураганѣ сила вѣтра не такъ страшна, какъ ужасно волненіе, воздымаемое безпрестанно-измѣняющимся вѣтромъ, обходящимъ иногда всѣ румбы компаса. Волны отъ противоположно-направленной силы взлетаютъ другъ на друга и выростаютъ въ колосальныя пирамиды, при чемъ иногда образуются водовороты. Судно, заливаемое съ различныхъ сторонъ, теряетъ рангоутъ, бросаетъ орудія за бортъ и терпѣливо выжидаетъ своей участи. Вѣрнымъ признакомъ приближенія тайфуна служитъ

барометръ, который постепенно падаетъ, иногда до 28,00; какъ скоро онъ начнетъ подниматься, значитъ ураганъ удаляется.

Слово тайфунъ—испорченное китайское *та-фунъ*—означаетъ сильный вѣтеръ; китайцы безъ барометра узнаютъ близость тайфуна по слѣдующимъ признакамъ. Вѣтеръ, въ ураганное время дующій отъ SW, переходитъ къ N и NO, постепенно крѣпчая и налетая частыми и сильными порывами; небо становится мрачно; море съ шумомъ катитъ свои волны на берегъ; рыбаки на всѣхъ парусахъ спѣшатъ укрыться въ одну изъ безчисленныхъ бухтъ, которыхъ, по счастію, природа произвела такое количество по всему берегу Китая, какъ бы въ защиту противъ этого всесокрушающаго врага.

Многія суда, стоящія въ Вампу, почувствовавъ зловѣщій нордъ-вестъ, спустили стеньги; у насъ былъ приготовленъ третій якорь и вооружены печи. Цѣлый день находили порывы, довольно сильные; прошла и ночь, шквалистая, но довольно покойная: урагана не было. Но англійскіе офицеры были правы: ураганъ былъ сѣвернѣе, въ широтѣ 30°, и къ намъ долетали только его отдаленныя дуновенія. Нашъ фрегатъ, *Аскольдъ*, шедшій въ это время изъ Нангасаки въ Шанхай, испыталъ всю силу этого урагана. Время равноденствія также не прошло даромъ: страшный ураганъ пронесся въ сѣверныхъ широтахъ Китайскаго моря. Не знаю подробностей, но когда мы пришли опять въ Гонъ-Конгъ, то тамъ разсказывали, что пять судовъ погибло, и до восьмнадцати выброшено на берегъ. Немедленно два парохода снялись съ гонъ-конгскаго рейда, чтобъ отыскивать слѣды страшнаго крушенія.

Между тѣмъ какъ стихіи совершали свои обычныя волненія, люди тоже не оставались покойными. Всѣ ожидали совершеннаго окончанія войны съ заключеніемъ трактата въ Тіеницѣ или Тянь-тзинѣ; казалось, иначе и быть не

могло; но въ Китаѣ выходитъ все какъ-то на выворотъ. Въ Печели народъ и не воображалъ, что въ Кантонѣ шла кровопролитная война. Почему же въ Кантонѣ не воевать, когда въ Печели заключенъ миръ?.. Изъ Шанхая новости были неблагопріятны. Всѣмъ не нравилась невѣжливость императорскихъ коммисаровъ, медлившихъ своимъ прибытіемъ, для встрѣчи пословъ европейскихъ державъ. Видно было, что пекинскій дворъ крѣпко держитъ руку кантонскихъ инсургентовъ, поощряя ихъ кровавое и настойчивое сопротивленіе. При такихъ отношеніяхъ средины быть не можетъ: императору китайскому слѣдуетъ или продолжать войну, или отказаться отъ чувства спѣсиваго превосходства, чтó было до сихъ поръ отличительною чертой международныхъ сношеній Китая, тѣмъ болѣе что какія бы условія ни были выговорены при мирномъ трактатѣ,—безъ войны кантонскіе инсургенты останутся въ ослѣпленіи, очень опасномъ при будущихъ сношеніяхъ съ ними.

А въ Пекинѣ укрѣпляютъ входъ въ Пей-хо. Высшіе коммисары, хотя ихъ ждутъ со дня на день въ Шанхай, говорятъ, до сихъ поръ еще не назначены; а младшіе уже имѣли аудіенцію у императора, какъ будто передъ отправленіемъ. Надѣются, что шанхайскія конференціи откроются въ половинѣ сентября (*). Первые кантонскіе купцы были приглашены въ Шанхай, для обсуживанія подробностей новаго тарифа, но и это распоряженіе было отложено. Все это заставляетъ думать, что китайцы расчитываютъ на наступающую осень и на невозможность въ этомъ году новаго прибытія соединенныхъ флотовъ къ рѣкѣ Пей-хо.

Дѣла въ самомъ Кантонѣ крайне загадочны. Негоціанты ждутъ открытія торговли и находятся въ сильномъ сомнѣніи,—откроется ли она? Многіе пріѣхали изъ сосѣднихъ провинцій, къ чайному времени, и *хоппо* (сборщикъ податей)

(*) Все это писано еще въ 1858 году.

Mr C.L. №946

CANTON IN CHINA

Aus d. Kunstanst. d. Bibliogr. Inst. in Hildbh.

Eigenthum d. Verleger

приступилъ къ исправленію своей должности. Совершенное спокойствіе царствуетъ въ городѣ; миръ былъ обнародованъ полночнымъ Хванги и губернаторомъ Пекви; городскія ворота отворены съ большою церемоніей (о чемъ извѣстилъ насъ капитанъ парохода *Assistance*); народъ сталъ возвращаться къ своимъ занятіямъ, блокада была снята, европейскія власти объявили амнистію,—кажется, чего бы больше?... Спросъ на ввозъ и вывозъ съ каждымъ днемъ увеличивается, а несмотря на это, торговля остается герметически закупоренною, и вмѣстѣ съ этимъ бродячіе слухи и разные неправдоподобные разсказы мутятъ общественное расположеніе духа. Удалившимся китайцамъ позволено возвратиться въ Гонъ-Конгъ и Макао, безъ всякихъ обязательствъ.

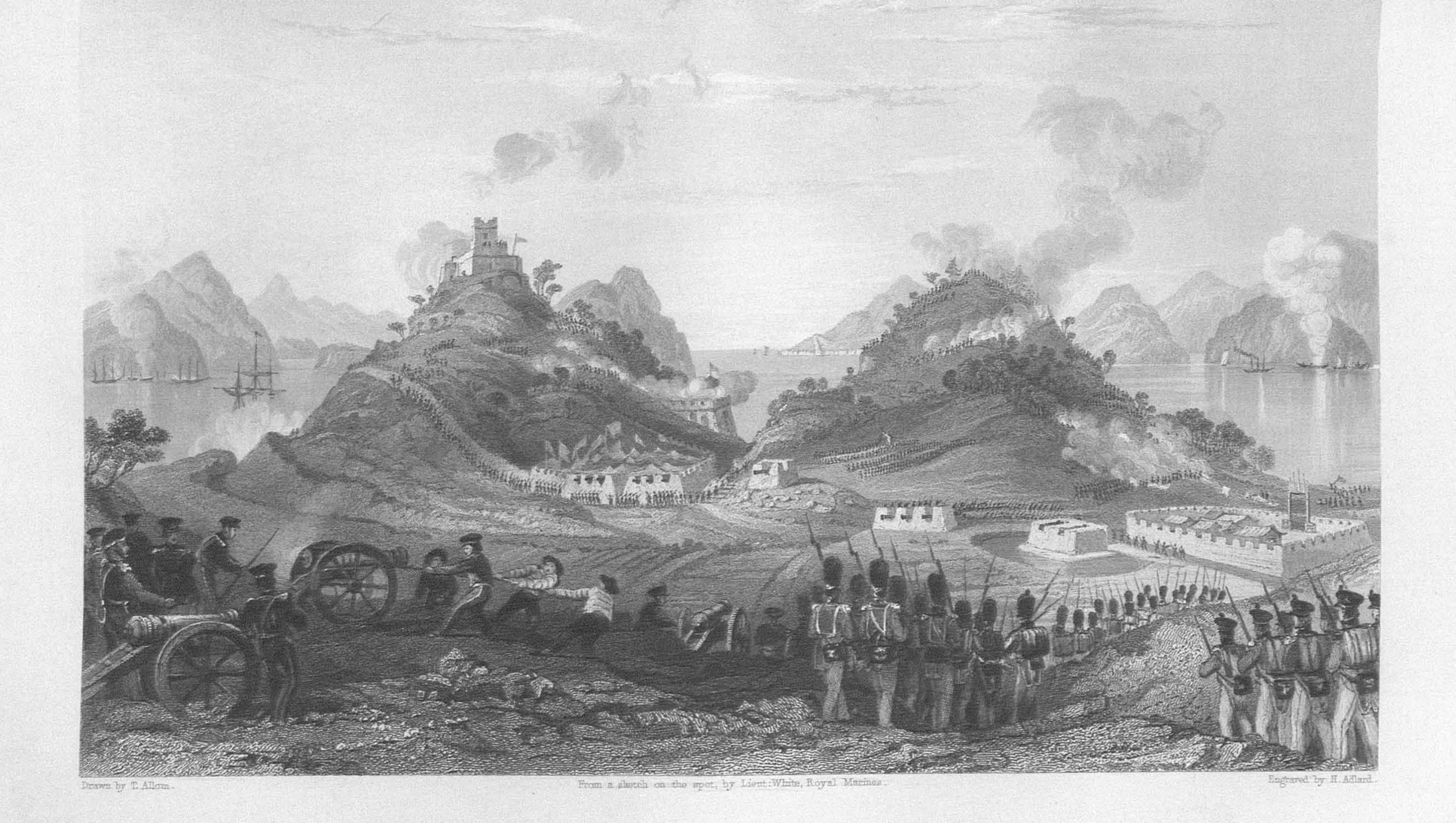
Здѣшніе англійскіе журналы недовольны выжидательною политикой лорда Эльджина. Остановка кантонской торговли должна была бы подвинуть «его милость» на что нибудь болѣе рѣшительное; говорятъ, что совсѣмъ другой тонъ былъ у китайскаго правительства четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, когда адмиралъ Сейморъ (тотъ самый, который потерялъ одинъ глазъ у Кронштадта) опирался въ своихъ требованіяхъ на войска ея величества; утверждаютъ, что если бы продолжать военныя дѣйствія еще нѣсколько мѣсяцевъ, то скорѣе и вѣрнѣе пришли бы къ удовлетворительному результату, и что дѣйствія лорда Эльджина могутъ разрушить то, что было сдѣлано Сеймором.

Послѣдняя новость, пришедшая при насъ въ Гонъ-Конгъ, та, что французы съ испанцами заняли Туронъ (въ Кохинхинѣ) и французскій адмиралъ Риго-де-Женульи объявилъ всѣ кохинхинскіе порты въ блокадѣ. На это всегда найдется достаточная причина, особенно если замѣшается миссіонеръ. Миссіонерство, въ подобныхъ случаяхъ, такой плодотворный источникъ, что, взявъ его за основаніе, всегда можно найти предлогъ и для войны, и для мира. Да и

французамъ пора найдти себѣ pied à terre въ здѣшнихъ моряхъ. Около Китая и Японіи, какъ будто около больныхъ и богатыхъ родственниковъ, увиваются многіе. Англія давно уже основалась здѣсь и дѣйствуетъ какъ дома; Америка заняла острова Лу-чу (Ликейскіе); Россія дѣйствительно у себя дома; Испанія и Португалія тоже пустили въ сосѣдствѣ глубокіе корни; оставалась одна Франція, опиравшаяся всегда на невещественныя основанія, на миссіонерство, и т. п. Теперь вѣрно ощутилась необходимость въ вещественномъ; отыскались въ архивахъ давнія притязанія на Кохинхину, и, кажется, притязанія эти хотятъ поддерживать серьезно. Говорятъ о назначеніи въ будущемъ году въ здѣшнія моря особенной эскадры, подъ командой г. Журьенъ-де-ла-Гравьера.

III.

Мы всѣ стояли въ рѣкѣ; я цѣлые дни скрывался въ своей крытой лодкѣ и только къ вечеру выходилъ на клиперъ. Иногда ѣздили на берегъ; китайская шампанка съ утра до вечера была къ нашимъ услугамъ за полдоллара въ сутки (клиперскія шлюпки поправлялись и красились). На кормовомъ веслѣ сидѣла молодая хозяйка Яу-Хау, очень интересная, даже, можно сказать, хорошенькая; при ней былъ сынъ ея Атомъ, который сначала дичился насъ, а потомъ сдѣлался общимъ нашимъ пріятелемъ. Бывало, крикнешь ему съ клипера: «Атомъ, чинъ-чинъ!» «Цинь, цинь!» послышится въ шампанкѣ, и вслѣдъ затѣмъ покажется изъ отверстія дѣтская головка, кивающая съ тою безъискусственною улыбкой, которою обладаютъ только дѣти. На носу лодки сидитъ мужъ Яу-Хау, молодой китаецъ, съ добрымъ и простоватымъ лицомъ, и братъ его, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати; иногда и Атомъ подсаживался на маленькой скамеечкѣ къ дядѣ, обхвативъ весло своими коротень-



Drawn by T. Allom. From a sketch on the spot, by Lieut: White, Royal Marines. Engraved by H. Adlard.

Attack and Capture of Chuenpee, near Canton.

Attaque et prise de Chuenpee près de Canton. *Angriff und Einnahme von Chuenpee bei Canton.*

FISHER, SON & Co LONDON & PARIS

кими ручонками, и слѣдилъ серьезно за греблей, какъ будто онъ былъ тутъ главнымъ работникомъ. Сядешь, или скорѣе, ляжешь, на чистыя цыновки по серединѣ шампанки, и забудешься подъ тихое качанье лодки; а сзади хорошенькая Яу-Хау, на глазки которой иногда и засмотришься. Все у нихъ такъ чисто, божки убраны пестрыми цвѣтами и фольгой; смотришь на эту своеобразную жизнь, на этотъ уголъ, и иногда даже какъ будто позавидуешь, хотя по правдѣ сказать, не завидная перспектива—всю жизнь прокачаться на водѣ. Укажешь Яу-Хау пальцемъ, чтобы везла въ Ньютаунъ, пристань у трактира, который содержитъ какой-то космополитъ, говорящій на всѣхъ языкахъ и ни на одномъ порядочно. Иногда маленькій Атомъ вдругъ закричитъ во всю мочь, и мать, привязавъ его на веревочку, сажаетъ около себя, и онъ опять скоро успокоивается. Иногда къ нашей лодочницѣ пріѣзжали гости, какая-то старуха, вѣроятно родственница, съ маленькою дочерью съ крысинымъ хвостикомъ на затылкѣ. Атомъ счелъ долгомъ познакомить насъ съ нею; бралъ каждаго изъ насъ за руку, по очереди, и подтягивалъ къ дѣвочкѣ. Гости прохлаждаются чаемъ, пока мы плывемъ. Вотъ и пристань, то-есть небольшая деревянная лѣстница, висящая надъ водой, а иногда и надъ землей, если отливъ великъ; въ послѣднемъ случаѣ нужно прыгать съ лодки и непремѣнно попасть на ступеньку, рискуя въ противномъ случаѣ завязнуть въ липкой тинѣ. Лодка привязывается къ воткнутому тутъ же бамбуковому шесту; домашняя жизнь въ ней не прерывается, а мы идемъ по зыбкимъ перекладинамъ мостика до небольшаго дворика, изъ котораго два выхода, одинъ на улицу, другой по довольно-крутой лѣстницѣ, на балконъ трактира. Чтобы попасть на улицу, нужно еще пройти нѣсколько темныхъ комнатъ, лавочку съ бутылками различнаго вида, и всегда со спящимъ на прилавкѣ матросомъ; изъ лавочки наконецъ выходишь на улицу.

Здѣшнюю улицу нельзя воображать себѣ въ родѣ европейскихъ, или даже китайскихъ въ европейскомъ городѣ; вся она шириною много три аршина, и длиннымъ корридоромъ тянется подъ тѣнью навѣсовъ, идущихъ съ обѣихъ сторонъ домовъ. Часто изъ окна одного дома протягивается жердь до окна противоположнаго, и на этой жерди, съ распростертыми рукавами, висятъ блузы, рубашки и прочее, различныхъ цвѣтовъ и покроя. Иногда исполинскій паукъ перебросить свою ткань съ крыши на крышу, а самъ, въ видѣ украшенія, виситъ по серединѣ. Улица вымощена каменными плитами, и на ней постоянная тѣнь; дома смотрятъ на улицу своими каменными половинами, къ рѣкѣ же они оборотились деревянными пристройками. Въ каждомъ домѣ внизу лавка или мастерская; окна втораго этажа безмолвны и пусты; изрѣдка только выглянетъ оттуда бронзовая головка черноглазой китаянки, съ уродливою колесообразною куафюрой; по улыбкѣ на ея лицѣ и по крѣпкимъ деревяннымъ рѣшеткамъ нижняго этажа можно догадаться, кто эта черноглазая красавица. При насъ много лавокъ было заперто; однако съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивалось, по мѣрѣ возвращенія удалившихся китайцевъ. Открылось нѣсколько чайныхъ лавокъ; ароматическій *пекое*, черные и зеленые чаи въ пирамидальныхъ кучахъ стали красоваться на прилавкахъ. Нѣсколько китайцевъ роспиваютъ чай и, увидя насъ, дружески киваютъ головою, приговаривая вѣчный «чинъ-чинъ». Въ сторонѣ кумирня съ божками и фольгою, а далѣе лавка, гдѣ можете достать любаго идола ex ipso fonte; тутъ же лаковая мебель, рѣзные изъ пахучаго дерева шкафчики и разныя религіозныя принадлежности. Вдругъ чувствуется ужасный запахъ, какъ будто загнившей, залежалой рыбы; вы проходите скорѣе и натыкаетесь на чисто-сдѣланный котухъ, за рѣшеткой котораго, на гладкомъ, чистомъ полу, покоятся бѣлыя, грузныя свиньи.

Наконецъ улица прерывается площадью. Опять не надо принимать слово площадь въ нашемъ значеніи; не надо думать, что здѣсь на площади просторнѣе, воздухъ чище и открывается какой-нибудь видъ; ничуть не бывало: на площади еще меньше мѣста, чѣмъ на улицѣ; она вся застроена какими-то павильонами съ соломенными грибообразными крышами, подъ тѣнью которыхъ копошится уличная торговля, мелкая промышленность, бѣдность и праздность. Эти крытые рынки составляютъ у китайцевъ родъ клубовъ; здѣсь, между безчисленными торговцами, толкаются люди, желающіе узнать новости, ищущіе рабочихъ, пришедшіе совершить свой туалетъ, пообѣдать. Дѣйствительно, вы здѣсь видите всевозможныя кушанья, совсѣмъ готовыя, но не совсѣмъ аппетитно смотрящія съ своихъ лотковъ и фарфоровыхъ чашекъ. Въ сосѣдствѣ варенаго риса, этого насущнаго хлѣба китайцевъ, лежитъ жареная курица, часть свинины, студень, пироги съ зеленью, которые тутъ же бросаютъ на сковороду и подпекаютъ на жаровнѣ, для желающихъ. Нѣкоторые расположились около столика съ низенькими ножками, вооружась палочками и чашками. Рядомъ съ ними одутловатый китаецъ, на лицѣ котораго пристрастіе къ опію провело рѣзкіе слѣды, подставляетъ свою голую голову искусной бритвѣ бродячаго цирюльника. Очень любопытно остановиться на подобной площади и постоять минутъ пять; непремѣнно доглядишься до какой нибудь сцены: сочинится драка, и разнохарактерная толпа, съ различными тѣлодвиженіями, мигомъ обступитъ поссорившихся; и вотъ предстоитъ вамъ удовольствіе въ звукахъ незнакомаго языка узнавать и угадывать знакомое; угадаешь и подстрекающаго молодца, и резонера, и какого-нибудь дядю Хвоста, сказавшаго свое многозначительное слово. На этой же площади продается всевозможная зелень, плоды, живность, готовое платье, дождевые костюмы, сдѣланные изъ травы и дающіе такой

оригинальный видъ носящимъ ихъ. Сюда же, на рынокъ, смотритъ фронтонъ буддійскаго храма пестрымъ и разноцвѣтнымъ портикомъ, съ исполинскими фонарями, которые раскрашены и убраны всевозможными арабесками. Много фарфоровыхъ драконовъ и другихъ фигурокъ по карнизу и крышѣ. Войдя въ храмъ, въ таинственномъ полумракѣ увидишь все то же, что во всѣхъ китайскихъ храмахъ, то-есть почтенныхъ, толстопузыхъ боговъ, комфортабельно сидящихъ въ своихъ нишахъ; на алтаряхъ безчисленныя приношенія, вода въ чашечкахъ, тоненькія свѣчи, фольга и блескъ сусальнаго золота. На потолкѣ фонари, которые, вырѣзываясь на темномъ фонѣ своими причудливыми формами, даютъ всему довольно оригинальный видъ.

За площадью опять та же улица, узкая, пестрѣющая лавками, навѣсами, китайцами и пауками. Здѣсь курятъ опій; вмѣстѣ съ нимъ продается китайскій табакъ, очень слабый и невкусный, и папиросная бумага. Китайцы дѣлаютъ папиросы по-испански, то-есть свертываютъ табакъ съ бумагой сейчасъ передъ куреніемъ. Если китаецъ немного говоритъ по анлійски, то непремѣнно скажетъ вамъ, что— Russian good, a French and English not good, и предложитъ на пробу папироску; въ нѣкоторомъ отношеніи онъ и правъ... На дняхъ съ купцомъ одной лавки случилось вотъ какое происшествіе! Гуляли наши матросы по Вампу; разойдтись негдѣ, держатся всѣ въ кучкѣ, и зашли къ этому купцу; взяли табаку и, заплативъ деньги, побрели домой. Человѣка два изъ нихъ напились, какъ водится, порядочно, потому что для русскаго человѣка слово *гулять* не имѣетъ другаго значенія; другіе, менѣе пьяные, прибрали товарищей на лодку и мирно возвратились на клиперъ. Въ это же время гуляло нѣсколько французскихъ матросовъ по городу; одинъ изъ нихъ зашелъ въ ту же лавку, взялъ себѣ, сколько ему нужно было, табаку, какъ-будто въ своемъ карманѣ, и не думая заплатить, преспокойно

вышелъ. Купецъ за нимъ, крича и жалуясь на такое явное мошенничество. Скоро къ китайцу пристали товарищи, толпа стала густѣть, крики увеличиваться; казалось, дорого бы пришлось поплатиться французу, но онъ оборотился къ толпѣ, крикнулъ свое выразительное «Sacré!» и еще выразительнѣе погрозилъ кулакомъ, и толпа храбрыхъ благоразумно отступила. Французъ, не прибавляя нисколько шагу, пошатываясь, достигъ лодки и уѣхалъ съ своими товарищами. Вотъ вамъ черта храбрости китайцевъ. Они рѣжутъ европейцевъ, но для этого имъ нужны особыя условія: главное изъ нихъ, чтобъ европеецъ былъ совершенно безоруженъ; если они увидятъ пистолетъ, даже не заряженный, то не рѣшаются напасть. Сначала высмотрятъ, обойдутъ нѣсколько разъ, не подавая вида, что замышляютъ что-нибудь, и когда насчитаютъ двадцать шансовъ противъ одного, то тогда только рѣшаются на нападеніе. Стремительно бросаются они, убиваютъ и еще стремительнѣе убѣгаютъ. Нѣсколько подобныхъ случаевъ разсказывалъ мнѣ Рамзей, бывшій при войскѣ во время китайской войны. Старшій докторъ, на мѣсто котораго поступилъ онъ, былъ зарѣзанъ недалеко отъ Кантона. Онъ ѣхалъ верхомъ, задумавшись, и отсталъ отъ своихъ товарищей; нападеніе было такъ быстро, что ѣхавшіе впереди не успѣли оглянуться, какъ ужъ онъ лежалъ съ перерѣзаннымъ горломъ, а убійцъ и слѣдъ простылъ. Вотъ какую войну ведутъ китайцы! Орудіе ихъ: измѣна, подлость, расчетъ на числительную силу. Никакая фантазія не въ состояніи создать типъ героя на данныхъ китайскаго характера. По крайней мѣрѣ такъ было до сихъ поръ.

Продавецъ табаку былъ очень доволенъ, сказавъ комплиментъ русскимъ. Симпатія китайцевъ къ намъ, замѣченная мною прежде, подтверждалась нѣсколько разъ впослѣдствіи; китаецъ дружелюбно киваетъ нашему матросу, и мимикой показываетъ, что надуваетъ англичанина или

француза, заставляющаго его работать. Въ каждой лавкѣ русскаго ждетъ дружескій *чинъ-чинъ*, между тѣмъ какъ недовѣрчиво смотритъ китаецъ на пришедшаго къ нему англичанина. Не знаю, поздравлять ли себя съ подобною симпатіей?..

Въ табачной лавкѣ можно разсмотрѣть весь процессъ куренія опія. На улицѣ часто встрѣчаются физіономіи, съ выраженіемъ тупоумія въ глазахъ, лишенныхъ всякаго блеска, окруженныхъ дряблыми складками кожи, потерявшей энергію; походка этихъ людей неувѣренна. Слѣды преждевременной старости и маразма видны во всѣхъ членахъ; если кого-нибудь изъ нихъ взять за плечо, то даже и намека на мускулъ не почувствуешь въ рукахъ; лица ихъ всегда можно узнать и отличить въ толпѣ. Какъ извѣстно, куреніе опія—одна изъ самыхъ разрушительныхъ страстей; ни пьянство, ни самый раздражающій развратъ не въ силахъ такъ расшатать организмъ. Къ тому же куреніе опія очень дорого, и промотавшійся готовъ на все, чтобы достать себѣ этого запрещеннаго плода, потому что страсть къ нему, разъ возбужденную, человѣкъ ничѣмъ не въ силахъ остановить. Къ намъ на клиперъ пріѣзжаетъ каждый день маляръ, курящій опій. Сколько разъ съ сокрушеніемъ говорилъ онъ, что поступаетъ нехорошо; что прежде у него было двѣ жены, бывшія имъ совершенно довольны, а теперь онъ и съ одною не знаетъ что̀ дѣлать; но что не можетъ заснуть, не затянувшись опіемъ. «А какъ затянешься, пріятно?» спросили мы, и онъ въ отвѣтъ зажмурилъ глаза, какъ Маниловъ, и явилъ на своемъ дрябломъ лицѣ выраженіе такого наслажденія, что, кажется, будь подъ рукой опій, самъ бы накурился!

Бо́льшая часть привознаго опія приготовляется въ Индіи. Англійскіе и американскіе купцы имѣютъ отличныя суда для его перевозки, и, кромѣ того, держатъ во многихъ бухтахъ и гаваняхъ такъ-называемыя *receiving sheeps*, на

которыя складываютъ свой товаръ. Послѣднія извѣщаются быстрыми пароходами о количествѣ везомаго груза. Китайскіе контрабандисты приходятъ изъ ближайшихъ мѣстъ на маленькихъ лодкахъ, хорошо вооруженные и готовые на все, для защиты своего товара, такъ дорого стóящаго. За опіумъ платятъ чистымъ серебромъ (испанскими и американскими талерами); иногда находятъ выгоднымъ мѣнять его на шелкъ-сырецъ и чай. Торговлю опіемъ ведутъ люди, обладающіе большими капиталами и извѣстные за первыхъ негоціантовъ въ свѣтѣ. Торговля эта по наружности даже очень мало похожа на настоящую контрабанду. Правда, что ввозъ опіума и употребленіе его запрещены въ Небесной имперіи, но запрещеніе это пустой призракъ и на дѣлѣ не имѣетъ никакого значенія. Бóльшая часть мандариновъ употребляютъ опіумъ; лавочки съ опіумомъ гнѣздятся въ самомъ императорскомъ дворцѣ, а можетъ-быть и самъ его небесное величество принадлежитъ къ числу потребителей опіума. Китайское правительство само не хочетъ предпринять дѣйствительныхъ мѣръ противъ этой контрабанды, а для формы издаетъ иногда циркуляры, печатаемые въ пекинской газетѣ; но этихъ циркуляровъ какъ-будто и не замѣчаютъ вѣрноподданные.

Бенгальскій опіумъ, котораго два сорта, *Patna* и *Benares*, всегда хорошъ и чистъ; бомбайскій, такъ-называемый *Malwa*, почти всегда смѣшанъ съ другими ингредіентами. Китайцы его не покупаютъ безъ предварительнаго испытанія; берутъ мѣдною ложечкой небольшой кусокъ и подогрѣваютъ на углѣ. Растаявшій кусокъ пропускаютъ черезъ бумажный фильтръ, и если онъ не проходитъ, то его называютъ *Man ling*, имя, означающее самый дурной опіумъ. Этотъ идетъ по самой низкой цѣнѣ. Если же фильтръ пропускаетъ, тогда смотрятъ внимательно, остается-ли что-нибудь на бумагѣ, и если окажется песокъ или грязь, то и это понижаетъ цѣну. Процѣженную жидкость собираютъ

осторожно въ мѣдную чашечку и подогрѣваютъ на медленномъ угольномъ жару, до тѣхъ поръ, пока не испарится сырость; тогда уже получается чистый опіумъ. Его собираютъ въ фарфоровыя банки, и судятъ о его относительномъ достоинствѣ по цвѣту. Кантрабандистъ, размѣшивая и разсматривая его нѣсколько разъ противъ свѣта, называетъ его:

Tung-kow, если онъ густъ и похожъ на желе;

Pak-chat, когда онъ имѣетъ бѣловатый цвѣтъ;

Hong-chat, когда онъ красенъ, и

Kong-see-pak, если онъ перваго сорта и совершенно походитъ на Benares или Patna.

Для куренія, опіумъ очищаютъ почти такимъ же образомъ. Куритель прислоняетъ свою голову къ подушкѣ, поставивъ передъ собою лампу; довольно длинною иголкой кладетъ онъ немного опіума на огонь и, зажегши его, прикладываетъ къ отверстію трубки. Во все время куренія, трубка держится на огнѣ.

Такъ какъ въ одной трубкѣ не больше двухъ затяжекъ, то привыкшіе къ куренію выкуриваютъ нѣсколько трубокъ.

Едва куритель втянетъ въ себя нѣсколько опійнаго дыма, глаза его оживляются, дыханіе становится спокойнѣе, вялость и боли въ членахъ проходятъ, онъ наслаждается! Вмѣсто вялости чувствуется свѣжесть, вмѣсто отвращенія отъ пищи—аппетитъ; является разговорчивость и откровенность. Но скоро улыбка опять пропадаетъ съ лица, трубка вываливается изъ рукъ, глаза снова пріобрѣтаютъ свой стеклянный видъ, верхнее вѣко опадаетъ, и куритель засыпаетъ безпокойнымъ, тяжелымъ сномъ. При разрушившемся здоровьи, у курителя развивается равнодушіе ко всему и тупость умственныхъ способностей; онъ становится забывчивъ, и пренебрегаетъ всѣми обязанностями, и наконецъ слабоуміе овладѣваетъ имъ все больше и больше.

Нѣкоторые говорятъ (Smith), что укороченіе жизни, вслѣдствіе куренія опія, преимущественно замѣтно между бѣдными; на богатыхъ вліяніе это не такъ замѣтно. Это очень можетъ быть, вслѣдствіе многихъ различій въ образѣ жизни тѣхъ и другихъ. При общемъ равнодушіи къ ѣдѣ, курители опія ѣдятъ со вкусомъ только сахаръ и лакомства.

Упреки англійскимъ и американскимъ негоціантамъ за безнравственность этой торговли, конечно, справедливы; но они стали уже общимъ мѣстомъ. Я замѣчу только, что если современемъ Китай будетъ образованнымъ государствомъ, будущій историкъ его укажетъ на торговлю опіемъ, какъ на одинъ изъ главныхъ путей, на которомъ Китай столкнулся съ Европой. Только на этомъ пути они поняли другъ друга, и китаецъ, долго противившійся всякому сближенію съ образованнымъ міромъ, не устоялъ противъ приманки торговли. Чего не сдѣлали ни миссіонеры, ни дипломація, ни посольства, то сдѣлалъ опіумъ; имъ завязались торговыя сношенія Китая, а за торговлей идетъ спутникъ ея, образованіе, вмѣстѣ съ силою и смысломъ. Нерѣдко дурными путями достигаются хорошіе результаты. Утѣшительнѣе было бы, еслибы цивилизація вошла въ Китай подъ знаменемъ болѣе гуманнымъ, еслибы напримѣръ многочисленное его населеніе, уразумѣвъ истину проповѣди миссіонеровъ, двинулось впередъ съ этимъ животворнымъ началомъ,—но, кажется, пора отказаться отъ этой надежды.

Исторія миссіонеровъ въ Китаѣ есть одна изъ самыхъ интересныхъ страницъ исторіи церкви. Съ одной стороны, она представляетъ безграничное самопожертвованіе, настойчивыя, неимовѣрныя усилія, непрерывные труды, несмотря ни на какія препятствія; съ другой—полное равнодушіе къ новому ученію, совершенную неспособность отрѣшиться отъ мірскихъ дѣлъ для духовнаго созерцанія, непониманіе и нежеланіе понимать того, что не составляетъ матеріяльной потребности и матеріяльнаго интереса.

*

Первыя усилія распространить христіанство въ центральной и восточной Азіи относятся къ первымъ вѣкамъ христіанства. Въ V и VI столѣтіи встрѣчаются уже слѣды первыхъ миссіонеровъ, приходившихъ сухимъ путемъ изъ Византіи въ Китай. Эти апостолы шли съ посохомъ въ рукахъ, чрезъ горы и рѣки, чрезъ лѣса и пустыни, терпя нужду и голодъ, и несли святое слово неизвѣстнымъ народамъ. Изъ надписи, найденной въ *Синганфу* (Singan-fu), видно, что еще въ 635 году христіанство уже внесено было въ Китай. Сохранилось преданіе о знаменитомъ *Куо-Тзе-у* (упоминаемомъ и въ этой надписи), героѣ народныхъ сказокъ и театральныхъ представленій. Онъ былъ «ноготь и зубъ государства, ухо и глазъ арміи; онъ поддерживалъ христіанскія церкви, возвышалъ крышу и двери, и украшалъ ихъ, такъ что они уподоблялись фазанамъ, распускающимъ для полета свои крылья. Каждый годъ собиралъ онъ отцевъ и христіанъ четырехъ церквей и угощалъ ихъ скоромною пищей. Стекались голодные, и онъ ѣлъ съ ними, приходили замерзающіе, и онъ одѣвалъ ихъ; онъ погребалъ мертвыхъ, успокоивая ихъ въ послѣднемъ жилищѣ...» и такъ далѣе.

Итакъ христіанство процвѣтало въ VII вѣкѣ въ Китаѣ, имѣя въ лонѣ своемъ людей, подобныхъ *Куо-Тзе-у*. Въ это время съ юга началъ распространяться буддизмъ, не требуя умерщвленія плоти во имя духовнаго начала, опредѣляя границу загробнымъ мученіямъ для грѣшныхъ, но не обѣщая вѣчнаго блаженства праведнымъ... По буддійскому ученію, со смертію не кончалось все земное, была увѣренность въ переселеніе въ болѣе-высшее существо, была надежда еще разъ насладиться земными благами; а идея самоисчезанія въ безконечномъ была понятнѣе азіятскимъ племенамъ, нежели идея безсмертія души. Гдѣ ни сталкивался буддизмъ съ христіанствомъ въ Азіи, онъ всегда оставался побѣдителемъ. Около этого же времени, несто-

ріанцы размножились по всему азіятскому нагорью; въ началѣ IX вѣка, Тимоѳей, патріархъ несторіанцевъ, посылалъ монаховъ на Каспійское море для проповѣди. Во время Чингисъ-хана, миссіонеры ходили въ Татарію и Китай; они брали съ собой церковную утварь, совершали религіозныя процессіи передъ татарскими князьями, которые принимали ихъ въ своихъ палаткахъ и позволяли устраивать церкви даже на дворахъ своихъ дворцовъ. Объ этомъ, какъ извѣстно, говорятъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ Плано-Карпини и Рубруквисъ. Плано-Карпини, посланный въ 1246 году Иннокентіемъ IV, перешелъ Донъ и Волгу, и сѣвернымъ берегомъ Каспійскаго моря проникъ въ Монголію. Почти тѣмъ же путемъ, монахъ Рубруквисъ, посланный Лудовикомъ Святымъ, проникъ въ Татарію. Въ Кара-Харумѣ, столицѣ монголовъ, недалеко отъ дворца, увидѣлъ онъ строеніе съ крестомъ. «Я былъ, говоритъ онъ, внѣ себя отъ восхищенія, и, сначала нѣсколько сомнѣваясь, христіане ли тутъ, вошелъ съ боязнію и нашелъ великолѣпно-убранный алтарь. На золотой парчѣ видны были изображенія Спасителя, Св. Дѣвы, Іоанна Крестителя и двухъ ангеловъ; платья ихъ изукрашены были брилліантами. Въ церкви сидѣлъ армянскій монахъ, съ лицомъ, загорѣлымъ отъ солнца, худой, въ грубомъ вретищѣ.» Рубруквисъ нашелъ тутъ много несторіанъ и православныхъ, отправлявшихъ богослуженіе совершенно свободно. Князья и ханы крестились и защищали проповѣдниковъ вѣры. Въ началѣ XIV столѣтія, папа Климентъ V основалъ въ Пекинѣ архіепископство, въ главѣ котораго стоялъ Іоаннъ Монкорвинъ (de Moncorvin), французскій миссіонеръ, проповѣдывавшій тамъ сорокъ два года и оставившій послѣ себя цвѣтущую общину. Время до XV вѣка можно считать первымъ періодомъ исторіи христіанства въ Китаѣ; христіане находятъ опору въ правительствѣ; имъ не только не мѣшаютъ, а даже способствуютъ.

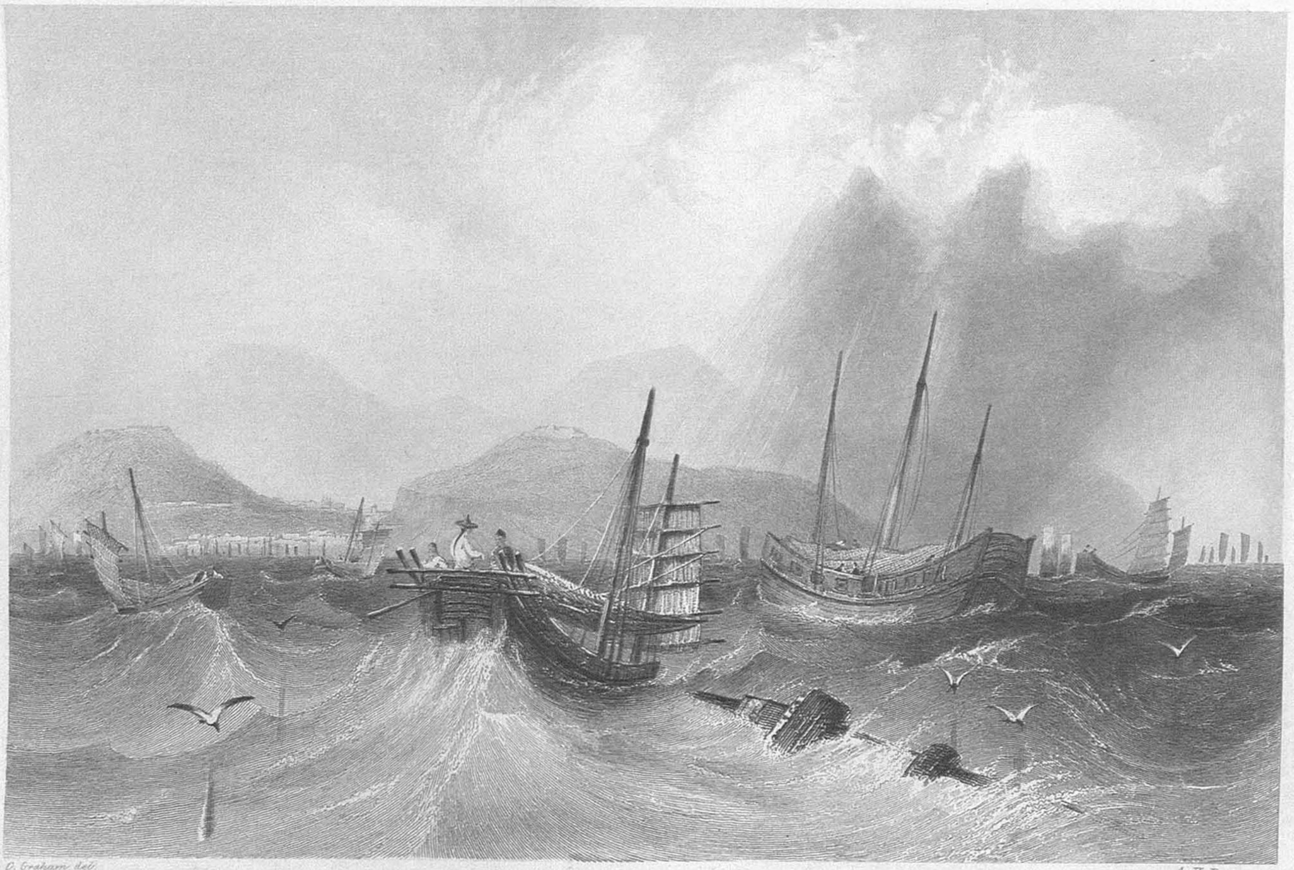
Въ XV вѣкѣ всѣ сношенія съ Китаемъ прекратились. Вниманіе всѣхъ было обращено на вновь-открытый на западѣ міръ; Китай и Зипангри исчезли изъ виду, пока не обнародовались открытія благороднаго венеціянца, Марко Поло.

Нужно было открывать Китай снова, и честь эта принадлежитъ португальцамъ. Предпріимчивые мореплаватели ихъ обогнули мысъ Бурь и направились въ Индію, по пути еще неизвѣстному.

Въ 1517 году, Фернандъ д'Андрада, въ качествѣ посла, явился въ Кантонъ, снискалъ дружбу намѣстника, заключилъ съ нимъ выгодный трактатъ и такимъ образомъ возобновилъ сношенія Китая съ Европою.

Португальцы, истребивъ какого-то страшнаго пирата, опустошавшаго берега Небесной Имперіи, оказали тѣмъ Китаю большую услугу. Въ благодарность за это, императоръ уступилъ имъ одинъ полуостровъ, состоявшій однако лишь изъ нѣсколькихъ дикихъ скалъ. На этихъ скалахъ возникъ Макао, который долгое время былъ единственнымъ торговымъ пунктомъ въ сношеніяхъ съ Небесною Имперіей. Гонъ-Конгъ, возникшій также на дикихъ камняхъ, убилъ Макао, который живетъ теперь только воспоминаніями прежней славы; въ немъ осталось нѣсколько старинныхъ хорошихъ домовъ, которые стоятъ пустыми, и скоро, можетъ-быть, опять европейскія суда, проходя мимо Макао, увидятъ однѣ голыя скалы и рыбака, просушивающаго на нихъ свои сѣти. Но миссіонеръ охотно посѣтитъ эти развалины. Здѣсь былъ краеугольный камень созидаемой церкви, отсюда шли новые апостолы на проповѣдь въ Китай, Японію, Кохинхину, Корею, Татарію и Тонкинъ.

Въ концѣ XVI столѣтія, знаменитѣйшій изъ учениковъ Хранциска Ксаверія, возъимѣвшаго мысль проповѣди въ Азіи, Матвей Ричи пришелъ въ Китай; но миссіонеры не



D. Graham del. A. H. Payne sc.

Macao

нашли тамъ и слѣдовъ христіанства; посѣянныя сѣмена были развѣяны, и даже въ преданіяхъ народа не сохранилось ни малѣйшаго воспоминанія о миссіонерахъ!..

Дѣло надо было начинать снова. Отецъ Ричи заключалъ въ себѣ все для труднаго предпріятія. «Тотъ долженъ имѣть смѣлое, неутомимое, но мудрое, терпѣливое, медленное и притомъ дѣйствительное рвеніе, кого назначилъ Богъ быть апостоломъ въ странѣ раздражительной и подозрительной. Нужно было имѣть, дѣйствительно, возвышенное сердце, чтобы начать дѣло, совершенно разрушенное, и успѣть воспользоваться такими малыми пособіями. Нужно было имѣть возвышенный духъ, глубокое и рѣдкое знаніе, чтобы пріобрѣсть уваженіе людей, которые привыкли уважать только себя.» Эти слова одного миссіонера даютъ понятіе о подвигѣ Ричи и бросаютъ яркій свѣтъ на самую страну и на тѣ затрудненія, которыя происходили отъ характера ея жителей. Послѣ двадцати лѣтъ терпѣнія и труда, Ричи видѣлъ только преслѣдованія и одно безплодное вниманіе немногихъ слушателей. Наконецъ онъ былъ принятъ при дворѣ; обращенія къ христіанству стали чаще, и во многихъ мѣстахъ начали воздвигаться церкви; умирая, онъ имѣлъ утѣшеніе оставить хорошо-устроенную общину и ревностныхъ миссіонеровъ, взявшихъ подъ защиту науку и искусства, ради успѣха проповѣди.

Въ 1687 году прибыли въ Нинъ-По французскіе миссіонеры, іезуиты, отцы de Fontancy, Tachard, Gerbillon, Le Comte, de Visdelou и Bouvet. Они отправились въ Пекинъ, гдѣ скоро пріобрѣли уваженіе и удивленіе народа и высшихъ сословій за добродѣтель и знанія. Императоръ подарилъ имъ домъ въ Желтомъ городѣ, невдалекѣ отъ своего дворца, чтобы чаще видѣться съ ними. Черезъ нѣсколько времени далъ имъ еще земли для постройки большой церкви, и, въ доказательство своего расположенія, самъ сочинилъ надпись для фронтисписа, въ честь Вѣчнаго Бога.

Императоръ Канъ-Хи объявилъ себя офиціально защитникомъ христіанской религіи; его примѣру слѣдовали князья и мандарины; число обращавшихся умножилось быстро по всей имперіи; во многихъ мѣстахъ строили церкви и часовни, и народъ, не боясь преслѣдованій, крестился и исповѣдывалъ новую вѣру.

Но іезуиты не умѣли удержаться на своемъ мѣстѣ, и такое положеніе дѣлъ было непродолжительно. Безпрестанныя ссоры ихъ съ послѣдователями Конфуція, интриги при дворѣ, жалобы, наконецъ исканіе духовнымъ путемъ чисто житейскихъ цѣлей,—все это было причиной охлажденія къ нимъ императора. Наслѣдникъ же Канъ-Хи, Юнгъ-Тчинъ, началъ настоящія гоненія. Онъ излилъ на христіанъ всю злобу, накопившуюся въ душѣ его во время послѣдняго царствованія. Церкви снова были разрушены, общины христіанскія разсѣяны, миссіонеры изгнаны.

Черезъ два года де-Малья писалъ во Францію: «Что́ долженъ я писать къ вамъ въ томъ униженномъ положеніи, въ которомъ нахожусь теперь? Какъ описать вамъ грустныя сцены, разыгрывающіяся въ глазахъ нашихъ? Чего мы нѣсколько лѣтъ опасались, что́ часто предсказывали, то наконецъ исполнилось. Наша религія въ Китаѣ преслѣдуется; всѣ миссіонеры, кромѣ двухъ въ Пекинѣ (они были математики и удержаны тамъ какъ ученые), изгнаны изъ государства; церкви разрушены и употребляются для грязныхъ службъ; издаютъ эдикты, въ которыхъ грозятъ строгимъ наказаніемъ китайцамъ за принятіе крещенія. Вотъ положеніе, достойное жалости, въ которомъ находится миссія, послѣ двухсотлѣтнихъ усилій и столькихъ трудовъ!»

Китайцы, твердые въ своихъ старыхъ преданіяхъ, мало выказали энергіи въ дѣлѣ вѣры; христіанство не пустило корней въ этой безплодной почвѣ.

Долгое царствованіе Кіенъ-Лона (Kien-long) напомнило было времена Канъ-Хи; миссіонеры снова получили зна-

Ning-Po.

26

ченіе, распространеніе евангелія продолжалось, иногда только терпимое, иногда защищаемое. Но политическія дѣла Европы снова помѣшали развитію миссіи, и едва совсѣмъ не потухъ свѣтъ вѣры на крайнемъ Востокѣ. Во время революціи о немъ забыли. Миссіонеры умирали, и некому было наслѣдовать имъ, а китайцы-христіане, предоставляемые самимъ себѣ, выказали много слабости при гоненіяхъ, возникшихъ вновь со вступленіемъ на престолъ Кіа-Кинга.

Несмотря на такія неудачи и несбывшіяся надежды, католическая миссія не теряла мужества. Едва обстоятельства улучшились, поборники евангелія снова переплыли моря, разсѣялись по всей странѣ, ревностно отыскивая остатки вѣры, старались возродить въ бывшихъ христіанахъ упадшій духъ и энергію, и продолжали на своемъ апостольскомъ странствованіи новый посѣвъ. Первою ихъ заботой было собрать разрозненныхъ христіанъ, и укрѣпить ихъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Тридцать лѣтъ прошло, и, въ тишинѣ, образовались новыя общины. Изъ восьмнадцати провинцій Китая, въ это время каждая имѣла викаріатство, при которомъ основывалось нѣсколько школъ для воспитанія дѣвочекъ и мальчиковъ, семинарія для образованія молодыхъ духовныхъ, и общества для крещенія умирающихъ дѣтей и для пріюта оставленныхъ.

Миссіонеры тайно, со всею предосторожностію, проникаютъ внутрь государства; не возбуждая подозрѣнія, ходятъ они отъ общины къ общинѣ, обучая новоизбранныхъ, совершая таинства и всячески поддерживая рвеніе учителей и учениковъ. Каждая община имѣетъ своего главу, который выбирается изъ болѣе-достойныхъ; онъ имѣетъ непосредственное вліяніе на вѣрующихъ, знакомитъ ихъ съ истинами религіи, и побуждаетъ отказываться отъ суевѣрія буддизма.

Этой системѣ слѣдуютъ католическіе миссіонеры; результаты есть, но очень слабые,—число христіанъ увеличивается медленно. А какъ тверды эти христіане въ своей вѣрѣ, мы это видѣли; небольшое дуновеніе вѣтра, и все зданіе, на которое употреблено столько усилій, разваливалось, и слѣда отъ него не оставалось. По свидѣтельству миссіонеровъ, въ Китаѣ *800 000* христіанъ,—цифра очень незначительная въ отношеніи къ народонаселенію (300 000 000 жителей), и то, по всему вѣроятію, цифра эта преувеличена.

Протестантскіе миссіонеры ограничивали свою дѣятельность городами Макао и Кантономъ, но послѣ нанкинскаго трактата они распространили ее нѣсколько далѣе. Миссіонеры-врачи дѣйствуютъ вмѣстѣ съ ними и приносятъ большую пользу, излечивая господствующія въ странѣ болѣзни и поучая въ то же время слову Божію. Протестанты распространяютъ въ безчисленныхъ экземплярахъ переведенную на китайскій языкъ Библію, чему особенно содѣйствовалъ Медгерстъ (Medhurst), извѣстный знатокъ китайскаго языка; онъ привезъ въ Шанхай типографію, и самъ печатаетъ проповѣди и Священное писаніе. Въ Шанхаѣ же славился госпиталь доктора Локкарта (Lockhart, отъ лондонскаго миссіонерскаго общества), постоянно полный китайцами, которыхъ лечили безденежно и со всевозможнымъ стараніемъ.

Но, несмотря на все это, большинство равнодушно ко всякой религіи.

Естественно возникаетъ вопросъ, отчего такая безплодность проповѣди? Конечно, неблаговоленіе правительства имѣетъ въ этомъ случаѣ большое вліяніе; боязливые и малодушные китайцы не смѣютъ нарушить запрещенія; но, кажется, можно было бы убѣдить *Сына Неба* дозволить свободу вѣроисповѣданія, потому что въ сущности онъ равнодушенъ ко всякому вѣрованію; ограничиваясь внѣшними обрядами, онъ, вмѣстѣ съ дворомъ и со всѣмъ на-

родомъ, ни во что́ не вѣритъ. Императоръ Тао-Куангъ, при восшествіи на престолъ, объявилъ, что допускаетъ всѣ вѣроисповѣданія, включая и христіанство, прибавивъ, что всѣ религіозныя убѣжденія — чистый вздоръ, и что самое лучшее ни во что́ не вѣрить.

Китаецъ можетъ быть про себя послѣдователемъ Будды, Конфуція, Лао-дзы, или Магомета; запрещаются только секты, имѣющія политическую цѣль. Къ несчастію, христіанство причисляется къ послѣднимъ, и трудно дать точное и вѣрное понятіе о немъ правительству. На миссіонеровъ смотрѣли какъ на основателей тайныхъ обществъ, и чѣмъ болѣе обнаруживали они рвенія и симпатіи, тѣмъ боязливѣе, недоброжелательнѣе и подозрительнѣе становилось правительство, смотрѣвшее на это съ своей точки зрѣнія, и само неставившее ни во что́ религіозные интересы. Въ его глазахъ, смѣшно было предпринимать далекое путешествіе и претерпѣвать столько лишеній для того, чтобы безденежно учить молитвамъ и средству спасти свою душу. Оно видѣло, что европейцы, проповѣдывающіе христіанство, вездѣ владычествуютъ, гдѣ бы ни поселились. Оно видѣло испанцевъ на Филиппинскихъ островахъ, голландцевъ на Явѣ и Суматрѣ, португальцевъ по близости, и англичанъ вездѣ.

Въ 1724 году, еще императоръ Юнгъ-Тчинъ говорилъ патеру де-Малья (de-Mailla) между прочимъ: «Вы говорите, что ваше ученіе истинно; я вѣрю вамъ; еслибъ я его считалъ за ложное, кто бы мнѣ помѣшалъ разрушить ваши церкви и прогнать васъ? Лживое ученіе то, которое подъ маской добродѣтели дышитъ духомъ возстаній и бунта, какъ ученіе *Пеліенъ кіао* (секта бѣлыхъ ненюфаровъ). Но что́ скажете вы, если я къ вамъ, въ вашу страну пришлю своихъ бонзъ и ламъ проповѣдывать? Какъ вы ихъ примете? Вы хотите, чтобы всѣ китайцы сдѣлались христіанами? Я знаю, ваше ученіе этого требуетъ; но что изъ этого выйдетъ? Они

сдѣлаются подданными вашихъ королей. Люди, которые васъ слушаютъ, знаютъ однихъ только васъ. Во время возстанія они будутъ слушать только вашъ голосъ. Я знаю, что теперь нечего бояться; но когда корабли начнутъ приходить изъ-за тысячи миль, тогда безпорядки будутъ большіе...»

Безпрестанныя преслѣдованія конечно были достаточными препятствіями для обращенія китайцевъ, но это не главное; было время,когда преслѣдованій не было. Канъ-Хи самъ писалъ въ пользу христіанства, строилъ церкви, и проповѣдники могли, снабженные императорскими письмами, разъѣзжать по цѣлой странѣ, и даже сами могли оказывать покровительство. Но, несмотря на это, кромѣ холодности и равнодушія, они ничего не нашли въ народѣ.

Въ пяти портахъ, открытыхъ европейцамъ, существуетъ совершенная свобода вѣроисповѣданій; она поддерживается европейскими консулами и постояннымъ присутствіемъ военныхъ судовъ, и при всемъ томъ число христіанъ не увеличивается больше, нежели во внутреннихъ провинціяхъ. Въ Маниллѣ, Сингапурѣ, Батавіи, Пуло-Пенангѣ, гдѣ большинство народонаселенія состоитъ изъ китайцевъ, конечно, не боятся преслѣдованій, но и здѣсь число прозелитовъ не прибываетъ. Въ Маниллѣ, правда, китаецъ крестится, чтобы жениться на тагалкѣ,—безъ этого вѣнчать не станутъ; но онъ, при этомъ условіи, такъ же охотно сдѣлался бы магометаниномъ. Если ему приходится возвращаться въ Китай, то онъ оставляетъ жену, дѣтей и религію, и приходитъ домой такъ, какъ ушелъ оттуда, то-есть безъ вѣры и безъ мысли о душѣ и безсмертіи. Матеріализмъ въ природѣ китайца, и это, конечно, главная и единственно важная причина медленнаго распространенія христіанства въ Китаѣ. Китаецъ погруженъ въ ежедневные свои интересы; выгода и барышъ—его единственная цѣль, къ которой устремлены всѣ его желанія. Духовному онъ

не вѣритъ, не занимается и не хочетъ имъ заниматься. Если онъ и читаетъ религіозную книгу, то читаетъ изъ любопытства, для развлеченія, чтобъ убить время; она служитъ для него такимъ же занятіемъ, какъ куреніе табаку или питье чаю. Въ своемъ равнодушіи ко всему нематеріяльному, китайцы зашли такъ далеко, что они даже не заботятся, истинно ли ученіе вѣры или нѣтъ, хорошо или дурно; религія у нихъ—мода, которой можно слѣдовать и не слѣдовать. И миссіонеры, послѣ столькихъ усилій и труда, имѣютъ одно утѣшеніе сказать, что гласъ ихъ раздается въ пустынѣ.

А между тѣмъ, дѣла съ опіемъ пошли очень быстро!.. Впрочемъ, этотъ предметъ такъ обширенъ, что можетъ повести слишкомъ далеко; а мы еще не дошли до конца узкой улицы, на которой можетъ быть натолкнемся на что-нибудь другое.

Вотъ еще лавчонка; слышенъ звукъ серебра; не мѣняло ли? Войдемъ. Въ лавкѣ, видно, торгуютъ столярными произведеніями. Доски, ящики, весла, запахъ крѣпко-душистаго дерева. Два китайца, сидя на корточкахъ, близъ горящихъ углей, кладутъ клейма на американскіе и испанскіе доллары; одинъ приложитъ клеймо, другой хватитъ молотомъ, и долларъ летитъ со звономъ въ сторону, гдѣ набросана ихъ уже порядочная куча. Хозяинъ лавки, вѣроятно, банкиръ. Въ Китаѣ, изъ иностранныхъ монетъ ходятъ только серебряныя, преимущественно американскіе доллары и испанскіе талеры, и только тѣ, которые имѣютъ штемпель какого-нибудь китайскаго банкира, пользующагося кредитомъ. Между ходячею монетой очень много фальшивой, и расплачиваться съ китайцемъ совершенная мука: всякую монету онъ непремѣнно взвѣситъ на рукѣ, и какъ скоро она покажется ему сомнительною, звякнетъ ею по полу, разсмотритъ, подумаетъ, конца нѣтъ!

Улица упирается въ стѣну, некуда идти, нѣтъ исхода изъ этого корридора, нѣтъ простора, гдѣ бы можно было хоть вздохнуть порядочно. Пройдемте черезъ узенькій проходъ, который мы и не замѣтили бы, но намъ указалъ его шедшій сзади насъ лодочникъ. Прошли, но и тамъ, сейчасъ за домами, тянется каналъ, весь покрытый тѣсно-столпившимися лодками и *шампанками*; на каждой своя семья, домъ, своя посуда, свое грязное бѣлье, и разная нечистота, несмотря на домовитыя усилія хозяекъ, моющихъ и вытирающихъ всѣ углы своего качающагося жилища. Въ этотъ каналъ, дома, смотрящіе на улицу каменными фасадами, упираются деревянными клѣтушками и надстройками на высокихъ сваяхъ. Не заглядывайте въ тѣнь этихъ свай, въ затишье этихъ зеленыхъ водъ... Но по крайней мѣрѣ за каналомъ блеститъ изумрудная зелень рисоваго поля, а за полемъ группы деревьевъ, изъ-за которыхъ поднимаетъ свою остроконечную верхушку высокая пагода. Дальше разливы и изгибы широкой рѣки, блещущей какъ сталь, или какъ отливъ черныхъ волосъ; еще дальше воздушныя громады рисующихся горъ, съ ихъ легкими контурами, съ переливами и игрой красокъ и тѣней; на нихъ игралъ послѣдній лучъ заходившаго солнца,—все это было поразительно хорошо и отрадно, по выходѣ изъ смрадной, тѣсной и грязной улицы.

На клиперъ возвращаться было еще рано, мы зашли посидѣть на балконѣ космополита-трактирщика. У него есть и жена, единственная женщина въ европейскомъ костюмѣ во всемъ Нью-таунѣ (семейство Купера живетъ на блокшивѣ); но эта единственная представительница европейскаго нѣжнаго пола не можетъ похвалиться ни красотой, ни граціей.

Съ балкона прекрасный видъ; видны почти всѣ суда, стоящія по рѣкѣ, противоположный берегъ съ доками и холмами, а вдали лѣса и горы. На рѣкѣ движеніе; нѣ-

сколько китайскихъ джонокъ идутъ по теченію, одна за другой, нагруженныя до послѣдней возможности; на ставшихъ на якоряхъ джонкахъ началась вечерняя музыка; иногда послышится послѣдовательное лопанье чинъ-чина, носовой крикъ разнощика, что-то продающаго на своей небольшой лодочкѣ и появляющагося только по вечерамъ, а иногда и ночью. «Каато!» вдругъ раздается среди ночной тишины у самаго клипера, и кто-нибудь, еще не заснувъ, узнаетъ по носовому и дребезжащему звуку знакомаго, но загадочнаго разнощика; во все время нашей стоянки никто не могъ догадаться, чѣмъ торговалъ онъ.

Гдѣ-нибудь на лѣсенкѣ, спустивъ свои ноги въ воду, задумался меланхолическій китаецъ. Тихо напѣваетъ онъ грустную пѣсню... «Самъ, самъ, амъ, амъ...» напѣваетъ онъ, и можетъ-быть, это самыя чувствительныя слова; въ нихъ выражаетъ онъ свои воспоминанія о родинѣ, о далекомъ дѣтствѣ, о первой любви. Точно такъ же непонятенъ и недоступенъ китайцу самый выразительный мотивъ Россини! Внезапною ли грустью вдругъ охватилось его сердце, накипаютъ ли горячія слезы на взволнованной душѣ его? Или тихою грустью откликнулось прошедшее, уничтоженное счастіе? Однообразно идутъ дни его, бѣдность давитъ, потребность механической работы сводитъ человѣка на степень животнаго: гдѣ же исходъ, гдѣ утѣшительный свѣтъ вдали, гдѣ спасительное слово? Грустно, если у нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ людей не гнѣздится въ душѣ никакихъ вопросовъ жизни, и если нѣтъ возможности отвѣчать на нихъ хотя сколько нибудь.

На нашей лодкѣ, привязанной у пристани, идутъ разговоры; хозяйка все еще угощаетъ гостью свою чаемъ; мальчикъ помахалъ зажженною бумагой надъ водой, и потомъ, бросивъ ее въ тихо плещущія волны, свернулся калачикомъ и смирно заснулъ. Атомъ и его маленькая гостья давно уже спятъ. Съ противоположнаго берега долетаютъ звуки

трубы, играющей вечернюю зорю; съ судовъ свистки, дающіе знать о какомъ-нибудь движеніи; иногда прошумитъ канонирка, спѣшащая зачѣмъ-то въ Кантонъ, и черная полоса дыма далеко стелется за нею. Скоро все успокоивается, кромѣ тазовъ и тарелокъ воинственныхъ джонокъ; онѣ еще не скоро угомонятся, потому что теперь новолуніе, и ему хотятъ воздать подобающую честь.

Такъ проходили дни за днями.

21-го сентября мы оставили наконецъ гонъ-конгскій рейдъ, и снова начались штормы, качки и вся та благодать, которая называется «впечатлѣніями морской жизни».

ОТЪ БУХТЫ СВ. ВЛАДИМІРА ДО АМУРА.

ФОРМОЗА. — МАНЧЖУГСКІЙ БЕРЕГЪ. — НА МЕЛИ. — БУХТА СВ. ВЛАДИМІРА. — ЕЯ ЖИТЕЛИ. — ТИХАЯ ПРИСТАНЬ. — ИМПЕРАТОРСКАЯ ГАВАНЬ. — КЛАДБИЩЕ. — ОРОЧИ. — ЖЕНЬ-ШЕНЬ. — ЛЕДЪ. — САХАЛИНЪ. — КАМЕННОУГОЛЬНЫЯ КОПИ. — ЗАЛИВЪ ДЕ-КАСТРИ. — АМУРСКІЙ ЛИМАНЪ. — АМУРЪ. — НИКОЛАЕВСКЪ. — ОПТИМИСТЫ И ПЕССИМИСТЫ. — НИКОЛАЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Погода стояла туманная и холодная; рѣзкій вѣтеръ гналъ разорванныя облака; острая волна лизала съ боковъ клиперъ; вдали рисовались неясные очерки пустыннаго берега, по розбросаннымъ возвышеніямъ котораго, мѣстами, бѣлѣлся снѣгъ; было холодно, негостепріимно и сыро.

43-й день боролись мы съ противнымъ NO муссономъ, завоевывая у него каждый шагъ и лавируя настойчиво. Едва скрылся изъ вида Гонъ-Конгъ, какъ засвѣжѣлъ вѣтеръ, и нѣсколько дней качались мы подъ штормовыми триселями, держась бейдевиндъ, глотая вливавшіяся волны. Впрочемъ, мы давно привыкли къ нимъ; кто *ходилъ* на клиперѣ, тотъ съ ними долженъ быть коротко знакомъ. Дойти до острова Формозы (около 300 миль) стоило намъ больше двухъ недѣль; за нимъ мы спрятались отъ свирѣпствовавшаго въ Тихомъ океанѣ шторма. Зеленые берега острова смотрѣли заманчиво; но намъ оставалось ограничиваться убѣжденіемъ, что на берегу лучше, не-

жели въ морѣ, и качаться, разсматривая въ зрительныя трубы хижины и зеленѣвшіе около нихъ огороды, а иногда мелькавшія между деревьями и грядами человѣческія фигуры; въ нихъ мы легко узнавали китайцевъ, по ихъ остроконечнымъ шляпамъ.

Формоза, казалось, не хотѣла выпускать насъ изъ теплыхъ морей, изъ теплыхъ странъ, гдѣ надолго оставляли мы то, что́ придаетъ прелесть путешествіямъ, а именно тропическое солнце, тропическое тепло и тропическія ночи. Наконецъ обогнули и Формозу: потянулись однообразные дни; становилось холоднѣе; южныя созвѣздія отставали отъ насъ; охлаждалось и воображеніе, настроенное, можетъ-быть, ложно, но все-таки настроенное чудесами крайняго востока. Заходящее солнце уже не дарило насъ волшебными цвѣтами; оно скрывалось за свинцовыми облаками, какъ-то будничнѣе и проще; надо было думать о тепломъ костюмѣ. Правда, бывали дни теплые и свѣтлые, но тогда мы согрѣвались только физически. Вдали, какъ тѣни, мелькали и постепенно скрывались группы острововъ Маджико-Сима и Ликейскихъ; иногда ждешь увидѣть камень или островъ, и вотъ онъ дѣйствительно показывается — сначала привычнымъ морскимъ глазамъ — какимъ-то дальнимъ намёкомъ; потомъ дѣлается, по мѣрѣ приближенія, существующимъ фактомъ, и наконецъ скрывается опять, не оставляя даже по себѣ и воспоминанія; развѣ мимоходомъ попрекнетъ его штурманскій офицеръ за то, что онъ сидитъ не тамъ, гдѣ назначенъ на картѣ. Ближе другихъ острововъ мы видѣли *Сѣрный* (Isle de Souffre), еще курящійся волканъ, приподнявшійся со дна морскаго, какъ и всѣ, разсѣянные по здѣшнимъ морямъ, островки. Кратеръ его былъ ясно видѣнъ, и слышенъ былъ сѣрный запахъ. Кудрявая зелень цѣплялась по трещинамъ волканической массы, и дымъ медленно разстилался по обширному цирку. Видѣли

и *Квельпартъ*, вершина котораго скрывалась въ облакахъ; день былъ ясный, ровный вѣтеръ надувалъ паруса, и клиперъ, давно не испытывавшій попутнаго дуновенія, весело рѣзалъ море, накренившись и слабо содрогаясь. Сзади туманъ сгустился въ темную массу; на ея фонѣ показалось бѣлое облако, которое стало принимать форму воронки и бѣлою лентой спускаться къ водѣ; мгновенно образовался смерчъ, получившій теперь быстрое, наступательное движеніе. Мы зарядили орудіе, но проливной дождь въ той сторонѣ залилъ и разбилъ непріятнаго для насъ, новаго морскаго знакомаго. Надъ нами небо было чисто, но приказано было убирать паруса, и, только что отдали нѣсколько снастей, какъ налетѣлъ такъ-называемый «бѣлый шквалъ», то-есть шквалъ при ясномъ небѣ, безъ облака. Какъ смерчъ, такъ и шквалъ шли изъ Желтаго моря.

Но вотъ прошли и Корейскій проливъ, видѣвъ вдали берега Китая и Японіи, и стали приближаться къ 40°. Насъ ждала дикая, почти неизвѣстная страна, можетъ-быть очень любопытная, но негостепріимная и, для насъ, холодная. Она давала уже знать о себѣ пониженіемъ температуры, снѣгомъ и изморозью. Вотъ наконецъ и берегъ, выглянувшій изъ-за тумановъ снѣжными горами и скалистыми обрывами. На ночь приближаться къ нему было опасно, и мы держались подъ малыми парусами; только утромъ, когда уже разсвѣло, мы приблизились и пошли вдоль берега. Это было 3-го ноября.

Сжималось какъ-то непріятно сердце при видѣ отвѣсныхъ стѣнъ песчаника и базальта; горе мореплавателю, разбившемуся у этихъ береговъ. Мѣстами, бухты углублялись вдаль; на второмъ планѣ, тянувшіяся цѣпи горъ были покрыты рѣдкимъ лѣсомъ, листъ котораго уже опалъ, и стволы деревъ чернѣли на бѣлыхъ снѣговыхъ глыбахъ, разбросанныхъ по разсѣлинамъ и вершинамъ;

мѣстами зеленѣлъ ельникъ, кедровникъ, но эта зелень болѣе мертвила, нежели оживляла суровую природу. За то разнообразны были каменные уступы; то смотрѣли они исполинскими стѣнами, какъ-будто сложенные изъ набросанныхъ гигантами обломковъ и кусковъ, то иглились остроконечными вершинами, то разсыпались отдѣльными блоками, изъ которыхъ иные выказывали изъ воды свою сѣроватую, рѣзкую фигуру. Чернѣвшійся, какъ буквы китайской азбуки, въ капризныхъ извилинахъ трещины, свинцовый цвѣтъ отдаленія съ ярко-блистающимъ снѣгомъ, рѣзко отдѣлявшимся своею бѣлизной отъ мрачнаго тумана, нависшаго на отдаленныхъ вершинахъ, представлялъ картину мрачную, строгую; ни одной линіи, пріятно ласкающей взглядъ, ни одного тона нѣжнаго и легкаго. Въ этой странѣ надо жить гигантамъ, съ закаленною природой и съ желѣзною волей. Но не только гиганты, даже мѣстные *уй-пи-да-цзы* (жители сѣверныхъ странъ, одѣвающіеся въ рыбьи шкуры) удалились внутрь страны, далеко перешагнувъ за отроги *Сихете-Алине*, какъ называется крайній хребетъ нагорной восточной Азіи, суровыя скалы котораго разсматривали мы, отыскивая Владимірскую бухту... Эти берега со стороны моря смотрятъ какою-то преградой, какъ будто стерегутъ лежащую за ними страну, до сихъ поръ не допуская къ ней европейца. Изъ прежнихъ путешественниковъ, неоставившихъ въ покоѣ ни одного клочка земли, только двое видѣли этотъ берегъ, — Лаперузъ въ 1787 и Браутонъ въ 1797 г.; оба они согласно говорятъ о мрачномъ впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ этою страной. Сколько позволяли судить туманы, они видѣли скалы, нѣсколько бухтъ, но ни одной рѣчной долины, ведущей изъ внутренности страны къ берегу, отъ котораго живущіе туземцы отдѣлены были скалистыми горами и густыми лѣсами. Обнаженныя горы казались имъ съ моря непри-

ступными и совершенно необитаемыми. Эти горы тянутся отъ 42° сѣверной широты въ горизонтально-наслоенныхъ мощныхъ пластахъ, возвышаясь отъ 3 600 до 4 200 футовъ надъ поверхностью моря.

Но, кажется, приходитъ то время, когда и въ этихъ разсѣлинахъ начнутъ виться гнѣзда; современемъ, можетъ-быть, выростутъ города, и портъ, болѣе гостепріимный, чѣмъ Владимірская бухта, встрѣтитъ пришедшее съ моря судно.

Внимательно всматриваясь въ очертанія берега, мы увидѣли бѣлый вельботъ, показавшійся вдругъ изъ-за одного выступившаго къ морю утеса. Стало быть, бухта здѣсь. Но по очертаніямъ не видно берега, углубленія обманчивы, и мысы, раздѣльные на самомъ дѣлѣ, кажутся слившимися вмѣстѣ. Однако вельботъ говорилъ о присутствіи живыхъ существъ и даже больше, — вѣроятно и о присутствіи клипера *Стрѣлокъ*, который мы должны были встрѣтить въ бухтѣ. Входъ сторожили двѣ отвѣсныя скалы: лѣвая — точно готическое зданіе съ маленькими башнями; правая выступала отдѣлившимся отъ общей массы блокомъ, о который разбивалась морская волна. Мы спустились, то-есть повернули, и скоро бухта стала обозначаться. Въ серединѣ она какъ бы раздваивалась выступившимъ впередъ мысомъ. Показались мачты — только корвета *Воевода*, а не *Стрѣлка*, какъ мы ждали. На вельботѣ же выѣхалъ къ намъ командиръ его.

Общее расположеніе духа было такое, какое всегда бываетъ послѣ долгаго и утомительнаго перехода, когда увидишь наконецъ пристань, и *милая* суета на палубѣ, предшествующая отдачѣ якоря, вамъ кажется и не крикливою и не скучною. Кто принаряжается, кто приводитъ бороду въ порядокъ, обѣдъ не въ обѣдъ, спѣшатъ коекакъ его окончить. Кончились качки, дождевые плащи можно спрятать; всякій увѣренъ въ спокойномъ снѣ; еще

нѣсколько минутъ, и раздастся пріятный звукъ команды: «отдай якорь», и цѣпь чуть не съ музыкальнымъ звукомъ полетитъ ко дну. Пріятное ощущеніе! Но не такъ вышло; извѣстно, что всякая непріятность является тогда, когда ее меньше всего ожидаешь. Доѣдая послѣдній кусокъ торопливаго обѣда, услыхали мы какой-то подозрительный трескъ. «Мы на мели!» сказалъ кто-то.

— Что вы? на мели!—чуть не съ ожесточеніемъ отвѣчали всѣ; но повторившійся трескъ и наверху команда: «полный задній ходъ», убѣдили всѣхъ въ справедливости непріятнаго факта. Мы, что̀ называется, врѣзались. Клиперъ не двигался. Итакъ, вотъ чѣмъ насъ встрѣтила Владимірская бухта,—рифомъ, невѣрно назначеннымъ на картѣ, въ виду отвѣсныхъ скалъ, смотрящихъ такъ непривѣтливо, даже грозно.

Я вышелъ наверхъ: авралъ кипѣлъ; шлюпки спускались одна за другою на воду, полетѣлъ запасный рангоутъ за бортъ, реи съ фокъ-мачты спускались на палубу, команда тянула за конецъ брошеннаго за кормою якоря; клиперъ кряхтѣлъ, покачивался, но не двигался съ мѣста.

Погода стала портиться, небо заволокло тучами; пошелъ снѣгъ, изморозь; волненіе стало разводить сильнѣе и сильнѣе; приподниметъ клиперъ и опуститъ, а въ корму раздается непріятный ударъ. На палубѣ и на снастяхъ ледъ; мокро и холодно. «Если разобьетъ клиперъ, говоримъ мы, то до берега саженей десять, переплыть можно; и хотя можетъ-быть не всѣ попадутъ туда, но все лучше, чѣмъ разбиваться гдѣ нибудь среди океана; тутъ еще небольшая бѣда.» Дунетъ вѣтеръ, на время расчистится окрестность, покажется каменная, непривѣтливая стѣна берега, и опять снѣгъ, какъ бѣлый саванъ, окутаетъ его, и снова ничего невидно; и холодно, и какъ-то очень непріятно. Съ моря волна увеличивается; свѣжѣетъ, дѣло уже къ ночи, удары

въ корму повторяются чаще, и мачты отликаются на каждый ударъ судорожнымъ вздрагиваніемъ, которое сопровождается выхлестываніемъ вантъ. Мало оставалось надежды; капитанъ приказалъ *выпалить* изъ пушки, раздался выстрѣлъ, можетъ-быть первый въ этихъ мѣстахъ, и первый выстрѣлъ былъ сигналомъ бѣдствія. Велѣно было зарядить другую пушку, но вмѣсто выстрѣла услышали мы крикъ лотоваго: «назадъ пошелъ!» крикъ, возвратившій насъ къ жизни, или по крайней мѣрѣ къ покою. Сильная волна приподняла клиперъ кверху, а дѣйствовавшая въ этотъ моментъ заднимъ ходомъ машина оттянула его отъ рифа. Носъ покатился вправо, винтъ застучалъ, судно почувствовало себя легко на родной, свободной стихіи; зажглись фалшфейеры, на которые отвѣчалъ *Воевода* для показанія своего мѣста; мы, прикрытые темнотой и вьюгой, вошли въ бухту, и наконецъ якорь весело полетѣлъ ко дну. Чтобы понять, какъ намъ было легко и пріятно, надо провести подобный безнадежный день. За то, какъ же мы и отдохнули!..

Владимірская бухта находится на восточномъ берегу земли, уступленной намъ китайцами по айгунскому трактату. Открытая графомъ Путятинымъ, который осмотрѣлъ ее на пути въ Китай, она лежитъ подъ 43° 54′ с. ш. Всѣ мысы и выступающія скалы получили имена офицеровъ, находившихся на пароходѣ *Америка*. Съемка была сдѣлана поверхностно, какую можно было сдѣлать въ нѣсколько дней. Бухта раздваивается срединнымъ мысомъ на двѣ части, на сѣверную и южную бухту; между обступившими ее холмами попадаются долины, удобныя для устройства доковъ и для города; къ сѣверной бухтѣ примыкаетъ обширная долина, на которой, извиваясь нѣсколькими руслами, прячась въ рощахъ и камышахъ, течетъ капризно горная рѣка. Зимою или во время дождей, она, по всей вѣроятности, затопляетъ все низменное простран-

ство. По горамъ растетъ рѣдкій лѣсъ, состоящій изъ дуба, березы и кедра; много слѣдовъ пастбищъ и сожженныхъ деревьевъ.

Нѣкоторые офицеры съ корвета *Воевода* ходили внутрь страны, верстъ за 50,—сначала долиною, потомъ перешли черезъ хребетъ горъ и не встрѣтили ни деревни, ни жилья, кромѣ нѣсколькихъ хижинъ, разбросанныхъ по берегу бухты. Изъ дичи видѣли небольшое стадо дикихъ козъ, поднявшееся отъ нихъ далеко и исчезнувшее мгновенно. Рѣку они нашли въ нѣсколькихъ мѣстахъ запруженною, и баснословное количество рыбы, остановленной плотинами, частью выброшенной на берегъ и гніющей. Запахъ издалека давалъ знать объ этихъ мѣстахъ.

На другой день утромъ волненіе стихло; длинный бурунъ ходилъ по тому мѣсту, гдѣ мы стояли на мели. Выброшенный за бортъ рангоутъ прибило къ берегу, послана была шлюпка собрать его. Я воспользовался ею и поѣхалъ осмотрѣть бухту. Бухта могла бы быть превосходною, если бы приложить нѣкоторое стараніе. Она велика, глубина умѣренная и ровная, грунтъ тоже хорошъ: но въ ней разводитъ сильное волненіе, такъ что суда, которымъ придется зимовать здѣсь, должны быть всегда наготовѣ. Этому можно помочь, выстроивъ молъ хоть бы на нашемъ знакомомъ рифѣ; тогда рейдъ сдѣлался бы покойнымъ и безопаснымъ; укрѣпить эту бухту тоже легко; скалы мысовъ сами просятся подъ бастіоны и теперь уже смотрятъ грозными и неприступными твердынями, на которыя можно надежно опереться. Зимою бухта замерзаетъ мѣсяца на два.

На клиперъ пріѣхали туземцы на длинной, сколоченной изъ досокъ, лодкѣ. Это были китайцы, по всей вѣроятности бѣглые, потому что китайцамъ переходъ черезъ Манчжурію запрещенъ. На головахъ, украшенныхъ косами, были у нихъ соболиныя шапочки; остальной костюмъ былъ

какой-то безформенный; онъ могъ принадлежать всякой народности, обусловленный случайностію и климатомъ. Что-то похожее на сѣрый армякъ, на ногахъ изъ тюленьей шкуры родъ гетръ, и изъ той же шкуры башмаки—обувь, извѣстная у насъ въ Сибири подъ именемъ *торбасовъ*; на поясѣ коротенькая трубочка, кожаный мѣшечекъ для табаку и еще какія-то бездѣлки. Въ ушахъ серьги, въ косу вплетены пуговки и побрякушки. Лицо старшаго было типомъ китайской физіономіи: съ двумя линіями вмѣсто глазъ, съ широкими скулами, съ рѣденькими усами и бородкой. Другой былъ юноша, болѣе смуглый; полнота его молодаго лица скрадывала угловатыя черты, такъ рѣзко выступавшія у старшаго: они привезли рыбу, родъ лосося, которую вымѣнивали на пуговицы и старое платье. Въ обращеніи они были очень развязны. «Шангалды, шангалды,» говорили они, если были довольны вещію; «пу шангалды», если нѣтъ; причемъ трясли головой и мотали руками.

Намъ захотѣлось сдѣлать имъ визитъ и вмѣстѣ посмотрѣть на ихъ бытъ и на близъ-лежащую мѣстность; разъ, утромъ собрались мы, взявъ съ собою холодный обѣдъ и другія принадлежности, могущія сдѣлать прогулку пріятною. Сначала шли на барказѣ, вдоль берега, до сѣверной бухты, огибая мысы и скалы. Въ сѣверной бухтѣ вышли на берегъ, оставивъ барказъ на дрекѣ. Первая попавшаяся хижина выстроена была довольно крѣпко; она состояла изъ двухъ отдѣленій: первое родъ кладовой, гдѣ висѣла юкола (сушеная рыба); по угламъ сложена разная рухлядь. Въ другомъ отдѣленіи было самое жилье. Печь шла низкимъ боровомъ кругомъ стѣны, и на ней устроены были широкія нары; это была извѣстная *к'анъ*, необходимая принадлежность хижины манчжура или уй-пи-да-цзы, людей, живущихъ въ холодныхъ странахъ. По угламъ и безчисленнымъ полкамъ очень много плетеной изъ прутьевъ посуды, обмазанной глиной и сдѣланной очень искусно, и просто

деревянной. Въ одномъ углу родъ молельни, что-то изъ фольги и бумаги, но покрытое, какъ и все въ хижинѣ, копотью и дымомъ, отчего все смотрѣло чѣмъ-то неопредѣленнымъ. На стѣнѣ висѣло китайское ружье съ фитилемъ. Весь внутренній бытъ комнаты совершенно былъ таковъ, какъ его описалъ Лаперузъ, посѣщавшій подобныя хижины въ де-Кастри и на Сахалинѣ: или они жили по Лаперузу, или съ того времени ни на шагъ не двинулась ихъ прозябающая, лишенная всякаго смысла жизнь? Посмотрите на хозяина, того самаго старика, что̀ былъ вчера у насъ на клиперѣ; сидитъ онъ въ сторонѣ и ни на кого не смотритъ, хотя много могъ бы увидѣть интереснаго; неужели не удивили, или не заняли мы его ни своими лицами, на ихъ лица нисколько непохожими, ни костюмомъ, ни револьверами, ни жжонкой, наконецъ, которую варили у него на нарѣ по всѣмъ правиламъ искусства? Мнѣ показалось это равнодушіе искусственнымъ. Оно принято и развито у всѣхъ азіятскихъ народовъ, но, кажется, показываетъ начало и нашего «себѣ на умѣ», которое мы наслѣдовали, вѣроятно, отъ монголовъ. Я подмѣтилъ у хозяина два или три взгляда, брошенныхъ имъ искоса такъ лукаво и такъ насмѣшливо! Разстались мы друзьями; каждому изъ насъ онъ подарилъ по сушеной рыбѣ.

Близъ хижины, за изгородью, паслись два красивые пестрые быка, нѣсколько куръ прохаживались въ разныхъ направленіяхъ. Несмотря на всѣ наши просьбы, хозяинъ не продавалъ быковъ, знаками показывая, что когда нападетъ снѣгъ, то на нихъ онъ удалится внутрь страны и увезетъ на саняхъ весь свой скарбъ.

Въ печахъ, устроенныхъ особнякомъ на берегу, жители выпариваютъ изъ морской воды соль; по всему, однако, видно было, что это временные жильцы; ихъ присылаютъ сюда изъ деревень для сушенія рыбы, добыванія соли и ловли моллюсковъ, изъ которыхъ самымъ лакомымъ счи-

тается *хай-мень*. Далѣе по берегу виднѣлось около пяти хижинъ; всѣ онѣ были похожи одна на другую, только быковъ мы уже не видали: тѣ два быка были единственные. На чемъ же уѣдутъ хозяева этихъ хижинъ, узнать было не отъ кого.

Перевалившись черезъ высокій холмъ, покрытый рѣдкимъ лѣсомъ, съ слѣдами паловъ и пастбищъ, спустились мы въ долину и долго шли по узенькой тропинкѣ, любуясь красивою рѣчкой, которая извивалась лентой. Лѣтомъ эта долина должна быть очень живописна; она напомнила мнѣ долины Качи и Бельбека въ Крыму: тѣ же горы, тѣснящія ее съ боковъ, тѣ же миловидныя рощи, капризные изгибы быстраго потока, свирѣпаго и разрушающаго все во время разлива. Недоставало пирамидальныхъ тополей и виноградниковъ; а отчего же, современемъ, имъ и не быть здѣсь? Цивилизація смягчитъ и суровость климата; усилія и трудъ пробьютъ дикую кору, и эти скалы, теперь такія непривѣтливыя, улыбнутся путешественнику пріютами гражданственности и образованія. Мы возвратились благополучно, не встрѣтивъ ни одного дикаго звѣря и ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго приключенія.

Черезъ нѣсколько дней мы перешли въ заливъ Св. Ольги,—десятью милями южнѣе; вмѣстѣ съ нами пошелъ и *Воевода*. Въ Ольгѣ мы застали транспортъ *Байкалъ*, недавно пришедшій сюда для зимовки.

Ольга—обширный заливъ, совершенно открытый съ моря, только у входнаго праваго мыса находится странной формы каменный островокъ, оторвавшійся отъ общей массы береговъ. За нимъ, какъ пилястры длинной залы, уходящіе въ перспективѣ, желтѣли выступавшіе песчаные и базальтовые обрывы; на нихъ сверху нависли холмы, поросшіе дубомъ и кедромъ и вѣнчанные мѣстами тѣми же песчанниками, похожими то на башни, то на каменные за̀мки. Въ глубинѣ залива, къ нему примыкаетъ широкая долина,

заросшая сплошнымъ лѣсомъ, въ тѣни деревъ котораго течетъ довольно большая рѣка (рѣка Аввакума), впадающая въ заливъ. Съ правой стороны, едва замѣтный входъ въ бухту, совершенно закрытую со всѣхъ сторонъ и распространившуюся, какъ озеро, среди лѣсистыхъ холмовъ. Эта бухта названа Тихою пристанью, — названіе, совершенно соотвѣтствующее производимому ею впечатлѣнію. Берега ея не смотрятъ пустыми и дикими обрывами; вѣтвистые дубы, лѣтомъ вѣроятно очень красивые, спустились своими дряхлыми стволами прямо къ тихой, неподвижной водѣ, любуясь въ ея зеркалѣ на свою могучую старость; надъ ними круглыя и мягкія очертанія верхней части холмовъ, и одна снѣговая гора виднѣется гдѣ-то далеко. Въ тихомъ заливѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается мирный ландшафтъ, какъ бы заманивая зашедшее сюда судно скорѣе бросить якорь.

Узкимъ и немного извилистымъ проливомъ входили мы въ Тихую пристань, чуть не цѣпляясь за вѣтви растущихъ у самой воды деревъ. Холодъ, еще безсильный предъ бурными волнами бухты Владиміра, уже сковалъ на половину, довольно толстымъ льдомъ, тихія воды здѣшней пристани. Мы стали внѣ линіи льда, между тѣмъ какъ *Воевода* и *Байкалъ* уже были окружены имъ, и команда ихъ ходила по скользкой поверхности, показавшейся новинкой для *воеводскихъ*, но очень хорошо знакомой командѣ, пришедшей съ Амура на *Байкалѣ*. Оба судна оставались здѣсь на зимовку и уже стали готовиться къ разоруженію. Въ ночь льду еще прибавилось.

Заливъ Ольга осмотрѣнъ былъ графомъ Путятинымъ, но описанъ былъ онъ еще прежде англичанами, которые и назвали его именемъ своего адмирала (Саймуръ-бай). Тихая пристань, въ глубинѣ которой впадаетъ также рѣка,—во всѣхъ отношеніяхъ превосходная бухта.

Тихая Пристань.
(Заливъ Св. Ольги.)

R1

21

Она довольно велика, глубина ея ровная и нѣсколько уменьшается только у впаденія рѣки. Здѣсь, кажется, вѣчный штиль; но иногда бываютъ съ горъ довольно сильные порывы вѣтра, отъ которыхъ дрейфуетъ. Прилегающія земли покрыты превосходнымъ черноземомъ. Изъ мѣстныхъ жителей еще никто не являлся.

12-го ноября мы снялись, простившись съ воеводскими, которымъ предстояла самая трудная и самая скучная зима. Нечего сказать, не улыбалось имъ близкое будущее. Надо было, вопервыхъ, отыскать свѣжей провизіи, а то не надолго хватило бы силъ для тѣхъ трудовъ и работъ, которые ихъ ожидали. Имъ предстоялъ подвигъ положить основаніе порту и, если можно, то отыскать сообщеніе между Ольгою и истоками Усури; въ послѣднемъ случаѣ, новый портъ вошелъ бы въ Амурскую систему и могъ бы получать всѣ условія существованія, обезпеченный съ сухаго пути. Мы пожелали имъ всевозможныхъ успѣховъ, а сами пошли въ Японію. Конечно, они намъ завидовали; но не нынче, такъ завтра, ихъ же участь могла достаться и намъ.

Ровно черезъ пять мѣсяцевъ (18 апрѣля 1859) пришли мы снова въ Ольгу съ запасами зелени, картофеля и сѣмянъ. Слѣва, на холмѣ, развѣвался русскій флагъ; за деревьями зеленѣла крыша какого-то строенія; толпа матросовъ вбивала сваи, устраивая пристань. Зимовка прошла благополучно. Въ началѣ люди болѣли, но не опасно. Мало-по-малу начали появляться туземцы, также какъ и по Владиміру, — китайцы; знакомились и понемногу сближались съ нашими. Они носили кабанину, дикихъ козъ, наконецъ стали продавать и скотъ. Серебро они брали охотно, а еще охотнѣе синюю бумажную матерію, извѣстную въ этихъ странахъ подъ именемъ *дабы*, родъ миткаля. Недостатокъ былъ только въ зелени. Китайцы жили въ разбросанныхъ хижинахъ, на довольно-значительномъ разстояніи одна отъ другой, по рѣкѣ Аввакума; ближайшіе

были верстахъ въ пятнадцати. Жили они точно такъ же какъ и китайцы Владимірской бухты, только у нѣкоторыхъ стариковъ висѣли на шестахъ заготовленные для себя гробы. За дабу носили китайцы собольи шкурки, которыя впрочемъ продавали и за доллары.

Скотъ ихъ очень хорошъ, крупенъ, красивъ и сытъ. Вообще окрестности Ольги представляютъ много условій для скотоводства; по рѣкамъ *круглый годъ* прекрасныя пастбища, въ окрестностяхъ бухты можно разводить обширные огороды, сѣять картофель, который въ этихъ странахъ особенно полезенъ, какъ хорошее противускорбутное средство и какъ необходимая провизія для китобойныхъ судовъ, сотнями кишащихъ въ ближнихъ моряхъ. Находя въ Ольгѣ скотъ и картофель, китобои охотно бы промѣняли эту пристань на Хакодаде, гдѣ все это достается купеческимъ судамъ съ величайшимъ затрудненіемъ. Разведенное въ большихъ размѣрахъ, скотоводство могло бы снабжать весь край солониной и масломъ, и въ этомъ отношеніи соперничествовать съ Японіею, гдѣ излишекъ народонаселенія позволяетъ держать лишь очень ограниченное количество скота; японцамъ ѣсть его запрещаютъ не по религіознымъ убѣжденіямъ, а изъ расчета, чтобы не уменьшить рабочихъ силъ.

Ледъ держался въ бухтѣ до конца марта. Это важное неудобство пристани. Самый большой холодъ достигалъ до 17° Р. Снѣгу было мало. Погода стояла большею частію тихая и свѣтлая.

Въ февралѣ снаряжена была небольшая экспедиція; она должна была проникнуть до Усури и встрѣтить тамъ казачьи разъѣзды, посланные съ низовья этой рѣки, гдѣ въ нынѣшнемъ году зимовало казаковъ нѣсколько сотенъ. А по-просту сказать, послали почту. Въ числѣ посланныхъ матросовъ былъ одинъ тунгусъ съ *Байкала*; съ свойственнымъ одной его націи чутьемъ отыскивать въ этихъ пустыняхъ дорогу, онъ довелъ экспедицію до Усури; они даже очень мало

истратили своей провизіи, потому что встрѣтившіеся имъ жители считали за удовольствіе кормить ихъ; встрѣтили казаковъ и привезли нашимъ ольгинскимъ отшельникамъ почту.

Въ зиму построены были: баня, ледникъ, шлюпочный сарай, пристань, и положено основаніе офицерскому флигелю (или казармѣ). «Какъ же вы разгоняли скуку?» спрашивали мы, и намъ разсказывали о разныхъ затѣяхъ, придуманныхъ между дѣломъ изобрѣтательностью русскаго человѣка, всегда умѣющаго найдти средство развлечь себя. «Между прочимъ, говорили они, мы отправлялись разъ въ недѣлю на пикникъ—въ баню...» Вѣрно имъ было весело! А слѣды этой зимовки виднѣлись на лицахъ,—не одна морщина прибавилась на нихъ!

Въ Императорской гавани, куда пришли мы изъ Ольгинской, на насъ уже пахнуло Сибирью. Она находится подъ 49° с. ш., слѣдовательно 6-ю градусами сѣвернѣе Ольги. Несмотря на то, что былъ май мѣсяцъ, мы еще застали тамъ ледъ и довольно много снѣгу, разбросаннаго по тундрамъ, между елью и лиственницей. Берега низменны и покрыты густымъ, сплошнымъ лѣсомъ, проникнуть въ который было бы очень трудно.

Подходили мы рано утромъ. Не видно ни скалъ, ни горъ; вездѣ только иглистыя вершинки хвойнаго лѣса. Главная бухта такъ далеко врѣзывается въ берегъ, что и не видно ея окончанія; справа, капризными извивами примыкаютъ Александровская, а за нею Константиновская бухта, длинная, точно рѣка, и съ разными поворотами. Войдя въ нее, мы очутились въ закрытой со всѣхъ сторонъ бухтѣ, куда не залетаетъ никогда ни малѣйшее дуновеніе вѣтра, и гдѣ, казалось, было царство вѣчныхъ штилей. Здѣсь могли бы помѣститься всѣ флоты міра, и едва ли можно было бы найдти другую такую пристань, еслибъ она не замерзала до мая мѣсяца, и если бы климатъ ея былъ немного сноснѣе.

Императорская гавань имѣетъ уже свою маленькую исторію. О ней въ первый разъ разсказали гиляки, и по ихъ разсказамъ, отправленъ былъ лейтенантъ Бошнякъ осмотрѣть ее; съ тѣхъ поръ тамъ зимовали суда, команда которыхъ производила разныя постройки. Англичане во время войны выжгли здѣсь первое наше поселеніе. Тутъ же затопленъ фрегатъ *Паллада*.

При нашемъ прибытіи почти вся Константиновская бухта была затянута льдомъ, уже отставшимъ отъ береговъ и державшимся сплошною, однообразною массой на поверхности тихой воды. Ледъ мѣшалъ шлюпкѣ подъѣхать къ пристани; чтобы попасть въ *городокъ*, или постъ, надо было, довольно далеко отъ него, взлѣзть по крутому берегу, цѣпляясь за упавшія деревья, примерзшія иглистыми вѣтвями къ поросшимъ мхомъ камнямъ. Едва замѣтная тропинка вилась въ чащѣ; мѣстами были небольшія просѣки; сложенныя въ кучу дрова говорили о занятіи зимовавшихъ. Если нога не упиралась на пень, или лежащее поперегъ дороги подгнившее дерево, то вязла въ эластической почвѣ тундры, и вода нѣсколькими струйками выступала наружу. Въ лѣсу царствовало совершенно мертвое безмолвіе; не слышно было ни каркающаго ворона, ни другой какой-нибудь птицы. Иногда тропинка выходила изъ лѣсу къ самому берегу и капризно вилась между каменьями и по обмелѣвшему дну моря. Но вотъ довольно обширная просѣка; она видна была еще съ нашего клипера; тутъ остатки батарей. Быліемъ и мусоромъ поросло здѣсь пепелище первыхъ русскихъ построекъ; противъ этого мѣста указываютъ могилу *Паллады*; говорятъ, будто иногда, въ ясный день, виднѣется абрисъ ея бизань-мачты.

Пройдя по просѣкѣ, тропинка углублялась опять въ лѣсъ, гдѣ, кромѣ еще нераспустившейся лиственницы и вѣчно зеленыхъ елей и сосенъ, бѣлѣлъ мѣстами тонкій стволъ березы. Вотъ и кладбище; около пятнадцати деревянныхъ

крестовъ мелькаютъ между деревьями; какое страшное безмолвіе царствуетъ здѣсь, и какой мирный покой нашли здѣсь скитальцы, заброшенные случаемъ на конецъ міра! Частный подвигъ каждаго выразится въ пошлой фразѣ разсказчика: «да, дорого стоила эта зимовка, на одной солонинѣ, при 40° морозу...» Но зачѣмъ долго останавливаться на кладбищѣ? много грустныхъ мыслей, много непрошенныхъ чувствъ поднимутся, пожалуй, съ глубины души, а намъ нужна вся энергія этихъ почившихъ, если хотимъ принести жизнь въ эти пустыни; прежніе христіане не даромъ строили церкви свои на костяхъ умершихъ...

Вотъ и постъ, или городокъ, если хотите. Вѣроятно, принимая К , съ которымъ я шелъ, за начальника, вышедшій къ намъ навстрѣчу унтеръ-офицеръ Ильинъ, командиръ поста, рапортуетъ о состояніи ввѣренной ему команды (семь человѣкъ). Мы идемъ въ казармы; это единственное конченное строеніе. У всякаго чистая кровать, вездѣ порядокъ, все исправно. Въ офицерскомъ флигелѣ, стоящемъ нѣсколько въ сторонѣ, можно жить въ двухъ комнатахъ и на кухнѣ; другая половина неготова. Начато еще два большихъ строенія, одно родъ службъ, а другое—казарма; но они тоже еще неко́нчены. Близъ ручья небольшая баня, и на длинномъ шестѣ утвержденъ деревянный крестъ. «Здѣсь хотятъ церковь что ли строить?» спросилъ я у Ильина. «Нѣтъ, ваше благородіе, не церковь, а тутъ найденъ былъ зарытый въ землѣ мѣдный крестъ, такъ въ воспоминаніе этого и велѣли лейтенанту И. поставить деревянный...» Едва найдется новое мѣсто, какъ уже заводятся мѣстныя легенды... Къ бухтѣ выходила длинная пристань, устроенная на живую нитку, на козлахъ. Далѣе были опять слѣды батарей, строенныхъ *палладскими*, и еще небольшое протестантское кладбище.

Мы простояли въ Императорской гавани нѣсколько дней. Къ намъ пріѣзжали на миніатюрныхъ лодочкахъ мѣстные

жители, изъ племени *орочи*, близко подходящемъ къ гилякамъ. Отдѣльное ли это племя, или мѣстное названіе тѣхъ же гиляковъ, намъ осталось неизвѣстнымъ. Знаемъ только, что они очень мало различаются между собою, какъ въ образѣ жизни, такъ и въ обычаяхъ, и въ костюмѣ. Лаперузъ и Браутонъ назвали береговыхъ жителей татарскаго берега айнами, но это несправедливо; айны живутъ на югѣ Сахалина и на Матсмаѣ; айны — курильское племя, и рѣзко отличаются своими выразительными физіономіями, длинными черными волосами и длинною вьющеюся бородой, отъ безбородыхъ, одутловатыхъ лицъ береговыхъ жителей Манчжуріи, или *Сандана*, какъ называютъ эту страну туземцы (*Таттана* у японцевъ). Китайскіе географы, (*Учень*, напримѣръ, жившій въ Манчжуріи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія) даютъ всѣмъ народамъ, населяющимъ сѣверную сторону Манчжуріи, при устьяхъ Сунгари и Усури, также какъ и по правому берегу Амура и къ береговой морской полосѣ, общее названіе *у-цзы-да-цзы* или *юй-п'и-да-цзы* (жители сѣверныхъ странъ, одѣвающіеся въ рыбьи кожи). Между ними онъ различаетъ племена *ху-р-ха*, *хэй-узинь* (племя, извѣстное у нашихъ подъ именемъ мангунцевъ) и *фей-я-ха*, или гиляки. Рѣзко набросанными чертами, характеризуетъ онъ ихъ, и такъ вѣрно, что нельзя не узнать въ его описаніяхъ тѣхъ народностей, съ которыми мы теперь познакомились.

Этотъ народъ не имѣетъ понятія о лѣтосчисленіи и мѣсяцахъ, не знаетъ времени своего рожденія; когда кто умираетъ, трупъ обертывается кускомъ полотна и кладется въ гробъ, поставленный въ полѣ на деревянныхъ козлахъ, и только когда трупъ загніетъ, его зарываютъ въ землю. У нихъ нѣтъ ни чиновниковъ, ни старшинъ, поставляемыхъ отъ правительства. (Они зависѣли отъ губернатора Нингуты, куда доставляютъ соболей, лисицъ, выдръ и бѣлокъ, за что получаютъ различные подарки). Народъ этотъ очень

Императорская Гавань.

простъ, если не глупъ, и притомъ честенъ. Когда, напримѣръ, они берутъ въ домъ китайскіе товары, то расплачиваются на слѣдующій годъ вѣрно, въ срокъ и по образцу; если же кому-нибудь нельзя пріѣхать самому, то они пересылаютъ черезъ другихъ, однимъ словомъ, исполнятъ обѣщаніе, хотя бы кто жилъ за тысячу миль и не былъ старымъ знакомымъ. Сверхъ того, они мужественны и почему-то не боятся смерти.

Они отпускаютъ волосы, связываютъ ихъ въ пучокъ, въ уши продѣваютъ большія кольца, а гиляки носятъ и въ носу маленькія кольца. Ни мужчины, ни женщины не носятъ панталонъ. Изъ мѣховъ дѣлаютъ постели; изъ бересты—лодки, въ которыхъ помѣщается только одинъ человѣкъ; лодкою правятъ весломъ о двухъ лопастяхъ. Кромѣ рыбнаго и пушнаго промысла, они собираютъ *женьшень* и растительный трутъ. Иные занимаются обжиганіемъ древеснаго угля, рубкою большихъ деревъ и приготовленіемъ изъ нихъ домашней утвари и деревянной посуды. Дома ихъ устроены совершено такъ же, какъ дома, видѣнные нами во Владимірской бухтѣ. Тотъ же *к'анъ* по стѣнамъ, та же посуда и складочныя мѣста. Религія ихъ состоитъ изъ различныхъ шаманскихъ обрядовъ, исполняемыхъ при случаѣ радости въ домѣ, или болѣзни. Обряды сопровождаются жертвоприношеніями, праздниками и пирами; хозяйка бьетъ въ бубенъ и, приходя въ изступленіе и коверкаясь, обращается къ западу, гдѣ на столикѣ расположено съѣстное и сверху на веревкѣ висятъ пятицвѣтные лоскутки, означающіе присутствіе предковъ. Нечего говорить, что рожденіе, свадьба, похороны, все это сопровождается соотвѣтствующими случаю обрядами. Значеніе всѣхъ обрядовъ—призываніе добраго духа противъ злаго. Шаманы ихъ называются *ца́мо*. Одежда этихъ ца́мо состоитъ изъ головнаго убора съ висящими бумажками и кусками дре-

весной коры, рубашки изъ оленьей кожи, раскрашенной различно, и тройнаго пояса; ца́мо всегда носитъ барабанъ и пилу.

Я упомянулъ о *жень-шень*; это знаменитое китайское растеніе, называемое ботаниками *Panax schinseng Nees*. Оно водится въ Манчжуріи до 47° с. ш. не далѣе меридіана Мукденя на западъ. Въ Кореѣ и Японіи, *жень-шень* разводится искусственно. Говорятъ, что одинъ корень этого растенія, толщиною въ палецъ, сто́итъ отъ 1600 до 2000 руб. серебромъ. Ежегодно около 9000 человѣкъ, имѣющихъ позволеніе отъ правительства, заняты исканіемъ этого корня. Много гибнетъ отъ голода изъ числа тѣхъ, которые слишкомъ далеко заходятъ въ необитаемыя степи и лѣса для отысканія драгоцѣннаго растенія. *Жень-шень* считается лучшимъ тоническимъ средствомъ; когда измѣняютъ всѣ лекарства, китайская терапія прибѣгаетъ къ нему. На европейцевъ онъ дѣйствуетъ однако очень мало, что̀ замѣтили и наши офицеры, зимовавшіе въ Ольгѣ и покупавшіе его у китайцевъ на вѣсъ серебра. Лучшій *жень-шень* — дикорастущій. Вероль говоритъ, что одинъ фунтъ сто́итъ 50 000 франковъ; Де-ла-Бруньеръ видѣлъ по Усури уединенныя хижины, служившія складочнымъ мѣстомъ для собираемаго *жень-шеня*; а такъ какъ эта рѣка теперь принадлежитъ Россіи, то можно считать ее драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ,—не говоря о ея важномъ значеніи, какъ коммуникаціоннаго торговаго пути.

Типы и костюмы жителей, пріѣхавшихъ къ намъ на клиперъ, говорятъ о Сибири; видно, что имъ, при окружающихъ ихъ условіяхъ, приходится вести жизнь не совсѣмъ человѣческую, но вмѣстѣ и тюленью или рыбью. Ихъ лица одутловаты, глаза часто узкіе, съ неопредѣленнымъ выраженіемъ. Для того, чтобы согрѣваться, они ѣдятъ много жиру, вѣроятно тюленьяго, что̀ производитъ какой-то масляный отпечатокъ на всей ихъ внѣшности. На голо-

вахъ, покрытыхъ черными волосами, перепутанными и связанными въ пучокъ, носятъ они шапки съ наушниками, въ ушахъ большія кольца, на ногахъ торбасы изъ рыбьей шкуры; они пріѣхали на такихъ маленькихъ лодочкахъ, что въ каждой могло помѣститься никакъ не больше одного человѣка, и то надо имѣть искусство канатнаго танцовщика, чтобы не свернуться съ этого ялика; малѣйшее неловкое движеніе — и яликъ непремѣнно долженъ перевернуться. Туземецъ управляется въ лодкѣ байдарочнымъ весломъ, которымъ вертитъ съ замѣчательною легкостью и быстротой, и лодка идетъ очень скоро. Зимою они привозятъ соболей, вымѣнивая ихъ на табакъ, дабу, крупу, свинецъ; привозятъ также и другіе мѣха — бѣлокъ, выдръ, медвѣдей, рыбу и т. д. Къ русскимъ они питаютъ уваженіе. Разъ какъ-то одинъ изъ нихъ попался въ воровствѣ, чего между ними, говорятъ, почти никогда не случается; русскій офицеръ, бывшій въ это время тамъ, созвалъ стариковъ и спросилъ ихъ, какъ наказать вора? Они рѣшили, что его надо высѣчь. Виновный, лежа подъ розгами, казалось, не понималъ, что съ нимъ дѣлаютъ, и какъ будто не давалъ себѣ отчета въ испытываемомъ ощущеніи. Когда кончили экзекуцію, онъ поблагодарилъ за науку.

Разломало ледъ и двинуло его всею массой на насъ; почти цѣлый день наша команда работала, ломая льдины и не допуская напора ихъ на клиперъ. Когда вынесло главную массу въ море, и остались небольшія, отдѣльно плававшія льдины, мы отправились на тузикѣ осмотрѣть глубину Константиновской бухты. Точно рѣка извивалась она, имѣя на всемъ протяженіи своемъ почти одну ширину. Тотъ же сплошной, хвойный лѣсъ отражался въ тихой водѣ ея, съ живописными подробностями своей иглистой листвы; иногда сосна, свалившись, лежала надъ водой, иногда свѣтлая вѣтвь рѣзко отдѣлялась на темномъ фонѣ лѣснаго мрака; недалеко проникалъ взоръ,

останавливаемый пестрою сѣткою переплетенныхъ вѣтвей и деревьевъ. Груды желтыхъ камней, обросшихъ мхомъ, мѣстами виднѣлись на берегу. Пейзажъ имѣлъ свою оригинальную красоту, напоминавшую нѣкоторые рисунки, или скорѣе этюды Калама. Бухта была больше двухъ миль въ длину, а за нею,

— даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ далекій лѣсъ.

Императорская бухта, извѣстная англичанамъ (видѣвшимъ ее уже послѣ насъ) подъ именемъ Barracuta bay, можетъ дать намъ два продукта: лѣсъ и ледъ. Между лиственницей попадаются превосходныя корабельныя строевыя деревья, также какъ и между соснами; а ледъ хорошій прѣсный. Въ прошломъ году былъ здѣсь небольшой опытъ торговли льдомъ. Одинъ гонъ-конгскій купецъ, съ позволенія нашего правительства, нагрузился имъ въ Императорской гавани и привезъ его въ Гонъ-Конгъ, куда обыкновенно возятъ ледъ изъ Америки. Мы въ Гонъ-Конгѣ имѣли удовольствіе пить эль съ своимъ, русскимъ, льдомъ. Пушной промыселъ, въ сравненіи съ болѣе сѣверными провинціями, въ этихъ мѣстахъ довольно маловаженъ.

Больше, кажется, ничего не даетъ Императорская гавань. Лѣса ея бѣдны дичью: въ одно время, какъ-то, достать ворону считалось большою удачей. Никакая огородная овощь не вызрѣваетъ на тундрахъ. Всякое обработываніе земли стоило бы необыкновенныхъ усилій, едва ли вознаградимыхъ. Въ морскомъ отношеніи заманчивая прелесть гавани парализируется длинною зимой, льдомъ, расходящимся только въ маѣ мѣсяцѣ, и морозами, доходящими до 40°.

Странно, что Лаперузъ, довольно внимательно осмотрѣвшій здѣшніе берега, не видалъ огромной бухты.

Сюда приходитъ зимою изъ Николаевска, разъ въ годъ, почта на собакахъ; а лѣтомъ всякое русское судно, плавающее въ Японскомъ морѣ и Татарскомъ заливѣ, обязано заходить сюда.

Мало знаю я мѣстъ, которыя бы производили такое грустное впечатлѣніе; воображаю, чего стóитъ зимовка здѣсь. Лѣсъ смотритъ какъ-то стѣнами тюрьмы; природа безмолвна; воды скованы или вѣчнымъ безвѣтріемъ, или льдомъ; даже ѣдущій на своей утлой лодкѣ орочанъ представляется скорѣе плывущимъ по водѣ тюленемъ, нежели разумнымъ существомъ. Кажется невозможнымъ, чтобы здѣсь когда-нибудь могли поселиться люди, чтобы возникли деревни и города.

За то сахалинскій берегъ весело выглянулъ изъ-за прочистившагося тумана голубыми горами, съ легкими очертаніями, съ пріятною перспективой. Нѣкоторыя скалы зеленѣли, другія базальтовыми массами или песчаными откосами спускались къ морю; въ горизонтальныхъ пластахъ песчаника черными полосами виднѣлся каменный уголь. Въ одномъ мѣстѣ каскадъ серебряною лентой сбрасывался съ отвѣсной темной скалы. Легко различались строенія въ одномъ изъ раскрывшихся ущелій. Все это увидѣли мы, подойдя къ самому острову, послѣ трехъ дней довольно свѣжей погоды и послѣ недѣли, проведенной въ виду азіятскаго скучнаго берега, который описывали наши штурманскіе офицеры. Климатъ острова Сахалина много мягче, а богатство каменныхъ породъ разнообразитъ формы его внѣшнихъ очертаній. По берегамъ его можно, кажется, пройдти полный курсъ геологіи: гдѣ кончаются осадочные пласты песчаника съ сланцами и каменнымъ углемъ, тамъ выступаютъ плутоническія породы, базальты, а тамъ зеленый камень, и т. д.

Сахалинъ—сокровищница здѣшняго края. Хотя еще неизвѣстно существованіе глубокихъ пластовъ каменнаго

угля, но поверхностные пласты очень богаты, и уголь прекраснаго качества. Открытіе его стоило многихъ тяжелыхъ экспедицій, снаряжаемыхъ на собакахъ, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ. Лейтенантъ Бошнякъ, открывшій Императорскую гавань, былъ изъ первыхъ, отыскавшихъ уголь. Въ большомъ количествѣ лежалъ онъ на берегу, оставалось только брать, чѣмъ и пользовались англійскія суда во время послѣдней войны.

Разработка угля находится еще въ младенческомъ состояніи, хотя его достаетъ на удовлетвореніе потребностямъ края; она идетъ правильными галереями въ поверхностныхъ пластахъ, имѣющихъ толщину иногда болѣе сажени, такъ что во многихъ шахтахъ ходить можно свободно. Нагрузка затруднительна; близъ разработокъ нѣтъ ни бухты, ни залива, а сильный прибой съ моря во время южныхъ вѣтровъ потребовалъ бы устройства обширнаго брекватера. Теперь суда стоятъ sur le qui vive, готовыя каждую минуту сняться съ якоря, чтобы не быть выброшенными на берегъ. Шлюпки во время отлива останавливаются далеко отъ берега; переноска мѣшковъ съ углемъ, на плечахъ, утомительна и требуетъ много рукъ.

Самое поселеніе находится нѣсколькими милями южнѣе мыса Жонкьера и называется Ду-е, хотя настоящая рѣка Ду-е находится сѣвернѣе мыса; но вѣроятно это имя и останется за поселеніемъ. Несмотря на утомительную работу угольной ломки, эта колонія сморитъ веселѣе всѣхъ. Здѣсь живетъ около сорока человѣкъ, при нихъ два офицера и инженерный офицеръ, завѣдывающій работами. Какіе славные огороды окружаютъ ихъ уютные, чистенькіе домики! а овощи вызрѣваютъ два раза въ лѣто. Зимы на Сахалинѣ не такъ суровы; о скорбутѣ и неслышно, несмотря на то, что рабочимъ не всегда достается полный паекъ. Между строеніями, въ тѣни ясеней, съ шумомъ течетъ небольшая горная рѣчка; одно зданіе измѣнило даже казенной формѣ

мѣстной архитектуры, и бойко поднялось красивою башней, видною издалека съ моря. А если начинаетъ шалить воображеніе, значитъ человѣку не совсѣмъ еще худо. Старожилы изъ матросовъ, кромѣ дюжины шкурокъ соболей—капиталъ, наживаемый годами,—набираютъ мускусовые мѣшочки, Moschus moschiferus, которые и продаютъ довольно выгодно въ аптеку Николаевска. Внутри зданій, то-есть въ казармѣ и небольшомъ лазаретѣ, порядокъ былъ педантическій; правда, что въ то время ожидали важныхъ посѣтителей.

Мы осмотрѣли, конечно, всѣ работы; съ зажженными свѣчами ходили по вырытымъ въ скалахъ галереямъ. Около главной ломки былъ сдѣланъ спускъ на блокахъ, такъ что тамъ грузить было бы не такъ затруднительно; къ несчастію нашему, клиперу назначили уголь, лежащій довольно высоко на скалѣ, близъ падающаго съ нея каскада. Мѣсто, правда, было поэтично; сломанныя и упавшія деревья своими вѣтвями украшали выступавшіе ступенями камни и прыгавшую по нимъ воду каскада; но команда наша, таскавшая уголь, не раздѣляла вкуса любителей хорошихъ видовъ.

На Сахалинъ пріѣзжаютъ много гиляковъ съ Амура, лѣтомъ на лодкахъ, зимой на собакахъ. Они ведутъ съ туземцами и съ живущими на югѣ острова японцами и айнами дѣятельную торговлю, вымѣнивая имъ на дабу, табакъ и различныя вещи, свои звѣриныя шкуры и рыбу. Гиляки — это армяне здѣшняго края, народъ торговый, проворный, предпріимчивый. Съ виду они мало отличаются отъ орочанъ, видѣнныхъ нами въ Императорской гавани. У берега стояла длинная ихъ лодка, сколоченная изъ нѣсколькихъ досокъ, въ ней лежало около десяти собакъ; лѣтомъ собаки тянутъ бичеву, и лодка плыветъ около берега; зимой ихъ запрягаютъ въ нарты; въ лодкѣ сидитъ только по одному человѣку. Между гиляками часто трудно отли-

чить съ перваго взгляда женщину отъ мужчины: и костюмъ, и волосы, и лицо, все одинаково. Какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, косы, проборъ по серединѣ; въ ушахъ, а иногда и въ носу, кольца; одѣты въ армяки, или медвѣжьи шкуры; на ногахъ торбасы. Все имѣніе ихъ помѣщается въ этой лодкѣ. Много гиляковъ постоянно живутъ на Сахалинѣ. Во время нашего пребыванія, они всѣ были въ большомъ горѣ и не ходили на охоту. Недавно случилось у нихъ слѣдующее трагическое происшествіе. Мужчины одной юрты отправились на охоту, оставя дома двухъ женщинъ, которыя, окончивъ работы, заснули на своихъ нарахъ. Въ это время входитъ къ нимъ незваный гость—медвѣдь; душитъ обѣихъ женщинъ, и, позавтракавъ ими, ложится на нару и засыпаетъ, какъ будто у себя дома. Возвратившійся мужъ съ ужасомъ видитъ эту сцену; ружье его заряжено, онъ стрѣляетъ въ упоръ и убиваетъ медвѣдя наповалъ. Но въ этомъ-то и заключается все несчастіе: медвѣдь у гиляковъ лицо священное, и нѣтъ больше грѣха какъ убить его!.. Вынужденный такою вопіющею случайностію, грѣхъ долженъ искупиться общею скорбію,—добровольнымъ зарокомъ не ходить на охоту, потому что охота составляетъ весь источникъ богатства гиляка.

Въ маѣ.

Съ вечера мы снялись съ якоря, и на другой день утромъ увидѣли мысъ Клостеркампфъ, закрывающій собою заливъ *де-Кастри*. Кромѣ мыса, бухта защищена съ моря островами: Устричнымъ, Базальтовымъ и островомъ Обсерваторіи. Если-бы на каждомъ изъ этихъ острововъ было по крѣпости, то никакой флотъ не могъ бы проникнуть въ бухту. Теперь на нихъ обросшіе мхомъ камни, ель, лиственница и водятся *старички*, береговая птица, въ такомъ количествѣ, что ихъ ловятъ руками по цѣлымъ сотнямъ; ночью отправляются на промыселъ съ фонарями

и птица летитъ на огонь; остается брать ее. Если ее вымочить въ уксусѣ, то можно ѣсть, за неимѣніемъ лучшаго. Бухта эта открыта Лаперузомъ и названа имъ по имени того De Castries, о которомъ можете прочесть въ *Oeil de boeuf*. Описаніе Лаперуза до сихъ поръ остается вѣрнѣйшимъ. Нужно только прибавить исторію политическаго существованія бухты и основанія Александровскаго порта.

Къ бухтѣ примыкаетъ сплошной хвойный лѣсъ, растущій по тундрамъ; мѣстами въ этомъ лѣсу сдѣланы просѣки, довольно большія; одна ведетъ къ старымъ постройкамъ, гдѣ зимовало въ военное время нѣсколько баталіоновъ линѣйнаго сибирскаго войска; но рука времени уже успѣла налечь на эти шаткія зданія—они почти всѣ покривились. Невдалекѣ распространившееся кладбище дополняетъ разсказъ о зимовкахъ, полныхъ лишеній. На одномъ крестѣ видно имя доктора Б., умершаго отъ скорбута. Миръ праху его! На смертномъ одрѣ, разрушаемый губительнымъ недугомъ, онъ умирающимъ голосомъ давалъ еще совѣты своимъ товарищамъ по несчастію, и, можетъ быть, этотъ умирающій голосъ вырвалъ у страшной болѣзни нѣсколько жертвъ...

Новый постъ расположенъ близъ самаго берега. Тутъ уже замѣтна нѣкоторая претензія на гражданственность. На лѣто пріѣзжаетъ капитанъ надъ портомъ, съ женой; есть магазинъ съ провизіей и при немъ цейхвахтеръ. У цейхвахтера даже можно найдти и закуску, почему и названа его лачуга Мыльников'съ-отель, по имени достойнаго хозяина. Близъ пристани высокій флагштокъ, на которомъ будто бы поднимаютъ сигналы по системѣ Рейнольда? для переговоровъ съ приходящими иностранными купцами; но эти сигналы, такъ же какъ и электрическій телеграфъ, и желѣзная дорога—дѣло будущаго. А еслибъ была желѣзная дорога, то суда могли бы и не ходить въ Николаевскъ, сгружая все здѣсь и не рискуя переходомъ по лиману.

Сама де-Кастри, кромѣ рыбы и дровъ, ничего дать не можетъ. Лѣсъ ея мелокъ; осенью много дичи и брусники. При насъ кто-то разложилъ костеръ въ лѣсу, да такъ и оставилъ. Огонь быстро распространился по смолистымъ игламъ ельника, попалась какая-то полуразрушенная избенка, вспыхнувшая какъ порохъ; пожаръ росъ, и обхватилъ новое поселеніе, подступая къ его домикамъ довольно близко. Два дня работали наши матросы на берегу, окапывая и отстаивая у огня строенія; побѣда осталась, наконецъ, за нами. Огонь бросился въ другую сторону, но скоро и совсѣмъ замеръ.

Зимовать судамъ въ бухтѣ невозможно: она замерзаетъ. Волненіемъ съ моря часто ломаетъ ледъ.

Туземцы—гиляки pur sang; они здѣсь очень хорошо говорятъ по-русски, торгуются съ азіятскою задорностію, не хуже любаго гостинодворца; въ одеждѣ щеголеватѣе другихъ туземцевъ.

На берегу есть пробитыя въ скалѣ волнами ворота, очень красивыя и названныя именемъ открывшаго: Лаперузовыми. Между де-Кастри и Николаевскомъ постоянное сообщеніе; сухимъ путемъ идутъ просѣкой до озера Кизи, потомъ на лодкахъ добираются по озеру до Маріинска, большой деревни, гдѣ живетъ цѣлый баталіонъ. Изъ Маріинска до Николаевска, по Амуру: лѣтомъ на пароходѣ, зимой на собакахъ.

Въ 1855 году англичане бомбардировали де-Кастри и пускали въ прилежащія тундры каленыя ядра, и теперь еще можно видѣть траншеи и мѣста, куда залегали наши секреты.

При насъ пришли въ де-Кастри двѣ купеческія шкуны и одинъ баркъ, которые и отправились въ Николаевскъ. Баркъ сталъ на одной изъ безчисленныхъ мелей лимана; изъ груза спасли кое-что, такъ же какъ и людей, а судно погибло.

Наконецъ, и мы пошли по этому страшному лиману, о которомъ столько наслышались отъ нашихъ корветовъ, собственнымъ опытомъ испытавшихъ нѣкоторыя изъ его отмелей; пугалъ насъ и *Джигитъ*, также довольно долго бурлившій его воды. Да и стоитъ только посмотрѣть на карту, чтобы потерять всякую увѣренность: фарватеръ идетъ такими извилинами, что представляется какимъ-то вьющимся растеніемъ, съ безчисленнымъ множествомъ вѣточекъ и отпрысковъ. Самое мелкое мѣсто фарватера 14 футовъ. Все время идешь въ виду азіятскаго берега, считая мысъ за мысомъ, островъ за островомъ. Сахалинскій берегъ только въ самомъ узкомъ мѣстѣ видѣнъ ясно. Острова были довольно красивы, съ ихъ елями и лиственницей, распустившеюся къ нашему пріѣзду. По берегу идутъ возвышенія и горы. Вездѣ почти можно стать на якорь и посылать на берегъ шлюпку рубить дрова. Переходъ нашъ былъ облегченъ довольно хорошо разставленными въ нынѣшнемъ году бочками и бакенами, указывающими направленіе фарватера. Вотъ и мысъ Пронге, а за нимъ *желтыя воды* величественной рѣки, на которой лежитъ столько надеждъ, столько ожиданій... и, кажется, не напрасно!..

Вспомнимъ исторію Амура.

Тунгузы Удскаго края разсказали томскимъ казакамъ въ 1636 году о чудной рѣкѣ Амурѣ и впадающихъ въ нее рѣчкахъ, Зеѣ и Шилкарѣ; они говорили о богатыхъ жителяхъ береговъ рѣки, даурахъ, занимающихся землѣдѣліемъ и скотоводствомъ, и о князѣ Лавкаѣ, достовѣрныя свѣдѣнія о которомъ смѣшивались съ баснословными разсказами о его богатствѣ. Эти разсказы возбудили въ казакахъ желаніе отыскать, какъ заманчиваго князя, такъ и новыя страны, обѣщавшія имъ болѣе привольныя мѣста; якутскій воевода Головинъ послалъ Василія Пояркова провѣдать обстоятельно о новыхъ мѣстахъ (1643), и Пояр-

ковъ былъ первый изъ русскихъ, спустившійся по Амуру. Отыскивая Лавкая, онъ достигъ Сунгари, гдѣ нашелъ дучеровъ, потомъ Усури, гдѣ видѣлъ натковъ и потомъ гиляковъ. Въ 1646 году онъ возвратился черезъ Тунгузское море въ Якутскъ, вынесши убѣжденіе о легкой возможности завоевать край, не принимая въ расчетъ того, что по Сунгари можетъ прибыть китайское войско для защиты своихъ владѣній. Поярковъ между прочимъ собралъ и *ясакъ*. За нимъ вскорѣ послѣдовалъ Ерөөей Хабаровъ, съ охотниками; отыскалъ Лавкая, оказавшагося простымъ смертнымъ, и увѣрилъ его, что единственная цѣль его прибытія—собираніе ясака. Второй походъ Хабарова сопровождался тѣми подвигами храбрости и отваги, которые сдѣлали Хабарова любимымъ героемъ разсказовъ о занятіи Восточной Сибири. Онъ сражался съ даурами, укрѣпился въ Ачанскомъ улусѣ, гдѣ осадили его китайцы. Смѣлою вылазкой уничтожилъ онъ враговъ, и съ весной поплылъ дальше. Вслѣдствіе слуховъ о его подвигахъ, начались переселенія на Амуръ... Молва объ удобствахъ жизни и богатствахъ привлекала толпы искателей приключеній, много помогавшихъ Хабарову.

Китайцы наконецъ рѣшились противодѣйствовать нашествію незваныхъ гостей. Они заставили выйдти изъ своихъ земель Степанова и осадили Камарскій острогъ, основанный сотникомъ Бекетовымъ. Въ 1655 году именнымъ указомъ назначенъ Пашковъ командиромъ экспедиціи на Амуръ. Плодомъ ея было основаніе Нерчинска и острога у Албазина, гдѣ поселился бѣжавшій полякъ Черниговскій, который основалъ тамъ монатырь и завелъ хлѣбопашество.

Наконецъ, надо было опереться на что-нибудь въ этой путаницѣ дѣлъ и разныхъ столкновеній; изъ Москвы отправленъ былъ посолъ, грекъ Спафари, съ цѣлію обозначить новыя присвоенныя нами границы. По трактату съ китайцами, русскіе должны были прекратить распростра-

неніе своего владычества на Амурѣ, не требовать ясака, и албазинцамъ (товарищамъ Черниговскаго, подчинившаго себя добровольно Нерчинску) не ссориться съ китайцами. Но, несмотря на это, албазинцы продолжали строить свой острогъ. Дѣлалось тогда все, что хотѣлось; начальство было далеко. Не здѣсь ли родилась пословица: до царя далеко?

Въ Китаѣ манчжурская династія (Да-цинъ) утвердилась на престолѣ падшей минской династіи. Второй ея императоръ, Кханси, началъ оборонять крѣпостями сѣверную часть Манчжуріи и приближаться къ Дауріи; столкновеніе съ русскими было неизбѣжно, и дѣйствительно, Албазинъ былъ раззоренъ въ 1685 году; но онъ снова былъ построенъ и снова осажденъ; только извѣстіе о готовящемся русскомъ посольствѣ въ Пекинъ заставило китайцевъ отступить отъ него.

Нерчинскій трактатъ, заключенный окольничимъ Головинымъ въ 1689 году, былъ первымъ нашимъ дипломатическимъ сношеніемъ съ китайцами; граница была опредѣлена, хотя и не окончательно. Объ Амурѣ забыли. Для китайцевъ онъ оставался по прежнему мертвымъ матеріяломъ, для манчжуровъ—мѣстомъ мѣновой торговли, но для мѣстныхъ жителей онъ былъ артеріей, оживлявшею ихъ прозябавшее существованіе. Для русскихъ онъ блеснулъ чѣмъ-то свѣтлымъ, призывнымъ, какъ будто въ этомъ призывѣ было что-то пророческое для будущаго его значенія для Россіи. Замѣчательно, что на языкѣ мѣстныхъ жителей онъ является чѣмъ-то мрачнымъ, темнымъ: во всѣхъ его названіяхъ видно общее значеніе—черный. Монголы зовутъ его *Харамуренъ*, тунгузы—*Сахалянъ-ула*, китайцы—*Хэ-лунъ-цзянъ*, — все это означаетъ *Черную рѣку*, что можетъ быть произведено и отъ цвѣта воды его, не совсѣмъ прозрачной. Названіе *Амуръ* должно быть тунгузское; всякую большую рѣку они называютъ *амаромъ*.

Рѣка Албазина называлась сперва *Эмури*, можетъ быть и это имя дало названіе Амуру. Японцы называютъ Амуръ *Конто-ку*, а туземцы—*Мангу*.

Начавшаяся 7-го мая 1854 года экспедиція, подъ начальствомъ генерала Муравьева, положила основаніе современному гражданскому положенію страны; пробудившись отъ долгаго сна, мало-по-малу начали оживляться прилегающія пустыни, снова являясь Россіи чѣмъ-то зовущимъ.

Въ началѣ носились неясные слухи и сбивчивыя свѣдѣнія о чудной новой странѣ, о ея богатствахъ и привольяхъ, которыя заманивали людей, привыкшихъ къ бродячей жизни; двинулись они къ этимъ пустынямъ, неся съ собою безграничную отвагу и какую-то увѣренность въ счастливую звѣзду, въ русскую удаль и молодечество, которымъ было гдѣ разгуляться. Безъ правильнаго войска, существуя случайною добычей, эти завоеватели совершали чудеса храбрости, напоминающія первыхъ покорителей Америки: Кортеса, Пизарро и другихъ. Теперь занятіе и заселеніе Амура стало необходимостью, разумнымъ дѣломъ,—покамѣсть труднымъ, но дѣломъ, важные результаты котораго не замедлятъ выказаться. Ясно назначенная айгунскимъ трактатомъ граница, подарившая намъ рѣку Усури и весь берегъ, идущій отъ Усури на востокъ къ Татарскому проливу, дѣлаетъ насъ безспорными владѣтелями рѣки, соединяющей центральную Сибирь, страну богатую, съ Тихимъ океаномъ. Туда, на этотъ океанъ, рвется теперь избытокъ силъ Стараго Свѣта, и просится современная исторія, чтобы развернуться на новой просторной сценѣ, гдѣ съ одной стороны просыпаются Китай и Японія, съ другой выростаетъ не по днямъ, а по часамъ, юноша-великанъ—Америка, гдѣ природа даетъ неисчислимые матеріялы новаго богатства по разбросаннымъ безчисленнымъ островамъ.

Понятно, что будущее, направленное обстоятельствами, сложится не такъ, какъ предполагаютъ. Едва-ли Николаевскъ, напримѣръ, будетъ средоточіемъ дѣятельности края. Силы стянутся, можетъ быть, къ другому, болѣе естественному центру, болѣе доступному извнѣ и болѣе удобному для жизни, но только сама жизнь совершитъ это. Мы видѣли по Татарскому берегу нѣсколько бухтъ; южнѣе ихъ есть еще болѣе удобныя, какъ напримѣръ бухта Посьета; остается выбирать; притомъ, въ центрѣ края, ближе къ Сибири, найдется мѣсто важнѣе береговаго порта. Все это—дѣло будущаго; настоящее должно возбуждать страну къ гражданской дѣятельности, развивая безъ насилія ея естественныя богатства, улучшая пути сообщенія, устраняя препятствія для торговли. Обстоятельства сами покажутъ куда должны стянуться жизненные соки края, гдѣ слышнѣе пульсъ его, гдѣ его сердце.

Рѣкою мы шли по створамъ. Берега холмисты и всѣ почти покрыты хвойнымъ лѣсомъ; иногда отъ берега отдѣлялся мысокъ или коса; на нѣкоторыхъ изъ нихъ строятъ батареи, на другихъ видна земля, приготовленная подъ огороды. Наконецъ, вдали показались красныя крыши домовъ, высыпавшихъ по пригорку, и знакомая намъ архитектура пятиглавой церкви, вѣнчающей почти всѣ города и мѣстечки нашей обширной Россіи. На городъ, очень веселый издали, напиралъ со всѣхъ сторонъ сплошной лѣсъ, сначала зеленѣющій, потомъ синею массой всходящій на высокія дальнія горы, украшающія ландшафтъ. Противоположный берегъ состоитъ изъ конусообразныхъ холмовъ, покрытыхъ, какъ щетиною, лиственницей и елью; дальніе изгибы рѣки обозначались выходящими мысами, и опять горами, теряющимися вдали, и тою воздушною перспективой, которая всегда является въ помощь счастливо-расположенной мѣстности. По мѣрѣ приближенія, городъ немного терялъ своей декоративной прелести; дома какъ

будто раздвигались, между нѣкоторыми виднѣлись пустыри, еще неочищенные отъ пней, попадались строенія неоконченныя, хотя уже съ выкрашенною крышей, а издали все принималось за чистую монету.

Но, несмотря на это, очень пріятно было, послѣ двухъгодоваго плаванія по заморскимъ землямъ, увидѣть русскій городъ, съ его характеристическими особенностями, съ зеленымъ куполомъ церкви, съ масляною краской, разбросанностью и вѣчною «живою ниткою», которая нигдѣ не оставляетъ русскаго человѣка, куда бы ни занесъ его случай.

Не ограничиваясь первымъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на меня Николаевскъ, я поведу васъ въ самый городъ, и постараюсь описать все видѣнное какъ можно вѣрнѣе и какъ можно подробнѣе. Но не требуйте отъ меня однако ни статистическихъ свѣдѣній, ни какихъ-либо офиціальныхъ извѣстій: я остаюсь по прежнему туристомъ; слѣдовательно, сужу по тому, что вижу.

Мы стали на якорь ближе къ правому (южному) берегу рѣки, потому что къ городу идетъ широкая отмель. Прямо передъ нами былъ насыпной островъ и устроенная на немъ батарея; за этимъ насыпнымъ виднѣлись естественные острова, между которыми Амуръ шелъ многими протоками и рукавами; главный же фарватеръ прилегалъ къ правому берегу. Клиперъ сейчасъ же поставило по теченію. Отмель, прилегающая къ городу, съ востока защищена полукруглою косой, на которой устроено адмиралтейство, а на самомъ концѣ ея батарея, отвѣчавшая нашему салюту.

Видъ пристани уже производитъ пріятное впечатлѣніе; видно, что это не временная постройка, а основательная; не тѣ животрепещущіе мостики, которые мы видѣли въ Императорской гавани и въ де-Кастри. На берегу много баржъ, превращенныхъ во временные магазины. Эти баржи

сплавляются сюда отъ верховьевъ Амура, съ провизіею и товарами, и остаются здѣсь; ихъ вытаскиваютъ на берегъ, устраиваютъ на нихъ крыши, прорубаютъ двери и окна, и они служатъ хорошими временными складочными мѣстами. У пристани нѣсколько лодокъ; невдалекѣ остановился гилякъ на своемъ досчаникѣ и удитъ рыбу...

По деревянной лѣстницѣ поднимаетесь на гору, сейчасъ передъ вами гауптвахта и довольно большое пустое мѣсто,— площадь сказалъ бы я, но оно будетъ площадью только тогда, когда по немъ можно будетъ ходить безопасно. Николаевскіе остряки называютъ это мѣсто Piazza del' pnelli, производя послѣднее слово отъ пней, лежащихъ и разбросанныхъ въ картинномъ безпорядкѣ. Гауптвахта отличается отъ всѣхъ другихъ гауптвахтъ тѣмъ, что на платформѣ вывѣшиваются иногда, для просушки, мѣха, назначенные для Кабинета; по ярлыкамъ вы судите, что это ясакъ, и нельзя не остановиться передъ чернобурыми лисицами и гежигинскими соболями, смотрящими такъ роскошно, тепло и ласково. За гауптвахтою, черезъ площадь, видно довольно большое двухъ-этажное зданіе офицерскаго клуба, въ которомъ есть нѣсколько квартиръ и прекрасная библіотека; въ ней можно найдти до двадцати современныхъ журналовъ и танцовальный залъ, единственный во всемъ городѣ.

Съ площади вы попадете на главную улицу, идущую параллельно съ рѣкою, чистую, съ деревянными мостками съ одной стороны, такъ что гулять по ней можно съ нѣкоторымъ комфортомъ. Кромѣ линѣйныхъ солдатъ, на улицѣ встрѣчаются здоровые мужики, попавшіе сюда «волею случая»; на лицахъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ, пожалуй, разсмотрите и клеймо, тщательно скрываемое спадающими на лобъ волосами. Всѣ они кланяются очень

почтительно. Прекрасный полъ простонародья принадлежитъ къ этому же почтенному сословію, называемому здѣсь *варнаками* и *варначками*.

Первое, что бросается на улицѣ въ глаза, это красивый сѣрый домикъ съ зелеными крышею и ставнями, съ широкимъ подъѣздомъ, готовымъ принять самые щегольскіе экипажи (еслибъ они были въ Николаевскѣ), съ палисадникомъ, изобилующимъ (относительно) цвѣтами и огородною зеленью (нѣсколько парниковъ въ углу). Здѣсь живетъ, конечно, губернаторъ. Около самаго губернаторскаго дома, перпендикулярно къ главной улицѣ, идетъ другая, столько же чистая, но болѣе офиціальная. Всю правую ея сторону занимаютъ сначала казармы, низкіе, длинные флигеля, потомъ госпиталь, снаружи очень похожій на казарму; тамъ аптека, еще какое-то офиціальное мѣсто, черезъ окна котораго видны блестящія ружья и каски; за офиціяльнымъ мѣстомъ идутъ пеньки, уходящіе вдаль, къ самому лѣсу.

Третье примѣчательное мѣсто Николаевска—другое пустое пространство, будущая площадь, среди которой возвышается деревянный пятиглавый соборъ; противъ него присутственныя мѣста и американскій клубъ. Частные дома всѣ болѣе или менѣе похожи одинъ на другой; рѣзко отличаются между ними красивыя зданія американскихъ негоціянтовъ, составляющихъ одинъ изъ главныхъ элементовъ николаевской жизни. Я сказалъ, что экипажей въ городѣ нѣтъ; но часто послышится вдругъ звукъ бубеньчиковъ; сердце забьется, почудится Богъ знаетъ что, что-то безотчетное, что-то родное; но скоро разочаровываешься, увидя передъ собою только бочку съ водою, бойко скачущую мимо. На иномъ дворѣ остановишься передъ нѣсколькими отдыхающими оленями, съ истертыми спинами отъ уродливыхъ и безпокойныхъ сѣделъ; при нихъ семья тунгузовъ, костюмы которыхъ бросаются въ

глаза своею пестротой. По мосткамъ иногда пройдется николаевская аристократка, шумя своимъ шелковымъ платьемъ, пробѣжитъ губернскій чиновникъ, съ выраженіемъ высшаго самодовольствія на выбритомъ лицѣ; раскланяется съ вами совершенно незнакомый вамъ мелкій чиновникъ, не устоявшій противъ искушенія поклониться новому лицу; выглянетъ изъ окна любопытная головка, узнать, кого это еще занесло сюда,—короче сказать, пахнетъ на васъ тѣмъ, что намъ такъ близко и отъ чего уже мы немного отвыкли, скитаясь по басурманскимъ городамъ,—пахнетъ на васъ Русью!

По близости Николаевска есть губернаторская *ферма*, куда часто ѣздитъ общество повеселиться, и которая просто называется «фермою». Это и неудивительно, потому что она въ Николаевскѣ единственная; а у насъ въ N. губернаторская дача называлась тоже просто «дачею», несмотря на то, что много другихъ смертныхъ имѣютъ тамъ дачи, но видно эта—всѣмъ дачамъ дача.

На выдающейся косѣ, о которой я говорилъ, находятся зданія адмиралтейства. Начала положены прочныя и прекрасныя. Какъ не специялистъ, я не могу вдаться въ подробности, но не могу и умолчать о томъ впечатлѣніи, которое произвела на меня эта начинающаяся раціональная дѣятельность, гдѣ главнымъ рычагомъ принятъ паръ. Большое здѣшнее механическое заведеніе сдѣлало бы честь любому порту. Много еще станковъ безъ дѣла; но за дѣломъ не станетъ, было бы чѣмъ дѣлать. Много еще вещей неразобрано, какъ напримѣръ паровой молотъ. Машины всѣ превосходны, со всѣми новѣйшими приспособленіями. Все это стоитъ въ простыхъ сараяхъ; видно, что не увлеклись наружнымъ: не бросились строить дворцы, а начали съ содержанія, и потому нельзя не основывать на этомъ большихъ надеждъ. Въ порту три крытые элинга; на одномъ изъ нихъ строилась шкуна (теперь

она спущена). По близости, на водѣ стоялъ только что собранный американскій рѣчной пароходъ, съ цѣлымъ домомъ на палубѣ и съ заднимъ колесомъ; подобные пароходы сотнями плаваютъ по Миссиссипи; когда-то закипятъ они по Амуру? Впрочемъ, и въ настоящее время уже видно кое-какое движеніе на знаменитой рѣкѣ. Въ продолженіи десяти дней нашего пребыванія, сверху пришло три парохода: *Лена*, *Амуръ* и *Аргунь*. *Амуръ* пришелъ изъ Благовѣщенска. Около порта безпрестанно снуютъ два винтовые барказа, исполняя различныя порученія, развозя писарей съ приказами и т. п. Все остальное пространство города, внѣ описанныхъ мною мѣстъ, занято разными домиками, въ которыхъ, впрочемъ, можно находить квартиры и множествомъ пней, дающихъ своимъ видомъ оригинальный отпечатокъ мѣстности. Въ Николаевскѣ есть нѣсколько лавокъ, принадлежащихъ большею частію американцамъ; здѣсь иногда можно достать все (не спрашивайте о цѣнахъ), а иногда нѣтъ почти ничего. Живущіе постоянно знаютъ эти времена приливовъ и запасаются на всю зиму, платя умѣренныя цѣны, но горе попавшему въ отливъ или малую воду! Утлая ладья хозяйства мичмана садится тогда на мель и долго бѣдствуетъ до слѣдующаго прилива. Товары приходятъ сюда большею частію изъ Санъ-Франциско и изъ Гонъ-Конга. Другой притокъ предметовъ существованія для Николаевска, это сплавы по Амуру, дѣло, подверженное также многимъ случайностямъ. Чего не вытерпятъ дорогой эти баржи, если даже и не сядутъ гдѣ-нибудь, выброшенныя на берегъ! Видъ этихъ сплавовъ очень любопытенъ. При мнѣ изъ Маріинска переводили въ Николаевскъ казармы. Ихъ разобрали, изъ бревенъ надѣлали плотовъ; на плоты посадили жившихъ въ казармахъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ, и пустили по теченію. Долго не могъ я догадаться, что именно вижу, когда вдали показались плывущія бревна.

По мѣрѣ ихъ приближенія, ясно выказывались любопытныя подробности внутренняго хозяйства, теперь разоблаченнаго: виднѣлась деревянная кровать, тюфякъ, шкафчикъ съ посудой; сама хозяйка сидѣла на узлѣ, а мужъ, длиннымъ шестомъ упираясь въ дно рѣки, давалъ направленіе своему ковчегу. Показавшіеся вдали сплавы производятъ въ Николаевскѣ впечатлѣніе, подобное тому, какое туча, полная дождя, производитъ гдѣ-нибудь въ Сагарѣ. Въ мечтахъ, вмѣсто вѣчной осетрины, является питательный бифстексъ, масло для каши, новый сюртукъ вмѣсто настоящаго, начинающаго протираться на локтяхъ: все это дадутъ давно желанные сплавы, а главное, понизится цѣна и на сахаръ, и на бѣлую муку, и на мясо.

Много ждутъ отъ Амурской компаніи, но благодѣтельное ея вліяніе окажется въ будущемъ. Едва ли для Николаевска переродится русскій человѣкъ, а строить будущность здѣшняго края на основаніяхъ коммерціи нашего почтеннаго купечества, значитъ строить домъ на пескѣ!

Николаевскъ имѣетъ странное вліяніе на всякаго пріѣзжающаго и особенно на лица, прибывающія сюда сухимъ путемъ: какъ въ Италіи никто не можетъ не сдѣлаться, хотя на время, артистомъ, такъ здѣсь всѣ становятся экономистами. Всякій, нечитавшій ничего, кромѣ такъ-называемой легкой литературы, съ задоромъ вдается въ самые смѣлые вопросы, пророчитъ будущее краю, однимъ словомъ, принимаетъ такое близкое участіе въ общемъ дѣлѣ, какъ будто это дѣло его собственное. При такомъ общемъ настроеніи, понятны эти голословныя сужденія, эти стереотипныя мнѣнія, которыя здѣсь во всеобщемъ ходу. Мнѣнія однихъ часто противоположны мнѣнію другихъ. Какъ вездѣ, явились пессимисты и оптимисты. Пессимисты, при десяти градусахъ тепла кутаются въ кашне и теплыя пальто; а оптимисты въ это время щеголяютъ въ легонькихъ визиткахъ, увѣряя всѣхъ, что климатъ Николаевска

необыкновенно прiятенъ. Къ пессимистамъ, между прочимъ, принадлежатъ люди, пропустившiе приливъ товаровъ, не воспользовавшiеся ихъ дешевизной и, слѣдственно, или голодающiе или совершенно прожившiеся; оптимистовъ составляютъ люди большею частiю постоянно здѣсь живущiе, женатые, семейные, знающiе гдѣ тепло, гдѣ раки зимуютъ, и не пропускающiе случая купить дешево сахаръ. Одни говорятъ, что американцамъ надо дать полную свободу торговать: позволить имъ на пароходахъ подниматься, если угодно, до Шилки, дать имъ всевозможныя льготы; другiе утверждаютъ, что этого нельзя позволить, что у насъ и такъ иностранцевъ балуютъ, а что, вотъ, русскiй купецъ и безъ нихъ привезетъ все сплавами по Амуру, что русскiй купецъ православный, и потому, если и надуетъ, то, будто бы, съ совѣстiю; американцы же только о *своей* пользѣ хлопочутъ. Первые громко кричатъ о конкуренцiи, о вредныхъ послѣдствiяхъ монополiи, если ее будетъ имѣть Амурская компанiя; говорятъ, что боязнь конкуренцiи есть неувѣренность въ собственныхъ силахъ, а съ неувѣренностiю лучше не начинать дѣла, и что все кончится карточными домиками, да обманомъ самихъ себя. Оптимисты довольны настоящимъ положенiемъ дѣлъ, они самодовольно прохаживаются по мосткамъ главной улицы, называя Николаевскъ русскимъ Санъ-Франциско; мысленно видятъ мчащiеся по желѣзной дорогѣ изъ Марiинска въ де-Кастри вагоны, наполненные богатствами Сибири и Амурскаго края, и наслаждаются идиллическимъ довольствомъ амурскаго переселенца. На это пессимисты возражаютъ; что возможное будущее не есть еще настоящее, что не выводятъ крыши прежде фундамента, что Амуръ не принадлежитъ къ тѣмъ благодатнымъ странамъ, которыя при самомъ маломъ трудѣ вознаграждаютъ колониста, не льетъ онъ потоковъ золота, какъ Калифорнiя, не даетъ ни индиго, ни пряностей, ни рису; колонистъ, являющiйся

Гиляки.

на берегахъ его, долженъ принесть съ собою усиленный трудъ, и много еще нужно матеріяльныхъ и нематеріяльныхъ жертвъ, чтобы наконецъ откликнулась эта страна жизнію. Одного магическаго слова достаточно было, чтобы населить Калифорнію, а въ Николаевскъ уже требуются ссыльные,—признакъ, что на добровольную колонизацію расчетъ плохъ; хуже, пожалуй, чѣмъ въ XVII вѣкѣ. Но, говорятъ, населеніе этой страны необходимо; оно откроетъ для Россіи, можетъ-быть, блестящее будущее. Наконецъ, оптимисты съ гордостію указываютъ на Сахалинъ и на признаки золотыхъ розсыпей, находимыхъ по Амуру.

Вслѣдствіе столкновеній этихъ противоположныхъ взглядовъ, въ обиходѣ экономическихъ споровъ безпрестанно обращаются нѣсколько совершенно оконченныхъ и разрѣшенныхъ вопросовъ, сдѣлавшихся уже для всѣхъ общимъ мѣстомъ. Такъ, отдача сахалинскихъ копей въ частныя руки... «Не американцамъ ли? перебиваютъ оптимисты, да они у насъ весь Сахалинъ отнимутъ»; на что пессимисты стараются доказать, что отдать разработку копей компаніи на акціяхъ, не значитъ еще отдать островъ, и проч. На второмъ планѣ стоятъ китайцы, которыхъ нужно переселять на Амуръ, по примѣру Америки, такъ какъ на Амурѣ недостаетъ рабочихъ рукъ. Пессимисты, которые, какъ можно было замѣтить, вмѣстѣ и прогрессисты на Амурѣ, доказываютъ выгоду этихъ переселеній; оптимисты же совершенно довольны количествомъ рукъ 27-го экипажа, который и по морямъ ходитъ, и казармы строитъ, и уголь ломаетъ: «Пошлите русскаго человѣка куда хотите, говорятъ они, дайте ему только топоръ въ руки, и онъ вамъ сдѣлаетъ, что угодно.» Но все это мы слышали давно и въ Россіи; все это очень надоѣло.

Наконецъ, есть еще любимый предметъ, при которомъ столкновеніе мнѣній является съ большею силой, и во-

просъ переходитъ изъ области политической экономіи въ область поэзіи; это желѣзная дорога отъ Амура до Нижняго-Новгорода. Но я не привожу разговоровъ и споровъ объ этомъ предметѣ, потому что ничего не слыхалъ о немъ хотя сколько-нибудь дѣльнаго.

Какъ видите, обѣ крайнія стороны высказываютъ и много новаго, и много разумнаго. Надо ли искать истины въ золотой срединѣ? Не знаю. Будущее скажетъ, кто правъ и кто виноватъ. Обратимся лучше къ николаевскому обществу, хотя и о немъ нечего сказать новаго, какъ будто городъ вовсе не за 12 тысячъ верстъ отъ Москвы или Тулы. Общество Николаевка состоитъ большею частію изъ служащихъ лицъ, и потому все группируется около нѣсколькихъ центровъ первой величины, которые и даютъ тонъ окружающимъ. Комическія особенности маленькаго города, гдѣ извѣстны даже сокровеннѣйшіе замыслы всякаго, являются здѣсь въ яркомъ свѣтѣ и съ мѣстнымъ колоритомъ; говорятъ,—да и должно быть такъ,—что здѣсь, на благодатной почвѣ, раздолье сплетнямъ и пересудамъ, и къ довершенію всего страшная скука, поглощающая собою все и всѣхъ.

Иногда въ Николаевскѣ веселятся; но случается, что вы являетесь по приглашенію на *балъ*, осматриваетесь и не видите ни одной дамы. Напрасно доморощенный оркестръ играетъ, для поддержанія духа сконфуженнаго гостя, кавалерійскій генералъ-маршъ: «Всадники, други, въ походъ собирайтесь», напрасно извиняются сконфуженные хозяева, называя городскихъ дамъ такими именами, какими ихъ даже въ повѣстяхъ никогда не называютъ; комнаты пусты до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые деспотическіе мужья неоднократною посылкою на домъ не настоятъ на томъ, чтобы супруги ихъ явились. Но иногда, говорятъ, эти собранія бываютъ и веселы; разыгрывается оберъ-офицер-

ская кровь, молодежь не щадитъ себя для удовольствія дамъ и старшихъ, и расходившіеся супруги отводятъ души свои въ увлекательной *восьмеркѣ*, мѣстномъ lancier, съ особыми фигурами: «задній переборъ дамъ», подъ мотивъ:

На ноги поставила,
Танцовать заставила, и т. д.

ИЗЪ ЭДДО (*).

ТАЙФУНЪ. — РЫБАКИ. — ЮКАГАВА. — ЭДДО. — ЧИНОВНИКИ. — ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ.—НАРОДЪ.—ПРОЦЕССІИ.—ХАРА-КИРИ.—ОБѢДЪ.—НИПОНЪ-БАСЪ. — РЕЛИГІЯ ЯПОНЦЕВЪ И ИХЪ ХРАМЫ. — О'СИРО. — ПОБІЕНІЕ КАМНЯМИ.—ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪѢЗДЪ ГРАФА МУРАВЬЕВА.—ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ. — ЯПОНСКІЯ ЛАВКИ. — ЯПОНСКАЯ ВѢЖЛИВОСТЬ. — ЖЕНЩИНЫ. — ГОРА ЗОЛОТАГО ДРАКОНА. — ТРАГИЧЕСКОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ ВЪ ЮКАГАВѢ.—ОЗІО И ЯПОНСКІЕ ЭПИКУРЕЙЦЫ.

Желаніе наше исполнилось: *Пластунъ* назначенъ былъ состоять въ эскадрѣ, сопровождавшей графа Муравьева въ Эддо. 24 іюля съ утра, развели пары, и мы, вмѣстѣ съ корветами *Рында* и *Гриденъ*, вышли въ море. Хорошо знакомая намъ гора, возвышающаяся конусомъ надъ Хакодади, повертывалась своею южною стороной, по мѣрѣ того какъ мы ее огибали. Всѣ скалы и тропинки, по которымъ мы такъ часто ходили зимой, по которымъ влачили «свою задумчивую лѣнь», ясно виднѣлись; вотъ и пещера, сіяющая своею темнотой на бѣломъ песчаникѣ; вотъ и каменныя ворота, гдѣ такъ гармонически разбивается морская волна, обдавая брызгами камни и берегъ. Обогнувъ полуостровъ, черезъ перешеекъ, мы увидѣли мачты джонокъ и фрегата *Аскольдъ*, оставленнаго нами

(*) Я пишу Эддо, а не Іеддо по произношенію японцевъ.

на рейдѣ; вотъ потянулись справа и слѣва неясные берега Сангарскаго пролива, наконецъ и ничего не стало видно, кромѣ моря и неба, вѣчной картины мореплавателей.

Черезъ нѣсколько дней, желая опредѣлиться, мы приблизились къ берегу Нипона. Погода была хорошая, только страшная духота наводила иногда сомнѣніе. Съ юга показалась мертвая зыбь, скоро сдѣлавшаяся громадною. Барометръ быстро пошелъ книзу, и духота до такой степени увеличилась, что давила грудь и грозила бѣдой. «Что нибудь да будетъ!» говорили всѣ. Приказано было разводить пары, чтобъ удалиться отъ берега. Начали налетать порывы, съ каждымъ разомъ становясь сильнѣе и сильнѣе. Какъ повторяемые мотивы музыкальной піесы, сливаясь звуками, взаимно пополняя другъ друга и постепенно усиливаясь и разрастаясь, оканчиваются гармоническимъ fortissimo, такъ точно сначала слабыя дуновенія вѣтра, усиливаясь и крѣпчая, оканчиваются налетающимъ ураганомъ. Тутъ уже не услѣдите за звуками. Гулъ вѣтра, свистъ между снастями; потоками льющійся дождь, ревъ волнъ, вливающихся съ обоихъ бортовъ, крикъ команды— все это, кажется, кружится въ воздухѣ, поднятое вихремъ... Даже ощущенія мѣшаются: волны вы слышите, шумъ ихъ, кажется вы видите! Паруса закрѣплены, люки наглухо законопачиваются, то-есть сидящіе внизу лишаются свѣта и воздуха,—одна изъ самыхъ некомфортабельныхъ и прозаическихъ сторонъ шторма; душно, мокро отъ вливающейся воды даже сквозь законопаченные люки. «Что барометръ?» часто спрашиваете вы. «Падаетъ», отвѣчаютъ сверху, и вы ждете, что̀ же еще будетъ?..

Было около 11 часовъ вечера. Я вышелъ наверхъ. Лотъ показывалъ 35 саженей, слѣдовательно близокъ берегъ,—плохо; а вѣтеръ, начавшись отъ S, быстро переходилъ по SO-ой четверти къ O; прежнее волненіе сбивалось новымъ, и клиперъ било и валяло со всѣхъ

сторонъ. Надежда была на то, что машина, уже дѣйствовавшая, отдалитъ насъ отъ берега. Вдругъ клиперъ хватилъ носомъ и громадная волна ввалилась съ боку, затопивъ собою весь клиперъ. Взглянувъ наверхъ, я увидѣлъ, что не было форъ-стеньги и брамъ-реи, вмѣстѣ съ стеньгой сломался утлегарь и бомъ-утлегарь, и все это, удерживаемое снастями, билось о бортъ (*). Ураганъ усиливался, дождь ливнемъ лился на палубу, и темная ночь представляла со всѣхъ сторонъ всѣ ужасы разъярившихся силъ природы; кипѣвшій океанъ бурлилъ и клокоталъ, исполинскія горы волнъ его стремительно падали въ разступившіяся пропасти. Но человѣкъ въ это время копошился на своей скорлупѣ, настойчиво топилъ машину, настойчиво привязывалъ разныя веревочки, записывалъ,—какъ въ протоколъ записываются отвѣты подсудимаго,—всякій проступокъ провинившейся природы, и отходящій вѣтеръ, и падающій барометръ, и дѣйствительно, настоялъ на своемъ! Такъ воевала природа, такъ спорили съ нею до утра. На другой день вѣтеръ сталъ немного мягче, а на третій совсѣмъ стихъ; только разгулявшееся море долго еще не могло успокоиться и качало, какъ люльку, нашъ клиперъ, пользовавшійся временемъ, чтобъ исправить всѣ случившіяся съ нимъ бѣды. У мыса Кинъ задержало насъ сильное противное теченіе.—Разъ ночью увидѣли блестящій метеоръ, тихо и плавно падавшій, точно ракета, по небу; въ то же время было затмѣніе луны: казалось, эти явленія были какими то предзнаменованіями, какъ будто въ странѣ, гдѣ еще не совсѣмъ успокоились подземныя силы, гдѣ землетрясенія и вулканическія изверженія такъ же часты, какъ у насъ грозы и метели, само небо должно блеснуть на насъ чѣмъ нибудь особеннымъ и чрезвычайнымъ.

(*) Бѣдному В. пришлось вмѣстѣ съ командой идти на марсъ и салингъ, принайтовливать повисшую брамъ-рею и обломки стеньги.

Берегъ подѣйствовалъ на насъ иначе, чѣмъ берега Манчжуріи или острова Іессо. Густыя группы деревъ вѣнчали зеленые холмы, до вершинъ изрѣзанные горизонтальными террасами; между холмами рисовались веселыя деревеньки съ сѣренькими домиками, то подъ тѣнью рощъ, то по берегу моря. Все зеленѣло и смотрѣло такимъ мирнымъ и безмятежнымъ пріютомъ труда и спокойствія, что поневолѣ хотѣлось погулять по этимъ улыбающимся холмамъ и цвѣтущимъ долинамъ.

Далеко отъ берега насъ встрѣчали японцы на своихъ плоскодонныхъ лодкахъ; въ нихъ они удаляются миль за сто въ море, но вѣроятно часто совсѣмъ не возвращаются, потому что не-много надо, чтобы потопить такую посуду. Передъ ураганомъ мы ихъ видѣли много въ морѣ; сколько-то ихъ возвратилось?... Они выѣзжаютъ ловить рыбу;— что это: нужда, или отвага? Они свыклись съ моремъ; посмотрите, какъ эта плотная, приземистая фигура бронзоваго цвѣта, въ едва-прикрывающихъ наготу синихъ тряпкахъ, сильно дѣйствуетъ весломъ. Имѣя такое прибрежное населеніе, съ дѣтства сроднившееся съ моремъ, Японія можетъ владѣть превосходнымъ флотомъ, когда совершенно выйдетъ изъ своей замкнутости. Всѣ берега ея населены рыбаками, между которыми она можетъ брать совершенно готовыхъ матросовъ. Типъ прибрежныхъ жителей меньше всѣхъ другихъ японцевъ напоминаетъ монгольскій типъ; они большею частью средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; тѣло ихъ, вѣчно открытое лучамъ солнца, почти коричневаго цвѣта; они дѣятельны, расторопны, понятливы и производятъ пріятное впечатлѣніе своими, нелишенными красоты, фигурами, оживленными глазами, черными волосами и слегка изогнутымъ носомъ. Добывая себѣ пропитаніе съ такимъ рискомъ, они больше другихъ жителей Японіи вышли изъ моральнаго застоя.

Опасность, сопровождающая ихъ промыселъ, выводитъ ихъ изъ обычнаго равнодушія: въ борьбѣ съ бурями океана нужна открытая отвага, лицомъ къ лицу надо сходиться съ врагомъ; а съ бурями жизни, на берегу, японецъ борется орудіями шпіонства и подлости, подобострастія и униженія, что́ одно можетъ обезпечить его мертвенный покой. Не оттого ли береговые жители такъ любятъ море и такъ подолгу не возвращаются домой?..

Огибая мысъ Кинъ, мы оставили влѣвѣ островъ, синимъ очеркомъ выглядывавшій изъ прозрачной дали; наконецъ вошли въ проливъ. По берегу тѣ же зеленые холмы, тѣ же зеленыя рощи; на каждой полуверстѣ навѣрное деревня или мѣстечко; дома однообразны, иногда только выкажется высокая крыша храма съ своимъ широкимъ навѣсомъ. Не было видно клочка земли безъ слѣдовъ труда. Лодокъ встрѣчалось очень много. Нѣкоторыя, подъ парусами, старались перерѣзать намъ путь, другія дружно и съ крикомъ наваливались на весла, желая догнать насъ; какъ первыя, такъ и вторыя оставались за кормой, останавливались, дѣлали намъ какіе-то знаки и кричали, но мы не обращали на нихъ никакого вниманія. Если это были лоцмана, то мы въ нихъ не нуждались, если же они были защитники старыхъ порядковъ Японіи, протестующихъ противъ прихода въ нѣкогда-недоступный европейцамъ заливъ Эддо, то мы не должны были обращать на нихъ вниманія. Въ проливѣ цѣлая флотилія военныхъ лодокъ имѣла рѣшительное намѣреніе остановить насъ; одна даже навалилась на клиперъ, но только сама себѣ что-то повредила. Стало темнѣть. Предполагая, что другія суда нашей эскадры уже были въ Канагавѣ, мы пускали ракеты и жгли фальшфейеры; скоро изъ-за дальняго мыса взвилась намъ въ отвѣтъ ракета, и мы, руководствуясь огнями и ночными сигналами, вошли въ Канагавскую бухту и стали

на якорь. Здѣсь русскія суда уже не въ первый разъ; въ прошломъ году, въ это же время, стояли здѣсь фрегатъ *Аскольдъ* и клиперъ *Стрѣлокъ*.

На другой день утромъ (4 августа), мы разсмотрѣли мѣстность. Рейдъ былъ въ довольно обширной бухтѣ, наши и купеческія суда заслоняли собою и рангоутомъ берегъ; между снастями проглядывала та же веселая мѣстность, которая здѣсь еще больше выигрывала отъ отдаленныхъ горъ и вида величественнаго Фузи, рисующагося на горизонтѣ; къ нему глазъ проникалъ черезъ перспективу холмовъ, покрытыхъ развѣсистыми деревьями; у склоновъ находилось справа мѣстечко, или городъ Канагава, а слѣва Юкагава, городъ, выстроенный, въ послѣдніе четыре мѣсяца, собственно для европейцевъ.

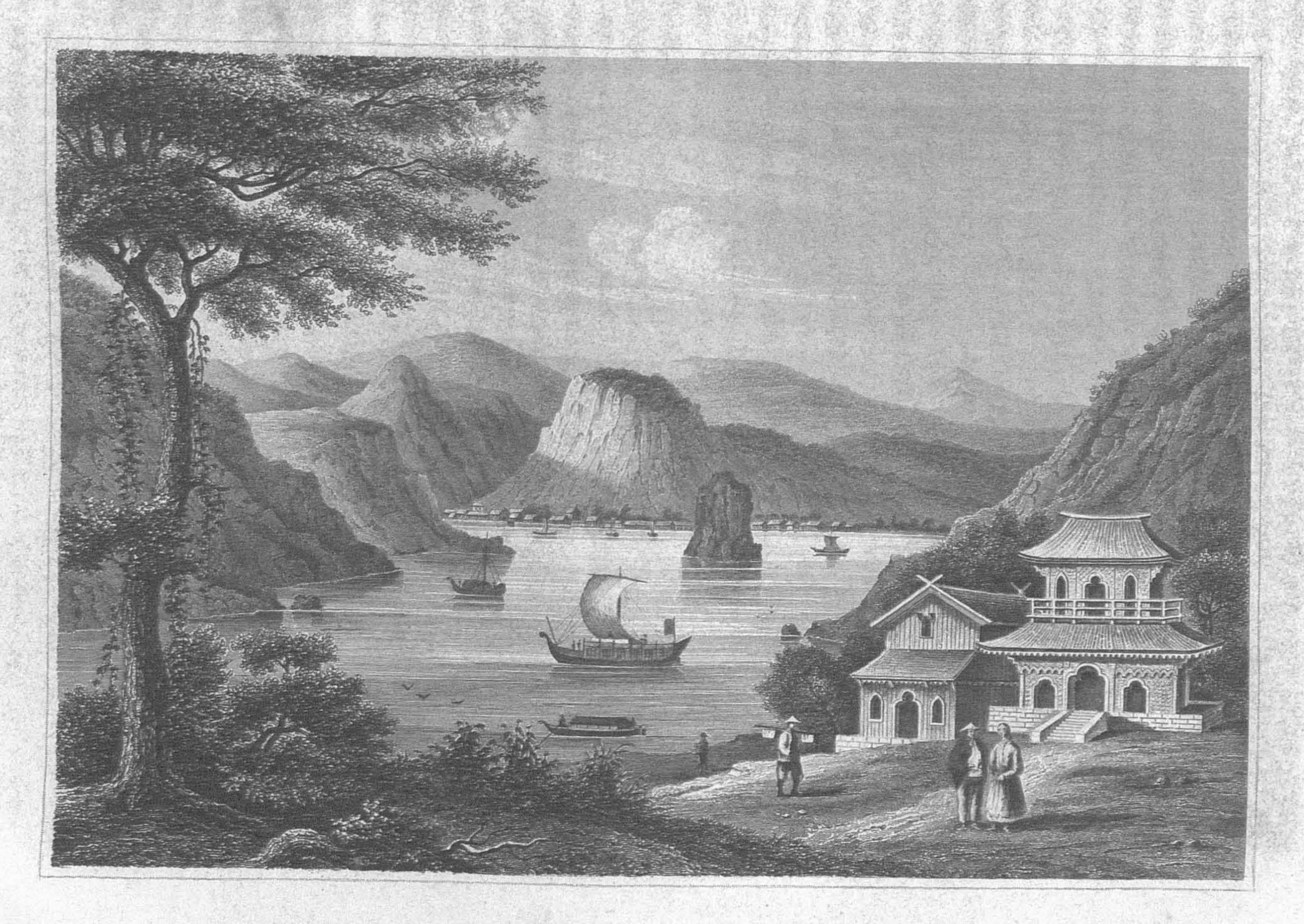
Такъ какъ нашъ клиперъ долженъ былъ въ этотъ же день идти въ Эддо, то я поспѣшилъ съѣхать на берегъ, чтобъ имѣть какое-нибудь понятіе о Юкагавѣ. Для шлюпокъ устроены двѣ длинныя каменныя пристани, перпендикулярно прилегающія къ берегу; здѣсь стоитъ нѣсколько японскихъ лодокъ, которыя всегда можно нанять. Весь городъ напоминаетъ наши выстроенныя на живую нитку ярмарки; только длинные дома выстроены основательнѣе; улицы разбиты правильно и плотно убиты щебнемъ. Стѣны домовъ выштукатурены и выкрашены бѣлою и черною краской, что̀ производитъ довольно непріятное впечатлѣніе; все смотритъ чѣмъ-то временнымъ, приготовленнымъ на случай, на показъ.

Нѣтъ ни одного японскаго храма, не видно ни одного частнаго свободнаго лица: всѣ заняты дѣломъ, всѣ или купцы, или ремесленники, или служащіе. За то все, чѣмъ Японія щеголяетъ передъ европейцами, то-есть лаковыя вещи, фарфоры, шелковыя матеріи и женщины, выставлено здѣсь въ большомъ количествѣ и во всей своей соблазнительной прелести. Улица чайныхъ домовъ,

примыкающая къ зелени и простору поля, смотритъ особенно заманчиво своими рѣшетчатыми домиками и красивыми, разноцвѣтными фонариками, развѣшенными въ большомъ количествѣ по наружнымъ галереямъ. Магазины блестятъ бронзой, врѣзанною въ лаковые шкафы и экраны; фарфоры своею бѣлизною и прозрачностію завлекутъ самаго равнодушнаго человѣка, а магазины съ шелковыми матеріями и крепами заставляютъ сожалѣть, что здѣсь нѣтъ нашихъ петербургскихъ и московскихъ дамъ. Кромѣ этихъ магазиновъ, много лавокъ съ зеленью и живностію и всѣмъ тѣмъ, что̀ нужно приходящимъ судамъ.

Въ Канагавѣ старый японскій городъ. Онъ открытъ европейцамъ съ прошлаго года, вмѣсто Симоды, гдѣ рейдъ опасенъ и безпокоенъ. Здѣсь живутъ уже англійскій, американскій и голландскій консулы.

Ходя по улицѣ, вмѣстѣ съ полуголыми рабочими и чопорно одѣтыми чиновниками, я встрѣтилъ какую-то странную церемонію, значеніе которой никакъ не могъ себѣ объяснить. Впереди шла молодая, очень красивая женщина съ распущенною косой; ее сопровождала цѣлая толпа женщинъ, старухъ, дѣтей и мужчинъ. Несмотря на участіе и видимое сожалѣніе, которое выказывали сопровождавшіе, она была весела и съ какимъ-то самодовольствіемъ влекла за собою, какъ будто чарами своей красоты, разнообразную толпу. Мимическимъ объясненіямъ церемоніи довѣряться было трудно; какъ разъ сдѣлаешь заключеніе, въ родѣ того, что въ Россіи въ деревняхъ и въ городахъ часто видишь висилицы, и что тамъ живутъ маленькіе люди съ одною ногой, называемые maltchiki. Но зачѣмъ объясненіе,—удовольствуйтесь картиной, которая меня остановила и была въ самомъ дѣлѣ очень любопытна.



SIMODA IN JAPAN

Aus d. Kunstanst. d. Bibl. Instit. in Hildbh.

Eigenthum d. Verleger.

Часа въ три мы снялись съ якоря и пошли въ Эддо. *Пластунъ* былъ первое русское судно, плывшее по этимъ заповѣднымъ водамъ и проникавшее въ заповѣдную бухту.

Берега едва были видны; мѣстами выказывались группы зелени, мачты джонокъ, но все было далеко, неясно и безформенно; наконецъ, впереди показался берегъ, и мы увидѣли себя въ обширномъ заливѣ: въ глубинѣ его долженъ былъ находиться Эддо, городъ княжества *Му-зіу* или *Музази*, столица Японіи, резиденція *тайкуна* (титулъ, принятый въ послѣднее время сіогуномъ); но глазъ ничего не различалъ, кромѣ низкихъ, отлогихъ береговъ, верхушекъ лѣса, какъ будто выходящихъ изъ воды, и мачтъ джонокъ и судовъ, приподнятыхъ преломленіемъ лучей свѣта. Скоро показались бѣлыя точки зданій, но, показываясь въ различныхъ мѣстахъ, онѣ представлялись нѣсколькими городами, разбросанными по берегу бухты. По мѣрѣ нашего приближенія, всѣ эти раздѣльные города сливались вмѣстѣ, и мы увидѣли широко распространившійся городъ, подковою обхватившій обширную бухту. Надъ домами высилась зелень; а гдѣ ея не было, бѣлые домики, какъ стада, толпились по берегу. Все это было однако такъ далеко, что едва можно было различать строенія, даже въ морскую трубу. Показалось устье рѣки Тоніакъ, и абрисъ переброшеннаго черезъ нее моста *Нипонъ-басъ*, а тамъ опять куча строеній, пропадающихъ въ синевѣ отдаленія. Вода залива была желто-мутнаго цвѣта, какъ вообще въ китайскихъ рѣкахъ. Скоро отъ берега отдѣлилось пять насыпныхъ островов, на которыхъ устроены правильныя укрѣпленія. Мы стали на якорь близъ перваго, если считать отъ лѣвой руки. Лотъ показывалъ 15 футовъ. Разсказывали, будто между этими батареями проходъ засыпанъ; но это невѣрно,—тамъ и такъ мелко. Отъ нашего якорнаго мѣста до берега было еще около двухъ миль. Ясно различали мы только правильныя

осьмистороннія фигуры батарей; за ними городъ тянулся неясною декораціей, на которой мѣшались деревья, дома, джонки, лодки, сады и лѣса; позади всего этого туманъ, а иногда, въ ясный день, показывалась отдаленная цѣпь горъ, отъ которой слѣва отдѣляется конусообразный великанъ Фузи, святая гора японцевъ: къ ней ходятъ на поклоненіе, и изображеніе ея найдете почти на всякомъ лаковомъ подносѣ. Вблизи отъ насъ стояли три японскіе корвета, изъ которыхъ одинъ былъ парусный, а другіе два винтовые: они проданы японцамъ голландцами. Подаренная тайкуну лордомъ Эльджиномъ отъ имени королевы Викторіи, щегольская яхта красовалась тутъ же, но тайкуну, какъ неимѣющему права переступать порогъ своего дворца, эта яхта такъ же нужна, какъ безрукому перчатки. Какъ бóльшая часть ненужныхъ вещей, она плѣняла своею красотой, граціозно выказывая намъ свои легкія формы. Корветы были въ порядкѣ; одинъ изъ нихъ щеголялъ недавно выкрашеннымъ бортомъ и ярко-вычищенными мѣдными пробками орудій. Съ этого корвета отвалила шлюпка и пристала къ намъ. Что за разнообразіе шляпъ было на ея гребцахъ, начиная отъ красиво-выгнутой кверху круглой японской шляпы, до какого-то картуза, по которому иной бы заключилъ, что японцы давно знакомы съ русскими, и что фасонъ картуза заимствованъ у какого нибудь Петрушки!

Пріѣхавшаго офицера спросили: будутъ-ли они отвѣчать на нашъ салютъ? Онъ сказалъ, что японцамъ извѣстенъ обычай европейцевъ выказывать такимъ образомъ уваженіе къ націи, но просилъ не салютовать, потому что у нихъ еще никакого по этому случаю не сдѣлано распоряженія. Вскорѣ пріѣхали чиновники. Во главѣ ихъ былъ второй губернаторъ (по нашему вице-губернаторъ) Эддо; ему-то, кажется, мы и были поручены: послѣ я его видѣлъ при всѣхъ церемоніяхъ. Это былъ худенькій, небольшой

человѣчекъ, съ виду очень изнѣженный и большой болтунъ. Костюмъ его отличался японскою элегантностью; нѣкоторыя складки одежды его оттопыривались, другія-же легко драпировались на худощавомъ тѣлѣ; верхняя кофта была изъ совершенно-сквозной матеріи, точно паутина; еслибъ ее свѣсить, то она, кажется, не вытянула бы никакого вѣса; съ тонкими ея складками могли сравниться развѣ морщинки гладкаго лица, выражавшаго, вмѣстѣ съ лукавствомъ, много и добродушія. Другіе тоже были какъ-то подъ стать къ этому главному чиновнику; между ними находился мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, также чиновникъ, съ двумя саблями, въ церемоніяльныхъ панталонахъ изъ тонкой золотистой шелковой матеріи съ крупными узорами и съ гербами на кофтѣ. Всѣ они хикали и кланялись, но не такъ, какъ бы стали кланяться чиновному японцу,— видна была претензія на европейскіе поклоны! Первое, о чемъ они заговорили, было то, чтобы мы не съѣзжали на берегъ; они-де не ручаются за народъ, еще не привыкшій видѣть европейцевъ (между тѣмъ какъ американскій резидентъ и англійскій консулъ живутъ уже нѣсколько времени въ Эддо). Имъ объявили на-отрѣзъ, что мы у нихъ и спрашивать объ этомъ не станемъ, и двое изъ нашихъ сейчасъ же отправились на берегъ.

При спускѣ нашего флага, на японскихъ корветахъ поднялась суета, и скоро ихъ флаги съ нарисованнымъ на бѣломъ полѣ краснымъ шаромъ, представляющимъ солнце, полетѣли одинъ за другимъ внизъ. «*Пластунъ* нашъ — видно японское флагманское судно», замѣтили клиперскіе остряки.

Вечеромъ, когда мракъ окуталъ окружавшіе насъ предметы, вдали на морѣ показался длинный рядъ слабо-колеблющихся огней; ихъ было такъ много, что сосчитать было бы невозможно; то выѣхали рыбаки ловить на огонь

рыбу. Ночь была безмолвна, какъ и день, потому что городской шумъ не долеталъ до насъ, да и въ городѣ тишина постоянная: въ японскомъ городѣ не шумятъ.

На другой день еще съ утра пріѣхали опять тѣ же чиновники и привезли подарки: двѣ дюжины куръ, корзину съ грушами и персиками, какихъ-то мучныхъ липкихъ лепешекъ, къ которымъ никто не рѣшался прикоснуться, даже макака нашъ помялъ въ лапахъ да и бросилъ. Отдавая подарки, чиновники еще разъ повторили просьбу не ѣздить на берегъ; но имъ окончательно сказали, что будемъ ѣздить, и въ подтвержденіе этого скоро нѣкоторые сѣли на катеръ и отвалили отъ борта.

Держа лѣвѣе первой батареи, мы оставляли за собой много джонокъ, стоявшихъ на якоряхъ; проѣхали мимо совершенно выгруженнаго, стариннаго голландскаго трехмачтоваго судна, принадлежащаго князю сатцумскому, одному изъ самыхъ независимыхъ феодаловъ Японіи, и вмѣстѣ прогрессисту. На каменномъ основаніи выведены были брустверы, красиво обложенные зеленымъ дерномъ; кругомъ каждой батареи вбиты были въ одинъ рядъ сваи. Пушки закрыты выстроенными надъ ними черными домиками, видными сквозь широкія амбразуры. Въ числѣ этихъ пушекъ, говорятъ, были и тѣ, которыя наше правительство подарило японцамъ съ разбившагося въ Симодѣ фрегата *Діаны*. Между батареями и берегомъ малая вода обнажила какую-то насыпь, можетъ быть будущую батарею, обнесенную кругомъ также сваями; у нѣкоторыхъ деревьевъ привязаны были лодки, хозяева которыхъ, шагая голыми ногами по обсохшимъ мѣстамъ, собирали (въ висѣвшіе на ихъ плечахъ мѣшки) ракушки и раковъ. Рѣдкій японецъ пропустилъ насъ и чего-нибудь не крикнулъ: привѣтствіе ли это было, или брань, или глумленіе—кто ихъ знаетъ! Наконецъ, безъ усилія и безъ помощи зрительныхъ трубъ можно было разсмотрѣть набережную. Мѣстами она была

сложена изъ крупнаго дикаго камня, мѣстами деревянный частоколъ укрѣплялъ, вѣроятно, обваливающійся берегъ. Нѣкоторые домики, прикрывшись со всѣхъ сторонъ деревьями и цвѣтами, смотрѣли веселыми дачами на взморьѣ: съ покрытыхъ зеленью дворовъ ихъ спускались каменныя ступени къ водѣ, въ которой, пользуясь мелкимъ мѣстомъ, плескалась, я думаю, сотня мальчишекъ и дѣвчонокъ, поднявшихъ страшный шумъ при нашемъ приближеніи. За отлогимъ берегомъ, покрытая зданіями мѣстность становилась холмистѣе, и высокіе кедры, считавшіе своими наслоеніями вѣроятно не одно столѣтіе, величественно распространяли свои изогнутыя вѣтви надъ храмами и пагодами. Покрывавшая самый склонъ холма зелень подстрижена была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ искусно, что смотрѣла совершенно правильною стѣной. Избравъ на-удачу одну изъ многихъ пристаней, мы, черезъ какой-то дворикъ, вышли на улицу, идущую вдоль берега. Не имѣя никакого плана, не зная какихъ-либо опредѣленныхъ пунктовъ, мы рѣшились идти на-удачу. Такого рода прогулки имѣютъ свою прелесть, особенно въ такомъ городѣ, гдѣ для васъ все ново и оригинально. Здѣсь путешественникъ не предупрежденъ, не закупленъ заранѣе восхищаться какимъ-нибудь памятникомъ, съ которымъ связано великое его историческое значеніе. Его не преслѣдуютъ, какъ кошемары, легенды и сказанія, стереотипные похвалы и восторги, сдѣлавшіеся до того приторными, что многіе нарочно не ходятъ смотрѣть то, о чемъ кричали имъ прежніе туристы. Здѣсь онъ, совершенно посторонній зритель, случайно попадаетъ въ водоворотъ двухъ-милліоннаго населенія, видитъ тысячелѣтній городъ, не выстроенный, а выросшій вмѣстѣ съ Японіей, съ ея исторіей и своеобразною цивилизаціей. И вотъ путешественнику предстоитъ удовольствіе отыскивать слѣды японской національности на улицахъ, въ княжескихъ кварталахъ, въ храмахъ, на ли-

цахъ жителей, въ загородныхъ мѣстахъ, на площадяхъ; натурально, на всемъ долженъ быть свой отпечатокъ. Столица Японіи должна имѣть свою физіономію, и поэтому, изучая ее, все равно съ чего бы ни начать. Я былъ въ Эддо пять разъ, въ пяти направленіяхъ осматривалъ его, пѣшкомъ и на лошади, употребляя каждый разъ не меньше дня на прогулку, и, несмотря на это, видѣлъ только небольшую часть его. Чтобы дать возможно-полный отчетъ въ видѣнномъ мною, буду продолжать разсказъ, сознаваясь, что можетъ быть онъ часто будетъ надоѣдать, потому что скучно описывать улицы да улицы, повороты налѣво и повороты направо; но на улицахъ мы будемъ видѣть японцевъ, народъ очень занимательный и интересный. Улицы, по которымъ мы шли, были торговыя. Каждый домъ, деревянный, но выштукатуренный и выкрашенный бѣлою краской, имѣлъ два этажа; нижній занятъ лавкой, въ верхнемъ—или жилье хозяевъ, или складочное мѣсто, или наконецъ мѣсто для отдохновенія, гдѣ можно найти чтó поѣсть и чай. Непрерывная цѣпь лавокъ продолжалась на необозримое пространство и кончалась вмѣстѣ съ городомъ, почтительно обойдя княжескій кварталъ и *О'сиро*, замокъ, то-есть центральную часть города, омываемую каналомъ, гдѣ находится дворецъ тайкуна. За то вездѣ, по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, во всѣхъ улицахъ и переулкахъ, лавки съ товарами являются на каждомъ шагу, удивляя страшнымъ количествомъ мануфактурныхъ издѣлій. Но, вспомнивъ, что въ самомъ Эддо около двухъ милліоновъ жителей, и что отсюда идутъ товары на всю Японію, перестаешь удивляться этому огромному числу лавокъ. Лавки завалены товарами, необходимыми для ежедневной жизни японца,—соломенною обувью и шляпами, готовымъ платьемъ, желѣзными вещами, оружіемъ, религіозными принадлежностями, съѣстными припасами и зеленью, книгами, картинами, простымъ фарфоромъ. Пройдя

мимо тысячи лавокъ, спрашиваешь себя: гдѣ же эти вещи, такъ хвастливо выставленныя для европейцевъ въ Юкагавѣ? гдѣ эти лаковые экраны и великолѣпные фарфоры? нужны-ли они для японцевъ, или это только издѣлія искусства, производимыя по вдохновенію, а не по требованію богатыхъ японцевъ? Въ Эддо ихъ не видно; европеецъ можетъ ихъ отыскать, но съ большимъ трудомъ. Самый богатый японецъ также простъ въ своей домашней жизни, какъ и бѣдный. Богатство состоитъ въ количествѣ комнатъ, въ чистотѣ деревянной отдѣлки на столбахъ и перекладинахъ, въ красотѣ лаковой посуды, въ оружіи, да въ бездѣлюшкахъ, въ которыхъ, прибавлю, японцы великіе артисты. Такъ напримѣръ, табачницы ихъ прикрѣпляются къ поясу пуговицей; эти пуговицы составляютъ совершенно-специяльную отрасль промышленности. Форма ихъ разнообразится до безконечности; въ нихъ виденъ артистическій талантъ японца и, вмѣстѣ, его нѣсколько юмористическій характеръ: нельзя не сказать, что въ этихъ пуговицахъ много воображенія и вкуса. Пуговица представляетъ то двухъ дерущихся супруговъ, то рыбака, плетущаго сѣть,—выработана даже солома на сандаліяхъ и перевитыя пряди веревки; то борца, поднявшаго своего противника, мясистаго толстяка, совершеннаго Фальстафа, на плечи; то медвѣдя, гложущаго человѣческій черепъ; коршуна, рвущаго клювомъ своимъ цаплю. Эти пуговицы называются *нитцки*; дѣлаются онѣ или изъ слоновой кости, или изъ мягкаго темнаго дерева. Нитцки вы найдете вездѣ, особенно въ лавкахъ, напоминающихъ наши мѣняльныя, гдѣ фарфоровое блюдо лежитъ рядомъ съ желѣзнымъ шишакомъ, сабля вмѣстѣ съ старымъ платьемъ; въ хламѣ всякой мелочи непремѣнно отыщете и нитцку.

Едва показались мы на улицѣ, какъ изъ всѣхъ угловъ и лавокъ появились коричневыя фигуры японцевъ, взрослыхъ и дѣтей, старухъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ,

и вмигъ составилась вокругъ насъ любопытная толпа, впрочемъ очень внимательная и вѣжливая. Дѣти, отъ самыхъ маленькихъ, еще висѣвшихъ за спиною сестренокъ своихъ, и до самихъ носильщицъ, смотрѣли на насъ съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ безотчетнымъ какимъ-то страхомъ. По волненію на этихъ молодыхъ лицахъ нельзя было рѣшить, останется ли это лицо покойнымъ, разразится ли плачемъ, или закричитъ. Нѣкоторыя дѣти были довѣрчивѣе и ясною улыбкою отвѣчали на наши. Старушки съ неменьшимъ любопытствомъ продирались къ намъ. Японская старушка, съ своимъ коричневымъ, сморщеннымъ лицомъ, не уступитъ по оригинальности любой нитцкѣ. Едва выйдя замужъ, женщина начинаетъ красить зубы ѣдкимъ, чернымъ составомъ, заставляющимъ часто ротъ ея принимать неестественное положеніе. Старость выработала на рту, на мѣстѣ всякаго движенія, рѣзкую складку; старуха уже лишилась зубовъ, и губы тоже куда-то исчезли, остались однѣ морщинки, образующія изо рта, при улыбкѣ, форму сердечка. Волосы ея еще черны и блестятъ, благодаря японской помадѣ, но она уже не стыдится обнажить свою, можетъ-быть, нѣкогда прекрасную грудь; жарко ей, и она спуститъ съ худощаваго плеча широкій рукавъ синяго халата, а иногда и оба, и нецеремонно откинетъ ихъ назадъ. За старушкой протѣснится на улицѣ голая атлетическая фигура молодца, и вы остановитесь передъ чудными узорами татуировки, которыми, лучше всякаго платья, украшена его спина, грудь и руки. Между смѣлыми арабесками синяго цвѣта, вы видите фигуру женщины, воина, сидящаго на конѣ, двухъ сражающихся, или животныхъ и т. д. Кромѣ синяго цвѣта, мѣстами выступаетъ красный, производящій, вмѣстѣ съ третьимъ, естественнымъ цвѣтомъ коричневаго тѣла японца, рисунокъ съ большимъ вкусомъ и очень пріятный. На го-

Японцы (Эддо)

лыхъ господахъ есть однако небольшія синія или голубыя повязки; на другихъ, сверхъ того, еще синіе халаты. Множество черныхъ, ясныхъ глазъ съ живостью слѣдятъ за нами. На верхнихъ этажахъ лавокъ, выведенныхъ иногда галереями, съ висящими разноцвѣтными фонарями, показывались дѣвушки, иногда очень хорошенькія; костюмъ ихъ уже измѣнялъ любимому японцами синему цвѣту, а бросался въ глаза или яркимъ, краснымъ, широкимъ поясомъ, или гофрированнымъ крепомъ, также яркаго цвѣта, вплетеннымъ въ черные блестящіе волосы. Оттуда, сверху посылаютъ онѣ нецеремонныя улыбки. Поймавшій эту улыбку, идущій около васъ, японецъ непремѣнно укажетъ пальцемъ по направленію балкона, повторивъ нѣсколько разъ: «Мусуме, нипон'мусуме!» что значитъ: «дѣвочка, японская дѣвочка!» Иногда ему приходятъ въ душу не совсѣмъ чистыя мысли, которыя онъ выражаетъ мимикой, чѣмъ возбуждаетъ смѣхъ какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, совершенно понимающихъ въ чемъ дѣло. Иногда же это просто желаніе научить васъ, какъ называется дѣвочка по японски. Встрѣтивъ ѣдущаго верхомъ японца (натурально, если онъ не чиновникъ,—чиновникъ человѣкъ важный), увидите, что онъ укажетъ на лошадь и непремѣнно скажетъ: «Нипон'ма, то-есть: «по-японски — лошадь.» Это хорошая черта. Предполагающій въ другомъ любознательность, должно-быть и самъ любознателенъ, и въ этомъ нельзя отказать японцамъ.

Рѣдко гдѣ толпа производитъ на первый разъ такое пріятное впечатлѣніе, какъ въ Японіи. Лица всѣхъ такъ выразительны и такъ умны, что вы часто задаете себѣ задачу всматриваться во всѣ лица, съ цѣлію отыскать глупое лицо, и рѣшительно не находите. Я говорю, конечно, о первомъ впечатлѣніи; при болѣе-внимательномъ знакомствѣ съ ними, во многомъ разочаруешься... Вотъ уличный мальчикъ, не отстающій отъ насъ съ самой

пристани; снимите съ него халатъ, и нарядите въ курточку, съ бронзовыми пуговками, и причешите, какъ обыкновенно причесываютъ модныхъ мальчиковъ, — онъ непремѣнно будетъ принадлежать у насъ къ разряду тѣхъ благонравныхъ дѣтей, у которыхъ никогда не увидите ни замаранныхъ рукъ, ни испачканнаго платья. Какъ этотъ мальчишка прилично ведетъ себя! Этотъ тактъ, этотъ ésprit de conduite нигдѣ не оставляетъ японца, гдѣ бы вы ни встрѣтили его, развѣ тамъ, гдѣ онъ знаетъ, что вы отъ него зависите. Это впечатлѣніе, такъ-сказать, приличности ведетъ мало знакомыхъ съ японцами къ ложнымъ заключеніямъ; видятъ въ нихъ народъ съ великимъ будущимъ, замѣчательныя способности и т. п.; но эта сдержанность, выражающаяся приличіемъ, не есть залогъ будущей силы, а только слѣдствіе постоянныхъ колодокъ, въ которыхъ искони находился этотъ народъ; онъ не при началѣ развитія, онъ выжатъ подъ гнетомъ всего прошедшаго, изъ него выдавлены всѣ духовныя силы. Выжимокъ сдѣлался тихъ, не смѣетъ шумѣть; сталъ послушенъ. Онъ пріученъ къ смиренію цѣлыми столѣтіями и войнами, которыя сопровождались безчеловѣчными казнями; побѣдители и притѣснители оставляли послѣ себя память тѣхъ ужасовъ, которые были при нихъ дѣломъ увлеченія и которые перешли потомъ въ холодно-административный духъ законовъ, нѣсколько столѣтій управляющихъ Японіей. Народъ сталъ послушенъ и уменъ, но умомъ лукавымъ; едва ли въ какой сторонѣ найдется столько людей, способныхъ къ дипломаціи, какъ въ Японіи; японецъ дипломатъ, когда облеченъ властію, дипломатъ на улицѣ, дипломатъ дома; нѣтъ ни одной фазы его жизни, въ которую бы онъ не вносилъ этого элемента, иногда съ цѣлію, а чаще безъ всякой цѣли, просто по привычкѣ. Японецъ добръ отрицательною добротой; для подвига добра у него нѣтъ нравственныхъ основаній. Его религія,

въ сектахъ которой самъ онъ путается, не налагаетъ на него обязанности любви къ ближнему; она говоритъ о соблюденіи чистоты души, сердца и тѣла, да только черезъ *послушаніе закону разума*, а для японца законы разума—предержащія власти. Совѣсть свою онъ успокоиваетъ, если даже она и потревожится отъ недостатка добрыхъ дѣлъ, сохраненіемъ священнаго огня, символа чистоты и просвѣтлѣнія, или соблюденіемъ праздниковъ, которыхъ у него не меньше нашего, да, въ крайнемъ случаѣ, путешествіемъ къ святымъ мѣстамъ (обыкновенно въ храмъ *Тенъ-сіа-даи-ціу*, въ Изіа, гдѣ, говорятъ, родилась богиня солнца).

Мѣстами, гдѣ толпа слишкомъ сгущалась, появлялись полицейскіе съ длинными желѣзными палками, на верху которыхъ придѣлано нѣсколько свободно двигающихся, также желѣзныхъ, колецъ, сотрясеніемъ своимъ производящихъ звукъ, похожій на звукъ цѣпей. Палкой ударятъ по землѣ, кольца запрыгаютъ, и звукъ этотъ, хорошо знакомый японцамъ, разгоняетъ толпу. Полицейскіе на каждомъ шагу; они составляютъ родъ національной стражи. Часто видишь полицейскаго въ короткой темносиней рубашкѣ, съ крупными бѣлыми арабесками и съ краснымъ гербомъ какого нибудь князя на спинѣ, а иногда совсѣмъ голаго, только съ небольшою тряпичкой; иногда это мальчикъ; а иногда почтеный старичокъ, едва идущій. Японцы къ этимъ желѣзнымъ палкамъ имѣютъ, кажется, такое же уваженіе, какъ англичане къ палочкѣ полисмена.

Но вотъ площадь; ее прорѣзываетъ неширокій каналъ; берега его не обдѣланы каменною набережной; они зеленѣютъ травой; мѣстами видно и деревцо, и кустарникъ, черезъ каналъ перекинулся мостъ. Справа, на большомъ возвышеніи, глухо-заросшій садъ; исполинскія его деревья вѣтвями и листвой охватили широкій холмъ, и въ этой

тѣнистой сѣни кое-гдѣ мелькнетъ то бѣлая стѣнка строенія, то зубчатая башня пагоды, соперничая съ маститыми кедрами и дубами. Сколько лѣтъ считаетъ себѣ этотъ садъ, сколько времени протекло подъ его постоянно-заманчивою тѣнью! Къ этимъ разросшимся садамъ какъ-то идетъ слово «дѣдовскій». Сами японцы посвящаютъ эти сады храмамъ, въ которыхъ покланяются предкамъ. Религія Синто есть поклоненіе высшему, по всему міру распространенному существу, столь великому, что къ нему нельзя обращаться непосредственно; поклоненіе идетъ чрезъ 492 духовныя существа или ангела, и чрезъ 2640 святыхъ, или канонизированныхъ, достойныхъ людей, оставившихъ имя свое или въ исторіи, или въ преданіи... Ихъ-то изображенія видны въ безчисленныхъ японскихъ храмахъ, имъ-то собственно покланяются.

Намъ очень захотѣлось дойти до этого сада, такъ заманчиво глядѣвшаго своими развѣсистыми дубами; но невидимая рука затворила предъ нами ворота, и мы должны были поневолѣ идти прочь. Послѣ мы узнали, что здѣсь храмъ, въ которомъ сооружаютъ гробницу умершему въ прошломъ году тайкуну, и что строжайше запрещено впускать туда европейцевъ.

Нечего было дѣлать—опять пошли по торговымъ улицамъ, встрѣчая ту же толпу, тѣхъ же полицейскихъ. Иногда встрѣчались тяжелыя двухколесныя фуры, запряженныя огромными быками, мускулистыя формы которыхъ напоминали лучшую голландскую породу; встрѣчались тѣ же фуры, везомыя голыми людьми, которые кадансированными криками облегчали себѣ физическій трудъ. Попадался чиновникъ верхомъ или въ *норимонѣ* (носилкахъ); чѣмъ важнѣе онъ, тѣмъ многочисленнѣе его свита; увидѣть такого чиновника въ Хакодади—эпоха, какъ, въ былое время, увидѣть кавалергарда въ Москвѣ, а тутъ они, то-есть важные чиновники, на каждомъ шагу. Если

чиновникъ изъ мелкихъ, то впереди идутъ человѣка три, да съ боковъ человѣкъ по пяти; одни несутъ высокіе значки, другіе лакированые сундуки съ дѣлами; самъ же онъ ѣдетъ верхомъ, лошадь въ парадномъ сѣдлѣ, грива за ушами связана нѣсколькими стоящими кверху кисточками, а на копытахъ синіе чулки и соломенныя сандаліи; на крупѣ широкая раковина, вызолоченная и съ кистями какъ у древнихъ рыцарей, а хвостъ въ голубомъ мѣшкѣ; вездѣ, гдѣ можно, на уздѣ, нагрудникѣ,—кисти и украшенія. Стремя выгнуто широкимъ крючкомъ и все выложено мозаикой. Это еще не важное лицо, но по количеству несомыхъ сзади сундуковъ съ дѣлами можно судить о степени его важности. Иногда свита доходитъ до ста человѣкъ, а если это въѣзжающій въ городъ князь, то до пяти и десяти тысячъ. Но тамъ уже цѣлая процессія. Идутъ одинъ за другимъ, въ парадныхъ платьяхъ, стрѣлки, охотники, арбалетщики (вооруженные большими луками и колчанами). Отряды раздѣляются верховыми. Кромѣ дѣлъ, несутъ вещи, подарки, припасы; нѣкоторые берутъ съ собою даже запасные гробы, неравно случится умереть дорогой. Всякій верховой непремѣнно чиновникъ, и при немъ своя свита: оруженосецъ несетъ саблю, другой вѣеръ, третій шляпу. Я видѣлъ подобную процессію,—въѣзжалъ повѣренный матцмайскаго князя въ Хакодади. Это шествіе годилось бы въ любой балетъ, со всѣми костюмами, значками, сѣдлами, луками и пестротой общаго вида. Кромѣ чиновничьихъ норимоновъ, крытыхъ носилокъ, иногда превосходно отдѣланныхъ плетеною соломой и лаковымъ деревомъ, встрѣчаются открытыя носилки, *каю*; ихъ нанимаютъ, какъ нашихъ извощиковъ. По два дюжихъ голыхъ японцевъ просто бѣгутъ съ этими носилками.

Но вотъ еще процессія, часто попадающаяся на улицѣ. Впереди несутъ, на высокихъ палкахъ, два бумаж-

ные, незажженные фонаря. Идетъ бонзъ съ бритою головою и съ перекинутою черезъ одно плечо шелковою мантіей свѣтлаго цвѣта; за нимъ, на носилкахъ, несутъ цилиндрическую бочку, завернутую въ бѣлую простыню; надъ ней небольшой деревянный балдахинъ и много вырѣзанныхъ изъ бумаги цвѣтовъ,—это несутъ гробъ. За гробомъ толпа родственниковъ, въ новыхъ платьяхъ; головы повязаны бѣлыми платками, въ знакъ траура. Покойника приносятъ въ храмъ и ставятъ передъ входомъ, противъ алтаря. Около него зажигаютъ свѣчи и ставятъ скатанные изъ муки шарики; главный бонзъ садится напротивъ, спиною къ алтарю, другіе помѣщаются въ два ряда по обѣимъ его сторонамъ, и начинается служба. Монотоннымъ голосомъ бонзы поютъ молитвы, растирая въ рукахъ чотки и прикладывая сложенныя руки къ груди. По временамъ ударяютъ въ колоколъ, и равномѣрный звукъ его даетъ какой-то правильный ритмъ служенію. Иногда зазвенитъ маленькій колокольчикъ, сливаясь своимъ рѣзкимъ звукомъ съ носовымъ пѣніемъ бонзъ, и снова ударъ колокола напомнитъ о нарушенномъ ритмѣ. Слабые нервы отъ этого скоро раздражаются, словно даютъ вамъ нюхать что-то одурящее: чувствуешь и безотчетную грусть, и что-то неловкое въ груди, точно тамъ что-то колеблется,—таково дѣйствіе этихъ звуковъ. Есть сказка о существованіи гармоники, съ стеклянными колокольчиками, приводившей нѣкоторыхъ въ изступленіе; впечатлѣніе похоронной службы японцевъ напоминаетъ эти гармоники. Но вотъ служба кончилась; бонзы, сдѣлавъ свое дѣло, идутъ домой. Гробъ разоблачаютъ отъ украшавшихъ его бумажныхъ цвѣтовъ; по цвѣтку беретъ себѣ каждый изъ родственниковъ, покойника ставятъ въ крытый норимонъ и несутъ на кладбище. Тамъ его сжигаютъ. Не одинъ разъ приходилось и мнѣ быть при сожженіяхъ; гробъ обкладываютъ дровами и стружками, разводится огонь съ

помощію бросаемыхъ родными на костеръ зажженныхъ бумажныхъ цвѣтовъ: этимъ родные исполняютъ послѣдній долгъ покойнику и уходятъ... Съ костромъ остается только одна личность, могильщикъ по нашему, вѣроятно сожигатель — по японски. Мрачное, хотя и при свѣтѣ огня, занятіе его, вѣроятно, и въ немъ развиваетъ характеръ, напоминающій шекспировскаго и вальтеръ-скоттовскаго могильщиковъ; я даже помню одну такую личность въ Хакодади; онъ былъ, конечно, совершенно равнодушенъ къ дѣлу и часто смѣялся не знаю чему. Но вотъ огонь добрался до бочки, часть ея сгараетъ, и втиснутый туда трупъ разгибается и поднимаетъ между горящими полѣньями свою обгорѣлую голову. Оставайтесь до конца, и вы увидите весь процессъ, въ продолженіи котораго человѣкъ становится прахомъ, углемъ, золой... Пепелъ относится къ родственникамъ, которые еще 40 дней держатъ его дома и потомъ уже закапываютъ гдѣ-нибудь по близости храма. Этотъ родъ погребенія называется *кнозо*. Но не всѣхъ японцевъ жгутъ; нѣкоторыя секты закапываютъ покойниковъ въ землю какъ у насъ (дозо), и наконецъ, нѣкоторыхъ бросаютъ въ море (сонзіо). Въ старину сожигали домъ умершаго, теперь довольствуются очищеніемъ его молитвами и куреніемъ благовоній. Трауръ продолжается у однихъ годъ, у другихъ сорокъ дней, въ продолженіи которыхъ ежедневно посѣщаютъ могилу. На пятидесятый день ставится памятникъ; мужчины сбриваютъ бороды, отпущенныя во время траура, и отдаютъ благодарственный визитъ участникамъ въ похоронахъ. Въ продолженіи пятидесяти лѣтъ дѣти посѣщаютъ въ новый годъ могилу родителей.

Посреди встрѣчающейся толпы вы видите разнощиковъ, дребезжащимъ голосомъ предлагающихъ свой товаръ; странствующихъ монаховъ, собирающихъ милостыню; монаховъ вы узнаете по большой круглой соло-

менной шляпѣ и по мѣдной чашечкѣ, висящей у нихъ на поясѣ, въ которую они бьютъ молоточкомъ; въ томъ же костюмѣ ходятъ и странствующія монахини. Говорятъ, будто онѣ составляютъ родъ нищенствующей общины, живутъ въ горахъ недалеко отъ Міако, и молодыя изъ нихъ выманиваютъ у проѣзжающихъ деньги часто тѣмъ же способомъ, какъ индѣйскія баядерки. Пустынники, живущіе въ горахъ, называются *яма-бусъ*; ихъ секта примыкаетъ къ буддаическимъ сектамъ; только они женятся и ѣдятъ мясо.

Часто встрѣчаются огромныя лошади, тяжело навьюченныя, рабочіе, дѣти, собаки, и, несмотря на страшное населеніе, вездѣ просторно, нигдѣ не видишь накопленія народа, какъ, напримѣръ, въ китайскомъ городѣ, съ его неизбѣжными спутниками—вонью и грязью. Здѣсь улицы, убитыя пескомъ и щебнемъ, просторны; кромѣ того, обширныя мѣста, принадлежащія храмамъ и князьямъ, покрыты сплошными садами, иногда занимающими такое пространство, что, кажется, въ границахъ одного того мѣста можно было бы выстроить цѣлый городъ. Эти сады постоянною свѣжестью и тѣнью оживляютъ городъ; ихъ, какъ парки Лондона, можно назвать легкими города Эддо.

Скоро мы свернули въ княжескій кварталъ: лавки прекратились, потянулись сплошныя стѣны длинныхъ однообразныхъ зданій, очень чистыхъ снаружи, но скучныхъ по своей безформенности и правильности. Улицы педантически чисты. Каждый князь (кокъ-сіу, повелители земли) имѣетъ въ Эддо отдѣльное, ему принадлежащее, мѣсто, обнесенное со всѣхъ четырехъ сторонъ двухъ-этажными зданіями, выштукатуренными снаружи бѣлымъ стукомъ, и замыкающими собою, какъ стѣнами острога, все внутреннее жилье. У каждаго живетъ по нѣскольку тысячъ прислуги, войска, свиты, нахлѣбниковъ, блюдолизовъ,

женъ и проч. Все это имѣетъ свои дома, сады, храмы, и существуетъ для одного лица, владѣнія котораго въ городѣ ограничены описаннымъ мною зданіемъ, гдѣ живетъ прислуга; сквозь окна, съ крѣпкими деревянными рѣшетками, видны, точно колодники, ихъ обитатели. Иногда выглянетъ хорошенькая *мусуме*, иногда старческое лицо солдата, иногда испорченная золотухой дѣтская головка. Кругомъ зданія идетъ ровъ, наполненный водой, такъ что всякій князь можетъ, пожалуй, выдержать осаду. Входомъ служатъ всегда великолѣпныя ворота, часто выведенныя всѣ подъ лакъ, съ бронзовыми украшеніями, съ гербомъ князя и изображеніемъ трехъ листьевъ, эмблемы власти. Въ архитектурѣ воротъ нѣсколько разыгрывается воображеніе зодчаго. Но отсутствіе всякой кривой линіи, въ стремящихся кверху частяхъ зданія, даетъ имъ видъ какой-то форменности, какъ языку нашихъ офиціяльныхъ бумагъ.

Вся Японія, въ полномъ смыслѣ слова, феодальное государство, дѣлится на 604 отдѣльныя княжества, большія и маленькія, съ ихъ владѣніями, провинціями и городами. Князей два разряда. Одни, *высокодостопочтенные*, ведущіе свое начало со временъ глубокой древности; они примыкаютъ къ микадо и составляютъ представителей древней Японіи; другіе просто *достопочтенные*, происхожденія недавняго, окружающіе тайкуна, и получившіе княжеское достоинство въ награду за поддержаніе власти тайкуна; въ ихъ-то рукахъ находится все управленіе Японіей. Изъ нихъ составляется верховный совѣтъ, между тѣмъ какъ высокодостопочтенные заботятся о сохраненіи чистоты языка «ямато», древне-японскаго, проводятъ жизнь въ процессіяхъ и церемоніяхъ, и сочиняютъ стихи. Достоинство князя наслѣдственно. Государственный совѣтъ состоитъ изъ пяти князей и восьми благородныхъ лицъ. Каждый изъ членовъ имѣетъ свое отдѣленіе. Всѣ обще-

ственные случаи представляются на рѣшеніе этого совѣта. Онъ утверждаетъ казни, назначаетъ сановниковъ и постоянно находится въ сношеніяхъ съ провинціяльными властями. Послѣ зрѣлаго обсужденія, окончательное рѣшеніе предоставлено тайкуну, который большею частію согласенъ съ мнѣніемъ совѣта; въ случаѣ же несогласія собирается особенный, высшій совѣтъ, въ которомъ обыкновенно участвуетъ наслѣдникъ престола, если онъ совершеннолѣтній. Рѣшеніе этого совѣта непреложно. Если оно противно мнѣнію тайкуна, то послѣдній долженъ отказаться отъ престола въ пользу наслѣдника и удалиться въ одинъ изъ многихъ замковъ, принадлежащихъ его роду, гдѣ онъ и ведетъ частную жизнь. Въ противномъ случаѣ, то-есть, если онъ не захочетъ удалиться, слѣдствія бываютъ хуже: судьи, горячѣе всѣхъ защищавшіе свое мнѣніе, а иногда и цѣлый совѣтъ, присуждаются къ *хара-кири*, то-есть должны себѣ распороть брюхо (*). Политика тайкуна состоитъ, какъ кажется, въ томъ, чтобы съ осторожностію наблюдать надъ силой всякаго удѣльнаго князя и временными кровопусканіями сдерживать ихъ въ извѣстныхъ границахъ. Князьямъ вмѣняется въ обязанность, черезъ годъ или каждый годъ по шести мѣсяцевъ, жить въ Эддо, гдѣ семейства ихъ живутъ постоянно, въ залогѣ. Князья связаны строгими церемоніялами, могутъ только на извѣстное время, и то подъ присмотромъ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, оставлять двор-

(*) *Хара-кири* значитъ «счастливое разлученіе». Такъ какъ въ Японіи казнь налагаетъ на семейство преступника стыдъ, и имѣніе подвергается конфискаціи, то всякій порядочный японецъ, совершивъ преступленіе, достойное казни, долженъ избавиться отъ нея самоубійствомъ. Осужденный собираетъ вокругъ себя все семейство, прощается съ нимъ и вспарываетъ себѣ брюхо коротенькимъ ножомъ, который каждый припасаетъ себѣ для такого случая; въ то же время оруженосецъ его перерѣзываетъ ему горло. Этимъ способомъ преступленіе очищается, и память объ умершемъ сохраняется, какъ о благородномъ и храбромъ японцѣ.

цы свои, гдѣ они всегда окружены шпіонами, доносящими объ ихъ малѣйшихъ дѣйствіяхъ въ Эддо. Наблюдается, чтобы два пограничные князя не были въ одно время дома; слѣдятъ за возрастаніемъ ихъ матеріяльнаго богатства, положить предѣлы которому всегда есть средства. Такъ, вмѣняется князьямъ въ обязанность содержаніе войскъ; князья Фитценъ и Тсикузенъ должны содержать на свой счетъ цѣлый портъ. Всякій князь, во время своего пребыванія въ Эддо, обязанъ истрачивать большія деньги. Тайкунъ пошлетъ ему какой-нибудь незначительный подарокъ, князь долженъ отвѣтить богатѣйшимъ. Бѣлая цапля, собственноручно пожалованная тайкуномъ, получившему этотъ подарокъ обходится почти въ половину имѣнія. Если же всѣ эти средства недостаточны, князь все еще силенъ и имѣетъ вліяніе, то прибѣгаютъ къ послѣднему: тайкунъ называется къ своей жертвѣ въ гости, или доставляетъ ему отъ микадо какое-нибудь почетное и высокое мѣсто; издержки на угощеніе великаго гостя истощаютъ въ-конецъ богатѣйшее имѣніе, а промотавшійся князь поступаетъ въ свою очередь такимъ же образомъ съ своими вассалами, которые также не остаются въ долгу у нижестоящихъ...

Надъ жизнію и смертію князя тайкунъ не имѣетъ права; но онъ можетъ принудить микадо заставить князя отказаться отъ княжества въ пользу своихъ наслѣдниковъ. Князь въ своей провинціи имѣетъ право надъ жизнію и смертію своихъ подданныхъ, между тѣмъ какъ губернаторы, назначаемые отъ правительства, ожидаютъ на это рѣшенія изъ Эддо.

Между широкими улицами княжескаго квартала, часто попадаются площадки, на которыхъ торчатъ переносныя лавчонки мелкихъ торговцевъ; тутъ странствующій дантистъ съ готовыми челюстями (скажу между прочимъ, что японцы не дергаютъ зубовъ, а выбиваютъ ихъ); тутъ

натуралистъ-японецъ съ коллекціями бабочекъ, съ маленькими звѣрьками и разными курьезными вещами: у него жукъ, посаженный подъ увеличительное стекло, смотритъ японскимъ монахомъ; другой, у котораго видны только четыре переднія ноги,—совершенный быкъ. Для какой нибудь пестрой мыши устроена деревянная башенка, а сверху вставленъ калейдоскопъ; смотришь, и сотни мышей бѣгаютъ передъ глазами въ различныхъ направленіяхъ. Тутъ столы съ книгами и разными старыми вещами. Одна изъ главныхъ площадей сжимается въ узкій переулокъ, который нѣсколькими поворотами идетъ подъ гору; слѣва крутой подъемъ на гору, весь покрытый разросшеюся зеленью, въ тѣни которой вьется кверху каменная лѣстница; нѣсколько камней вывалилось уже изъ ея ступеней; она ведетъ подъ тѣнь высокихъ деревьевъ, гдѣ видно довольно большое кладбище.

«Я вѣрю, здѣсь былъ грозный храмъ!» а теперь однѣ развалины, слѣды страшнаго землетрясенія 1855 года, которые здѣсь часто встрѣчаешь. По верху этой горы, далѣе идетъ цѣлый рядъ капищъ и храмовъ. Мы повернули черезъ улицу, состоявшую изъ превосходныхъ магазиновъ, наполненныхъ предметами роскоши и удовольствія съ различными цвѣтными звенящими стеклами, съ вышитыми подушками, фарфорами, разрисованными обоями на шелковой матеріи и на бумагѣ, съ книгами и иллюстрированными изданіями; этою улицей вышли мы на другую большую улицу, которая здѣсь была гораздо шире, нежели въ своемъ началѣ; по ней, вѣроятно на каждой сотнѣ саженей, были ворота; они раздѣляютъ кварталы. У каждыхъ воротъ смѣнялись при насъ полицейскіе, съ своими звенящими палками, и провожали насъ до слѣдующихъ воротъ. Дома по обѣимъ сторонамъ улицы были новые, лавки больше прежнихъ; это потому, что вся она сгорѣла отъ показавшагося изъ разступившейся земли пламени во время того

же землетрясенія. При каждыхъ воротахъ, лавочки съ прохлаждающими напитками и плодами и небольшой фонтанчикъ; иногда какая-нибудь игрушка,—модель мельницы, приводимой въ движеніе водой изъ бассейна, и т. п. Насъ провожала все та же толпа, и если она уже слишкомъ напирала, то ворота, какъ мы ихъ только проходили, затворялись, и такимъ образомъ отрѣзывали отъ насъ нашихъ преслѣдователей.

Но надобно было подумать и объ обѣдѣ. Мы вошли въ первую лавку, которая показалась намъ похожею на трактиръ. Въ передней комнатѣ, у очага, сидѣли хозяева. Посуда и большія фарфоровыя блюда красовались на полкахъ. Видна была кухонная суета, сопровождаемая запахомъ приготовляемыхъ кушаньевъ. У насъ обыкновенно комнаты для гостей выходятъ на улицу, а кухня помѣщается гдѣ нибудь сзади; у японцевъ, напротивъ, сначала кухня со всею своею стряпней, впрочемъ чрезвычайно опрятною. Насъ повели назадъ, гдѣ, въ продуваемой со всѣхъ сторонъ комнатѣ, на мягкихъ циновкахъ, мы съ наслажденіемъ растянулись послѣ четырехъ-часовой ходьбы подъ сильно припекающимъ солнцемъ. На жаръ мы не смѣли жаловаться; жарившись недавно подъ экваторомъ, мы легко могли терпѣть жаръ подъ 35° с. ш. А правда, было и здѣсь очень жарко.

Зная довольно хорошо составъ японскаго обѣда, мы старались, по возможности, придать ему болѣе европейскій характеръ. Голодъ руководилъ нами, а не любознательность. Заказаны были яйца, крабы, ширмпсы, которые здѣсь такъ хороши, что иной любитель покушать нашелъ бы, что стóитъ съѣздить въ Эддо собственно для того, чтобы поѣсть ширмпсовъ, плоды, *кастера*,—родъ японскаго сладкаго хлѣба изъ кукурузной муки, также очень вкуснаго. Пока все это готовилось, мы пили чай изъ маленькихъ чашечекъ, безъ сахара. Чай былъ очень

ароматенъ и едва настоянъ; пока не привыкнешь къ такому чаю, на него смотришь съ презрѣніемъ, и дѣйствительно, что́ за чай безъ сахара, безъ булокъ, даже безъ ложечки и блюдечка, да еще жидкій! но, впившись въ него, съ удовольствіемъ проглотишь нѣсколько чашечекъ душистаго напитка, удивительно утоляющаго жажду и вообще реставрирующаго человѣка. Толпа, преслѣдовавшая насъ на улицѣ, не оставляла и здѣсь. Самые любопытные проникли въ трактиръ, но ихъ скоро удалили; другіе расположились по сосѣднимъ дворамъ, по крышамъ, всѣ старались посмотрѣть на насъ!.. Любопытство очень понятное, для нихъ мы были то же, что́ какіе-нибудь краснокожіе у насъ среди Адмиралтейской площади. Намъ прислуживали двѣ молоденькія дѣвочки, которыя, наклоняясь корпусомъ впередъ, очень проворно бѣгали съ чайниками и съ огромными блюдами, заваленными шримпсами; мы ѣли шримпсы съ японскою соей и запивали чаемъ. Вмѣсто ликеру выпили по маленькой чашечкѣ теплой «саки», рисовой водки, довольно вкусной. Послѣ обѣда, мы снова отправились въ наше туристское странствованіе, имѣя цѣлью отыскать большой *Японскій мостъ* (Нипо́нъ-басъ), отъ котораго въ Японіи считаются всѣ разстоянія. О мѣстѣ его нахожденія мы имѣли смутное понятіе. Мальчикъ, не оставлявшій насъ съ самой пристани, на мои разспросы по-русски, отвѣчалъ на японскомъ языкѣ, вѣроятно удовлетворительно, и, руководствуясь этими показаніями, мы шли далѣе по улицѣ, считая за собою кварталъ за кварталомъ, ворота за воротами, и останавливаясь иногда у нѣкоторыхъ лавокъ, поражавшихъ насъ или богатствомъ вещей, или чѣмъ-нибудь особеннымъ. Мы входили въ часть города, изрѣзанную каналами, которые, идя другъ къ другу параллельно, подъ прямымъ угломъ, впадали въ рѣку Тоніакъ, довольно широкую (400 туазовъ) и раздѣляющую Эддо на двѣ не совсѣмъ

равныя половины. Черезъ каналы шли мосты, изъ кедроваго дерева; на тумбахъ были бронзовыя верхушки въ видѣ шаровъ, или пламени. Третій, по нашему счету, каналъ былъ шире другихъ; мостъ, шедшій черезъ него, былъ длиннѣе; на водѣ качалась бездна шлюпокъ, изъ которыхъ однѣ, украшенныя хорошенькими балдахинами, напоминали гондолы; другія, толкаясь длинными шестами, несли грузъ; третьи, болѣе легкія, съ обрѣзанною кормой, быстро мчались по теченію. Гребцы управлялись двумя большими веслами съ кормы, повертывая ихъ во всѣ стороны, какъ дѣйствуетъ перо винта. Мы стали нанимать шлюпку. Медленность японцевъ напомнила намъ наши почтовыя станціи. Невольно вообразишь какъ ямщикъ «побѣжалъ» за дугой, потомъ забылъ рукавицы, тамъ кнута нѣтъ; сидишь, испытывая безконечное нетерпѣніе; то же и здѣсь: ждали у лодочника въ домѣ добрые полчаса, пока бѣгали за весломъ, за веревочкой, за циновками. Отъ скуки мы смотрѣли по сторонамъ. Въ каналѣ много купалось; какой-то мальчишка залѣзъ въ кадку и, гребя руками, плылъ себѣ очень покойно; другой прицѣпился къ доскѣ, иные плескались въ водѣ, какъ утки, на мелкомъ мѣстѣ. Интересно все это было для насъ, но мы для японцевъ были интереснѣе; столько собралось народу по набережной, по стоявшимъ у береговъ лодкамъ, что у насъ подобное стеченіе можно видѣть развѣ при какихъ нибудь торжественныхъ праздникахъ. Если случайно вскрикивалъ какой нибудь мальчишка, другіе подхватывали, и страшный крикъ, поднятый безотчетно всею толпой, потрясалъ воздухъ. Прикрывшись зонтиками, плыли мы, сопровождаемые криками и народомъ, прибывавшимъ съ каждаго двора, изъ каждаго переулка. Наше положеніе было нѣсколько странно, но не лишено интереса. По каналу тѣснились зданія, обращенныя къ нему заднею стороной; глухія стѣны были выштукатурены и

выкрашены бѣлою краской. Вездѣ видна была дѣятельность: нагружались у складочныхъ магазиновъ суда; другія, уже нагруженныя, толкались длинными шестами; иногда насъ обгоняла лодка съ красивымъ навѣсомъ, и тамъ мы успѣвали разсмотрѣть чиновника, какъ онъ сидитъ и дѣлаетъ кейфъ, куря изъ коротенькой трубочки. Въ каналъ впадало нѣсколько другихъ; мы часто подходили подъ мосты, почти ломившіеся подъ тяжестію толпы. Съ одного мѣста полетѣло въ насъ два камня, но оба упали въ воду. Это возбудило негодованіе стоявшихъ вблизи; но мы не показали вида, что замѣтили.

Но вотъ наконецъ и рѣка, и мостъ, перекинутый черезъ нее. Постройка та же, что и маленькихъ мостовъ: тѣ же сваи, тѣ же контрфорсы, только этотъ гораздо больше; длина его въ 400 туазовъ. Онъ весь изъ кедроваго дерева, и бронзовыя головки его деревянныхъ тумбъ бросаются въ глаза своею массивностію. Вверхъ по рѣкѣ виднѣлось еще нѣсколько мостовъ, похожихъ на первый (всѣхъ мостовъ черезъ рѣку четыре); который же Японскій мостъ? Дорога назадъ вышла гораздо короче; мы подплыли опять къ той длинной улицѣ, по которой шли, и не покидали ея до самой пристани. Уже темнѣло; въ лавкахъ зажглись бумажные фонари; мракъ скрадывалъ прозаическую обстановку улицы, съ ея голыми обитателями; все тускло освѣщалось фантастическимъ свѣтомъ разноцвѣтныхъ фонарей; за зданіями безмолвствовали сады и деревья, наступала ночь. Отыскать нашу пристань было довольно трудно; но надъ нами не дремалъ нашъ добрый геній, японская полиція; съ перваго шага на берегъ мы уже были подъ надзоромъ, который здѣсь оказался очень полезнымъ. Изъ какого-то домика вышелъ чиновникъ, одѣтый щеголевато, съ лицомъ и движеніями, выражавшими порядочность; онъ вызвался указать намъ пристань, которая была въ двухъ шагахъ.

Въ заливѣ не было такъ спокойно, какъ на улицѣ; до-

вольно рѣзкій вѣтеръ дулъ съ моря, и волненіе его съ шумнымъ прибоемъ непривѣтливо ворчало у берега; шлюпки нашей еще не было. Мы подняли на высокой палкѣ фонарь, а предупредительный полицейскій распорядился, чтобы насъ оцѣпили веревкой отъ любопытной толпы, напиравшей теперь на насъ, велѣлъ принести скамеекъ и приставалъ, чтобы мы взяли японскую лодку; въ его любезности была тайная цѣль—отдѣлаться отъ насъ поскорѣе, а то, неровенъ часъ, случись съ нами что-нибудь, ему пришлось бы отвѣчать. Вѣтеръ свѣжѣлъ, а шлюпки еще не было. Наконецъ изъ темноты, какъ тѣнь, показался знакомый образъ нашего катера; на нашъ окликъ, слабо прорываясь сквозь шумящій вѣтеръ, долетѣлъ пріятный отзывъ «есть!» Японецъ такъ былъ доволенъ, что далъ намъ на дорогу грушъ и персиковъ въ видѣ подарка, точно тетушка, провожающая племянничковъ, и мы разстались съ нимъ большими друзьями. Забылъ сказать еще, что насъ съѣхало на берегъ шестеро; но трое, не столько ретивые, какъ мы, вернулись на клиперъ еще днемъ, и ихъ какъ-то просмотрѣли. Представьте недоумѣніе полицейскаго: куда дѣвались еще трое? еслибъ имъ сказать: не знаемъ, то полиція подняла бы все Эддо на ноги, отыскивая ихъ!

«Что̀ же вы видѣли въ Эддо, сто́итъ ли ѣхать?» вотъ вопросы, которыми засыпали насъ на клиперѣ и на которые отвѣчать всегда довольно затруднительно. Сто́итъ ли? По моему, сто́итъ, а для васъ—не знаю.

«Господа, отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ паѳосомъ, я видѣлъ городъ, имѣющій около двухъ милліоновъ жителей; городъ, существующій, можетъ-быть, тысячу лѣтъ; самое замѣчательное, что̀ я видѣлъ сегодня—это Эддо!»

Если народъ, богатый внутреннимъ содержаніемъ своей исторіи, въ своемъ плодотворномъ развитіи оставляетъ слѣды полной жизни въ монументальныхъ памятникахъ Колизея, Кельнскаго собора, Ватикана, Лувра, то другой

народъ, идя своею дорогой, хотя и въ противоположную сторону, также долженъ выработать себѣ форму, видимую и въ этихъ прямолинѣйныхъ зданіяхъ, и въ храмахъ, скрытыхъ сплошною зеленью, и въ таинственности своихъ дворцовъ, которыхъ никто не смѣетъ видѣть, и въ костюмахъ, и въ длинныхъ процессіяхъ; въ двухъ знакомыхъ, кланяющихся другъ другу въ ноги со втягиваніемъ въ себя воздуха; въ свитѣ чиновника, немогущаго просто перейдти изъ дома въ домъ, а таскающаго съ собою цѣлую процессію; въ окрашенныхъ черною краской зубахъ замужней женщины; въ красиво-татуированныхъ тѣлахъ народа. Эта самобытная форма является здѣсь повсюду, начиная отъ таинственнаго, недоступнаго глазу смертнаго, дворца тайкуна, до факира, сожигающаго себѣ руку среди площади. Не вина города, если онъ не можетъ исполнить требованій нѣкоторыхъ прихотливыхъ людей! Такъ, одни не рѣшаются съѣхать на берегъ, боясь остаться голодными, не хотятъ ничего видѣть дальше гостиницъ; тамъ, гдѣ есть рестораны, они охотно *путешествуютъ*, какъ будто можно назвать путешествіемъ перемѣщеніе себя отъ пристани до трактира. У ресторана будешь ѣсть то же, что̀ и въ Петербургѣ, не ѣздивъ такъ далеко. Есть еще туристы, которые смотрятъ на вещи, такъ-сказать, съ гостинодворческой точки зрѣнія: въ Эддо, напримѣръ, нельзя достать такихъ вещей, какъ въ Юкагавѣ (и это несправедливо; труднѣе только отыскивать), да и шелковыя матеріи дороже, слѣдовательно въ Эддо и ѣхать не сто́итъ.

6-го августа. Съ самаго утра чиновники осаждаютъ клиперъ. У насъ сидитъ нашъ консулъ, и имъ до него безпрестанно дѣло. Вопросъ идетъ о квартирѣ для графа Муравьева; надо выбрать, посмотрѣть. Какъ пропустить такой случай?—и я присоединился, въ качествѣ свидѣтеля. Японецъ (вице-губернаторъ, тотъ же, что̀ былъ вчера) сѣлъ съ нами въ катеръ и все время занималъ насъ раз-

говорами. Онъ говорилъ, что въ Эддо милліонъ домовъ и до пяти милліоновъ жителей; городъ занимаетъ пространство 10 ри (1 ри равняется $2^1/_2$ верстамъ) въ длину и 10 ри въ ширину. Цѣнность найма земли колеблется отъ 10 зени ($2^1/_2$ коп.) до 12 ицибу (ицибу—43 коп.) за квадр. сажень въ годъ. Каждый день приходитъ въ Эддо 10 000 человѣкъ и столько же уходитъ. Всѣ эти цифры довольно вѣрны, за исключеніемъ преувеличеннаго числа народонаселенія. Вѣроятно, японцы такъ же считаютъ, какъ китайцы, у которыхъ человѣкъ записывается и по мѣсту, гдѣ родится, и по мѣсту, гдѣ служитъ, или куда переѣдетъ на жительство; вотъ почему народонаселеніе увеличивается, по бумагамъ, втрое. Разсказывалъ онъ и о землетрясеніи 1855 года. Земля ходила волнами, и пламя, вырываясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разступившейся земли, выжигало цѣлые кварталы; до 10 000 домовъ было разрушено и около 50 000 испорчено. Слѣды этого землетрясенія мы видѣли вчера: во многихъ мѣстахъ одинокія кладбища, въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ, свидѣтельствовали, что здѣсь были когда-то храмы; длинныя улицы новыхъ домовъ, болѣе широкія, могли бы дать случай мѣстному Скалозубу сказать, что и здѣсь пожаръ много способствовалъ къ украшенію города.

Нужно было осмотрѣть четыре храма; но прежде не мѣшаетъ нѣсколько припомнить религію японцевъ, *чему* они молятся, и кому строятъ свои храмы.

Очень трудно составить себѣ настоящее понятіе о японской религіи; японцы неохотно говорятъ о ней, а европейскіе писатели часто разсказываютъ совершенно противорѣчащія вещи. Болѣе всего распространена въ Японіи религія *синто* или *синзіу*. Она состоитъ въ поклоненіи геніямъ и божествамъ, завѣдывающимъ видимыми и невидимыми дѣлами. Эти божества называются *синъ* или *ками*.

Изъ хаоса явилось высшее существо, разлитое повсюду и вмѣщающее въ себѣ все; отъ него произошли два созидающія начала, которыя изъ хаоса же создали видимый міръ. Этотъ міръ былъ управляемъ послѣдовательно семью богами въ продолженіи многихъ милліоновъ лѣтъ; послѣдніе изъ боговъ были женаты; и вотъ, одинъ разъ, ударилъ богъ копьемъ въ дно потоковъ; съ приподнятаго лезвія капала тина, и упавшая капля этой тины превратилась въ островъ *Онокѯ-оро-сима*, теперешній *Кіу-зіу;* тогда воззвалъ богъ другихъ 8000 боговъ къ жизни, сотворилъ 10000 вещей (городзсо-но-моно) и передалъ надзоръ надъ всѣмъ своей любезной дочери *Тенъ-сіо-дай-дзинъ*, богинѣ солнца. Она царствовала только 250 лѣтъ, а послѣ нея управляли міромъ четыре полубога въ продолженіи 2099024 лѣтъ. Послѣдній изъ нихъ, совокупясь съ смертною женщиной, оставилъ сына, по имени *Ціу-моо-тенъ-воо*, родоначальника микадо, на котораго и теперь смотрятъ, какъ на духовнаго главу міра. Души людей судятся послѣ смерти; достойные идутъ въ *Така-ама-ка-вара*, или возвышенную часть неба, гдѣ они становятся *ками*, божествами, между тѣмъ какъ недостойные идутъ въ царство корней, *Не-но-куни*. Въ честь ками воздвигаются храмы, называемые *мія*, различной величины. На алтарѣ храма ставится символъ божества, *гофей*, нѣсколько вырѣзанныхъ изъ бумаги цвѣтовъ, привязанныхъ къ вѣтвямъ дерева *финоки* (Thuja japonica). Эти гофеи находятся во всѣхъ домахъ, гдѣ ихъ ставятъ въ маленькихъ *мія*, или молельняхъ. По обѣимъ сторонамъ ставятъ два горшка съ цвѣтами и зелеными вѣтвями дерева *сакаки* (Cleyeria kaempferiana), мирты и сосны. Передъ этими алтарями японцы, утромъ и вечеромъ, молятся своимъ *ками*. Храмы, сами по себѣ очень простые, часто составляютъ, вмѣстѣ съ жилищемъ бонзъ и другими строеніями, обширныя помѣщенія, къ которымъ ведутъ обыкновенно великолѣпныя ворота, называемыя

торіи (мѣста, назначаемыя для птицъ); передъ всякимъ храмомъ находится изображеніе двухъ собакъ, *кома-ину*. Есть праздники, посвященные памяти какого-нибудь *ками*, и есть праздникъ, установленный въ воспоминаніе всѣхъ ихъ вмѣстѣ (матцзури).

Кромѣ *ками* есть еще другія существа, бывающія посредниками между человѣкомъ и богиней Тенъ-сіо-дай-дзинъ, къ которой прямо относиться никто не можетъ. Къ нимъ относятся *сіу-го-дзинъ*, духи покровительствующіе, и нѣкоторыя животныя, бывающія въ услуженіи у *ками*; всего чаще лисица (инари). Жертвоприношенія состоятъ изъ различныхъ съѣстныхъ припасовъ, риса, хлѣба, рыбы, яицъ. Послѣдователямъ синто не запрещено убивать животныхъ; ихъ бонзы отпускаютъ себѣ волосы и могутъ быть женаты.

Несмотря на эту миѳологію, Зибольдъ, одинъ изъ первыхъ авторитетовъ во всемъ, что́ касается Японіи, увѣряетъ, что японцы имѣютъ очень темное понятіе о будущей жизни и безсмертіи души, о вѣчномъ блаженствѣ и мученіи. Вотъ пять главныхъ обязанностей праведнаго, обезпечивающія ему земное и небесное благосостояніе:

1) Сохраненіе священнаго огня, символа чистоты, орудія очищенія и просвѣтлѣнія.

2) Сохраненіе чистоты души, сердца и тѣла, чрезъ послушаніе заповѣди и закону разума, какъ и чрезъ воздержаніе отъ нечистыхъ дѣяній.

3) Неукоснительное соблюденіе праздниковъ.

4) Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, и

5) Почитаніе боговъ и святыхъ, въ храмахъ и дома.

Теперь религія синто имѣетъ нѣсколько расколовъ.

Вторая религія—*буддизмъ*, распространившаяся изъ Цейлона, черезъ Корею, въ 543 году. Буддизмъ въ Японіи имѣетъ восемь главныхъ сектъ, и бонзы ихъ наводняютъ всю страну. Въ настоящее время буддизмъ до такой сте-

пени смѣшался съ религіей синто, что храмы однихъ служатъ часто капищами для сектаторовъ другой религіи, и часто, въ одномъ и томъ же храмѣ, рядомъ съ изображеніями древнихъ *ками*, стоятъ буддійскіе идолы.

Третье ученье, *синтоо*, родъ религіи разума, научаетъ нравственнымъ правиламъ, пригоднымъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Между религіозными общинами, также распространенными по всему государству, есть двѣ секты «слѣпыхъ». Первая изъ нихъ, *бассессатосъ*, основана прекраснымъ Сенминаромъ, младшимъ сыномъ одного микадо, который ослѣпъ отъ слезъ, по смерти любимой имъ принцессы. Другая секта называется *фекизадо*, основатель ея *Какекиго*. Нѣкій Іоритомо, одна изъ самыхъ выдающихся личностей въ исторіи Японіи, побѣдивъ и умертвивъ врага своего, князя Феки, взялъ въ плѣнъ его генерала Какекиго, и, желая снискать его дружбу, далъ ему свободу, но Какекиго сказалъ ему: «я не могу любить убійцу моего благодѣтеля и не могу тебя видѣть безъ желанія убить тебя; а такъ какъ я обязанъ тебѣ жизнію, то, чтобы не быть вовлеченнымъ въ соблазнъ, я выколю себѣ глаза». И дѣйствительно выкололъ. Какекиго удалился въ уединеніе и основалъ орденъ. Теперешніе представители этой секты живутъ въ Міако и находятся подъ особеннымъ покровительствомъ микадо.

Секта *яма-бусъ*, о которой я уже упоминалъ, живетъ въ горахъ и напоминаетъ древнихъ пустынниковъ.

Торжествуя съ великолѣпіемъ свои праздники, больше конечно для развлеченія, японцы очень равнодушны ко всякой религіи.

Религія составляетъ что-то совершенно особенное, находящееся внѣ духовной потребности народа... За то это чувство съ избыткомъ замѣнено суевѣріемъ.

У японцевъ есть и амулеты, и символическія изображенія на дверяхъ и пр.; такъ напримѣръ, они прибиваютъ

рака, къ дверямъ чтобъ отогнать отъ дома духа болѣзней. Есть и несчастные и счастливые дни; мореплаватель не выйдетъ изъ порта, не справившись по календарю, какой румбъ ему выходитъ; старухъ всегда можно встрѣтить въ храмѣ, который вмѣстѣ служитъ и мѣстомъ игръ для дѣтей; не стѣсняясь пѣніемъ бонзъ, дѣти шумятъ и играютъ въ мячъ, со всѣмъ увлеченіемъ своего возраста.

— Отчего вы никогда не ходите въ храмъ? спросилъ я разъ одного чиновника.

— А бонзы-то зачѣмъ? Они за насъ и молятся!..

За то праздники отправляются со всѣмъ великолѣпіемъ. Такъ напримѣръ, я видѣлъ праздникъ матцзури; онъ продолжается три дня. Изображеніе *ками*, изъ папье-маше, разодѣтыхъ въ богатыя ткани, возили въ Хакодади на великолѣпныхъ колесницахъ. Каждую колесницу, сдѣланную въ видѣ трехъ-этажной джонки, съ колосальною птицей на носу, тащило нѣсколько сотъ человѣкъ, и каждый изъ нихъ былъ въ разноцвѣтномъ шелковомъ костюмѣ. Въ джонкахъ сидѣли молоденькіе мальчики и дѣвочки, били въ барабанъ и играли на флейтахъ. Кромѣ трехъ главныхъ колесницъ съ богами, тащили цѣлые павильйоны съ пѣвицами и музыкантами, маленькія лодочки съ пищей для боговъ,—рисомъ и саки... Вещи и украшенія, сами по себѣ, составляли роскошное цѣлое; японцы не пренебрегли ни одною мелочью для декораціи. Можно было, напримѣръ, на саблю божеству налѣпить и фольгу, вмѣсто массивнаго украшенія изъ бронзы; и такъ совѣстливо отдѣланы всѣ мелочи. Въ другіе праздники храмъ приготовляетъ отъ себя обѣдъ на нѣсколько сотъ человѣкъ, и общая трапеза продолжается цѣлый день, прерываемая богослуженіемъ и ударами въ гонгъ.

Скажу нѣсколько словъ о храмахъ, которые мнѣ удалось въ этотъ день видѣть. Первый стоялъ на горѣ; къ нему вела высокая каменная лѣстница; почти весь онъ

былъ занятъ комнатами для жилья; для мѣстнаго бога отведена была небольшая часовня, установленная тѣми вещами, какія обыкновенно находятся въ буддійскомъ храмѣ. Секта, которой принадлежалъ этотъ храмъ, была, какъ видно, болѣе практическая; здѣсь было больше мѣста для удовлетворенія мірскаго комфорта, нежели духовной потребности. Система постройки была общая большимъ японскимъ домамъ. Все зданіе держалось на фундаментальныхъ столбахъ, къ которымъ шли перекладины, поддерживаемыя небольшими столбиками. Стѣны снаружи выштукатурены толстою массой извести, такъ что зданіе смотритъ каменнымъ; внутри передвижные щиты въ деревянныхъ рамахъ: комната можетъ быть сразу открыта со всѣхъ сторонъ. Справа и слѣва, затѣйливо смотрятъ подстриженные, микроскопическіе садики, бывающіе всегда во внутреннихъ дворахъ. Роскошь внутренняго убранства состоитъ въ необыкновенно-красивомъ и гладко-полированномъ деревѣ, на столбахъ и рамахъ, и въ передвижныхъ щитахъ, обтянутыхъ картономъ и обклеенныхъ иногда роскошными обоями. На полу, конечно, цыновки.

Бонзы храма стояли въ сторонѣ и почтительно кланялись нашему чиновнику; на нихъ были кафтаны съ висящими широкими рукавами и мантіи изъ легкой шелковой матеріи свѣтлаго цвѣта. Всѣ они были народъ молодой и съ бритыми головами.

Это количество пустыхъ, никѣмъ незанятыхъ комнатъ, отдаваемыхъ путешественникамъ, служитъ мѣстомъ собраній ученыхъ бонзъ, чѣмъ-то въ родѣ консисторій, гдѣ рѣшаются различные духовные вопросы.

Второй храмъ оказался болѣе удобнымъ, несмотря на то, что стоялъ въ лощинѣ и къ нему надо было спускаться по широкой каменной лѣстницѣ. Такъ какъ этотъ храмъ былъ выбранъ для помѣщенія графа Муравьева, то я еще разъ возвращусь къ нему.

Третій былъ настоящій храмъ, то-есть въ немъ мѣсто для помѣщенія гостей не отнимало мѣста у богослуженія. Онъ стоялъ на горѣ отдѣльнымъ зданіемъ; крыша остроконечная, оканчивающаяся бронзовымъ пламенемъ, казавшимся издали короной, вѣнчающей крышу; внутри его, среди превосходной рѣзной работы изъ кипариса и камфарнаго дерева, среди столбовъ, выполированныхъ, какъ мраморъ, среди висящихъ между столбами разноцвѣтныхъ хоругвей и флаговъ, — на алтарѣ стояло колосальное бронзовое изображеніе какого-то *ками*, обставленное массивными канделабрами, горшками съ цвѣтами, гофеями, чашечками съ рисомъ и саки, курившимися свѣчами. Въ боковыхъ часовняхъ на бронзовыхъ дощечкахъ, написаны имена усопшихъ, и передъ каждою дощечкой стояло приношеніе. Видъ отъ храма превосходный. Прямо, обрывъ горы былъ замаскированъ покрывшими его деревьями, правильно подстриженными, изъ чащи которыхъ выростало нѣсколько величественныхъ кедровъ; вѣтви ихъ, распространяясь какъ огромныя лапы, вѣнчались иглистою крышеобразною верхушкой; далѣе виднѣлся городъ застроенною, плоскою равниной; за нимъ—заливъ съ пятью насыпными укрѣпленіями; потомъ пришедшая вчера наша эскадра, вытянувшаяся въ линію, за которою даль уже скрадывала формы предметовъ; тамъ отдаленный берегъ казался облакомъ, а линія горизонта пропадала въ туманѣ. Сотни бѣлыхъ точекъ рябили по заливу, то́ лодки и фуне (джонки) японцевъ, сновавшія въ разныхъ направленіяхъ. Изъ зелени раздавались громкіе голоса цикадъ, перебивавшихъ другъ друга; можно было слѣдить за пѣніемъ каждой; по мотивамъ различаютъ семейства этихъ музыкантовъ-насѣкомыхъ.

Послѣдній храмъ былъ въ лѣвомъ концѣ города. До него было очень далеко; японскіе чиновники, насъ сопровождавшіе, опустили головы и изнемогали. Вѣроятно,

не помянули они насъ въ этотъ день добромъ. Было жарко, полицейскіе смѣнялись каждую четверть версты, и музыка ихъ желѣзныхъ палокъ сильно надоѣдала намъ. Шли мы по какимъ-то переулкамъ; разъ прошли мимо театра, зданія, украшеннаго множествомъ фонарей; наконецъ фламандская обстановка маленькихъ улицъ стала чаще скрываться въ зелени; чаще стали попадаться сады и цвѣты; вотъ родъ оврага, и по дну его течетъ ручей; черезъ ручей мостъ, и около него нѣсколько лавчонокъ; наконецъ и храмъ, скрывающійся въ зелени; за нимъ сплошные сады-лѣса, освѣжающіе своею тѣнью и листвой воздухъ. Вотъ мы и пришли. Чиновники просятъ подождать; имъ надо предупредить бонзъ, что мы хотимъ осмотрѣть храмъ, и предлагаютъ тѣмъ временемъ зайдти въ ближайшую таберу. Чтó за прелесть была эта табера,— бесѣдка въ кустахъ зелени и цвѣтовъ, открытая со всѣхъ сторонъ! Въ ней мы отдохнули, утоливъ жажду чаемъ и арбузомъ. На насъ смотрѣла всюду слѣдовавшая за нами толпа; ребятишки перелѣзали черезъ заборъ, показывались изъ-за кустовъ, но слышимое частое сотрясеніе желѣзной палки полицейскаго ограничивало ихъ любознательность. Къ храму вела аллея исполинскихъ кедровъ, стволы которыхъ были прямы какъ колонны, вѣтви, широко разрастаясь, переплетались съ вѣтвями сосѣднихъ деревьевъ, составляя сплошной зеленѣющій навѣсъ. Внутри храма мы видѣли то же, чтó и въ предъидущемъ; тотъ же алтарь, тѣ же украшенія. Но растущая въ изобиліи зелень особенно живописно обставляла это убѣжище религіи. На самомъ дворѣ росли кедры; бѣлыя стѣны многихъ часовень, съ рѣзными порталами, мелькали между зеленью и сѣрыми стволами величественныхъ деревьевъ. У лѣстницы, ведущей въ храмъ, кромѣ извѣстныхъ собакъ, стояли двѣ массивныя бронзовыя вазы.

9-го августа. Исторія Японіи теряется, какъ и всякая

другая, во мракѣ неизвѣстности. Японскія хроники цѣлыхъ столѣтій разсказываютъ о разныхъ происшествіяхъ,— изверженіяхъ вулканическихъ горъ, землетрясеніяхъ, явленіяхъ драконовъ, войнахъ и дракахъ, и все это безъ всякой послѣдовательности. Ціу-моо-тенъ-воо, родоначальникъ микадо, царствовалъ шестьдесятъ девять лѣтъ. Онъ выстроилъ храмъ богинѣ солнца и основалъ власть микадо, неограниченнаго владыки, вмѣщающаго въ себѣ какъ духовную, такъ и свѣтскую власть. Это было около 660 г. до Р. Х.

Много столѣтій неограниченно царствовали микадо. Первою причиною ослабленія власти было, по всей вѣроятности, обыкновеніе назначать наслѣдниками престола несовершеннолѣтнихъ, черезъ что́ увеличивалось вліяніе вассаловъ на дѣла государства. Одинъ изъ микадо, женатый на дочери сильнаго князя, отказался отъ престола, въ пользу своего несовершенно-лѣтняго сына; а честолюбивый князь, дѣдъ наслѣдника, захвативъ власть въ свои руки, заключилъ своего зятя въ тюрьму. Началась междуусобная война, въ продолженіи которой является Іоритомо, одинъ изъ самыхъ выдающихся героевъ японской исторіи, господствующій въ преданіяхъ и народныхъ сказкахъ. Въ немъ текла кровь микадо; онъ объявилъ себя защитникомъ заключеннаго и разбилъ похитителя на-голову. Послѣ междуусобной войны, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, онъ освободилъ микадо и возстановилъ его въ правахъ, которыми послѣдній захотѣлъ пользоваться только номинально, предоставивъ настоящую власть самому Іоритомо, котораго онъ произвелъ въ достоинство *ціо-і-дай-ціогунъ* (главнокомандующій противъ варваровъ). По смерти микадо власть осталась вполнѣ въ рукахъ Іоритомо. Чтобы еще болѣе утвердиться въ ней, Іоритомо затѣялъ войну съ Кореей, на которую отправились всѣ владѣтельные князья, потерявшіе тамъ если не жизнь, то силу и богатство. Іо-

ритомо царствовалъ двадцать лѣтъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его. Это было или въ 1199 или 1290 году. Съ этого времени начинается сильное вліяніе сіогуна (то-есть главнокомандующаго), отношенія котораго къ микадо напоминали отношенія регента къ несовершеннолѣтнему королю, или конетаблей къ королямъ. Въ этомъ положеніи Японія находилась до конца XVI столѣтія.

Въ царствованіе микадо Конаро и сіогуна Іози-Хару, въ двѣнадцатомъ году ненго-тембу, 22 мѣсяца (въ октябрѣ 1543), показалось чужое судно въ *Тонего-сіусе*, провинціи *Нисимоноо;* экипажъ его, состоявшій больше чѣмъ изъ двухъ сотъ человѣкъ, имѣлъ новый, какой-то неслыханный, особенный видъ. Находившійся на суднѣ китаецъ, по имени Гахоръ, объяснилъ письменно, что это были *рау-бау* (южные варвары). Имена капитановъ были *Монно-Сіонкіа* и *Кристо-Монто*, въ которыхъ можно узнать Антоніо-Монто и Франциско Зеймото,—первыхъ португальцевъ, прибывшихъ въ Японію.

Съ того времени Японія вела правильную торговлю съ сосѣдями, и иностранцы, привозившіе рѣдкіе товары, принимались радушно и входили съ японцами въ тѣсныя сношенія, селились у японцевъ и женились на ихъ дочеряхъ.

Позднѣе, мы видимъ голландцевъ и, наконецъ, даже англійское судно, подъ командою нѣкоего Адамса, явившихся въ Японіи. Похожденія этого Адамса довольно извѣстны.

Наконецъ явились іезуиты, и раздалась по всѣмъ концамъ Японіи громкая проповѣдь христіанства. Народъ, неслыхавшій такъ долго ни одной живой идеи, съ увлеченіемъ внималъ проповѣди. Скорые и неожиданные плоды проповѣди удивили весь христіанскій міръ. Титзингъ го-

ворить, что число обращенныхъ превышало четыре милліона, и что новое ученіе имѣло своихъ поборниковъ при дворахъ сіогуна и микадо.

Эта многообѣщающая будущность была уничтожена въ зародышѣ, частію слѣпымъ рвеніемъ обращенныхъ, частію гордостью миссіонеровъ и желаніемъ мѣшаться въ политику, чтобъ имѣть вліяніе на свѣтскія дѣла; но, главное, наплывъ новыхъ идей долженъ былъ вызвать реакцію. Еслибы побѣда осталась на сторонѣ христіанства, Японіи предстояла бы будущность; къ несчастію, побѣдила старая Японія, и страшно отомстила нововводителямъ. Этотъ историческій опытъ былъ хорошимъ мѣриломъ духовныхъ силъ народа. Реакція началась, и вотъ вспыхнула страшная и продолжительная междуусобная война.

Два брата, изъ рода Іоритомо, спорили о достоинствѣ сіогуна. Князья брали сторону то одного, то другаго, или сами крамольничали, пользуясь безпорядками, чтобы пріобрѣсти независимость. Во время войны, оба противника лишились жизни, и возникъ вопросъ о томъ, кому занять упразднившійся престолъ. Послѣ многихъ сраженій, укрѣпился наконецъ на тронѣ Нобунга, князь Авари, при помощи человѣка, вышедшаго изъ народа, именемъ Хиди-Іори. По смерти Нобунга, Хиди-Іори вступилъ на престолъ, подъ именемъ Таико-Сама. При немъ власть микадо до того уменьшилась, что осталась только призракомъ власти. Таико-Сама побѣдилъ Корею и угрожалъ Китаю, но смерть помѣшала его замысламъ.

Смерть этого человѣка была сигналомъ къ новымъ безпорядкамъ. Хиди-Іори, единственный сынъ Таико-Самы, былъ дитя шести лѣтъ, и отецъ его, еще при своей жизни желавшій упрочить за нимъ престолъ, женилъ его на племянницѣ князя Микавы, назначивъ послѣдняго регентомъ. Этотъ князь, по имени Изейасъ, воспользовался своимъ положеніемъ и самъ захватилъ власть. Малолѣтній сіогунъ

былъ поддерживаемъ христіанами, желавшими воспитать въ немъ покровителя новой религіи. Вспыхнувшая междуусобная война имѣла грустный исходъ. Въ 1615 году, Изейасъ осадилъ Оосако, куда скрылся, какъ въ послѣднемъ убѣжищѣ, супругъ его племянницы. О судьбѣ Хиди-Іори ничего неизвѣстно. По мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ сгорѣлъ во дворцѣ своемъ, другіе говорятъ, что нашелъ убѣжище у князя сатцумскаго, и это довольно вѣроятно. Князья Сатцума по сіе время больше другихъ независимы, и изъ ихъ рода сіогуны берутъ себѣ женъ.

Началось страшное преслѣдованіе христіанъ, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ. Тейтокури, племянникъ Изейаса, нанесъ имъ послѣдній ударъ: 36 000 христіанъ заключились въ замкѣ Синаборѣ и защищались съ рѣдкимъ мужествомъ и отчаяніемъ. Замокъ взятъ былъ наконецъ 12 апрѣля 1638 г., послѣ трехмѣсячной осады.

Въ этой послѣдней сценѣ драмы, голландцы помогали *осаждавшимъ* своею артиллеріей и положили позорное пятно на свою исторію.

Въ 1640 г. преслѣдованіе христіанъ, по недостатку жертвъ, прекратилось.

Съ этого времени Японія герметически закупорилась; попытка португальцевъ, посылавшихъ изъ Макао блестящее посольство, была напрасна.

Святость званія посла не спасла пріѣхавшихъ отъ строгости изданнаго въ Японіи закона, по которому смерть постигаетъ всякаго иностранца, ступившаго на японскую землю. Посланнику и его свитѣ (шестидесяти человѣкамъ) отрубили головы; только нѣкоторые были пощажены, для того, чтобы было кому отвезти въ Макао извѣстіе о происшедшемъ. Надъ трупами казненныхъ выставлена была надпись: «Пока свѣтитъ солнце, ни одинъ иностранецъ не ступитъ на землю Японіи, хотя бы то былъ самъ послан-

никъ *Ксуки*, князя японскихъ боговъ, или самъ христіанскій Богъ; съ ними будетъ поступлено такъ же, если не хуже.»

Голландцы, единственные иностранцы, допущенные въ Японію, были помѣщены сначала на островѣ Фирандо, гдѣ они основали свою факторію; впослѣдствіи они были переведены въ Нагасаки, на островъ Дециму, гдѣ, впрочемъ, позволено было жить только семерымъ. До послѣдняго времени они вели почти тюремную жизнь.

Это отчужденіе отъ міра было выгодно для сіогуна, власть котораго стала уже безспорна; партіи прекратились, обычаи, лишенные всякаго иноземнаго вліянія, упростились. Чтобъ еще болѣе укрѣпить власть закона, вся страна была опутана правильно организованнымъ шпіонствомъ, такъ что всякое внутреннее возмущеніе сдѣлалось невозможнымъ.

Но новое время разбило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ ледъ, затянувшій всѣ народныя силы. Выдержитъ ли Японія этотъ новый приливъ? Этотъ второй историческій опытъ рѣшитъ ея судьбу; а какъ рѣшитъ—это дѣло будущаго.

Эддо былъ постоянною резиденціей сіогуна, принявшаго въ послѣднее время титулъ *тайкуна* (великаго князя). Все служащее въ Японіи окружаетъ его. Эддо—центръ бюрократіи и свѣтскаго образованія, между тѣмъ какъ Міако, резиденція микадо или даири—центръ образованія духовнаго; тамъ воздѣлываются искусства, тамъ обрабатываютъ древній японскій языкъ подъ именемъ *ямато*; тамъ живутъ яматофилы (какъ въ Москвѣ славянофилы), а Эддо, какъ нашъ Петербургъ, кишитъ дѣловыми людьми, предписываетъ моды и служитъ центромъ дѣятельной жизни.

Дворецъ тайкуна (такъ какъ этотъ титулъ принятъ сіогуномъ, то я и буду такъ называть прежняго сіогуна) со всѣми принадлежащими къ нему зданіями, храмами и

службами занимаетъ пространство, равное порядочному городу; защищенный со всѣхъ сторонъ высокимъ брустверомъ и выстроенною на немъ стѣной, онъ окруженъ еще широкимъ каналомъ, воды котораго, обогнувъ кольцомъ крѣпость, впадаютъ въ другой каналъ, идущій къ заливу. Весь этотъ укрѣпленный островъ называеття *высокимъ городомъ*, *го-зенъ* или *юченъ*, а самый дворецъ замкомъ, *О'сиро*. Почти параллельно этому каналу, и обхвативъ втрое большее пространство, течетъ другой каналъ, полукруглый, соединяющійся обоими своими рукавами съ сѣткой разныхъ каналовъ, разрѣзывающихъ Эддо на множество острововъ, у самаго залива.

Цѣль нашей прогулки состояла въ томъ, чтобы, перерѣзавъ внѣшній полукруглый каналъ, выйдти къ дворцу тайкуна и увидѣть хоть то, что́ доступно глазу обыкновенныхъ смертныхъ. Со мною были К. и Б., еще въ первый разъ съѣхавшіе на берегъ. Исторія о брошенномъ съ моста камнѣ, не смотря на наше умышленное молчаніе, разошлась какими-то путями, и конечно была преувеличена. «Да вы скажите намъ,» говорили К. и Б., еще когда мы ѣхали на лодкѣ, «правда ли, что бросаютъ камни?» Я долженъ былъ сознаться, смягчая фактъ тѣмъ, что камни были небольшіе, и что всегда, въ такой огромной толпѣ, найдется шалунъ, за котораго поручиться нельзя. Имѣя въ рукахъ планъ Эддо, мы начертили себѣ маршрутъ: надо было сначала забраться какъ можно дальше въ глубь города, придержаться къ вѣтру, какъ говорятъ на морѣ, и потомъ спуститься. Начавъ придерживаться, мы дѣйствительно забрались въ такую глушь, куда, кажется, еще не дошли извѣстія о томъ, что Японія заключаетъ трактаты съ европейцами. Дѣти и взрослые, старики и женщины, съ стремительностію выскакивали изъ своихъ лавокъ, нѣкоторые бѣжали впередъ, чтобы предупредить своихъ знакомыхъ посмотрѣть на такое чудо, какъ русскій

офицеръ; насъ осаждали спереди, съ боковъ, сзади. Полиція, вѣроятно не предупрежденная, не считала нужнымъ заниматься нами; наше положеніе было очень интересно, но самое-то интересное было впереди.

Мы потеряли счетъ улицамъ, а главное, потеряли направленіе. Изъ широкихъ и населенныхъ улицъ поворачивали въ узенькіе переулки, почти совсѣмъ скрывавшіеся подъ тѣнью деревьевъ и кустовъ, выходящихъ изъ-за заборовъ; въ этихъ переулкахъ насъ почему-то оставляла толпа, но только что мы выбирались на улицу, какъ снова становились предметомъ преслѣдованія. Два или три камня пролетѣли у насъ подъ ногами, и одинъ ударился въ зонтикъ, который я несъ, защищаясь отъ солнца. Видя такой оборотъ дѣла, мы вошли въ первый трактиръ, но наши преслѣдователи не оставляли насъ. Трактиръ былъ буквально осажденъ, заборъ задняго двора затрещалъ, и трактирщикъ, испуганный, не хотѣлъ намъ ничего давать и уговаривалъ уходить поскорѣе. Къ нашему счастію, послышались желѣзныя кольца полицейскихъ, рѣшившихся наконецъ принять насъ подъ свое покровительство. Они стали насъ передавать съ рукъ на руки, и дѣло пошло довольно благополучно.

Мы увидѣли совершенно-деревенскій ландшафтъ: зеленый лугъ, по которому нѣсколько озеръ, заросшихъ тростникомъ и ненюфарами и соединявшихся другъ съ другомъ протоками; мѣстами были группы деревьевъ, кое-гдѣ паслись жирные быки; перерѣзывая эту мѣстность, шла, поднимаясь въ гору, широкая насыпь; на ея протяженіи былъ каменный мостъ, подъ аркою котораго протекали воды озеръ, и далѣе, на зеленѣющемъ холмѣ, возвышалось зданіе, очень похожее на крѣпость; изъ за стѣнъ его выростало нѣсколько деревьевъ японской сосны, съ распространяющимися въ видѣ лапъ вѣтвями. Тутъ проходилъ внѣшній, полукруглый каналъ; возвышенное зданіе,

похожее на крѣпость; были ворота съ караулкой, близъ которой стояли извѣстные значки власти, одинъ—родъ ухвата, другой—желѣзный крючокъ, третій—какія-то грабли. Этими инструментами ловятъ воровъ. Подобныхъ воротъ нѣсколько въ Эддо; они всѣ выстроены по одному плану, и даже мѣстность, окружающая ихъ, довольно схожа, что непосвященныхъ часто вводитъ въ заблужденіе. За воротами шли улицы широкія, торговыя, и узкія; потомъ потянулись знакомыя зданія княжескаго квартала съ красными исполинскими воротами, выведенными подъ лакъ; наконецъ, мы вышли на набережную канала, омывающаго стѣны О'сиро. Высокій брустверъ крѣпости одѣтъ былъ дерномъ, и по его склонамъ мѣстами росли деревья, спускавшіяся иногда до самой воды, покрытой круглыми листьями водяныхъ лилій съ ихъ бѣлыми цвѣтами. Невысокая стѣна, сложенная изъ сѣрыхъ камней и прерываемая башенками, шла по брустверу; изъ-за стѣнъ выглядывали рогатыя вѣтви японской сосны и кедровъ, составляющихъ собою третью живую стѣну. Только въ одномъ мѣстѣ былъ мостъ, ведущій въ ворота, архитектура которыхъ была похожа на прежнія.

Мѣстность своею таинственностію могла возбудить много мыслей; можетъ быть, идя тихимъ шагомъ, мы преисполнились бы уваженія къ великому владыкѣ Японіи, смотря на эти угрюмыя стѣны, на выглядывавшія изъ-за нихъ деревья, подъ тѣнью которыхъ живутъ и наслаждаются существа, имѣющія такую власть и силу; но

Не тѣмъ въ то время сердце полно было!

Съ одной стороны стоялъ дворецъ, съ другой княжескія жилища. Толпа, сопровождавшая насъ въ этомъ мѣстѣ, состояла изъ княжеской челяди. Дѣйствуя въ интересахъ своихъ патроновъ, изъ которыхъ многіе съ ожесточеніемъ смотрятъ на европейцевъ, проникнувшихъ въ

сердце Японіи, этотъ народъ глядѣлъ на насъ враждебно, и камни, летавшіе мимо насъ, не были уже шалостію уличныхъ мальчишекъ. Ускореннымъ шагомъ шли мы, стараясь показать полное равнодушіе, хотя полнаго равнодушія быть не могло, когда то въ спину, то въ ногу стукнетъ. К. и Б. рѣшительно разсердились. «Ну, ужь прогулка! нѣтъ, ужь больше сюда ни ногой!» — «Господа, утѣшалъ я, послѣ будете вспоминать съ удовольствіемъ, вѣдь это...» Опять камень, чортъ возьми, и больно! Но я продолжаю: «Вѣдь это такой эпизодъ изъ жизни туриста, за который другой дорого бы далъ; легко сказать: быть побитымъ камнями! Путешественникамъ, въ наше время, въ Европѣ...» «Еще камень!» прерывалъ меня кто-нибудь изъ моихъ спутниковъ: «чортъ съ ними, съ этими эпизодами... Идемъ скорѣе!» Я храбрился только для виду, потому что за всѣ бросаемые камни товарищи обращались ко мнѣ, какъ будто я бросалъ ихъ: «Нѣтъ, ужъ съ вами больше не пойдемъ!» говорили они. Сцена была траги-комическая. Съ смиреннымъ духомъ и ускореннымъ шагомъ, пробирались мы по набережной, какъ будто подъ выстрѣлами. «Вѣдь въ Севастополѣ намъ съ вами случалось не разъ находиться въ такомъ положеніи, и еще гораздо хуже: представьте, что камни—пули,» утѣшалъ я своихъ товарищей.

Кончился княжескій кварталъ, кончились и камни. Мы вздохнули свободно, добравшись до знакомаго трактира на большой улицѣ, въ которомъ обѣдали въ первую нашу прогулку. Тутъ уже насъ приняли какъ друзей; молоденькія мусуме, одна передъ другой, старались услужить намъ; омыли наши ноги, дали шримпсовъ, а К. примирился и съ Эддо, и съ камнями.

Что эти камни не были шалостью уличныхъ мальчишекъ, подтвердили послѣ чиновники. На наши слова, что если это еще повторится, то могутъ быть очень серьезныя

послѣдствія, они прямо сказали, что князья, защитники старыхъ порядковъ, составляютъ упрямую оппозицію противъ прогрессивныхъ побужденій правительства. Начало сближенія съ европейцами было дѣломъ покойнаго сіогуна, человѣка способнаго и понявшаго, что если Японія можетъ имѣть какую-нибудь будущность, то не иначе какъ путемъ сближенія съ другими народами. Одни изъ феодальныхъ князей раздѣляли его мнѣнія и дѣятельно помогали ему, другіе же, и, кажется, бо́льшая часть, упрямо противодѣйствовали нововведеніямъ, видя въ нихъ гибель Японіи, или просто не желая отстать отъ привычекъ и обычаевъ, нажитыхъ вѣками. Но пока живъ былъ сіогунъ, оппозиція глухо волновалась и молчала. Къ несчастію, въ прошломъ году преобразователь Японіи умеръ; былъ даже слухъ, что онъ отравленъ. Ему наслѣдовалъ *Минамото-іе-мочь* (по-англійски пишутъ Minamoto je muchi), мальчикъ пятнадцати лѣтъ, находящійся подъ вліяніемъ и опекою консерваторовъ. Они уже не въ силахъ устранить вліяніе европейцевъ на Японію: европейская мысль пустила сильные корни въ воспріимчивую почву этой страны; но они всячески замедляютъ дѣло, и если рѣшились допустить европейцевъ въ Эддо, то для того, чтобы пресѣчь имъ всякіе пути въ Міако, отстраняя тѣмъ вліяніе пришельцевъ на «духовнаго» императора, микадо. А на себя они, конечно, надѣются. Вслѣдствіе этого, обѣщанный прежде портъ Осако, находящійся близь Міако, не открывается, и всѣ дѣла будутъ рѣшаться въ Эддо. Оппозиція высшихъ, переходя въ нижніе слои, выражается по обыкновенію уличными сценами; такъ слуги домомъ Монтекки и Капулетти дрались за то, что господа ихъ были въ ссорѣ.

Въ то время какъ мы собственнымъ опытомъ узнавали разныя стороны японскаго характера, по рейду плыла великолѣпная процессія: на джонкѣ, убранной шелковымъ балдахиномъ, флагами, значками и золотомъ, съ крикомъ

и шумомъ буксируемой нѣсколькими десятками лодокъ, медленно двигаясь впередъ, ѣхали полномочные тайкуна на фрегатъ *Аскольдъ*. Нѣсколько такихъ джонокъ, не такъ богато убранныхъ, слѣдовали за главною; это было первое свиданіе японскихъ властей съ нашими. Въ числѣ полномочныхъ были первые чины государства. Вечеромъ, когда они съѣзжали съ фрегата, на всѣхъ судахъ нашей эскадры вспыхнули по нокамъ фальшфейеры, и вечерній салютъ, сверкая огнемъ и разстилаясь краснымъ дымомъ, сотрясалъ воздухъ и стѣны городскихъ зданій, рѣдко слышавшихъ подобные звуки. Въ тонѣ привѣтствія слышалась сила, а красный дымъ выстрѣловъ могъ быть зловѣщимъ... Много ли нужно, чтобъ этотъ громъ сдѣлался угрожающимъ и разрушающимъ?..

На другой день (10 августа) отправилась процессія съ нашей стороны. Все было сдѣлано, чтобы въѣздъ графа Муравьева въ Эддо былъ самый торжественный. Съ утра свезена была со всѣхъ судовъ команда, съ заряженными штуцерами, на берегъ. Составился батальонъ изъ трехъ сотъ человѣкъ, который, выстроенный развернутымъ фронтомъ, дожидался на берегу. (Батальйономъ командовалъ полковникъ Семеновскаго полка Іоссильяни). Въ 11 часовъ всѣ офицеры, въ полной парадной формѣ, собрались на пароходъ *Америка*, куда вскорѣ пріѣхалъ и графъ Муравьевъ, сопровождаемый салютомъ со всѣхъ судовъ и разцвѣченіемъ ихъ флагами; одинъ *Пластунъ*, стоя отдѣльно отъ эскадры, скромно ожидалъ своей очереди. Когда пароходъ поравнялся съ нимъ, вдругъ развились, поднятые клубками на фалахъ, разноцвѣтные флаги, и люди, стоя по реямъ, потрясли воздухъ криками. Близъ укрѣпленій пароходъ остановился, и всѣ отправились къ берегу на катерахъ и вельботахъ; на берегу загремѣли барабаны, и импровизированный батальйонъ, идя рядами, дефилировалъ скорымъ шагомъ. Впереди несли флагъ, а

за нимъ слѣдовала знаменная рота изъ гардемариновъ и юнкеровъ, молодаго поколѣнія нашей эскадры. Для всѣхъ офицеровъ приготовлены были лошади, красиво убранныя японскими сѣдлами. Барабанщики не жалѣли барабановъ; раскатистая дробь раздавалась по улицамъ Эддо, по сторонамъ которыхъ чинно стоялъ народъ, съ удивленіемъ смотрѣвшій на пришельцевъ. Ни одинъ не высовывался впередъ, ни одинъ не кричалъ, не толкался; такое было благонравіе, что какой-нибудь любитель всего подобнаго пришелъ бы въ восторгъ и умиленіе. Старушки, сердечкомъ сжимая губы, привѣтливо улыбались, хорошенькія мусуме благосклонными взглядами отвѣчали нашимъ сердцеѣдамъ, посылавшимъ имъ поцѣлуи по воздуху; дѣти смотрѣли съ безмолвнымъ любопытствомъ. Но какой-нибудь стоявшій въ толпѣ юмористъ, можетъ быть, уже схватывалъ особенности нашихъ костюмовъ и физіономій, чтобы перенести всю нашу процессію цѣликомъ на рисунокъ, какъ перенесенъ былъ въѣздъ графа Путятина въ Нагасаки. У меня есть этотъ интересный политипажъ. Какъ они злодѣйски подмѣтили наши прежніе кивера, наши мундиры, и какое обширное поприще предстояло имъ теперь!..

Въ храмѣ, гдѣ была главная квартира, поднятъ былъ русскій флагъ,—съ церемоніей. Всѣ участвовавшіе въ процессіи были приглашены къ обѣду, приготовленному въ японскомъ вкусѣ. Передъ каждымъ былъ поставленъ лаковый подносъ съ нѣсколькими чашечками; въ каждой было кушанье: похлебка, рыба, салатъ, микроскопически изрѣзанный и очень вкусный, разныя конфеты, раскрашенныя и имѣющія затѣйливую форму; однимъ словомъ приготовлено было все, что японская кухня могла представить изысканнаго. Прислуга быстро двигалась, удовлетворяя требованіямъ каждаго.

Но божество, радѣющее Японіи, кажется, было на сторонѣ оппозиціи. Страшно разразилось оно надъ нашими головами, какъ будто за дерзость настойчиваго желанія сблизиться съ Японіей. Оно какъ-будто стерегло ихъ застывшую и заснувшую жизнь. Едва мы сѣли на шлюпку, чтобы возвратиться на клиперъ, полился дождь, погода засвѣжѣла, и разведенное волненіе вливало волну за волной въ нашъ катеръ. Насилу добрались мы до клипера.

Барометръ падалъ стремительно; дождь возвращался съ каждымъ порывомъ вѣтра, который становился все сильнѣе и сильнѣе. Весь слѣдующій день ураганъ свирѣпствовалъ въ заливѣ; стоя на якорѣ, мы должны были закупорить люки, что̀ случилось съ нами въ первый разъ. На берегу было между тѣмъ довольно сильное землетрясеніе. На третій день стало немного стихать; небо очистилось, и, кажется, никогда еще воздухъ не былъ такъ прозраченъ! За Эддо мы увидѣли въ первый разъ цѣпь горъ и величественный Фузи, съ его вершиной, подобною усѣченному конусу; онъ рисовался на горизонтѣ какъ нѣжное видѣніе,— такъ легокъ и воздушенъ былъ тонъ красокъ.

Фузи-яма или Фузи-но-яма находится въ провинціи Сируга. По сказаніямъ японцевъ, онъ явился ночью, въ 285 г. до Р. Х., и въ ту же ночь вблизи Міако провалилось большое пространство земли, образовавъ озеро Митзоо (большая вода). Этотъ вулканъ, составляя пирамиду въ 12 000 фут. высоты (высота равная почти Тенерифскому пику), бо̀льшую часть года покрытъ снѣгомъ. Изверженіе 799 г. по Р. Х. продолжалось 34 дня. Выброшенная зола покрывала огромныя пространства и окрашивала воды краснымъ цвѣтомъ. Другія изверженія были въ 800 и 863 г. по Р. Х. Самое сильное было въ 864 г., во время котораго гора стояла какъ бы въ пламенномъ кругу. Послѣднее было въ 1707 году, послѣ столькихъ лѣтъ покоя.

13-го августа. Можно было ѣхать опять на берегъ, и, чтобъ успѣть больше увидѣть, мы отпросились на два дня, предполагая на другой день ѣхать верхомъ. Точкой отправленія мы избрали храмъ, гдѣ была наша главная квартира. Это было огромное зданіе съ большимъ количествомъ комнатъ, съ упраздненными нишами и съ совершеннымъ отсутствіемъ алтаря. Когда я былъ въ первый разъ здѣсь, то видѣлъ небольшую часовню; теперь она была заперта. Передъ храмомъ былъ небольшой дворъ, на который можно было попасть черезъ широкія ворота, по каменной лѣстницѣ. Тяжелый навѣсъ, съ деревянными рѣзными украшеніями, составлялъ родъ висящаго портика; нѣсколько ступеней, черезъ широкую арку, вели въ первую комнату, довольно большую и высокую; въ глубинѣ ея была деревянная ниша съ полками, на которыхъ, вѣроятно, стояли прежде какія-нибудь религіозныя принадлежности; полъ былъ устланъ, какъ всегда, цыновками; двигающіяся въ рамахъ ширмы обклеены довольно красивыми обоями. Эта комната служила мѣстомъ отдохновенія для пріѣзжающихъ съ судовъ. Здѣсь, расположившись послѣ обѣда на цыновкахъ, мы вели разговоры, узнавали новости, толковали и спорили. Кто-то назвалъ эту комнату «oeil de boeuf»; такъ это названіе за ней и осталось. Около нея находились помѣщенія для служащихъ, а дальше для графа Муравьева. Вблизи былъ большой садъ, а у храма—микроскопическіе садики, съ искусственными скалами, маленькимъ храмомъ и лужицей, превращенною въ прудъ, въ которомъ плавали золотыя рыбки.

Гуляя цѣлый день по городу, мы положили себѣ изучать торговлю, то-есть начали заходить въ лавки и магазины, въ иные для того, чтобы что-нибудь купить, въ другіе— чтобы поглазѣть. Я уже говорилъ, что въ Эддо прежде всего поражаетъ страшное количество лавокъ; кажется,

весь народъ продаетъ, и не можешь себѣ представить, гдѣ находятся покупатели, покамѣсть не вспомнишь, что въ самомъ Эддо находится больше милліона жителей, и что Эддо доставляетъ на всю Японію предметы потребленія. Лавки съ вещами роскоши встрѣчаются рѣдко; если онѣ и есть, то обыкновенно помѣщаются въ заднихъ комнатахъ; на улицу же смотрятъ все вещи практическія, нужныя: обувь, шляпы, платье, цыновки, обиходный фарфоръ, который однако очень хорошъ, лавки съ желѣзными и мѣдными вещами, съ книгами и множествомъ картинъ. Книги— большею частію иллюстрированные уличные романы, изъ которыхъ многіе съ несовсѣмъ-скромными и даже съ очень-нескромными картинками; послѣднія такъ распространены по всей Японіи, что мнѣ нерѣдко случалось видѣть ихъ въ рукахъ дѣтей, совершенно понимающихъ то, что̀ они видятъ; такія картины могли создать только развратные, несдерживаемые никакимъ нравственнымъ чувствомъ японцы. Эти картинки не случайно попадаются дѣтямъ; онѣ находятся на дѣтскихъ игрушкахъ, на летучихъ змѣяхъ; я видѣлъ уличнаго пряничника, который изъ сладкаго и мягкаго тѣста дѣлалъ для дѣтей, тутъ же расплачивавшихся съ нимъ, такія изображенія, которымъ было бы приличнѣе находиться развѣ въ анатомическомъ театрѣ!... А японцы съ виду такъ благонравны, водой не замутятъ; согласите это съ ихъ благонравіемъ! При такомъ отсутствіи нравственнаго элемента, когда не щадятъ невинныхъ помысловъ дѣтства, загрязняя ихъ развратными образами, нечего удивляться, что у японцевъ нѣтъ правды и душевной чистоты, что они всѣ лжецы; общая подозрительность, слѣдствіе системы управленія, развила шпіонство и, вмѣстѣ, цѣлую систему взаимнаго обмана, взаимнаго опасенія и недовѣрія; гдѣ же въ этой тинѣ искать благородныхъ началъ, вѣры въ добро, самопожертвованія для идей, чувства собственнаго достоинства, позыва къ

подвигу, и всего того, чт̀о составляетъ тотъ ключъ живой воды, безъ котораго всякій народъ не живетъ, а прозябаетъ!

За то все, чт̀о составляетъ удобство жизни, чт̀о нѣжитъ рыхлое тѣло японца, чт̀о одѣваетъ его, окружаетъ и кормитъ,—все это доведено у него до возможнаго совершенства. Какихъ тканей не выдѣлываетъ онъ для своихъ церемоніяльныхъ панталонъ, для своихъ кофтъ и халатовъ, отъ толстыхъ и негнущихся, какъ картонъ, до легкихъ и воздушныхъ, какъ паутина! Плетеніе изъ тростника и соломы тоже превосходно; всякая сандалія, даже на ногѣ нищаго, въ своемъ родѣ chef-d'oeuvre. Посмотрите на оружіе, на сабли съ рѣзною металлическою работой на рукояткахъ; право, отъ этой работы не отказался бы Бенвенуто-Челлини,—такъ она отчетлива и художественна. Или *нитцки*, пуговицы, о которыхъ я уже говорилъ. Вмѣстѣ съ искусствомъ работы, добродушный юморъ не оставляетъ скромнаго художника, котораго общественное положеніе стоитъ однако не выше положенія портнаго или столяра, потому что художникъ у японцевъ причисленъ къ кастѣ ремесленниковъ (*). Войдите въ домъ, самый

(*) Въ Японіи нѣтъ кастъ въ собственномъ смыслѣ слова, какъ въ Индіи. Жители дѣлятся на восемь классовъ, и состояніе ихъ наслѣдственно. Переходы изъ одного класса въ другой, хотя возможны, но трудны. Вотъ эти классы:

1-й классъ—князья или кокъ-сіу.

2-й классъ—дворяне; они занимаютъ высшія должности и командуютъ войсками. Восемь изъ нихъ засѣдаютъ въ верховномъ совѣтѣ.

3-й классъ—духовенство.

4-й и 5-й классы—«саморай», или солдаты, вассалы дворянъ. По случаю долгаго мира, служба солдатъ ограничена занятіемъ карауловъ и почетной стражи. Этотъ классъ имѣетъ многія преимущества и вообще находится въ большомъ уваженіи.

Эти пять классовъ, за исключеніемъ духовенства, имѣютъ право носить двѣ сабли, одну длинную (*катана*), другую маленькую, родъ кинжала (*вакизаси*).

бѣдный по наружности. Не бойтесь, не поразитъ васъ то, на что̀ наткнетесь въ жилищахъ бѣдняковъ въ какомъ-нибудь большомъ европейскомъ городѣ. Вы не рискуете задохнуться въ страшной атмосферѣ, или придти въ ужасъ отъ нечистоты и всякой гадости. Смѣло садитесь, или ложитесь на цыновку; она та же, что̀ и у богатаго, по крайней мѣрѣ, такъ же чиста; спросите себѣ воды, и непремѣнно найдется фарфоровая чашка, не засиженная мухами, но всегда чисто вымытая, изъ которой можно пить смѣло; спросите себѣ огня, чтобы закурить сигару, вамъ подадутъ небольшой деревянный ящикъ, чисто лакированный, съ каменною жаровней, на которой лежатъ нѣсколько горячихъ угольевъ. Надъ очагомъ, устроеннымъ на полу, виситъ чугунный чайникъ, въ которомъ кипятится вода; хозяйка постоянно хлопочетъ около него, одѣтая въ синій миткалевый халатъ; волосы ея, всегда причесанные, блестятъ, намазанные помадой. Простой народъ ѣстъ морскую капусту (*), которую сушатъ на лѣто и маринуютъ, да сухую рыбу; хорошо, если есть средство купить рису. Это

При церемоніяхъ, они имѣютъ право носить широкіе панталоны изъ драгоцѣнныхъ матерій.

6-й классъ—негоціанты, составляющіе мѣщанство. Они часто покупаютъ себѣ позволеніе носить вакизаси.

7-й классъ вмѣщаетъ въ себѣ мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и художниковъ; на послѣднихъ смотрятъ какъ на ремесленниковъ.

8-й классъ—земледѣльцы, поденьщики, валовые рабочіе; они живутъ въ постоянной зависимости и похожи на нашихъ крѣпостныхъ.

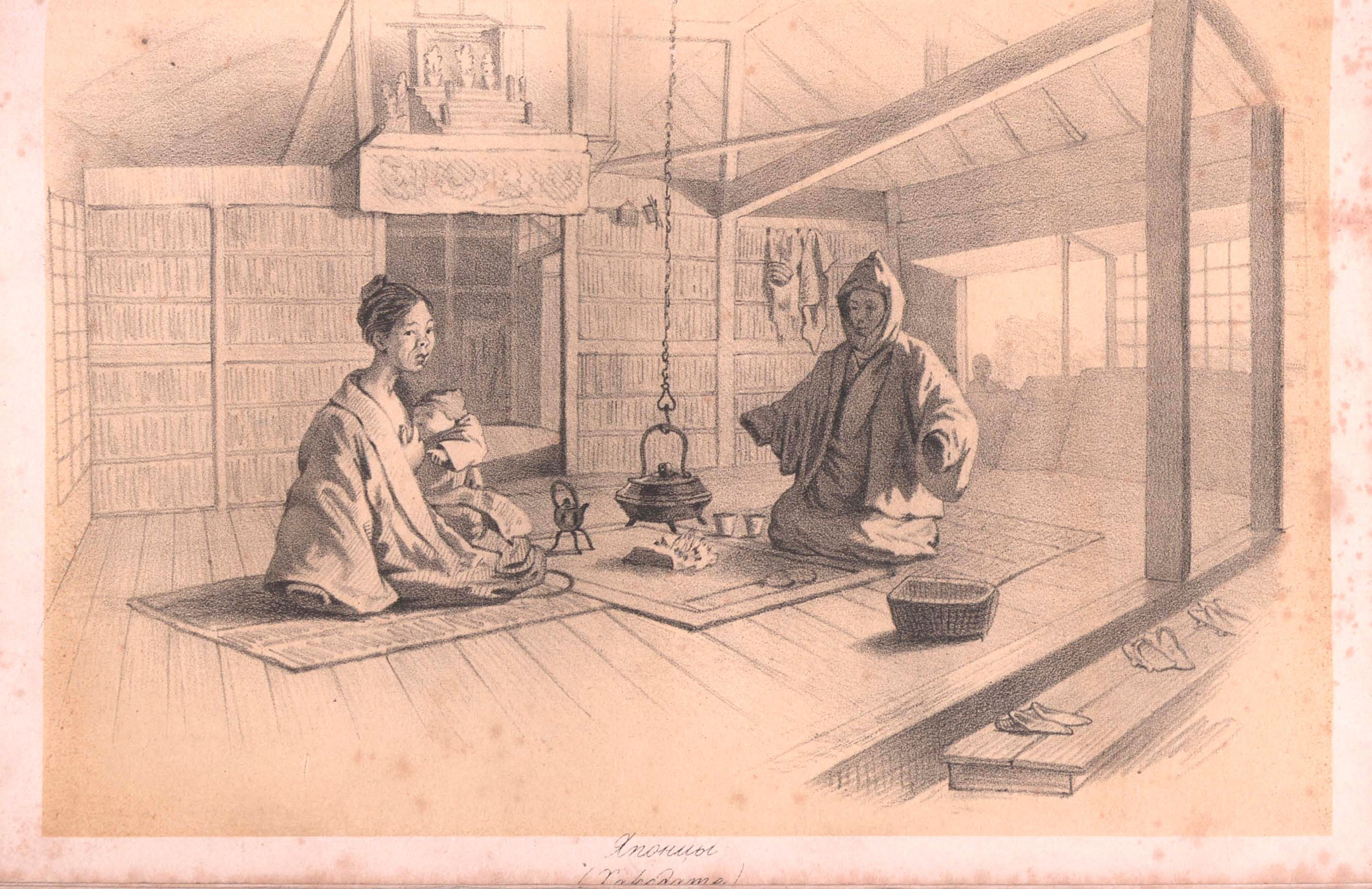
Къ этимъ 8-ми классамъ можно было бы еще прибавить 9-й классъ, родъ парій. Къ нимъ принадлежатъ кожевники, палачи и всѣ тѣ, которые живутъ здѣсь за чертою городовъ. Подати, какъ въ Китаѣ, платятся съ земли. Наемная плата очень высока. Законы Японіи не различаютъ класса преступника.

(*) Эта капуста составляетъ до сихъ поръ главный вывозъ европейцевъ изъ Японіи въ Китай. При насъ ушли изъ Хакодади три большія американскія судна, нагруженныя ею. Не тронуты пока ни мѣдь, ни камфора, на которыя такъ надѣялись при открытіи Японіи.

бѣдняки, а потребность комфорта въ жизни развита и у нихъ. Ѣдятъ они тоже очень опрятно, не залѣзаютъ пальцами въ блюдо, не сдѣлаютъ другаго какого-нибудь неприличія. Любаго японца можно посадить хоть за педантическій англійскій столъ, и онъ не сконфузитъ строгаго джентльмена.

Разсматривая картины японцевъ, я убѣдился въ томъ, что у нихъ больше способности къ рисованію, нежели у китайцевъ. Особенно отличаются японцы бойкими эскизами. О тѣняхъ они не имѣютъ никакого понятія, грѣшатъ также и въ изображеніи нагихъ людей, особенно если приходится рисовать ноги или руки въ раккурсѣ. Поэтому, бо́льшая часть ихъ рисунковъ сначала поражаетъ безобразіемъ, но потомъ въ рѣдкомъ рисункѣ не найдешь двухъ-трехъ чертъ, которыя остановятъ вниманіе любителя. То граціозный поворотъ головы, то милая фигура какой-нибудь молоденькой дѣвушки, подбирающей рукою обширныя складки длиннаго халата, и спѣшащей идти, можетъ-быть, на свиданіе. Фигуры всегда размѣщены прекрасно, и притомъ въ нихъ почти всегда виденъ оттѣнокъ легкаго юмора. Громко смѣяться японецъ не смѣетъ, но по юмору его можно обо многомъ догадываться. Рисунки, требующіе точности, выполнены въ совершенствѣ, какъ напримѣръ, рисунки растеній, птицъ, оружія, джонки, планы, и т. д. Едва ли есть въ Европѣ лучшее изданіе ботаники и орнитологіи, нежели у японцевъ!

Ходя по разнымъ лавкамъ, сопровождаемые теперь двумя чиновниками и цѣлою толпой полиціи,—предосторожность, вызванная происшествіями прежнихъ прогулокъ,—мы пришли между прочимъ въ огромный магазинъ шелковыхъ товаровъ. Это было большое двухъ-этажное зданіе, увѣшанное широкими занавѣсами, съ различными изображеніями. Въ нижнемъ этажѣ было столько мальчиковъ и прикащиковъ, что сначала мы приняли магазинъ этотъ



Японцы

(Хакодате)

за школу. Насъ попросили наверхъ, и, пока носили матеріи, угощали чаемъ и грушами. Въ сторонѣ была небольшая комната, гдѣ сидѣлъ хозяинъ за столикомъ и вѣроятно сводилъ счеты; сидѣлъ онъ, разумѣется, поджавши подъ себя ноги, на полу. Это былъ человѣкъ, какъ казалось, увѣренный въ себѣ; по магазину можно было судить о его состояніи; по уваженію окружавшихъ его, видно было его значеніе. Всякій приходившій къ нему повергался ницъ, какъ передъ божествомъ, и, лежа въ прахѣ, нѣсколько отдѣливъ отъ земли склоненную на бокъ голову, подобострастно выслушивалъ приказанія, ежеминутно втягивая въ себя воздухъ, отрывисто, какъ будто съ наслажденіемъ, приговаривая послѣ каждаго втягиванія, также отрывочно: «хе, хе...» Но вотъ послышался какой-то шумъ внизу, прикащики что-то тревожно забѣгали: по лѣстницѣ поднималось новое лицо, вѣроятно столько же значительное, какъ и хозяинъ. Оба они поклонились другъ другу въ ноги, и долго я любовался утонченною ихъ вѣжливостію. Ни одинъ не хотѣлъ уронить себя. Что̀ сцена Манилова съ Чичиковымъ, въ дверяхъ!... Предложитъ одинъ другому трубку, затянется воздухомъ, тономъ человѣка, разслабленнаго отъ истомы наслажденія, какое доставляетъ ему гость, даже со взглядомъ, выражающимъ упоеніе, что-то такое скажетъ и припадетъ къ землѣ. Тотъ возьметъ трубку съ тою же процедурой, и въ свою очередь припадетъ къ землѣ. Церемонія эта продолжалась съ полчаса; наконецъ обоюдные поклоны стали чаще, втягиваніе въ себя воздуха сдѣлалось до того сильнымъ, что, казалось, эти живые воздушные насосы задушатъ насъ, невинныхъ свидѣтелей; дѣло, однако, шло къ концу, къ прощанью. Какъ жаль, что мы не знали японскаго языка! Интересно бы послушать, чего они другъ другу наговорили. Гость ушелъ, а хозяинъ по прежнему, принявъ свой увѣренный видъ, занялся дѣломъ. Пока я любовался изъявленіями японской вѣжливо-

сти, передъ нами раскладывались богатства шелковыхъ произведеній. Выборъ былъ такъ великъ, что мы рѣшительно ничего не выбрали, сказавъ, что придемъ «завтра». Слово это такъ необходимо для русскаго, что всякій изъ насъ его знаетъ даже по-японски: «міонитци», говорили мы, уходя...

На улицѣ встрѣтили мы длинную процессію: около пятидесяти норимоновъ (носилокъ) слѣдовали одинъ за другимъ. Норимоны всѣ были по одному образцу,—красные, покрытые превосходнымъ лакомъ и обитые по угламъ бронзовыми украшеніями; за каждымъ, кромѣ обычной прислуги, шли по двѣ молодыя женщины, одинаково одѣтыя; нѣкоторыя изъ нихъ были очень хороши собою. Можно было думать, что это былъ гаремъ какого-нибудь князя, отправлявшійся, можетъ быть, съ визитомъ. Черезъ сквозившіяся занавѣски, сдѣланныя изъ тонкой соломы, видны были фигуры сидѣвшихъ женщинъ; нѣкоторыя приподнимали занавѣски, и мы видѣли старухъ и женщинъ среднихъ лѣтъ, съ черными зубами; ни одной не было молодой, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли. Одѣты онѣ были скромнѣе служанокъ; безцвѣтность ихъ халатовъ отличалась отъ яркихъ поясовъ прислужницъ, стягивавшихъ легкія складки свѣтлосинихъ тюникъ, въ которыхъ щеголяли молоденькія мусуме, къ сожалѣнію страшно набѣленныя и нарумяненныя.

Я назвалъ это собраніе женщинъ гаремомъ. Но гаремовъ, въ настоящемъ значеніи, съ ихъ законами и заключеніемъ, въ Японіи нѣтъ. Положеніе женщинъ, хотя онѣ и подчинены мужьямъ, сноснѣе здѣсь, нежели гдѣ нибудь въ Азіи; онѣ занимаютъ мѣсто въ обществѣ и раздѣляютъ всѣ удовольствія съ своими мужьями, братьями и отцами; вообще онѣ пользуются извѣстною свободой и рѣдко употребляютъ ее во зло. Женщины непринужденны въ обхожденіи и умѣютъ сдерживать себя въ извѣстныхъ гра-

ницахъ благопристойности. Даже у простыхъ женщинъ есть своего рода *элегантность*; у всѣхъ есть, конечно, нѣкоторая доза кокетства, но за то есть и умѣнье управлять домомъ. Кромѣ законной супруги, японецъ можетъ имѣть нѣсколько наложницъ (число не ограничено); имѣетъ право удалить жену, которую однако обязанъ кормить, если она не безплодна и не сдѣлала какого нибудь проступка.

Хотя хозяйка управляетъ домомъ, но она не принимаетъ участія во всѣхъ дѣлахъ мужа; на нее смотрятъ скорѣе какъ на игрушку, нежели какъ на участницу радостей, заботъ и печалей. «Когда мужъ посѣщаетъ покой жены своей, говорятъ японцы, то оставляетъ всѣ свои заботы за собою и желаетъ только насладиться удовольствіемъ.»

Японцы женятся въ молодости и избѣгаютъ неравныхъ браковъ; часто свадьба рѣшается выборомъ родителей. Если же молодой человѣкъ выбираетъ самъ, то, въ видѣ объясненія, втыкаетъ въ домъ родителей своей любезной вѣтвь *Eclastrus alatus*. Убранная вѣтвь означаетъ согласіе. Женщина, для выраженія чувства взаимности, краситъ свои зубы черною краской. Всѣ церемоніи свадьбы сопровождаются подарками. Когда невѣсту вводятъ въ домъ жениха, она покрывается бѣлымъ покрываломъ, въ знакъ того, что она умерла для своего семейства, и должна жить только для мужа. Говорятъ, что при свадьбахъ нѣтъ никакихъ религіозныхъ церемоній (Фитзингъ); не знаю навѣрное, правда ли это.

Какъ скоро замѣчаютъ, что женщина готова быть матерью, ей дѣлаютъ вокругъ чреслъ широкую повязку изъ краснаго крепа, и стягиваютъ ею животъ, съ соблюденіемъ различныхъ церемоній; ибо «если ея не стянутъ, то ребенокъ привлечетъ къ себѣ всѣ соки, и мать умретъ съ голоду». Обычай этотъ ведется съ одной вдовы

микадо, которая въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности повязкою замедлила роды, и, ставъ въ главѣ арміи, побѣдила корейцевъ (?). Съ родами шарфъ этотъ снимается. Девять дней послѣ родовъ женщина проводитъ непремѣнно сидя, обложенная со всѣхъ сторонъ мѣшками съ рисомъ, и еще сто дней смотрятъ на нее какъ на больную, а по истеченіи ихъ она идетъ въ храмъ, для принесенія молитвъ и для исполненія обѣтовъ, если она ихъ давала.

Новорожденнаго сейчасъ же моютъ и оставляютъ неодѣтымъ до принятія имени, которое дается мальчику на тридцать первый, дѣвочкѣ — на тридцатый день. При этомъ ближайшій родственникъ даритъ ему конопли (символъ долголѣтія) и другіе талисманы: мальчику два — вѣера и сабли (символъ храбрости), а дѣвочкѣ — разноцвѣтныя раковины и черепа черепахъ, какъ символъ красоты и прелести.

Оба пола ходятъ въ приготовительныя школы, гдѣ учатъ читать, писать и краткой отечественной исторіи. Этимъ кончается образованіе дѣтей бѣдныхъ классовъ; для богатыхъ есть высшія школы, гдѣ преподаются правила церемоніяловъ, сопровождающихъ каждый актъ жизни японца; также знаніе календаря, съ счастливыми и несчастливыми днями, математика, и развивается ловкость тѣла фехтованіемъ, стрѣляніемъ изъ лука. Правила о *хара-кири*, то-есть, какъ и въ какихъ случаяхъ должна производиться эта героическая операція, также составляютъ предметъ обученія въ высшихъ школахъ. Дѣвочекъ учатъ рукодѣльямъ, домохозяйству, музыкѣ, танцамъ и литературѣ. Въ Японіи есть много женщинъ писательницъ!.. Въ пятнадцать лѣтъ воспитаніе ихъ кончается.

Въ Японіи есть заведенія, занимающія какую то средину между школой для воспитанія дѣвушекъ и домовъ *баядерокъ*. Это такъ называемые *чайные дома*.

Тамъ часто живетъ до ста женщинъ. Съ виду дома эти похожи на гостиницы, гдѣ можно достать чай, саки, ужинъ, слушать музыку, видѣть и танцовщицъ..... Бѣдные люди, имѣющіе хорошенькихъ дочерей, отдаютъ ихъ съ дѣтства содержателю подобнаго дома, и онъ обязанъ дать ребенку блестящее воспитаніе. Дѣвушка остается извѣстное число лѣтъ при заведеніи, чтобы вознаградить истраченныя на нее деньги; по истеченіи срока она или возвращается домой, или, что всего чаще, выходитъ замужъ. Поведеніе дѣвушекъ здѣсь не ставится имъ въ вину, и на нихъ не падаетъ дурная слава, хотя, правда, родители ихъ за это не очень уважаются. Дѣвушки эти должны быть образцами свѣтскаго воспитанія; часто приводятъ дворяне и другіе важные японцы женъ своихъ въ эти мѣста, чтобъ онѣ учились музыкѣ, литературѣ и вообще хорошимъ манерамъ.

Японскій женскій костюмъ недуренъ; прямо на тѣлѣ носятъ онѣ коротенькую юпочку изъ краснаго крепа, плотно обхватывающую тѣло, и креповую кофту, съ широкими рукавами, обыкновенно яркаго цвѣта, съ крупными узорами; сверхъ этой кофты надѣваютъ двѣ, или три подобныя же, такъ, чтобы воротничокъ нижней былъ немного видѣнъ сверху верхней. На ногахъ, какъ у мужчинъ, бумажные чулки, завязываемые выше колѣнъ, и соломенныя сандаліи, укрѣпленныя соломенными шнурками, которые проходятъ между большимъ пальцемъ по подошвѣ; эти сандаліи часто очень изящны по своей тонкой работѣ. Для ходьбы по грязи употребляютъ деревянныя подставки, родъ маленькихъ скамеечекъ. Все это платье замѣняетъ наше бѣлье; но сверхъ всего этого надѣвается длинный халатъ, который у богатыхъ волочится по землѣ и перетягивается поясомъ. Смотря по погодѣ, надѣваютъ два, три, а иногда до тридцати халатовъ, и каждый подвязанъ поясомъ; послѣдній, верхній поясъ

всегда особенно роскошенъ; онъ бываетъ шириною до 12 дюймовъ, дѣлается изъ богатой шелковой матеріи и сзади завязанъ большимъ бантомъ. У простыхъ женщинъ, сверхъ халата, надѣвается еще коротенькая кофта съ широкими рукавами, разрѣзанными подъ мышкой, какъ у всѣхъ другихъ халатовъ, и зашитыми на половину у руки, такъ что образуется родъ мѣшка, куда кладется все, что́ надо потомъ бросить или спрятать,—кусокъ недоѣденнаго кушанья, бумажка, которою «обходятся вмѣсто платка», и т. д. Цвѣтъ верхнихъ халатовъ обыкновенно скроменъ—темносиній или темнокоричневый, съ тоненькими полосками; у женщинъ же, живущихъ въ чайныхъ домахъ и выставляемыхъ по вечерамъ на-показъ, при свѣтѣ разноцвѣтныхъ фонарей, халаты бросаются въ глаза роскошью цвѣтовъ, арабесокъ, вышитыхъ шелкомъ и золотомъ, длинными шлейфами, влачащимися по полу, и т. д. Волосы, всегда черные и глянцовитые, собираются къ верху отъ затылка, и напоминали бы древне-греческія прически, еслибы только ихъ не пестрили вплетаемыми гофрированными разноцѣтными крепами, длинными роговыми и черепаховыми иглами, вставляемыми со всѣхъ сторонъ, и иногда проволоками, которыя поддерживаютъ волосы, чтобы они лучше стояли. Бѣлятся и румянятся до крайности, чѣмъ страшно портятъ свой естественный цвѣтъ лица, который очень бѣлъ и свѣжъ, что́ видно у бѣдныхъ дѣвушекъ. Сначала выбѣлятъ все лицо, потомъ слабо-розовымъ тономъ покроютъ щеки отъ бровей до подбородка, оставя верхъ носа и самый подбородокъ; брови обводятъ черною краской, губы намазываютъ шафраномъ, отчего онѣ современемъ синѣютъ, что́ составляетъ nec plus ultra японской красоты; иногда же среди губъ нарисуютъ темненькую пуговку... Однимъ словомъ, глядя на изуродованное всѣмъ этимъ лицо японки, убѣждаешься, что нѣтъ глупости, до которой не довело бы

желаніе нравиться. Замужнія красятъ зубы такимъ ѣдкимъ составомъ, что надо покрывать десны особеннымъ вязкимъ тѣстомъ, чтобы предохранять ихъ отъ этого состава. Впрочемъ, женщины въ Японіи совершенно правы, потому что мужчины тамъ не меньше, если не больше, заняты собою. Но жаль, что японки такъ портятъ себя: въ ихъ естественномъ видѣ онѣ очень недурны лицомъ; у нихъ много граціи.

Улица, по которой мы шли, поднимаясь въ гору, представляла съ одной стороны рядъ храмовъ, окруженныхъ садами и воротами, къ которымъ вели высокія лѣстницы; съ другой стороны тянулись длинныя стѣны какого-то княжескаго дворца; на этой улицѣ жилъ въ прошломъ году графъ Путятинъ. На горѣ увидѣли мы длинную галерею, всю увѣшанную фонарями. Къ ней, между деревьями и кустами, шла лѣстница, съ широкими каменными ступенями, которыхъ было больше ста; по мѣрѣ того, какъ мы поднимались по ней, открывался городъ, цѣлое море строеній, упиравшихся дѣйствительно въ море, синею полосой лежащее на горизонтѣ; едва-едва можно было разсмотрѣть мачты нашихъ судовъ; а масса выштукатуренныхъ домовъ, покрытыхъ черепицей, такъ велика, что большіе сады, около которыхъ мы проходили, казались букетами, разбросанными въ разныхъ мѣстахъ. Горы и холмы скрадывались, все было ровно, точно планъ, начерченный на листѣ бумаги. Въ галереѣ были устроены скамейки, и нѣсколько молоденькихъ дѣвушекъ предложили намъ напиться чаю. Мы находились во владѣніяхъ храма бога войны; самъ богъ, въ колоссальномъ бронзовомъ изображеніи, сидѣлъ неподалеку, между деревьями: это была толстая, неопредѣленная личность, съ саблею въ рукѣ; такъ какъ войны уже вывелись въ Японіи, то и богъ скромно сидитъ въ кустахъ, никого не смущая. Въ галереѣ было дѣйствительно хорошо. Японцы страш-

ные сибариты, расчитываютъ на мѣсто отдыха послѣ прогулокъ, пользуясь всякимъ пунктомъ, откуда открывается хорошій видъ; на такомъ мѣстѣ устраивается бесѣдка, или павильонъ. А гдѣ есть бесѣдка, тамъ сейчасъ прилаживается переносная *чайная*, съ горячею водой, кипящею въ чугунномъ чайникѣ, и цѣлымъ строемъ маленькихъ чашечекъ. Хозяйка — обыкновенно старуха, съ сморщеннымъ лицомъ и черными зубами; чтó за удовольствіе пить чай, когда вамъ подаетъ его такое некрасивое сушество? Старушка это знаетъ, и потому беретъ къ себѣ двухъ или трехъ молоденькихъ дѣвочекъ въ услуженіе, если не имѣетъ дочери или племянницы. Утомленный долгою ходьбой, всякій съ наслажденіемъ ложится на скамейку, покрытую чистою и мягкою цыновкой, подъ тѣнь навѣса, лаская свой усталый взглядъ иревосходнымъ ландшафтомъ, разстилающимся передъ нимъ, и лукавою улыбкой молоденькой мусуме, подающей ему ароматическій напитокъ. Привыкшіе къ нашимъ самоварамъ, мы требовали часто повторенія, и выпитыя чашки считались десятками, чтó возбуждало смѣхъ, какъ прислужницъ, такъ и неоставлявшей насъ публики, которая провела насъ по лѣстницѣ и на которую мы уже смотрѣли равнодушно, какъ на conditio, sine qua non.

Утомленные дневными скитаніями, вечеръ провели мы въ «oeil de bœuf». У широкой арки висѣло четыре японскіе фонаря, а двое часовыхъ, опершись на ружья, составляли прекрасную раму ночи, глядѣвшей на насъ своимъ таинственнымъ мракомъ, и говорившей немолчными голосами своихъ крикливыхъ цикадъ. «Вы все искали восточныхъ картинъ, говорилъ я И. И., а развѣ это не восточная картина? Посмотрите на этотъ свѣтъ фонарей, падающихъ на часовыхъ, смотрите на эту арку, а тамъ въ тѣни воображайте чтó хотите, хоть гаремъ...» —

«Да тутъ гаремъ и есть, сказалъ кто-то:—въ противуположномъ домѣ, что́ стоитъ въ саду, видѣли вы прехорошенькихъ японокъ?»

А главное то, что вечеромъ не возвращаться на клиперъ; обрѣтаешь въ себѣ чувство свободы, независимости—до завтра. Въ продолженіе цѣлаго года не приходилось намъ испытывать подобное прекрасное чувство...

Лошади были заказаны съ вечера въ японской караулкѣ. Легли спать, кто гдѣ нашелъ мѣсто.

На другой день, рано утромъ, едва солнце начало разгонять туманъ, лежавшій на желтыхъ водахъ залива, я верхомъ пріѣхалъ на пристань, чтобы встрѣтить желавшихъ участвовать въ нашей экскурсіи. Въ условный часъ катера еще не было. Несмотря на раннее время, бо́льшая часть лавокъ уже была открыта, начиналось движеніе; не видно было только чиновниковъ, еще нѣжившихся, вѣроятно, подъ своими ваточными халатами и одѣялами. Я привязалъ лошадь къ столбу, а самъ сѣлъ въ устроенномъ на берегу балаганѣ, откуда мнѣ были видны укрѣпленія, и слѣдовательно, я не пропустилъ бы катера, который долженъ былъ пройти между первымъ и вторымъ бастіонами.

Воздухъ былъ свѣжъ, но тою теплою свѣжестью, которая обѣщаетъ жаркій день; палевое освѣщеніе гуляло и по отдаленнымъ судамъ и укрѣпленіямъ, и по сотнямъ рыбачьихъ парусовъ, сновавшихъ въ разныхъ направленіяхъ, и по зданіямъ набережной. По тихой водѣ, дѣйствуя двумя веслами, плылъ рыбакъ на маленькой лодочкѣ; скорый ходъ бросалъ ее изъ стороны въ сторону, и она неслась быстро мимо. Въ балаганѣ были скамейки и чайная, и, натурально, хорошенькая прислужница, вѣроятно недавно вставшая. На лицѣ ея были еще слѣды ночной нѣги, глаза были подернуты влагой, бронзовыя щеки блестѣли естественнымъ румянцемъ. Голосомъ ме-

лодическимъ и серебрянымъ, въ которомъ слышался удивительно прiятный металлическiй звукъ, съ обворожительною улыбкой, предлагала она чаю, и чай, здѣсь, на своей родинѣ, не кажется тѣмъ прозаическимъ напиткомъ, который мы привыкли соединять съ пыхтѣнiемъ и испариной какого нибудь господина, опоражнивающаго пятый стаканъ. Изъ маленькой чашечки прозрачнаго фарфора, только что облитый горячею водой, пьешь первый данный имъ ароматъ,—слабый, тонкiй, для грубаго вкуса неуловимый.

Но вотъ показалось знакомое вооруженiе нашего катера; изъ-за батарей, какъ лебедь, засiялъ онъ своими парусами, освѣщенный утреннимъ солнцемъ.

Шумною кавалькадой, на хорошо-выѣзженныхъ и довольно рьяныхъ японскихъ лошадяхъ, различно убранныхъ, отправились мы смотрѣть знаменитый храмъ—*Гору золотаго дракона* (*Дзинь лунь шанъ*), какъ написано на планѣ, китайскими знаками; японцы называютъ этотъ храмъ *Асакуса* (не знаю значенiя этого слова). До него было добрыхъ пятнадцать верстъ. А онъ находится внутри города, и мы не съ самаго его конца считали разстоянiе; это даетъ маленькое понятiе о величинѣ города. При каждой лошади былъ проводникъ; мы извлекли изъ нихъ двойную пользу, навьючивъ ихъ обѣдомъ, виномъ, бѣльемъ и проч. У меня былъ вороной конь, вѣроятно изъ чиновныхъ, потому что у него были на холкѣ три косички, связанныя кисточками кверху, на копытахъ синiе чулки съ соломенными сандалiями; на сѣдлѣ была мягкая подушка, на которой было очень ловко сидѣть, особенно опираясь на массивныя стремена, имѣющiя форму широкой полосы желѣза, согнутой крючкомъ. Впереди насъ, молодцовато сидя на горячихъ лошадяхъ, ѣхали два *якунина*; легкiе и широкiе рукава ихъ синей верхней одежды развѣвались какъ крылья бабочекъ; круглая

соломенная шляпа, прикасавшаяся только одною точкой къ макушкѣ, и поднятыя кверху поля придавали имъ какой-то легкій и красивый видъ. Японецъ на конѣ напоминаетъ всадника среднихъ вѣковъ. Классическимъ типомъ красоты наѣздника мы привыкли воображать черкеса, несущагося на своемъ карагезѣ; венгерца, пустившаго по вѣтру свой гусарскій доломанъ; бедуина, съ красивыми складками бѣлаго бурнуса и ятаганомъ за широкимъ поясомъ, или, наконецъ, козака, съ пикою въ рукѣ, склонившагося къ лукѣ; но къ нимъ надобно прибавить и японца, который, при своей оригинальности, такъ же хорошъ и такъ же молодцоватъ; только въ его молодцоватости есть что-то нѣжное, даже женственное, какъ въ молодцоватости амазонки. Ему ли, кажется, одѣтому и укутанному въ шелковыя ткани, едва передвигающему ноги, потому что церемоніяльныя панталоны, какъ путы, мѣшаютъ движеніямъ,—ему ли, съ цѣлымъ арсеналомъ за поясомъ, съ прической, на которой подобранъ волосокъ къ волоску,—ему ли, женоподобному, садиться на лошадь?.. Но посмотрите, какъ красиво, какъ граціозно изогнулъ онъ станъ, какъ управляется съ своею горячею лошадью, и какъ самый костюмъ, теперь ловкій и удобный, украшаетъ его.

Мы ѣхали за чиновниками; скоро въ характерѣ ѣзды стали обозначаться характеры каждаго ѣздока: видимо общество дѣлилось на двѣ партіи,—на людей, желавшихъ посмотрѣть и себя показать, и другихъ, исключительно желавшихъ только людей посмотрѣть. Послѣдніе настойчиво ѣхали шагомъ, несмотря на рысь и курцъ-галопъ переднихъ. А такъ какъ нельзя было раздѣляться, то скачущіе возвращались, или дожидались отстающихъ, что не мало тревожило чиновниковъ, назначенныхъ къ намъ въ надзиратели и буквально *животомъ* отвѣчавшихъ за цѣлость каждаго изъ насъ. Если кому въ Эддо дѣйстви-

тельно непріятно было пребываніе здѣсь русскихъ, то конечно чиновникамъ; въ этотъ день, думаю, не мало сыпалось на насъ ругательствъ на японскомъ языкѣ.

Заранѣе предупрежденная полиція ждала насъ на каждомъ перекресткѣ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пересѣкали нашу улицу другія, протянуты были веревки, чтобы не пускать народа. Такъ какъ мы проѣзжали много такихъ мѣстъ, гдѣ еще прежде не бывали, то публики было много. Мы проѣзжали улицами съ превосходными домами и магазинами; нѣкоторые дома были такъ хорошо выштукатурены, что казались сложенными изъ цѣльнаго мрамора, между тѣмъ какъ во всей Японіи нѣтъ ни одного каменнаго зданія; причина этого—частыя землетрясенія: деревянный домъ если и разрушится, то можетъ быть выстроенъ въ самое короткое время. За исключеніемъ главныхъ столбовъ и перекладинъ, почти весь домъ можно купить въ лавкѣ: картонные щиты, ширмы, циновки—вотъ изъ чего все состоитъ. Къ храму примыкала прямая улица изъ низенькихъ лавокъ, гдѣ продавалась разная мелочь. Видно было, что здѣсь уже начинались владѣнія храма, и торговцы ждутъ богомольцевъ и посѣтителей, чтобъ имъ, на дорогѣ, сбывать всякую дрянь,—что̀ мы находимъ и у насъ при всякомъ монастырѣ. Оставивъ лошадей, мы пошли пѣшкомъ. Передъ нами были громадныя ворота (ворота человѣколюбиваго князя) съ преобладающими горизонтальными линіями, украшенныя массивными деревянными арабесками; почти все было выкрашено красною краской, такъ же какъ и самый храмъ и другія принадлежащія къ нему строенія. Сквозь ворота виднѣлась продолжающаяся прямая улица, выложенная широкою плитой; она оканчивалась площадью, среди которой возвышалось величественное зданіе храма, съ исполинскою, прямою, черепичною крышей, съ широкими лѣстницами, идущими на пространную галерею,

обносящую со всѣхъ сторонъ главный корпусъ. Крыша широкимъ навѣсомъ висѣла надъ террасой; стоявшему подъ нимъ видны были деревянныя рѣзныя украшенія, которыми изобилуетъ главный карнизъ и подбой навѣса. Между арабесками были изображенія драконовъ, звѣрей, цапли; смѣлыя линіи этихъ фигуръ невольно обращали на себя вниманіе. На самой крышѣ были также драконы, но все это терялось въ обширности зданія и смотрѣло простымъ арабескомъ. Нѣсколько открытыхъ дверей чернѣли мрачною глубиной огромнаго пространства, видимаго черезъ нихъ; въ эти двери видны были исполинскіе фонари самыхъ разнообразныхъ формъ, колонны, канделябры и другія принадлежности храма; иное совершенно терялось въ темнотѣ, другое едва обозначалось въ полумракѣ и блестѣло только металлическими украшеніями, на которыхъ отражалось солнце, пробившееся сквозь деревья, окружающія храмъ со всѣхъ сторонъ. За храмомъ разросся вѣковой садъ; всякое дерево могло быть святыней для народа, дальніе предки ходили подъ почтенную тѣнь этихъ деревъ, далеко распространившуюся отъ исполинскихъ стволовъ, съ громадными вѣтвями и роскошною листвой. По мѣрѣ нашего приближенія къ храму, соотвѣтствіе всѣхъ его частей, скрадывавшее сначала его огромность, какъ будто исчезало. Когда мы увидѣли тысячи народа, толпившагося внутри храма, и казавшагося незамѣтнымъ въ тѣснотѣ колоннъ, массивныхъ канделябръ и фонарей, висящихъ на исполинскихъ перекладинахъ потолка, исчезающаго въ темнотѣ, то невольное чувство высокаго охватило душу. Безмолвно вошли мы въ храмъ, народъ разступался передъ нами: многолюдность, шумъ и говоръ пропадали въ огромности зданія. Главный алтарь отдѣлялся нѣсколькими колоннами и болѣе возвышеннымъ мѣстомъ; тамъ стояли бонзы; они почтительно намъ поклонились. Когда мы вышли, на-

*

родъ столпился на балконѣ, рисуясь тысячеглавою группой на фонѣ темныхъ аркадъ капища; я вспомнилъ тѣ картины Пуссена, въ которыхъ не личность, не мѣстность, а цѣлая эпоха, цѣлое происшествіе составляютъ сюжетъ...

Нечего пересчитывать все то, что мы видѣли въ храмѣ; по крайней мѣрѣ, съ своей стороны, я не разсматривалъ, даже не старался запомнить, но весь предался охватившему меня чувству, которому можно пріискать какое угодно названіе; можно, пожалуй, назвать его экстазомъ; подъ вліяніемъ этого чувства, человѣку хочется молиться; всѣ мы больше или меньше ощущали то же, чему доказательствомъ служитъ то, что всѣ вышли молча и долго еще стояли передъ храмомъ, пока не вспомнили, что туристамъ надобно же «осматривать».

Въ числѣ существъ, которымъ посвященъ этотъ храмъ, играетъ важную роль «лошадь». Въ самомъ храмѣ, на стѣнахъ, я видѣлъ нѣсколько изображеній лошади; наконецъ, по близости въ особенномъ зданіи стояло два живые коня, совершенно бѣлые, съ розовыми мордочками, съ розовою кожицей около глазъ и въ красныхъ попонахъ. Это были священные кони. При храмѣ находится цѣлый городъ; кромѣ безчисленныхъ лагокъ и таберъ, къ нему примыкаетъ большой ботаническій садъ, съ прудами, мостиками, цвѣтниками, звѣринцами, театромъ маріонетокъ и кабинетомъ фигуръ. Иногда, въ чащѣ лѣса, встрѣчались монументальныя изображенія канонизованныхъ святыхъ, то-есть смертныхъ, возвышенныхъ въ достоинство *ками* или *буддъ*,—это были колоссальныя бронзовыя фигуры, большею частію сидящія, довольно уродливыя; иногда онѣ служили украшеніемъ фонтана, вода котораго освѣжала прохожихъ.

Среди сада, въ хорошенькомъ павильонѣ, насъ ждалъ завтракъ. Явились шримпсы, яйца, рисовые пирожки, кастера и привезенные нами припасы.

Въ кабинетѣ фигуръ я еще больше убѣдился, что японцы не лишены художественнаго пониманія вещей, и что очень немного надо, чтобы между ними процвѣло искусство. Всѣ наши кабинеты восковыхъ и другихъ фигуръ всегда имѣютъ интересъ побочный; они интересны для насъ потому, что въ нихъ мы видимъ или портретъ какого-нибудь знаменитаго человѣка или его костюмъ, и т. п. Здѣсь же фигура обращаетъ на себя вниманіе своимъ художественнымъ исполненіемъ. Представленъ, напримѣръ, японецъ, читающій книгу; у него немного слабы глаза, или онъ грамоту плохо разбираетъ, вслѣдствіе чего на всемъ его лицѣ выраженіе усилія, и сколько въ этомъ естественности и правды! А техническая часть такъ исполнена, что, если посадить эту фигуру на улицѣ, всѣ примутъ ее за живаго японца; даже костюмъ на немъ старый и подержанный. Всѣ другія фигуры больше или меньше въ родѣ первой; ни одна не представляетъ ни знаменитаго воина, ни знаменитаго карлика,—каждая взята изъ дѣйствительной жизни. Вотъ женщина моетъ ребенка, вотъ писецъ, вотъ японка, совершающая свой туалетъ, сердитая и ворчливая, а горничная сзади, совершенно равнодушная къ привычному ворчанью кокетки, усердно натирающей свои щеки бѣлилами и румянами. Въ средней комнатѣ представлено море и нѣсколько фигуръ,— вѣроятно спасающіеся послѣ кораблекрушенія; одинъ борется съ волнами, другихъ выбросило на берегъ; усталый, истомленный хватается за камень, но, кажется, набѣжавшая волна смоетъ его; на лицѣ видна борьба надежды съ отчаяніемъ. На этомъ же морѣ стоитъ красиво отдѣланная джонка, и служитъ сценой для кукольной комедіи. Механизмъ куколъ доведенъ до такого совершенства, что

маріонетки кажутся здѣсь совсѣмъ не тою пошлостію, какою онѣ являются у насъ. Фигура по совершенно-гладкой doскѣ подходитъ къ вамъ аршина на три отъ сцены и дѣлаетъ различные фокусы, и притомъ безъ рѣзкости движеній, а съ такою плавностью, что какъ будто въ ней дѣйствуетъ не проволока и шалнеръ, а живой нервъ и кровь! Прибавьте къ этому роскошную обстановку и костюмъ.

Было часовъ 12; по нашему расчету, намъ предстояло осмотрѣть еще два мѣста, болѣе или менѣе замѣчательныя; что они существовали—въ этомъ никто не сомнѣвался, но гдѣ они, этого-то мы не знали; да и разспросить не умѣли. Изъ насъ были нѣкоторые, зимовавшіе въ Нагасаки, и знаніе ихъ въ японскомъ языкѣ мы считали за фактъ, слушая ихъ разговоры съ японцами, разговоры безъ цѣли, съ употребленіемъ только тѣхъ словъ и выраженій, которыя были извѣстны. Теперь же, когда намъ понадобилось ихъ знаніе, увы! кромѣ «ватакуси,варуй, наканака-іой» и другихъ, всѣмъ извѣстныхъ, словъ ничего не выходило! Находчивые, какъ русскіе, мы разложили передъ чиновниками планъ Эддо и указали пальцемъ на самое зеленое мѣсто. Въ зеленое мѣсто ѣхать оказалось нельзя,—это былъ одинъ изъ тѣхъ двухъ храмовъ, смотрѣть которые было особенно запрещено; нечего дѣлать, указали на другое мѣсто, также зеленое; оказалось, что до него очень далеко, не успѣешь; а вотъ еще третье, не зеленое, а красное на планѣ; туда можно, и тамъ также, говорятъ, очень хорошо; поѣхали въ красное мѣсто. Оно находилось близко; черезъ три четверти часа мы были уже тамъ и рѣшили, послѣ отдыха, опять обратиться къ плану; не возвращаться же домой!

Красное мѣсто былъ также храмъ, гораздо меньше осмотрѣннаго нами утромъ. Внутри его висѣла исполинская сабля, въ нѣсколько саженей длины, вся отдѣланная

золотомъ. Не это ли сказочный мечъ-кладенецъ? Храмъ стоялъ на горѣ; у обрыва устроена галерея, такъ похожая на ту, которую мы вчера видѣли, что нѣкоторые приняли ее за ту же самую. Была даже такая же старушка съ молоденькими прислужницами у чая; только видъ сверху, похожій тоже на вчерашній, былъ гораздо обширнѣе. Эта гора была отъ вчерашней верстахъ въ пяти, въ глубинѣ города. Съ первой видно было море и укрѣпленія, съ этой—только одни зданія. Если бы рисовать этотъ видъ, надо было бы оставить на листѣ бумаги одну четверть для неба: а другія три четверти наполнить крышами, и чѣмъ больше бы ихъ умѣстилось, тѣмъ видъ былъ бы похожѣе. Всякая выдающаяся часть исчезала, даже осмотрѣнный нами утромъ громадный храмъ, съ его садами, казался небольшимъ островкомъ зелени въ этомъ разливѣ улицъ и строеній.

Вытащенъ былъ еще разъ планъ; чиновники оказали рѣшительное сопротивленіе; бабья ихъ натура совершенно разслабѣла; но и мы были не изъ уступчивыхъ. Есть лошади, есть время; какъ же не пользоваться этимъ? Надобно прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ. Указавъ имъ зеленое мѣсто, до котораго, какъ они говорили, очень далеко, мы сказали, что поѣдемъ непремѣнно туда, а они, если хотятъ, могутъ убираться, куда имъ угодно. Бросить насъ они не могли,—имъ бы животъ распороли, или, пожалуй, сдѣлали еще что-нибудь похуже. Поѣхали, и они за нами; но дорогой поднялись на хитрости: вдругъ повернули налѣво, когда слѣдовало ѣхать направо. Нѣкоторые, не подозрѣвая обмана, довѣрчиво слѣдовали за ними, но имѣвшіе въ рукахъ планъ заставили ихъ вернуться. Тогда чиновники, увидавъ, что ничѣмъ не возьмешь, смиренно поѣхали впередъ, не уклоняясь отъ назначеннаго пути.

Нечего говорить, что и тѣ улицы, по которымъ мы ѣхали, кишѣли народомъ и лавками; вездѣ толпа, множество, безконечность... Но вотъ переѣхали широкую площадь; на нее выходилъ какой-то княжескій дворецъ съ обширнымъ садомъ; около домовъ стала попадаться зелень, цвѣтники, наконецъ, сплошная масса растительности, гдѣ между кедромъ и ясенью, дубомъ и масличнымъ деревомъ, виднѣлась пальма (Latania), банановый листъ и тонкій граціозный бамбукъ. Въ цвѣтникахъ красовались камеліи—здѣсь ихъ родина—онѣ у себя дома. Около нихъ пестрѣла богатая флора; красовались тысячи роскошныхъ цвѣтовъ съ разнообразною листвой, съ блистающими вѣнчиками, и надобно замѣтить, что японцы, можетъ-быть, первые въ свѣтѣ садоводы. Потянулась улица съ небольшими храмами, прикрывшимися цвѣтниками и садами; у воротъ и калитокъ мелькали дѣти. Кончились храмы, потянулись сплошные палисады, съ тѣнью отъ нависшихъ высокихъ деревьевъ. Отрадно было дышать въ этихъ затишьяхъ, послѣ городскаго солнца и шума; дорога шла подъ гору; наконецъ лошади стали спускаться по ступенькамъ; ѣхавшій впереди чиновникъ повернулъ въ какія-то ворота; мы за нимъ, нагибаясь къ самой лукѣ, чтобы не стукнуться о притолку; слѣзли съ лошадей и осмотрѣлись. Передъ нами былъ японскій домъ, открытый со всѣхъ сторонъ, болѣе похожій на бесѣдку; онъ стоялъ почти на окраинѣ обширнаго оврага, на небольшомъ расчищенномъ мѣстѣ; передъ домомъ былъ крутой обрывъ. Самый оврагъ, развернувшійся во всей своей ширинѣ, былъ наполненъ садами, сплошною растительностію, охватившею и самыя глубокія, и самыя возвышенныя мѣста ландшафта; на горизонтѣ другой берегъ этого зеленаго моря поднимался также садами и башнями пагодъ, тонувшихъ въ деревьяхъ. Прямо подъ ногами виднѣлись крыши и желтою лентой идущая между ними улица, на которой

продолжались шумъ и суета города; тамъ шли люди, быкъ тащилъ фуру съ тяжестью, перебѣгали мелкимъ шагомъ, точно газели, черноглазыя мусуме; но все это видѣлось сверху и казалось чѣмъ-то совершенно удаленнымъ, отдѣльнымъ; мы какъ будто возвышались надъ суетой міра, пріютившись на площадкѣ, висѣвшей надъ бездной. На площадкѣ былъ красивый цвѣтникъ, бассейнъ холодной воды и павильонъ, который продувало со всѣхъ сторонъ; въ павильонѣ чистыя циновки, превосходный фарфоръ и европейскій обѣдъ, правда холодный, но приправленный портеромъ,ココ хересомъ и констанскимъ. «Іой, іой, наканака - іой», говорили мы чиновникамъ, желая загладить передъ ними свою настойчивость приглашеніемъ позавтракать и изъявленіемъ полнаго нашего удовольствія.

На возвратномъ пути проѣхали черезъ ворота, очень живописныя, стоящія на горѣ, у мѣста пересѣченія внѣшняго полукруглаго канала, вдоль набережной канала, окружающаго О'сиро; этотъ каналъ совершенно покрытъ былъ широкими листьями водяныхъ лилій. Ѣхали мы княжескимъ кварталомъ. «Надо проѣхать это мѣсто какъ можно скорѣе, говорили чиновники,—чтобы чего-нибудь не случилось.» Они просто боялись, чтобъ ихъ самихъ не увидѣлъ какой-нибудь князь, вмѣстѣ съ иностранцами, которыхъ они смѣли привести въ ихъ крамольное логовище; имъ досталось бы за это; по ихъ предложенію они должны были бы окольными путями провести насъ. Но намъ не хотѣлось быть ихъ игрушкой, и мы продолжали ѣхать шагомъ, къ крайнему ихъ отчаянію. Если встрѣчался какой-нибудь изъ важныхъ, верхомъ или въ носилкахъ, наши чиновники оборачивали своихъ лошадей и кланялись передъ этимъ лицомъ; они не осмѣливались ѣхать въ противоположную отъ него сторону, но должны были притворяться,

что готовы всегда слѣдовать, куда бы ни угодно было японскому высокоблагородію,—тонкая черта вѣжливости японцевъ!

Возвратившись домой, мы услышали печальную исторію, случившуюся въ Юкагавѣ. Утромъ мы слышали объ этомъ мелькомъ; но, сомнѣваясь въ истинѣ, или, скорѣе, боясь убѣдиться въ ней, не обратили на нее никакого вниманія. Къ вечеру дѣло разъяснилось со всѣми подробностями.

Наканунѣ посланъ былъ на барказѣ въ Юкагаву мичманъ Мофетъ для разныхъ закупокъ. Окончивъ дѣла, вечеромъ вышелъ онъ изъ послѣдней лавки, съ двумя матросами. Едва отошли они немного шаговъ, какъ изъ переулка выскочило нѣсколько японцевъ; ударомъ сабли положенъ одинъ матросъ на мѣстѣ. Мофетъ получилъ сабельный ударъ по шеѣ, другой, накрестъ его, по плечу и лопаткѣ, третій по ляжкѣ, который и заставилъ его упасть. Другой матросъ, шедшій по срединѣ улицы, успѣлъ убѣжать въ ближайшую лавку, преслѣдуемый однимъ изъ убійцъ, уже ранившимъ его въ лѣвую руку. Лавочникъ, переговоривъ съ преслѣдовавшимъ, заперъ лавку и спасъ матроса. Собрался народъ, убійцы скрылись; раненаго Мофета отнесли къ американцамъ, которые старались всѣми средствами помочь ему, но усилія ихъ были напрасны. Онъ, въ страшныхъ мученіяхъ, черезъ четыре часа умеръ.

Не говорю, въ какую скорбь погрузило это извѣстіе всѣхъ товарищей, любившихъ убитаго. Возбудилось недовѣріе къ народу, въ сношеніяхъ съ которымъ всегда замѣчалось болѣе сочувствія и дружбы, чѣмъ нежеланія сближенія. Чуство скорби смѣнилось пытливымъ духомъ гипотезъ. За неимѣніемъ положительныхъ данныхъ веденнаго слѣдствія, домашнимъ ареопагомъ дѣлались различные приговоры, основанные, вопервыхъ, на нашемъ знакомствѣ съ японцами, и, вовторыхъ, на знаніи подробностей дѣла. Изъ чего ясно можно заключить объ осно-

вательности этихъ приговоровъ... Было ли это случаемъ частнымъ, или надобно было видѣть здѣсь участіе японскаго правительства? Слѣдовало ли приписать убійство оппозиціоннымъ феодаламъ, всячески старавшимся показать намъ свое нерасположеніе? Всѣ рѣшали эти вопросы по своему; былъ даже слухъ, что послѣ исторіи бросанія камней, которая еще разъ повторилась съ другими офицерами, начальники квартала были разжалованы въ солдаты, и что убійство было слѣдствіемъ личной мести.

Одинъ корветъ и клиперъ, взявъ съ собою эддскаго губернатора, пошли въ Юкагаву, для производства слѣдствія.

Несмотря на настоятельныя требованія, убійцъ не выдавали. Судя по тому, что писалось о японской полиціи, не отыскать убійцъ казалось бы дѣломъ невозможнымъ въ Японіи. Здѣсь, вопервыхъ, глава семейства отвѣчаетъ за свой домъ; потомъ, каждые пять домовъ имѣютъ своего начальника, который подчиненъ начальнику улицы, *кахина*; кахина подчиненъ начальнику округа—*оттоно*, который уже относится въ городовой магистратъ. Такъ одна половина народа смотритъ за другою. За малѣйшій доносъ слѣдуетъ наказаніе, не только преступника, но часто всего семейства; при арестованіи кого нибудь, арестуется все семейство. Въ случаѣ убійства секвеструется цѣлая улица, на которой оно случилось, и двери всѣхъ домовъ заколачиваются гвоздями. Но Юкагава торговала по прежнему, и улица оставалась незаколоченною, слѣдовательно,—или европейскіе писатели безсовѣстно сочинили всѣ вышесказанныя свѣдѣнія, или японцы не настоящимъ образомъ преслѣдовали дѣло. Отыскаnъ былъ ящикъ съ деньгами; а объ убійцахъ сказали, что, вѣроятно, они лишили себя жизни, потому что, при исправности полиціи, не отыскать ихъ невозможное дѣло; а они не находятся... «Такъ отыщите намъ тѣла ихъ, это гораздо легче», говорили имъ,—и дѣло продолжалось.

Стоявшіе въ Юкагавѣ не иначе съѣзжали на берегъ, какъ вооруженные. Это повидимому нисколько не трогало японцевъ; про себя, они, я думаю, посмѣивались надъ этимъ донкихотствомъ. Всѣ консулы приняли живое участіе въ дѣлѣ, столько же касавшемся ихъ, сколько и насъ: если зарѣзали русскаго офицера, то легко могутъ зарѣзать и американца. Нѣкоторые изъ насъ стояли за строгія мѣры, за настоятельныя требованія, даже еслибы пришлось и бомбардировать Юкагаву.

Убійцъ ждала казнь ужасная; по японскимъ законамъ, ихъ слѣдовало распять и колоть саблями, до тѣхъ поръ, пока не останется ни одного признака жизни. Законъ возмездія составляетъ, кажется, главное основаніе ихъ уголовныхъ уложеній — око за око, зубъ за зубъ, почти буквально. Такъ, поджигателя жгутъ медленнымъ огнемъ; въ настоящее время, въ Хакодади сидитъ преступникъ, ожидающій себѣ этой казни. Укравшему болѣе 10 рё (40 ицибу, около 20 руб.) отрубаютъ голову.

Мы оставили Японію, а дѣло еще не было окончено; для этого оставался фрегатъ *Аскольдъ*. Надъ могилами убитыхъ предположено выстроить часовню, на которую уже собрали довольно значительную сумму. Въ планѣ часовни нарочно придерживались нашей отечественной архитектуры, чтобы будущій пришлецъ изъ Россіи, на другомъ концѣ свѣта, среди міра, ему чуждаго, еще издали могъ узнать близко-знакомый ему куполъ съ осѣняющимъ его крестомъ. Вокругъ могилы смѣющаяся мѣстность смотритъ такимъ чуднымъ пріютомъ для совершившихъ свое земное странствованіе, что видъ этой могилы пробуждаетъ болѣе свѣтлыя, нежели мрачныя ощущенія.

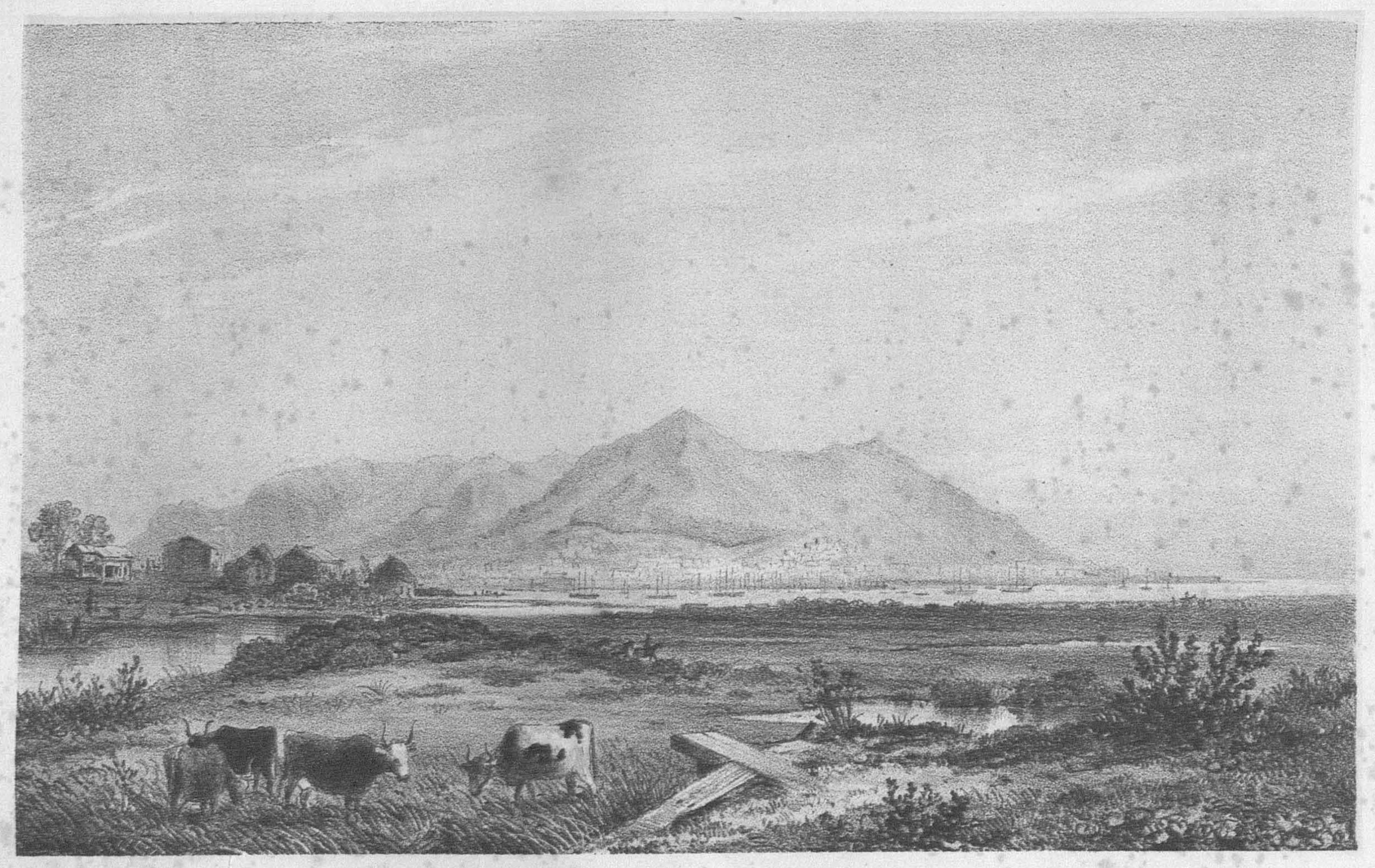
Уйдти изъ Эддо, не побывавъ въ Озіо, было бы грѣшно; это то же, что̀ быть въ Римѣ и не видать папы. Опять мы распорядились, какъ въ прошедшій разъ; съѣхали на берегъ наканунѣ и заказали себѣ лошадей, предупредивъ,

что ѣдемъ въ Озіо. На площади мы наткнулись на интересную сцену. Окруженный толпой народа, сидѣлъ японецъ весь въ бѣломъ. На лѣвой рукѣ его, около локтя, въ тѣло воткнута была коротенькая свѣчка, пламенемъ своимъ обжигавшая кругомъ кожу и тѣло; въ правой рукѣ былъ пукъ горящихъ, ароматическихъ свѣчъ, какія жгутъ передъ идолами; пламя и дымъ вырывались между согнутыми пальцами и обжигали кисть фанатика. На лицѣ его не было и слѣда выраженія какого-нибудь страданія и ощущенія боли; монотоннымъ голосомъ причитывалъ онъ, вѣроятно, молитвы, смотря куда-то въ пространство своими черными глазами, свѣтившимися экстазомъ. Ему бросали деньги, но онъ, казалось, не обращалъ на это никакого вниманія.

Утромъ отправились мы тою же кавалькадой, и съ тѣми же чиновниками, и часа черезъ три были за городомъ. Что̀ это, великолѣпный ли паркъ, или ужъ такъ хороша вся страна, прилегающая къ столицѣ Японіи?... Случай или искусство расположили эти рощи и клумбы вѣковыхъ деревьевъ съ обѣихъ сторонъ дороги, эти просвѣты между зелени, долины, окаймленныя высокими кедрами, холмы, вѣнчанные бамбуками и столѣтними, развѣсистыми дубами, сады съ смѣшанною растительностію, начиная отъ японской сосны до пальмы, отъ ясени и клена до померанца, пизанга и камеліи?.. Вотъ нѣсколько расчистилось мѣсто, деревья какъ будто отступили, отдавъ свою щедрую почву огороднымъ растеніямъ, «таро», пататамъ, кукурузѣ и рису; между бархатною, изумрудною зеленью послѣдняго, правильными бороздами рисуется другой овощь, какъ будто направленіе грядъ перваго взято было въ расчетъ для красоты мѣстности. Но вотъ опять, широкою волной, нахлынули къ самой дорогѣ зеленокудрые великаны; должно было наклониться, чтобы проѣхать подъ тяжелыми исполинскими вѣтвями; насъ окутывалъ мракъ отъ густой тѣни,

между тѣмъ какъ яркое освѣщеніе охватило уже проѣхавшаго эти живыя ворота. Скоро показалась табера, низенькая и длинная; во всю длину крыши ея, частію скрытой зеленью, висятъ пестрые бумажные фонари; на мягкихъ цыновкахъ нѣсколько японцевъ пьютъ чай, а вѣчная мусуме, вѣроятно забывъ о своихъ посѣтителяхъ, вышла къ самой дорогѣ поглазѣть на проѣзжающихъ.

Насъ попросили слѣзть съ лошадей, и мы взошли пѣшкомъ на холмъ, довольно большой и скрывавшій находившійся за нимъ ландшафтъ. На вершинѣ холма стояло нѣсколько скамеекъ, а подъ тѣнью ближняго дерева пріютилась «чайная»; по этому мы могли заключить, что недаромъ все это находилось здѣсь и какъ будто заманивало прохожаго отдохнуть, обѣщая ему прекрасный отдыхъ. Передъ нимъ мгновенно открывается одна изъ тѣхъ картинъ, память о которыхъ остается въ душѣ, какъ событіе; онъ увидитъ, насколько хватитъ глазъ его, ровною скатертью лежащую долину, уходящую въ безконечную даль; по ней разбросаны деревеньки и лѣса, расположившіеся то около рѣки, извивающейся серебряною лентой, то между изумрудною зеленью рисовыхъ полей, или у нѣсколькихъ озеръ и каналовъ; увидитъ чудную игру красокъ, когда отдаленіемъ сгладятся рѣзкія черты предметовъ, и все это затушуется какою-то прозрачною голубизной въ безформенные, фантастическіе образы, сливающіеся на горизонтѣ съ лазурью неба, съ его воздушными туманами; онъ увидитъ и крупныя особенности лежащаго у ногъ его обрыва, домики у подошвы горы, деревни и улицы съ ихъ старухами, кричащими дѣтьми, ближайшія деревья съ развѣсистыми и кудрявыми вѣтвями, бросающимися въ глаза. «Эту долину называютъ долиной Эддо», скажетъ японецъ, съ тѣмъ же самодовольствіемъ и съ гордостію, какъ говоритъ италіянецъ, указывая на вѣчный городъ: «Ecco Roma!»



Капита
(Хакодате)

Къ обрыву прижималась рощица; въ тѣни ея, по каменнымъ ступенямъ лѣстницы, сошли мы въ деревеньку, которая вся состояла изъ чайныхъ домовъ. Это и было Озіо. Всѣ домики террасами своими висѣли надъ рѣкой. Мы вошли въ первый изъ нихъ, гдѣ насъ какъ будто ждали и гдѣ насъ встрѣтило около двадцати молоденькихъ дѣвушекъ, красиво одѣтыхъ, прекрасно причесанныхъ и еще лучше улыбавшихся своими молодыми, граціозными улыбками.

Комната, или терраса, открытая со всѣхъ сторонъ, и гдѣ былъ приготовленъ для насъ роскошный японскій обѣдъ, висѣла надъ стремившеюся по камнямъ рѣкой; противоположный берегъ былъ убранъ, съ кокетствомъ микроскопическихъ садиковъ, разными миніятюрными деревцами, затѣйливо подстриженными миртами, камнями, изображавшими скалы и пещеры, и правильными дорожками; далѣе поднимался лѣсъ исполинскихъ деревьевъ, бросавшихъ сплошною массой длинную и густую тѣнь на рѣку и на деревеньку, съ ея домами и террасами. Влѣво отъ насъ, за павильонами, также нѣсколько выступившими къ рѣкѣ, виднѣлся водопадъ во всю ширину рѣки, падавшій съ пѣной и брызгами съ высоты двухъ саженей; за нимъ темнота отъ высокихъ деревъ, густо столпившихся кругомъ этого поэтическаго уголка. Чтобы выбрать подобное мѣсто для загородныхъ прогулокъ, нужно имѣть вкусъ и даже умѣнье жить. Все это и есть у японцевъ. Когда японецъ веселится, онъ хочетъ утонченнаго наслажденія; ему нужна не шумная оргія, не дикіе кутежи людей, утратившихъ способности спокойнаго наслажденія, нуждающихся въ возбудительныхъ средствахъ азарта, увлеченія; нѣтъ, онъ требуетъ поэтической обстановки, любитъ природу, обаяніе ея дѣйствуетъ на его нѣжную, впечатлительную натуру, также какъ и глазки его мусуме. Вотъ, черезъ домъ отъ насъ, въ совершенно-отдѣльномъ павильонѣ, какой-то

японецъ пріѣхалъ провести нѣсколько часовъ въ свое удовольствіе. Онъ одинъ, слѣдовательно распоряжается собой, какъ знаетъ. Передъ нимъ три лакированные столика, на которыхъ стоятъ самыя лакомыя для него кушанья, въ чашкахъ и на блюдахъ превосходнаго фарфора. Онъ снялъ свою официяльную одежду, сабли его въ сторонѣ, на немъ халатъ изъ легкой бѣлой матеріи, изъ шелковаго крепа съ большими голубыми цвѣтами. Передъ обѣдомъ онъ сходитъ въ ванну, которая находится подъ нашимъ домомъ; въ нижней комнатѣ сдѣлана искусственная скала, съ перваго взгляда кажущаяся простымъ кускомъ камня; изъ нея бьетъ фонтанъ; вмѣсто пола палуба и носъ джонки; купающійся какъ будто приплываетъ къ скалѣ и наслаждается подъ холодною струей падающей съ камня воды; всматриваясь ближе, видишь превосходно-выточенную изъ камня рыбу, готовую выскочить изъ бассейна, нѣсколько лягушекъ, кажется, сейчасъ только выпрыгнувшихъ; ихъ точно спугнулъ кто-нибудь, потревожа ихъ мирное, каменное житье. По узкой лѣстницѣ сходитъ сверху молоденькая мусуме и предлагаетъ ему свои услуги — вымыть, достать горячей воды, находящейся здѣсь же въ другомъ бассейнѣ. Она вытерла насухо тѣло сибарита, онъ надѣваетъ халатъ и идетъ въ свой павильонъ; тамъ его ждутъ двѣ собесѣдницы, воспитанницы здѣшняго чайнаго дома, хорошенькія и свѣженькія, какъ розы; онѣ раздѣляютъ съ нимъ трапезу, услаждаютъ слухъ музыкой; одна играетъ на *самисенъ*, родъ трехструнной гитары, съ длинною шейкой, другая поетъ, или читаетъ стихи, съ рапсодическою интонаціей; смотрите на него, съ какимъ удовольствіемъ покуриваетъ онъ свою маленькую трубочку...

Нашъ обѣдъ былъ сервированъ превосходно; японцы умѣютъ красиво разставить свои фарфоры и лаковыя вещи на столахъ, похожихъ больше на этажерки; самыя кушанья болѣе красивы нежели вкусны. Среди всего ставится чаша

съ водой, въ которой плаваютъ чашечки для саки. Форма этой чаши часто разнообразится. Теперь передъ нами стояла превосходно-сдѣланная бронзовая группа, изображавшая волканъ Фузи; каскадъ сбрасывался со скалы въ бассейнъ, въ которомъ и была вода. Во время нашего обѣда много ребятишекъ собрались на противоположномъ берегу рѣки, и своими красивыми группами прекрасно оживляли ландшафтъ. Мы бросали имъ яблоки и деньги, которыя часто попадали въ рѣку; шумною толпой входили они въ быстрину, и самые проворные ловили добычу.

Послѣ обѣда мы отправились гулять, перешли по мосту рѣку, и рощею высокихъ и прямыхъ кедровъ, въ ихъ сплошной тѣни, скоро достигли храма, посвященнаго «лисицѣ». Я, кажется, говорилъ, что японцы очень уважаютъ это животное. Храмъ стоялъ въ густотѣ кедровъ, къ нему вела каменная лѣстница въ нѣсколько уступовъ; потомъ рощами и огородами, въ которыхъ расли рисъ и таро, дошли мы до чайной плантаціи. Чай низенькими кустиками росъ по грядамъ; около нихъ былъ чайный домъ, какъ ему и слѣдовало быть, съ дѣвушками и пріятнымъ мѣстомъ для отдыха. Прямо противъ дома поднимался уступъ, весь заросшій до верху тоже исполинскими кедрами, составлявшими продолженіе рощи, которая скрывала своими деревьями храмъ лисицы; въ трехъ мѣстахъ падала вода красивыми каскадами, съ высоты нѣскольких саженей, въ бассейны, маскируемые зеленью. Въ бассейнахъ, сквозь кустарникъ, виднѣлись голые японцы и японки. Тутъ было все для антологическаго стихотворенія...

Изъ Эддо мы ушли 24 августа.

ТИХІЙ ОКЕАНЪ.

1) САНДВИЧЕВЫ ОСТРОВА.—ЛОШАДИНАЯ ШИРОТА.—DIAMOND-HILL И PUNCH BOLL.—РИФЫ.—МИССІОНЕРЫ.—ГОНОЛУЛУ.—КАНАКИ.—ОБЩЕСТВО ВЪ ГОНОЛУЛУ.—ПОХОРОНЫ.—МИЛИЦІЯ.—КАЗНЬ.—ВАЙКИКИ.—ДОЛИНА ЕВЫ.—ПАЛИ.—ХУЛА-ХУЛА.—КАМЕАМЕА IV. 2) ТАИТИ.—ВПЕЧАТЛѢНІЕ ОСТРОВА.—ПОМАРЕ.—ПАПЕИТИ.—ХЛѢБНОЕ ДЕРЕВО.—ШКОЛЫ.—ПОЕА.—РОСКОШЬ ТРОПИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ.—ПАПЕУРИРИ.—ХИЖИНА И ПѢВИЦЫ. — ПАПАРА. — ФАТАУА. — БАЛЪ ВЪ HÔTEL DE VILLE.—ХУПА-ХУПА.—КОРОЛЕВА ПОМАРЕ.—ЭЙМЕО.—БУХТА ПАПЕТУАЙ.— ЕЩЕ РАЗЪ ТАИТИ.

I.

Я пишу въ небольшомъ домикѣ, куда перебрался отдохнуть отъ морской жизни. Весь домикъ состоитъ изъ одной комнаты; снаружи скрываютъ его деревья, а черезъ двѣ постоянно отворенныя двери тянетъ сквозной воздухъ, захватывая съ собою свѣжесть зелени и благоуханія растущихъ вблизи цвѣтовъ. Одну дверь стерегутъ два огромные куста датуръ, бѣлые цвѣты которыхъ просыпаются съ луной и дышатъ на меня своимъ ароматическимъ дыханіемъ. Въ другую дверь выглядываютъ какіе-то прехорошенькіе лиловые цвѣточки. Подуетъ вѣтеръ, и зашелеститъ легкій листъ акаціи и тамариндовъ, зашуршитъ тяжело листъ кокосовой пальмы, поднимающейся изъ за ближняго забора.

Съ совершенно новымъ чувствомъ, оставили мы въ послѣдній разъ Хакодади: мы шли домой и оставляли

его, можетъ быть, и даже по всей вѣроятности, навсегда. И не одинъ Хакодади оставляли мы,—за нимъ скрывался отъ насъ, въ своихъ постоянныхъ туманахъ, дикій берегъ Манчжуріи, съ пустынными заливами и пристанями, съ тундрою, сосновымъ лѣсомъ, собаками, оленями и гиляками... Впереди какъ будто прочищался горизонтъ, и на ясной полосѣ освѣщеннаго неба услужливое воображеніе рисовало пальмы и бананы волшебныхъ острововъ, ихъ красивое населеніе, собирающееся у пороговъ своихъ *казъ*, и вся романическая обстановка патріархальной жизни. За ними представлялись еще болѣе ясныя картины: родная степь, звукъ русскаго колокольчика, завѣтные дубы, выглянувшіе изъ за горы, возвращеніе, свиданіе и чувство оконченнаго дѣла... Хотя до всего этого еще не меньше десяти мѣсяцевъ плаванія, а все-таки съ каждымъ часомъ, съ каждою милей, разстояніе между нами будетъ меньше и меньше, и вѣроятно, ни одно чудо на нашемъ пути не произведетъ на насъ такого впечатлѣнія, какое произведетъ видъ кронштадтской трубы, когда ее наконецъ усмотрятъ наши штурманы и эгоистически «запеленгуютъ».

Къ чувству радости возвращенія, не скажу, чтобы не примѣшивалось и грустнаго чувства: въ Хакодади мы простояли безъ малаго годъ; въ Хакодади оставляли своихъ друзей, махавшихъ намъ на прощанье платками съ своего клипера; не было мѣста кругомъ всей бухты, которое бы не напомнило чего нибудь; мы успѣли здѣсь обжиться, обогрѣться, а русскій человѣкъ не всегда охотно оставляетъ обогрѣтое мѣстечко.—Наконецъ, кто знаетъ будущее?—въ годъ много воды утечетъ, и сколько ея мы увидимъ у себя на клиперѣ, когда будемъ огибать мысъ Горнъ, эту bête noire моряковъ!.. (Американецъ, обогнувъ Горнъ, пріобрѣтаетъ право класть свои ноги на столъ.) Болѣе года не будемъ получать писемъ, и что еще мы найдемъ дома?

Но всѣ эти сожалѣнія и опасенія нисколько не отравляли общаго чувства. Всякій, кто помнилъ еще Шиллера, повторялъ одну изъ его строкъ, которая кончается стихами:

Sind die Schiefe zugekehrt
Zu der lieben Heimath wieder...

И было весело!

Снялись мы 3 ноября съ разсвѣтомъ, и скоро опять должны были бросить якорь, при входѣ въ Сангарскій проливъ. Въ морѣ ревѣлъ штормъ, взволновавшійся океанъ гналъ черезъ проливъ свои разъяренныя волны, и вѣтеръ сильными порывами ударялъ спереди. Мы переждали сутки подъ защитой горы. Цѣлый день шелъ дождь; временами прочищалось, и мы въ послѣдній разъ смотрѣли на грустный ландшафтъ Хакодади, на три стеньги *Джигита*, выглядывавшаго изъ за крѣпости, и на пещеру, противъ которой стояли. Эта пещера—одна изъ замѣчательныхъ вещей въ окрестностяхъ Хакодади. Мы ѣздили осматривать ее нѣсколько разъ въ продолженіи зимы; надобно было завязываться длиннымъ концомъ у входа, и на шлюпкахъ спускаться въ глубину; длинный корридоръ, образованный сталактитовымъ сводомъ, оканчивался обширною и высокою залой, среди которой лежало нѣсколько гранитныхъ блоковъ; вода съ яростію бросалась на каменныя стѣны, и шумъ ея, удесятеренный эхомъ, наводилъ ужасъ на непривычнаго. Съ нами были факелы и фалшфейеры; колеблющіеся огни ихъ освѣщали куски разбросанныхъ камней, черныя трещины могучаго свода, брызги волнъ и наши суетящіяся фигуры; шлюпка очень легко могла быть разбита. Одинъ разъ мы спускались въ маленькой японской лодочкѣ; ее нѣсколько разъ ударило о камни, и едва не разбило.

4 ноября, утромъ, вышли мы изъ пролива, полетѣли попутнымъ вѣтромъ, миль по десяти въ часъ, и скоро Японія скрылась изъ виду. Переходъ нашъ, въ отношеніи

мореплавательномъ, былъ очень интересенъ; тамъ, гдѣ ждали W вѣтровъ, мы имѣли O, и тамъ, гдѣ думали нестись, подгоняемые рѣдко измѣняющимъ пассатомъ, мы заштилѣли и поняли возможность совсѣмъ не выйдти изъ полосы безвѣтрія, изъ «лошадиной» широты (horse latitude). Штиль смѣнялся противнымъ штормомъ, который относилъ насъ на нѣсколько миль назадъ; за штормомъ опять штиль, съ сильною качкой и духотой. Недѣли три наслаждались мы подобнымъ положеніемъ дѣлъ, находясь отъ цѣли нашего плаванія, Сандвичевыхъ острововъ, въ 400 миляхъ. Наконецъ, подулъ давно ожидаемый N, который скоро перешелъ въ NO и O, и мы увидѣли, послѣ сорока дней плаванія, берега, похожіе на туманы. Вотъ пунктъ, о которомъ на морѣ всегда возникаетъ вопросъ: берега ли виднѣются или облака? Съ нами, на клиперѣ, шелъ штурманъ съ китобойнаго судна; онъ поссорился съ своимъ капитаномъ, и, по просьбѣ нашего консула въ Хакодади, мы взяли его въ Гонолулу. Онъ семнадцать лѣтъ постоянно плаваетъ въ этихъ моряхъ, и капризы ихъ, также какъ и капризы здѣшняго неба, знаетъ какъ свои пять пальцевъ. Не было сомнѣнія, котораго бы онъ не разрѣшилъ, и мы прозвали его *живымъ барометромъ*. Онъ предсказывалъ и штормъ, и куда вѣтеръ отойдетъ, и хорошую погоду и дождь,—однимъ словомъ, ничего не было, чего не зналъ бы нашъ барометръ. Когда дѣлался штормъ, мы шли къ нему за утѣшеніемъ, и если онъ говорилъ, что послѣ обѣда стихнетъ, то уже мы съ презрѣніемъ смотрѣли на вливавшіяся волны, на ревѣвшіе и сотрясавшіе снасти порывы вѣтра. Но когда мы попали въ «лошадиную широту» и заштилѣли, и шли къ американцу за пассатомъ, то онъ съ каждымъ днемъ больше и больше терялся; здѣсь все измѣняло, и облака, похожія на барашки, часто бывающія при пассатныхъ вѣтрахъ, и великолѣпное освѣщеніе заходящаго солнца, такъ красно-

рѣчиво говорившее о тропикахъ,—и барометръ нашъ постепенно выходилъ изъ вѣры. Онъ самъ это чувствовалъ, грустно молчалъ, цѣлыя ночи просиживалъ наверху, съ нѣмымъ упрекомъ смотря на измѣнившую ему стихію; наконецъ до того разсердился, что рѣшился совсѣмъ не выходить наверхъ. Какъ только открылся берегъ, онъ ожилъ и залѣзъ на марсъ; оттуда узнавалъ онъ острова еще по неяснымъ очертаніямъ, какъ своихъ старыхъ друзей. Цѣлый день идя въ виду Моротоя, къ вечеру мы повернули въ проливъ, раздѣляющій этотъ островъ отъ Оау или Воаху (Oahu or Woahoo). Уже стемнѣло, когда мы стали приближаться къ рейду Гонолулу; входить на рейдъ, защищенный съ моря рифами, и притомъ рейдъ незнакомый, было опасно, и мы бросили якорь внѣ рифовъ. Съ берега былъ слышенъ шумъ прибоя, слышалось какъ разбивалась волна о коралловыя стѣны, а въ воздухѣ пахло кокосовымъ масломъ. К***, бывшій здѣсь уже во второй разъ, узналъ этотъ запахъ; онъ вспомнилъ *каначекъ* и свою молодость... А американецъ чуткимъ ухомъ замѣтилъ измѣненіе въ тонѣ прибоя и сказалъ, что сейчасъ будетъ съ берега порывъ; и дѣйствительно, порывъ налетѣлъ съ стремительностію и шумомъ.

Утромъ увидѣли берегъ. Мы стояли недалеко отъ него, между Diamond-hill, Діамантовымъ холмомъ, и городомъ. Діамантовый холмъ—выступившій въ море мысъ и очень важный для опредѣленія мѣста, похожъ на шатеръ, одна часть котораго выше другой; бока его выходятъ правильною гранью, которую образовали овраги, спускающіеся съ хребта къ долинѣ и развѣтвляющіеся на множество мелкихъ овражковъ. Отъ Діаманта къ городу, по берегу, тянутся пальмовыя рощи, а надъ городомъ стоитъ *Пуншевая чаша* (Punch boll),—холмъ, съ крутыми стѣнами и укрѣпленіемъ, построеннымъ на одномъ изъ возвышеній, которое выходитъ гласисомъ; въ городѣ, мѣстами видны

Olo Oay

пальмы, флагштоки и мачты, обозначающія собой гавань, въ которую и мы должны были проникнуть. За городомъ синѣетъ ущелье, образуемое зелеными горами, составляющими главную возвышенность острова; слѣва масса горъ прерывается обширною долиной, за которою виднѣются другія горы, слабо рисуясь сквозь прозрачный туманъ. Длинные буруны означаютъ рифы, образуя параллельныя полосы и шумя бѣлесоватыми брызгами, въ своемъ непрерывномъ наступательномъ движеніи.

Съ разсвѣтомъ, у насъ выстрѣлили изъ пушки, чтобы вызвать лоцмана; скоро показался вельботъ, изъ котораго вылѣзъ очень приличный джентльменъ, въ сѣрой шляпѣ и синемъ пальто. Проходъ между рифами очень узокъ, фарватеръ отмѣченъ знаками и бочками; на первомъ знакѣ устроенъ колоколъ, звонящій при колебаніи аппарата волной, и кто знаетъ о существованіи этого колокола, тотъ можетъ отыскать по немъ входъ и ночью, и въ туманъ. Въ гавани стоитъ нѣсколько китобойныхъ судовъ, которыя всѣ подняли свои флаги при нашемъ прибытіи; изъ нихъ два судна нашей финляндской компаніи. Вотъ подходимъ къ самому берегу; клиперъ, какъ мухами, осажденъ прачками (здѣсь прачки мужчины), факторами, консульскими агентами и всѣми чающими прибытія въ портъ судна, особенно военнаго. Вслѣдъ за нами входитъ въ гавань шкуна, одна изъ тѣхъ, которыя обыкновенно плаваютъ между островами, составляющими гавайскій архипелагъ. Не помню гдѣ-то читалъ я описаніе подобной шкуны, на палубѣ которой, вмѣстѣ съ пассажирами, толстыми и тонкими канaчками, канаками, китайцами, матросами, толкутся коровы, свиньи, собаки, и къ разнообразному говору и мычанію толпы присоединяются какіе-то непріятные звуки. Я вспомнилъ это описаніе, смотря на палубу пришедшей шкуны. Кажется, не оставалось на верху ни малѣйшаго мѣстечка; всѣ находившіеся тамъ сплотились

въ одну массу, и еслибы снять съ этой массы слѣпокъ, то вышла бы великолѣпная группа: поверхъ всего, на какомъ-то возвышеніи, въ длинномъ платьѣ, съ вѣнкомъ на растрепанныхъ, черныхъ волосахъ, съ вѣтвями и листьями около шеи, лежала грузная, ожирѣвшая каначка; издали было видно, что ей жарко, и, казалось, отъ теплоты, распространявшейся отъ нея, будто отъ печки, таяло умащавшее ея волосы масло; намъ уже представлялось, что запахъ этого масла доносился и до насъ. Вокругъ нея торчало нѣсколько шляпъ разнообразной формы, принадлежавшихъ, вѣроятно, извѣстнаго сорта дѣльцамъ, попадающимъ или въ богачи-капиталисты, или на китобойное судно матросами, или же иногда на висилицу. Ближе къ борту, въ пестрой фланелевой фуфайкѣ, рисовалась красивая фигура канака, не безъ примѣси бѣлой крови, которая дала его стройной красотѣ много граціи, такъ что онъ походилъ больше на какого-нибудь гондольера-итальянца, что̀ рисуютъ на картинкахъ. Около него сидѣли двѣ хорошенькія каначки, съ желтыми вѣнками на черныхъ головахъ, и какой-то оборванецъ, въ проблематическомъ костюмѣ, съ сомнительнымъ цвѣтомъ лица и еще болѣе сомнительною физіономіей. Къ второстепеннымъ фигурамъ прибавьте чистаго, бѣлаго европейца, держащагося особнякомъ, потомъ нѣсколько матросовъ, хлопочущихъ у снастей, парусъ, перебросившійся въ красивыхъ складкахъ черезъ бортъ, нѣсколько рогатыхъ головъ животныхъ, прибавьте шумъ и гамъ,—и тогда вы раздѣлите со мною удовольствіе полюбоваться этимъ новымъ ковчегомъ, послѣ утомительно-правильной, стройно-однообразной жизни на военномъ суднѣ. Какъ хотите, а въ безукоризненно-сшитомъ мундирѣ гвардейскаго солдата, съ его вытверженнымъ шагомъ и заученною позой, я менѣе любуюсь воиномъ, чѣмъ въ оборванномъ черкесѣ, съ его удалью и проворствомъ, съ его тревожною жизнію,

требующею постояннаго соображенія, смѣтливости и присутствія духа. Пусть не сердятся на меня мои товарищи-моряки, когда я скажу, что военное судно напоминаетъ мнѣ воинскій строй, а именно: на мѣсто дотянутые «брамшкоты» (въ пользѣ чего я нисколько не сомнѣваюсь; я даже убѣжденъ въ томъ, что Нельсонъ выигралъ Трафальгарское сраженіе именно оттого, что у него брамшкоты были до мѣста дотянуты) представляютъ безукоризненно-обхватывающіе талію мундиры, обтянутыя снасти—учебный шагъ и пр. Видъ шкуны въ Гонолулу съ красиво-драпирующими ее парусами, съ пестрыми подробностями безпорядка,—что дѣлать!—доставляетъ мнѣ гораздо больше удовольствія. Или съ какимъ уваженіемъ смотришь на китобоя, съ его разношерстною командой, пришедшаго изъ ледовитыхъ странъ, на кораблѣ съ заплатанными парусами, съ крутыми боками, излизанными морскою волной, съ капитаномъ, одною личностію своею говорящимъ о той жизни, которую онъ одинъ только можетъ вынести, днемъ борясь съ моремъ и китами, ночью засыпая съ револьверомъ подъ подушкой, чтобъ его команда, какъ-нибудь, случайно, не ворвалась къ нему и не выбросила его за бортъ. Всѣ эти черты внутренней жизни судна даютъ физіономію и самому судну; а суда съ физіономіей также интересны, какъ и люди. Китобой и шкуна въ Гонолулу имѣютъ физіономію, а не имѣетъ ея военное судно, какъ не имѣютъ физіономіи иные служаки, которые встрѣчаются десятками на одно лицо. Вотъ, напримѣръ, господинъ, стоящій теперь у насъ на ютѣ; онъ отличный типъ, и встрѣча съ такими людьми на жизненномъ базарѣ очень интересна. Едва мы бросили якорь, какъ ужъ онъ явился къ намъ; онъ клеркъ нашего агента, на немъ легкій шелковый сюртукъ и соломенная шляпа. Лицо его напоминаетъ Мефистофеля, какъ его рисуютъ на дурныхъ картинахъ; но доброе и услужливое выраженіе въ глазахъ

уничтожаетъ всякую мысль искать въ немъ какое-нибудь родство съ врагомъ человѣчества. Онъ высокъ ростомъ, очень худъ и во время разговора сильно махаетъ руками, нагибается къ вамъ, какъ-то присѣдаетъ на корточки и въ то же время хочетъ сохранить манеры джентльмена. Съ первыхъ словъ онъ начинаетъ обходить всѣхъ, не любя или не умѣя стоять на мѣстѣ. Передъ нами, въ отрывочныхъ и короткихъ словахъ, онъ набросалъ картину жизни, которую намъ надо вести въ Гонолулу; поговорилъ о королѣ, о «хула-хула», о томъ, что на немъ рубашки стоятъ восьмнадцать долларовъ дюжина, и, не спрашивая нашего мнѣнія, деспотически заставилъ насъ согласиться ѣхать послѣ обѣда за городъ; а мы, сами не зная какъ, и согласились. Исчезъ онъ моментально, какъ исчезаютъ духи въ балетахъ; навѣрное нельзя было сказать, прыгнулъ ли онъ за бортъ, превратился ли въ мачту, или сѣлъ въ шлюпку и уѣхалъ. Съ перваго раза онъ намъ показался просто плутомъ; послѣ мы раскаялись въ своей ошибкѣ, убѣдившись, что онъ дѣлалъ все отъ души, что онъ поэтъ по призванію, что у него огромное самолюбіе, и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ и порядочныхъ людей. Имѣя способность мгновенно исчезать, онъ точно также и появлялся внезапно, и именно тогда, когда въ немъ была надобность; онъ дополнялъ ваши мысли, являлся вездѣ кстати и во время, и, я убѣжденъ, что умѣй я сказать по нѣмецки: «сивка, бурка, вѣщая каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой», я могъ бы вызвать его изъ подъ земли, даже въ Петербургѣ.

На палубѣ клипера показались корзины съ бананами, апельсинами, зеленью, капустой, мясомъ и всѣми прелестями, которыхъ мы давно не видали. Клиперъ ошвартовили, то-есть съ кормы выпустили канатъ и закрѣпили его на пристани. На пристань выходили дома, съ боль-

шими буквами на вывѣскахъ, съ балкончиками на высокихъ крышахъ, откуда хозяева смотрятъ въ длинныя трубы на море: «не бѣлѣютъ ли вѣтрила, не плывутъ ли корабли.»

Нѣкоторые дома выстроены на половину и кончаются отрѣзанными стѣнами, какъ брантмауеры; у берега, вдоль деревянныхъ пристаней, столпился народъ, съ любопытствомъ смотрѣвшій на пришедшее военное судно. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, толпа народа также выбѣгала здѣсь на берегъ, на встрѣчу пришедшему судну,—но какая разница! Тогда, по этому берегу, виднѣлись кое-гдѣ тростниковыя хижины, съ осѣняющими ихъ бананами и пальмами; женщины не скрывали красоты своего стройнаго тѣла, и не подозрѣвая чувства стыдливости, наивно выставлялись впередъ, бросались въ волны и плыли взапуски, желая скорѣе встрѣтить гостя... Мужья и братья ихъ подозрительно смотрѣли на пришельцевъ, но подавляли въ себѣ чувство ревности изъ гостепріимства; на легкихъ пирóгахъ окружали они судно, предлагая кораллы, кокосовые орѣхи, — и женъ, и сестеръ своихъ... И теперь подплываетъ пирóга съ кораллами, сидитъ въ ней канакъ, въ синей матросской рубашкѣ и въ соломенной шляпѣ; въ звуки его натуральнаго языка вплелись новые звуки: «half dollar, one real» и т. п., и онъ настойчиво торгуется, предлагаетъ сертификаты въ томъ, что онъ отличная прачка, или можетъ доставлять на судно все, что угодно. А на толпящихся на пристани женщинахъ одежды даже больше, нежели нужно. Миссіонеры выдумали имъ костюмъ, въ родѣ старинныхъ пудермантелей, падающихъ широкими складками внизъ. Одни вѣнки остались имъ отъ прежняго незатѣйливаго костюма. Кромѣ женщинъ, толпу составляли матросы, лодочники (почти все канаки), въ фланелевыхъ фуфайкахъ — пестрыхъ у молодыхъ и франтовъ, синихъ и бѣлыхъ у болѣе положительныхъ людей,—и совершенно

выцвѣтшихъ у людей вовсе неположительныхъ, то-есть спившихся, прожившихся и несчастливыхъ. Въ числѣ послѣднихъ не мало китобойныхъ матросовъ, не находящихъ себѣ мѣста на судахъ, какъ люди, извѣстные за негодяевъ (*).

Гонолулу, городъ съ физiономiей подобно ему выросшихъ городовъ, обязанъ своимъ существованiемъ, вопервыхъ, китобоямъ: они избрали его гавань, закрытую отъ моря рифами и заслоненную горами отъ NO пассата, для своихъ стоянокъ и отдыха, на переходѣ изъ Америки въ Ледовитое море и изъ Берингова пролива въ Южный океанъ; матросы ихъ находили здѣсь зелень, свѣжее мясо, женщинъ, и все, что нужно для кратковременнаго отдыха моряка. Китобоямъ помогли миссiонеры, нашедшiе въ народонаселенiи гавайской группы богатую почву, если не для слова Христа, то по крайней мѣрѣ для своихъ подвиговъ. Миссiонеръ, являясь среди кофейнаго племени, бралъ съ собою, кромѣ евангелiя, небольшой запасъ товаровъ, преимущественно матерiй и различныхъ мелкихъ вещей. На одномъ концѣ селенiя читалъ онъ проповѣди, на другомъ—открывалъ лавку. Проповѣдь гремѣла противъ безнравственности и безстыдства ходить голышомъ. Не подозрѣвавшая безнравственности въ своемъ первобытномъ костюмѣ, канакская Ева убѣждалась наконецъ въ необходимости прикрыть свою наготу и рѣшалась прiобрѣсти платье. Но откуда ей взять денегъ? Она шла на улицу, вплетала въ черныя косы лучшiе цвѣты своихъ долинъ, ловила гуляющаго матроса и, вмѣстѣ съ долларомъ, получала зачатки

(*) Для матросовъ, случайно непопавшихъ на какое-нибудь судно и оставшихся зимовать въ Гонолулу, общество китобоевъ основало нѣчто въ родѣ дома призрѣнiя, гдѣ матросы эти могутъ найдти, за самую дешевую цѣну, квартиру и столъ. Ежели стоимость стола превышаетъ въ мѣсяцъ пять долларовъ, то лишекъ общество беретъ на себя. Конечно, матросы, имѣющiе дурной аттестатъ, не принимаются въ это заведенiе.

страшной болѣзни, такъ быстро распространившейся по всей Полинезіи. Съ пріобрѣтеннымъ долларомъ, она шла въ лавку миссіонера и покупала платье; нравственность торжествовала, нагота была прикрыта! А въ городѣ былъ новый домъ, выстроенный разбогатѣвшимъ миссіонеромъ, и улица мѣняла свой канакскій видъ на европейскій. Другой миссіонеръ имѣлъ шляпный магазинъ; шляпки сходили плохо съ рукъ, и какой бы каначкѣ пришло въ голову промѣнять роскошное убранство цвѣтовъ и листьевъ на нѣсколько тряпицъ, карикатурно набросанныхъ на голову? И вотъ проповѣдникъ развивалъ тему библейскаго текста о томъ, что женщина должна прикрытая входить въ храмъ Божій и при этомъ указалъ на сестеръ, наряженныхъ въ черныя шляпки; въ слѣдующее воскресеніе всѣ прихожанки явились въ черныхъ шляпкахъ. Эти шляпки можно теперь еще видѣть на всѣхъ каначкахъ у обѣдни, въ главной протестантской церкви. И этотъ миссіонеръ не остался, по всей вѣроятности, жить въ соломенной хижинѣ, а выстроилъ себѣ домъ съ верандами и садомъ, и городъ росъ. Гавань привлекала купеческія и военныя суда, на пути изъ Америки въ Китай; сами острова изобиловали сандальнымъ деревомъ, которое вырубали безъ милосердія; за пачку табаку или бутылку водки, оборотливый прожектеръ заставлялъ вырубать цѣлые грузы дерева, которое везлось въ Китай, гдѣ продавалось или вымѣнивалось. Съ развитіемъ Калифорніи, Гонолулу сдѣлался необходимою станціею судовъ, идущихъ въ Шанхай и Гонъ-Конгъ; начали являться купеческія конторы, банкиры, маклера; стали выростать цѣлыя улицы; на домахъ запестрѣли огромныя буквы вывѣсокъ. Религіозныя секты вели свою пропаганду въ огромныхъ церквахъ, украшенныхъ стрѣльчатыми сводами и готическими башенками. Европейскимъ семействамъ стало тяжело жить въ самомъ городѣ: они начали строить себѣ дома въ долинѣ, примыкающей къ ущелью, украшая свои

комфортабельные пріюты садиками. Въ обществѣ выростало новое поколѣніе полубѣлыхъ, смѣсь канаковъ съ европейцами; по островамъ, щедро одареннымъ природою, заводились плантаціи сахарнаго тростника и кофе, разсаживались тутовыя деревья, воздѣлывался виноградъ, аррорутъ, выписывались китайцы для работъ по контрактамъ, — и вотъ Гонолулу, какъ центръ всеобщей дѣятельности въ королевствѣ, торговой и административной, развиваясь съ каждымъ годомъ, сталъ тѣмъ, чѣмъ мы его застали. Онъ лежитъ, какъ я уже сказалъ, у самаго берега острова Оау; его главные торговые дома смотрятъ своими вывѣсками на суда, стоящія въ гавани; въ немъ около 8000 жителей, все народонаселеніе острова доходитъ до 20 000, на всемъ же архипелагѣ не болѣе 70 000, то-есть втрое меньше того, сколько было во время Кука. Между рифами и берегомъ, мелкая вода раздѣлена на нѣсколько четырехугольныхъ заводій или отдѣленій, въ которыхъ разводится рыба: это одинъ изъ главныхъ источниковъ богатства сандвичанъ. Каждое такое отдѣленіе принадлежитъ частному лицу. Эти садки видны съ клипера, если смотрѣть налѣво; за ними, на выдающемся мыскѣ, стоитъ тюремный замокъ, каменный, съ высокою, каменною же стѣной, окружающею его дворъ. Направо видно зданіе парламента — домъ съ высокимъ крыльцомъ и тремя большими, широкими окнами. За мыскомъ, по которому въ маленькихъ тачкахъ безпрестанно возятъ куда-то землю,—другая бухта, весь берегъ которой обставленъ домиками и хижинами, съ шумящими надъ ними пальмами; а тамъ, гдѣ эти красивыя деревья столпились въ небольшую рощу, между ихъ голыми стволами виднѣется шатрообразная форма Діаманта, сандвичскаго Чатырдага. Прямо надъ городомъ находятся возвышенности острова съ прорѣзающимъ ихъ массу ущельемъ; въ ущелье идетъ долина, пестрѣющая дачами европейцевъ; на нее смотрятъ камни и зелень горъ, часто покрытыхъ

туманами и облаками, то бросающими мрачную густую тѣнь, то пропускающими нѣсколько яркихъ лучей солнца на живописныя подробности долины и города.

Съѣхавъ на берегъ, я, конечно, былъ доволенъ, какъ человѣкъ, выпущенный изъ тюрьмы на свободу. Въ каждомъ деревѣ, въ каждомъ кустикѣ видѣлось мнѣ живое существо, готовое принять участіе въ моемъ сердечномъ праздникѣ. Скоро я оставилъ за собою правильныя улицы, которыя почти всѣ пересѣкаются подъ прямымъ угломъ; на улицахъ пусто, было Рождество; а если скучны англійскіе города въ праздники, то города, населенные американскими методистами, вдвое скучнѣе; магазины заперты, вывѣски, какъ эпитафіи, безсмысленно смотрятъ съ крышъ и стѣнъ. Я спѣшилъ выйдти или за городъ, или въ улицы, гдѣ больше зелени, больше тѣни и жизни. Добрался наконецъ до хижинъ, почти совсѣмъ скрытыхъ бананами, до мѣстъ, засѣянныхъ *таро*, растеніемъ, составляющимъ главную пищу канаковъ, изъ котораго они дѣлаютъ свой *пой*, насущный хлѣбъ всего народонаселенія. Добрался до тамариндовъ, раскинувшихъ далеко свою легкую и граціозную листву, до пальмъ, грустно шуршащихъ своими верхушками; добрался до чистаго воздуха, въ которомъ не слышалось морской атмосферы, съ ея сыростью и холодомъ; здѣсь воздухъ напоенъ былъ дыханіемъ безчисленныхъ растеній, которыя даютъ ему и силу, и освѣжающую крѣпость. Рѣдко кто попадался на улицѣ; иногда промчится легкій кабріолетъ съ двумя чопорно-разодѣтыми американками; встрѣтятся каначки, въ свѣтлыхъ, праздничныхъ пудермантеляхъ (иначе не умѣю назвать ихъ платья), съ цвѣтами на головахъ, съ оранжевыми вѣнками, лежащими граціозно на черныхъ, маслянистыхъ волосахъ, осѣняющихъ кофейныя лица. Первое впечатлѣніе, при взглядѣ на ихъ лица, поражаетъ какою-то рѣзкостью, но выраженіе глазъ свѣтится чѣмъ-то кроткимъ и примиряющимъ. Я заходилъ

въ двѣ церкви, — сначала въ церковь анабаптистовъ, которая была похожа болѣе на комфортабельную аудиторію. Дубовыя лаковыя скамейки были обиты бархатомъ, на полу роскошный коверъ, сквозь полированные жалузи распространялся пріятный полусвѣтъ; съ хоръ раздавалось гармоническое пѣніе; молящіеся были разодѣты, но между ними ни одной канакской физіономіи. Пасторъ патетическимъ голосомъ читалъ съ своей лакированной каѳедры. Молитву эту скорѣе можно было назвать музыкальнымъ утромъ, тѣмъ болѣе, что у подъѣзда церкви стояло нѣсколько щегольскихъ экипажей. Не найдя здѣсь того, чего искалъ, я вошелъ въ католическую церковь, которая была тутъ же, черезъ улицу. Церковь смотрѣла длиннымъ сараемъ, въ глубинѣ котораго находился алтарь. Фольга, свѣчи, золотая шапка епископа, ризы и одежды клериковъ, кадила, все это какъ-то мѣшалось вмѣстѣ и казалось издали чѣмъ-то блестящимъ. Во всю длину, по обѣимъ сторонамъ зданія, устроены были хоры, наполненные народомъ. Стройное пѣніе, подъ звуки кларнета, раздавалось иногда сверху. Народъ сидѣлъ на полу, кромѣ бѣлыхъ, для которыхъ было отдѣлено сбоку особое мѣсто; тѣмъ же изъ нихъ, которые не вошли туда, подавали стулья. Мнѣ также подала стулъ высокая, сѣдая старуха, съ лицомъ, какъ будто сдѣланнымъ изъ картона, съ рѣзкими бороздами на лбу и щекахъ; помня, что «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ», я сѣлъ безъ разсужденія, и сталъ разсматривать сидѣвшую передо мною и вокругъ меня живописную публику. Вся группа была очень пестра отъ разноцвѣтныхъ платьевъ, отъ рѣзкихъ лицъ и цвѣтовъ, украшавшихъ выразительныя, рельефныя фигуры туземцевъ. Въ ихъ позахъ видно было, что платье имъ въ тягость, что оно для нихъ что-то лишнее, мѣшающее, и они инстинктивно правы, потому что платье, можетъ-быть болѣе нежели что̀ другое, имѣло роковое вліяніе на судьбу всего

здѣшняго населенія. Желая не отстать отъ своей подруги, каначка надѣваетъ на себя все, что̀ можетъ надѣть, и, подъ тяжестью этой ноши, сидитъ какъ въ паровой банѣ; чѣмъ лучше день, слѣдовательно, чѣмъ жарче, тѣмъ лучше захочетъ она быть одѣтою при людяхъ. Изъ церкви она возвращается въ свою хижину, быстро сбрасываетъ все, и ложится противъ окна, въ которое постоянно тянетъ освѣжающій пассатъ. Легкая простуда переходитъ въ хроническую, слабый кашель дѣлается постояннымъ, слабость груди переходитъ къ дѣтямъ, и вотъ постепенно чахнетъ народонаселеніе, пріобрѣтая всевозможные роды грудныхъ болѣзней, начиная отъ легкаго катарра до чахотки; очень рѣдко встрѣтишь не кашляющую каначку.

Но поразительно оригинальна была молившаяся толпа въ церкви. Не было, кажется, ни одной линіи, ни одного цвѣта неопредѣленнаго или переходнаго; все выражалось рѣзкою чертой, все выступало ярко, начиная отъ зеленаго листа, ясно рисующагося на черномъ фонѣ волоса, до складки чернаго, или цвѣтнаго платья; отъ глаза, блистающаго огнемъ, безъ сомнительнаго выраженія лукавства или хитрости, до крупныхъ губъ, рѣзко изогнутыхъ, безъ сжатости, выражающей большею частію или злобу, или сдержанность. Посмотрите на сѣдыя головы старухъ: что̀ за типическія лица, что̀ за сила и ростъ, что̀ за увѣренность въ движеніяхъ! Въ метисахъ видна уже вкравшаяся нѣга и слабость. Но неохотно мѣшается канакъ съ европейскою кровью, которая разводитъ водою его южную кровь.

Часто встрѣчаешь на одной головѣ совершенно разные волосы, — черные, смѣшанные съ бѣлокурыми, — какъ будто черные, туземные, уступивъ бѣлокурымъ нѣкоторое мѣсто, не хотѣли поступиться своимъ цвѣтомъ.

Послѣ обѣда мы поѣхали, въ четырехмѣстномъ тильбюри, въ долину. Долина постепенно поднималась, такъ что приходилось ѣхать все въ гору. Сейчасъ за городомъ

начинались дачи, выстроенныя на манеръ англійскихъ коттеджей; между ними пустыя мѣста были засѣяны *таро*, для котораго, также какъ и для риса, нужна вода; каждый домъ окруженъ небольшимъ садомъ; развѣсистый тамариндъ, нѣсколько деревъ акаціи, бананы, кокосовая пальма, прямо листьями поднявшаяся отъ земли, пестрые кусты цвѣтовъ, — все это выглядываетъ изъ-за забора, чисто сдѣланнаго изъ бѣлаго камня. За домами виднѣются тростниковыя хижины туземцевъ, формой своею напоминающія наши скирды; у порога хижины пестрѣетъ нѣсколько фигуръ отдыхающаго семейства. Прозрачный воздухъ позволяетъ разсмотрѣть малѣйшія подробности на горахъ, стѣсняющихъ съ обѣихъ сторонъ долину. Густыя массы растущаго по ихъ вершинамъ лѣса смотрятъ какимъ-то рельефнымъ украшеніемъ, наклеенным на сѣрые камни; по скаламъ виднѣются бѣлыя точки; внимательно осматриваясь, вы замѣчаете, что точки двигаются, и разсмотрите стадо дикихъ козловъ, гуляющихъ по совершенно-отвѣсной каменной стѣнѣ. Подъ вечеръ, по дорогѣ стали показываться гуляющіе; утрачивающія свои силы американки и европейки пользовались прохладой, прогуливая свое нѣжное тѣло въ легкихъ кабріолетахъ; проносилась мимо каначка верхомъ, и яркій платокъ, окутывавшій ея ноги, развѣвался съ обоихъ боковъ лошади, захватывая своими клубящимися складками пыль и камни, летѣвшіе изъ-подъ копытъ горячаго скакуна. Кто научилъ каначекъ ѣздить верхомъ? Лошадь явилась на Сандвичевыхъ островахъ съ европейцами, слѣдовательно не болѣе сорока лѣтъ, — когда же успѣло все народонаселеніе пристраститься къ этой лихой забавѣ? Нѣтъ женщины, нѣтъ дѣвушки, которая не была бы отличною наѣздницей. На лошадь садится она по-мужски, не довѣряя сомнительной позѣ нашихъ амазонокъ; ноги окутываетъ длиннымъ платкомъ, обыкновенно яркаго цвѣта, и концы платка далеко разносятся

по вѣтру. Устанетъ лошадь, она сама разсѣдлаетъ ее, пуститъ по полю попастись; потомъ поймаетъ на арканъ, осѣдлаетъ и ѣдетъ далѣе. Видѣли мы по дорогѣ королевскую дачу, небольшой домъ съ нѣсколькими растущими около него деревьями. На возвратномъ пути, все пространство, которое мы проѣхали, вся долина, съ дачами и горами, часть долины, освободившаяся отъ горъ, и наконецъ городъ, рифы и море, все это мы увидѣли вдругъ! Садилось солнце, утопая въ слоѣ тумана, висѣвшаго на границѣ моря и неба, и солнечные лучи не обдавали послѣднимъ свѣтомъ подробностей ландшафта, а легли какою-то прозрачною, матовою пеленой на все, стушевывая рѣзкости и выдающіяся точки; крыши города, поднимающіяся высоко пальмы, мачты судовъ, все это слилось вмѣстѣ; только шпицъ протестантской церкви, какъ бы освободившись отъ налегающей на все дремы, ясно виднѣлся надъ домами. Въ морѣ видно было судно, лавирующее къ порту; но вотъ, оно повернуло и взяло курсъ въ море.

—Вотъ, беретъ гротъ на гитовы, говоритъ одинъ изъ насъ, самый закоренѣлый морякъ, какъ будто видя отсюда маневръ судна.

Но уже такова морская привычка: видѣть то, чего другой не видитъ, — это называется имѣть морской глазъ. Судно виднѣлось намъ какимъ-то темнымъ таракановъ, медленно двигавшимся и исчезавшимъ мало-по-малу въ вечернемъ туманѣ. Темнѣло. У воротъ домовъ сидѣли семьи канаковъ, сохранявшихъ привычку своихъ отцовъ, которые, бывало, сиживали у пороговъ своихъ хижинъ. Въ неподвижной позѣ, подперши руками костлявый подбородокъ, окутавъ колѣна пестрымъ платкомъ, задумалась старушка; нѣсколько молодыхъ каначекъ, въ черныхъ блузахъ, съ цвѣтами и листьями на головахъ, лѣпятся у забора. Вотъ, на измученномъ конѣ, подъѣхала амазонка; концы ея желтаго платка висятъ до самой земли; лошадь

опустила голову; черноголовый и черноволосый мальчишка подаетъ пріѣхавшей наѣздницѣ напиться воды изъ кувшинообразной травянки. Гдѣ-то сверху раздается звукъ струны; въ воздухѣ тепло, но не душно. Въ цвѣтникахъ проснулись датуры и обдаютъ проходящаго своимъ чарующимъ благоуханіемъ. Хорошо на берегу послѣ моря; только «имѣющимъ морской глазъ» придутъ здѣсь на умъ грота-гитовы, да бомъ-брамъ-шкоты!...

Я сказалъ, изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ составлялись условія, создавшія Гонолулу. Разнообразіе это станетъ еще виднѣе, если мы приглядимся къ народонаселенію. Чтобъ узнать Гонолулу, надобно узнать его общество. Все народонаселеніе я раздѣлилъ бы на четыре класса. Вопервыхъ, главное ядро, вокругъ котораго образовались остальные классы, составляютъ канаки-туземцы съ ихъ земледѣльческою аристократіею и съ ихъ бывшими рабами,—теперь свободнымъ, но безземельнымъ сословіемъ. Откуда явилось это племя? Гавайское преданіе называетъ перваго человѣка *Каико* (древній)и первую женщину *Купуланакахау*; отъ нихъ родился сынъ *Вакеа*. Къ нимъ пришелъ изъ другихъ странъ (какихъ, восточныхъ или западныхъ, преданіе не упоминаетъ, а это было бы очень важно) нѣкто *Кукаланіэху*, съ женою *Кахакауакоко*; у нихъ родилась дочь *Папа*. Вакеа и Папа были родоначальниками всего народа, какъ вождей, такъ и черни.

Вопросъ о происхожденіи народонаселенія Сандвичевыхъ острововъ и вообще всей Полинезіи не могъ не занимать пытливыхъ умовъ европейскихъ ученыхъ. Предлагались гипотезы, одна другой смѣлѣе, и ни одна изъ нихъ не выдерживала строгой критики. Такъ, еще въ XVII столѣтіи, жителей Полинезіи причисляли къ одному семейству съ туземцами Америки, и вмѣстѣ съ ними производили ихъ отъ евреевъ. Вистонъ доказывалъ, что

первые жители Америки были каиниты, потомки Каина, происшедшіе отъ Ламеха, спасшагося отъ всемірнаго потопа, хотя деистъ Мартинъ и утверждалъ, что индоамериканцы съ жителями Полинезіи ничего общаго не имѣютъ. Іудейскій раввинъ, Манасехъ бенъ-Израэль, въ сочиненіи *La esperanza di Israel*, писалъ, что Америка населена потомками десяти послѣднихъ колѣнъ іудейскихъ. Эта книга была посвящена англійскому парламенту. Въ 1650 г. Вилльямъ Пенъ былъ совершенно убѣжденъ въ этомъ, напечатавъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Исторически доказанное тождество десяти колѣнъ съ аборигенами западнаго полушарія.*

Предположеніе о заселеніи Океаніи съ востока имѣетъ болѣе вѣроятія. Разница между туземцами Америки и Океаніи была всегда замѣчаема, какъ въ языкѣ, такъ въ нравахъ и обычаяхъ. Кортесъ и Пизарро были удивлены состояніемъ цивилизаціи древнихъ астековъ и перувіанскихъ царей. Никогда ничего подобнаго не находили на островахъ Полинезіи.

Труды Вильгельма Гумбольдта и профессора Бушмана достаточно доказали родство этихъ островитянъ съ малайцами. Явился новый вопросъ: какимъ образомъ совершалось переселеніе на эти отдаленныя отъ Малайскаго архипелага группы? Законъ миграціи лежитъ въ судьбахъ всей этой породы; еще и теперь цѣлыя семейства отправляются на-удачу, въ маленькихъ лодкахъ, въ море, случайно пристаютъ къ необитаемому острову и селятся тамъ. Перебираясь такимъ образомъ съ острова на островъ, съ архипелага на архипелагъ, племя это заселяло постепенно Новую Зеландію, острова Товарищества, Дружбы, Мореплавателей, Сандвичевы и др. Жители всѣхъ этихъ острововъ похожи между собою наружностью, обычаями, и говорятъ почти однимъ

языкомъ (*), имѣютъ почтитѣ же преданія, ясно свидѣтельствующія о ихъ восточномъ происхожденіи. Такъ одинъ изъ ихъ боговъ, *Мауіакалана*, остановилъ солнце въ своемъ теченіи. Въ миѳологіи Фиджи есть преданіе, что міръ былъ сотворенъ высочайшимъ изъ всѣхъ боговъ, по имени *Идежи* или *Тенже*, который обиталъ на высокихъ горахъ; у него сынъ, который былъ посредникомъ между имъ и людьми. Довольно распространено преданіе о потопѣ, съ намеками на ковчегъ, который они называютъ *лаау*, родъ плавающаго дома, заключавшаго въ себѣ людей, животныхъ и припасы, въ большомъ количествѣ. Даже имя Ноя встрѣчается въ ихъ преданіяхъ.

Еще болѣе подтверждается это родство обычаями. Гавайцы приносили, отъ первыхъ плодовъ, жертву Богу; то же дѣлали жители Самоа; у гаваянъ, до прибытія миссіонеровъ, во всеобщемъ обыкновеніи было обрѣзаніе; актъ совершался при религіозныхъ церемоніяхъ жрецомъ. Всякій, дотронувшись до чего нибудь, считавшагося нечистымъ, долженъ былъ подвергнуться обряду очищенія; все это было и у евреевъ. Женщины послѣ родовъ считались нечистыми. У гавайцевъ, также какъ и у евреевъ, были мѣста убѣжищъ, съ тою же цѣлію и съ тѣми же ограниченіями.

(*) Вильямсъ говоритъ: «Если посмотримъ на разстояніе Сандвичевыхъ острововъ отъ Малайскихъ, равняющееся 100 градусамъ, или 7000 милямъ, то сразу покажется невозможнымъ, какимъ образомъ могли перебраться туда жители, на своихъ утлыхъ лодочкахъ, при совершенномъ незнаніи навигаціи. И еслибъ я сталъ утверждать, что они прямо переплыли на Сандвичевы острова, то не могъ бы поддержать своего положенія. Но всякая трудность исчезаетъ, если допустимъ постепенность. Переселенецъ съ береговъ Суматры можетъ попасть на Борнео (300 миль); Макасарскій проливъ отдѣляетъ его отъ Целебеса (200 миль); 10 градусовъ до Новой Гвинеи (по дорогѣ два большіе острова, Бесси и Церамъ). Отъ Новой Гвинеи до Новыхъ Гебридовъ 1200 миль, но за то безчисленное множество острововъ по дорогѣ. Потомъ 500 миль до Фиджи и 300 до остр. Дружества, и т. д.

Изслѣдованіе языка ясно доказало малайское его происхожденіе. Вильгельмъ Гумбольдтъ прослѣдилъ постепенную дезорганизацію его, по мѣрѣ распаденія этихъ племенъ изъ общаго цѣлаго на безчисленные отпрыски. Когда зданіе разваливается камнями, то въ отдѣльномъ камнѣ врядъ ли доискаться идеи зданія!

Второй классъ жителей составляютъ бѣлые, европейцы или американцы, держащіе себя отдѣльно и считающіе себя, вѣроятно, за настоящихъ аристократовъ.

Третій классъ—метисы, полубѣлые. Европейцы, рѣшившіеся навсегда остаться здѣсь, женятся на каначкахъ, и ихъ то поколѣніе составляетъ этотъ классъ. Чистобѣлые не жалуютъ ихъ, почти никогда не принимаютъ въ своемъ обществѣ, но за то всѣ пріѣзжающіе только и знакомятся, что съ домами метисовъ. Въ ихъ обычаи вкрались обычаи Лимы и Буэносъ-Айреса. Дочери метисовъ красивы, свободны въ обращеніи, живы, кокетливы, но сохраняютъ притомъ всю чистоту нравовъ; американки же скучны и нравственны на словахъ, что́ еще не значитъ непремѣнно, чтобъ онѣ были нравственны на дѣлѣ.

«Вполнѣ понимаю, отчего вы къ намъ рѣдко ходите, говорилъ мнѣ одинъ американецъ; вамъ у насъ скучно... Вамъ нужно общество женщинъ, а общество нашихъ женъ для васъ тяжело. Къ тому же, въ здѣшнемъ климатѣ, бѣлая постоянно находится въ какомъ то состояніи утомленія. Теплый климатъ располагаетъ къ нѣгѣ и бездѣйствію, воображеніе и умъ подвергаются тому же вліянію; а полубѣлая въ своей родной стихіи. Бѣлая кровь дала ей легкость и болѣе граціозную форму, черная—много горячности и живости. Конечно, я не говорю о настоящемъ чувствѣ; для чувства онѣ холодны, онѣ не понимаютъ идеальнаго стремленія къ чистому блаженству; имъ непонятно сродство душъ; на нихъ дѣйствуетъ пожатіе руки, масляный взглядъ, поцѣлуй, темнота ночи,

напоенной ароматами жасминовъ и датуръ. Туземка и метиска проведетъ съ вами нѣсколько упоительныхъ часовъ, и на прощаніе сниметъ съ головы вѣнокъ изъ бѣлыхъ жасминовъ и надѣнетъ вамъ его на голову. Вы приходите съ моря, давно не видали женщинъ, давно не чувствовали ихъ магическаго обаянія; понятно, что вы ищете общества полубѣлыхъ.» Такъ разсуждалъ, и очень правильно, американецъ, бывшій прежде «вивёромъ», но теперь женатый. Бѣлая кровь незамѣтно вкралась въ жилы самыхъ первыхъ фамилій. Королева, дочь Неа и Кекела, имѣетъ въ себѣ $^1/_3$ бѣлой крови, потому что мать ея матери, то-есть бабушка, была бѣлая. M-me Bischoff, дочь Паки и Каніа, тоже непремѣнно имѣетъ въ себѣ чужую кровь; а то съ чего бы канакской дамѣ, хоть и двоюродной сестрѣ короля, походить на героиню жоржъ-сандовскаго романа?..

Къ послѣднему классу я отнесу португальцевъ, чилійцевъ, китайцевъ и всѣхъ тѣхъ, которые, собравшись со всѣхъ концовъ міра, ищутъ здѣсь фортуны; всѣхъ авантюристовъ, ставящихъ свою будущность, какъ азартный игрокъ свой послѣдній рубль, на карту,—начинающихъ всевозможныя карьеры, обманутыхъ счастіемъ въ калифорнійскихъ рудникахъ и прибывшихъ сюда какъ нибудь подняться,—стиркой бѣлья, ловлей рыбы, службой на китобоѣ, который идетъ куда нибудь во льды, или наконецъ, подняться на висѣлицу, уже не опасаясь новаго банкротства.

Я былъ знакомъ со многими представителями всѣхъ этихъ четырехъ классовъ. Почти каждый вечеръ приходилось дѣлать по нѣскольку визитовъ (визиты здѣсь дѣлаются по вечерамъ), чтобы поддерживать начатое знакомство. Визиты къ бѣлымъ кончились очень скоро. Вы входите въ домъ всегда чрезъ палисадникъ, гдѣ пахнетъ на васъ цѣлый вихрь ароматовъ; въ наружной ве-

рандѣ оботрете ноги о половикъ, и наконецъ явитесь въ прекрасно-освѣщенную газомъ комнату, со столомъ по серединѣ, покрытымъ ковромъ, и съ нѣсколькими качающимися креслами, безъ которыхъ нѣтъ ни одной комнаты въ Гонолулу; по стѣнамъ портреты Викторіи и Альберта, а у консерваторовъ портреты Александра Ліоліо, Камеамеа IV, нынѣшняго короля гавайскаго, который на рисункѣ похожъ больше на какого то подозрительнаго испанца. Вы жмете руку хозяину, хозяйкѣ, и садитесь. Начинается разговоръ. «Вы были въ Японіи?»—Oh, yes!—«Что́, въ Японіи лучше чѣмъ въ Китаѣ?»—«Нѣтъ никакого сравненія.»—«А японки, какъ онѣ носятъ волосы?» и т. п. Если мужъ захочетъ оказать самую большую любезность, то выйдетъ въ другую комнату, молча принесетъ подносъ съ графиномъ хереса, нальетъ вамъ и себѣ по рюмкѣ, прибавивъ: «one glass sherry», кивнетъ головой и выпьетъ; вы киваете головой ему въ отвѣтъ, киваете головой по направленію къ mistress, берете свою шляпу, жмете опять руки и уходите, мысленно разсчитывая, какъ бы сдѣлать, чтобы уже больше не возвращаться въ это веселое общество.

Но за то какая разница, когда вы сворачиваете въ переулокъ и идете къ полубѣлымъ! Вопервыхъ, вы незнакомы ни съ матерями ихъ, ни съ отцами, ни съ мужьями; отцы и мужья неизвѣстно гдѣ проводятъ свое время, матери возятся съ дѣтьми въ другой комнатѣ, или обшиваютъ дочекъ, или смотрятъ за хозяйствомъ. На дочеряхъ лежитъ обязанность принимать гостей, занимать ихъ, и вообще имъ предоставлено дѣлать что́ вздумается. Часто, у входа въ такой домъ, видите сидящихъ на полу каначекъ-старушекъ; это какая нибудь бабушка, любующаяся своею внучкой, одѣтою по-европейски и похожею наружно на европейскую барышню. И внучка раза̀ два, въ продолженіи вечера, выбѣжитъ къ бабушкѣ и поцѣлуетъ

ее въ сѣдую шершавую голову. Вотъ домикъ, въ который мы всегда охотнѣе ходили. У воротъ встрѣчаетъ насъ миссъ Бекки, черноглазая дѣвушка лѣтъ семнадцати, съ жасминною нитью, обвившею два раза ея блестящіе, черные волосы; она рада намъ будто роднымъ, весело привѣтствуетъ и бѣжитъ какъ ребенокъ въ домъ, приглашая насъ за собою. Если бы домикъ не былъ оклеенъ внутри обоями и не имѣлъ нѣсколько европейской мебели, то былъ бы похожъ на канакскую хижину; онъ весь состоитъ изъ одной большой комнаты, треть которой отдѣлена огромнымъ занавѣсомъ; за занавѣсомъ спятъ и живутъ, въ комнатѣ принимаютъ. Посрединѣ столъ съ нѣсколькими кипсеками, въ красивыхъ переплетахъ; у стола качающееся кресло, куда сажаютъ избраннаго гостя, котораго хотятъ попокоить и побаловать; въ углу диванъ, не совсѣмъ новый, но на немъ какъ-то ловко сидѣлось, не смотря на его жесткость. На стѣнахъ портреты Напира и какой-то каначки съ ребенкомъ, масляными красками, въ родѣ тѣхъ портретовъ, которые иногда находятся у насъ въ кладовыхъ, и изображаютъ или бабушку съ удивительно-узкою таліей и съ розой въ рукахъ, или какую нибудь тетушку съ собачкой. Конечно, мы пришли съ конфетами, которыя съѣдаются тутъ же, отъ души и гостями, и хозяевами, по цѣлымъ пригоршнямъ. У миссъ Бекки есть молоденькая тетушка, миссъ Гетти, черноглазая и черноволосая, съ темнымъ цвѣтомъ лица и съ удивительно-тонкими чертами; улыбка грустная и томная, нѣсколько съ ужимкою уѣздной барышни, выказываетъ рядъ зубовъ восхитительной бѣлизны; она сентиментально разговариваетъ, проситъ погадать ей на картахъ, на что рѣшается кто-нибудь изъ насъ, общими силами переводя на англійскій языкъ слышанныя въ дѣтствѣ отъ нянюшекъ выраженія: «интересъ подъ сердцемъ, дорога, исполненіе желаній, злая соперница, брачная постель» и пр. И пу-

гается, и радуется сентиментальная дѣвица, и хохочетъ отъ души игривая Бекки... Надоѣстъ сидѣть въ комнатѣ, пойдемъ въ гости къ Mathe и Lucy, другимъ знакомкамъ, которыя живутъ хотя въ прекрасномъ домѣ, но также просты и милы, какъ и обитательницы маленькаго домика въ переулкѣ. Оттуда идемъ ѣсть мороженое, и возвращаемся домой, чудною ночью, подъ тѣнью деревьевъ, изъ-за которыхъ, какъ привидѣнія, часто показываются фигуры канака и каначки, вѣроятно наслаждающихся, какъ и мы, прекрасною ночью и сладострастнымъ ароматомъ растеній.

Чтобы познакомиться нѣсколько съ четвертымъ классомъ, мы пошли разъ, вечеромъ, въ *Liberty Hall*, родъ воксала, гдѣ за входъ платятъ долларъ, и съ ужиномъ. Здѣсь бываютъ балы только два раза въ годъ, и по счастію, мы на балъ-то и попали. Я былъ на матросскихъ балахъ въ Гамбургѣ, знаменитыхъ своею оригинальностію; но гамбургскіе балы поблѣднѣли передъ тѣмъ, что́ происходило здѣсь. Каначки, въ длинныхъ блузахъ, съ своими рѣзкими движеніями, блестящими глазами, съ вѣнками на головахъ, напоминаютъ какихъ-то демоновъ, кружащихся въ адской пляскѣ; изъ танцевъ ихъ выходитъ смѣсь *хула-хула* и канкана. Иногда кавалеръ, конечно, самый породистый янки, разнообразитъ фигуры быстрою джигой, припѣвая своего *Yankey doodle*, и все это мѣшается съ крикомъ, музыкой, топаньемъ и свистомъ. Домъ, выстроенный изъ дощечекъ, трясется отъ фундамента до крыши. Иногда всѣ бросятся къ балкону, съ котораго видно, какъ два янки рѣшились покончить разгорѣвшійся споръ боксомъ, и начинаютъ убѣждать другъ друга быстро и ловко наносимыми ударами.

Съ бала поведу васъ на похороны, гдѣ мы ближе познакомимся съ канаками. Незадолго до нашего прибытія къ острову, умеръ племянникъ короля, сынъ одной изъ

его сестеръ, потомокъ Камеамеа I. Мы были приглашены на его похороны, которые сопровождались процессіей, подобающей ему, какъ члену королевскаго дома. Тѣло, герметически закупоренное въ гробѣ изъ краснаго дерева, стояло подъ чернымъ балдахиномъ, въ домѣ губернатора Кекуанаоа, отца нынѣшняго короля. Передъ домомъ стояли огромныя опахала, сдѣланныя изъ перьевъ; ихъ носятъ при всѣхъ процессіяхъ—коронаціи, свадьбахъ и похоронахъ членовъ королевскаго семейства. На балконѣ встрѣтилъ насъ сѣденькій старичокъ въ генеральскомъ мундирѣ и голубой лентѣ,—это былъ церемоніймейстеръ. Онъ далъ намъ чернаго флеру, чтобы повязать на руку, и указалъ на комнату, гдѣ лежалъ покойникъ. Тамъ сидѣло нѣсколько дамъ въ черныхъ платьяхъ и губернаторъ въ генеральскомъ мундирѣ. Мы поклонились гробу и вышли на улицу, гдѣ, смѣшавшись съ толпой, стали ожидать процессіи. На дворѣ стояло мѣдное орудіе съ устроеннымъ на немъ катафалкомъ; по странному стеченію обстоятельствъ, это орудіе оказалось русское; его взяли вмѣстѣ съ другими, съ острова Кауи, на которомъ оставилъ нѣсколько орудій извѣстный авантюристъ, бѣжавшій на суднѣ, захваченномъ въ Камчаткѣ. По улицѣ, подъ звуки барабана и флейты, шло королевское войско; всего было полтораста солдатъ, одѣтыхъ очень хорошо въ казакины и вооруженныхъ штуцерами. Впереди ѣхалъ генералъ Матаи, красивый мужчина, въ каскѣ, на которой развѣвались бѣлыя и красныя перья. Войско выстроилось на дворѣ и сдѣлало на караулъ; скоро потянулась процессія. Открывали ее докторъ и пасторъ, и первый, вѣроятно, какъ главный виновникъ процессіи... За ними, на двухъ длинныхъ веревкахъ, около ста канаковъ, одѣтыхъ въ матросскія куртки, везли катафалкъ, около котораго несли громадныя опахала. За катафалкомъ, въ легкой коляскѣ, ѣхала королева; съ нею сидѣла мать покойника, прин-

цесса Шарлотта, и какой то маленькій мальчикъ. За коляской королевы ѣхали два ея доктора верхомъ, въ мундирахъ въ родѣ гусарскихъ, такъ что они больше походили на двухъ адъютантовъ. Потомъ тянулся длинный хвостъ канакскихъ дамъ; онѣ шли всѣ попарно, были въ глубокомъ траурѣ и очень напоминали стадо воронъ, которыя тянутся вереницей къ своему родимому лѣсу. Съ нѣкоторыми изъ нихъ шли значительныя лица, какъ-то министры, губернаторъ и тѣ смертные, которые отличаются отъ толпы или золотымъ эполетомъ или какимъ другимъ внѣшнимъ знакомъ отличія. Народъ безмолвно смотрѣлъ на проходившую процессію, только иногда вырывалась изъ толпы какая-нибудь громадная женщина и воющимъ голосомъ начинала причитывать, вѣроятно, достоинства покойнаго. Нѣсколько такихъ голосящихъ плакальщицъ, въ какомъ то дикомъ экстазѣ, сопровождали издали процессію.

Желая опередить похороны, мы, окольными путями, пришли въ садъ, гдѣ находится склепъ королевскихъ гробницъ. Между деревьями стоялъ небольшой бѣлый домикъ съ деревянною крышей, въ родѣ тѣхъ, которые встрѣчаются у насъ на деревенскихъ кладбищахъ. Въ саду, на насъ наскочилъ какой то всадникъ на бѣломъ конѣ, и, осмотрѣвшись, вдругъ остановился; это былъ принцъ Вилльямъ. Онъ двоюродный братъ короля и одинъ изъ самыхъ богатыхъ князей всего королевства; по рожденію, принцъ Вилльямъ чуть ли не выше короля и могъ бы имѣть большое вліяніе на народъ, но, къ несчастію, онъ одинъ изъ самыхъ безпутныхъ юношей во всемъ Гавайскомъ королевствѣ. Ему нельзя ничего поручить, и потому онъ не занимаетъ никакой должности. Когда онъ трезвъ, то очень милъ и уменъ; но, напившись, шляется по харчевнямъ, играетъ въ кегли съ матросами, и никого не слушаетъ. И теперь настоящее мѣсто его было бы, конечно, въ процессіи. Онъ слѣзъ съ лошади и повелъ

насъ къ склепу, у котораго стоялъ полицеймейстеръ съ ключами; принцъ хотѣлъ ввести насъ въ склепъ, но полицеймейстеръ не имѣлъ права никого пускать туда, до прибытія процессіи. Принцъ заспорилъ съ нимъ, вырвалъ ключъ изъ рукъ, и мы вошли въ гробохранилище королевской фамиліи. Гробы стояли на полу и на полкахъ; въ срединѣ былъ гробъ, обдѣланный великолѣпно бархатомъ и золотомъ, въ которомъ покоились останки Камеамеа III. Передъ его гробомъ, на столикѣ, лежала корона, которою коронуются короли; налѣво стоялъ гробъ Камеамеа II, умершаго въ Лондонѣ. Тутъ же два гроба Паки и его жены, родителей M-me Bischoff; направо гробъ матери пьянаго принца Вилльяма; гробъ мистера Рука, отца королевы, и гробъ знаменитаго Джона Іонга, оставленнаго здѣсь Ванкуверомъ, въ видахъ англійской политики, и сдѣлавшагося другомъ и главнымъ сподвижникомъ Камеамеа I. Гдѣ былъ похороненъ первый гавайскій король, Камеамеа I, никто не знаетъ; въ ночь его смерти, тѣло было унесено канаками въ горы; и мѣсто могилы его, какъ Чингисхана, осталось неизвѣстнымъ. Впереди стояли два маленькіе гробика отравленныхъ дѣтей Камеамеа III, сдѣлавшихся жертвой аристократическихъ предразсудковъ; мать ихъ была полубѣлая, мать же настоящаго короля принадлежала къ одному изъ главныхъ родовъ, а родовое значеніе здѣсь не по отцу, какъ у насъ, а по матери (*). Дѣтей отравили, принципъ восторжествовалъ. Это сказывалъ намъ принцъ очень спокойно, какъ будто все это происходило лѣтъ пятьсотъ тому назадъ; а дѣти были его двоюродные братья.

Но вотъ звуки похороннаго марша стали явственно долетать до насъ; изъ-за стѣны показались опахала, процессія

(*) Поэтому, отецъ теперешняго короля—губернаторъ: мать одного была простая каначка, а мать другаго—королевской крови.

замедлилась немного оттого, что катафалкъ не проходилъ въ ворота; говорятъ, что это случается каждый разъ, но никакъ не хотятъ катафалкъ сдѣлать ниже; гробъ взяли на руки и понесли къ склепу. Опахала поставили у домика, а по окончанiи похоронъ замѣнили ихъ старыми, потому что они должны стоятъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока вѣтеръ не разнесетъ всѣхъ перьевъ. Всѣ, сопровождавшiе процессiю, образовали изъ себя обширный полукругъ. Недалеко отъ насъ стояла королева. Въ ея темномъ лицѣ было много грусти и какого-то томнаго выраженiя. Не скорбь по покойникѣ разлила эту тоску и это выраженiе тихой покорности на ея симпатичномъ лицѣ,—грустная драма разыгрывалась въ ихъ семействѣ, и ей доставалась не послѣдняя роль. По бабушкѣ своей, она немного американка; оставшись ребенкомъ-сиротой, она взята была докторомъ Рукомъ, который воспиталъ ее и адоптировалъ; послѣ смерти своей, онъ оставилъ ей, вмѣстѣ съ своимъ именемъ, и все свое состоянiе. Миссъ Рукъ не осталась, по природѣ своей, каначкой; она не могла, по убѣжденiю, примириться съ положенiемъ рабы, которое приняла бы безусловно туземка. При мужѣ ея, королѣ, былъ секретарь, американецъ. Можетъ быть, нѣсколько неосторожныхъ взглядовъ, или неосторожное слово, возбудили подозрѣнiя мужа. Благородный въ душѣ, добрый, но вспыльчивый и легко-поддающiйся увлеченiю, какъ настоящiй канакъ, гавайскiй Отелло, въ порывѣ ревности, выстрѣлилъ въ своего секретаря и очень опасно ранилъ его. За порывомъ страсти послѣдовало раскаянiе; опасно раненый былъ перевезенъ на островъ Мауи, гдѣ дни и ночи раскаивающiйся ревнивецъ проводилъ у постели больнаго. И въ настоящее время онъ былъ тамъ,—больному стало хуже. Король объявилъ, что если секретарь умретъ, то онъ отказывается отъ престола въ пользу сына и предастъ себя суду, какъ простой гражданинъ! Я зналъ всю эту

исторію, и мнѣ казалось, что въ глазахъ несчастной женщины я читалъ и тоску, и грусть, и чувство оскорбленнаго достоинства.

Гробъ внесли въ домикъ; пасторъ сказалъ коротенькую рѣчь, и всѣ разошлись; лишь нѣсколько женщинъ изъ народа, находясь въ разныхъ разстояніяхъ отъ могилы, начинали завывать страшнымъ голосомъ. Говорятъ, что при смерти послѣдняго короля нѣсколько тысячъ каначекъ вопили вокругъ кладбища, но что теперь ихъ разгоняютъ и запрещаютъ давать подобные концерты.

Къ намъ на клиперъ пріѣзжали: братъ короля, принцъ Камеамеа, съ нимъ были Вайли, министръ иностранныхъ дѣлъ, министръ финансовъ и генералъ Матаи. Принцъ—высокій мужчина съ кофейнымъ широкимъ лицомъ, небольшимъ носомъ, черными усами и тою добродушною миной, какою отличаются канакскія физіономіи; въ черныхъ глазахъ его свѣтится умъ. Онъ занимаетъ довольно важное мѣсто, образованъ, былъ въ Европѣ, и удивительно простъ въ обращеніи. На немъ была соломенная шляпа, подъ сюртукомъ малиновая лента и небольшая звѣзда сбоку.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, Вайли, шотландецъ, представитель англійскаго вліянія, противодѣйствующій американскому, стремящемуся изъ Сандвичевыхъ островъ образовать особый штатъ и присоединить его къ сѣвероамериканской конфедераціи. У него лицо стараго, умнаго и вѣрнаго пса, украшенное сѣдыми бакенбардами, которые падаютъ рѣдкими клочьями съ дряблыхъ, морщинистыхъ и красноватыхъ щекъ. Это чуть ли не самая замѣчательная личность въ Гонолулу. Онъ устроилъ весь церемоніалъ двора; онъ искусно велъ переговоры съ американцами, укралъ и уничтожилъ уже подписанный подпоеннымъ покойнымъ королемъ трактатъ съ Соединенными Штатами. Онъ твердо выдерживалъ свою роль,

когда явились съ десантомъ французы, желая вытребовать себѣ правомъ насилія право безпошлиннаго ввоза водки, тогда какъ пошлина составляетъ главный доходъ королевства. Съ виду онъ настоящій придворный; его уклончивая и размазывающая рѣчь пересыпана безпрестанными выраженіями: «его величество король, ея величество королева» и т. п. Подъ фракомъ у него была одна голубая лента, безъ звѣзды.

Министръ финансовъ удивительно напоминалъ собой распорядителя офиціяльныхъ обѣдовъ; но генералъ Матаи имѣлъ одно изъ тѣхъ лицъ, которыя не могутъ не понравиться, не смотря на кофейный цвѣтъ кожи, курчавые, жесткіе волосы и большой ротъ. Онъ средняго роста и прекрасно сложенъ; многія здѣшнія дамы влюблены въ него, чему я и не удивляюсь. На его добромъ и симпатическомъ лицѣ нельзя не видѣть слѣдовъ какого-то внутренняго недуга, что дѣлаетъ его лицо еще болѣе интереснымъ. Всѣ его очень любятъ, также какъ и жену его, природную каначку.

На другой день пріѣзжалъ къ намъ губернаторъ, Кекуанаоа, отецъ короля. У него преоригинальная личность: на морщинистой пергаменной кожѣ лица, отдѣляется сѣдая бородка, брови нависли надъ лукаво-свѣтящимися глазами, а носъ небольшимъ крючкомъ приплюснулся къ щекамъ. Канаки боятся его и увѣрены въ точности всего, что скажетъ Кекуанаоа. На клиперѣ онъ сказалъ оригинальный комплиментъ намъ и Россіи:

«Вашъ клиперъ—реалъ, а Россія—милліонъ; какъ реалъ относится къ милліону, такъ величина вашего клипера относится къ величинѣ Россіи; а вашъ клиперъ развѣ реалъ стоитъ? Какъ же должна быть велика и хороша Россія!» Мнѣ, какъ медику, онъ счелъ нужнымъ показать свою высохшую руку.

Теперь, познакомившись съ самыми рельефными лицами Гонолулу, пойдемъ дальше. Если разсказъ мой слишкомъ отрывоченъ, то въ этомъ виноватъ образъ нашего путешествія; мы не можемъ остановиться, чтобы вполнѣ приглядѣться къ странѣ, схватить всѣ ея особенности въ общей гармонической картинѣ, и пріобрѣсти болѣе полное о ней понятіе. Всякая новая сцена или личность для насъ интересны, и мы схватываемся за все, какъ морякъ, во время тумана, схватывается за огонь блеснувшаго вдали маяка, надѣясь по немъ найдти вѣрный путь.

Одинъ разъ, возвращаясь вечеромъ по набережной на клиперъ, услышали мы звуки барабана. На перекресткѣ собралась толпа; два барабанщика, въ шляпахъ съ перьями, немилосердно колотили, одинъ въ большой, въ родѣ нашего турецкаго, другой въ обыкновенный барабанъ. Немудрено было догадаться, что били тревогу. Что такое? зачѣмъ?... Говорятъ, собираютъ милицію. Большое зданіе у пристани освѣщено; спрашиваемъ, можно ли войдти?— можно. Входимъ; въ залѣ, хорошо освѣщенной, кучками стоятъ военные съ ружьями, въ сѣрыхъ казакинахъ съ серебряными эполетами. Одинъ изъ нихъ кланяется намъ, и мы узнаемъ почтеннаго, сѣденькаго и лысенькаго старичка, въ очкахъ, что сидитъ въ магазинѣ Гакфельда; онъ представлялъ теперь собою изображеніе Меркурія, превращеннаго въ Марса. Солдатъ скоро выстроили, сдѣлали перекличку, и началось ученье, подъ музыку гремѣвшихъ на улицѣ барабановъ. Построенія, какъ мы замѣтили, напоминали скорѣе фигуры мазурки; командовалъ толстый джентльментъ съ красными перьями на каскѣ и съ золотыми эполетами. Не очень надѣясь на силу королевскихъ войскъ, всѣ живущіе здѣсь бѣлые составили свою милицію, которая уже разъ принесла пользу. Въ 1852 году, шайка матросовъ съ китобойныхъ судовъ овладѣла городомъ и начала производить всякія

безчинства. Король не рѣшался приступать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, боясь, чтобы не убили какого-нибудь американца, за котораго пришлось бы отвѣчать передъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Граждане (бѣлые) взяли дѣло на себя, и въ одинъ день очистили городъ.

Но зачѣмъ собрались они теперь? Штурманъ одного купеческаго судна возвратился домой, не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ; матросъ, подававшій ему ужинъ, какъ-то замѣшкался и штурманъ такъ ударилъ его, что тотъ свалился съ трапа и разбился. Пьяный и послѣ продолжалъ бить и топтать его ногами, и матросъ отъ побоевъ умеръ. Дѣло поступило въ судъ присяжныхъ, который приговорилъ штурмана только къ уплатѣ *ста* долларовъ женѣ убитаго, чѣмъ та и удовлетворилась. Но такимъ окончаніемъ дѣла остались недовольны всѣ, начиная съ короля. Въ это самое время казнили одного канака, и еще двое (канакъ и китаецъ) были приговорены къ висѣлицѣ, и дѣло оправданнаго бѣлаго возмущало всѣхъ. На улицахъ появилась прокламація, сзывались въ Гонолулу канаки со всѣхъ острововъ, чтобы составить совѣтъ о томъ, что имъ дѣлать, потому что у нихъ теперь нѣтъ закона; что существующій законъ не для всѣхъ одинаковъ; для бѣлаго онъ мягокъ и уступчивъ, для канака—неизмѣненъ и твердъ, тогда какъ конституція даетъ имъ одинаковыя права передъ закономъ. Противъ этой манифестаціи бѣлые тоже намѣрены показать свои когти, и черезъ нѣсколько дней послѣ сбора войскъ, который мы видѣли, воинственные граждане ходили строемъ по улицамъ, желая внушить страхъ жителямъ. Правительство оставалось спокойнымъ и никакихъ розысковъ не производило, хорошо зная, что въ характерѣ канака нѣтъ энергіи, необходимой для дѣятельной реакціи. Никогда не было столько уголовныхъ случаевъ на Сандвичевыхъ

островахъ, какъ въ нынѣшнемъ году. Въ десять послѣднихъ лѣтъ была только одна казнь; въ нынѣшнемъ же году уже трое были осуждены на смерть, и всѣ за убійство.

Я никогда не видалъ казни, и поэтому хлопоталъ, чтобы меня впустили на дворъ тюремнаго замка, гдѣ былъ устроенъ эшафотъ. Отнеслись къ шерифу; но онъ очень учтиво отвѣчалъ запиской, что такъ какъ онъ отказалъ въ этой просьбѣ многимъ другимъ, то и для меня онъ не считаетъ себя въ правѣ сдѣлать исключеніе. Нечего было дѣлать; я узналъ однако, что казнь можно было видѣть съ крыши одного изъ ближайшихъ домовъ, и взобрался туда въ седьмомъ часу утра, вооружившись длиною зрительною трубой. Утро было прекрасное; съ сосѣднихъ горъ поднимались легкія облака, утренній туманъ подернулъ прозрачною пеленой мысъ Diamond's Hill, а ближайшія пальмовыя рощи ярко рисовались на неясномъ фонѣ своими качающимися султанами; съ моря шло судно и мѣстные жители узнавали въ немъ почтовое судно, идущее изъ Санъ-Франциско; кто ждалъ новостей, кто радости, кто горя. Одинъ, вѣроятно, не думалъ о приходящемъ суднѣ—преступникъ. Мрачно стоялъ одинокій за̀мокъ съ большимъ дворомъ, обнесеннымъ высокою стѣной; изъ-за стѣны виднѣлся эшафотъ; на немъ два столба съ перекладиной. «Das ist der Galgen,» пояснилъ сидѣвшій около меня тотъ самый нѣмецкій господинъ, котораго я описывалъ выше въ день нашего прихода въ Гонолулу. Около стѣны толпился народъ, взобравшійся на сосѣднія хижины и дома. Крыши запестрѣли разноцвѣтною толпой; на улицѣ многіе были на лошадяхъ, нѣкоторые въ кабріолетахъ; пестрота, шумъ и движеніе, какъ на праздникѣ. За за̀мкомъ виднѣлись отдаленныя горы и долины; подернутыя туманомъ и освѣщенныя утреннимъ лучемъ солнца, онѣ были также привлекательны и радостны, какъ вчера; смотря на нихъ, казалось, на землѣ нѣтъ ни

горя, ни бѣдствій... Что думалъ и что чувствовалъ въ это время тотъ, кого скрывали мрачныя стѣны за̀мка, кого ожидала собравшаяся толпа, кому приготовленъ былъ высокій эшафотъ?... Отсюда слышно было какъ на нашемъ клиперѣ пробило восемь склянокъ. Вотъ изъ черной двери вышли четверо солдатъ въ красныхъ мундирахъ, и заняли четыре угла эшафота. Прошло еще тягостныхъ пять минутъ. Чѣмъ должны были показаться эти пять минутъ осужденному? «Смотрите, явится бѣлая фигура,—это преступникъ,» говорилъ сосѣдъ, и я не отрывалъ глазъ отъ трубы. Четыре красныя фигуры неподвижно стояли по угламъ, и глаза всѣхъ присутствующихъ впились въ углубленіе отворенной двери; ожиданіе было тягостно. Но вотъ, наконецъ, показался пасторъ, весь въ черномъ, съ бѣлыми воротниками, и занялъ свое мѣсто; за нимъ, твердымъ шагомъ, шла укутанная въ бѣлый балахонъ фигура; за нею палачъ. На перекладинѣ мелькнула бѣлая веревка. Молитва пастора продолжалась, можетъ-быть, полторы минуты, но онѣ показались намъ неизмѣримыми. Вдругъ бѣлая фигура исчезла съ помоста, только видна была натянутая бѣлая веревка, и пасторъ скорыми шагами уходилъ съ эшафота; вѣрно у него мелькнула въ головѣ мысль, что онъ присутствовалъ при недобромъ дѣлѣ. Красные солдаты стояли неподвижно. «Finita la comedia!» послышалось въ сторонѣ, и не одно сердце облилось въ эту минуту кровью, затрепетавъ отъ злобы и ожесточенія. Народъ все еще стоялъ, шумя, пестрѣя. Туманъ расходился, въ гавани дымился пароходъ, собираясь идти на встрѣчу почтовому судну; я возвратился на клиперъ, съ котораго также видѣнъ былъ за̀мокъ. Красные солдаты стояли вольно; бѣлая веревка, въ которой морскіе глаза издали узнали манильскій «тросъ», натянутая какъ струна, ясно отдѣлялась отъ черныхъ столбовъ. А у насъ въ этотъ день было Рождество; всѣ въ мундирахъ; на фалахъ приготовлялись разноцвѣтные

флаги для праздника. Я былъ не въ духѣ и мысленно благодарилъ шерифа за то, что онъ не позволилъ мнѣ быть па дворѣ: впечатлѣніе было бы слишкомъ сильно!

Но оставимъ городъ и поѣдемъ смотрѣть окрестности; изъ нихъ самыя замѣчательныя — деревенька Вайкики, долина Евы, на Перловой рѣкѣ, и обрывъ Пали. Кто видѣлъ эти мѣста, тотъ видѣлъ весь островъ Оау, который не отличается богатствомъ растительности между островами этой группы. Горы его кажутся пустынными; проѣзжаешь иногда большое пространство, не видя другой зелени кромѣ кактусовыхъ кустовъ, растущихъ по песчанымъ участкамъ; прелесть острова скрывается по ущеліямъ и по берегамъ источниковъ. Въ экипажѣ можно уѣхать недалеко за городъ; лучше взять верховыхъ лошадей, которыхъ много въ Гонолулу, и очень хорошихъ.

Вайкики, небольшая деревенька, домики которой разбросаны въ пальмовой рощѣ, растущей у морскаго берега, почти у самаго подножія Діаманта. Дорога къ ней идетъ сначала пустыремъ, потомъ огибаетъ прехорошенькую ферму, скрытую садомъ банановъ, пандамусовъ и пальмъ, въ тѣни которыхъ часто мелькаютъ тростниковыя крыши канакскихъ хижинъ; потомъ дорога идетъ между болотами, напоминающими собою наши русскіе ландшафты, съ поросшими кугой пространствами, съ досчаникомъ, на которомъ переталкиваются до другаго берега, и со множествомъ самой разнообразной дичи. Вотъ и цѣлое озеро: мальчишки полощутся въ немъ, затащивъ въ тину лошадь, чтобъ ее выкупать; лошадь прыгаетъ по топкому и невѣрному дну, а бойкій черноглазый мальчикъ уже взобрался на нее, къ крайней досадѣ другихъ, неуспѣвшихъ предупредить его. Знакомыя картины!... Только вытянувшаяся кое-гдѣ пальма, да повѣсившій внизъ свои длинные листья пандамусъ даютъ ей свой, мѣстный отпечатокъ. Тонкіе стволы пальмъ зачастили справа и слѣва. Дорога вошла

въ пальмовую рощу, пытаясь было идти прямо, и образуя правильную аллею; но скоро она должна была изгибаться какъ змѣя, обходя группы сплотнившихся пальмъ, нежелавшихъ уступить ей мѣста. Отдѣльно разбросанные по рощѣ домики и составляли деревеньку Вайкики. Домики выходили къ самому морю, которое тихо плескалось въ песчаный берегъ, укротивъ ярость волнъ своихъ на рифахъ, защищающихъ со всѣхъ сторонъ островъ. По близости показываютъ домикъ Камеамеа I; здѣсь была его резиденція, когда онъ завоевалъ Оау. Сюда же приставали прежніе путешественники, становясь на якорь внѣ рифовъ, на внѣшнемъ рейдѣ.

Канаки, попадавшіеся намъ на встрѣчу, были въ праздничныхъ одеждахъ; на новыхъ блузахъ женщинъ лежали цѣлые пучки красивыхъ листьевъ, и черныя ихъ головы чуть не гнулись подъ тяжестью вѣнковъ; былъ праздникъ. Мы остановились близъ самаго большаго зданія, полнаго народомъ. На полу были постланы скатерти, и на нихъ стояли огромныя травянки (называемыя здѣсь *калбашъ*) съ различными кушаньями. Каждое семейство кучкой сидѣло вокругъ обѣда; много цвѣтовъ и зелени устилало полъ. Скоро явилась какая-то фигура, въ которой нетрудно было узнать пастора, и начала говорить проповѣдь. Тутъ только мы догадались, что попали въ церковь, и разглядѣли каѳедру и распятіе. Проповѣдь окончилась, всѣ открыли свои кальбаши, и началось угощеніе. Въ числѣ блюдъ былъ вареный въ листьяхъ банана, между горячими камнями, поросенокъ (процессъ этого варенья опишу послѣ) и *пой*, родъ похлебки изъ таро, иногда съ кокосовымъ орѣхомъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ называется *бѣлымъ поемъ*, и служитъ лакомствомъ. Берутъ его пальцемъ; а такъ какъ онъ полужидокъ, то нужно особенное искусство, чтобъ удержать достаточное его количество на пальцѣ; для этого дѣлаютъ пальцемъ легкія, кругообразныя движе-

нія въ воздухѣ, и быстро подносятъ палецъ ко рту. Въ числѣ каначекъ было много молодыхъ и хорошенькихъ; онѣ точно такимъ же способомъ ѣли *пой*, не теряя, впрочемъ, при этомъ процессѣ, своей граціи. Стоитъ только на время забыть нѣкоторыя предубѣжденія, и все покажется естественнымъ.

Близъ церкви была школа, и маленькіе школьники и школьницы также принимали участіе въ праздникѣ, убравъ свои головки листьями, цвѣтами и желтыми бусами, которыя дѣлаются изъ молодыхъ почекъ кокосоваго орѣха; они прекраснаго желтаго цвѣта, съ сильнымъ запахомъ, напоминающимъ пачули.

По близости Вайкики есть развалины стариннаго *морая*,— мѣста убѣжища. Кажется, это единственный остатокъ язычества на всемъ островѣ; но путешественникъ, кромѣ поросшихъ травою камней, ничего здѣсь не увидитъ.

Возвращаясь въ городъ, мы взъѣхали на Пуншевую Чашу, **Punch Boll**,—холмъ, возвышающійся надъ самымъ городомъ. Плоскость его вершины образовала своею формой совершенно круглую чашу, почему онъ и получилъ свое классическое названіе. Края площади поднялись отдѣльными возвышеніями, образовывая естественные брустверы для поставленныхъ орудій. На одномъ изъ этихъ возвышеній выстроенъ домикъ и стоитъ флагштокъ, на которомъ развѣвается гавайскій восьмицвѣтный флагъ. Видъ съ Пуншевой Чаши на городъ превосходный; съ одной стороны открывается море, съ отмелями и рифами, которые выходятъ наружу, постепенно желтѣющими пятнами; съ другой стороны, самыми нѣжными тонами рисуются далекія горы. Разнообразіе зеленыхъ квадратовъ, окружающихъ городъ, съ бѣлыми домиками, пальмы, ручьи, церкви, мачты,—все умѣстилось, въ счастливо-расположенной панорамѣ, безпрестанно мѣняющей освѣщеніе, по мѣрѣ

того, какъ находили съ горъ облака, разрѣшавшіеся или крупнымъ дождемъ, или цѣлымъ каскадомъ яркихъ лучей солнца, прорвавшихся чрезъ облако.

Долина Евы лежитъ у береговъ Перловой рѣки, впадающей въ море широко разлившимися устьями, едва выказывающими свои прибрежья. Нѣсколько озеръ увеличиваютъ своими свѣтлыми массами видимое количество этихъ разливовъ. Надо было проѣхать верстъ двадцать, чтобъ увидѣть зеленыя долины, примыкающія къ рѣкѣ, съ ихъ плантаціями и фермами. Дорога шла по пустыннымъ склонамъ горъ, съ выжженными солнцемъ мѣстами, на которыхъ сѣро-синими пятнами росли кактусы и алоэ, единственная зелень, могущая подняться при такихъ условіяхъ. Рѣзкую противоположность представляли ущелія, которыхъ намъ пришлось проѣхать нѣсколько; здѣсь горные источники прокладывали себѣ къ морю живописные пути. Вотъ долина Мануа-роа. Не знаю, не получила ли она свое названіе отъ знаменитой горы на Гаваѣ, величайшей во всей Полинезіи и равной Тенерифскому пику. Въ долинѣ этой было все, что составляетъ прелесть ландшафта,—и группы пальмъ, качавшихся надъ хижинами, у пороговъ которыхъ вкушали кейфъ цѣлыя семейства, укутавъ колѣна въ пестрые платки, и стадо быковъ, пасущееся въ сочной травѣ, по близости ручья, а ручей граціозно изгибался нѣсколькими разливами, шумѣлъ колесами горной мельницы, висѣвшей у утеса, омывалъ и сады съ бананами, и лужайку, и какую-то плотно-сросшуюся массу зелени, изъ которой выглядывали то букеты цвѣтовъ, то ярко отдѣлившіяся вѣтки, или тяжелый листъ, который перевѣсился черезъ полуразвалившійся заборъ. Сама дорога какъ будто не хотѣла вдругъ покинуть ущелье, а обвивалась вокругъ каждаго садика, каждой усадьбы, и неохотно выходила, нѣсколькими поворотами, въ скалистыя стѣны ущелья. Въ долинѣ Евы надо было отдохнуть. Мы подъ-

ѣхали къ одиноко-стоявшему шалашу, у котораго привязано было нѣсколько лошадей. Внутренность шалаша не отличалась ничѣмъ отъ другихъ хижинъ: деревянная посуда, нагроможденная по угламъ, висящіе и стоящіе кальбаши, связка банановъ и цыновки. По срединѣ хижины сидѣла сморщенная, сѣдая старуха, въ лохмотьяхъ, съ растрепанными косами, какъ изображаютъ Мегеру; пріѣхавшіе къ ней двое канаковъ и молодая каначка стояли неподвижно вокругъ нея. Никто не обратилъ на насъ вниманія; только старуха взглянула какимъ-то змѣинымъ взглядомъ, и бровью не моргнула. Эта каменная группа обдала насъ холодомъ, и мы поѣхали дальше. Среди плантацій банановъ скоро отыскали мы одинъ изъ трактировъ, которые и здѣсь гнѣздятся по ущельямъ, въ горахъ и всюду, гдѣ только можетъ проѣхать проголодавшійся человѣкъ. Мы были невзыскательны, еще съ утра разсчитывая питаться цѣлый день одними бананами; а тутъ нашли и ростбифъ, и эль, и зелень! На возвратномъ пути насъ нагнали семь или восемь амазонокъ; мы поскакали вмѣстѣ съ ними, и проскакали верстъ десять... Пестрые платки развѣвались по вѣтру, что́ какъ будто еще увеличивало быстроту скачки.

Теперь опишу поѣздку въ Пали, гдѣ намъ обѣщали показать *настоящую* жизнь канаковъ. Къ Пали дорога идетъ по ущелью, которое начинается долиной сейчасъ же за городомъ, и по которому мы уже нѣсколько разъ ѣздили. Развертываясь нѣсколькими котловинами, ущелье наконецъ съуживается, и постепенно поднимающаяся долина оканчивается сразу вертикальнымъ обрывомъ, около 800 футовъ глубины. Съ этимъ мѣстомъ связано историческое преданіе.

Каждый островъ гавайскаго архипелага принадлежалъ сперва отдѣльнымъ владѣтелямъ, царствовавшимъ съ неограниченнымъ деспотизмомъ и получавшимъ почти боже-

Пали.
(Оау)

скія почести отъ народа, который находился въ періодѣ полнаго разложенія и исповѣдывалъ чудовищную религію поклоненія людямъ. Земля дѣлилась между вождями отдѣльныхъ группъ, находившихся къ главному властителю въ отношеніи феодальныхъ вассаловъ. Всѣ блага земли были для высшихъ; дл яподдержанія правъ народа не существовало ни закона, ни суда; могущественное *табу*, слово, означающее заключеніе, налагало запретъ на пользованіе землей, на имѣнье, на добычу охоты и ловли. Одно слово вождя рѣшало ссоры, слово владыки начинало войну или упрочивало миръ; народъ находился въ полномъ рабствѣ.

Въ прошломъ столѣтіи, король Гавая, самаго значительнаго изъ острововъ архипелага, задумалъ собрать эти отдѣльныя, постоянно враждовавшія между собой королевства въ одно цѣлое, и дѣйствительно завоевалъ одинъ островъ за другимъ; нѣкоторые же острова сами подчинились ему, видя его возраставшую власть и вліяніе. Едва ли не самый сильный отпоръ встрѣтилъ онъ здѣсь, на островѣ Оау. При помощи ружей и морскихъ солдатъ Ванкувера, на нѣсколькихъ пирогахъ, высадился король у Вайкики и началъ тѣснить народъ, защищавшій свое существованіе и свою независимость. Канаки дрались за свои хижины, и кромѣ того, надъ ними было могущественное слово ихъ вождей, которымъ они покланялись какъ богамъ (*). Но сильный завоеватель, Камеамеа I, наступалъ энергически; канаки стѣснились въ ущельи, отстаивая каждый шагъ, обагряя каждый кустъ, каждый камень своею кровью.

(*) Еще и теперь можно замѣтить въ характерѣ канака слѣды этого поклоненія. Онъ теперь свободенъ, оставшіеся вожди, князья, не имѣютъ никакого значенія; но если, напримѣръ, князь дастъ канаку спрятать деньги, канакъ дни и ночи будетъ сидѣть надъ ввѣреннымъ ему сокровищемъ. Попробуй же сдѣлать это кто-нибудь другой, не князь,—канакъ первый украдетъ деньги. Какъ же велика была эта преданность во время полнаго значенія этихъ вождей, или князей!

Наконецъ, не стало мѣста для отступленія: ущелье кончалось страшнымъ обрывомъ, въ глубинѣ котораго росъ густой лѣсъ, а за лѣсомъ море рвалось, черезъ рифы и камни, къ берегу. Оставалось или покориться, или броситься внизъ съ обрыва. Канаки избрали послѣднее, и только тогда уступили островъ, когда всѣ до одного побросались въ пропасть, усѣявъ зеленѣвшій внизу лѣсъ своими костями. Камеамеа остался владѣтелемъ Оау, избравъ деревеньку Вайкики своею резиденціей.

Камеамеа I, кромѣ военныхъ способностей, имѣлъ обширныя административныя дарованія; въ его свѣтлой головѣ роились мысли о полномъ возрожденіи страны, и единство власти онъ считалъ для этого первою ступенью. Всѣ завоеванныя вновь земли раздѣлилъ онъ между своими вождями, оставивъ себѣ значительнѣйшій изъ удѣловъ. Главнымъ его совѣтникомъ и другомъ былъ Джонъ Іонгъ, оставленный ему Ванкуверомъ. Камеамеа носилъ европейскій костюмъ, и былъ бы вполнѣ счастливъ, еслибъ ему пришлось видѣть плоды начатаго имъ дѣла. Но Сандвичевы острова стали терять свои національныя формы только при Камеамеа III, когда образовалась государственная собственность изъ отдѣленныхъ отъ каждаго удѣла небольшихъ участковъ, доходы съ которыхъ пошли на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ. Когда принята была европейская форма правленія, каждый канакъ сдѣлался свободнымъ и получилъ передъ лицомъ закона одинаковыя права съ князьями.

Переворотъ былъ начатъ могучею личностью Камеамеа I, справедливо называемаго Петромъ Великимъ Полинезіи; второй сдѣлало время и вліяніе европейцевъ. Личность Камеамеа III была ничтожна; онъ былъ вѣчною игрушкой окружавшихъ его людей, но, несмотря на это, время его царствованія составляетъ эпоху для королевства: при немъ была дана либеральная конституція, господствую-

as 412

KAMEHAMEHA III.

König von Hawaii.

Lith. Anst. v. W. Menges, Stuttgart.

щею религіей окончательно признана христіанская, уничтожено табу, учрежденъ парламентъ, судъ присяжныхъ, организовано войско, полиція, назначены правильные таможенные сборы, составляющіе главный доходъ государства; при немъ на плодородныхъ мѣстахъ островов (преимущественно на островѣ Мауи) стали заводить плантаціи кофе, сахара, индиго, аррорута, — короче сказать, при немъ образовалось государство на либеральныхъ и современныхъ началахъ, государство совсѣмъ не каррикатурное. Тамъ, гдѣ пятьдесятъ лѣтъ назадъ чуть не приносились человѣческія жертвы, гдѣ народонаселеніе жило единственно для удовлетворенія матеріяльныхъ потребностей, гдѣ, кромѣ войнъ и вакхическихъ плясокъ, ни о чемъ не думали, теперь на 70 000 народонаселенія считается 500 школъ, и мы были очень далеки отъ мысли о каррикатурѣ, посѣщая чистые пріюты, гдѣ маленькіе дикіе научились быть людьми.

Нравственно переворотъ совершенъ; но выдержатъ ли его физическія силы народа—это вопросъ. Дорого стоило ему пріурочить себѣ цивилизацію! Появились новыя болѣзни, простуды, отъ непривычки носить платье, и разные другіе недуги, слѣдствія новой жизни, подтачивающіе общее здоровье. Народонаселеніе видимо уменьшается, несмотря на возрастающія средства благосостоянія. Непонятное, странное явленіе, передъ которымъ въ недоумѣніи останавливается наблюдатель (*)!

(*) Въ Гонолулу для канаковъ только одинъ госпиталь на 8 кроватей. Каждый день около 20 человѣкъ приходятъ за совѣтами, и главный докторъ, г. Гильдебрантъ, говорилъ мнѣ, что многіе, страдавшіе хроническими болѣзнями канаки, обративъ серьезное вниманіе на свою болѣзнь, радикально излечивались. Открытіе большаго госпиталя, съ обширными средствами, могло бы имѣть вліяніе на улучшеніе общественнаго здоровья. Эта мысль вполнѣ сознается всѣми; во время нашего пребыванія рѣшено было строить госпиталь на 150 кроватей, и уже выбрано было мѣсто. Когда это исполнится, истинный филантропъ можетъ торжествовать великую побѣду, видя, что можетъ-быть цѣлое поколѣніе вырвано изъ рукъ смерти.

Утромъ, въ 7 часовъ, большою кавалькадой, отправились мы въ глубь ущелья. Среди дороги останавливались мы осмотрѣть еще разъ домикъ Камеамеа I и его царскую купальню. Купальня, дѣйствительно, была царская. Въ глубину угасшаго кратера, представлявшагося намъ правильнымъ циркомъ, съ отвѣсными стѣнами, падалъ широкій каскадъ съ высоты 150 футовъ; на днѣ цирка и вдоль разливающихся отъ каскада ручьевъ, росли бананы и апельсинныя деревья; вода шумѣла, летѣли брызги и искрились алмазами, сырою пылью обдавая нависшіе надъ водопадомъ кусты и деревья. Выше надъ нимъ подымалась декорація поросшихъ лѣсомъ горъ, съ ихъ строгими контурами и темными тѣнями. Трудно устроить лучшую купальню! По дорогѣ, иногда мощеной крупными каменьями, иногда песчаной, попадались отдѣльно стоящія хижины, прилѣпившіяся то къ группѣ деревьевъ, то къ скалѣ; между зеленью краснѣли платки каначекъ, сидѣвшихъ у пороговъ.

Но вотъ ущелье съузилось, сильный порывъ вѣтра рветъ съ головы шляпу; черезъ скалистыя ворота врывается NO пассатъ, получающій въ этомъ узкомъ корридорѣ страшную силу. Мы слѣзли съ лошадей и осторожно подошли къ краю пропасти. Было страшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы были поражены внезапно открывшеюся передъ нами картиной: справа и слѣва, отвѣсно поднимались скалы; два кряжа горъ, идущіе вначалѣ параллельно, образуя ущелье, вдругъ развернулись широкимъ кругомъ, охвативъ лежащую внизу долину двумя концами, далеко отстоящими одинъ отъ другаго, и сошли неправильными массами скалъ камней, уступовъ и холмовъ, къ морю, блистающему издали прихотливыми цвѣтами. Приближаясь къ этимъ берегамъ, море покинуло свой постоянный холодный видъ, который оно привыкло показывать намъ, морякамъ; оно нарядилось здѣсь въ разнообразные кокетливые цвѣта, бѣлыми брызгами перескочило черезъ нѣсколько грядъ рифовъ,

зашло въ бухты лежавшаго у ногъ ландшафта и то зажелтѣетъ далекою отмелью, то блеснетъ ярко-лазоревымъ свѣтомъ, гдѣ-нибудь въ затишьи, то молочною пѣной забьетъ у выступающаго камня.

Вспомнивъ легенду, страшно взглянуть подъ ноги! Растущая внизу зелень сплотилась какъ будто въ непроницаемый бархатный коверъ; слѣва, уходящія вдаль отвѣсныя скалы спускались къ долинѣ зелеными покатостями, какъ будто природа, для того, чтобы скалы не представляли обнаженныхъ обрывовъ, обращенныхъ въ долину, набросала нарочно и щедрою рукой деревья и кусты на кручи, и сгладила переходъ отъ дикаго утеса къ миловиднымъ холмамъ долины, разнообразно убраннымъ всевозможною прихотью растительной силы. На одномъ изъ холмовъ виднѣлась хижина; нѣсколько пальмъ, какъ канделабры, окружали ее; эта-то хижина и была цѣлію нашей прогулки.

Спускъ въ долину шелъ зигзагами по отвѣсной скалѣ. Дорога, высѣченная въ камнѣ, змѣилась по ребрамъ утесовъ; она была дика, но очень живописна; виды измѣнялись при каждомъ поворотѣ: то являлись скалы, стоявшія непреодолимою стѣной, то море синѣло и блистало, то роскошная зелень виднѣлась внизу. По мѣрѣ спуска, утесы расли и давили своею громадностію, а деревья, казавшіяся сверху зеленымъ ковромъ, вставали надъ головами.

Хижина, куда мы добрались, была убрана въ канакскомъ вкусѣ; стѣны, потолокъ, столбы, увиты были цвѣтами и зеленью; близъ хижины варился по-канакски обѣдъ, и нѣсколько каначекъ, одѣтыхъ по-праздничному, съ вѣнками на головахъ ждали насъ, чтобы пѣснями и плясками перенести наше воображеніе въ то время, когда Камеамеа I еще не завоевалъ Оау, и народонаселеніе жило такъ, какъ указали ему природные инстинкты.

Канакская кухня довольно интересна. Въ небольшую яму набрасываютъ нѣсколько каменьевъ, которые накаля-

ютъ разведеннымъ надъ ними костромъ; на эти раскаленные камни кладутъ цѣльнаго поросенка, предварительно очищеннаго и вымытаго, и укладываютъ его банановыми листьями; затѣмъ его закрываютъ нѣсколькими цыновками. Черезъ полчаса, жареное готово, удивительно вкусное, пропитанное ароматомъ и свѣжестію листьевъ. Послѣ обѣда каначки пѣли, сопровождая свои дикіе возгласы удивительно-выразительною жестикуляціей.

Подъемъ на гору былъ затруднительнѣе спуска; привычныя лошади усиленно цѣплялись копытами за камни и часто спотыкались. Наверху, охлажденные струей сильнаго вѣтра, мы немного отдохнули, и уже вечеромъ возвратились въ городъ.

Пѣніе и пляска составляютъ какъ бы спеціальность здѣшняго народонаселенія. Есть женщины исключительно поющія, и есть исключительно танцующія; даже всякій танецъ имѣетъ своихъ особенныхъ исполнительницъ. Пѣвицы садятся въ кружокъ, окутываютъ ноги большимъ пестрымъ платкомъ и берутъ свой особенный инструментъ, — травянку, съ катающимися внутри шариками и съ кругомъ наверху, окаймленнымъ перьями и украшеннымъ мѣдными гвоздиками и кусочками фольги. У каждой пѣвицы по такому тамбурину въ рукахъ; равномѣрно, въ тактъ, ударяютъ имъ по колѣну, сотрясаютъ въ воздухѣ и различнымъ образомъ поводятъ по немъ, производя оглушающій грохотъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ ладъ этихъ жестикуляцій, припѣваютъ онѣ свои какофоническія пѣсни. Движенія пляшущихъ становятся быстрѣе, все тѣло принимаетъ участіе въ пляскѣ, каждая часть его отдѣльно вертится, какъ будто укушенная и желающая освободиться отъ докучнаго насѣкомаго. Въ трескѣ ихъ инструментовъ есть своя дикая гармонія, которая очень идетъ къ этимъ женщинамъ, дѣлающимъ выразительныя гримасы и въ то время, какъ

отрывочные звуки пѣсенъ вылетаютъ изъ ихъ толстыхъ губъ, и въ то время, когда искры сыплются изъ ихъ черныхъ, выразительныхъ глазъ.

Пляски характеристичнѣе пѣсенъ. Услужливый Вильгельмъ Флюгеръ устроилъ для насъ *хула-хула* en grand, созвавъ лучшихъ танцовщицъ острова. Пляска эта запрещена и долго была предметомъ гоненія миссіонеровъ; но она такъ вошла въ плоть и кровь канака, что онъ, кажется, не могъ бы жить безъ своей хула-хула; во всѣ свои пѣсни вноситъ онъ, при жестикуляціяхъ, главные мотивы этого танца. Правительство, въ видахъ исключенія, дозволяетъ иногда хула-хула, только съ условіемъ, чтобы танцовщицы были одѣты, и беретъ за каждый танецъ 11 долларовъ пошлины.

За городомъ, въ особо-устроенномъ изъ пальмовыхъ вѣтвей шалашѣ, окруженномъ толпой народа, собравшагося посмотрѣть на любимый танецъ, любовались мы этимъ характеристическимъ балетомъ, болѣе роскошнымъ и по своей оригинальности, и по обстановкѣ, чѣмъ всѣ наши Жизели и Эсмеральды. Канаки говорили, что давно не было такой хула-хула.

Одна за одной, медленно двигаясь, вползли, не скажу вошли, восемь каначекъ; на головахъ ихъ были вѣнки, платья по колѣна; у щиколокъ—нѣчто въ родѣ браслетъ изъ цвѣтовъ и связки собачьихъ зубовъ. Танцовали онѣ подъ звукъ ударяемыхъ одна о другую палокъ; артисты, игравшіе на этомъ нехитромъ инструментѣ, пѣли, жестикулируя. Танецъ этотъ былъ очень скроменъ и сдержанъ. Когда кто-нибудь изъ насъ, зрителей, хотѣлъ дать денегъ танцовщицамъ, то вручалъ ихъ молодому канаку, и тотъ уже передавалъ ихъ танцовщицамъ, поцѣловавъ по очереди каждую. Цѣловалъ онъ, растирая свой носъ о носъ красавицы, предварительно смахнувъ платкомъ съ лица ея пыль и сдѣлавъ тоже и съ своею физіономіей. Что́ городъ, то норовъ!

Музыканты и танцовщицы ушли; ихъ мѣсто занялъ другой оркестръ, гдѣ каждый музыкантъ имѣлъ по два барабана, маленькому и большому; по маленькому били гибкимъ хлыстикомъ, по большому же ладонью и пальцами. Какъ только они затянули свою пѣсню, полную гортанныхъ звуковъ, на коврѣ изъ зеленыхъ листьевъ, которыми усыпанъ былъ полъ шалаша, явились три высокаго роста каначки; средняя, довольно дородная, была поразительно хороша собою. Танецъ ихъ былъ полонъ сладострастія и горячечнаго, дикаго безумія. То рисовалась каждая часть ихъ гибкаго тѣла въ какомъ-то лѣнивомъ, полномъ нѣги движеніи; то вдругъ, вспыхнувъ восторгомъ, вся сотрясалась молодая каначка; протянутою рукой указывала она на кого-нибудь изъ зрителей, и взглядомъ и выраженіемъ стремящагося впередъ тѣла какъ будто хотѣла передать всю страсть своего нецѣломудреннаго экстаза.

Для третьей хула-хула, у музыкантовъ были въ рукахъ большія пустыя травянки, глухой звукъ которыхъ какъ-то особенно шелъ къ разнообразнымъ позамъ послѣдняго танца. Многіе миссіонеры въ негодованіи разражались противъ безнравственности этихъ вакхическихъ зрѣлищъ; мы же, съ своей стороны, очень бы жалѣли, еслибы каначки утратили, среди новыхъ привычекъ, прелесть своей старой, наивной хула-хула.

Въ послѣдній день нашей стоянки въ Гонолулу, мы были представлены королю. Всѣ офицеры нашей эскадры отправились сначала въ *домъ управленія*, чтобъ отыскать Вайли. На воротахъ дома была золотая корона; на дворѣ нѣсколько маленькихъ домиковъ, въ родѣ будокъ; одинъ изъ нихъ вмѣщалъ въ себѣ министерство финансовъ, въ другомъ было министерство просвѣщенія, въ третьемъ министерство внутреннихъ дѣлъ; въ самомъ концѣ двора было министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ мы и нашли Вайли. Всѣ стѣны единственной комнаты министерства уставлены

были книгами, а углы и столы были завалены бумагами. Бумаги грудами лежали и на полу, и среди всего этого засѣдалъ Вайли, въ своемъ мундирѣ и голубой лентѣ. Съ нимъ мы пошли во дворецъ. На большомъ дворѣ выстроено было войско, бившее во всѣ барабаны; на флагштокѣ поднимался новый флагъ. Дворецъ состоитъ изъ нѣсколькихъ высокихъ и большихъ комнатъ, роскошно меблированныхъ. На полу превосходные ковры, на окнахъ штофныя занавѣси; мебель обита тоже пунцовымъ штофомъ. Всѣ замѣчательныя лица города ходили по пріемной залѣ; въ числѣ ихъ я узналъ г. Бишофа и генерала Матаи; все это было en grande tenue, кто въ лентѣ, кто въ генеральскомъ мундирѣ.

Минутъ черезъ пять ввели насъ въ тронную залу. Вмѣсто трона, посреди, на возвышеніи, стояла кушетка и около нея, въ мундирѣ національной гвардіи и въ бѣлыхъ перчаткахъ, стоялъ король Камеамеа IV, высокій, красивый мужчина, лѣтъ тридцати пяти, съ какимъ-то грустнымъ выраженіемъ въ своихъ черныхъ большихъ глазахъ. Это выраженіе я замѣтилъ у многихъ канаковъ высокаго происхожденія. Казалось, ихъ грызетъ какой-то внутренній недугъ, какое-то горе, и нѣтъ силы, нѣтъ власти сломить его, и одна только безусловная покорность судьбѣ примиряетъ ихъ съ жизнію. Какъ будто на лицѣ главы народа я читалъ судьбу всей его націи, безропотно гаснущей и тающей. А гдѣ взять энергіи, гдѣ взять силы, чтобы сбросить съ себя цѣпь, наложенную неумолимымъ рокомъ? А главное—гдѣ отвѣтъ на вопросъ: что̀ же дѣлать? Кто укажетъ лекарство противъ точащаго недуга? Или онъ неизлечимый, смертельный, и главы народа знаютъ объ этомъ? Я смотрѣлъ на эти глаза, полные грустнаго выраженія, и мнѣ было какъ-то жутко!.. По манерамъ своимъ, король настоящій джентльменъ; притомъ онъ пользуется общею любовію и уваженіемъ.

Насъ всѣхъ, по очереди, представилъ ему нашъ отрядный начальникъ. Когда аудіенція кончилась, мы разбрелись по двору, вписавъ предварительно свои имена въ книгу. Намъ принесли показать знаменитую царскую мантію, сдѣланную изъ перьевъ самой рѣдкой птицы; эта мантія дѣлалась нѣсколько десятковъ, если не сотенъ лѣтъ, потому что въ птицѣ только два пера, которыя идутъ въ дѣло. Кабинетъ короля уставленъ книгами; на стѣнахъ висятъ нѣсколько портретовъ, между которыми бросается въ глаза умная и характеристическая личность Камеамеа I.

II.

Побывавъ въ Таити, я сожалѣлъ, отчего мы живемъ не въ прошедшемъ столѣтіи. Въ доброе старое время, можно было говорить о своихъ сентиментальныхъ увлеченіяхъ, и васъ не стали бы подозрѣвать въ недостаткѣ положительности и наблюдательности; съ васъ не потребовали бы и умѣренности, необходимой въ наше время. Теперь никому нѣтъ дѣла ни до радостей вашихъ, ни до вашего горя; отъ васъ требуютъ только положительныхъ фактовъ, дѣла, цифръ, — хотя бы и не слѣдовало требовать этого отъ человѣка, двѣ недѣли прожившаго на Таити. А потому, я на время отказываюсь отъ XIX столѣтія и воображаю себя въ шелковомъ кафтанѣ, въ напудренномъ парикѣ, въ лаковыхъ башмакахъ съ красными каблуками; смотрю и разсказываю какъ человѣкъ XVIII столѣтія.

Еслибъ я сопровождалъ Бугенвиля въ его кругосвѣтномъ плаваніи, то началъ бы тогда свое письмо такъ:

«Случалось ли вамъ бывать въ картинной галереѣ, полной произведеніями великихъ мастеровъ, гдѣ вы не знаете, на чемъ остановиться, чѐму удивляться? Глаза ваши разбѣгаются, вы не можете сосредоточить вниманія

Таитянки.

ни на божественномъ лицѣ рафаэлевой Мадонны, ни на выразительныхъ глазахъ мурильевскаго мальчика, ни на прозрачномъ тѣлѣ рубенсовой Сусанны, или на затишьѣ лѣса Рейздаля; быстро отрываетесь вы отъ одного охватившаго васъ впечатлѣнія, и поражены и восхищены новымъ! Скоро вы устаете, напрасно заставляете себя восхищаться, и съ ужасомъ чувствуете свое безсиліе... безсиліе нашей природы сразу вмѣстить въ себѣ наплывающее море восторговъ и впечатлѣній...»

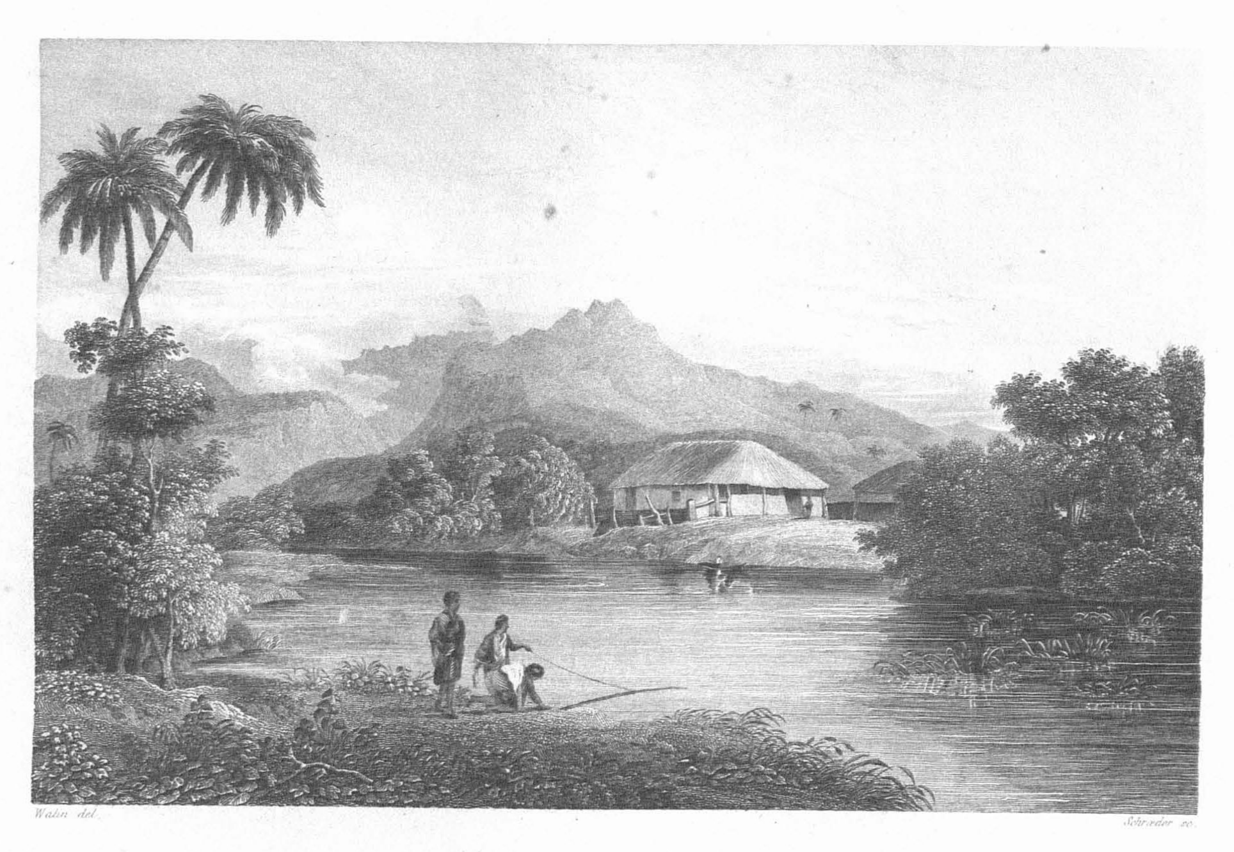
Смахнувъ платкомъ съ кружевныхъ оборокъ попавшій на нихъ табакъ, я поправляю свой напудренный парикъ и продолжаю:

«Почти то же ощущали мы, попавъ на Таити, страну, дѣйствительно *поражающую* путешественника своею красотой. Нѣкоторые изъ насъ сразу потонули въ вихрѣ увлеченія, какъ любители-дилеттанты, пробѣгающіе поверхностно картинную галерею, безусловно принимая всякое схваченное наслажденіе. Другіе пріостановились, и съ недовѣріемъ смотрѣли на очаровательныя бухты, окаймленныя гирляндами пальмъ, на южное небо, смотрящееся звѣздами сквозь прорѣзь зелени; эти зрители, мало-по-малу увлекаясь, покорялись общему впечатлѣнію. Отчаянные пессимисты, не сдаваясь на словахъ, и сами того не замѣчая, мѣняли свои привычки, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего просиживали нѣсколько часовъ сряду, ночью, подъ тѣнью пальмъ, не давая себѣ ни въ чемъ отчета, не сознаваясь передъ собою въ сдѣланномъ отступленіи отъ своихъ привычекъ. Таити подѣйствовалъ на всѣхъ, какъ безусловно-совершенная красавица. Съ восторгомъ припалъ къ ея ногамъ юноша, откровенно высказывая ей чувство, переполнившее его молодое сердце, чувство, вырывающееся то бурными потоками рѣчи, то безсвязными словами, въ которыхъ слышалась откликнувшаяся на призывъ красоты молодость; улыбнулся старикъ и безропотно преклонилъ

свою сѣдую голову; остановился равнодушный, всмотрѣлся, и долженъ былъ сознаться, что передъ нимъ что-то новое, что-то неиспытанное имъ до сихъ поръ, и что онъ чувствуетъ самъ, какъ начинаетъ мало-по-малу сдаваться...»

Спутникъ Бугенвиля остался бы въ своемъ безграничномъ восхищеніи; но плавателя XIX вѣка ждала у будуара красавица, на островѣ Таити, французская колонія, съ солдатами, нарядившимися, по случаю прихода русской эскадры, въ суконные сюртуки съ бумажными эполетами,—съ трехцвѣтными флагами; колонія съ кабаками, съ миссіонерами, хвастовствомъ, водевильнымъ разговоромъ, торгашествомъ, нечистоплотностію; съ рожками, играющими зорю, съ барабанами и грубымъ непониманіемъ своего дѣла! Какъ ни усиливались близрастущія деревья скрыть своими вѣтвями и широкими листьями болѣзненные наросты этого отребья цивилизаціи, эти домики, похожіе на сундуки, съ претензіями на какую-то дюжинную архитектуру,—колонія смотрѣла пятномъ, дерзко нарушающимъ общую великую гармонію, грязнымъ пятномъ на безукоризненно-чистой одеждѣ невѣсты.

Во весь переходъ нашъ отъ Сандвичевыхъ острововъ до Таити не было ни одного свѣжаго вѣтра, ни одного сильнаго шквала, который бы нарушилъ какимъ нибудь непріятнымъ сюрпризомъ, какъ напримѣръ сломанною стеньгой или разорваннымъ парусомъ, спокойствіе нашего плаванія. Экваторъ, который мы пересѣкали уже въ третій разъ, не далъ намъ ни минуты штиля, и SO пассатъ, какъ будто изъ учтивости, все жался къ O, чтобъ быть для насъ какъ можно благопріятнѣе, какъ можно попутнѣе. Вечеромъ увидали берегъ, почти весь закрытый облаками; къ утру облака разрѣшились дождемъ и выказали сначала возвышенныя части острова. Но вотъ общая масса облаковъ какъ будто раздвоилась, и изъ образовавшейся разсѣлины показалась діадема,—скала, причудливою фор-


Watin del. Schroeder sc.

Vue de Matavaï. (Ile d'O-Taïti.)

Publié par Pourrat Frères, à Paris.

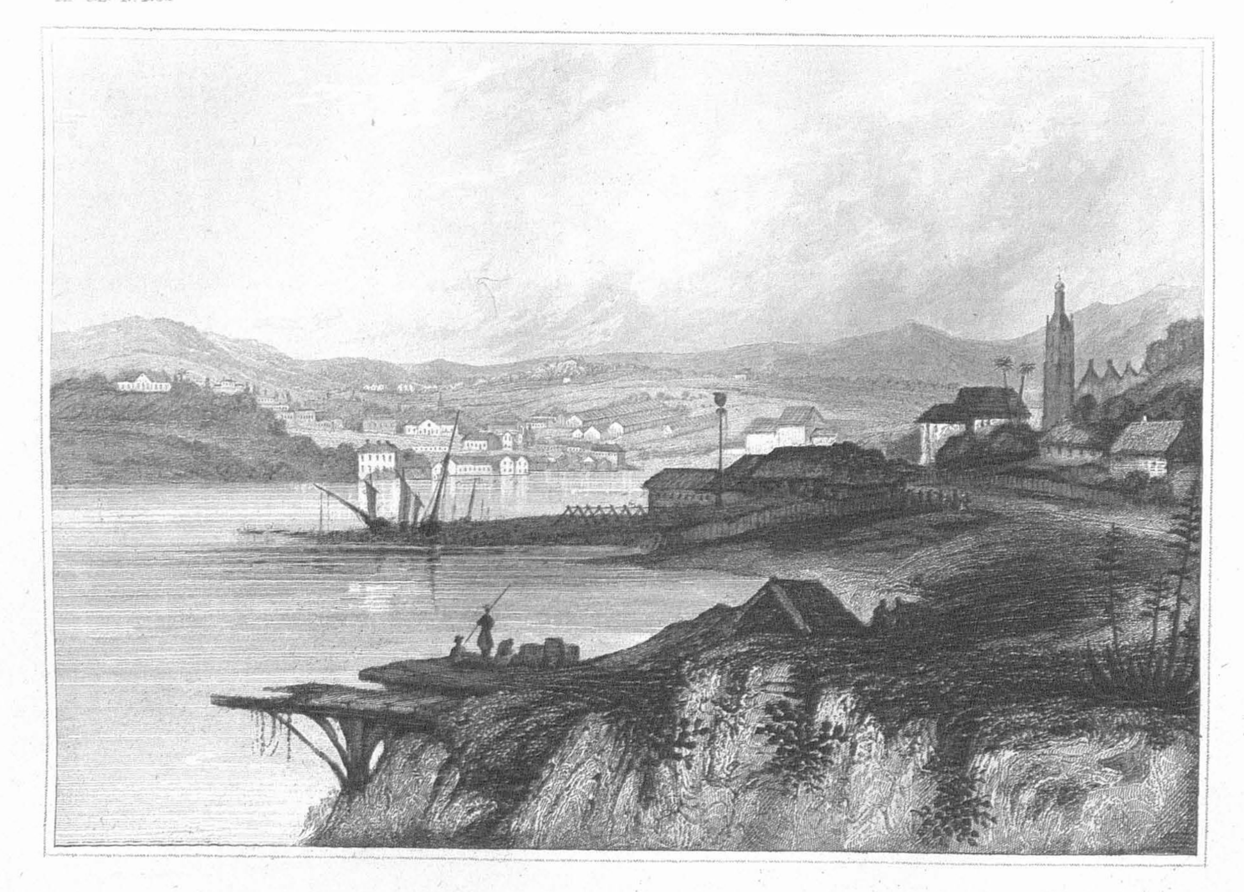
мой своею напоминающая корону съ острыми зубцами наверху. По берегу, у моря, показались зеленыя рощи; мысами выходили онѣ впередъ, перегоняли другъ друга и отступали, сжавшись и столпившись вокругъ небольшихъ заливовъ и бухтъ. Миріады мадрепоръ окружили непроницаемою стѣной Таити, останавливая своими коралловыми жилищами напирающее море, какъ бы не давая ему испортить своими неласковыми волнами великолѣпнаго пояса изъ пальмъ, обносящаго островъ. А волны бурлятъ и пѣнятся, и разбиваются брызгающими и ломающимися бурунами. У ногъ красавицы, защищаемой каменною оградой, за грядами рифовъ, море спокойно и тихо; какъ зеркало отражаетъ оно въ себѣ чудный образъ, со всѣми подробностями его красоты и прелести.

Между бѣлѣющими бурунами показалась лодка, съ парусомъ—то былъ лоцманъ. Скоро онъ вскарабкался къ намъ на клиперъ и усѣлся на бушпритъ, указывая рукой куда править рулемъ и какъ пройдти между подводныхъ скалъ и рифовъ. Вотъ буруны, бѣлѣвшіе спереди, ревутъ съ обѣихъ сторонъ судна; одно невѣрное движеніе, и мы останемся здѣсь на всегда; но лоцманъ не первое судно ведетъ между этою Сциллой и Харибдой. Вотъ и рейдъ; небольшой островокъ, покрытый пальмами, сторожитъ его съ моря; кругомъ залива обвилась кайма изъ пальмъ, домиковъ, хлѣбныхъ деревьевъ, хижинъ, цвѣтовъ и пестрыхъ платьевъ каначекъ, мелькающихъ между зеленью и гуляющихъ по набережной. Надъ каймой поднимаются холмы, блистающіе яркою зеленью; за ними темнѣютъ ущелія, но убравшіе ихъ рощи и кусты отнимаютъ у нихъ мрачный и строгій видъ; все здѣсь радостно, свѣтло, весело!

Островъ Таити открытъ Валлисомъ въ 1767 году; черезъ годъ, его посѣтилъ Бугенвиль, котораго восторженныя описанія «Новой Цитеры» всѣмъ извѣстны. Нѣсколько

лѣтъ спустя, на Таити былъ Кукъ, и суровая, строгая личность его немного смягчилась подъ вліяніемъ чудной природы острова. Кукъ остается здѣсь долѣе, нежели предполагалъ, и слогъ его, отличающійся точностію и сжатостію, становится плавнѣе и мягче, когда онъ говоритъ о таитянкахъ! Кукъ три раза возвращался на Таити. Къ этому времени относится знаменитое происшествіе, столько разъ разсказанное, и въ прозѣ, и въ стихахъ; я говорю о шлюпѣ *Бонти*, команда котораго взбунтовалась подъ предводительствомъ Христіана. Капитанъ былъ схваченъ и посаженъ, съ нѣсколькими людьми, оставшимися ему вѣрными, на шлюпку; имъ дали компасъ, нѣсколько провизіи, и пустили въ море, и шлюпка благополучно достигла Сиднея. Бунтовщики не знали, что дѣлать съ судномъ; мнѣнія раздѣлились на двѣ партіи. Мичманы Стюартъ и Хейвудъ высадились на Таити, а Христіанъ, не считая себя вполнѣ безопаснымъ, ушелъ съ другою партіей въ море, съ цѣлію отыскать какой-нибудь необитаемый островъ. Извѣстно, какъ они поселились на Питкернѣ, гдѣ почти всѣ погибли въ безпрестанныхъ ссорахъ; какъ остался одинъ Джонъ Адамсъ, съ дѣтьми и женщинами, раскаявшійся и рѣшившійся загладить передъ Богомъ и совѣстію свои преступленія, положивъ въ основаніе колоніи, въ которой онъ оставался единственнымъ главой, глубокую нравственность и трудъ. Среди океана воспитывалось семейство нравственныхъ людей, которые удивляли собою случайно попадавшихъ туда плавателей.

Первые миссіонеры прибыли на Таити изъ Лондона, съ капитаномъ Вильсономъ, въ 1797 году. Королемъ былъ Помаре; онъ принялъ ихъ очень хорошо. Религіей таитянъ былъ фетишизмъ; боги *Таароа*, *Оро* и *Мануа* играли главную роль. Миссіонеры въ этихъ трехъ лицахъ находили аналогію съ лицами Святой Троицы, какъ бы желая сначала поддѣлаться подъ понятія туземцевъ. Этимъ тремъ



SYDNEY
in New-South-Wales

Aus d. Kunstanst. d. Bibliogr. Inst. in Hildbh.

Eigenthum d. Verleger

высшимъ божествамъ подчинены были многія низшія, боги моря, боги акулъ, воздуха, огня и пр. Идолы грубо вытачивались изъ казуариніи и обертывались лоскутьями *тапы*. Они тогда только имѣли силу, когда оживлялись голосомъ жреца. Храмы состояли изъ огороженныхъ камнями мѣстъ, называемыхъ *мораями*; деревья, окружавшія мораи, почитались священными. Богослуженіе состояло изъ молитвъ и жертвоприношеній; въ жертву же приносились плоды, свиньи, птицы и, во время войны, люди. Должность жреца была наслѣдственная, и жрецъ почитался наравнѣ съ вождями. Вотъ что́ нашли на Таити англійскіе миссіонеры и съ чѣмъ предстояло имъ бороться.

Обманутые кажущеюся терпимостію туземцевъ, они думали, что успѣхъ будетъ для нихъ легокъ, и дѣйствительно, ихъ слушали, учились отъ нихъ разнымъ ремесламъ. Начавшаяся проповѣдь противъ дѣтоубійства еще не подрывала вліянія вождей, которые не желали утратить его. Однако, новыя начала пришли въ броженіе, и загорѣлась междуусобная война, продолжавшаяся до смерти Помаре I, которому наслѣдовалъ Помаре II. Нѣсколько лѣтъ сряду, Таити представлялъ ужасное зрѣлище: надобно было отстоять бога Оро, на божественность котораго посягали со всѣхъ сторонъ, и чтобъ его умилостивить и подвинуть на проявленіе своего могущества, въ честь его убивались тысячи жертвъ! Миссіонеры удалились на островъ Эймео, куда вскорѣ явился и Помаре, побѣжденный и лишившійся власти. Въ своемъ несчастіи, онъ сталъ сомнѣваться въ силѣ Оро, чѣмъ и воспользовался миссіонеръ Нотъ; онъ обѣщалъ Помаре побѣду именемъ новаго Бога и призвалъ на помощь нѣсколько стоявшихъ въ гавани англійскихъ судовъ. Помаре крестился у Нота и торжественно нарушилъ законъ табу. Вскорѣ захотѣлъ креститься весь островъ Эймео, и Нотъ сталъ просить о присылкѣ ему помощниковъ.

Таити долго еще оставался сценою страшныхъ безпорядковъ, но и тамъ наконецъ опомнились; стали жалѣть о Помаре, и рѣшили призвать его снова. Помаре явился, но не менѣе трехъ лѣтъ употребилъ онъ на окончательное завоеваніе острова; это произошло уже въ 1815 году.

Между тѣмъ, христіанство распространялось успѣшно; на Эймео была выстроена первая церковь. Вожди отрекались отъ идоловъ и сами раскладывали подъ ними огонь. Изъ Сиднея прибыли новые миссіонеры; Эллисъ привезъ типографическій станокъ, и безчисленные экземпляры Новаго и Ветхаго Завѣта явились на островѣ. Не столько дѣйствовало на жителей собственно религіозное чувство, сколько страсть къ новизнѣ; всякому хотѣлось имѣть экземпляръ библіи, и за этимъ пріѣзжали даже съ сосѣднихъ острововъ.

Упоенный своимъ успѣхомъ, Помаре, какъ говорится, спился съ кругу; онъ напивался каждый день и, приходя въ опьянѣніе и постепенно теряя память, приговаривалъ обыкновенно: «Ну, Помаре, теперь твоя свинья способнѣе тебя управлять государствомъ!» Онъ умеръ въ 1821 году.

Съ его смертію кончилось вліяніе миссіонеровъ: воспитанный ими и совершенно въ ихъ духѣ, наслѣдникъ, коронованный торжественно въ 1824 году, черезъ три года умеръ. Двѣ женщины, въ руки которыхъ досталось послѣдовательно правленіе, Помаре Вагине (Vahinée) и *Аимата Помаре*, нетерпѣливо сносили непріятное для нихъ иго миссіонеровъ, и поведеніемъ своимъ постоянно протестовали противъ ихъ ученія. Дворъ послѣдней королевы сдѣлался центромъ людей, желавшихъ освободиться отъ строгихъ требованій и надзирательства миссіонеровъ; королева собирала вокругъ себя молодыхъ людей и дѣвушекъ; жизнь при дворѣ проходила въ праздникахъ, нескромныхъ танцахъ и соблазнительномъ пѣніи. Миссіонеры поневолѣ терпѣли все это, потому что ничего не могли сдѣлать съ

G. Pritchard

Bisheriger englischer Consul auf Otaheiti.

королевой. Наконецъ, образовалась секта *мамаевъ*, желавшихъ примирить христіанское поклоненіе съ потребностями наслажденій; эта секта, оправдывая между прочимъ свободное общеніе половъ, ставила въ примѣръ Соломона, и такъ скоро распространилась, что теперь, какъ кажется, она становится господствующею на островѣ.

Католики не могли долго оставаться равнодушными, видя какъ протестанты пріобрѣтали себѣ прозелитовъ въ мірѣ еще неизвѣстномъ, и вотъ отправились изъ Парижа гг. де Помпалье, Каре и Лаваль; послѣднихъ двухъ высадили на островѣ Гамбіе, гдѣ дѣйствительно скоро дикое народонаселеніе стало католическимъ, то-есть начало ходить въ школы, носить платье, пѣть гимны и кашлять.

Въ 1836 году два миссіонера явились въ Папеити. Причардъ, глава протестантовъ и вмѣстѣ англійскій консулъ, изъ религіозной ли ревности, или по какимъ-нибудь своимъ разсчетамъ, окружилъ домъ новыхъ апостоловъ и силой принудилъ ихъ оставить островъ. Но въ это время нѣсколько военныхъ французскихъ судовъ крейсеровало въ Южномъ океанѣ. Дюмонъ-д'Юрвиль, Дюпети-Туаръ и Лапласъ, одинъ за другимъ, являлись въ Папеити, требовали королеву, заключали трактаты съ помощію пушекъ, и окончательно взяли островъ подъ свое покровительство, упрочивъ на немъ, конечно, католическое преобладаніе. Въ Европѣ дѣло Причарда окончилось мирнымъ образомъ; Робертъ Пиль и Гизо дипломатически округлили его, а французы, долго ища себѣ мѣста въ Южномъ океанѣ, рѣшились занять Таити, на томъ основаніи, что англичане заняли Новую Зеландію. Королеву Помаре, почти совсѣмъ потерявшую значеніе, оставили царствовать, прибравъ однако правленіе въ свои руки.

Между тѣмъ какъ англійскіе капиталисты извлекаютъ милліоны въ Новой Зеландіи, Таити до сихъ поръ остается для французовъ мертвымъ капиталомъ; до сихъ поръ тамъ

нѣтъ еще и слѣдовъ дѣльной колонизаціи. Начальниками колоніи назначаются всегда морскіе офицеры, которыхъ очень часто смѣняютъ, и которые, вслѣдствіе этого, ничего не дѣлаютъ. Въ настоящее время Таити торгуетъ единственно апельсинами, которые везутся въ Санъ-Франциско; а между тѣмъ, роскошная природа острова производитъ сахаръ, кофе, индиго, ваниль, хлопчатую бумагу и множество цѣнныхъ деревъ, и еслибъ островъ былъ въ рукахъ дѣльныхъ колонизаторовъ, то онъ обогатилъ бы ихъ.

Городъ Папеити получилъ названіе отъ бухты, вокругъ которой онъ расположенъ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ улицъ, гдѣ дома наполовину скрываются въ тѣни хлѣбныхъ деревьевъ и пальмъ. Дома, выходящіе на улицу, имѣютъ официальный видъ; все—или казарма, или инженерное управленіе, или контора публичныхъ работъ; на крышахъ развѣваются флаги, у воротъ ходятъ часовые. Адмиралтейство, почти все закрытое пальмами, находится на длинной песчаной косѣ, къ самому морю. Лавокъ мало; все смотритъ чѣмъ-то случайнымъ и временнымъ. На улицахъ попадаются солдаты въ суконныхъ сюртукахъ и въ своихъ сплюснутыхъ кепи; всѣ они бѣлокуры, синеглазы, блѣдны и смотрятъ какъ-то не людьми, а какою-то болѣзнію, привившеюся къ здоровому организму,—такъ блѣдны и ничтожны они въ сравненіи съ красивымъ, полнымъ жизни, народонаселеніемъ Таити. Да и все, что̀ не было привезено сюда, и что̀ не было сдѣлано французами,—все раскинулось роскошно и великолѣпно. Какъ идутъ тростниковыя хижины къ этой маститой зелени хлѣбнаго дерева, и какъ пошло нарушаетъ эту гармонію домъ, похожій на сундукъ, съ такъ-называемымъ бельведеромъ сверху! Вотъ, посмотрите, идетъ француженка: она перенесла сюда шляпку свою и бурнусъ, и убѣждена въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ надъ идущею сзади ея каначкой, убранною листьями и цвѣтами... А возможно ли

между ними какое-нибудь сравненіе?... Одна—дитя природы, чистое и неиспорченное; другая, вмѣстѣ съ шляпкой и бурнусомъ,—произведеніе рукъ человѣческихъ, произведеніе новѣйшей, мѣстной цивилизаціи, искусственное, ложное, выдохшееся. Богъ благословилъ эти острова, не давъ имъ ни одного ядовитаго насѣкомаго, ни одного лютаго звѣря; и вотъ налетѣла саранча на этихъ дѣтей природы, живущихъ съ нею лицомъ къ лицу, душа въ душу. Вотъ миссіонеры, въ своихъ семинарскихъ, черныхъ подрясникахъ. Вотъ помощницы ихъ—сестры милосердія: откуда набрали такихъ жирныхъ старухъ, съ капишонами, фартуками, накидками, накладками?..

Сердце, смущенное видомъ этого люда и видомъ города и всего городскаго, начинаетъ отдыхать, когда выѣдешь за городъ, и вмѣсто выбѣленныхъ зданій появятся тростниковыя хижины, покрытыя тростниковыми же крышами. У заборовъ, въ продолженіи цѣлыхъ часовъ, сидятъ каначки, въ пестрыхъ длинныхъ рубашкахъ; и онѣ, и убирающіе ихъ цвѣты, все это такъ идетъ къ роскошной сѣни хлѣбнаго дерева, передъ которымъ останавливаешься съ какимъ-то уваженіемъ. Большіе листья его, съ глубокими вырѣзками, смотрятъ богатымъ вѣнкомъ, которымъ мать-природа украсила это полезное и необходимое для острововъ дерево. Природа окружила канака столькими соблазнами, столькими легко-достающимися наслажденіями, что нельзя и не должно требовать отъ него ни усиленнаго труда, ни выработавшейся энергіи. Хлѣбное дерево, заведенное первыми переселенцами съ Малайскихъ острововъ, совершенно обезпечило существованіе канаковъ, и замѣтимъ, что на тѣхъ островахъ, гдѣ его нѣтъ, населеніе развилось немного выше животныхъ. Людоѣдство, слабость и неразвитость физическая, вмѣстѣ съ тупоуміемъ, достались въ удѣлъ тѣмъ несчастнымъ поколѣніямъ, которыя населяютъ многіе архипелаги Меланезіи. Питаясь только

кокосами и рыбой, они не выработали въ себѣ пластическаго начала, дающаго главный тонъ, какъ физическому, такъ и нравственному развитію. Еслибы не было хлѣбнаго дерева на Таити, не развилось бы и его населеніе въ такой красивый и хорошій типъ. Работать житель Таити во всякомъ бы случаѣ не сталъ; всѣ окружающія его условія отталкиваютъ его отъ труда. Зачѣмъ ему строить домъ, когда сгороженная изъ тростника хижина удовлетворяетъ его больше? Зачѣмъ думать ему о будущности дѣтей, когда здѣсь можно жить человѣку именно какъ птицѣ небесной,—ни сѣять, ни жать, и не пещись на утріе?.. Среди такой обстановки, конечно, образовались и свои понятія объ обязанностяхъ, неимѣющія ничего общаго съ нашими понятіями, которыя такъ настойчиво хотятъ навязать имъ миссіонеры. Здѣшняя природа, съ ея жителями, изображаетъ первосозданный міръ, и «современному» человѣку не слѣдовало бы и касаться его... По крайней мѣрѣ не такихъ руководителей и наставниковъ должно желать для этихъ дѣтей природы. Я былъ въ школѣ, основанной для канаковъ сестрами милосердія. Маленькія черноглазыя каначки смотрѣли звѣрками, пойманными въ клѣтку. «Онѣ очень понятливы, говорила главная начальница, но только *elles n'ont pas de persévérance*; учатся, пока предметъ для нихъ новъ, а какъ скоро надоѣстъ, то перестаютъ ходить и въ школу.» Чему же ихъ тамъ учатъ? Во первыхъ, читать и писать, французскому языку, географіи и рукодѣліямъ, а въ географіи преимущественно проходятъ Францію; по части рукодѣлій—вязаніе тамбуромъ, плетеніе кружевъ, шитье бѣлья и платья; по части хозяйственной—мыть полы, бѣлье, сажать ваниль, и пр. Изъ школы каначка возвращается къ себѣ въ хижину. Зачѣмъ же ей знать, что *la France est bornée au nord par le détroit de La Manche etc.*? Зачѣмъ ей плести кружево, котораго она не носитъ, или умѣть мыть полъ, когда его нѣтъ въ ея

хижинѣ, мыть бѣлье, когда она пять разъ въ день влѣзетъ, въ платьѣ, въ протекающую мимо ея хижины рѣчку и пять разъ успѣетъ высохнуть, грѣясь на солнцѣ? Вездѣ— или корыстныя цѣли, или тупая рутина. «Сначала всѣ были противъ меня, говорила толстая начальница, таитская преобразовательница, но я не обращаю ни на что́ вниманія и настойчиво иду къ своей цѣли; дѣти начинаютъ понемногу привыкать.» Очень жаль, подумалъ я: лучше бы выпустить ихъ всѣхъ на волю, не избивать дѣтей, не совершать нравственно того ужаснаго грѣха, противъ котораго вы же воевали, уничтожая общество *ареой*.

Мы уѣхали на нѣсколько дней изъ города, чтобы не видать ни судовъ, ни французовъ, ни трактировъ. Г. Осборнъ далъ намъ кабріолетъ въ одну лошадь; мы запаслись необходимымъ, и, между прочимъ, взяли съ собою *гамакъ*, чтобы вѣшать его на деревья, и качаться въ немъ, смотря на небо, на звѣзды, и ни о чемъ не думая хоть на время. Дорога шла по плоскому берегу, поясомъ, окружающимъ островъ; иногда она сходила къ морю, иногда уходила въ горы, поднимаясь на холмы, спускаясь въ ущелья и долины; то висѣла надъ пропастью, во глубинѣ которой граціозный заливъ окаймлялся пальмами и другими деревьями, скрывавшими въ своей тѣни хижины и живописныхъ каначекъ. Гдѣ-нибудь въ углу залива, скрытая нависшими вѣтвями, впадала въ заливъ рѣчка, и въ небольшихъ каскадахъ, брызгавшихъ между ея каменьями, плескались бронзовыя наяды, выжимавшія изъ волосъ своихъ охлаждающую влагу. На дорогу напирали гуавы, составляя сплошную зелень; дерево это, съ ароматическимъ и вкуснымъ плодомъ, принесло однако на Таити много зла. Разрастаясь въ страшномъ количествѣ, оно грозитъ вытѣснить всякую другую растительность острова; по количесту падающихъ съ него плодовъ и сѣмянъ, разносимыхъ всюду птицами и свиньями, кажется, никакое другое растеніе не

въ силахъ вынести конкуренцію съ нимъ. Какъ огонь поглощаетъ оно траву и мелкія растенія, забирая своими безчисленными зародышами всѣ обильные соки благословенной почвы острова. Если бы на Таити были хорошіе колонизаторы, они нашли бы средство прекратить это зло, а такъ какъ объ этомъ никто не думаетъ, то гуавы, какъ непріятельская армія, захватываютъ ущелья, взбираются на высоты и распространяются все больше и больше.

Мы остановились въ деревнѣ Поеа. Не думайте, чтобъ эта деревня высыпала своими хижинами, какъ наши селенія, по обѣимъ сторонамъ дороги; здѣсь видна была только одна хижина, да и до той добраться было довольно трудно, черезъ заборы, огороды и банановые кусты; а близости нѣсколькихъ другихъ хижинъ нельзя было и подозрѣвать. Неподалеку впадала въ море рѣчка; близъ ея устья расло нѣсколько *желѣзныхъ* деревьевъ, тонкія, висячія иглы которыхъ похожи были издали на тонкій, воздушный, зеленый флеръ, въ который закутался вѣтвистый исполинъ, вѣроятно отъ мускитовъ, находившихся въ значительномъ количествѣ по близости рѣчки.

Былъ вечеръ, когда мы пріѣхали къ деревнѣ. Нашъ проводникъ Дени, слѣдовавшій за нами верхомъ, распрягъ лошадь и пустилъ ее пастись по двору. Я привязалъ гамакъ однимъ концомъ къ дереву, котораго стволъ состоялъ изъ сотни другихъ стволовъ, перепутавшихся между собой и совсѣмъ соединившихся потомъ въ массѣ вѣтвей и листьевъ, а другой конецъ прикрѣпилъ къ сосѣднему дереву, и улегся. Гамакъ покачивался, я предавался кейфу, смотря на небо, начинавшее искриться звѣздами, на пальмы и канакское семейство, усѣвшееся на камняхъ у забора. Въ сторонѣ разводился огонь, канакъ-хозяинъ приготовлялъ поросенка; онъ обмылъ его нѣсколько разъ, наложилъ въ него горячихъ камней и банановыхъ листьевъ, и потомъ прикрылъ всего листьями и цыновками. Дени,

красивый малый лѣтъ семнадцати, съ вьющимися волосами, но съ апатическимъ лицомъ, метисъ, показавшійся намъ сначала страшнымъ флегматикомъ, оказывалъ удивительныя способности распорядительности и хозяйскія соображенія. Къ несчастію нашему, хозяева уже заразились немного цивилизаціей. Разсчитывая ужинать на тапахъ и банановыхъ листьяхъ, мы съ сожалѣніемъ увидѣли накрываемый столъ, тарелки и вилки. Канаки же расположились очень живописно на травѣ и скоро приготовили для насъ поросенка, отъ котораго мы отрѣзали по небольшому куску. Въ хижинѣ зажглись огни; нѣсколько женщинъ и дѣтей, сидя полукругомъ, пѣли гимны: мы улеглись около нихъ, и долго вслушивались въ монотонное, но вѣрное пѣніе свѣжихъ и громкихъ голосовъ. Увлекшись положеніемъ туристовъ, мы никакъ не хотѣли лечь спать на приготовленныя намъ постели, а остались на тапахъ, въ чемъ неразъ раскаявались въ продолженіи ночи. Полы хижины такъ же неудобны, какъ и въ нашихъ избахъ; кромѣ маленькихъ скачущихъ животныхъ, ползаютъ ящерицы и какія то улитки, изъ которыхъ вылезаетъ небольшой крабъ.

Мы встали еще до солнца и пошли выкупаться въ ближайшую рѣку, что́ было и освѣжительно, и пріятно. Надобно вообразить себѣ теплое утро, ранній туманъ, висящій на близрастущихъ пальмахъ и кустахъ, свѣжесть чистой какъ кристалъ воды, и наконецъ показавшееся солнце; оно освѣтило едва видный въ прозрачной дали островъ Эймео, съ его причудливыми пиками, и буруны, ломавшіеся о коралловые рифы и флеровую одежду желѣзныхъ деревьевъ; вмѣстѣ съ солнцемъ, поднимался ароматъ отъ апельсиновыхъ рощъ и гуавовъ. Едва успѣли мы одѣться, явился передъ нами человѣчекъ небольшаго роста, въ нанковомъ сюртукѣ, съ французскою бородкой; мы было хотѣли увернуться отъ него, но онъ уже успѣлъ

закинуть на насъ сѣть своихъ безконечныхъ фразъ и любезностей. Изъ долгой его рѣчи, пересыпанной поклонами и улыбками, мы наконецъ поняли, что передъ нами стоялъ maître d'hôtel адмирала Брюа, поселившійся здѣсь (волей или неволей) для мирной жизни. Онъ приглашалъ насъ къ себѣ выпить du kirsch, du cognac, ou du rhum, начертилъ безъ нашей просьбы маршрутъ какъ намъ ѣхать, двадцать разъ упомянулъ о знаменитомъ адмиралѣ, и тогда только отсталъ, когда мы, наконецъ, обѣщали зайдти къ нему,—что́, однако, съ нашей стороны было военною хитростью. На порогѣ хижины ждали насъ вчерашнія пѣвицы; онѣ дали намъ кокосовъ, которые тутъ же были разбиты, и мы съ наслажденіемъ выпили свѣжее, чистое и нѣсколько холодное молоко.

Мы отправились дальше, сначала сплошнымъ лѣсомъ. Между тропическимъ лѣсомъ и нашимъ уже та разница, что тропическій всегда очень разнообразенъ. У насъ потянется сосновый лѣсъ, и нѣтъ конца ему; прямые желтые стволы провожаютъ васъ десятки, иногда сотни верстъ, утомляя глаза. Но здѣсь не то. Стволы деревъ перепутаны узлами, переплетены вьющимися вокругъ неправильно изогнутыхъ вѣтвей растеніями, которыя то гирляндами поднимаются кверху, то висятъ внизъ бахрамой, букетами и плетями. Листва тоже разнообразна до безконечности, начиная съ тонкой паутины листьевъ желѣзнаго дерева, легко вырѣзанныхъ, и микроскопическаго листа акаціи, до блестящаго, громаднаго, овальнаго—банана и феи. Вдругъ появляется нѣсколько хлѣбныхъ деревъ, съ глубокими вырѣзами на листьяхъ; тамъ еще болѣе крупный листъ другаго растенія, толстый стволъ котораго какъ будто составленъ изъ нѣсколькихъ другихъ стволовъ, а корни безчисленными развѣтвленіями сплелись съ корнями сосѣдняго дерева; рядомъ съ ними роща апельсиновъ, проѣзжая мимо которыхъ, наклоняешься, чтобы не задѣть за твердые зо-

лотистые плоды; вотъ спутники апельсиновъ, лимоны; сотни ихъ упали съ дерева и пестрятъ желтыми шкурками дорогу, наполняя густымъ ароматомъ и безъ того душный и спертый лѣсной воздухъ. И какая невозмутимая, священная тишина!

Слѣва возвысились надъ лѣсомъ горы, пальмовыя рощи полѣзли вверхъ по ихъ ступенямъ; мѣстами видны только однѣ ихъ перистыя верхушки, зелень другихъ деревьевъ укутала ихъ тонкіе стволы до самой короны; въ другомъ мѣстѣ, высвободившись отъ наплывающаго зеленаго моря, вышла цѣлая роща пальмъ на обнаженную скалу, и видно каждое отдѣльное деревцо, тонкоствольное и граціозное, какъ-будто толпа молодыхъ каначекъ, вышедшихъ послѣ купанья изъ моря и обсушивающихъ на солнцѣ свое прекрасно-созданное тѣло. Какъ видите, я употребилъ настоящія мѣстныя краски... Справа, при переѣздѣ черезъ рѣчки, которыя пересѣкали дорогу едва ли не каждыя пять минутъ, виднѣлось море, съ его бурунами и рифами. Вода между рифами и берегомъ принимала всевозможные цвѣта, начиная съ перламутроваго до бирюзоваго, какъ - будто споря красотой съ прелестью берега, убраннаго пальмами, живописными хижинами, апельсинами и всею роскошью тропическаго лѣса.

Но вотъ дорога вышла къ самому морю; горы придвинулись къ ней отвѣсною скалой, покрытою висящими внизъ растеніями, прижатыми къ камнямъ тонкими струями стремящихся сверху водопадовъ. Близъ утеса расло нѣсколько исполинскихъ, развѣсистыхъ деревьевъ, которыя канаки называютъ *ви* или *еви*; огромный ихъ корень почти весь обнаженъ; иногда трудно достать рукой до высоты ползущаго по землѣ развѣтвленія корня; кора, покрывающая стволъ и корни, собралась въ складки и напоминаетъ шкуру гиппопотама или носорога, а самые корни—хвосты сказочныхъ, исполинскихъ драконовъ.

Поддерживаемый вѣтвистымъ корнемъ, поднимается толстый и высокій стволъ, разрастающійся въ свою очередь огромнымъ раскидистымъ деревомъ. Изъ плода этого *ви* канаки гонятъ водку. Три такія дерева, стоя вблизи отвѣсной скалы, образовали довольно большое пространство, совершенно закрытое отъ свѣта, а нѣсколько ручьевъ, падающихъ сверху, наполняли его свѣжестью и даже сыростью; тамъ было мрачно и почти холодно. Далѣе скала еще болѣе нависла надъ моремъ, образовавъ въ своемъ основаніи пещеру, полную стоячей воды. На первый взглядъ эта пещера смотритъ только небольшимъ углубленіемъ, но если изо всей силы бросить внутрь ея камень, онъ упадетъ, кажется, не дальше аршина отъ васъ: обманъ ли это зрѣнія, или внутренность пещеры наполнена сгущеннымъ газомъ, это осталось для насъ неразрѣшеннымъ. Канаки думаютъ, что пещера населена духами, и ни одинъ не дастъ своей лодки, чтобы поѣхать изслѣдовать таинственную пещеру.

Дальше дорога идетъ по гати, устроенной на песчаной отмели. Между гатью и скалой лежитъ озеро, въ которое смотрится живописный ландшафтъ — кусты, деревья, нѣсколько пальмъ и скалы, уже потерявшія здѣсь свой дикій видъ и убравшіяся волнующеюся зеленью. Висящій густой зеленый коверъ прерывался у подножія, образовавъ глубокую нишу, ожидавшую, казалось, мраморной статуи какой-нибудь Венеры Милосской, для которой было бы здѣсь настоящее мѣсто.

Гулявшій по горамъ туманъ давно уже собирался въ чернѣющія тучи, и вотъ хлынулъ дождь, теплый, но частый и крупный. Промокнувъ до костей, мы остановились, чтобы просушиться, и поѣхали дальше. Нечего описывать всякую хижину и всякую деревеньку, которыя мы встрѣчали по дорогѣ. При словѣ «хижина» надобно вообразить домикъ, сплетенный изъ тростника, не хуже корзинокъ, въ

которыхъ наши дамы держатъ свои рукодѣлья, и еслибы вы нашли такую корзинку у себя въ цвѣтникѣ, забытую, напримѣръ, какою-нибудь кузиной, то могли бы составить себѣ приблизительное понятіе о таитской хижинѣ. Она состоитъ изъ поставленныхъ перпендикулярно жердей бамбука, между которыми оставлены промежутки шириною въ два пальца. Надъ этимъ крыша такого же тонкаго плетенія, какъ тонкія тапы, цыновки, которыми устланъ полъ хижины; между тѣмъ, крыша защищаетъ хорошо и отъ солнца, и отъ дождя, а въ скважины между тростникомъ постоянно продуваетъ воздухъ. Все окружающее хижину разнообразно до безконечности; и если я дамъ вамъ въ распоряженіе рощи апельсиновыхъ деревьевъ, нѣсколько усыпанныхъ цвѣтами высокихъ и граціозныхъ олеандровъ, сколько угодно пальмъ и банановъ, то берите всего этого больше, составляйте вокругъ корзины букетъ по вашему вкусу; но будьте увѣрены, что хижины и ландшафты, которые мы встрѣчали по дорогѣ, все еще будутъ и красивѣе и разнообразнѣе.

Дождь принимался лить нѣсколько разъ; подгоняемые имъ, мы проѣхали дистриктъ Папара и остановились близъ хижинъ, принадлежащихъ уже къ дистрикту Папеурири. Неподалеку впадала въ море рѣка; горы, раздвинувшись, образовали глубокое, роскошное ущелье; съ отодвинутой на заднiй планъ и совершенно темной стремнины, тремя серебрянными полосами, низвергались водопады, пропадая въ неясной, туманной синевѣ; вдали виднѣлась рѣка, съ красивыми берегами, а ближайшiй изгибъ ея былъ въ сумракѣ отъ густоты нависшихъ надъ нимъ деревьевъ. Тамъ причалила пирога и нѣсколько купающихся фигуръ плескали и возмущали воду, дремавшую въ этомъ живописномъ затишьѣ. Къ морю видно было нѣсколько выступавшихъ мысовъ, изъ которыхъ каждый спорилъ съ другимъ въ красотѣ и богатствѣ одѣвавшей ихъ ризы.

Мы вошли въ первую хижину. Въ одномъ углу, на полу, лежалъ завернутый въ бѣлое полотно покойникъ; нѣсколько женщинъ пѣли, сидя кругомъ его, гимны. Мы вошли въ сосѣднюю хижину, гдѣ отдохнули, пообѣдали, и тронулись снова въ дорогу, въ нашемъ легкомъ кабріолетѣ. Но чѣмъ больше мы углублялись, тѣмъ труднѣе становилась дорога; броды черезъ рѣчки были почти непроходимы; большіе камни, разбросанные по мелкому дну, подвергали большой опасности тонкія колеса нашего экипажа. Мостики состояли изъ нѣсколькихъ бревенъ, положенныхъ поперекъ рѣчки, такъ что нужно было большое искусство, чтобы переѣзжать по нимъ; нѣсколько разъ колеса проваливались между бревнами; надобно было вставать и на рукахъ перетаскивать кабріолетъ. Дени могъ бы быть полезенъ при этихъ переправахъ, но имъ обуяла какая-то дикая страсть гоняться за всякою свиньей или коровой, выглянувшею изъ чащи лѣса; когда въ немъ была нужда, тутъ, какъ нарочно, его едва было видно; только панамская шляпа мелькала между кустами, и длинногорогій быкъ, спугнутый имъ, летѣлъ на насъ, останавливался въ страхѣ и снова бросался въ кусты. Одинъ разъ переѣздъ черезъ мостъ кончился довольно непріятно: пришлось спрыгнуть въ воду, увязнувъ выше колѣнъ въ тинѣ. Доѣхавъ до мѣстечка, напоминающаго французское аббатство, съ островерхою церковью, каменною стѣной и хорошенькимъ ландшафтомъ, мы рѣшились предпринять уже возвратный путь. Дорога становилась слишкомъ затруднительна, и ѣхать дальше можно было только верхомъ. Для ночлега выбрали себѣ большую хижину въ Папеурири, стоявшую среди большаго двора, выходившаго къ морю.

Стало темнѣть. Среди хижины сидѣло нѣсколько дѣвушекъ и канаковъ и пѣли гимны; красивая группа освѣщалась масломъ, горѣвшимъ въ кокосовыхъ скорлупахъ. Гимны, слышимые здѣсь на каждомъ шагу, завезены сюда проте-

стантскими миссіонерами; канаки передѣлали по своему мотивъ, придавъ ему свою оригинальную прелесть. Голоса канаковъ очень вѣрны и чисты, но опредѣлить ихъ было бы довольно трудно. Хоры очень правильно организованы; въ первый разъ, пѣніе это какъ-то поразитъ васъ, но, по мѣрѣ того какъ вы слушаете, вамъ бы хотѣлось, чтобъ оно не прекращалось. Такъ теперь, цѣлый вечеръ и до глубокой ночи, пѣли все одинъ куплетъ; отдохнувъ минуты двѣ, повторяли его снова, и странная вещь, вмѣсто того, чтобы надоѣсть, куплетъ этотъ каждый разъ возбуждалъ въ насъ желаніе еще разъ услышать его, какъ будто давали по маленькому глотку очень вкуснаго напитка, котораго чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше пить хочется. Миссіонеры ввели это пѣніе, какъ одно изъ средствъ пріохотить жителей къ религіозному созерцанію или, по крайней мѣрѣ, настроенію. Слова Давида, казалось, должны были невольно западать въ душу пѣвчихъ, развивая въ ней духовные элементы; но какъ же привилось это пѣніе къ канакамъ? Въ каждой деревнѣ, ночью, собираются дѣвушки и молодые люди въ хижину, которая побольше, пѣть гимны; пока стройный хоръ далеко разносится по пальмовымъ рощамъ, понравившіяся другъ другу пары тихонько оставляютъ хижину, чтобы въ уединеніи, гдѣ-нибудь между корнями *ви*, или подъ сѣнью апельсина, еще болѣе насладиться ночью съ ея чарами. Религіозное пѣніе часто сопровождается тихою, сладострастною сатурналіей, какъ естественнымъ слѣдствіемъ плотской натуры канака; но эту натуру развиваетъ и лелѣетъ сама окружающая природа, съ ея теплыми ночами, съ ароматами, звѣздами и волшебствомъ своего жгучаго, распаляющаго дыханія.

Хижина была полна народу; между красивыми лицами канаковъ отличалось идіотское лицо альбиноса. Канаки на Таити сохранили часть своего костюма—*парео* или *маро;* это матерія, которою обвертываютъ, вмѣсто панталонъ,

ноги; сверхъ ея, они носятъ рубашку; узоръ *парео* всегда крупный. Женщины носятъ длинныя платья, въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли на Сандвичевыхъ островахъ, и такъ какъ здѣсь господствуютъ французы, то въ глупыхъ фасонахъ этихъ пудермантелей встрѣчаются кое-какія модныя ухищренія. Хозяйка хижины была очень красивая, молодая женщина, вдова; ее звали Ваираатоа (Vairaatoa); она не сидѣла между поющими, а хлопотала у стола, гдѣ намъ приготовляли чай. Въ толпѣ, окружавшей хоръ, бросался особенно въ глаза великанъ, аршинъ трехъ росту, съ шеей фарнезскаго геркулеса и съ физіономіей добряка; онъ держалъ на рукахъ мальчика, лѣтъ пяти; этотъ ребенокъ совершенно пропадалъ въ страшныхъ размѣрахъ его рукъ и груди и представлялся человѣческою фигуркой, нарисованною для сравненія, около колокольни. Нѣсколько мальчиковъ различнаго возраста, отъ десяти до двадцати лѣтъ, кто сидя, кто лежа, кто стоя, составляли живописную группу, въ своихъ пестрыхъ тапахъ, съ вьющимися, прекрасными волосами и красивыми лицами; всѣ были освѣщены колеблющимся пламенемъ кокосовой лампы, и нѣкоторые изъ нихъ напоминали мурильевскихъ мальчиковъ. Между пѣвицами особенно отличалась одна своею оригинальною красотой; ее звали Туане, она же была и запѣвалой. Она была худая какъ мертвая; даже лицо у ней подернулось какимъ то пепельнымъ цвѣтомъ; но черные, все проникающіе глаза, рѣзко очерченный ротъ и неуловимыя черты прелести, заставляли долго смотрѣть на нее и невольно вслушиваться въ каждое ея слово.

Хоръ пѣлъ; я легъ въ гамакъ, который уже успѣлъ повѣсить Дени, и прислушиваясь къ однообразному пѣнію, разсматривалъ живописную группу. Счастливы ли они, и возможно ли, при такихъ условіяхъ, счастіе?.. Чтó же еще нужно человѣку? Здѣсь онъ окруженъ рѣшительно всѣмъ, чтó только можетъ дать природа; зачѣмъ здѣсь

Канаки.

богатство, главный рычагъ несогласій и всякаго зла? Богатый здѣсь тотъ, кто выстроилъ себѣ просторнѣе хижину; а кому нѣтъ охоты городить себѣ большую, довольствуется шалашомъ, гдѣ точно также его продуваетъ воздухъ, тѣ же пальмы даютъ кокосовый орѣхъ и тоже хлѣбное дерево—свой плодъ. Обаяніе окружающаго было такъ велико, что я готовъ былъ дать себѣ отвѣтъ утвердительный, что, дѣйствительно, среди этихъ условій возможно счастіе!.. Правда, теперь оно нарушено вмѣшательствомъ европейцевъ, не говоря уже о болѣзняхъ, о вѣчномъ надзирательствѣ, о гоненіи того, что́ ни одинъ канакъ никогда не считалъ дурнымъ; но разумѣется, и въ прежнемъ ихъ быту были явленія, указывавшія на неудовольство своимъ положеніемъ. Люди хотѣли властвовать, люди выходили изъ своего постояннаго, ровнаго, невозмутимаго расположенія духа, при которомъ только возможно счастіе, и въ дикомъ, ужасномъ увлеченіи доходили до звѣрства, до каннибальства. При войнахъ съ враждебными племенами, сдѣлавшимися враждебными по одному слову вождя, народъ не прежде успокоивался и возвращался къ обычной жизни, какъ истребивъ все племя своихъ враговъ, не оставивъ ни одной женщины, ни одного ребенка... Въ эти минуты звѣрскаго увлеченія, дымились человѣческія жертвы, и люди ѣли мясо своихъ жертвъ. Любопытно бы знать, неужели послѣ, когда разсудокъ вступалъ въ свои права, ни раскаяніе, никакое другое чувство, не тревожило ихъ умы, не шевелило совѣсти дикарей? Образованіе общества *ареой*, гдѣ однимъ изъ главныхъ условій было дѣтоубійство, указываетъ или на крайнее паденіе человѣческаго начала, или на какой-то смутный порывъ выйдти изъ настоящаго положенія, на стремленіе отчаяннымъ усиліемъ броситься куда бы ни было,—положеніе, до котораго можетъ дойдти общество послѣ многихъ разочарованій и безплодныхъ усилій къ возрожденію!

Но помимо темныхъ сторонъ народнаго характера канаковъ, рѣдкая народность представляетъ такія нѣжныя черты, дающія этому народу главную физіономію. Они не обманули ни Бугенвиля, ни Кука своимъ добродушіемъ, своимъ гостепріимствомъ, скромностію, опрятностію въ жилищахъ и незлобіемъ; они дѣйствительно таковы, и до сихъ поръ остаются тѣми же, не смотря на клеветы, взводимыя на нихъ миссіонерами. Нельзя смотрѣть на жителя Таити съ точки зрѣнія католическаго монастырскаго прислужника, который во всю жизнь свою ничего не видалъ, кромѣ сырыхъ стѣнъ коллегіи, подрясниковъ и ханжества; слышалъ одни схоластическіе уроки отъ людей такихъ же, какъ онъ самъ, испытывалъ сильныя ощущенія развѣ отъ розогъ. Канакъ родился подъ пальмой; первыя впечатлѣнія его должны были развить въ немъ живое чувство природы; передъ нимъ не было ни одной дисгармонической линіи, онъ не слыхалъ ни одного фальшиваго и нестройнаго звука. Онъ прислушивался къ шуму буруновъ, разбивающихся о кораллы, и шелесту пальмъ, и не зачѣмъ ему было задумываться, когда жизнь была такъ легка и все кругомъ такъ прекрасно. Какъ было останавливаться ему въ сближеніи съ прекрасной каначкой, и думать, что дальнѣйшій шагъ—безнравственное дѣло? И цвѣтъ ея любви онъ бралъ съ тѣмъ же чувствомъ, какъ срывалъ кокосъ своей пальмы. Нельзя назвать это развратомъ, какъ нельзя назвать канака лѣнивцемъ, когда онъ лежитъ подъ деревомъ и смотритъ на свое небо. То же было и въ первобытныя времена. Ему хорошо, онъ упоенъ, иначе онъ не понимаетъ жизни. Пепингъ упрекаетъ ихъ въ нечистоплотности, особенно развившейся въ послѣднее время; но, судя по тому, чтó мы видѣли, я никакъ не могу сказать этого. И какимъ образомъ она можетъ завестись? Купанья своего ни канакъ, ни каначка ни на чтó не промѣняютъ; это одно изъ ихъ удовольствій; на каждомъ шагу

видишь черноглазыхъ наядъ, плескающихся въ затишьяхъ и качающихся, какъ русалки, по вѣтвямъ, надъ водою. А въ хижинѣ всегда найдете нѣсколько чистыхъ тростниковыхъ тапъ, на которыхъ ложитесь и обѣдайте смѣло. Въ болѣзняхъ же, привитыхъ имъ европейцами, виноваты ли они?

Скоро всѣ эти размышленія уступили обаянію всего того, что́ я видѣлъ. Встрѣчавшіяся въ продолженіи дня картины развертывались предъ воображеніемъ во всей ихъ прелести; волшебные тоны зелени и моря, эти райскіе берега въ своихъ причудливыхъ очертаніяхъ, темнота тропическаго лѣса, звуки падавшей воды съ обрыва, все это наплывало на душу, смѣшивалось съ звуками поющаго хора, въ сотый разъ повторявшаго свой стройный мотивъ, и становилось какъ-то все лучше и лучше! Великанъ-канакъ усѣлся около меня и тихо раскачивалъ гамакъ. Другіе образы стали являться передо мною: отдаленное дѣтство, колыбельная пѣсня, горячая дружба, слова участія, первое лихорадочное замираніе сердца. Хоръ пѣлъ, то какъ будто вдали, то снова приближался, и умолкалъ, и снова раздавался гдѣ то далеко, едва едва долетая до слуха своими правильными, гармоническими аккордами. Я уснулъ.

Меня разбудили, чтобы пить чай. Любопытныя дѣти разсматривали наши вещи; къ нимъ присоединились и большіе, и между нами начался оживленный разговоръ съ помощію жестовъ. Въ хижину вошелъ почтенный старикъ, лѣтъ восьмидесяти, но очень бодрый. Тихимъ, но патетическимъ голосомъ началъ онъ читать молитву; всѣ притихли, и даже Дени, когда я взглядомъ спросилъ его, кто это, сдѣлалъ рукой движеніе, чтобъ я молчалъ. Кончивъ молитву, старикъ подошелъ къ намъ, пожалъ наши руки и вышелъ; затѣмъ пѣніе началось снова и продолжалось до глубокой ночи. Публика начала ложиться спать

по разнымъ угламъ хижины; лампы одна за другой угасали; и только одинъ огонекъ долго виднѣлся въ углу, гдѣ хлопотала хозяйка, что-то вынимавшая изъ своего сундука и опять укладывавшая. Хоръ все еще пѣлъ, но и онъ сталъ уменьшаться; остались наконецъ три пѣвицы. Эту ночь мы уже легли на кроватяхъ, и скоро уснули крѣпко; послѣднимъ впечатлѣніемъ были звуки гимна. Почти весь слѣдующій день провели мы въ этой хижинѣ,— такъ не хотѣлось намъ уѣзжать оттуда. Только послѣ обѣда запрягли нашего саврасаго клепера, и Дени пошелъ гарцовать впереди, гоняя по вчерашнему коровъ. Мы ѣхали назадъ, уже по знакомой дорогѣ, что́ чувствовалъ и конь нашъ, съ удивительною прыткостію мчавшій насъ лѣсистою дорогой. Онъ остановился вдругъ передъ лежавшимъ поперекъ дороги, срубленнымъ деревомъ,— достаточная причина, чтобы слѣзть съ кабріолета и осмотрѣться. Дерево было толстое, огромное, срубили его вѣроятно вчера, да такъ и оставили. По обѣимъ сторонамъ дороги виднѣлись хижины, составлявшія деревеньку Папара; вчера мы ее проѣхали во время дождя и почти ничего не видали. Дистриктъ Папара каждый день орошается дождемъ, поэтому онъ считается однимъ изъ самыхъ богатыхъ на островѣ; даже Пепингъ дѣлаетъ уступку въ пользу его жителей, находя въ нихъ кое-какія доблести ихъ отцовъ и прадѣдовъ. Въ этой деревнѣ живетъ миссіонеръ, и есть школа. Къ самой дорогѣ вышли исполинскіе *ви* съ своими драконообразными корнями. Я усѣлся подъ тѣнью одного изъ нихъ, и скоро вся деревня собралась, помѣстившись около насъ между корнями и на корняхъ великана. Толпа была удивительно живописна своими прекрасными головами, убранными у нѣкоторыхъ цвѣтами и зеленью; иныя фигуры драпировались въ пестрыхъ тапа, принявъ одну изъ тѣхъ граціозныхъ позъ, которыя даются только человѣку, свободно живущему среди прекрасной природы.

Мы пошли гулять въ ущелье, гдѣ промочилъ насъ дождь; въ деревнѣ же его не было, и мы какъ нарочно ходили затѣмъ, чтобъ убѣдиться, что дѣйствительно дистриктъ Папара часто орошается дождями. Вечеромъ, къ чаю, понадобился лимонъ; хозяинъ, канакъ, зажегъ факелъ и пошелъ въ лѣсъ; видно было, какъ колеблющееся пламя освѣщало темную гущу деревъ; онъ скоро воротился съ сорваннымъ лимономъ.

На другой день, утромъ, мы пошли въ школу. Въ полуразвалившемся домикѣ, выстроенномъ нѣсколько по-европейски, было человѣкъ тридцать дѣтей, между которыми были и взрослые. Почти всѣ безъ исключенія курили сигары, которыя канаки дѣлаютъ изъ мѣстнаго табаку; они берутъ листъ, высушиваютъ его на огнѣ, крутятъ и, обвернувъ листомъ тонкой соломы, курятъ. Три мальчика и двѣ дѣвочки стояли на колѣняхъ, и, несмотря на свое грустное положеніе, часто потихоньку переглядывались, съ мимолетными улыбками. Между ненаказанными слышался смѣхъ, играли черные глазенки, раздавалось шушуканье, а иногда и звуки расточаемыхъ ударовъ. По классу, изъ угла въ уголъ, ходилъ высокій канакъ, вѣроятно блюститель порядка. Но вотъ вошла въ комнату фигура, одѣтая въ черный подрясникъ, и все стихло; у фигуры въ подрясникѣ въ рукахъ былъ штопоръ, — не вмѣсто ли указки, подумалъ я?.. Лобъ этого господина былъ низокъ; брови черныя сраслись вмѣстѣ, вѣрный признакъ упрямства; черные глаза ровно ничего не выражали, а черные зубы между мясистыхъ щекъ и губъ гармонировали съ узкимъ лбомъ. Желая завести разговоръ по душѣ этого господина, я спросилъ его, много ли еще некрещенныхъ на Таити? Онъ нѣсколько обидѣлся: «Это не наше дѣло, отвѣчалъ онъ, мы здѣсь болѣе занимаемся протестантами». Я остановился, не понявъ его отвѣта. Начался урокъ; сначала дѣтей заставили хоромъ пропѣть, поканакски, границы

Франціи. «A present en français! скомандовалъ миссіонеръ штопоромъ, и дѣти хоромъ заголосили «La France est bornée par La Manche, la Belgique и т. д.

— А вы ихъ учите по-французски? опять спросилъ я.

— Нѣтъ; вѣдь вообще мы школами мало занимаемся; не это составляетъ наши главныя обязанности.

Мы посмотрѣли на его штопоръ и поспѣшили уйдти. Этотъ по крайней мѣрѣ не нововводитель, подумали мы.

Возвращаясь въ Папеити, мы какъ будто досматривали великолѣпный альбомъ пейзажей; любовались имъ, переворачивая рисунки отъ перваго до послѣдняго, и обратно отъ послѣдняго до фронтисписа. Приближаясь къ городу, мы пошли пѣшкомъ, ведя подъ уздцы усталаго клепера. Вотъ показалась пальмовая роща, видная съ рейда; вотъ и нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ, гуляющіе верхомъ, вырвавшіеся съ судовъ отъ различныхъ авраловъ, спусковъ вооруженныхъ барказовъ, брамъ-рей и брамъ-стеньгъ..

Насъ, конечно, засыпали вопросами: были ли мы въ Фатауа, видѣли ли озеро, находящееся въ горахъ, на высотѣ 3000 футовъ, и пр. Мы должны были, къ стыду нашему, сознаться, что ничего этого не видали, а только много гуляли и большею частію лежали по разнымъ хижинамъ. Разсказы о Фатауа были соблазнительны, между тѣмъ какъ достиженіе высокаго озера сопряжено было съ большими трудностями. Рѣшили ѣхать въ Фатауа, на что́ и употребленъ былъ весь слѣдующій день.

Тамъ, гдѣ только орлу пришло бы въ голову свить себѣ гнѣздо, канаки устроили было укрѣпленное мѣстечко; но французы взяли его у нихъ. Говорятъ, что солдаты по скаламъ взобрались еще выше, и уже сверху спустились, какъ снѣгъ на голову къ канакамъ, неподозрѣвавшимъ такого маневра. Этотъ французскій подвигъ сталъ намъ очень понятенъ, когда мы увидѣли одного канака, съ знакомъ почетнаго легіона на груди, *за услуги*, оказанныя

Фатауа.
(Таити)

имъ Франціи; услуга эта и состояла въ томъ, что онъ продалъ главный стратегическій пунктъ своего отечества, свой Гибралтаръ.

Дорогой мы заѣхали къ одному плантатору, англичанину, который уже тридцать лѣтъ живетъ здѣсь. Его плантація сахарнаго тростника самая большая на островѣ, и на устройство ея онъ употребилъ значительный капиталъ. Заѣхали мы къ плантатору съ побочною цѣлію, выкупаться у него въ саду, гдѣ рѣка заманчиво бурлила и пѣнилась каскадами между большихъ камней. Передъ купаньемъ мы немного посидѣли въ его домикѣ; хозяинъ былъ очень почтенный и чистенькій старичокъ, съ лицомъ, похожимъ на лицо Вашингтона, говорилъ голосомъ тихимъ и ровнымъ, разсказывая намъ исторію своего переселенія на Таити.

Выкупавшись, мы поѣхали дальше. Подъ ногами струилась рѣка въ своихъ красивыхъ берегахъ; за рѣкой поднимался кряжъ постепенно возвышавшихся горъ; съ другой стороны возвышеніе тоже расло, образовывая съ первымъ живописное ущелье. Лѣсъ, начавшись вѣчными гуавами, загустѣлъ огромными *ви*, акаціями, апельсинами и сотнями другихъ деревъ,—розовыхъ, желѣзныхъ, составлявшихъ своимъ множествомъ мрачную сѣнь разнообразной формы. Дорога, освободившись на время отъ напирающихъ на нее деревьевъ, висѣла надъ обрывомъ, и передъ нами огромною декораціей поднималась гора, покрытая лѣсомъ; ясный, прозрачный воздухъ не сливаетъ всей его массы въ сплошной, зеленый коверъ, а обрисовываетъ всякое деревцо, оттѣняетъ всякую вѣтку, какъ бы высоко ни была она надъ нами. Мѣстами, по круглымъ, кудрявымъ холмамъ, точно значки, наставлены были пальмы; въ другомъ мѣстѣ, среди горы выступитъ впередъ скала, и на ней рисуется одно огромное развѣсистое дерево. Потомъ снова дорога уходила въ лѣсъ, и опять выходила,

чтобы долго не утомлять путника мрачною тѣнью деревъ. Но вотъ надобно переѣзжать рѣку. Бывшій здѣсь мостъ разломанъ, только нѣкоторыя части его еще держатся; вода быстро бѣжитъ, доламывая остальное и обдавая пылью попадающіеся по дорогѣ камни и обросшіе деревьями берега; пришлось ѣхать вбродъ,—лошадь упирается, часто останавливается, сбиваемая теченіемъ, спотыкается о камни, но, миновавъ всѣ преграды, бойко выноситъ на слѣдующій берегъ; надо пригнуться къ самой лукѣ, чтобы не ушибить головы о перегнувшееся аркой дерево, подъ которою проѣзжаешь какъ подъ воротами. Зигзагами дорога поползла на гору. Лѣсъ живописно перемежался полями, горами, холмами и отдѣльными рощами; иногда сквозь его прозрачную сѣтку темнѣло ущеліе, залитое зеленью. Иногда на одномъ стволѣ дерева перепутывалось около десяти чужеядныхъ стволовъ и листьевъ, и нельзя было узнать, какому изъ нихъ принадлежитъ какой листъ. И что за разнообразіе картинныхъ мѣстъ, живописныхъ уголковъ!.. Нѣсколько маститыхъ деревъ съ изрытыми и вѣтвистыми стволами столпились въ кучу, точно для совѣта, распространились своими громадными вѣтвями до другихъ деревъ, сплетаясь съ ними ліанами и другими вьющимися паразитами; вдругъ, неожиданно, выросла передъ глазами отвѣсная скала: смотришь вверхъ точно опущенный на дно гранитнаго колодца; надъ скалой, испещренною горизонтальными и вертикальными трещинами, красноватыми пятнами, со всевозможными оттѣнками, видны микроскопическія деревья, свѣсившіяся внизъ и зеленѣющія своею кудрявою листвой. Подымаешься кверху, дорога повисла надъ пропастью; передъ нами цѣлая декорація горъ, скалъ и зелени, столпившихся вокругъ огромнаго бассейна, куда бросалась серебряная полоса каскада; она вырывается изъ зеленаго ущелья, прерваннаго сразу вертикальнымъ скалистымъ обрывомъ. Деревья и зелень провожали рѣчку

отъ самаго ея рожденія до послѣдняго низверженія съ утеса и даже свѣсились за нею, какъ будто съ боязнію слѣдя за внезапнымъ ея паденіемъ. Мѣсто паденія каскада намъ не было видно. Сначала плотная стеклянная струя дѣлилась на продолговатые круги, и солнце, преломивъ лучи свои въ брилліантовыхъ брызгахъ, образовывало радужное кольцо, сквозь которое низвергалась вода, пропадая въ синевѣ и безднѣ. Всякая гора, протѣснившаяся къ бассейну, соперничала съ другою, сосѣднею, красотой своего убранства. Одна, точно драгоцѣнными камнями, изукрасила себя скалами, вставивъ ихъ въ изумрудную оправу зелени; другая завернулась въ непроницаемый зеленый плащъ; третья откинула этотъ плащъ за плеча, обнаживъ свое каменное, блистающее тѣло; иная нахмурилась, потемнѣла отъ наброшенной на нее тѣни цѣпляющихся по вершинамъ ея облаковъ, или просіяла вся, облитая яркимъ свѣтомъ солнца. У самой дороги, на голубомъ фонѣ глубины ущелья, бросались въ глаза рѣзко-очерченные корни свѣсившагося дерева, яркая зелень бананового листа и разныхъ мелкихъ кустарниковъ; видны были еще два поворота каменистой дороги, цѣплявшейся по отвѣсной скалѣ, и наконецъ свитое надъ пропастью гнѣздышко *Фатауа*, небольшое укрѣпленіе съ домикомъ и казармой. Его занимаетъ постоянно постъ солдатъ, которымъ отпускается провизія на мѣсяцъ. Владѣющій этимъ пунктомъ владѣетъ островомъ.

Какъ описать проведенный нами цѣлый день въ горахъ,—какъ спускались къ рѣкѣ, какъ купались въ ея бассейнахъ, до того мѣста, гдѣ она, прорывъ двѣ мрачныя пещеры, съ каменными сводами, бросалась съ обрыва внизъ; какъ насъ накормили травой, подъ именемъ салата, и я заснулъ въ одной изъ пещеръ, подъ звуки капавшей воды, и какъ вообще намъ было хорошо, далеко отъ людей, высоко надъ ними, надъ городами?..

Здѣсь Фаустъ нашелъ бы, кажется, тѣ сосцы природы, къ которымъ жаждалъ припасть.

Изъ города намъ дали проводника, плѣннаго новокаледонца, въ дыры ушей котораго можно было просунуть довольно толстую палку; лицо его, украшенное бородой и усами, и выдавшимися впередъ губами, было важно и серьезно; однако, несмотря на его важность, мы взвалили ему на плечи провизію, и онъ, идя ровнымъ и скорымъ шагомъ, не отставалъ отъ нашихъ лошадей. Когда мы, послѣ купанья, расположились въ домѣ сержанта позавтракать, пришелъ и онъ. «А, старый пріятель! закричалъ одинъ изъ находившихся въ комнатѣ французовъ; какъ поживаешь, дружище? Еслибы намъ удалось поймать теперь твоего сына, то въ Новой Каледоніи намъ было бы покойнѣе! Знаете, кто это? продолжалъ онъ, обращаясь къ намъ.—Это каледонскій *король*! Много надѣлалъ онъ намъ бѣдъ: недавно съѣлъ двухъ французовъ, наконецъ его поймали, и привезли сюда. Теперь главнымъ остался его сынъ, да тотъ будетъ попроворнѣе, и съ нимъ не такъ-то легко справиться.»

Часъ отъ часу не легче,—точно сказка!... Съѣденные люди, превращеніе проводника въ короли, и именно въ этой странѣ, среди такихъ чудесъ, какихъ не представляютъ ни *Тысяча и Одна ночь*, ни *Сонъ въ лѣтнюю ночь*... Казалось, ни одна сказка не украшена такими цвѣтами фантазіи, какими въ дѣйствительности полна эта волшебная, сказочная страна! Фантазія населила бы эти пещеры богинями, феями; но всѣ эти вымыслы хороши тамъ, гдѣ нужно чѣмъ-нибудь дополнять картину, а здѣсь красота такъ полна, что еслибъ и явилась какая-нибудь фея, кажется, никто бы не удивился ея встрѣчѣ.

Въ этотъ день, вечеромъ, мы были приглашены на балъ, который давалъ нашей эскадрѣ городъ. Hôtel de Ville, въ которомъ онъ давался, стоялъ среди обширнаго двора,

Ново-Каледонецъ.
(Таити)

и къ нему вела аллея тамариндовъ. Передъ домомъ билъ фонтанъ, и входъ украшался флагами и плошками. Народъ наполнялъ весь дворъ; въ аллеѣ, въ два ряда стояли канакскіе музыканты, игравшіе на бамбуковыхъ толстыхъ дудкахъ; мы ихъ встрѣтили утромъ, когда ѣхали въ Фатауа; они были на превосходныхъ лошадяхъ, и какъ кони, такъ и всадники, украшены были цвѣтами и какими-то желтыми листьями. Въ толпѣ было много каначекъ; многія изъ нихъ, чтобы лучше все видѣть, взлѣзли на деревья и, освѣщенныя плошками, висѣли на вѣтвяхъ въ разнообразныхъ позахъ.

Въ залахъ былъ сбродъ европейскаго населенія Таити. Блѣдные, некрасивые люди толкались въ полькахъ и вальсахъ, подъ звуки фортепіано и гармоники,—той самой, которая такъ часто слышна у насъ на улицѣ. На диванѣ, въ розовомъ пудермантелѣ, толстою головой уходя въ толстое, жирное тѣло, и обмахиваясь краснымъ вѣеромъ, сидѣла королева Помаре; по близости ея, какъ монументальныя фигуры, красовались ея тетушка и двѣ «шефресы». Такихъ женщинъ можно бы было показывать за деньги; представьте себѣ тетушку, женщину семидесяти лѣтъ, около шести футовъ роста, съ пропорціональною толстотой, шириной плечъ и высотой груди,—женщину прямую, стройную, съ головой, закинутою нѣсколько назадъ, и съ бѣлымъ перомъ, развѣвающимся надъ сѣдыми волосами! На лицѣ ея оставались еще слѣды красоты первоклассной. Обѣ шефресы были изъ такой же породы людей, и танцовавшіе около этихъ колоссальныхъ фигуръ французики и француженки напоминали козловъ, теряющихся въ стадѣ голландскихъ коровъ. Замѣчательнѣйшими лицами бала были, вопервыхъ, губернаторъ, commissaire impérial, Mr de R***. Онъ совершенный дубликатъ Наполеона I; то же лицо, та же поза, только прибавьте ко всѣмъ извѣстному, стереотипному лицу, выраженіе жабы и то впечатлѣніе, какое

производитъ это животное, когда ощущаешь его на рукѣ. Жена его, бѣлокурая дама, имѣетъ репутацію первой красавицы Таити; она же и царица бала. Смотря на нее, я вспомнилъ одно сравненіе Гейне и приложилъ его къ настоящему случаю: если королева Помаре происходитъ отъ одной изъ тѣхъ семи жирныхъ, библейскихъ коровъ, которыхъ видѣлъ Фараонъ во снѣ, то Mme R***, по всей вѣроятности, сродни тощимъ. Какой испорченный вкусъ должно имѣть, чтобы на Таити засмотрѣться на безжизненную, тощую, бѣлокурую красавицу!... А вотъ предметъ, любопытный для антикварія: первые поселенцы на Таити; старушка дряхлая, почтенная, и чепецъ на ней, вѣроятно, тотъ же, въ которомъ она вѣнчалась передъ переселеніемъ сюда. Еслибы можно было, я поцѣловалъ бы руку почтенной старушки: она первая изъ европейскихъ женщинъ рѣшилась бросить рутину своихъ соотечественницъ, и, вѣроятно, была счастливѣе ихъ. Вотъ король, мужъ Помаре, личность, тоже, въ родѣ статуи нашего Минина. Средняго роста человѣкъ, вѣроятно, не достанетъ рукой до его плеча; а на плечахъ лѣнивая и даже не совсѣмъ умная голова, съ ястребинымъ носомъ и низкимъ лбомъ. Онъ въ генеральскомъ мундирѣ терпитъ пытку и ждетъ, кажется, минуты, когда ему можно будетъ скинуть его и надѣть тапу и рубашку, костюмъ, въ которомъ онъ постоянно ходитъ. Съ нимъ его сынокъ, канакскій Митрофанъ, смотрящій дичкомъ; и его нарядили въ какую-то куртку и водятъ по заламъ, наполненнымъ недотрогами-европейками, а ему бы въ лѣсъ, на дерево, въ рѣку...

На балконѣ сидѣли двѣ дѣвушки, въ бѣлыхъ платьяхъ и въ вѣнкахъ на головахъ; обѣ онѣ каначки. Какъ дочери одного изъ шефовъ, Таиріири, онѣ имѣютъ право быть на балѣ; но какъ идти танцовать, смѣшаться съ бѣлыми? И притомъ рѣшится ли кто-нибудь изъ французовъ взять одну изъ нихъ? А имъ бы такъ хотѣлось этого!... К***,

обладающій большимъ тактомъ понимать затруднительныя положенія, и, подобно Юлію Кесарю, всегда готовый перешагнуть Рубиконъ, взялъ почти силой одну изъ нихъ, потомъ другую, и такимъ образомъ сломилъ ледъ. Онѣ танцовали едва ли не больше другихъ, затмѣвая всѣхъ своею красотой и удовольствіемъ, выражавшимся на ихъ молодыхъ, открытыхъ лицахъ. Я съ радостію смотрѣлъ на нихъ, и не безъ удовольствія разгадывалъ кислую улыбку, раждавшуюся повременамъ на устахъ у померкнувшихъ планетъ блѣднолицыхъ. На балѣ было довольно мертво; за то жизнію кипѣлъ дворъ, гдѣ толпились званые и незваные. Канакскіе музыканты трубили, съ короткими интервалами, все одно и то же, и часто, вмѣстѣ съ звуками начавшейся музыки, вырывались изъ толпы нѣсколько каначекъ, съ цвѣтами на головѣ, точно вакханки, и составляли пляску; быстрый танецъ ихъ походилъ и на польку и на *хупа-хупа* (такъ называется на Таити хула-хула). Тутъ было веселье, тутъ былъ смѣхъ, блиставшіе какъ угли глаза, и не одинъ кавалеръ забывалъ бальную залу для этой толпы, имѣвшей въ себѣ что-то особенное, чарующее, сладострастное.

Въ одномъ изъ угловъ обширнаго двора по временамъ раздавался барабанъ и виднѣлась собравшаяся въ кружокъ толпа. Я пробрался туда, но скоро возвратился, для того, чтобы привести еще кого-нибудь, потому что наслаждаться эгоистически тѣмъ, что́ нашелъ тамъ, я не считалъ себя въ правѣ. Никѣмъ не прошенные, собрались тутъ любители, и хупа-хупа кипѣлъ подъ звуки единственнаго барабана и хлопанье всей публики въ ладоши...

Ночь была прелестна, молочныя пятна млечнаго пути и богатыя свѣтомъ созвѣздія давали всевозможные оттѣнки живому, южному небу; Южный Крестъ стоялъ надъ пальмой; воздухъ былъ тепелъ безъ духоты; отъ толпы слышалось ароматическое дыханіе цвѣтовъ. На арену выхо-

дило нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ; всѣ онѣ садились въ одной позѣ, всѣ дѣлали одни и тѣ же движенія, и подъ тактъ ихъ, въ порывистомъ экстазѣ, плясала канакская баядерка; ее смѣняла другая; экстазъ ихъ доходилъ до крайняго предѣла, жесты доходили до невообразимой быстроты и сладострастія; послѣднiй рядъ кавалеровъ вскакивалъ на плечи первому, въ порывѣ танца; казалось, не будетъ предѣловъ общему восторгу и увлеченію! Хулахула на Сандвичевыхъ островахъ тише и сдержаннѣе.

Рядомъ съ дворомъ, на которомъ былъ Hôtel de Ville, расположенъ дворъ королевы, куда есть ходъ черезъ калитку. Дворецъ королевы — большая каза, построенная изъ дерева, только съ высокою тростниковою крышей. Въ большой комнатѣ европейская мебель, два зеркала, картины и портретъ Помаре, писанный масляными красками. Услыхавъ пѣніе на дворѣ дворца, мы пошли туда; дворецъ освѣщался одною свѣчой; балконъ его былъ полонъ народомъ, ожидавшимъ свою «помѣщицу». Эта публика составляетъ родъ придворнаго ея штата. Всякій канакъ, или каначка, неимѣющіе гдѣ приклонить голову, и рѣшительно нежелающіе дѣлать что-нибудь, идутъ къ королевѣ, и та позволяетъ имъ оставаться у ней при дворѣ. Около балкона, на разостланныхъ по зеленому лугу цыновкахъ, лежали группами канаки; сидѣвшіе на ступеняхъ балкона и на террасѣ пѣли гимны. Здѣсь собираются лучшіе пѣвцы и пѣвицы и поютъ долго за полночь, пока патріархальная ихъ владѣтельница, страдающая отъ жира и жара, не уснетъ подъ монотонный тактъ ихъ гимновъ; а какъ хорошо подъ нихъ засыпается, я знаю по опыту.

Каждый день мы уходили далеко за городъ проводить вечеръ. Устанешь, войдешь въ первую попавшуюся казу; васъ встрѣтитъ живописное семейство, съ радостію разстелетъ тапу, мужчина полѣзетъ на пальму, сорветъ нѣ-

сколько кокосовъ и поднесетъ ихъ, искусно отбивъ верхушку; залпомъ выпьешь кисловатую, освѣжающую жидкость. Вблизи играютъ дѣти; у порога хижины, молодая женщина распустила свои густыя черныя косы и съ усиліемъ расчесываетъ ихъ. Долго можно пролежать въ такой хижинѣ, ни о чемъ не думая, смотря на качающіеся листья пальмъ, разговаривающихъ другъ съ другомъ вѣчнымъ шелестомъ. Но не вѣкъ же лежать; идемъ дальше; углубляемся въ темную рощу хлѣбныхъ деревьевъ, переходимъ мостъ, и свѣжая струя воды, журчащая въ небольшомъ каскадѣ, соблазняетъ невольно; недолго думая, сбрасываемъ свой легкій костюмъ и кидаемся въ воду; недалеко отъ насъ—купальщицы, надъ которыми нѣсколько деревъ образовали сплошную тѣнь. Но вотъ темнѣетъ, вотъ наступаетъ ночь; въ воздухѣ становится еще лучше, какъ-то свободнѣе; далеко за полночь сидимъ мы гдѣ-нибудь въ затишьѣ, и цѣлая группа пальмъ лепечетъ намъ «таинственную сагу» и много говоритъ сіяющее безчисленными звѣздами небо, смотря на насъ въ просвѣты между листьями хлѣбныхъ деревъ и кокосовъ. Иногда послышится знакомый мотивъ гимна, напрягаешь слухъ, и едва-едва схватываешь доносящіеся звуки...

Послѣдній вечеръ передъ уходомъ нашимъ, мы провели на дворѣ королевы; у нея былъ праздникъ; гости обѣдали въ большой палаткѣ, а по обширному двору расположились хоры пѣвицъ и пѣвцовъ и неизбѣжная публика канаковъ, ищущихъ и любящихъ всевозможныя зрѣлища.

Мы, незванные на праздникъ, ограничились королевскою дворней, усѣвшись сзади пѣвцовъ. Скоро обѣдъ кончился, европейскіе модные костюмы и кринолины, вовсе здѣсь неумѣстные, скоро скрылись. Королева удалилась и, перемѣнивъ стѣснявшій ее костюмъ на канакскій, усѣлась на балконѣ; мужъ ея тоже нарядился въ тапу, и

жизнь ихъ потекла по домашнему. Увидѣвъ насъ на дворѣ, король пригласилъ во дворецъ. Я усѣлся около королевы и сталъ говорить ей разныя пріятныя для нея вещи: «Вы владѣете самымъ красивымъ царствомъ въ мірѣ,» сказалъ я ей.—Мму, отвѣчала она и благосклонно кивнула своею жирною головой, отмахиваясь вѣеромъ отъ жара. «Ни одна страна не оставитъ въ насъ такихъ сладкихъ воспоминаній, какъ Таити!» — Мму, опять промычала она. «Таити это земной рай...»—Мму.—И я, съ уваженіемъ посмотрѣвъ на почтенную помѣщицу, поспѣшилъ уйдти. Ей около пятидесяти лѣтъ, ее очень любятъ канаки, она очень многимъ помогаетъ, и если патріархальная власть можетъ привести въ истинное умиленіе, такъ это здѣсь...

На дворѣ происходила сдержанная, страстная сатурналія, безъ пьянства и оргіи, и Помаре, зная свой народъ, и смотря на него съ балкона, была счастлива. По всему двору, мѣстами осѣненному пальмами, разбросанными кучками сидѣли и лежали канаки. Когда одинъ хоръ кончалъ, другой начиналъ свои пѣсни, убаюкивающія и услаждающія; чистые голоса раздавались какъ серебро въ воздухѣ; небо золотистымъ пологомъ раскинулось надъ нами; было такъ тихо, что свѣчи горѣли на воздухѣ, и пламя ихъ нисколько не колебалось. Сколько сдержанныхъ рѣчей, сколько сладострастнаго шепота таилось въ этой очарованной тишинѣ!.. Часто изъ группъ отдѣлялись пары, пропадая въ тѣнистыхъ углахъ обширнаго двора.

Мы явились на клиперъ въ два часа ночи, а рано утромъ снялись съ якоря, не подозрѣвая, что намъ готовился очень пріятный сюрпризъ: черезъ нѣсколько часовъ мы бросили якорь въ бухтѣ *Papetuoi*, на островѣ Эймео, въ одной изъ самыхъ красивыхъ бухтъ въ мірѣ.

Островокъ Эймео лежитъ въ двѣнадцати миляхъ отъ Таити. Я уже упоминалъ о значеніи, которое имѣлъ онъ

Бухта Напетуаи.
(Эймео).

во время первыхъ миссіонеровъ. И теперь на немъ есть нѣсколько школъ, церквей, разбросанныхъ тамъ и сямъ, и бумагопрядильное производство.

Рѣдко случалось мнѣ видѣть болѣе разнообразныя формы горъ и возвышеній, какъ тѣ, какія представляетъ Эймео; подходишь точно къ сказочному городу, гдѣ живутъ сказочные великаны; одна скала вытянулась кверху, какъ Страсбургскій соборъ, или Сухарева башня, другія вышли куполами, колоколами; а тамъ скала протянулась отвѣсною высокою стѣной. Къ морю, всѣ эти каменныя громады одѣлись въ густой, непроницаемый коверъ зелени, выходя къ водѣ такою же живописною и разнообразною каймой, какъ на Таити. Бухта глубока, и можно принять ее за широкую рѣку, впадающую въ море; въ глубинѣ ея дѣйствительно вливается рѣка, протекающая сначала по живописной долинѣ, окаймленной сзади скалами, которыя даютъ всему острову такой разнообразный видъ. По сторонамъ бухты—горы и скалы и все уравнивающая и украшающая зелень, подступившая подъ самыя вершины и ниспадающая къ морю своими густыми, кудреватыми волнами. Характеръ лѣса тотъ же, что́ на Таити. По тропинкамъ, идущимъ по берегу, мѣстами разбросались хижины; мѣстами роща пальмъ отдѣляется своими стволами и листьями отъ темной зелени апельсиновыхъ деревьевъ; тѣ же исполинскіе *ви* съ своими высокими корнями, тѣ же гуавы, желѣзное дерево, розовое и тысяча другихъ породъ, перемѣшанныхъ между собою вѣтвями и листьями. Глубокая бухта у береговъ оканчивается отмелью, покрытою древовидными кораллами.

Мы провели на Эймео двое сутокъ, цѣлый день гуляя по лѣсамъ и красивымъ бухтамъ, каждый вечеръ и ночь просиживая почти до утра на зеленой травѣ, въ виду

пальмъ, горъ и роскошнаго залива. Какъ передать всю прелесть этихъ ночей, съ ихъ воздухомъ и небомъ?... Можно только сказать, что намъ было очень хорошо...

Около насъ сбирались канаки, пѣли и играли на дудкахъ; мы и сами пѣли; молодость затѣвала разныя игры; чехарда такъ соблазнила морскаго министра Таити, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ королемъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ на одномъ изъ нашихъ корветовъ, что онъ не выдержалъ и пошелъ самъ скакать и остановиться въ позу, чтобы черезъ него скакали другіе.

— Чтобы вполнѣ быть удовлетвореннымъ, надо перескочить черезъ короля, сказалъ кто-то; но король не рѣшился на чехарду.

На берегъ привозился ужинъ, чай, и жгли фейерверкъ; ракеты летѣли чуть не выше горъ; фалшфейеры освѣщали синимъ пламенемъ роскошныя пальмы, придавая ночной картинѣ много фантастическаго.

Клиперъ нашъ долженъ былъ отвезти короля съ министрами въ Папеити и уже въ морѣ соединиться съ другими судами, чтобъ идти дальше. Переходъ, который могъ быть совершенъ въ нѣсколько часовъ, продолжался цѣлыя сутки; и клиперу, казалось, не хотѣлось уходить изъ этихъ благословенныхъ странъ; то ломалась машина, то винтовой гордень какъ-то распухъ и не лѣзъ туда, куда его пихали; потомъ заштилѣло; однимъ словомъ, все какъ-то не ладилось, всякая каболка, казалось, предъявляла свое нежеланіе выходить изъ того очаровательнаго круга, въ который попали мы; и ей было тепло, и она ощущала что-то новое подъ этимъ солнцемъ... Какъ и слѣдовало ожидать, реакція должна была совершиться сильная со стороны разумныхъ началъ, желавшихъ вступить въ свои права. Рѣдко случалось видѣть подобную суету, работу и

крики, какъ во время этого перехода. Король и морской министръ смотрѣли на все въ недоумѣніи, и все время жались около барказа; а министръ иностранныхъ дѣлъ, вѣроятно незнавшій уставовъ военной службы, взлѣзалъ на гакабортъ и принималъ такія позы, которыя были бы приличны на вѣтвяхъ, гдѣ-нибудь въ лѣсу, а уже никакъ не у бизань-мачты. Видя офицеровъ, бѣгавшихъ и сердитыхъ, всѣ они возъимѣли къ нимъ глубокое уваженіе, ловили ихъ взгляды, а иногда и шапки, когда онѣ, сдуваемыя вѣтромъ, летали на палубу. Къ вечеру мы опять увидѣли Таити.

Садилось солнце, и послѣдними лучами, какъ обыкновенно говорится, освѣщало только что освѣженную теплымъ дождемъ зелень. Красивая кайма, окружающая рейдъ, блистала своею листвою, холмы зеленѣли, на горахъ обозначались тѣнями всѣ ихъ овражки, всѣ неровности. Черезъ полчаса мы стали сниматься съ якоря... Прощай Таити!.. Стемнѣло; тихимъ ходомъ оставляли мы рейдъ, на которомъ провели, конечно, лучшіе дни нашего плаванія, можетъ-быть лучшія минуты нашей жизни. Близкое соприкосновеніе съ природой оживило всѣхъ насъ, какъ будто обдало живою водой. Мы узнали, или, по крайней мѣрѣ, видѣли здѣсь возможность радостей, возможность наслажденія и увлеченій, тогда, когда для насъ уже, казалось, наступало время воспоминаній и разумнаго разсчета; на Таити мы были молоды, и въ сердцѣ многихъ изъ насъ пробудилась та струна, съ звукомъ которой понимаешь Ромео и Джульету. Нашею Джульетой была природа, говорившая съ нами «безчисленными сердцами и смотрѣвшая на насъ безчисленными глазами. Мы слѣдовали ей довѣрчиво, и она прижала насъ къ сердцу, какъ любимыхъ дѣтей. Она ввела насъ въ жизнь, она и уведетъ. Мы довѣряемся ей; пусть дѣлаетъ съ нами, что́ хочетъ; не возненавидитъ она своего творенія!» (Гёте.)

На выходномъ рифѣ стояла шлюпка съ фонаремъ; мы вышли между подводныхъ камней съ большими затрудненіями; съ берега слышалось стройное пѣніе, но уже не видно было ничего, кромѣ темнаго, мрачнаго холма и нѣсколькихъ огоньковъ.

И опять мы закачались по морю!

ОТЪ ТАИТИ ДО БУЭНОСЪ-АЙРЕСА.

МАГЕЛЛАНОВЪ ПРОЛИВЪ. — MERCY. — PLAYA-PARDA. — МЫСЪ FROWARD. — PUNTA ARENAS. — ГУАНАКИ. — МОНТЕВИДЕО. — ИСПАНКИ. — ПРОГУЛКА ЗА ГОРОДОМЪ. — ПАРОХОДЪ «МОНТЕВИДЕО». — КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЛАПЛАТСКИХЪ РЕСПУБЛИКЪ. — БУЭНОСЪ-АЙРЕСЪ. — ПЛОЩАДЬ ВИКТОРІИ. — ГАУЧО. — САЛАДЕРО И МАТАДЕРО. — ДВОРЕЦЪ РОЗАСА. — МѢСТЕЧКИ БЕЛЬГРАНО И ИСИДОРЕ. — НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТЪ БАРТОЛОМЕО МИТРЕ. — CAZUELA. — ОБЩЕСТВО ВЪ МОНТЕВИДЕО.

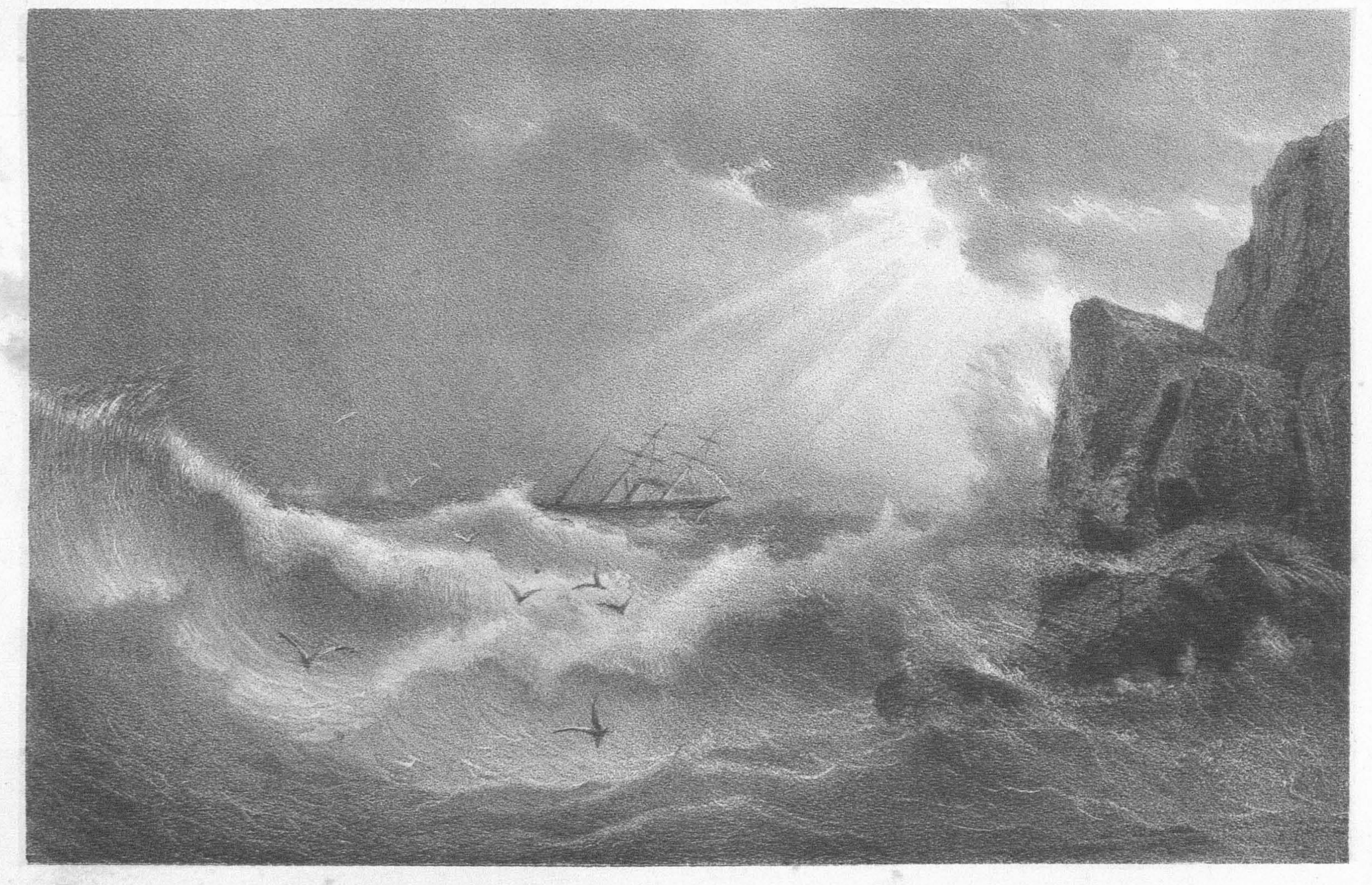
I.

Мы оставили берегъ Таити 15-го февраля и, направляясь сначала къ югу, а потомъ къ востоку, на тридцатый день достигли Магелланова пролива. Еслибъ я былъ въ состояніи передать всѣ свѣтлые и черные дни этого перехода, то, конечно, постарался бы быть точнымъ въ своемъ описаніи; день за днемъ отмѣчалъ бы я наше плаваніе, перенося ярко-выставленными картинами воображеніе читателя на палубу нашего маленькаго клипера; нарисовалъ бы его и во время «свѣжей» погоды, которую на землѣ называютъ бурею, когда судно лежитъ на боку, волны перебрасываются черезъ бортъ и снасти визжатъ; и во время хорошихъ минутъ, когда солнце обсушиваетъ намокшее вчера платье, и легкій вѣтерокъ надуваетъ и расправляетъ смятый рифами парусъ. Но если я когда сожалѣлъ о своемъ безсиліи въ описательномъ родѣ, такъ

это въ то утро, когда мы приближались къ Магелланову проливу. Еще съ ночи «засвѣжѣло»; по безпорядочному небу быстро неслись грозныя, черныя тучи, и съ ними находили порывы; шелъ дождь, снѣгъ и градъ. Утромъ (15 марта), сквозь густой туманъ, замѣтили неясные признаки берега: это были *Евангелисты*, отдѣльно разбросанные, высокіе камни; скоро открылся и мысъ *Пилларъ* (Пиластръ), стоящій на стражѣ пролива. Мы «спустились» и полетѣли попутнымъ штормомъ въ узкое пространство между утесистыхъ береговъ, оставляя за собою бунтующій, разгулявшійся океанъ. Временами темнѣло отъ наступавшихъ тучъ, но, какъ быстро налетали онѣ, такъ же быстро и проносились; тогда солнце ярко освѣщало гряды зеленыхъ валовъ, съ ихъ молочными, бурлящими гребнями, и мрачную, отвѣсную скалу Пилларъ, о которую разбивалась вся наступательная сила океана, высокимъ буруномъ, разлетавшимся милліонами брызгъ.

Входъ во время шторма въ проливъ производилъ странное впечатлѣніе и наводилъ на сравненіе съ другими бурями.

Вообразите себѣ площадь, на которой бушуетъ революція. Разъяренныя толпы народа въ злобѣ бросаются на другія толпы, уничтожая все встрѣчаемое, среди воплей, плача и стоновъ. И вдругъ съ этой площади вы попадаете въ мрачное подземелье, оставленное инквизиціею, гдѣ на мрачныхъ, отсырѣвшихъ стѣнахъ еще замѣтны изображенія разныхъ пытокъ, и мѣстами виднѣются бѣлѣющія кости и заржавленныя орудія... Хотя вы и укрылись отъ свирѣпой толпы, но до васъ долетаютъ еще вопли ужаса и отчаянія, которымъ вторитъ эхо мрачнаго подземелья, и вы содрогаетесь въ вашемъ убѣжищѣ, которое вмѣстѣ говоритъ и о прошедшихъ ужасахъ; никто не догадался уничтожить слѣды жившихъ здѣсь мучителей. Площадь — это разсвирѣпѣвшій океанъ; подземелье, гдѣ еще отзываются его бури — Магеллановъ проливъ...



Мерсу-бау
(Магеллановъ-проливъ).

Прежніе мореплаватели, вѣроятно, бывали подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ, входя въ этотъ мрачный проливъ, чтó можно заключить изъ названій, которыя они давали здѣшнимъ островамъ и бухтамъ: тутъ есть Апостолы, Евангелисты, заливъ Mercy (Милосердіе, God have mercy upon us!), Desolation, и проч. За то рѣдко удавалось намъ видѣть болѣе эффектную морскую сцену. Всѣ тоны Айвазовскаго или Жозефа Верне, которые брали они у бури и грознаго неба, для приданія картинамъ своимъ эффекта, разыгрывались здѣсь fortissimo и болѣе великимъ художникомъ. И страшно бушующія волны, и водопадъ яркихъ лучей солнца, хлынувшихъ изъ-за черной тучи, низвергающей въ это время снѣгъ и градъ, и дикія скалы, подставившія вѣковую броню свою ярости океана, и передъ всѣмъ этимъ ничтожный клиперъ нашъ, исчезающій подъ массою воды, которая ежеминутно вливается на палубу — все это представляло безконечное множество поэтическихъ оттѣнковъ и разныхъ эффектныхъ положеній... Крѣпя парусъ за парусомъ, мы остались подъ одними снастями и шли до десяти узловъ; слѣва Евангелисты уходили отъ насъ, закутываясь въ туманныя и мрачныя ризы; справа высилась гранитная стѣна, берегъ Desolation, начинавшійся мысомъ Пилларъ; выступающіе пилястры сѣдыхъ скалъ бороздились черными трещинами; только мѣстами рѣзкіе углы камня смягчались мхомъ и прилѣпившимся къ нему приземистымъ растеніемъ. Брызги отъ волнъ высоко поднимались къ горамъ, какъ будто волны желали набросить на ихъ мертвыя, неподвижныя фигуры свой прозрачный саванъ. Сколько вѣковъ продолжается здѣсь эта игра или эта борьба моря съ каменнымъ великаномъ!...

Недалеко была и бухта Милосердія, которую можно было узнать по находящимся вблизи ея тремъ камнямъ. Она образована небольшимъ углубленіемъ той же стѣны; нѣсколько острововъ и выступившія впередъ скалы защища-

ютъ ее отъ волненія; за то вѣтеръ, достигая до бухты черезъ нѣсколько ущелій, пріобрѣтаетъ въ нихъ еще больше силы и стремительности. Мы бросили якорь, поздравивъ себя съ окончаніемъ перехода Тихимъ Океаномъ.

Скалы спускались въ бухту уступами, какъ исполинскія ступени сказочной лѣстницы; во многихъ мѣстахъ съ этихъ уступовъ падали каскады, то живописно расплываясь широкою струею, то тонкою металлическою нитью прорѣзывая себѣ путь на темномъ фонѣ чернѣющей трещины. Внизу, у самаго берега, расло нѣсколько деревьевъ; но вѣтромъ и прибоемъ такъ прижало ихъ къ скаламъ, что они какъ будто сторонились и хотѣли дать кому-нибудь дорогу. Въ ущельяхъ скалы громоздились въ дикой перспективѣ, плавая въ туманѣ темнаго облака, пробиравшагося по ихъ обрывамъ; каждое такое облако, вырвавшись изъ ущелья, вихремъ летѣло по заливу, бороздя его поверхность рябью и волненіемъ, обхватывало стоявшее судно, обдавая его дождемъ и снѣгомъ, сотрясая натянутыми цѣпями, свистя Соловьемъ-разбойникомъ въ снастяхъ и облакахъ, и летѣло далѣе... Къ довершенію удовольствія, якоря наши легли на каменную плиту, которая встрѣтила ихъ также холодно и недружелюбно, какъ бухта насъ самихъ; не было ни илу, ни песку, за что бы уцѣпиться, и потому при малѣйшемъ порывѣ вѣтра насъ дрейфовало.

Бухта Милосердія удивительно хороша, какъ декорація. Если бы нужно было представить самое дикое и ужасное мѣсто, «куда воронъ костей не заноситъ», куда ни звѣрь, ни птица, никакое другое животное не заходило, и гдѣ случайно занесеннаго путника ожидаетъ какой-нибудь злой волшебникъ, то для такой декораціи лучше Милосердія трудно найдти мѣсто.

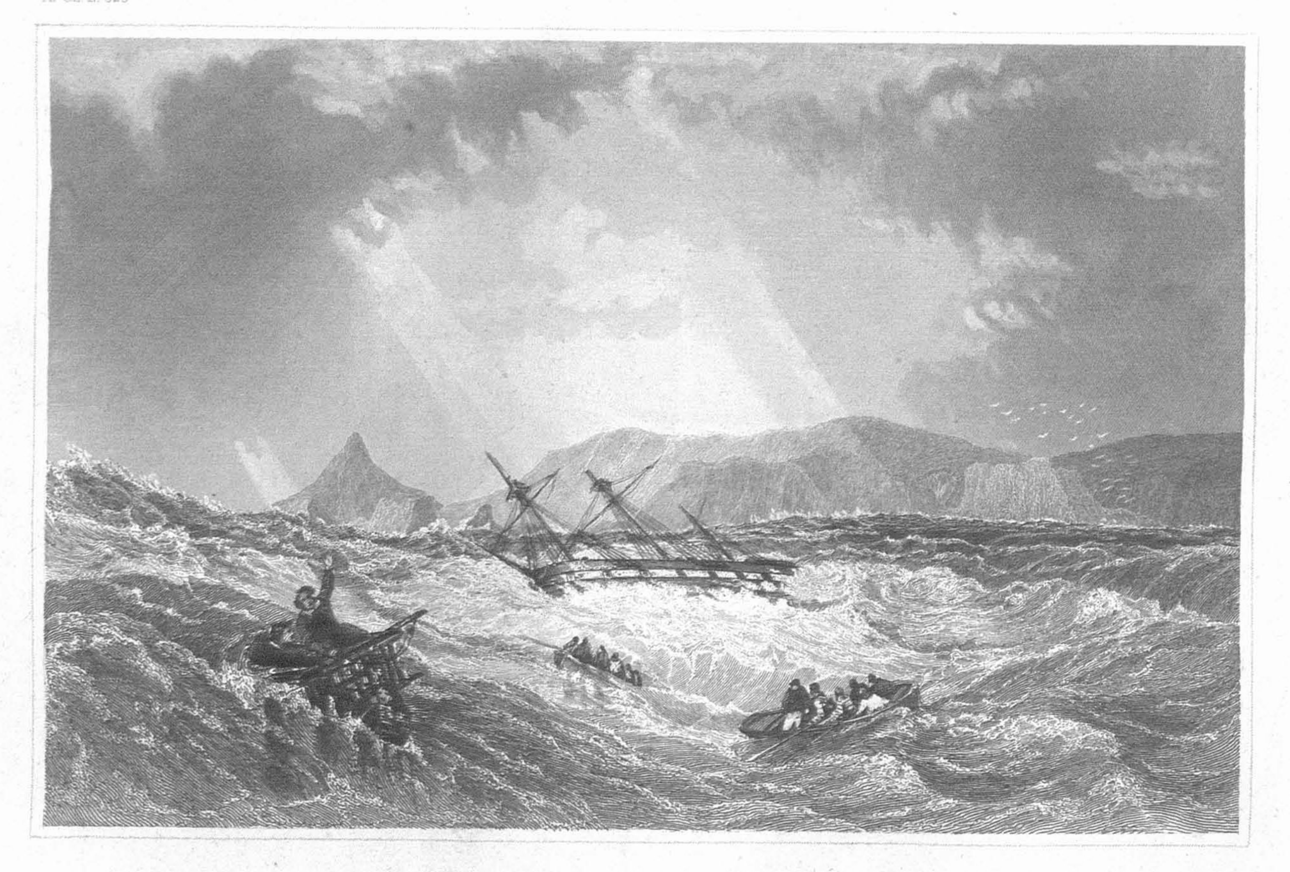
На другой день я ѣздилъ на берегъ. При устьѣ горной рѣчки лежало на боку разбитое судно; срубленныя его

мачты находились невдалекѣ, прибитыя волною къ камнямъ; половина палубы и бушпритъ были наружу; судя по всему, кораблекрушеніе было недавно. По близости, въ пещерахъ и у камней, видны были слѣды недавняго пребыванія людей: гдѣ стояла бочка, гдѣ замѣтны были остатки костра... Какіе краснорѣчивые комментаріи къ бухтѣ! Кто были эти бѣдняки? Переправились ли они на шлюпкахъ до Чилійской колоніи? Многіе ли изъ нихъ погибли? Отправились ли остальные внутрь острова? Послѣднее грозило бы тоже гибелью: кромѣ голодной смерти, нечего тамъ найдти.

Судя по погодѣ, въ океанѣ все еще ревѣлъ штормъ, потому что каждые полчаса налетали къ намъ порывы; мы пользовались наступавшею тишиною, чтобы пристать къ берегу, и едва отыскали мѣсто, гдѣ можно было выйдти, не рискуя разбить шлюпку; наконецъ увидѣли, что къ камню въ большомъ количествѣ прибило морской травы, за которую можно было уцѣпиться крюкомъ; упругая масса ея легла между шлюпкою и камнемъ: мы выскочили на нее, ползкомъ взобрались на берегъ и, пройдя шаговъ десять, рѣшили, что дальше идти незачѣмъ, потому что, кромѣ мха и камней, ничего не увидимъ. И отсюда можно было наблюдать за процессомъ оживленія острова: по камнямъ виднѣлись мѣстами сначала сѣрыя и зеленыя пятна, далѣе органическіе зачатки пріобрѣтали болѣе опредѣленную форму листьевъ мха; потомъ между камнями поднимались низенькія деревца съ крѣпкою листвой, которая въ свою очередь покрывалась мхомъ, до того густымъ и твердымъ, что на него можно было становиться, и зеленая упругая масса только колебалась подъ ногами; мѣстами можно даже было проникнуть подъ этотъ покровъ мха; тамъ было сыро, темно и холодно. По выходѣ оттуда, даже камни, пригрѣтые недавнимъ солнцемъ, казались не такими дикими.

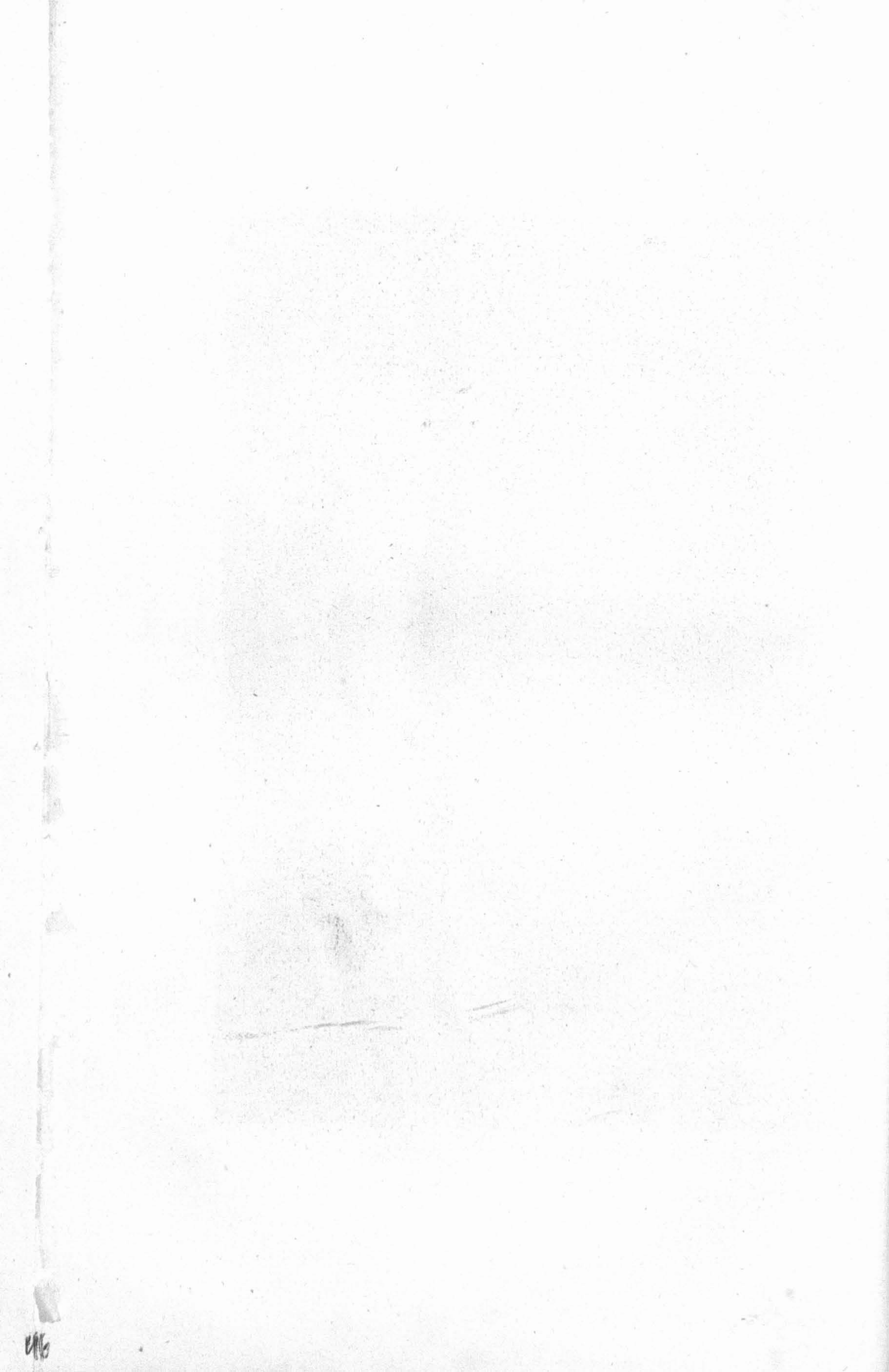
На третью ночь нашей стоянки, порывы были очень сильны, и насъ такъ дрейфовало, что стало нужно развести пары. Къ утру (19-го марта) мы снялись и съ попутнымъ вѣтромъ и попутнымъ теченіемъ вошли въ самое узкое мѣсто пролива. Оба берега представляли рядъ однообразныхъ, невысокихъ холмовъ, мѣстами покрытыхъ снѣгомъ. Волненія не было; порывы были несильные и попутные. Только теперь мы ощутили пріятность плаванія этимъ проливомъ и поняли почему его предпочитаютъ огибанію мыса Горнъ. Тамъ встрѣча двухъ океановъ, постоянные свѣжіе вѣтры и неправильное волненіе часто бываютъ гибельны для судовъ. Имѣя пары, нѣтъ никакого разсчета огибать мысъ Горнъ. Мы были первые проходившіе на русскихъ военныхъ судахъ Магеллановъ проливъ.

Пройдя первое узкое мѣсто Лонгъ-ричъ, къ вечеру вошли мы въ бухту, называемую Плая-парда (Playa-parda). По мѣрѣ нашего приближенія къ ней, холмы берега становились выше, пріобрѣтая остроконечную форму; поля виднѣлись за ними, покрытыя снѣгомъ; мѣстами видны были голубые ледники, или глетчеры, которые висѣли на довольно большой высотѣ. Ущелья развѣтвлялись разнообразно, тѣнями указывая на глубину свою и иногда на ширину долинъ. Противоположный берегъ уходилъ въ даль перспективою снѣговыхъ горъ, бѣлый контуръ которыхъ рисовался на туманномъ небѣ, слабо подкрашенномъ золотистымъ свѣтомъ заходившаго солнца. Сблизившіеся берега образовали родъ озера, тихую и неподвижную воду котораго рѣзалъ нашъ клиперъ, направляясь къ бухтѣ, лежавшей на лѣвомъ берегу. Мысъ, покрытый лѣсомъ (Wooding point, — мѣсто, на которомъ можно удобно рубить лѣсъ), раздѣляетъ ее на двѣ половины: первая углубилась далеко внутрь, такъ что не видно было ея окончанія; вторая съуживалась и сближалась съ берегами, на кото-



CAP HORN

Aus d. Kunstanst. d. Bibl. Inst. in Hildbh.



рыхъ развѣтвлявшіяся деревья картинно мѣшались съ каменьями, мхами и трещинами. Миновавъ узкій проходъ, бухта снова расширялась круглымъ неподвижнымъ озеромъ, обставленнымъ со всѣхъ сторонъ громоздившимися другъ на друга горами. Мы входили въ эту дальнюю бухту; былъ вечеръ, розовая заря гуляла по снѣговымъ вершинамъ; на гладкую воду ложились ясныя отраженія живописнаго берега; по камнямъ и маленькимъ островкамъ, какъ сторожа, стояли бѣлыя и черныя птицы (чайки, капскіе голуби); тишина царствовала въ этомъ мирномъ, дикомъ ландшафтѣ и охватывала насъ; казалось, никто не хотѣлъ проронить слова, чтобы не нарушить общаго молчанія. Вотъ узкій проходъ; на одномъ изъ острововъ виденъ деревянный крестъ; здѣсь, какъ мы узнали послѣ, погребенъ итальянскій монахъ. Судно, нагруженное выгнанными изъ Италіи монахами, въ 1848 году, шло въ Вальпарайсо и оставило здѣсь одного изъ своихъ пассажировъ. Вотъ бухта, вся темная и мрачная отъ брошенной на нее тѣни съ высокаго берега, и отраженія его въ ней. Прозвучавшая цѣпь и звукъ упавшаго якоря сняли очарованіе, и снова начались суета и шумъ.

Если бухта Милосердія представляетъ собою дикій, страшный ландшафтъ, то Плая-парда является представительницею молчанія и тишины. Отвѣсный, ближайшій ея берегъ весь испещренъ разнаго цвѣта каменьями и трещинами, со множествомъ кривыхъ и вѣтвистыхъ деревцовъ, сплетающихся красивою аркою; надъ этимъ берегомъ взгромоздились скалы; съ одной изъ нихъ падалъ высокій каскадъ, воды котораго прокладывали себѣ путь въ каменьяхъ и мхахъ, нѣсколькими ручьями вливаясь въ бухту; шумъ падавшей воды былъ такъ однозвученъ, что нимало не прерывалъ общей, мертвой тишины. Далѣе, скалы растутъ кверху лежащими другъ на другѣ каменными холмами, посыпанными недавнимъ снѣгомъ; еще

выше стоятъ сплошныя снѣговыя горы и между ними два ледника, какъ два застывшія наверху озера, блистающія яркимъ голубымъ цвѣтомъ. Ночью взошла луна и, освѣтивъ кое-какія точки ландшафта и набросивъ на другія непроницаемую, ровную тѣнь, придала безмолвной картинѣ еще больше таинственности. На водѣ явилась только одна свѣтлая полоса, вся же гладь водъ была мрачна и безмолвна; водопадъ смотрѣлъ женщиною, закутанною въ бѣлый саванъ и сходящею по ступенямъ скалистой лѣстницы.

Чтобъ имѣть удовольствіе вступить въ первый разъ на американскій материкъ, я, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, поѣхалъ на берегъ. Вельботъ вошелъ въ рѣку, которая впадала въ глубинѣ бухты, прорывъ сначала въ горахъ глубокое ущелье. Весело было лазить съ камня на камень, по упругому ковру мховъ и приземистыхъ растеній; мы взбирались къ мѣсту рожденія водопада; нѣкоторые, опередивъ насъ, являлись вдругъ надъ нашею головой альпійскими охотниками, съ ружьемъ черезъ плечо. Недоставало звука рожка, чтобы придать картинѣ прелесть, болѣе живую и отрадную; но здѣшняя природа ненадолго приголубитъ человѣка: едва только расположились мы на обогрѣтыхъ солнцемъ камняхъ, какъ изъ за ближайшей горы показалась черная туча; вмѣстѣ съ нею, по нѣсколькимъ ущельямъ, какъ непріятельскіе фланкеры, быстро понеслись клочья облаковъ, тѣни отъ которыхъ бѣжали впередъ по скалистымъ неровностямъ горъ. Вѣтеръ зашумѣлъ, загудѣлъ; надо было спѣшить, чтобъ укрыться отъ вихря, налетѣвшаго съ дождемъ и снѣгомъ.

22 марта снялись съ якоря, прошли *Крукедъ-ричъ*, узкій проливъ между островами Карла III, потомъ *Инглишъ-ричъ*, гдѣ съ одной стороны виднѣлась *Трехъ-Вершинная* гора, а съ другой — гора *Понда*; къ вечеру мы огибали мысъ *Фровардъ* (*Froward*), самую южную оконечность ма-

терика Америки (и вообще самую южную часть всѣхъ материковъ въ мірѣ). Направляясь къ SO, берега представляли всевозможныя видоизмѣненія холмовъ и скалъ. Иногда представлялось взору нѣсколько цѣпей горъ, по которымъ отдаленіе и солнце распространяли свои опредѣляющія тѣни; при вечерней зарѣ, красное освѣщеніе заходившаго солнца ложилось на снѣжныя вершины отдѣльныхъ острововъ; онѣ казались огненными, что́ по всему вѣроятію и дало первымъ путешественникамъ поводъ назвать страну, лежащую южнѣе пролива и изобилующую покрытыми снѣгомъ холмами, *Огненною Землею*. У мыса Фроварда горы достигаютъ наибольшей высоты; мысъ отвѣсною скалой выдается впередъ; обѣ его стороны представляютъ совершенно гладкія стѣны, на которыхъ можно было бы изсѣчь надпись, а на самой скалѣ поставить монументъ, хотя бы Магеллану. Скала какъ будто просила какого-нибудь дополненія; мы огибали ее вечеромъ, и намъ казалось, что если бы надъ ней возвышалась башня, звонилъ колоколъ, и сторожевой монахъ всходилъ наверхъ по изсѣченной въ скалѣ лѣстницѣ, всматриваясь въ проходящее мимо судно, то это было бы и кстати, и очень эффектно. А теперь однѣ черныя трещины, да ущелья, которыя отдѣляютъ выступающую скалу отъ высокой шатрообразной горы. Пройденныя скалы виднѣлись сзади, въ послѣдовательномъ освѣщеніи, одна голубымъ, другая, дальнѣйшая, слабымъ лиловымъ пятномъ, а слѣдующая за нею исчезала почти совсѣмъ въ прозрачномъ, золотистомъ туманѣ.

Обогнувъ мысъ, мы взяли курсъ къ NO и считали уже себя по сю сторону Америки. Ночью мы имѣли намѣреніе стать на якорѣ въ бухтѣ Бугенвиля; отыскали ее во мракѣ, но она оказалась такою узкой, а ночное плаваніе по спокойной водѣ такимъ заманчивымъ, что мы вышли изъ нея заднимъ ходомъ и пошли далѣе. Ночью же ми-

новали мѣсто, гдѣ былъ знаменитый портъ Голода (Famine), извѣстный своею трагическою исторіей и послѣднимъ возмущеніемъ чилійскихъ поселенцевъ.

На восточной сторонѣ Магелланова пролива мѣстность замѣтно измѣняется. Невидно ни высокихъ горъ, ни обрывистыхъ скалъ; берега не такъ высоки, выходятъ часто песчаными отлогостями и больше покрыты растительностью; климатъ тоже замѣтно теплѣе и мягче. Тутъ уже кончается царство мховъ и лихеновъ, видны буковыя деревья и высокая сочная трава. Наконецъ мы разсмотрѣли нѣсколько деревянныхъ домиковъ, церковь и высокій флагштокъ, на которомъ развѣвался чилійскій флагъ, а отъ берега уже отдѣлилась шлюпка. Мѣстечко, увидѣнное нами, называется Пунта Аренасъ, *Punta Arenas* (Sandy Point); сюда, какъ въ болѣе-удобное мѣсто, переведена колонія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ порта Голода. Мы бросили якорь (23-го марта); за деревней и вдоль всей бухты виденъ былъ сплошной лѣсъ, за нимъ вдали синія горы; со стороны Огненной Земли также горы, синія и снѣжныя. Изъ шлюпки, приставшей къ борту, вышелъ высокій, красивый мужчина, въ альмавивѣ съ бархатнымъ подбоемъ, закинутой такъ, что весь бархатъ ровною полосой падалъ съ лѣваго плеча внизъ; толстые шнурки съ кистями переброшены были тоже съ искусственною небрежностью. На красивомъ его лицѣ были усы, бакенбарды и эспаньолетка; остальныя мѣста были тщательно выбриты; на бѣлыхъ пальцахъ сіяли цѣнныя кольца. Вышелъ онъ съ важностію, заставлявшей думать, что передъ нами былъ какой-нибудь обѣднѣвшій испанскій грандъ, принужденный обстоятельствами жить здѣсь. Это былъ, правда, губернаторъ колоніи, но не испанскій грандъ, а датчанинъ, болѣе ученый, нежели государственный человѣкъ, читавшій лекціи химіи въ Санъ-Яго и получившій мѣсто губернатора Магелланова пролива.

После обѣда мы отправились осмотрѣть колонію. На берегу чинился барказъ, подъ навѣсомъ висѣло нѣсколько шлюпокъ, на бревнахъ сидѣли женщины, всѣ уже не молодыя, съ рѣзкими чертами лица, съ черными глазами и растрепанными волосами; на нихъ были яркія разноцвѣтныя лохмотья; взгляды ихъ были наглы и вовсе не двусмысленны. Сюда присылаютъ женщинъ дурнаго поведенія изъ Вальпарайсо и выдаютъ ихъ замужъ за поселенныхъ здѣсь солдатъ. Не соблазняясь взглядами перезрѣлыхъ красавицъ, мы прошли мимо и встрѣтили двухъ ручныхъ *гуанаковъ*, которые, подбѣжавъ къ намъ, стали ласкаться; мы гладили ихъ и долго любовались этими милыми животными, глазамъ которыхъ позавидовала бы не одна красавица. *Гуанакъ*—родъ ламы; шерсть его похожа цвѣтомъ на верблюжью, только гораздо пушистѣе и мягче. Цѣлыми стадами ходятъ они по горамъ Патагоніи, и кочующія племена патагонцевъ слѣдуютъ за ними, потому что гуанакъ составляетъ для нихъ все. Ловятъ ихъ *болосами*, веревкой о трехъ концахъ, съ тремя шарами, обтянутыми пузырями; держа въ рукѣ одинъ, вертятъ въ воздухѣ другими двумя концами, которые, когда ихъ бросятъ, обхватываютъ ноги животнаго и спутываютъ его. Изъ гуанака выдѣлываютъ мѣха, удивительно мягкіе и теплые; мясо его очень вкусно и составляетъ главную пищу патагонцевъ. Утѣшенные ласками гуанаковъ, гораздо больше, нежели вызывающими взглядами отставныхъ красавицъ, мы шли дальше по лужайкѣ хорошо обдѣланною дорогой; по сторонамъ трава была скошена, и паслось нѣсколько большихъ и жирныхъ быковъ. Деревенька была на небольшомъ возвышеніи; единственная ея улица состояла изъ деревянныхъ строеній, соединенныхъ между собою; въ концѣ деревни строился домъ съ башней, для губернатора: это-то мы принимали издали за церковь. Противъ строеній была казарма и небольшое укрѣпленіе, ка-

жется, съ двумя пушками. На улицѣ мы видѣли также женщинъ, а первый попавшійся намъ мужчина былъ финляндецъ, говорившій по-русски. Насъ повели по квартирамъ, гдѣ предлагали вымѣнивать мѣха на водку и порохъ, а такъ какъ мы были предупреждены губернаторомъ, чтобъ этихъ снадобій отнюдь не давать жителямъ, то пришлось покупать за деньги и платить за одѣяло изъ гуанака 11 долларовъ, когда его можно было вымѣнять за 4 бутылки плохаго рома. Кромѣ гуанаковъ, намъ предлагали страусовыя шкуры, мѣха изъ полосатыхъ хорьковъ, львиныя (*) шкуры и проч. Вездѣ поражала насъ бѣдность и нечистота жилищъ. На каждомъ шагу слышались жалобы на строгость губернатора: никто не имѣетъ права выпить рюмку вина безъ его позволенія, надзоръ за всѣмъ самый бдительный, но, какъ мы узнали, совершенно оправдываемый положеніемъ дѣлъ и предъидущимъ опытомъ. Предшественникъ губернатора былъ убитъ взбунтовавшимися солдатами, а бывшій передъ нимъ—индѣйцами: непріятное положеніе. Вся колонія состоитъ изъ сброда всевозможныхъ авантюристовъ, ненашедшихъ себѣ мѣста нигдѣ. Если кто рѣшился жить въ Магеллановомъ проливѣ, то это значитъ, что ему сильно не повезло въ другихъ мѣстахъ. Почти всѣ жители этого мѣстечка занимаются мѣновою торговлей, и когда прикочевываютъ патагонцы, принося съ собою мяса убитыхъ гуанаковъ и шкуры, все это вымѣнивается на водку и бережется до прихода какого-нибудь судна. Патагонцы же спускаютъ все и почти голыми уходятъ домой. Этимъ торгомъ занимаются здѣсь всѣ. Насъ привели къ капитану, второму лицу послѣ губернатора, природному чилійцу. Несмотря на свой мундиръ, онъ полѣзъ въ сундукъ и сталъ выни-

---

(*) То есть львовъ американскихъ безъ гривы и меньше ростомъ; это, кажется, тѣ же *пума*, которые водятся въ Мексикѣ.

DIE ELKHORN-PYRAMIDE

Aus d. Kunstanst. d. Bibliogr. Instit. in Hildbh.

Eigenthum d. Verleger.

мать изъ него мѣха, встряхивая ихъ не хуже нашего купца; но мы невнимательно смотрѣли на шкуры страусовъ и гуанаковъ: у окна сидѣла жена его съ черными большими глазами, смотрѣвшая на насъ съ любопытствомъ, сдерживаемымъ скромностью. Она была очень хороша; бѣдный костюмъ ея, не совсѣмъ опрятный, не скрывалъ граціи. Около нея, въ грязныхъ пеленкахъ, пищалъ ребенокъ, вѣроятно недавно явившійся на свѣтъ; блѣдность лица матери, бѣдность обстановки, мужъ, запрашивающій страшную цѣну,—все это было грустно... мнѣ даже казалось, что хорошенькая чилійка поняла мою мысль и что въ глазахъ ея выразилось грустное сознаніе своего положенія. Она смотрѣла львицей, — а что̀ могла она найдти въ своемъ жалкомъ мужѣ? Въ состояніи ли онъ наполнить ея жизнь, вознаградить собою за эту пошлую обстановку и грязную жизнь въ поселеніи. Но, можетъ быть, она ничего лучшаго и не проситъ: и красота ея, и страстью пылающіе глаза, и грустно сложенныя прекрасныя губы, можетъ быть, все это фальшивая вывѣска пустой натуры? Если такъ, то пусть живетъ она всю жизнь свою здѣсь, и пусть мужъ ея не продастъ ни одной шкуры выгодно!

Вечеръ мы провели у губернатора. Несмотря на то, что онъ представляетъ собою типъ франтовъ прошлаго поколѣнія, онъ очень образованный человѣкъ. Живя въ совершенномъ одиночествѣ (капитанъ — плохой ресурсъ для разговоровъ, и всѣ его посѣщенія ограничиваются вечернимъ рапортомъ), онъ много занимается, читаетъ и вытачиваетъ разныя вещи изъ дерева. Онъ долго жилъ въ Чили, и его разсказы о революціяхъ въ Санъ-Яго и Вальпарайсо очень любопытны. У него прекрасная коллекція патагонскихъ вещей: шпоръ, *болосъ*, поясовъ, головныхъ украшеній, и проч. Изъ этого мы увидѣли, что патагонскій вкусъ очень близокъ къ русскому. Видали ли

вы у нашихъ кучеровъ кожаные пояса съ серебряными или мѣдными пуговками?—Въ этомъ родѣ почти всѣ патагонскія украшенія. Кончики стрѣлъ патагонцы дѣлаютъ изъ разбитыхъ бутылокъ. Угощалъ насъ губернаторъ чаемъ и свѣжимъ сливочнымъ масломъ, подобнаго которому мы не ѣли съ самой Франціи. Меня попросили посмотрѣть одного больнаго: у него болѣли глаза, легкая простуда понудила мѣстнаго доктора выдернуть ему рѣсницы, и глаза дѣйствительно разболѣлись. Если васъ будутъ посылать доктора лечить глаза въ Магеллановъ проливъ, то не слушайтесь ихъ.

На другой день мы гуляли въ лѣсу, который начинался у самой колоніи; онъ состоялъ изъ большихъ буковыхъ деревьевъ съ вѣтвистыми стволами и прорѣзывался небольшими просѣками; чаща непроницаемая; много срубленныхъ деревъ лежало на землѣ; между ними вилась тропинка, по которой иногда проносился чиліецъ, на лихомъ конѣ, въ толстомъ пончо, отбросивъ его въ красивыхъ складкахъ за плечи. Тропинка вела къ кладбищу, которое было заперто, такъ что только на немногихъ памятникахъ можно было прочитать кто окончилъ дни свои такъ далеко отъ обитаемаго міра. Погода была прекрасная. Огненная Земля дѣйствительно пылала огнемъ, охваченная пламенемъ вечерней зари; отдаленные мысы красовались въ разнообразномъ освѣщеніи. Но хорошая погода скоро измѣнилась; на другой же день пошелъ снѣгъ, при жестокомъ вѣтрѣ отъ NO; у берега сильный прибой ломалъ шлюпки. Мы не ѣздили на берегъ и съ нетерпѣніемъ ожидали времени, когда прикажутъ сняться съ якоря.

28-го марта пошли дальше и скоро миновали узкій проливъ между материкомъ и островомъ Елизаветой. Вечеромъ, подходя къ *Gregory-Bay*, увидѣли на берегу двѣ человѣческія фигуры и выставленный на большомъ шестѣ

флагъ. Сейчасъ была спущена шлюпка, снабженная всѣмъ необходимымъ для помощи, на случай, если это были люди, потерпѣвшіе кораблекрушеніе; оказалось, что это были патагонцы. Результатомъ экспедиціи было пріобрѣтеніе вонючаго хорька, подареннаго патагонцемъ К—у, и слѣды пятиминутнаго пребыванія этого звѣрка въ каютъ-компаніи были еще слышны на другой день, когда мы, развернувъ всю парусину, летѣли попутнымъ вѣтромъ, мимо *Позешонъ-бей* и мыса *Дьвъ*, послѣдняго изъ мысовъ пролива — въ океанъ.

Скоро скрылись за нами низкіе берега Патагоніи, и уже знакомыя намъ волны *нашего* океана стали покачивать клиперъ. Мы должны были идти на островъ св. Елены; поднявшись до 40° ю. ш., мы уже шли по параллели, ожидая западнаго вѣтра, который бы подхватилъ насъ и гналъ до долготы Елены; но нигдѣ не разсчитываешь такъ невѣрно, какъ въ морѣ. Расшатался у клипера ахтеръ-штевень, одно изъ главныхъ крѣпленій судна, на которомъ утвержденъ руль, а съ такимъ поврежденіемъ, безъ крайней нужды, нельзя было оставаться въ морѣ, находясь не больше 400 миль отъ берега, и вотъ клиперъ, какъ флагманское судно, поднялъ сигналъ: «*рандеву* Монтевидео», который многіе увидѣли съ радостію, многіе съ неудовольствіемъ. Радовались люди, еще неутомленные плаваньемъ, желавшіе увидѣть новую страну, очень любопытную, обогатить себя новыми знаніями, новыми наблюденіями; недовольные были люди, спѣшившіе въ Россію, закрывшіе давно сердце свое для всякой любознательности, дошедшіе въ своемъ равнодушіи до способности простоять мѣсяцъ на рейдѣ и не съѣхать ни разу на берегъ. Все это вамъ, жителямъ земли, непонятно; вы разсказываете за анекдотъ эксцентрическую выходку какого-то англичанина, пріѣхавшаго въ Петербургъ будто бы посмотрѣть рѣшотку лѣтняго сада и сейчасъ же вернувшагося домой,

безъ всякаго желанія увидѣть что-нибудь другое; у насъ такихъ господъ пол-эскадры, и не въ видѣ исключенія; скорѣе это общее правило; у насъ слово «путешественникъ» почти бранное слово; его употребляютъ, желая уколоть того нечестивца, который рѣшается на день или на два забыть брамшкоты для непонятнаго удовольствія посмотрѣть новый городъ, зайдти въ новую церковь, потолкаться на рынкѣ, полномъ новыхъ лицъ и предметовъ. Всѣ эти господа смотрѣли на Монтевидео, какъ на лишнюю задержку; эти самаритяне боялись оскорбить величіе своего веревочнаго царства непонятными вкусами филистимлянъ, желавшихъ узнать что-нибудь новое. Филистимляне были довольны; но, какъ грѣшники, не слишкомъ выказывали свою радость.

Оставшіяся до Монтевидео четыреста миль мы шли довольно медленно; наконецъ послѣдніе дни бывающій здѣсь часто SW пододвинулъ насъ. Мы уже были въ рѣкѣ, но береговъ еще не видѣли: такъ широко устье Ла-Платы. Лоцманъ встрѣтилъ насъ на маленькой шкунѣ, миль за шестьдесятъ отъ города. Наконецъ показались, но очень далеко, острова, маякъ и берегъ.

Лоцманъ говорилъ довольно порядочно по-французски; онъ цѣлый день занималъ насъ разговорами, выгружая намъ всевозможныя свѣдѣнія о Монтевидео; на томъ основаніи, что мы шли издалека, онъ не церемонился съ нами, пускался въ политику и пророчилъ войну. Привелъ онъ насъ на рейдъ поздно вечеромъ и поставилъ довольно далеко отъ берега.

Когда мы, на другой день, вышли наверхъ и осмотрѣлись, то увидѣли обширную подковообразную бухту; два стоявшія другъ противъ друга возвышенія находились у ея входа; слѣва, это былъ высокій зеленый холмъ, на вершинѣ котораго устроенъ маякъ; холмъ этотъ и называется собственно *Монтевидео*; у его подножія можно раз-

Бухта Папетуаи.
(Эймео)

глядѣть деревушку съ садами и длинными каменными заборами. Справа холмъ болѣе продолговатый, узкій, и выходитъ въ рѣку довольно далеко; весь онъ скрытъ зданіями города, громоздящимися другъ на друга до самой его вершины, на которой, поднявшись надъ всѣми домами, красуется соборъ съ двумя четырех-угольными, высокими колокольнями и большимъ серебрянымъ куполомъ. Дома, болѣе высокіе, нежели длинные, пестрѣютъ окнами и балконами; два большія зданія, таможня и госпиталь, отличаются своею огромностью и количествомъ оконъ. Берегъ, соединяющій эти два холма и лежащій въ глубинѣ бухты, низменъ; онъ былъ скрытъ отъ насъ мачтами и снастями стоявшихъ на рейдѣ судовъ. Городокъ очень красивъ; освѣщенный утреннимъ солнцемъ, весь онъ, точно выдѣланный изъ одного куска, горитъ бѣлизною своихъ зданій, нагроможденныхъ правильными четырехугольниками другъ на другѣ; отсутствіе крышъ и трубъ рисуетъ какъ будто лѣстницу, поднимающуюся до собора и снова спускающуюся.

По рейду снуетъ множество шлюпокъ; мѣстныя вооружены большимъ трехугольнымъ парусомъ, который называютъ латинскимъ; онъ оченъ красивъ и даетъ шлюпкѣ видъ бѣлой птицы, летящей надъ поверхностью воды и опустившей въ воду одно крыло. На клиперъ къ намъ никого не являлось, никого изъ тѣхъ посѣтителей, которые обыкновенно осаждаютъ приходящее судно. Подобное равнодушіе удивляло насъ, особенно въ приморскомъ городѣ, гдѣ приходящіе доставляютъ одинъ изъ главныхъ доходовъ маленькимъ прожектерамъ. Въ Гонконгѣ судно берутъ приступомъ, въ Сингапурѣ и на Сандвичевыхъ островахъ тоже; здѣсь же самимъ приходится дѣлать рекогносцировки, съ цѣлью отыскать прачку, въ которой намъ была большая надобность, потому что мы съ Таити прачекъ не видали, а онѣ въ морѣ также необходимы какъ свѣжее мясо.

На рейдѣ стояло много судовъ различныхъ націй; видно было нѣсколько бриговъ, которыхъ почти нѣтъ въ Тихомъ океанѣ: туда ходятъ громадные клипера (неимѣющіе, конечно, ничего общаго съ нашимъ клиперомъ; нашъ клиперъ скорѣе канонерская лодка), а маленькому бригу не такъ-то удобно хлебать волны Горна и полосы западныхъ свѣжихъ вѣтровъ. Въ 8 часовъ, при подъемѣ флаговъ, мы увидѣли много такихъ судовъ, которыхъ давно не встрѣчали: вотъ бразильскій зеленый флагъ, и самый корветъ, на которомъ развѣвается онъ, знакомъ намъ съ Шербурга; вотъ уругайскій флагъ, флагъ Буэносъ-Айреса, а вотъ желтый, съ красными полосами,—испанскій. Не говорю о развѣвающихся по всѣмъ океанамъ флагахъ, французскомъ, американскомъ и англійскомъ. Къ этому пестрому букету присоединился и нашъ андреевскій крестъ, явившійся сюда не новичкомъ, а видавшійся съ другими флагами на всѣхъ океанахъ міра.

Мы поѣхали на берегъ, но шлюпка подъ желтымъ флагомъ вернула насъ; въ ней сидѣлъ докторъ, который долженъ былъ сначала удостовѣриться, не привезли ли мы съ собою какой-нибудь заразительной болѣзни. Когда всѣ формальности были исполнены, какъ будто мы вдругъ отъ этого поздоровѣли, мы благополучно добрались до длинной, желѣзной пристани, гдѣ и высадились. Подъ пристанью толпилось множество шлюпокъ, военныхъ и частныхъ; на берегу была толпа, въ которой ярко отличались негры своими черными головами и добродушными, невозмутимыми взглядами. Когда я смотрю на негра, мнѣ все кажется, что онъ мнѣ хочетъ добродушно напомнить, что и онъ также человѣкъ, а не обезьяна, и что любопытно вглядываться въ его лицо такъ же неприлично, какъ если бы лицо его было бѣлое. Я это вполнѣ постигаю, и смотрю всегда на негра болѣе съ участіемъ, чѣмъ съ любопытствомъ, какъ смотрятъ на загнанную Сандрильону въ какомъ-

нибудь «пріятномъ семействѣ». Видъ негровъ въ Монтевидео не оставляетъ тяжелаго впечатлѣнія, оттого, что вы знаете, что они здѣсь всѣ свободны. Странно было бы говорить о красотѣ ихъ; но нельзя не остановиться передъ живописностію и оригинальностію фигуры негра.

Кромѣ негровъ, толпу составляли лица, надъ опредѣленіемъ происхожденія, занятій и значенія которыхъ призадумался бы всякій; здѣсь были лица смѣшанныя, неудавшіяся, выродившіяся, физіономіи неопредѣленныя, про которыя можно было сказать только, что у нихъ есть носъ, два глаза, ротъ, нѣсколько волосъ, набросанныхъ въ безпорядкѣ на ихъ корявое лицо въ видѣ бороды, усовъ и бровей, а о выраженіи ихъ, о типѣ и красотѣ не могло быть и рѣчи; это особенно бросалось въ глаза, когда къ толпѣ примѣшивался какой-нибудь англійскій матросъ, казавшійся переодѣтымъ принцемъ между чернію. Кто составляетъ собственно народъ въ Монтевидео, трудно сказать; тутъ есть баски, переселившіеся изъ Пиренейскихъ горъ въ давнее время и мѣшавшіеся съ индѣйцами, испанцами; есть и нѣмцы, мѣшавшіеся съ басками; испанцы, мѣшавшіеся съ тѣми и другими; отыскивайте же въ этой смѣси чего-нибудь рѣзкаго и характеристическаго.

Увидѣвъ, что съ нами не было ни чемодановъ, ни мѣшковъ, которые бы нужно было перенести, толпа пропустила насъ довольно равнодушно; мы вошли въ улицу, пересѣкающую городъ, лежащій на холмистой косѣ, и стали подниматься въ гору. Инстинктивно попали мы, послѣ втораго поворота, на самую модную улицу, названную въ честь дня освобожденія Уругая, *Улицею 25 мая*. На ней были прекрасные дома, наполненные магазинами, въ которыхъ царствовала страшная владычица міра—французская мода. Казалось, что Palais Royal перебросилъ сюда часть своего груза шляпокъ, мантилій, вѣеровъ, кринолиновъ, духовъ, бродекеновъ, муфтъ, тросточекъ, золотыхъ

булавокъ, брошекъ, конфетъ, и т. д. Находившіеся здѣсь французы подхватили все это и разложили по большимъ зеркальнымъ окнамъ такъ заманчиво, что Улица 25 мая стала любимымъ мѣстомъ прогулки дамъ Монтевидео. Цѣлый день, эскадронами, двигаются онѣ здѣсь взадъ и впередъ, нападаютъ на магазины, тормошатъ, торгуются, но покупаютъ очень рѣдко. Еслибъ испанская щеголиха каждый разъ, какъ входитъ въ лавку, покупала что-нибудь, то ни лавокъ, ни состоянія Ротшильда не достало бы на удовлетвореніе этой гомерической алчности. Еслибъ я писалъ все это въ первые дни своего пребыванія въ Монтевидео, то конечно не рѣшился бы такъ отнестись объ этихъ «ангелахъ», какими онѣ всѣ намъ показались сначала. Дамы приморскихъ городовъ говорятъ, что сейчасъ по глазамъ можно узнать моряка, только-что пришедшаго съ моря: всѣ они смотрятъ такъ, какъ голодный сталъ бы смотрѣть на лакомое блюдо. А я прибавлю, что эти глаза, кромѣ помянутаго выраженія, пріобрѣтаютъ еще способность видѣть то, чего не увидишь, поживя на берегу подолѣе. Всѣ попадавшіяся намъ навстрѣчу дамы были очень хороши собою; а попадались онѣ намъ на каждомъ шагу, или на тротуарѣ или на балконахъ, безъ которыхъ здѣсь нѣтъ ни одного окна. Еслибъ онѣ всѣ были такими, какими казались, то не было бы на свѣтѣ мѣста лучше Монтевидео, не осталось бы ни одного моряка на судахъ; сюда двинулись бы даже наши помѣщики изъ степныхъ захолустій, изъ Тамбова и Саратова, чтобы пасть къ ногамъ такихъ красавицъ. Но, увы! въ первый день у всѣхъ насъ была галлюцинація зрѣнія. Пока еще не наступило разочарованіе, мы съ наслажденіемъ смотрѣли на «милыхъ дамъ», въ шелкахъ и кринолинахъ, съ поразительно-маленькими ножками, со взглядами, въ которыхъ видѣлось цѣлое море наслажденій; мы слушали звуки испанскаго языка, вылетавшіе изъ «божественныхъ устъ», и не было

гармоніи, которая могла бы сравниться съ этими звуками; иногда мы останавливались, закидывая голову кверху: тамъ, какъ звѣзда съ неба, сіяла съ балкона какая-нибудь синьорита Христинита или синьорита Италита, и «дивная ножка продѣвалась сквозь чугунныя перила»... Въ томъ же настроеніи духа зашли мы въ соборъ; онъ былъ новый, въ алтаряхъ стояли, разодѣтыя въ парчу и бархатъ, выкрашенныя фигуры святыхъ, и у ихъ подножій, на каменномъ полу, въ черныхъ мантильяхъ, сидѣли таинственно-граціозныя фигуры; нуженъ былъ одинъ намекъ для того, чтобъ услужливое воображеніе нарисовало самую романическую героиню подъ этими черными блондами; вездѣ, казалось, молились «донны Анны»; жаль только, что новые донъ-Жуаны не знали по-испански, чтобы вкрадчиво примѣшать свои лукавыя, искушающія рѣчи къ непорочной молитвѣ дѣвъ. Послѣ мы часто въ этихъ непорочныхъ существахъ узнавали перезрѣлыхъ дѣвъ, молившихся, вѣроятно, какъ и всѣ перезрѣлыя дѣвы міра, о женихахъ.

Погулявъ по улицамъ, побывавъ въ соборѣ и на небольшой четырехугольной площади, на которой посажено нѣсколько деревьевъ, мы натурально захотѣли шоколаду, потому что въ городѣ, носящемъ испанскую физіономію, и по которому ходятъ прекрасныя испанки, всякій порядочный туристъ непремѣнно захочетъ выпить шоколаду. По близости была кофейня, хозяинъ которой былъ французъ, одинъ изъ самыхъ пустыхъ и безтолковыхъ французовъ въ свѣтѣ; не было малости, которой бы онъ не раздулъ въ гору, пускаясь при этомъ въ самыя длинныя разсужденія.

Къ нашему несчастію, мы поручили ему послать за экипажемъ, и по этому случаю должны были выслушать чуть не цѣлый курсъ нравственности. Онъ началъ съ того, что извощики здѣсь мошенники, и мы не предвидѣли

конца развитію этой обильной темы. Когда же пришлось съ нимъ расплачиваться, оказалось, что онъ и двухъ сосчитать не умѣетъ. Чтобы дать сдачи съ двадцати долларовъ, вызваны были на совѣтъ жена, поваръ, извощикъ, противъ котораго онъ самъ же возставалъ, и мы насилу освободились, закаявшись показываться на глаза этому французу. Но вліяніе француза не ограничилось этимъ, а отразилось еще и на нашей прогулкѣ.

Мы выѣхали за городъ, въ то мѣсто, гдѣ кончалась холмистая коса и начиналось плоское, но также холмистое пространство, застроенное улицами, переулками и пр. Мы думали, что стóитъ только выѣхать изъ Монтевидео, чтобы попасть въ *пампы*. Оказалось, что и отсюда нужно совершить порядочное путешествіе, проѣхать по крайней мѣрѣ миль сорокъ, чтобы совершенно освободиться отъ заборовъ, огороженныхъ полей, квинтъ, мельницъ, боенъ, дачъ и садовъ. Гдѣ собственно кончался городъ, трудно сказать. Городъ чистый, щегольской, съ высокими многоэтажными домами и магазинами, оставался за рынкомъ, стариннымъ зданіемъ, однимъ изъ самыхъ характеристическихъ и живописныхъ въ Монтевидео. Двое воротъ, ведущихъ въ это квадратное укрѣпленіе, носятъ на себѣ слѣды старинной испанской архитектуры, перенесенной сюда очень давно; подобнаго стиля очень много остатковъ въ Буэносъ-Айресѣ. Рынокъ, заключающійся между этими маститыми стѣнами, которыя поросли мѣстами мхомъ, заваленъ зеленью, плодами, кишитъ мелкими торговцами, отличается толкотней, шумомъ, снующими у ногъ собаками и всѣми подробностями, свойственными всѣмъ въ мірѣ рынкамъ. Но за рынкомъ шелъ также городъ: длинная широкая улица смотрѣла недавно выстроенною; на ней было много одноэтажныхъ домовъ съ внутренними дворами, такъ часто встрѣчающихся здѣсь. Въ лавкахъ видѣлись *пончо*, разныя кожаныя издѣлія, сѣдла, стремена,

длинные, сдѣланные изъ жилъ арканы, называемые здѣсь *lasso* и т. д. Чаще другихъ попадались лица, которыя съ перваго раза можно было принять, по костюму, за турокъ, или тряпичницъ: голова повязана платкомъ, на плечахъ *пончо*; вмѣсто нижняго платья тоже *пончо*, подвязанный въ широкихъ складкахъ, не хуже шальваръ какого-нибудь мамелюка, а изъ-подъ широкихъ складокъ этой части одежды выглядываютъ двѣ бѣлыя трубы панталончиковъ, обшитыхъ оборками...Видя въ первый разъ подобную фигуру, мы въ изумленіи спрашивали, кто это такой?—и намъ отвѣчали это *гаучо!* Какъ, восклицали мы, гаучо, этотъ прославленный типъ проворства, ловкости,— гаучо, набрасывающій на барса *lasso*, какъ онъ нарисованъ путешественникомъ Араго!...Да что онъ, переродился что ли?...И мы не вѣрили, смотря на эту фигуру, напоминавшую скорѣе московскую салопницу, нежели степнаго удальца. Но это были точно *гаучо*, и они всегда были такими. Гаучо — люди, находящіеся постоянно при скотѣ, наши прасолы, гуртовщики; они составляютъ здѣсь большинство сельскаго народонаселенія. Рѣдко между ними бываютъ охотники. Они ловко загоняютъ стадо дикихъ быковъ, отлично бьютъ скотину, еще ловче сдираютъ съ нея шкуру, и вотъ міръ, въ которомъ вращаются они, развивая въ себѣ, частымъ обращеніемъ съ ножемъ и кровью, кровожадность и равнодушіе къ жизни другаго. Понятно, какой страшный элементъ составляютъ они въ здѣшнихъ частыхъ революціяхъ и междоусобіяхъ. Ихъ вообще не любятъ, имъ не довѣряютъ, и они, далеко не выражая собою поэтическаго типа молодечества, напоминаютъ скорѣе отверженныя обществомъ касты, какъ напримѣръ палачей, японскихъ кожевниковъ, индѣйскихъ парій, и пр. Между ними есть много очень красивыхъ людей; часто встрѣчаешь ихъ верхомъ, и, какъ всадники, они много выигрываютъ. Чаще всего видишь ихъ при обозахъ, напо-

*

минающихъ наши южно-русскіе караваны; у нихъ тѣ же высокія фуры на большихъ немазанныхъ колесахъ, съ знакомымъ скрипомъ, крытыя тростниковыми навѣсами и загруженныя кожами или мясомъ; онѣ запрягаются въ три или четыре пары сильныхъ, большерогихъ быковъ; гаучо садится на дышлѣ или ѣдетъ верхомъ, погоняя длинною палкой скотину, усиленно везущую фуру по грязной, топкой дорогѣ. Эти фуры—одно изъ главныхъ средствъ перевозки сырыхъ матеріаловъ изъ отдаленныхъ *эстанцій* (такъ называются разбросанные по безпредѣльнымъ *пампамъ* хутора). Благодаря страшному количеству скота, перевозки эти легки и удобны. Обозы останавливаются въ степяхъ, и быки пускаются пастись; гаучо разводятъ огонь, варятъ кукурузу; синій дымокъ красивою струйкой распространяется по чистому воздуху, и вотъ повторяется одна изъ тѣхъ знакомыхъ намъ картинъ степи, которыя неразрывны съ воспоминаніями нашей молодости. Сцены, вдохновлявшія Кольцова, разыгрываются въ пампахъ Параны и Уругая тѣми же широкими мотивами, тѣми же безпредѣльными тонами, которые даетъ «степь широкая, степь раздольная». Фуры эти мы уже встрѣчали за рынкомъ. Но вотъ мы поѣхали по переулкамъ, гдѣ уже не было непрерывной нити домовъ; за длинными заборами показывались небольшіе садики; колючія *агавы* заслоняли своими твердыми остроконечными листьями разваливающійся кирпичъ ограды; за ней нѣсколько плакучихъ ивъ склонили свои вѣтви надъ небольшимъ источникомъ, близъ котораго быки и овцы наслаждались брошенною деревьями тѣнью. Появились пространства, видимо занятыя съ цѣлію превратить ихъ въ паркъ; домъ затѣйливою архитектурой показываетъ желаніе хозяина устроить себѣ роскошный пріютъ, окружить его нѣсколькими аллеями грушъ, акацій, клумбами цвѣтовъ и разною зеленью, вьющеюся по трельяжамъ и бесѣдкамъ. Отравившій намъ день французъ по-

совѣтовалъ нашему кучеру везти насъ въ садъ какого-то господина Марда, утверждая, что это самая интересная вещь въ окрестностяхъ Монтевидео. Садъ этотъ напоминалъ одну изъ дачъ Елагина или Крестовскаго острова. Тамъ подобные сады дѣйствительно рѣдкость, но для насъ они были какою-то насмѣшкой надъ природой. Чтó могли сказать мы, смотря на миніатюрное апельсинное деревцо, послѣ апельсинныхъ лѣсовъ Таити? Французъ долженъ былъ все это сообразить, и никакъ не совѣтовать кучеру везти насъ туда. Другой садъ примирилъ насъ немного съ окрестностями Монтевидео; онъ былъ очень великъ, съ прекрасными большими деревьями, съ тѣнистыми рощами, съ видомъ, который отъ одной бесѣдки открывался на волнующуюся, зеленѣющую мѣстность, испещренную квадратиками садовъ, огородовъ, полей, загоновъ, съ ихъ домиками, квинтами и пестротою населеннаго мѣста; недалеко, на вершинѣ отлогаго холма, вѣтряная мельница махала своими крыльями. На другой сторонѣ, тоже испещренной деревьями и домиками, за лощиною, виднѣлся бѣлокаменный городъ съ своими красивыми домами, колокольнями собора и полосою моря, отдѣлявшею городъ отъ ближайшей къ намъ мѣстности. Подъ ногами была густая, тѣнистая роща, потомъ рѣчка и за нею небольшое поле, по которому три пары быковъ тащили тяжелый плугъ, и черная масса взрѣзанной земли слѣдомъ ложилась за ярко-блестящимъ желѣзомъ. Въ саду были прекрасные скверы и аллеи. Хозяинъ, старичокъ нѣмецкаго происхожденія, показывалъ все это съ любовію, водилъ въ какое-то подземелье, изъ котораго можно было выѣхать каналомъ на лодкѣ, взбирался съ нами на развѣсистое дерево, наверху котораго устроена была бесѣдка, наконецъ пригласилъ къ себѣ въ домъ, гдѣ мы нашли цѣлое семейство. Двѣ старушки, съ приторно-добрыми лицами, сидѣли на диванѣ, на креслахъ играла черными глазами дѣвица лѣтъ двад-

цати восьми (впрочемъ, я всегда затрудняюсь опредѣлить лѣта молодой особы—настоящій субъектъ могъ быть и моложе и гораздо старше); видно было, что она составляетъ главный центръ, вокругъ котораго сосредоточивались нѣжность старушекъ, услужливость чернобородаго испанца, который часто наклонялся къ ней, развалясь на креслѣ, и рабская преданность черналицей негритянки, подавшей мнѣ какой-то инструментъ, всего болѣе похожій на чернилицу, съ воткнутымъ въ нее перомъ. Я догадался, что это *мате*, парагайскій чай, который тянутъ черезъ серебряную трубочку изъ небольшой травянки, также обдѣланной въ серебро. Мате любимое препровожденіе времени жителей при-лаплатскихъ областей; это первое угощеніе, какъ у насъ, напримѣръ, сигары или папиросы; за мате забываетъ аргентинецъ свое горе, понемногу потягивая сладковатую жидкость, которая мнѣ показалась не лучше микстуры. Двадцати восьми-лѣтняя дѣвица старалась показать намъ, что она недаромъ сосредоточиваетъ на себѣ общее вниманіе и любовь, что она дѣйствительно солнце, блистающее неподдѣльнымъ свѣтомъ, и въ силу этого она вела главный разговоръ, садилась за фортепіано, пѣла и, еслибы мы не поспѣшили уѣхать, вѣроятно показала бы еще какой нибудь изъ своихъ талантовъ.

Между деревьями, встрѣчаемыми по дорогѣ, было много пирамидальныхъ тополей, и многія мѣстечки можно было принять за какіе нибудь малороссійскіе хутора, еслибы не кактусы да агавы, обильно растущіе у заборовъ, въ канавахъ и рытвинахъ. Часто у калитки своихъ садовъ стояли молоденькія дѣвушки и дарили насъ,—къ сожалѣнію быстро проѣзжавшихъ мимо,—восхитительными улыбочками, отъ которыхъ молодой Л. едва усиживалъ на мѣстѣ. Заѣхали посмотрѣть одну бѣдную квинту, надѣясь найдти тамъ что нибудь характеристическое. Квинта за-

нимала не больше десятины, огороженной низенькою кирпичною стѣной; половина ея была подъ грушовыми деревьями, другая подъ тыквами. Въ небольшомъ домикѣ, снаружи почти развалившемся, встрѣтила насъ старушка, настоящая дуэнья, съ крючковатымъ носомъ, съ мѣшечками подъ глазами, и съ добродушіемъ, обильно разлитымъ по морщинамъ и ямамъ пергаментныхъ щекъ. Въ комнатѣ было чисто, по песчаному полу ходили два голубя; на комодѣ стояли святые, убранные цвѣтами. Мы посидѣли нѣсколько минутъ, стараясь щедро-расточаемыми улыбками отблагодарить добрую старушку за то, что она впустила насъ и дала по жесткой грушѣ.

Къ пяти часамъ вернулись въ городъ; за обѣдомъ мы пили замороженное шампанское,—признакъ, что мы въ Атлантическомъ океанѣ, почти въ Европѣ. Вечеромъ, противъ собора, который двумя четырехугольными колокольнями возвышается надъ всѣмъ городомъ, на площади, было гулянье. По срединѣ оркестръ военной музыки играетъ увертюры изъ разныхъ оперъ, цѣпь часовыхъ съ ружьями окружаетъ музыкантовъ, а по пересѣкающимся крестообразно аллеямъ двигается сплошная толпа. Въ числѣ гуляющихъ, очень много женщинъ въ черныхъ мантильяхъ, съ вѣерами, съ обширными кринолинами и въ шляпкахъ. Лучше музыки раздавались отрывочныя рѣчи испанскаго языка. Тутъ у дерева прислонилась высокая женщина «какъ печальная картина». Смотрите, какая хорошенькая! поминутно раздавалось въ нашей толпѣ. Что за глаза, а носъ, а нога! А по правдѣ сказать, луны не было и столько было тѣни, что поневолѣ припоминалась пословица: la nuit tous les chats sont gris.

Монтевидео или San-Filippe, главный городъ Ургайской республики, построенъ близъ устья Ла-Платы, на лѣвомъ ея берегу. Въ немъ около 30 000 жителей; впрочемъ, цифра народонаселенія колеблется отъ 20 до 40 000; до

послѣдней осады въ Монтевидео было 40 000. Чтобъ имѣть понятіе о расположеніи его улицъ, возьмите бумагу, проведите нѣсколько параллельныхъ линій, которыя пересѣките перпендикулярными къ нимъ, также параллельными, линіями, и вы будете имѣть планъ Монтевидео; посрединѣ двѣ площади, на одной изъ нихъ рынокъ, а на другой соборъ. Правильныя, прямыя улицы прекрасно вымощены, очень много высокихъ домовъ, полныхъ магазинами; у каждаго окна балкончикъ. Трудно найдти какую-нибудь особенность въ такомъ городѣ; подобные города надо видѣть сейчасъ послѣ Европы; тогда, можетъ быть, многое въ нихъ покажется новымъ; послѣ же Китая и Японіи, Монтевидео простодушно принимаешь за прекрасный европейскій городъ; даже пестрый гаучо не кажется оригинальнымъ; покажется, что лучшихъ домовъ и быть не можетъ. На нашихъ красавицъ, въ которыхъ мы видѣли образцы хорошаго вкуса, въ Европѣ, можетъ быть, указывали бы пальцемъ... Мы всему вѣрили, все принимали на слово, какъ принимаетъ на слово все пріѣхавшій въ Петербургъ изъ своего самарскаго имѣнія помѣщикъ, постоянно жившій въ глуши.

Монтевидео лучшій портъ Ла-Платы; онъ ведетъ значительную торговлю съ Франціей, Англіей, Испаніей, Соединенными штатами и Бразиліей. Во всѣ эти страны шлетъ онъ тѣ же продукты, что́ и Буэносъ-Айресъ, то-есть кожи, соленое и сушеное мясо, волосъ, жилы, сало, шерсть, страусовыя перья, и т. д. Французы наводняютъ его своими мануфактурными произведеніями и модными издѣліями. На рейдѣ Монтевидео, очень обширномъ и несправедливо имѣющемъ дурную репутацію, по случаю часто дующаго *Pampero*, постоянно стоятъ на станціи военныя суда: англійскія, французскія, испанскія, бразильскія, сѣвероамериканскія. *Памперо*—сѣверо-западный вѣтеръ, дующій сильными порывами, иногда съ громомъ и молніей,—не

разводитъ въ бухтѣ такого волненія, чтобы стоянка была невозможна; напротивъ, памперо оказываетъ здѣсь благодѣтельное вліяніе; безъ этого, часто повторяющагося вѣтра, очищающаго атмосферу отъ накопившихся міазмовъ, неизбѣжныхъ при низменномъ положеніи страны, Монтевидео былъ бы нездоровымъ мѣстомъ, такъ какъ онъ находится близъ впаденія широкой рѣки въ море, прѣсныя воды которой мѣшаются съ солеными; благодаря памперу, Монтевидео можетъ похвалиться своими благопріятными, гигіеническими условіями. Жители такъ привыкли къ памперо, что всегда знаютъ заранѣе, когда онъ будетъ; ему предшествуетъ мокрая туманная погода; при тихомъ NO (*сальный* памперо), идетъ дождь, но вѣтеръ, отходя отъ NO, черезъ N, NW и W доходитъ до SW, разчищаетъ небо, и сильные порывы начинаютъ налетать, постепенно усиливаясь. Памперо можетъ продолжаться отъ 24 часовъ до 9 сутокъ. Капитанъ Кингъ, описывавшій Магеллановъ проливъ, имѣлъ памперо въ продолженіи 9 дней въ широтѣ 35°, недалеко отъ устья Ла-Платы; мы, почти въ томъ же мѣстѣ, имѣли памперо, продолжавшійся четверо сутокъ, и сила его порывовъ нисколько не уступала силѣ порывовъ японскаго тайфуна. Барометръ ниже 29°, 42′ не падалъ.

Перегрузка товаровъ производится на большихъ ботахъ, вооруженныхъ такъ-называемыми *латинскими* парусами; они десятками снуютъ по обширному рейду. Таможенный сборъ составляетъ главный доходъ государства.

Въ Монтевидео прекрасный театръ, въ которомъ могутъ помѣститься больше 2000 зрителей. Мы слышали въ немъ *Норму*. Это было послѣднее представленіе нашей старой знакомой Ла-Гранжъ. Она была также хороша, хотя знатоки и находили, что голосъ начинаетъ измѣнять ей. Къ ней летѣли букеты, пущено было два голубя; высадили на сцену ребенка, который, проболтавъ заучен-

ную фразу, поднесъ пѣвицѣ какую-то картинку, за что́ и былъ поцѣлованъ артисткой въ лобъ. Плафонъ театра разрисованъ портретами великихъ людей, между которыми я узналъ Шекспира и Мольера.

Вечеромъ улицы наполняются какими-то таинственными фигурами, костюмъ которыхъ невозможно разсмотрѣть за темнотой; у всякаго фонарь и пика. Это *серены*, здѣшніе стражи, занимающіе углы каждой квадры, окликающіе проходящихъ и, по всей вѣроятности, имѣющіе право ловить подозрительныхъ людей.

Сообщеніе съ Буэносъ-Айресомъ бываетъ четыре раза въ недѣлю. Туда ходятъ три частные парохода: *Constitution*, *Montevideo*, *Salto*. Послѣдній поднимается до Росаріо.

Дней черезъ пять послѣ нашего пребыванія въ Монтевидео, въ продолженіи которыхъ мы съѣзжали по вечерамъ на берегъ гулять по «Улицѣ 25 мая» и по площади, мы начали охладѣвать къ испанскимъ красавицамъ и уже ясно различали хорошенькихъ отъ дурныхъ; можетъ быть, вслѣдствіе этого, и рѣшились мы ѣхать въ Буэносъ-Айресъ. Обстоятельства, приведшія нашъ клиперъ на рейдъ Монтевидео, влекли за собою тысячу работъ: выниманіе котловъ и машины, выгрузку рѣшительно всего трюма, суету, шумъ и, какъ характеристически выразился одинъ испанецъ, смотритель бота, на которомъ были устроены шпили, страшное *barbulio*. Насъ всѣхъ попросили переселиться на квартиры, которыя были отведены на сосѣднемъ блокшифѣ, носившемъ названіе *Abagun*: было ли это собственное или нарицательное имя—не знаю. Понятно, что при всѣхъ этихъ переборкахъ и переселеніяхъ, кромѣ удовольствія видѣть новый городъ, пріятно было и удалиться на 120 миль отъ всякаго *barbulio*.

Когда мы пріѣхали, съ своими саками, на пароходъ *Монтевидео*, то пока не двинулись съ мѣста, мы смотрѣли

на уродливый *Abagun* и на отягченныя стрѣлами и различными путами мачты нашего клипера; съ *Абагуна* намъ махали оставшіеся и, на этотъ разъ, вѣроятно, завидовавшіе намъ товарищи; но мы ихъ не жалѣли: то были самаритяне; филистимляне же безъ стыда и совѣсти оставляли страждущее и требовавшее врачеванія судно.

Почти безъ шума, загребая колесами, вышелъ пароходъ съ рейда; мачты, реи, снасти остававшихся за нами судовъ сливались, вмѣстѣ съ городомъ и зеленымъ холмомъ, на которомъ возвышался маякъ, въ одну сѣро-коричневую массу. Въ рѣкѣ насъ встрѣтилъ довольно свѣжій SW, небольшой памперо. Небо то прочищалось, то заволакивалось тучами; горизонтъ за городомъ былъ черный, мрачный, и на немъ рисовался, охваченный яркимъ освѣщеніемъ солнца, ломаный контуръ холма, покрытаго зданіями и увѣнчаннаго двумя высокими колокольнями.

Скоро насъ позвали обѣдать. Сначала было тѣсно, но вотъ стали очищаться мѣста, и намъ, которымъ было бы очень стыдно, еслибы насъ укачало, стало просторно. Обѣдъ былъ превосходный. Вечеромъ пассажиры разбрелись по разнымъ угламъ: кто залегъ спать, кто смотрѣлъ за бортъ, кто пристроился къ молоденькой и хорошенькой испанкѣ, прохлаждавшейся на палубѣ. Я любовался ходомъ прекраснаго парохода; мы шли съ противнымъ теченіемъ и при довольно крупномъ волненіи четырнадцать узловъ. Машина шла ровно, безъ болѣзненныхъ сотрясеній.

II.

Нельзя не сознаться, что большая часть земель и государствъ Южной Америки извѣстны намъ только по имени, а сбивчивая исторія ихъ развѣ только по газетамъ; между тѣмъ и исторія и статистика ихъ любопытны въ высшей

степени; а такъ какъ изъ личныхъ впечатлѣній и разсказовъ жителей узнаешь немного, то я рѣшаюсь, съ помощію одного превосходнаго нѣмецкаго сочиненія, познакомить васъ съ нѣкоторыми сторонами политическаго быта государствъ, непохожихъ ни на какія государства въ мірѣ. Не ждите, однако, отъ меня полной исторіи; ей не мѣсто въ легкихъ замѣткахъ кругосвѣтнаго туриста.

Рѣчная область, прилегающая къ Ріо-де-ла-Плата, по величинѣ своей, занимаетъ второе мѣсто въ мірѣ; она меньше области Амазонской на 18 000 квадратныхъ миль и много больше области Миссиссипи. Земли, по которымъ протекаетъ Ла-Плата съ своими притоками, лежатъ частію въ тропикахъ, частію въ умѣренномъ климатѣ, и могутъ такимъ образомъ доставлять произведенія разныхъ полосъ земнаго шара. Ла-Плата образуется соединеніемъ Параны и Уругая; суда всѣхъ величинъ могутъ достигать до Монтевидео; а отъ Монтевидео до Параны, по измѣреніямъ капитана Соливана (1847), фарватеръ глубиною отъ 3½ до 10 саженей; пароходы безъ труда поднимаются до Росаріо.

Уругай, протекая сначала малоизвѣстными странами Бразиліи, покрытыми дѣвственнымъ лѣсомъ, составляетъ границу Бразиліи и Аргентинской конфедераціи, а равно границу послѣдней и Уругайской республики; онъ принимаетъ въ себя богатые водой притоки, орошающіе роскошную мѣстность, на которой 30 милліоновъ жителей могли бы вести счастливую жизнь, но которая до сихъ поръ остается пустынною.

Уругай почти по всему протяженію своему судоходенъ. Лучше изслѣдованъ онъ въ своемъ низовьѣ. По Соливану, до 31° южной широты фарватеръ его углубляется отъ 3½ до 14 саженей; слѣдовательно суда, сидящія отъ 14 до 18 футъ, могутъ достигать устья Ріо-Негро и Галегалху.

Парана образуется соединеніемъ большой рѣки Ріо-Гранде съ Паранахибо. Первая беретъ начало въ бразильской провинціи Минасъ-Гераясъ, не далѣе 20 миль отъ Атлантическаго океана и, пройдя 150 миль во всю длину роскошной провинціи, соединяется съ Паранахиба, на границѣ Монтогроссо. Отсюда величественная рѣка получаетъ названіе Параны, удерживая его до впаденія въ Ла-Плату. Пройдя болѣе 180 миль совершенно неизвѣстными областями Бразиліи, она образуетъ, далѣе, съ одной стороны, границу между Парагаемъ и Аргентинскою республикой; потомъ, принявъ въ себя еще большую рѣку Парагай, Парана направляется къ югу, принадлежа здѣсь нераздѣльно, на протяженіи 130 миль, Аргентинскимъ штатамъ. Эта часть ея извѣстна болѣе другихъ; но и здѣсь, гдѣ она составляетъ главную жилу внутренняго движенія, мало измѣнилась она въ продолженіи трехсотъ лѣтъ, со времени ея завоеванія. Несомнѣнно, что Парана судоходна; извѣстно, однако, что плаваніе по ней прерывается семью водопадами, которые низвергаются со скалы на скалу на протяженіи 25 миль. О фарватерѣ ея низовья, очень важномъ въ настояще время, извѣстно только съ тѣхъ поръ, какъ англійскіе и французскіе пароходы стали подниматься по Паранѣ и Парагаю до Асумпсіонъ. Суда, сидящія 8 и 10 футовъ, совершаютъ переходъ отъ Буэносъ-Айреса въ восемь дней и въ пять возвращаются назадъ.

Источники Парагая находятся въ богатой бриллiантовыми минами бразильской провинціи, Монтогроссо. Еще Феликсъ-Асара (въ 1792) называлъ эту рѣку «лучшею въ мірѣ» и говорилъ, что по ней можно достигнуть центра португальскихъ минъ. Въ новѣйшее время всѣ единодушно восхищаются этою великолѣпною рѣкой, которая, при равной глубинѣ, спокойно и тихо катитъ волны свои въ берегахъ, покрытыхъ роскошнымъ лѣсомъ.

Страны, орошаемыя этими рѣками, не считая принадлежащихъ Бразиліи, занимаютъ пространство въ 1200000 англ. квадр. миль, составляя Аргентинную конфедерацію и республики: Буэносъ-Айреса, Парагая и Уругая, исторія которыхъ идетъ почти нераздѣльно; отчего и называютъ ихъ часто однимъ именемъ штатовъ *Ла-Платы*. На этомъ пространствѣ живутъ едва 2000000 жителей, приходясь по два человѣка на квадратную милю; притомъ большинство ихъ сосредоточено въ городахъ: въ Буэносъ-Айресѣ 180000 жителей, въ Монтевидео 30000, въ Тукуманѣ 10000, и проч.

Огромнѣйшія земли заселены здѣсь бѣдно, частію совсѣмъ не заселены. Мѣстечки, приходы и мызы лежатъ другъ отъ друга на разстояніи 4 — 8 дней пути, при совершенномъ бездорожьи, и при такихъ условіяхъ, конечно, трудно развиться земледѣлію и цивилизаціи. Жизнь разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ европейскихъ семействъ мало разнится отъ жизни краснокожихъ индѣйцевъ. Безъ средствъ къ удовлетворенію нравственныхъ потребностей, физически они надѣлены съ избыткомъ богатствомъ этихъ дикихъ странъ; имъ благопріятствуетъ разнообразный климатъ, — холодный у Кордильеровъ и теплый, даже жаркій, въ пампахъ, — и эти легко-достающіяся средства жизни составляютъ главную причину малаго нравственнаго развитія. Только нужда и трудъ жителей воспитываютъ и поддерживаютъ сильную, самостоятельную и здоровую жизнь, какъ въ индивидуумѣ, такъ и въ массѣ народонаселенія.

Особыя условія мѣстности и всей окружающей среды образовали здѣсь оригинальныя своеобычныя учрежденія, *эстанціи*, и развили мѣстный типъ *гаучо*. Эстанціи и гаучо составляютъ характеристическія особенности страны. Эстанціями называли сначала испанцы, а послѣ южно-американцы, заселенныя поля, съ фермою, занимавшія 3 или

Бухта Папетуаи.
(Эймео).

4 мили; на этихъ фермахъ пасется огромное множество скота, — лошадей, быковъ, овецъ, ламъ и альпакъ; нерѣдко попадаются эстанціи, имѣющія болѣе 30 000 головъ различнаго скота. Въ большомъ домѣ, среди фермы, живетъ владѣтель, окруженный многочисленными рабочими, съ ихъ женами. Дѣло рабочихъ ходить за скотиной, загонять стада, бить быковъ и лошадей; ихъ-то и называютъ *гаучо*. Если недоставало мѣста на мызѣ, *гаучи* строили въ нѣкоторомъ отдаленіи деревянные домики, крытые соломой и называемые *ранчо*. Надъ ними и для веденія работъ, назначался главный управляющій. Первоначально *гаучами* называли людей подозрительныхъ, которые избѣгали обитаемыхъ мѣстъ и удалялись въ степи; позднѣе названіе это распространилось на всѣхъ деревенскихъ жителей. Теперь они составляютъ собственно классъ поселянъ, лишены всякой цивилизаціи и постоянно враждуютъ съ жителями городовъ. Своею многочисленностію и вліяніемъ, они постоянно давали штатамъ Ла-Платы свой оригинальный характеръ, и въ ихъ столкновеніяхъ съ городскимъ сословіемъ заключается вся разгадка безпрестанныхъ междоусобій страны. Сколько разъ они одни, и надолго, рѣшали судьбу этихъ государствъ! Они же были главною поддержкой двадцатилѣтняго диктаторства донъ-Хуана Мануеля де-Росаса.

Въ 1810 году большая часть испанскихъ колоній въ Южной Америкѣ отдѣлилась отъ своей метрополіи. Аргентинская же конфедерація объявила себя окончательно независимою въ іюнѣ 1816 года, на конгресѣ въ Санъ-Мигелѣ-Тукуманскомъ, и уложеніе, объявленное 30 апрѣля 1819 года, написано было по образцу Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Не соотвѣтствуя здѣшнимъ условіямъ, оно повело къ величайшимъ затрудненіямъ: всякій хотѣлъ властвовать, никто не хотѣлъ повиноваться. Въ кровавой, дикой путаницѣ начали наконецъ выясняться двѣ враж-

дебныя другъ другу партіи — *федералистовъ* и *уніонистовъ*, и всѣ личности, на которыхъ вертится исторія Аргентинской республики, принадлежали или къ первой, или ко второй изъ этихъ партій. Ривадавіа, Пасъ, Лаваль, Варелла и Уркиса были уніонисты; Лопесъ, Аирога и Росасъ были федералисты. Грустный опытъ первыхъ годовъ независимости (1816 — 1826) долженъ былъ убѣдить всѣхъ благомыслящихъ людей въ невозможности конфедеративнаго правленія, при противодѣйствующемъ ему стремленіи каждой провинціи къ самостоятельности. Ривадавіа, Родригесъ и многіе другіе съѣхались на совѣщаніе и рѣшили, чтобы правленіе было федеративное. Провинціи Буэносъ-Айресъ, Коріентесъ, Энтре-ріосъ и Санта-фе образовали на этомъ основаніи такъ-называемый «четверной союзъ»; Буэносъ-Айресу предоставлено было веденіе иностранныхъ дѣлъ; принятыя же имъ обязательства онъ долженъ представлять на рѣшеніе контреса. Первымъ президентомъ былъ избранъ въ 1826 году Ривадавіа; но снова собранный конгресъ, недовольный стремленіями президента болѣе гарантировать положеніе главы государства, принудилъ Ривадавію удалиться. Одинъ изъ аргентинскихъ писателей, Индарте, говоритъ о первомъ президентѣ: «истинный другъ отечества, онъ сдѣлалъ много улучшеній и положилъ такія прочныя основанія для дальнѣйшихъ улучшеній, что всѣ его преемники невольно возвращались къ нимъ; этихъ основаній не могла уничтожить двадцатилѣтняя рѣзня: такъ сильны разумность и честность, въ сравненіи съ грубою властію». По удаленіи Ривадавіи наступила страшная анархія, извѣстная подъ именемъ *акефаліи* (безголовья), такъ что иностранныя державы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не знали къ кому обратиться. Подобное положеніе дѣлъ, конечно, не могло быть продолжительно. Собирались новые конгресы (въ 29, 30 и 31 годахъ), гдѣ были представители отъ провинцій Буэносъ-

Айреса, Коріентесъ, Энтре-ріосъ, Санта-фе, Кордовы и Санъ-Хуана, заставлявшіе молчать остальныя провинціи; принято было существующее понынѣ государственное уложеніе Аргентинской конфедераціи: совершенная независимость отдѣльныхъ провинцій извнѣ; каждая провинція имѣетъ свое отдѣльное управленіе, губернатора и своихъ представителей; веденіе внѣшнихъ сношеній и войны предоставлено губернатору Буэносъ-Айреса; онъ же и главнокомандующій; противъ всякой внѣшней силы, провинціи находятся въ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ; свобода внутренней торговли и судоходства во всѣхъ странахъ конфедераціи. Для рѣшенія спорныхъ вопросовъ о плаваніи по рѣкамъ, о внѣшней торговлѣ, о погашеніи государственнаго долга — долженъ быть созванъ новый конгресъ; но конгресъ этотъ не состоялся.

1-го декабря 1829 года Лаваль, стоявшій во главѣ войска, идетъ противъ губернатора Буэносъ-Айреса, Доррего, разбиваетъ его при Наварро, беретъ въ плѣнъ и разстрѣливаетъ. Защищавшій Доррего, Росасъ, побѣждаетъ въ свою очередь Лаваля, заставляетъ его удалиться въ Монтевидео, и самъ становится губернаторомъ и главнокомандующимъ въ Буэносъ-Айресѣ (1830). Такъ выступилъ на политическое поприще донъ-Хуанъ Мануэль де-Росасъ, человѣкъ чудовищный, но владѣвшій желѣзною, непреклонною волей, стремившійся безъ оглядки къ своей цѣли, и какою-то притягательною силой приковавшій къ себѣ народъ. Изъ губернатора, съ законною, но очень ограниченною властію, онъ становится неограниченнымъ деспотомъ Аргентинской республики; его воля является закономъ для всѣхъ провинцій. Этотъ новый губернаторъ, вокругъ котораго совершалась въ продолженіи многихъ лѣтъ исторія Лаплаты, который вызвалъ на бой сильнѣйшія европейскія государства и выдержалъ его съ честію, родился въ 1793 году въ Буэносъ-Айресѣ, въ почтенномъ

семействѣ, переселившемся сюда изъ Астуріи. Его прадѣдъ былъ губернаторомъ въ Чили; дѣдъ его былъ убитъ въ войнѣ съ индѣйцами: зашитый въ кожѣ, онъ былъ брошенъ въ море. Въ молодости Росасъ долго жилъ между гаучами, на эстанціяхъ своихъ родственниковъ; принималъ участіе въ ихъ работахъ, играхъ и разныхъ увеселеніяхъ. Гаучи смотрѣли на юношу какъ на своего, и съ гордостію поддерживали потомъ домогательства своего бывшаго товарища. Власть Росаса основывалась на гаучахъ, и онъ никогда не забывалъ ихъ интересовъ. Онъ болѣе всего обращалъ вниманіе на земледѣліе; образованіе, вмѣстѣ со всякимъ свободнымъ движеніемъ, преслѣдовалось деспотомъ какъ самое опасное враждебное начало и въ религіозномъ, и въ политическомъ смыслѣ.

По истеченіи законнаго срока, Росасъ сложилъ съ себя должность, въ первый и послѣдній разъ поступивъ въ смыслѣ конституціи. Его преемники, Біамонтъ и Маса, были незначительные люди. Въ мартѣ 1835 года Росасъ былъ снова выбранъ и уже съ неограниченною властію, такъ какъ онъ иначе выбраннымъ быть не соглашался. По истеченіи законнаго срока, каждый разъ возобновлялась комедія отказа: Росасъ увѣрялъ, что его здоровье не выноситъ бремени правленія, что онъ желалъ бы удалиться въ частную жизнь; депутаты были въ отчаяніи, просили и прибавляли правъ и почестей диктатору; даже одинъ мѣсяцъ въ году назвали его именемъ. Наконецъ Росасъ соглашался, и приносилъ свои наклонности въ жертву любезному отечеству.

Между первымъ и вторымъ президентствомъ своимъ, Росасъ оказалъ республикѣ большія услуги. Жившіе на южныхъ границахъ Буэносъ-Айреса и Чили, индѣйцы производили частые набѣги на сѣверъ. Воинственное племя не разъ проникало во внутреннія земли, и огнемъ и мечомъ уничтожало все; Росасъ, въ союзѣ съ чилійцами,

LE GENERAL ROSAS.

50

рѣшился усмирить варваровъ. Подъ его предводительствомъ, двинулись гаучи къ Магелланову проливу, били индѣйцевъ вездѣ, гдѣ только они осмѣливались сопротивляться и освобождали тысячи плѣнныхъ христіанъ; генералъ Бургенъ, именемъ Аргентинской республики, занималъ многія мѣста малоизвѣстныхъ пампъ Патагоніи, которымъ впрочемъ долго еще надобно ждать цивилизованнаго населенія. Росасъ долженъ былъ даже ограничивать притязанія чилійцевъ, основавшихъ колонію (въ 1843 г.) въ Магеллановомъ проливѣ (*). Этими трудными походами Росасъ стяжалъ себѣ уваженіе и славу, тѣмъ болѣе, что къ этому же времени относится борьба за національную независимость, можно даже сказать, за самостоятельность Новаго Свѣта относительно Стараго, и самые рѣшительные и ожесточенные противники тирана должны были радоваться его успѣхамъ.

Въ 1837 году, Росасъ, на основаніи давно забытаго закона, потребовалъ, чтобы всѣ иностранцы, жившіе въ Буэносъ-Айресѣ, участвовали въ національной милиціи; нѣсколько французовъ были завербованы силою. Часто повторяемые протесты и жалобы французскаго агента оставались безъ отвѣта; наконецъ парижскій кабинетъ почувствовалъ себя обиженнымъ и принялъ свои мѣры. 28-го марта 1838 года всѣ порты Аргентинской республики объявлены были въ блокадѣ; французы соединились съ врагами Росаса, уніонистами, во главѣ которыхъ сталъ, пріѣхавшій изъ Монтевидео, генералъ Лаваль; въ нѣсколькихъ стычкахъ войскамъ диктатора нанесено было чувствительное пораженіе. Въ самомъ Монтевидео Франція домогалась низложить президента Мануэля Орибе, и посадить на его мѣсто главу революціоннаго движенія, генерала Фруктуосо Рифера. Французамъ очень хотѣлось

(*) Та самая, о которой я говорилъ выше.

возводить и низлагать правителей въ Южной Америкѣ; они по обыкновенію забыли, что этимъ страшно оскорбляли національную гордость и, вмѣсто союзниковъ, наживали себѣ въ народѣ враговъ и сильно вредили своей выгодной торговлѣ съ этой страной. Въ 1840 г. «войско освободителей», подъ командою Лаваля, двинулось къ Буэносъ-Айресу, внутри котораго вспыхивали частные мятежи; началась осада, и, занимая шагъ за шагомъ укрѣпленныя мѣста, уніонисты уже близки были къ окончательной побѣдѣ. Въ это время прибылъ изъ Франціи въ Монтевидео адмиралъ Мако (23-го сентября 1840) съ приказаніемъ все кончить и какъ можно скорѣе выпутать Францію изъ лаплатскихъ дрязгъ и ссоръ. Бывшій восточный вопросъ и война вице-короля Египта съ султаномъ поглотили тогда все вниманіе Лудовика-Филиппа и его министровъ. Франція осталась тогда изолированною: договоръ 15-го іюня 1840 года былъ заключенъ европейскими державами безъ ея участія.

Мако спѣшилъ измѣнить друзьямъ Франціи въ Южной Америкѣ, вступивъ въ переговоры съ Росасомъ и заключивъ съ нимъ трактатъ на слѣдующихъ условіяхъ: республика Уругай, на основаніи трактата 1828 года (по которому она отдѣлялась отъ Бразиліи), сохраняетъ свою независимость; всѣмъ, возставшимъ противъ Росаса, объявлена амнистія; убытки, понесенные французами, должны быть вознаграждены; Франція, наравнѣ съ другими державами, пользуется предоставленными имъ правами.

Неудовольствіе уніонистовъ и обманутаго Уругая не имѣло границъ: «Мако, Франція и измѣна», говорили они «съ этого времени однозначащія слова! Мы всѣ проданы, намъ измѣнили! За деньги Франція продала свою честь, своихъ союзниковъ, даже свою выгоду. И она еще увѣрена, что Росасъ сдержитъ свои обѣщанія!» И все это была правда. Передъ глазами французскаго адмирала вели

амнистированныхъ къ Росасу, пытали ихъ, и многихъ, въ числѣ которыхъ были и французы, казнили. Можно найти имена этихъ несчастныхъ въ аргентинскихъ журналахъ.

Уніонисты, несмотря на измѣну союзниковъ, не успокоиваются. Лаваль и Ривера набираютъ новую партію въ Монтевидео, преимущественно изъ лицъ, бывшихъ противъ президента Орибе, друга Росаса, и торжественно объявляютъ, что договоръ, заключенный адмираломъ Мако, недѣйствителенъ. «Измѣна, своеволіе и глупость написаны у французскаго адмирала на лбу. И кто далъ Франціи право, во имя уніонистовъ и Уругая, не спрашиваясь у нихъ, заключать съ Росасомъ союзы? Они думаютъ тамъ у себя, въ Парижѣ, что гаучо Росасъ дѣйствительно допуститъ амнистію? Никогда!» И такъ вышло на дѣлѣ. Трактатъ остался мертвою буквой, хотя Гизо и говорилъ съ трибуны, что дикіе народы Лаплаты не заслуживаютъ лучшаго управленія, чѣмъ управленіе Росаса.

Аргентинцы и оріенты, какъ вообще называются жители Восточной Банды (Уругая), одни, безъ всякой помощи, продолжали упорную войну съ Росасомъ. 19-го сентября 1841 года Лаваль былъ разбитъ въ долинѣ Фамалла; 8-го октября храбрый защитникъ уніонистовъ былъ убитъ, и Росасъ безъ труда разбилъ войско, оставшееся безъ вождя.

Окончательное истребленіе уніонистовъ ведено было съ настойчивою кровожадностію, на которую былъ способенъ только Росасъ. Все, что̀ избѣжало его мести, искало спасенія въ бѣгствѣ за Кордильеры, въ Чили и другія мѣста. Немногіе отдѣлались счастливо: бо̀льшую часть сразилъ холодъ и голодъ на высотѣ снѣжныхъ вершинъ Кордильеръ. Для оставшихся въ республикѣ противниковъ диктатора наступило страшное время. Если все правда, что̀ разсказываютъ путешественники и аргентинскіе писатели, то

правленіе Нерона и Тиверія покажется отечески-нѣжнымъ въ сравненіи съ росасовымъ. Духовенство помогало тирану въ преслѣдованіи всего умственнаго и благороднаго. Епископъ Хосе-Мануель Эйфрачіо называлъ дикаго гаучо божественнымъ героемъ, благословлялъ его и говорилъ: «Истинная, христіанская любовь, сильная и возвышенная, ведущая ко спасенію, требуетъ уничтоженія безбожной толпы, враговъ Бога и людей: настоящая христіанская любовь требуетъ уничтоженія дикихъ уніонистовъ!» Надобно помнить, что Магариньосъ Сервантесъ, разсказывающій все это, самъ строгій католикъ.

Въ помощь себѣ, Росасъ основалъ тайное общество, и назвалъ его *масхорко* (початокъ кукурузы), потому что члены его должны быть также тѣсно связаны между собою, какъ сѣмена маиса на своемъ початкѣ. Всѣ отверженные и развратные люди принимались въ это общество, давая клятву безпрекословно исполнять волю тирана. Ужасъ сковывалъ Буэносъ-Айресъ при слухѣ о злодѣйствахъ, совершавшихся каждую ночь масхорками. Каждый день, по утрамъ, находили на улицахъ изуродованные, неузнаваемые никѣмъ трупы; много было раззорено домовъ, обезчещено женщинъ, расхищено имѣній. «Дикіе уніонисты должны быть окончательно истреблены», говорилъ диктаторъ, «одна мысль принадлежать къ этой ордѣ есть уже смертный грѣхъ!» Читая показанія очевидцевъ, не вѣрится, люди ли были эти испано-португальскіе американцы, и отказываешься судить о нихъ по мѣркѣ нашихъ убѣжденій. Это люди, испорченные клерикальнымъ воспитаніемъ, дикари, увѣренные, что при всѣхъ преступленіяхъ можно примириться съ Богомъ нѣсколькими наружными обрядами. Пойманные уніонисты судились сотнями, и головы ихъ выставлялись публикѣ, насаженные на шпицахъ рѣшотокъ. Кто произносилъ хоть слово состраданія къ одному изъ этихъ «безбожныхъ измѣнниковъ», подвер-

галъ свою жизнь тому же; гдѣ ихъ находили, тамъ и убивали. Даже трупы враговъ Росаса вырывались изъ могилъ и бросались на съѣденіе собакамъ. Донъ-Хосе Ривера Индарте, издатель журнала *El Nacional*, и Варелла, издатель *El Commercio del Plata*, были рѣшительными врагами Росаса, и оба погибли въ борьбѣ съ тираномъ. Индарте былъ авторомъ ужасной обвинительной брошюры *Tablas de Sangre* (кровавые списки), въ которой онъ пересчитываетъ всѣ жертвы отъ тридцать девятаго до сорокъ третьяго года (въ этомъ году безстрашный мужъ, по повелѣнію Росаса, былъ отравленъ), день и мѣсяцъ ихъ смерти, и какимъ образомъ они были убиты. Изъ этого сочиненія видно, что лишенныхъ жизни было:

Отравленныхъ	5
Обезглавленныхъ.	3765
Разстрѣлянныхъ.	1393
Келейно убитыхъ.	732
Пало въ сраженіи.	14920
Осужденныхъ, какъ дезертиры, шпіоны.	1600

Всего умерщвленныхъ 22405, большею частью молодаго, сильнаго и образованнаго народа. Болѣе 10000 эмигрировало въ Уругай, Боливію, Перу, Чили и Бразилію. О числѣ жертвъ въ 1843 году нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній. Для чествованія великаго спасителя конфедераціи, время отъ времени учреждались празднества, собранія, публичные танцы, на которыхъ обыкновенно присутствовала Мануэла, единственная дочь Росаса; на праздникахъ раздавались возбуждающіе месть гимны. Въ извѣстные дни портретъ Росаса возимъ былъ на колесницѣ по улицѣ Буэносъ-Айреса первыми чиновниками города и красивѣйшими дамами; портретъ ставился въ соборѣ между изображеніями Спасителя и Божіей Матери, при чемъ духовенство кадило и молилось о благоденствіи «божественнаго» мужа Росаса. Духовныхъ, нежелавшихъ участвовать въ

этихъ богохульныхъ процессіяхъ, разстрѣливали, казнили. Попали въ немилость и іезуиты, которыхъ вызвалъ было Росасъ и, по примѣру Санта-Анны въ Мексикѣ, возвратилъ имъ прежнія ихъ владѣнія. «Отцы іезуиты не выполнили условій,» говорилъ Росасъ въ 1842 году, «на которыхъ имъ было позволено возвратиться. Они слѣдуютъ другимъ правиламъ, которыя враждебны принципамъ нашего управленія.» И они были снова изгнаны. Іезуиты рѣдко расходятся съ абсолютными правленіями, а тутъ видно нашла коса на камень: одинъ абсолютизмъ враждебно столкнулся съ другимъ!

Война съ Ругаемъ продолжалась. О трактатѣ 1840 г. и помину не было. Цѣль Росаса была подчинить это государство, также какъ и Парагай, и ввести такъ-называемую американскую систему, требующую совершеннаго исключенія иностранцевъ, особенно европейцевъ.

Ругай, или Восточная Банда (такъ-называется она по восточному положенію, относительно Аргентинской республики), въ сравненіи съ другими государствами Южной Америки, не великъ по протяженію и бѣдно населенъ; но его выгодное положеніе близъ устья Лаплаты, и плодородіе его почвы могутъ возвысить его до степени значительнаго государства. Онъ занимаетъ пространство въ 4000 геогр. квадр. миль, и раздѣленъ на девять департаментовъ, называемыхъ, по своимъ главнымъ городамъ, Монтевидео, Канелонесъ, Санъ-Хосе, Колонія, Соріано, Паисанду, Сарро-Ларго, Мальдонадо и Негро; жителей только около 200 000, и двѣ трети ихъ живетъ въ городахъ. Плодородная почва орошена рѣками, богатыми водою; величественная Ріо-Негро, у устья которой могла бы быть основана превосходная гавань, принимаетъ въ себя съ обѣихъ сторонъ судоходные притоки, расположенные очень выгодно для движенія внутренней торговли.

Климатъ его—одинъ изъ благопріятнѣйшихъ въ мірѣ. Всѣ европейскіе овощи и плоды, и кромѣ того хлопчатая бумага, рисъ и нѣкоторыя другія южныя произведенія вызрѣваютъ здѣсь превосходно. Но еще не взрѣзалъ плугъ обширной степи, по которой до сихъ поръ бродятъ безчисленныя стада быковъ и табуны лошадей, все еще составляющихъ главный предметъ вывоза. Богатые травою холмы и долины дѣлаютъ страну особенно удобною для овцеводства. Животныя зиму и лѣто находятъ постоянныя пастбища: трудъ сѣнокоса здѣсь неизвѣстенъ. Уругай небогатъ благородными металлами. Есть въ небольшомъ количествѣ золото и серебро (близъ Мальдонадо), мѣдь, антимоній, олово, желѣзо, сѣра и каменный уголь. Цѣнность ввоза товаровъ доходитъ до 14 милліоновъ, а вывоза до 12 милліоновъ рублей сер. Контробанда, довольно значительная, увеличиваетъ ввозъ по крайней мѣрѣ на 25%, то-есть на 3 или 4 милліона рублей. И такой значительный торгъ ведетъ государство съ скуднымъ населеніемъ, незнающимъ ни земледѣлія, ни горнаго дѣла и неимѣющимъ мануфактуръ; все это даютъ только шкуры, рога, волосъ, сало и мясо дикихъ стадъ! Вообще государство это заслуживаетъ большаго вниманія, и можно легко понять какого бы значенія достигло оно, еслибъ его земли, могущія прокормить болѣе пятнадцати милліоновъ жителей, заселились хотя двумя-тремя милліонами дѣятельнаго, рабочаго народа. Подобное заселеніе сдѣлало бы эту страну дѣйствительно независимою, и освободило бы ее отъ направленной на нее разрушительной политики Бразиліи.

Географическое положеніе Уругая всегда давало направленіе его исторіи; оно было причиною постоянныхъ споровъ, которые и замедляли развитіе страны. Уругай былъ предметомъ раздоровъ Испаніи съ Португаліей въ прошедшемъ столѣтіи; онъ и въ настоящее время постоянный

предметъ раздора между Аргентинскою республикой и Бразиліей. Эти споры время отъ времени прекращаются, чтобы возобновиться съ большею силой, потому что причина ихъ не уничтожается. Владѣющій Уругаемъ можетъ легко овладѣть устьемъ Лаплаты, и подчинить себѣ всѣ близлежащія страны въ сѣверо-восточной части Новаго Свѣта, и въ этомъ заключается разгадка ревнивыхъ стремленій и притязаній сосѣдей. Никто не допускаетъ другаго владѣть этою землей, боясь за собственное благосостояніе и независимость.

Въ Монтевидео, такъ же какъ и въ другихъ испанскихъ колоніяхъ, начались движенія въ 1810 году, слѣдствіемъ которыхъ было отдѣленіе ихъ отъ метрополіи. Испанскій губернаторъ де-Бигодетъ долженъ былъ наконецъ удалиться (20 іюня 1814 г.), и страна осталась предоставленною самой себѣ. Во главѣ народа стоялъ Хосе де-Артигасъ, поддерживаемый гаучами, также, какъ впослѣдствіи Розасъ, врагъ городскаго сословія и вмѣстѣ всякаго высшаго умственнаго развитія. Большинство было имъ недовольно, и этимъ положеніемъ дѣлъ воспользовались въ Ріо-Жанейро; подъ предлогомъ освобожденія страны отъ участія гаучей, бразильскія войска наводнили Уругай, изгнали Артигаса и кончили тѣмъ, что присоединили всю провинцію (въ 1821 году) къ имперіи. Но скоро загорѣлась война за самостоятельность Уругая; Аргентинская республика, смотрѣвшая на Уругай, какъ на часть прежняго вице-королевства, слѣдовательно, какъ на свою принадлежность, приняла въ войнѣ этой дѣятельное участіе. Заключенный 27 августа 1828 года миръ, при участіи Англіи, прекратилъ наконецъ войну, продолжавшуюся столько лѣтъ, и Уругай былъ признанъ самостоятельнымъ государствомъ. Мирившіяся стороны положили только условіемъ право подачи голоса, при начертаніи новаго уложенія, и право вмѣшательства, въ случаѣ, если до исте-

ченія пяти лѣтъ по учрежденіи законнаго управленія, возгорится тамъ междоусобная война. На послѣднемъ пунктѣ основывалъ Росасъ свое домогательство получить мѣсто президента Орибе, хотя упомянутыя въ трактатѣ пять лѣтъ давно уже прошли. Составленное въ Монтевидео уложеніе, съ утвержденія Бразиліи и Аргентинской республики, было наконецъ обнародовано 18 іюля 1830 года. Содержаніе его мало разнилось въ существенныхъ статьяхъ отъ уложенія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Власть дѣлилась на три части: исполнительную, законодательную и судебную. Законодательная власть сосредоточена въ двухъ камерахъ, представительной и сенатѣ. Представители непосредственно избираются, каждый отъ 3000 душъ, на три года. Сенаторы избираются представителями, и назначаются, по одному на департаментъ, на шесть лѣтъ; треть ихъ возобновляется каждые два года. Въ случаяхъ разногласія, обѣ камеры соединяются въ общемъ собраніи, для рѣшенія спорнаго дѣла большинствомъ голосовъ. Представитель долженъ быть двадцати пяти лѣтъ отроду, не менѣе пяти лѣтъ считаться гражданиномъ, и имѣть 4000 долларовъ, или занимать мѣсто, стоящее этой цѣны. Сенаторъ долженъ быть тридцати лѣтъ, семь лѣтъ быть гражданиномъ и имѣть 10 000 долларовъ. Чиновники гражданскіе, военные и духовные не могутъ засѣдать въ камерахъ. Пьяницы и люди, неумѣющіе читать и писать, не имѣютъ права подачи голоса. Исполнительная власть вручается выбранному обѣими палатами президенту на четыре года; онъ главнокомандующій надъ войсками и флотомъ и, если хочетъ, можетъ командовать ими лично. Въ случаѣ его смерти, должность исправляетъ президентъ сената. Судебная власть находится въ рукахъ у верховнаго судилища, у избираемаго обѣими камерами аппелляціоннаго суда, у судей первой инстанціи и у мирныхъ судей. Чтобы быть членомъ верховнаго судилища, надо имѣть сорокъ лѣтъ,

быть шесть лѣтъ адвокатомъ, четыре года служить въ магистратурѣ и, сверхъ того, быть сенаторомъ. Уголовныя преступленія судятся судомъ присяжныхъ. Установлена свобода печати, и предоставлено много преимуществъ иностранцамъ, желающимъ селиться въ странѣ, въ чемъ Уругай опередилъ всѣ другія южно-американскія государства.

Первымъ президентомъ республики былъ избранъ генералъ Фруктуосо Рифера, гаучо по рожденію, отличившійся въ войнѣ съ Бразиліей. По истеченіи законнаго срока, въ 1834 году, избранъ былъ, особенно преданный интересамъ страны, генералъ донъ-Мануэль Орибе, къ величайшему прискорбію сложившаго свою власть президента. Рифера собралъ своихъ гаучей, взялся за оружіе, и послѣ многихъ стычекъ, принудилъ новоизбраннаго президента отказаться отъ своего мѣста до истеченія срока (1838); и въ едва-начавшейся республикѣ снова начались смуты и безпорядки. Партіи Риферы и Орибе, красные и бѣлые, то-есть поселяне и горожане, вели непримиримую войну; наконецъ, Рифера, какъ мы видѣли, октябрскимъ трактатомъ 1840 года, низложенъ былъ Франціей, а Орибе—Росасомъ. Рифера, однако, все еще продолжалъ войну, и аргентинскія войска наводнили Уругай; одинъ Монтевидео отчаянно сопротивлялся все время войскамъ и флоту Росаса. Бразилія и Англія съ опасеніемъ слѣдили за этою неравною борьбой; уничтоженіе независимости Уругая и присоединеніе его къ Аргентинской республикѣ были бы невыгодны для Бразиліи.

При этихъ безпрестанныхъ войнахъ теряла больше всего иностранная торговля; жалобы англійскихъ купцовъ были такъ часты и такъ настойчивы, что министерство лорда Джона Росселя рѣшилось на вмѣшательство (1844), въ видахъ возстановленія мира, спокойствія и свободнаго плаванія по рѣкѣ; Франція была приглашена къ участію. Отъ

обѣихъ державъ посланы были въ 1845 году Оузлей и Досcоди въ Буэносъ-Айресъ для предъявленія своихъ справедливыхъ требованій; въ случаѣ, если бы сталъ Росасъ колебаться, предписано было прибѣгнуть къ силѣ. Требовали, чтобы Росасъ призналъ Уругай и Парагай самостоятельными государствами, отказавшись отъ всякаго на нихъ притязанія, чѣмъ и окончились бы всѣ смуты Лаплаты. Росасъ объявилъ посланникамъ положительно, что ни въ какомъ случаѣ не будетъ повиноваться европейскимъ властямъ, которыя хотятъ предписывать Америкѣ законы, и затѣмъ объявлена была война (18 сентября 1845 года). Союзники блокировали Буэносъ-Айресъ, завладѣли маленькою аргентинскою эскадрой, которая стояла у Монтевидео, осадили островокъ Мартинъ-Гарсія и энергически приступали къ другимъ военнымъ дѣйствіямъ. Росасъ продолжалъ настойчиво сопротивляться, и терпѣливымъ выжиданіемъ, утомилъ наконецъ союзниковъ, желавшихъ окончить много стоившую войну. Съ этою цѣлію былъ посланъ въ Буэносъ-Айресъ англичанинъ Самуэль Гудъ (1846), который и заключилъ перемиріе съ Росасомъ на слѣдующихъ условіяхъ: всѣ военныя дѣйствія въ Уругаѣ должны быть прекращены; долженъ быть выбранъ новый президентъ для этой республики; должна быть объявлена общая амнистія; съ Буэносъ-Айреса должна быть снята блокада, и островъ Мартинъ-Гарсія, съ своими маяками, долженъ быть возвращенъ. При исполненіи этихъ условій нашлись какія-то затрудненія, и посланники были отозваны; на ихъ мѣсто явились лордъ Гоуденъ и графъ Валевскій. Англія во всякомъ случаѣ хотѣла покончить съ войною, причемъ было еще желаніе мести Лудовику-Филиппу, принявшему участіе въ итальянскихъ и швейцарскихъ дѣлахъ, враждебное англійскимъ интересамъ. Лордъ Гоуденъ отозвалъ англійскую эскадру изъ Буэносъ-Айреса, заключилъ миръ съ Росасомъ, и война осталась на плечахъ одной Фран-

ціи. Герцогъ де-Броль, французскій посланникъ въ Лондонѣ, потребовалъ отъ имени своего правительства объясненій. «Мы, писалъ онъ, приняли участіе въ дѣлахъ Лаплаты только по проискамъ Англіи и для ея интересовъ. Посредничество Гуда было для насъ выгодно, но оно сокрушилось о настойчивое противодѣйствіе Росаса. Росасъ не хотѣлъ согласиться на свободное плаваніе по Паранѣ и требовалъ, чтобъ Орибе былъ президентомъ Уругая. Мы не могли принять этого. Что́ же случилось? Лордъ Гоуденъ отстраняется отъ общаго дѣла съ Валевскимъ, и отзываетъ свою эскадру отъ Буэносъ-Айреса!» Джонъ Россель и Пальмерстонъ старались представить дѣло своего полномочнаго въ сомнительномъ свѣтѣ, утверждая, что посланникъ не совсѣмъ понялъ ихъ инструкціи; однако, блокада Буэносъ-Айреса съ англійской стороны не возобновлялась. Въ это время во Франціи вспыхнула революція, и французскій посланникъ долженъ былъ принять трактатъ, заключенный Англіей. Только быстрымъ ходомъ обстоятельствъ французы выведены были изъ своего непріятнаго положенія: послѣдовало неожиданное, внезапное паденіе полновластнаго диктатора, а за нимъ совершенное измѣненіе какъ внутренняго, такъ и внѣшняго положенія странъ Лаплаты.

Мысль занять въ Южной Америкѣ тоже положеніе, какимъ пользуются Соединенные Штаты въ Сѣверной, постоянно занимаетъ какъ народъ, такъ и правительство Бразиліи. Поэтому тамъ внимательно слѣдили за событіями на Лаплатѣ; наконецъ Бразиліи представился случай для раскрытія своихъ гегемоническихъ стремленій.

Росасъ повторялъ время отъ времени свою комедію отказа, наружно желая удалиться отъ дѣлъ; мы уже видѣли этотъ маневръ, который онъ всякій разъ употреблялъ съ успѣхомъ. Въ 1851 году онъ явился передъ депутатами съ слѣдующею рѣчью: «Мои тѣлесныя силы до того осла-

Rosas,
Gouverneur von Buenos-Ayres.

бѣли, что мнѣ невозможно вести дѣла Аргентинской республики при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ...»—«Жестоко было бы, отвѣчалъ генералъ Уркиса, губернаторъ провинціи Энтре-Ріосъ, взваливать тяжесть правленія на великодушнаго президента, отчего здоровье его можетъ пострадать еще больше. Этимъ онъ и народу мало услужитъ. При болѣзненности президента, могутъ потерпѣть интересы страны и даже благосостоянію ея угрожаетъ опасность.» Провинція Энтре-Ріосъ приняла сторону Уркисы, ей послѣдовала провинція Коріентесъ, съ губернаторомъ Фирасоро. Нѣсколько недѣль спустя (29 мая 1851), Энтре-Ріосъ и Уругай заключаютъ съ Бразиліей наступательный и оборонительный союзъ, съ цѣлію доставить миръ раззоряемому десятилѣтнею междоусобною войною Уругаю и вытѣснить Орибе съ аргентинскими войсками навсегда изъ республики. Что дѣлать дальше, будетъ указано обстоятельствами. По всей вѣроятности, Уркиса еще прежде имѣлъ сношенія съ бразильскимъ кабинетомъ. Незадолго передъ этимъ, аргентинскій посланникъ былъ обидно отозванъ изъ Ріо-Жанейро. За трактатомъ 29 мая послѣдовали другіе, сдѣлавшіе большой шагъ въ международныхъ отношеніяхъ южно-американскихъ государствъ; назначены коммисары для проведенія демаркаціонной линіи между Бразиліей и Уругаемъ; оба государства обоюдно признали свою независимость. Бразилія обязывалась поддерживать всякое, согласно съ конституціей избранное и дѣйствующее, правительство; объявлена общая амнистія и обѣщано возвращеніе конфискованныхъ имѣній. Приглашены всѣ аргентинскіе штаты къ участію въ трактатѣ, такъ же какъ и Парагай, котораго независимость обезпечивалась. Торговля объявлена на свободныхъ началахъ. Подданные обоихъ государствъ могутъ свободно жить въ той или другой странѣ и вести свои дѣла, не платя никакой повинности, и не могутъ быть вербованы въ военную службу. Бра-

зильцамъ дозволено плавать по Ургаю и его притокамъ; положено стараться о свободномъ плаванiи по Паранѣ и Парагаю. Обѣ стороны обязывались выдавать бѣглыхъ преступниковъ, въ число которыхъ включены и принадлежащiе бразильскимъ подданнымъ негры.

Финансы Уругая были до такой степени плохи, что тамъ не могло бы существовать никакое правительство; Бразилiя еще прежде давала ему субсидiи, такъ же какъ Францiя и Англiя. Теперь Бразилiя обязывалась помогать ему какъ единовременно, такъ и ежегодно, выдавая (съ ноября 1851 года) по 50 000 пiастровъ, во все время продолженiя войны.

Власть деспотовъ, не основанная на нацiональныхъ или религiозныхъ интересахъ, всегда шатка, и часто бываетъ достаточно перваго толчка, чтобы сокрушить ее,—будетъ ли этотъ толчокъ извнѣ или изнутри. Угнетенному народу, ослѣпленному лживымъ блескомъ, подъ которымъ прячутся властители, и обманутому ложью, проникающею всю жизнь подавленной страны, такому народу деспотическая власть кажется гораздо болѣе прочною, нежели она есть на самомъ дѣлѣ. Росасъ подтвердилъ собою эту давно извѣстную истину. Ополченiе, возставшее на него, было такъ велико, что такого не видали никогда въ Южной Америкѣ. Около 30 000 войска, вооруженнаго различнымъ оружiемъ и снабженнаго огромными запасами, двинулось на диктатора. Но такихъ большихъ средствъ и не требовалось: при первомъ толчкѣ рухнуло двадцатилѣтнее зданiе, безъ всякой надежды на возобновленiе. Англiя и Францiя могли бы воспользоваться обстоятельствами, но онѣ ограничились полумѣрами; имъ было все равно, останется ли Росасъ, или нѣтъ,—нужна была только свобода плаванiя. Теперь же онѣ совсѣмъ отказались отъ участiя въ дѣлѣ низложенiя тирана, и англiйскiя суда защищали только

интересы своихъ соотечественниковъ въ Буэносъ-Айресѣ, а французскія—въ Монтевидео, гдѣ даже нѣсколько ротъ французскихъ морскихъ солдатъ держали гарнизонъ.

Въ силу трактата 1851 года, Уркиса двинулся къ Уругаю вмѣстѣ съ графомъ де-Кахіасомъ, пришедшимъ съ 12 000 войска съ сѣвера Ріо-Гранде; генералъ Евгеній Гарсонъ выступилъ изъ Монтевидео, а Фирасоре—изъ Коріентеса. Бразильская эскадра, подъ командою находившагося на службѣ Бразиліи англійскаго адмирала Тренфеля, занимавшая Парану, мѣшала Росасу соединиться съ Орибе. При этихъ обстоятельствахъ, Орибе соглашался на умѣренную капитуляцію, начинавшуюся словами: «Въ Уругайской республикѣ нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ». Такъ выполненъ былъ первый пунктъ трактата; Монтевидео былъ освобожденъ, и прекратилась десятилѣтняя осада новой Трои.

Но надобно было низложить диктатора Буэносъ-Айреса. Провинція Энтре-Ріосъ назначена была сборнымъ пунктомъ для войскъ Бразиліи, Парагая, Уругая и аргентинскихъ, которыя и стянулись въ продолженіи ноября и декабря. Армія освободителей, какъ называлось это войско, двинулась 23 Декабря, и 12 Января 1852 года перешла границу провинціи Буэносъ-Айреса. Росасъ палъ духомъ; съ самаго начала войны онъ уже считалъ себя побѣжденнымъ. Послѣ длиннаго, утомительнаго четырехнедѣльнаго перехода, не выигрывая часто и двухъ миль въ сутки, по причинѣ разныхъ условій мѣстности, Уркиса двинулся къ Буэносъ-Айресу противъ войскъ Росаса, уже приведенныхъ въ смятеніе; ихъ было однако 20 000 человѣкъ, и они владѣли выгодною и укрѣпленною позиціей Моронъ, на возвышенности Монте-Кацеросъ.

5-го февраля, Уркиса повелъ атаку на эту позицію. Войска диктатора, не дожидаясь нападенія, обратились въ бѣгство; разрозненными толпами они обратились на собственный

городъ и начали грабежъ; граждане и иностранцы должны были взяться за оружіе противъ своихъ же защитниковъ. Вступивъ въ городъ, Уркиса перевѣшалъ нѣсколько сотень этой сволочи. Между ихъ трупами находили главныхъ помощниковъ бѣжавшаго диктатора, особенно изъ мосхорковъ, его палачей и исполнителей. Между тѣмъ, Росасъ спѣшилъ перебраться, съ своею дочерью Мануэлитой и съ своими сокровищами, на англійскій пароходъ. Нѣкоторымъ изъ его друзей удалось тамъ съ нимъ соединиться, другіе искали пощады у побѣдителя, многіе висѣли по деревьямъ на площади Викторіи. Двадцатилѣтнее господство самаго страшнаго тирана Южной Америки было разрушено, можно сказать, безъ сопротивленія.

Паденіе диктатора Буэносъ-Айреса оставило обширныя области Лаплаты въ состояніи анархіи, слѣдующей обыкновенно за долголѣтнимъ рабствомъ. Одно время казалось, что Уркиса наслѣдуетъ низложенному врагу. Народъ столицы, сбросившій цѣпи, привѣтствовалъ побѣдителя при Монте-Кацеросѣ именемъ освободителя, и Уркиса, съ утвержденія собранныхъ депутатовъ, принялъ титулъ временнаго правителя Аргентинской конфедераціи. Но скоро отвсюду предводители старыхъ партій стали поднимать головы, и снова вся страна представила картину страшныхъ безпорядковъ. Впереди всѣхъ былъ богатый торговый городъ Буэносъ-Айресъ, который желалъ не только перемѣнить властителя, но и привести въ извѣстность и въ дѣйствіе свои прежнія свободныя учрежденія. Жестокость, съ которою велъ Уркиса легкую войну, безчисленныя казни и изгнанія, исполненныя по его повелѣнію, своевольное запрещеніе, наложенное имъ на найденное въ городѣ государственное и частное имущество, все это пугало гражданъ Буэносъ-Айреса, и они не иначе смотрѣли на него, какъ на наслѣдника Росаса. Скоро выросшая популярность его также скоро и упала; всѣ припомнили, что

JUSTO JOSÉ URQUIZA,
Président de la Confédération Argentine.

Tom. [illegible] 1858

онъ былъ прежде страшнымъ защитникомъ падшаго тирана. Собравшаяся камера депутатовъ въ Буэносъ-Айресѣ приняла вслѣдствіе этого враждебный характеръ противъ временно-управляющаго конфедераціей, такъ что онъ принужденъ былъ удалиться. Съ его удаленіемъ, весь народъ поднялся единодушно, возстановилъ прежнюю провинціяльную камеру и образовалъ свое собственное правленіе, во главѣ котораго стали докторъ Альсина и смертельный врагъ Уркисы, генералъ Пинто. Такъ-называемая либеральная партія, такъ долго молчавшая при Росасѣ, имѣла власть въ рукахъ и объявила, что утомленный двадцатилѣтнею тираннiей народъ желаетъ не перемѣны властителя, а дѣйствительной гражданской свободы.

Ударъ былъ нанесенъ, и междоусобная война была неизбѣжна. Въ первый моментъ Уркиса, не понимая настоящаго значенія обстоятельствъ, думалъ силою оружія быстро подавить ихъ, и сейчасъ же направился съ своими войсками къ Буэносъ-Айресу. Но когда изъ его арміи осталось только 2000 человѣкъ (остальные покинули его), и онъ едва успѣлъ дойдти до Николо, то убѣдился, что этою силой ничего не возмешь.

Завязались переговоры; Уркиса обѣщалъ столицѣ не мѣшать въ устроеніи новаго правительства, выдать заключенныхъ и принадлежавшіе городу припасы и военные матеріялы и удалиться съ войсками въ Санта-фе. Послѣ этого, онъ удалился, удержавъ, впрочемъ, за собою титулъ правителя Аргентинской республики, и надѣясь, съ помощію другихъ провинцій, снова овладѣть вѣроломною столицей.

Конгрессъ 1852 года не рѣшилъ ничего, и Буэносъ-Айресъ не посылалъ туда своихъ депутатовъ. Междоусобныя войны продолжались, и только 8 января 1855 года, трактатомъ, подписаннымъ въ Паранѣ, дѣла нѣсколько ула-

дились: аргентинская конфедерація, съ своимъ президентомъ Уркисой, признала наконецъ самостоятельность Буэносъ-Айреса, какъ отдѣльнаго государства.

Разсказавъ самый интересный эпизодъ изъ исторіи лаплатскихъ штатовъ, я думаю, что достаточно познакомилъ васъ съ ихъ запутанными и оригинальными дѣлами.

III.

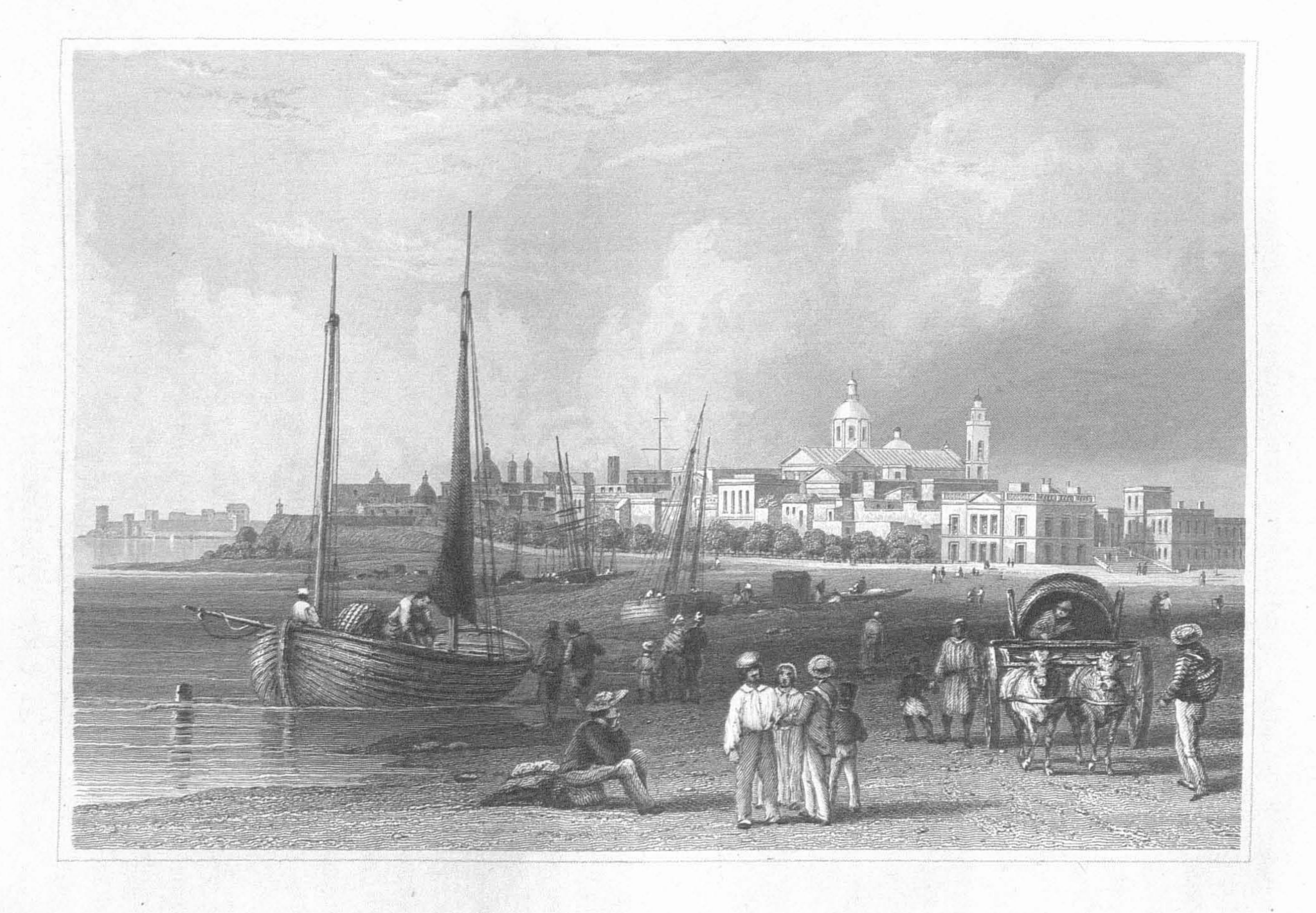
На пароходѣ, который мы давно оставили, всѣ разбрелись по постелямъ, чему послѣдовалъ и я. Вставъ на другой день часовъ въ 7, мы узнали, что уже четыре часа стоимъ на якорѣ. Я вышелъ наверхъ. Утро было прохладное, свѣжее, съ яркимъ солнцемъ; пассажиры, также недавно вставшіе, толпились у выходовъ, бросая свои чемоданы и дорожные мѣшки въ лодки, которыя наперерывъ старались достать себѣ «практику». Хорошенькая испанка, похожая на одну изъ рафаэлевыхъ мадоннъ, стояла у дверей каютъ-компаніи и видимо хотѣла достать бисквитовъ, до которыхъ добраться было трудно, потому что нѣсколько джентльменовъ, съ чашками кофе въ рукахъ, отдѣляли ее отъ корзинки съ бисквитами. Я передалъ мадоннѣ корзинку, изъ которой она взяла два небольшіе сухарика своею восхитительною рукой.

Рѣка справа не имѣла границъ; пройдя 120 миль рѣкою, мы не видали ея береговъ, хотя знали, что плывемъ по рѣкѣ, вѣря на слово капитану и видя подъ собою желтую и мутную воду. Сзади насъ стояло много судовъ, а особенно много было трехугольныхъ, латинскихъ парусовъ, подъ которыми, довольно свѣжимъ вѣтромъ, шли боты и шлюпки въ различныхъ направленіяхъ. Налѣво былъ городъ, зданія котораго покрывали немного возвышенный, но ровный берегъ. Въ городѣ множество цер-

квей, башень и куполовъ, что́ придаетъ разнообразіе и причудливость контурамъ города. Но всѣ эти башни, съ почернѣвшими стѣнами, и куполы, конечно, много выигрываютъ, если въ помощь имъ является природа, то высокою обрывистою скалой вознося часть зданій надъ другими, то садомъ, нарушающимъ своею зеленью однообразіе стѣнъ и крышъ; здѣсь же не видно было ничего, кромѣ оконъ, шпицевъ, куполовъ, стѣнъ, оградъ, какъ на рисункѣ, на которомъ собраны различныя зданія, церкви и колокольни, для сравненія ихъ высоты. Къ серединѣ столпились болѣе крупныя постройки: таможня, родъ полукруглой массивной крѣпости, со множествомъ оконъ, соборъ, театръ, еще неоконченный, съ островерхою крышей, башни и колокольни нѣсколькихъ церквей, съ статуями святыхъ на высотѣ фронтоновъ; даже мѣсто подъ этими зданіями было нѣсколько возвышенно и приподнимало ихъ надъ всѣмъ городомъ, который распространяется на обѣ стороны и уходитъ въ даль едва виднѣющимися рощами. Отъ города шли къ рѣкѣ двѣ длинныя пристани; но отливъ такъ великъ, что и этихъ пристаней не хватаетъ; шлюпки останавливаются иногда очень далеко, и къ нимъ подъѣзжаютъ телѣги на высокихъ колесахъ, запряженныя парою лошадей; извощики на рысяхъ спѣшатъ встрѣтить подходящую шлюпку, перебивая другъ у друга дорогу и иногда увлекаясь такъ далеко, что лошадямъ приходится плыть; эти тритоны, съ своими колесницами, съ брызгами, летящими отъ нихъ, очень эффектны, освѣщенные утреннимъ солнцемъ. На рысяхъ бурлятъ они въ разныхъ направленіяхъ воду, нагруженные багажемъ, и возница, и сѣдокъ стоятъ на ногахъ, и выѣзжаютъ на набережную, по особому, для нихъ устроенному, спуску. Къ несчастію, мы не воспользовались удовольствіемъ проѣхаться въ этомъ мѣстномъ экипажѣ; наша лодка, какъ на зло, дошла, толкаясь о песочное дно, до самой при-

стани, и мы очень прозаически вышли на лѣстницу, какъ выходятъ на всѣхъ пристаняхъ въ мірѣ. На концѣ длинной пристани насъ остановили таможенные; посмотрѣли на наши чемоданы и впустили въ городъ. Гостиница, въ которой мы остановились, носившая имя вѣчнаго города Рима, напоминала вмѣстѣ и Москву; тѣ же ворота въ домѣ, та же лѣстница и галерея внутри двора, съ которой, черезъ стеклянныя рамы, можете смотрѣть, какъ придутъ на дворъ музыканты, арфа и двѣ флейты, и черезъ верхнюю форточку бросить имъ мелкую монету. Но въ лицѣ встрѣтившаго насъ на лѣстницѣ половаго была уже разница: вмѣсто костромскаго парня съ полотенцемъ черезъ плечо, насъ встрѣтилъ Лудовикъ-Наполеонъ, въ жилеткѣ и пестрыхъ панталонахъ, впрочемъ, также съ полотенцемъ въ рукахъ. Дѣйствительно, великій человѣкъ нашего времени имѣетъ физіономію, которую встрѣчаешь очень часто; какъ оригинально было лицо дядюшки, такъ обыкновенно лицо племянника. Нѣтъ города, въ которомъ носятъ бороды, гдѣ бы не встрѣтилось десятка лицъ, похожихъ на него; въ каждомъ циркѣ, мастеръ своего дѣла, владѣющій бичомъ, вылитый побѣдитель при Маджентѣ; нашъ половой—былъ живой Лудовикъ-Наполеонъ. Общая зала опять перенесла насъ въ Москву. Мятыя и не совсѣмъ чистыя салфетки, бѣлая, каменная горчичница безъ горчицы, картины на пестрыхъ обояхъ, представляющія красавицъ, все это повѣяло давнознакомымъ.

Буэносъ-Айресъ въ настоящее время имѣетъ около 180 000 жителей, и выстроенъ такъ же правильно, какъ и Монтевидео; идущія параллельно съ рѣкой улицы пересѣкаются другими, перпендикулярными, одинаковой широты и на одинаковыхъ разстояніяхъ; образуемые ими квадраты, называемые *квадрами*, опредѣляютъ мѣсто и разстояніе. По названіямъ же улицъ можно повторить



BUENOS AYRES

Aus d. Kunstanst. d. Bibl. Inst. in Hildbh.

Eigenthum d. Verleger

географію Америки: есть улица Перу, Боливія, Флорида, Чили и т. д. Лучшая площадь — *Викторіи*, къ которой примыкаетъ «Улица 25 мая», и вокругъ которой сосредоточены монументальныя зданія города. Черезъ пять минутъ по выходѣ изъ гостиницы, мы уже были на площади. Посреди ея возвышается обелискъ, окруженный бронзовою рѣшеткой, на острыхъ копьяхъ которой жители Буэносъ-Айреса нерѣдко видали насаженныя головы жертвъ политическихъ безпорядковъ и кровожадной тиранніи. Къ площади примыкаетъ соборъ, величественное зданіе, съ дорическимъ портикомъ и возвышающимся за нимъ большимъ, правильнымъ куполомъ. Соборъ еще не совсѣмъ конченъ; внутри пиластры его обтянуты шелковыми шпалерами; своды и колонны кажутся мраморными; на алтаряхъ скромныя украшенія, отличающіяся большою умѣренностію. Театръ *de Colon*, дворецъ юстиціи, отдѣльно стоящія тріумфальныя ворота, постройка временъ Мендозы, строгая и поэтическая, и другія зданія, стоятъ по четыремъ сторонамъ площади, равняющейся пространству одной квадры. Подъ дворцомъ юстиціи галерея съ аркадами, гдѣ толкаются солдаты, просители, тяжущіеся, подаватели голосовъ, старухи, негры и пр. Въ растворенное въ нижнемъ этажѣ окно, можно видѣть караульню, грязную комнату съ грязною казарменною сценой; тутъ же городская тюрьма, одно изъ отвратительныхъ заведеній, нечистотой и безпорядочностью заставляющее забывать столѣтіе, въ которомъ жили Говарды и другіе друзья человѣчества. Всѣ преступники, безъ различія рода преступленій,—убійца и схваченный по подозрѣнію на улицѣ,—сидятъ въ одной комнатѣ; пьянство, игра и всякая гадость гнѣздятся въ этомъ вертепѣ. Три недѣли до нашего пріѣзда въ Буэносъ-Айресъ, арестанты выломали двери, избили тщедушную стражу и разбѣжались по городу. Ловя ихъ, съ ними не очень церемонились: при сопротивленіи, ихъ

убивали на улицѣ, какъ существа, съ которыми нечего толковать. Эти убійства не смущали никого; къ нимъ привыкли въ двадцатилѣтнее диктаторство Росаса; еслибъ они и не исходили отъ высшей власти, то привыкшая къ крови натура гауча не нуждается въ большой побудительной причинѣ ткнуть сосѣда ножомъ. Въ утро нашего пріѣзда разстрѣливали одного гауча; онъ съ пріятелемъ пріѣхалъ на рынокъ верхомъ, чуть ли не на одной лошади; пріятель угостилъ его пивомъ, что́ многіе видѣли, а черезъ двѣ минуты пріятель былъ зарѣзанъ съ тѣмъ же искусствомъ, съ какимъ гаучо рѣжетъ быка. Умѣя отлично рѣзать, здѣсь однако разстрѣливаютъ плохо: послѣ восьми пуль несчастный былъ еще живъ; выстрѣлили еще тремя, и преступникъ все былъ живъ; наконецъ только двѣнадцатая пуля покончила его. Гаучей нарочно разстрѣливаютъ, а не вѣшаютъ, и они дула пистолета, хоть и незаряженнаго, боятся больше всего.

Гуляя по улицамъ города, мы не могли не удивляться общему спокойствію жителей послѣ всѣхъ тревогъ, которыя столько лѣтъ волновали городъ и всю страну. Мы знали, что на дняхъ будутъ выборы новаго президента, котораго многіе не хотятъ, и всѣ ждутъ безпорядковъ, всякій полицейскій можетъ схватить и сунуть насъ въ самую грязную тюрьму; объ общей безопасности здѣсь мало думаютъ; а между тѣмъ, на улицахъ такъ спокойно и тихо. Говорите послѣ этого объ ужасахъ революціонныхъ городовъ! И здѣсь точно такъ же, какъ и у насъ въ Россіи, въ Москвѣ, играютъ дѣти; дѣвушка молодая идетъ одна, не боясь оскорбленій; купецъ отворяетъ свою лавку, въ которой на нѣсколько тысячъ товаровъ, и не боится, что ее разнесутъ: что́ же поддерживаетъ это стройное теченіе дѣлъ? На улицахъ чисто, частная собственность нетронута; въ городѣ нѣсколько госпиталей, въ церквахъ нѣтъ недостатка, можно и покаяться и даже закупить напередъ

свою совѣсть: чего не сдѣлаютъ здѣшніе капуцины! Даже ходячія деньги—больше ассигнаціи, хотя въ обезпеченіе ихъ нѣтъ никакого фонда въ банкѣ. Въ такихъ размышленіяхъ шли мы по улицамъ, заходили въ церкви, которыя, должно сказать, одна передъ другой отличались или древностью, или тою простою, живописною архитектурой, на которой останавливается невольно глазъ и отдыхаетъ на гармоническихъ, пропорціональныхъ размѣрахъ; или, наконецъ, онѣ отличались количествомъ странныхъ изображеній святыхъ, стоявшихъ въ нишахъ, костюмированныхъ и некостюмированныхъ: странное олицетвореніе идеи, какъ бы ни была она религіозна! Въ монастыряхъ были крытые переходы, съ маленькими, желѣзными дверями, отворявшимися въ какія-то темныя конуры; почернѣвшія картины висѣли по стѣнамъ; а гдѣ-нибудь въ боковой комнатѣ, массивный шкафъ или столъ говорили о прожитыхъ ими столѣтіяхъ. Черезъ боковую дверь, мы входили въ церковь, поражавшую безмолвіемъ и таинственностію; шаги звучно раздавались подъ высокими сводами.

Въ одной изъ церквей были похороны; гроба покойника не было видно за множествомъ обставлявшихъ его свѣчей; пять священниковъ, въ рогатыхъ шапкахъ, служили литію, и съ хоръ неслись звуки *реквіема*. Родственники умершаго, въ черныхъ платьяхъ, сидѣли отдѣльно отъ другихъ. Заслушавшись грустной музыки, я вдругъ увидалъ около себя странную фигуру, старушку монахиню-негритянку; черное лицо ея было обвязано бѣлымъ платкомъ, на который накинутъ былъ черный капишонъ.

Ближайшія къ площади улицы самыя населенныя и полны превосходными магазинами, зеркальныя окна которыхъ по вечерамъ освѣщены газомъ, а обиліе оружейныхъ лавокъ наводитъ на мысль о частой потребности въ огнестрѣльномъ оружіи. Самая модная улица называется Перу; она, подобно «Улицѣ 25 мая» въ Монтевидео, между 12 и 2

часами по полудни и вечеромъ, какъ цвѣтникъ, пестрѣетъ красавицами, которыя дѣйствительно очень хороши. Такъ же, какъ и въ Монтевидео, и даже въ большемъ количествѣ, наполняютъ онѣ магазины, жужжатъ, хлопочутъ, торгуются, и я, наблюдая ровно шесть дней, только одинъ разъ видѣлъ какъ купленъ былъ пожилою барыней какой-то небольшой свертокъ. Между маленькими вещицами, выставленными въ окнахъ магазиновъ, часто можно видѣть бисерные кошельки, вывязанные кувшинчикомъ; я послѣ узналъ, что здѣшнія барышни охотницы до сувенировъ, которые онѣ могутъ купить въ любой лавкѣ; хотя должно прибавить, что, пожалуй, онѣ и сами готовы вышить бисеромъ закладку для книги, или чахолъ для зубочистки всякому, имѣвшему случай похвалить ихъ глазки или носикъ. Гдѣ живутъ испанки, тамъ нѣтъ молчаливой сентиментальности, и для людей, охотниковъ до страстныхъ пожиманій рукъ (а кто до нихъ не охотникъ?), до коллекцій волосъ, до альбомовъ, горячихъ увѣреній въ чувствахъ, прогулокъ при лунѣ, и т. п., испанки, и особенно здѣшнія, истинная находка! Но я, можетъ-быть, еще возвращусь къ прекраснымъ доннамъ Лаплаты; теперь же скажу о другихъ личностяхъ, встрѣчаемыхъ на улицѣ. Здѣсь чаще чѣмъ въ Монтевидео попадаются гаучи въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ; многіе изъ нихъ высоки ростомъ и очень красивы собой; но повязанный на головѣ платокъ все наводитъ на мысль, что у молодца или зубы болятъ, или ухо распухло. Пончо носятъ они какъ истинные артисты; пончо, то-есть плащъ его, состоитъ изъ шерстянаго, четыреугольнаго большаго платка, съ прорѣзомъ по срединѣ; въ этотъ прорѣзъ продѣваютъ голову, и платокъ въ красивыхъ складкахъ падаетъ внизъ. Настоящій пончо долженъ быть сдѣланъ изъ шерсти гуанака, и цѣнность его доходитъ до страшныхъ размѣровъ; у Уркисы былъ пончо, который цѣнили въ 15 000 франковъ!

Въ продажѣ много простыхъ шерстяныхъ пончо, привезенныхъ изъ Англіи, гдѣ фабрики стараются подражать любимому здѣсь цвѣту и узору. Франтъ гаучо обшиваетъ свой пончо бахрамой, и кое-гдѣ приставитъ бронзовую пуговку. На ногахъ гауча тотъ же пончо, только иначе надѣтый, и подъ нимъ бѣлыя, съ затѣйливою оборкой, панталончики, какъ у институтки; на ногахъ вышитыя шерстяныя туфли. Если онъ верхомъ, то стремя у него иногда серебряное, шпоры же такой величины, что вертящуюся узорчатую звѣздочку ихъ можно носить вмѣсто генеральской звѣзды. Все это, однако, можно видѣть только на гаучо-франтѣ; бо́льшая же часть ихъ оборванцы и походятъ, какъ я уже сказалъ, на нашихъ салопницъ, на которыхъ навѣшена всякая дрянь.

Иногда на улицѣ попадается цѣлый рядъ капуциновъ, идущихъ попарно, и если по близости есть старая, высокая стѣна какого-нибудь монастыря, то, смотря на эти странныя лица, процессію можно принять за картину Гварнери. А вотъ монахи другаго ордена, въ шляпахъ, съ длинными, вздернутыми и сплюснутыми полями, точь-въ-точь та шляпа, въ которой «докторъ Бартоло» выходитъ на сцену. Лицо подъ такою шляпой почти всегда жирно, чисто выбрито, и вмѣстѣ сонливо; самый подрясникъ чистъ, имѣетъ даже претензію на щеголеватость. Лица же капуциновъ состоятъ изъ ломаныхъ и рѣзко вдавленныхъ линій; они обыкновенно, почему-то, сопятъ, даже съ храпомъ; небритая борода торчитъ серебристою и черною щетиной. Лица эти представляютъ странное явленіе тамъ, гдѣ порхаютъ щегольскія дамы, проносятся легкіе экипажи, гдѣ видна нынѣшняя городская суета и гдѣ современному донъ-Жуану не нужно надѣвать рясы капуцина, чтобы лучше обдѣлать свои грѣшныя дѣлишки.

Кромѣ площади Викторіи, въ Буэносъ-Айресѣ есть двѣ другія обширныя площади: одна, на которой устроенъ ар-

тиллерійскій паркъ и станція желѣзной дороги; на другой самый обширный рынокъ, куда жители деревень пріѣзжаютъ на своихъ фурахъ, съ произведеніями *эстанцій*. Громадныя телеги эти покрыты тростникомъ; снизу и съ боковъ къ нимъ привѣшены баклажки, помазки, разныя подставки; спереди ярмо. Нѣсколько десятковъ ихъ стоятъ рядами, а хозяева размѣстились кучками,—кто около громадныхъ колесъ, кто подъ дышломъ, черезъ которое перекинута недавно-снятая воловья кожа, защищающая сидящихъ отъ лучей солнца. Здѣсь можно видѣть большое количество тюковъ съ шерстью и съ хлѣбомъ, кожи, хвосты лошадиные и разнаго рода мясо. Длиннорогіе быки лежатъ по близости и флегматически жуютъ, ожидая времени опять подставить шею подъ ярмо, и снова тащать до эстанціи тяжелую телегу; а до эстанціи можно насчитать не одинъ десятокъ миль. Здѣсь же, на этой площади, можно видѣть гауча въ его сферѣ, среди его жизни и занятій.

Но еще болѣе выяснится этотъ типъ, когда увидимъ *саладеро* (*Saladero*) и *матадеро* (*Matadero*), на осмотръ которыхъ мы посвятили почти весь слѣдующій день. «Вы еще не видали *saladero*», говорили намъ наканунѣ, и трактирный служитель, принимавшій большое участіе въ нашемъ препровожденіи времени, и басъ Дидо, игравшій отца Нормы, прелюбезный и прекрасный человѣкъ; онъ одинъ изъ сюжетовъ странствующей оперной труппы нашего соотечественника, г. Станкевича, мужа Ла-Гранжъ, стоявшаго вмѣстѣ съ нами въ одной гостиницѣ. «Въ Буэносъ-Айресѣ только и стóитъ видѣть, что *saladero*», повторяли всѣ въ одинъ голосъ, и мы заранѣе ласкали себя надеждою увидѣть одну изъ любопытныхъ картинъ мѣстной жизни. Въ разсказахъ о саладеро безпрестанно попадались слова: *lasso*, *гаучо*, *bolas*, а если бы хоть одинъ изъ насъ былъ поэтомъ, то вѣрно написалъ бы по этимъ

разсказамъ romancero, который могъ бы начаться хоть такимъ образомъ: «Гаучо бросаетъ *лассо* на бодливые рога»... и вѣроятно не затруднялся бы такъ риѳмою, какъ мы.

На другой день, часовъ въ 8, въ двухъ колясках, отправились мы за городъ, черезъ восточную заставу, къ мѣстечку, называемому Баррaганъ *(Barragan)*. Когда улицы съ низенькими домами въ одинъ этажъ остались за нами, начались пустыя мѣста, на которыхъ расло очень много агавъ и кактусовъ; иногда зеленѣли деревья, и даль открывалась распространявшеюся плоскостію, со множествомъ дворовъ, садовъ, домиковъ, деревьевъ; все это уходило наконецъ въ туманную синеву, густую синеву степи. Утренній свѣжій воздухъ сталъ немного сгущаться, замѣтно было прибавленіе къ нему различныхъ міазмовъ, которое, по мѣрѣ нашего приближенія къ цѣли поѣздки, все возрастало. Наконецъ мы остановились среди поля, раздѣленнаго неглубокимъ, развѣтвляющимся оврагомъ; здѣсь было множество разбросанныхъ остововъ, цѣлыя лужи крови зарѣзанныхъ быковъ, съ которыхъ снимали шкуры, стая собакъ, объѣдавшихъ выброшенныя внутренности, и много всадниковъ, разъѣзжавшихъ взадъ и впередъ. За оврагомъ, небольшой, холмообразный выгонъ, а на немъ нѣсколько загоновъ съ быками, длинные рога которыхъ видны были изъ-за деревянныхъ заборовъ; у загоновъ было по нѣскольку воротъ. Разъѣзжавшіе на лошадяхъ были, одни, въ костюмѣ гаучо, другіе въ европейскомъ. «Вотъ *matadero*;— здѣсь бьютъ скотъ для потребленія города!» говорили намъ: «не стойте здѣсь, посторонитесь, быкъ можетъ вырваться и наскочить на васъ».

Несмотря на повсемѣстный смрадъ, надобно было посмотрѣть картину, которая была дѣйствительно очень жива. Желавшій купить быка подъѣзжалъ къ загону и, выбравъ одного, указывалъ гаучо, который, улучивъ минуту, набрасывалъ на рога арканъ (lasso) и, черезъ отворенныя

ворота, во весь скокъ мчался на привычной лошади, увлекая быка въ поле на этомъ длинномъ *лассо*, крѣпко привязанномъ къ сѣдлу; въ то время какъ быкъ пробѣгалъ воротами, ему перерѣзывали сзади ногу, и онъ, упираясь на трехъ ногахъ, скоро падалъ; въ этотъ моментъ къ нему подскакиваютъ два или три мясника и живо превращаютъ его въ стягъ мяса, какъ обыкновенно продаютъ его въ лавкахъ. Если не успѣютъ перерѣзать ногу, то другой верховой старается набросить *лассо* на заднюю ногу и скачетъ въ другую сторону, растягивая такимъ образомъ потерявшагося быка. Стоя въ полѣ, видишь увлекаемыхъ въ ворота быковъ, пріѣхавшія за мясомъ фуры, мальчиковъ, почти дѣтей, купающихся въ проливаемой крови, точащихъ свои коротенькіе ножи, которыми они уже искусно владѣютъ, что́ имъ вѣроятно пригодится не одинъ разъ впослѣдствіи; и смотришь на всю эту сцену почти равнодушно, потому что человѣкъ заранѣе закупленъ вкусными бифстексами, сочными ростбифами и другими хорошими вещами. Здѣсь такъ привыкли къ этому зрѣлищу, что еслибъ одинъ изъ быковъ могъ заговорить и изъявилъ претензію на свои права, на состраданіе и проч., то его претензія показалась бы странною. Что сталось бы съ Англіей, еслибы не было ростбифа? Что̀ было бы вообще съ людьми? И самъ восточный вопросъ разыгрался бы, по всей вѣроятности, совершенно иначе!... Однако, я все еще не могъ понять: зачѣмъ намъ такъ рекомендовали это зрѣлище и что̀ въ немъ интереснаго; я объяснялъ себѣ эту рекомендацію страстію испанскаго населенія къ убійству быковъ; должно-быть, оно въ крови у испанцевъ. Наконецъ мы поѣхали дальше по довольно-сносному шоссе, черезъ небольшое мѣстечко, съ низенькими домиками, лавками и множествомъ столпившихся фуръ, запряженныхъ шестью или четырьмя волами; на мосту мы должны были остановиться, встрѣтившись опять

съ быками, которыхъ стадо наполняло мѣстность, поднимая страшную пыль. Отсталыхъ быковъ подгоняли верховые гаучи, хлопая коротенькими кожаными хлыстами, въ родѣ нагаекъ; если быкъ имѣлъ намѣреніе отклониться въ сторону, то наброшенное на его рога *лассо* приводило его на мѣсто. Съ дороги, по обѣимъ сторонамъ, видна ровная мѣстность, уходящая въ даль своими простенькими, однообразными пейзажами; виднѣлся бѣлый домикъ, то каменный заборъ, зеленый выгонъ и рѣдко холмъ, или овражекъ, или немного болѣе сгустившаяся роща. Но вотъ своротили въ сторону, по неширокой, проселочной дорогѣ. Часто охватывалъ насъ тяжелый запахъ отъ брошенной падали и заставлялъ думать, что если прежде воздухъ былъ здѣсь такъ хорошъ, что далъ названіе городу Буэносъ-Айресъ (т. е. прекрасный воздухъ), то теперь, зараженный безчисленными *саладерами*, онъ вовсе не отвѣчаетъ своему названію, и даже окрестности его заражены страшнымъ количествомъ разбросанныхъ повсюду гніющихъ труповъ. За домиками, мимо которыхъ мы проѣзжали, текла рѣка, о присутствіи которой можно было заключить по мачтамъ шкунъ и небольшихъ бриговъ, нагруженныхъ кожами и соленымъ мясомъ, приготовляемыми въ заведеніяхъ, расположенныхъ вдоль берега. Эти заведенія стали попадаться чаще; изъ ихъ высокихъ трубъ валилъ черный дымъ; близъ большихъ, крытыхъ зданій видно было нѣсколько соединенныхъ вмѣстѣ загоновъ, съ высокими перекладинами на воротахъ; и тамъ была та же дѣятельность, подробности которой мы разсмотрѣли на одномъ изъ самыхъ значительныхъ *saladero*.

Саладеро есть заведеніе, на которомъ солятъ кожи и мясо тутъ же убиваемыхъ быковъ и лошадей. Здѣсь же устроены салотопни, мыловарни, свѣчные заводы, словомъ всякое производство того, что́ можно выдѣлать и получить изъ убитаго животнаго. Мы остановились передъ нѣсколь-

кими, сообщающимися другъ съ другомъ загонами, гдѣ собрано было нѣсколько сотень молодыхъ лошадей. Человѣкъ пять, изъ которыхъ трое были въ европейскомъ платьѣ, и два гауча, пріѣхавшіе верхомъ, ходили среди табуна; одинъ господинъ, очень прилично одѣтый и съ лицомъ джентльмена, долго выбиралъ между кобылицами, безпрестанно сгоняемыми изъ одного угла загона въ другой. Мы узнали, что это былъ англичанинъ, мистеръ Краффордъ, много путешествовавшій и желающій теперь поселиться здѣсь. А такъ какъ англичанинъ не измѣняетъ нигдѣ ни своей натуры, ни своей націи, то и мистеръ Краффордъ не составлялъ собою исключенія: онъ привезъ двухъ кровныхъ англійскихъ лошадей, съ намѣреніемъ заняться улучшеніемъ мѣстной породы. Теперь онъ выбиралъ себѣ лучшихъ изъ назначенныхъ на убіеніе кобылицъ, и дѣйствительно, долго разсматривая, онъ наконецъ остановился на двухъ, на которыя гаучо сейчасъ же набросилъ свой *лассо*; избавленныя судьбою отъ молотка, двѣ молодыя лошади выведены были на свободу.

Богатая природа пампъ Лаплаты и привольная свободная жизнь на ихъ тучныхъ пастбищахъ до такой степени благопріятны для лошадей и всякаго скота, что лошади размножились здѣсь въ угрожающемъ количествѣ. Весною, молодыя кобылы доходили иногда до того, что нападали на обозы, какъ хищные звѣри, и били встрѣчавшихся верховыхъ лошадей и всадниковъ; страшное размноженіе ихъ грозило совершенно наводнить страну. Всѣ эти причины приводятся въ оправданіе избіенія этихъ животныхъ, къ насильственной смерти которыхъ никто какъ-то не привыкъ; главная же причина избіенія ихъ, конечно, разсчетъ, выгода. Никому непринадлежащіе табуны превращаются въ соленыя кожи, сухія жилы, изъ которыхъ дѣлаютъ lasso, въ хвосты, сало, свѣчи, мыло и пр. Все это идетъ въ Англію, Испанію, Францію, Бразилію и пр. Лошадей ску-

паютъ у промышленниковъ, занимающихся ихъ ловлею, платя имъ по-головно за лошадь около десяти франковъ; купленная же на saladero лошадь стоитъ 25 франковъ; за эту цѣну можно выбрать прекрасную лошадку, на которой, впрочемъ, нельзя тотчасъ ѣхать верхомъ. На saladero убиваютъ только кобылъ, и если кто-нибудь поѣдетъ по городу на кобылѣ, его осмѣютъ и, пожалуй, закидаютъ грязью.

При насъ часть находившихся въ загонѣ лошадей перегнали въ другой, узенькій корридорчикъ, который наполнялся ими совершенно; спущенная доска отдѣлила ихъ отъ оставшихся въ первомъ загонѣ; отсюда ихъ перегнали въ послѣдній загонъ, снова отдѣливъ опущенною доской отъ вновь-наполненнаго корридора. На съузившемся концѣ послѣдняго загона устроена была перекладина, съ ходившимъ въ ней горизонтальнымъ блокомъ, въ *шкивъ* котораго продернутъ былъ толстый и длинный *лассо*; конецъ его, обращенный къ лошадямъ, набирался въ нѣсколько *бухтъ* и набрасывался главнымъ истребителемъ лошадинаго племени на шеи жертвъ; другой конецъ выходилъ на свободное мѣсто, гдѣ онъ былъ привязанъ къ сѣдлу сидѣвшаго на конѣ гауча; по крику истребителя, конецъ быстро выбирался, натягивался, и двѣ или три захваченныя петлями кобылицы притягивались головами къ перекладинѣ, игравшей роль плахи; притянутыя вдругъ, онѣ были уже на телѣжкѣ, и когда дѣло оканчивалось однократнымъ ударомъ молотка по лбу, телѣга вывозила трупы по желѣзнымъ рельсамъ; ихъ мгновенно сбрасывали и съ удивительнымъ проворствомъ превращали въ скелеты. Картина больше нежели непріятная!... Тѣсно-стоящія, испуганныя лошади, дико озираются, бьютъ другъ друга, вскакиваютъ на дыбы и падаютъ; раскрытые глаза оживлены испугомъ и налиты кровью; въ раздутыхъ ноздряхъ малиновыя пятна; волнуясь, развѣвается грива, уши навострены, и надъ всѣмъ этимъ облитый кровью гаучо, вѣрною

рукой и совершенно равнодушно набрасывающій роковую петлю и высматривающій выгоднѣе другихъ поставленныя головы. Петля летитъ, и три головы, стянутыя вмѣстѣ, готовы подъ ударъ; лошади упираются, бьются, падаютъ, ломаютъ себѣ ноги... Бросавшій лассо, небольшимъ молоткомъ ударяетъ по разу въ лобъ каждой; слышенъ трескъ, но нѣтъ ни капли крови, и жизнь, пылавшая въ воспаленныхъ глазахъ, мгновенно гаснетъ, какъ затушенное пламя! Работа идетъ, не прерываясь; бываютъ дни, въ которые убиваютъ до 800 лошадей на одномъ saladero, и подъ навѣсами кровь льется потоками. Дыша нѣсколько времени этою атмосферой, напитанною кровью, я вспомнилъ что-то знакомое; мнѣ представился длинный корридоръ съ каменнымъ сводомъ, часто появляющіяся у входа носилки, блескъ ампутаціоннаго ножа и тотъ же тяжелый, раздражающій нервы запахъ крови; я вспомнилъ перевязочный пунктъ въ Севастополѣ...

Здѣсь, на этомъ саладеро, было очень тяжело, потому что нравственно убійство ничѣмъ не оправдывалось, и совѣсть не была закуплена ни ростбифомъ, ни чѣмъ-нибудь другимъ. Корысть и спекуляція, утѣшавшія хозяевъ, не утѣшали насъ, любопытныхъ зрителей.

Въ заведеніи солились кожи, складываемыя въ цѣлыя горы, вываривался клей, топилось сало всевозможныхъ достоинствъ и консистенціи, варилось мыло и выливались свѣчи.

На другомъ saladero били быковъ. Процессъ тотъ же, только ихъ не бьютъ молоткомъ, а перерѣзаютъ ножемъ становую жилу. Этотъ ударъ ножа такъ искусенъ, что съ ужасомъ воображаешь, какое страшное употребленіе можетъ сдѣлать изъ него владѣющій имъ гаучо. Кожу сдираютъ одни рабочіе, мясо срѣзаютъ съ костей другіе; третьи распластываютъ и бросаютъ стягъ въ бассейнъ съ водою, откуда достаютъ крючьями, уже обмытымъ, и укладываютъ въ колоссальныхъ складахъ, пересыпавъ солью.

Когда сокъ весь стечетъ, мясо вывѣшиваютъ на солнцѣ и сушатъ. Въ этомъ видѣ оно вывозится въ огромномъ количествѣ на Антильскіе острова и особенно въ Бразилію. Соль привозится сюда изъ Испаніи. Глядя на эти обширныя заведенія, невольно вспомнишь о нашей Россіи, которая могла бы имѣть ихъ въ неменьшемъ количествѣ, владѣя и скотомъ, и пастбищами, и, наконецъ, солеными озерами и копями.

Видъ крови и убійства, съ восьми часовъ до двухъ, порядочно измучилъ насъ; мы поспѣшили домой, и на возвратномъ пути заѣхали къ Крaффорду. Онъ еще не совсѣмъ устроился; домикъ его стоялъ среди хорошенькаго парка; два кровные жеребца помѣщались чуть не въ спальнѣ хозяина; на нихъ были намордники, чтобы драгоцѣнныя лошади не съѣли чего-нибудь непоказаннаго и не лизали стѣнъ. Въ библіотекѣ были всѣ классическія сочиненія, какія только есть въ Англіи, о воспитаніи лошади, объ овцеводствѣ, о породахъ скота, и много книгъ съ прекрасными рисунками. Краффордъ, кажется, былъ поклонникомъ новой системы укрощенія лошадей, съ помощію хлороформа. На лужайкѣ, въ небольшомъ, огороженномъ мѣстѣ, ходили три племенные барана, мериносы, необыкновенной красоты; каждый изъ нихъ былъ заплаченъ по 15 000 фр. Отъ Краффорда мы поѣхали черезъ весь городъ въ *Палермо*, садъ, находящійся съ западной стороны города. Проѣхавъ всѣ продольныя улицы города, мы не могли не остановиться у воротъ обнесеннаго высокою стѣною монастыря, довольно стараго. На его обширномъ дворѣ было кладбище, и я въ первый разъ видѣлъ склепы, обдѣланные камнемъ, въ которыхъ гроба стояли на виду. Надъ нѣкоторыми склепами были изящные мавзолеи; гроба какъ будто щеголяли другъ передъ другомъ отдѣлкою,—и въ свѣтлыхъ и чистыхъ погребахъ было такъ хорошо, что мрачная мысль о «сырой» могилѣ не имѣла здѣсь мѣста.

Джюльетта, вѣроятно, была поставлена въ подобномъ склепѣ. Между гробницами были обсаженныя цвѣтами аллеи; у одного камня молилась женская фигура, можетъ-быть, и красивая; по крайней мѣрѣ испанская мантилья придаетъ женщинѣ много граціи. Въ церкви мы нашли все то же, чтó и въ другихъ церквяхъ; насъ водилъ монахъ, въ коричневомъ капишонѣ и съ такою характеристическою физіономіей, что, казалось, онъ только что сошелъ съ картины Рубенса. Товарищъ мой нашелъ его грязнымъ, а я живописнымъ. Онъ все время чистилъ свой носъ грязнымъ пальцемъ и такъ громко сопѣлъ, что становилось за него совѣстно; нельзя было не согласиться, что на картинѣ онъ былъ бы гораздо лучше.

Отъ монастыря мы спустились съ небольшой горы и поѣхали прекраснымъ шоссе, обсаженнымъ плакучими ивами, вдоль по берегу Лаплаты. Слѣва возвышенная мѣстность сходила къ лугу густо-разросшимися садами, красивыми виллами затѣйливой архитектуры, отдѣльными рощами и правильными огородами. Вплоть до берега рѣки простирался зеленый лугъ, съ небогатою растительностію; по лугу нѣсколько гаучей скакали на лошадяхъ, обгоняя другъ друга. Насъ все время догоняла блестящая коляска, запряженная парой отличныхъ лошадей; въ ней сидѣла очень хорошенькая, но и очень важная дама. Шоссе ведетъ до Палермо, обширнаго сада, похожаго больше на лѣсъ. У его начала находится низенькое одноэтажное зданіе, обнесенное со всѣхъ сторонъ каменными галереями съ полукруглыми арками; это дворецъ Росаса. Онъ заброшенъ; разбитыя стекла и разломанныя двери говорятъ о запустѣніи, въ которомъ находится строеніе, когда-то страшное и роковое для жителей Буэносъ-Айреса. Намъ даже не совѣтовали входить туда, если мы боимся блохъ, которыя будто бы въ страшномъ количествѣ развелись тамъ. Но отчего и не быть укушеннымъ блохой, обитательницею

дворца Росаса? Мы смѣло вошли, и долго ходили по галереямъ и комнатамъ. Если бы всякій камень зданія могъ говорить, онъ разсказалъ бы такія вещи, отъ которыхъ у насъ волосы стали бы дыбомъ. Увлеченные воображеніемъ и ненавистью, сочинители легендъ о бывшемъ диктаторѣ въ своихъ разсказахъ достигаютъ до ужасныхъ размѣровъ. Говорятъ, будто послѣ его бѣгства, въ подвалахъ дворца нашли посоленныя головы всѣхъ имъ казненныхъ!.. Въ его диктаторство Буэносъ-Айресъ уподоблялся обширному *саладеру*, а самъ Росасъ облитому кровью гаучу, набрасывающему свое *лассо* на избранныя головы. Но, прошло шесть лѣтъ, и, кромѣ разсказовъ, осталась одна «мерзость и запустѣніе» дворца, съ надписями на стѣнахъ, въ которыхъ краснорѣчиво выражены чувства къ тирану.

Чтобы познакомиться съ окрестностями Буэносъ-Айреса, мы поѣхали въ Фернандо, мѣстечко, находящееся недалеко отъ впаденія Параны въ Лаплату, гдѣ начинаются низменные острова, между которыми верхняя рѣка безчисленными портиками прокладываетъ себѣ путь. Эта поѣздка заняла цѣлый день. По дорогѣ мы были въ двухъ городкахъ, Бельграно и Исидоре. Дорога много напоминала наши проселочные пути, среди сухаго, теплаго лѣта, когда пыль ложится на зелень виднѣющихся по невысокимъ холмамъ рощей, и отдыхающіе обозы рядами стоятъ около постоялыхъ дворовъ, пустивъ быковъ своихъ на ближайшее пастбище. Попадавшіяся венты не уступали въ грязи и нечистотѣ нашимъ трактирамъ; почти въ каждой изъ нихъ былъ билліардъ, и двое гаучей, въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, дѣлавшіе карамболи, приговаривали при удачномъ ударѣ слово «*caramba*», безъ котораго житель Аргентинской республики шагу не ступитъ. *Caramba* употребляется для выраженія радости и досады, удачи и удали и всякаго другаго чувства; разница его отъ другихъ, ему подобныхъ выраженій, та, что его можно употребить

въ какомъ угодно обществѣ. Въ городахъ та же постройка домовъ, какъ и во всѣхъ улицахъ Буэносъ-Айреса; они одноэтажны и выходятъ на улицу двумя, тремя окнами, съ желѣзными рѣшотками; за то смотрятъ весело на внутренніе дворики, чисто вымощенные бѣлымъ камнемъ и отличающіеся роскошью домашняго комфорта. Проѣхавъ верстъ двадцать, мы увидѣли наконецъ буэносъ-айресскія пампы, далеко уходящія въ даль и сливающіяся густою синевой съ синевою неба. По степи разбросаны *квинты*, одинокіе домики, съ выросшимъ вблизи деревомъ, и небольшія бойни; сначала видныя ясно, они казались вдали пятнами и наконецъ совершенно исчезали. Санъ-Фернандо былъ похожъ и на Бельграно и на Исидоре. Улицы были правильны, невымощены, дорога съ выбоинами, такъ что одинъ разъ наша коляска едва не повалилась на бокъ; часто мы попадали подъ густую тѣнь нависшихъ деревъ; сельскихъ жителей и гаучей встрѣчали много. Въ садахъ красовались плоды; агавы и кактусы закрывали собою полуразвалившіеся заборы.

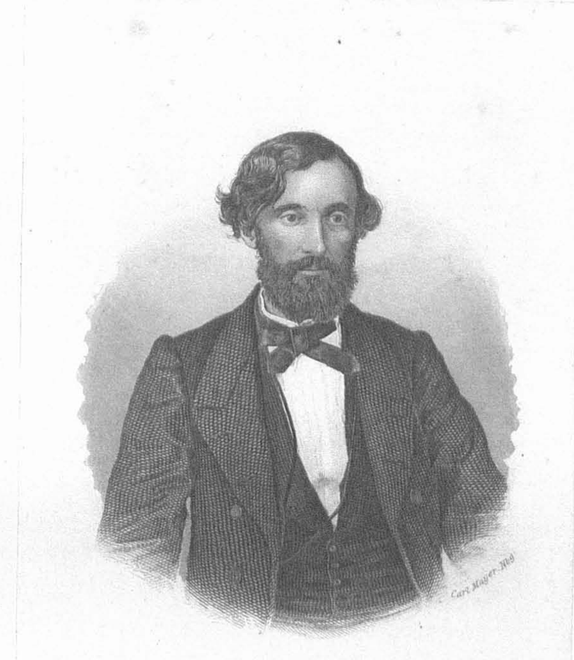
Въ гостинницѣ, гдѣ мы заказали обѣдъ, оказался сумасшедшій поваръ; онъ принялъ насъ за знатныхъ иностранцевъ и, во что бы ни стало, захотѣлъ похвастать своимъ искусствомъ и угостить насъ на славу. А намъ нельзя было оставаться здѣсь больше двухъ часовъ, потому что вечеромъ надобно было поспѣть въ оперу, между тѣмъ какъ отъ Санъ-Фернандо до Буэносъ-Айреса было добрыхъ сорокъ верстъ. Пока сумасшедшій готовилъ, мы пошли смотрѣть на острова; они были видны съ возвышенія, на которомъ стоялъ городъ. Возвышеніе кончалось обрывомъ, поросшимъ деревьями и зеленью, переходившею въ луга и низовья, распространявшіеся до самой рѣки. Острова были низменны и лѣсисты; по близости текла небольшая рѣчка, вся скрытая нависшими вѣтвями плакучихъ ивъ; между ними стояли домики, а при рѣкѣ строились неболь-

шіе боты и лодки; эта дѣятельность, среди деревьевъ, мостиковъ, придавала прекрасной картинѣ самый оживленный видъ. У домовъ играли дѣти, между которыми были черныя головки негровъ; попадались красивыя крестьянки, скакалъ гаучо, съ арканомъ, нагоняющій вырвавшуюся лошадь, и непремѣнно быки, или пасущіеся, или готовые къ запряжкѣ. День былъ прекрасный; прогулка сильно раздразнила нашъ аппетитъ, и мы спѣшили въ гостинницу, еще не подозрѣвая какой великолѣпный банкетъ ожидалъ насъ тамъ. Сумасшедшій дѣйствительно поддержалъ свою репутацію,— не какъ сумасшедшаго, но какъ повара. Супъ былъ изъ устрицъ, пирожки тоже; соусы и разные *соте* разнообразились такъ же, какъ и жаркое: была и телятина, и баранина, и двѣ индѣйки, и дичь; пастеты представляли изъ себя чуть не модели готическихъ соборовъ; всякое блюдо краснорѣчиво выхваляло артиста. Но обѣдъ длился ужасно долго; не желая упустить *Травіату*, мы съ безпокойствомъ старались кончить обѣдъ, но напрасно; съ сумасшедшимъ не легко было сладить. Уже коляска была запряжена, и осѣдланныя лошади нашихъ компаньоновъ нетерпѣливо грызли удила и били копытомъ, но поваръ выдерживалъ роль, методически отпуская блюдо за блюдомъ, и обѣдъ едва не превратился въ сцену Демьяновой ухи. При отъѣздѣ нашемъ, сумасшедшій былъ приглашенъ въ залу, и долженъ былъ выслушать спичъ въ похвалу его умѣнья и вкуса.

Въ этотъ день, проведенный нами въ степи, въ Буэносъ-Айресѣ избранъ былъ новый президентъ, генералъ Бартоломео Митре. Ждали безпорядковъ; представители округовъ подавали свои голоса, записываясь во дворцѣ юстиціи; на площади стояло, на всякій случай, тщедушное, оборванное войско. По угламъ явились афиши, возвѣщавшія, что новый президентъ будетъ завтра въ маломъ театрѣ. Въ большомъ театрѣ, гдѣ даются оперы, публика состоитъ большею частью изъ иностранцевъ, живущихъ въ городѣ.

Гаучо, конечно, не пойдетъ слушать Лагранжъ. Президенту надобно было польстить главной, самой многочисленной публикѣ, хотя отъ нея и пахнетъ свѣжимъ мясомъ и кровью; публикѣ съ нечистыми лицами, но съ чисто-выточенными ножами. Приглашеніе новаго президента въ театръ равносильно здѣсь празднествамъ, которыя сопутствуютъ нашимъ европейскимъ коронаціямъ. Нанята была музыка, которая играла передъ театромъ, на улицѣ; весь народъ желалъ встрѣтить президента у входа, и представленіе не начиналось. Наконецъ заиграли маршъ, толпа раздвинулась, и явился ново-избранный, въ генеральскомъ мундирѣ, съ перевязью черезъ плечо, голубаго и бѣлаго цвѣта, національныхъ цвѣтовъ Буэносъ-Айреса. За нимъ шли двое сѣдовласыхъ господъ, также въ генеральскихъ мундирахъ; съ ними вошла въ театръ и публика. Поднялся занавѣсъ; актеры пропѣли народный гимнъ. При Росасѣ же всякое представленіе начиналось слѣдующею сценой: актеры, пропѣвъ гимнъ, восклицали «да здравствуютъ федералисты!» и публика единодушно отвѣчала, съ страшными угрожающими жестами: «смерть унiонистамъ!» Теперь этого не было: публика прокричала «bravo!» чѣмъ и кончилось вниманіе къ президенту. Интересно было смотрѣть по ложамъ и кресламъ. Мы видѣли здѣсь людей, составляющихъ ядро Буэносъ-Айреса, его правительство, людей, бывшихъ нѣкогда членами общества Масхорко, носившихъ розовые цвѣта, цвѣта Росаса... «А что, спросилъ я бывшаго въ залѣ г. Станкевича, хозяина всѣхъ южно-американскихъ театровъ:—можно ли оставить свое пальто на креслѣ, выходя въ корридоръ?» —«Не совѣтую,» отвѣчалъ онъ, глядя на нашихъ сосѣдей...

Верхній ярусъ, въ которомъ сидѣли однѣ дамы, смотрѣлъ выставкою картинъ, семейныхъ портретовъ Ванъ-Дейка или Рубенса. Дамы, желающія идти въ театръ безъ проводника или кавалера, имѣютъ отведенное, особенное



DON BARTOLOMÉ MITRE,
Président provisoire
de la République Argentine.

Tour. du. 1863

мѣсто, *cazuela*, куда мужчина, *подъ страхомъ смерти*, не можетъ войдти. По окончаніи театра, молодые люди толпятся у входа *cazuela*, и дамы, находя между ними знакомыхъ, берутъ ихъ руки и идутъ домой. Въ бель-этажѣ мнѣ показывали разныя замѣчательныя личности, между которыми былъ племянникъ Росаса; но всего интереснѣе, конечно, былъ президентъ. У него самое серьезное, холодное, желѣзное лицо, украшенное черными, проницательными глазами и черною бородой. Онъ ни разу не улыбнулся, когда какой-то ребенокъ, посланный своею матерью, поднесъ ему букетъ цвѣтовъ; онъ поцѣловалъ ребенка совершенно офиціально и форменно, хотя въ эту торжественную минуту и могъ бы показать признаки нѣкотораго чувства. Смотря на его лицо, мы сами себѣ рисовали его характеръ, и какъ же мы ошиблись! Митре оказался поэтомъ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ аргентинской литературѣ, музыкантомъ и очень плохимъ генераломъ. Онъ командовалъ войсками въ двухъ сраженіяхъ, и оба раза праздновалъ побѣду, въ то же время, какъ праздновали побѣду и непріятели. Своего настоящаго мѣста онъ добился разными происками; а на другой день своего избранія онъ высказалъ убѣжденія, совершенно противныя той партіи, которая помогала ему. Назначеніе министрами людей, непользующихся хорошею репутаціей, не понравилось всѣмъ. «Опять приходится браться за оружіе», говорили недовольные,—а недовольныхъ много!

Въ Буэносъ-Айресѣ есть желѣзная дорога, сдѣланная безъ всякой видимой цѣли; она не соединяетъ города съ какимъ-нибудь замѣчательнымъ мѣстомъ, а выстроена вѣроятно для того, чтобы сказали, что въ Буэносъ-Айресѣ есть желѣзная дорога. Она идетъ на югъ въ пампы верстъ на пятьдесятъ. Проходя городомъ и предмѣстіями, вагоны часто останавливаются, и здѣсь высаживается главная часть пассажировъ; на дальнія станціи завозятъ какихъ-нибудь

старухъ, да такихъ туристовъ, какъ мы, которымъ рѣшительно все равно гдѣ бы ни высадиться. Верстъ десять шли предмѣстья; тутъ были сады, дачи, фабрики; дальше рельсы прорѣзывали степи, терявшіяся въ отдаленіи. Тѣ же квинты, тѣ же деревья и соперничествующія съ желѣзною дорогой средства перевозки—визжащія колесами фуры, съ быками, гаучами, кожами и мясомъ. Много еще пройдетъ времени, пока это простое средство перевозки и сообщенія смѣнится здѣсь желѣзными дорогами.

Мы прожили въ Буэносъ-Айресѣ шесть дней. Вечера проводили или дома, передъ каминомъ, потому что было довольно холодно, или гуляя по улицѣ «Перу», освѣщенной газомъ, или въ театрѣ, или въ клубѣ иностранцевъ. Въ послѣднемъ приходилось встрѣчать людей съ самыми разнообразными взглядами на дѣла Буэносъ-Айреса. Еще до сихъ поръ, едва начавшійся разговоръ незамѣтно переходитъ на живое воспоминаніе диктаторства Росаса, и, среди обвиненій и преувеличенныхъ разсказовъ, иногда приходилось слышать и слова оправданія тирану. Такъ нашли мы сильнаго защитника его въ лицѣ голландскаго консула, у котораго провели цѣлый вечеръ. Онъ давно живетъ здѣсь, торгуетъ кожами и саломъ, и ему часто приходится вести дѣла съ владѣльцами отдаленныхъ эстанцій. «При Росасѣ былъ по крайней мѣрѣ порядокъ», говорилъ онъ, «а вы не знаете этого народа, неимѣющаго никакихъ нравственныхъ началъ! Характеръ Росаса воспитался обстоятельствами, и люди сдѣлали его такимъ, потому что человѣческія средства убѣжденія, исправительныя мѣры, все это здѣсь недѣйствительно! Чтобы понять здѣшній народъ, надо забыть всѣ ваши европейскіе взгляды. Возьмите здѣшнія войны. Въ нынѣшнемъ году Уркиса осаждалъ Буэносъ-Айресъ; мы съ ними пріятели. Живя въ осажденномъ имъ городѣ, я часто ѣздилъ къ нему въ лагерь, велъ тамъ свои дѣла открыто и, конечно, отлично

велъ ихъ. Мяса у насъ не было, вотъ и возмешь съ собою (продолжалъ онъ уже въ анекдотическомъ духѣ) нѣсколько бутылокъ вина, и не даешь откупорить до тѣхъ поръ, пока не позволятъ первому отрѣзать отъ висящаго середи палатки зажаренаго мяса; а то, не успѣешь отвернуться, какъ ничего не останется. А я ужъ это знаю, ножомъ откромсаю себѣ порядочный кусъ, такъ что Уркиса разсмѣется и скажетъ: «вотъ молодецъ! это по нашему, видно, что знакомъ съ гаучами!» Послѣ этого я ужъ и даю имъ вино и, прокутивъ весь вечеръ, возвращаюсь домой. А самая война какъ идетъ! кто изъ генераловъ терпѣливѣе, тотъ и побѣдитель. Надоѣстъ кому стоять, и кто первый уйдетъ, тотъ проигрываетъ сраженіе. Вотъ теперешній президентъ Митре: какъ онъ славно улепетнулъ, потерялъ почти всю кавалерію въ сраженіи съ индѣйцами, а также считался побѣдителемъ!»

Нашъ хозяинъ, долго живя здѣсь, дѣйствительно пріобрѣлъ кое-что изъ манеръ гауча, и рѣчь его, отрывочная и пересыпанная удалыми выраженіями, была очень оживлена и интересна. Онъ даже разъ увлекся до того, что, разсказывая о нападеніяхъ индѣйцевъ, свисталъ, подражая летящимъ стрѣламъ, и въ жару разсказа какъ-то особенно гикалъ, почувствовавъ себя совершеннымъ индѣйцемъ.

Мы возвращались въ Монтевидео на пароходѣ *Constitucion*; пароходъ этотъ передѣланъ изъ купеческаго парусснаго судна, вслѣдствіе чего онъ очень некрасивъ и неудобенъ. Сколько комфортабеленъ и приличенъ былъ *Montevideo*, какъ стѣнами, такъ и публикой, столько *Constitucion* былъ некомфортабеленъ, и публика его, вѣроятно, была та самая, которую мы видѣли въ театрѣ, когда тамъ былъ президентъ. Я даже какъ будто узнавалъ нѣкоторыхъ. Только капитанъ парохода своею предупредительностію и удивительно ласковымъ вниманіемъ сглаживалъ общія угловатости и неудобства. Тутъ царствовалъ какой-то патріар-

хальный тонъ. За обѣдомъ капитанъ, словно отецъ семейства, сѣлъ на главное мѣсто и началъ раздавать кушанье, припасая самые вкусные куски для избранныхъ. Избранными были, къ счастію, мы, и я внутренно жалѣлъ сидящихъ далѣе, до которыхъ доходили косточки и остатки. Намъ откупоривалась особенная бутылка вина, что видимо оскорбляло одного очень морщинистаго старичка, съ сатирическимъ, ѣдкимъ выраженіемъ лица, которое бываетъ у злыхъ и старыхъ профессоровъ-экзаменаторовъ; онъ даже нѣсколько разъ пытался завести мирные переговоры, но мы важно отмалчивались, не желая сойдти съ пьедестала нашего временнаго величія. Видя, что всѣ усилія его тщетны, онъ напалъ на своего сосѣда, какого-то рябаго, съ рѣдкою бородой и свиными глазками, господина, и такъ раскричался на него, что закашлялся, покраснѣлъ и долго и злобно потрясалъ головой! Подали шампанскаго; его достало и старичку, что̀ такъ его обрадовало и такъ ему польстило, что онъ изъ злаго превратился въ веселаго стараго кутилу.

Когда я забрался въ койку, находившуюся около дамской каюты, такъ что всѣ пассажиры проходили мимо меня, я еще больше возненавидѣлъ старичка, который, съ своей стороны, видимо желалъ мнѣ надѣлать всевозможныхъ непріятностей. Койка была похожа на гробъ, повернуться было трудно; а старичекъ расположился около меня, разсказывать какой-то дамѣ что̀-то такое, что̀ повело къ нескончаемымъ поясненіямъ, упрекамъ, увѣреніямъ, и всѣ эти рѣчи, произносимыя сиплымъ, разбитымъ голосомъ, съ кашлемъ и одышкой, продолжались далеко за полночь. Это было похоже на пытку, и горько я раскаявался, что не заискалъ у старичка во время обѣда; я бы могъ деликатно напомнить ему, что время спать, а теперь я не могъ сдѣлать этого, обидѣвъ его своимъ невниманіемъ во время обѣда; я пожиналъ плоды своей гордости...

Въ Монтевидео мы прожили еще двѣ недѣли. Познакомившись во многихъ домахъ, мы нѣсколько присмотрѣлись и къ обществу. Во всякомъ домѣ было почему-то много дѣвицъ, и молодыхъ и старыхъ. Дѣтей не впускали въ гостиную, и дочки входили только тогда уже, когда являлась маменька. Про маменекъ можно было сказать, что онѣ были когда-то красавицами, и что въ нихъ въ сильной степени развито стремленіе собирать вокругъ себя молодыхъ людей, давая, однако, при этомъ разныя мудрыя наставленія дочкамъ. Дѣвушка смѣло идетъ на встрѣчу желающему проводить съ нею время; въ сентиментальныхъ разговорахъ она будетъ разыгрывать роль Инесы, говорить о любви, вышивать на память закладки, съ нимъ однимъ танцовать, открыто показывать, кѣмъ занята, и при этомъ останется такою же цѣломудренною, какъ и наша дѣвица, пугающаяся одного смѣлаго взгляда и самаго далекаго намека. Дѣвицы здѣшнія очень живы, сильно жестикюлируютъ, хватаютъ за руки, глазами дѣлаютъ телеграфическіе знаки, которые приводятъ однихъ въ отчаяніе, другихъ возносятъ на седьмое небо; говорятъ громко, конфеты ѣдятъ безъ совѣсти, пьютъ вино, и все-таки остаются милыми, а главное хорошенькими. Если есть на вечерѣ танцы, то на подносѣ, полномъ конфетъ, воткнутъ флагъ той націи, которая въ настоящемъ случаѣ фигюрируетъ. Кто попроворнѣе, тотъ завладѣваетъ этимъ флагомъ и передаетъ его или своей царицѣ, или царицѣ бала. Изъ за флага бываютъ даже *сцены,* а такъ какъ испанская барышня за словомъ въ карманъ не пойдетъ, то сцены бываютъ шумныя. Половина конфетъ бываетъ непремѣнно съ хлопушками, такъ что по всѣмъ угламъ раздается трескотня, и этими хлопушками бомбардируютъ дѣвицъ, которыя иногда сдаются вслѣдъ за бомбардировкой, не дожидаясь и штурма; всякое бываетъ! На домашнихъ вечерахъ играютъ въ колечко, передаютъ другъ

другу зажженную бумагу; короче сказать, дѣлаютъ все то, что происходитъ въ семействѣ какого нибудь Сквозника-Дмухановскаго, когда у него соберутся дочери судьи, и Земляники, и Добчинскіе съ Бобчинскими.

На этихъ вечерахъ мы проводили время очень весело. Женская прислуга смотрѣла въ двери, и потомъ разносила угощенія; тоже ситцевое, неловко сшитое, платье на служанкѣ, но только, вмѣсто бѣлаго лица и прически, намазанной масломъ, передъ нами были черныя, лоснящіяся физіономіи негритянокъ, съ выраженіемъ добраго, ласковаго котенка, съ шершавою, войлокообразною подушкой на головѣ вмѣсто волосъ. Мнѣ очень хотѣлось сойдтись поближе съ одною служанкой, послѣ того какъ одинъ разъ, стоя у двери и любуясь на летавшія мимо меня пары полькирующихъ, я вдругъ почувствовалъ, что кто-то меня гладитъ по спинѣ тихо, ровно, вкрадчиво; оборачиваюсь— негритянка! Она засмѣялась, показала мнѣ языкъ и закрылась рукавомъ. Съ тѣхъ поръ, мы сдѣлались пріятелями. Vous faites la cour à ma negresse, иронически-добродушно говорилъ мнѣ хозяинъ, между прочимъ забравшій себѣ почему-то въ голову, что я великій знатокъ въ винахъ, и непрочь выпить; въ силу этого онъ отзывалъ меня регулярно каждыя пять минутъ, чего нибудь отвѣдать, или рейнвейну, или какого то допотопнаго хересу. Наливъ съ осторожностію двѣ рюмки, становились мы другъ противъ друга, отпивали по глотку и, давая губамъ видъ оника, втягивали въ себя и тихо выпускали воздухъ; этому маневру онъ меня выучилъ, для вѣрнѣйшей оцѣнки достоинства вина.

«Faites comme-ça: фу!..» говорилъ онъ: encore une fois: фу!..» Excellent! Excellent, фу!..» повторялъ я за нимъ, стараясь не засмѣяться. Вино у него, дѣйствительно, было превосходно.

БРАЗИЛІЯ И ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

КОРВЕТЪ И КЛИПЕРЪ. — ПАМПЕРОСЪ. — ОСТРОВЪ СВ. ЕКАТЕРИНЫ.— РІО-ЖАНЕЙРО НОЧЬЮ И ДНЕМЪ. — БОТОФОГО. — ТИЖУКО. — НЕГРЫ И ЖЕЛТАЯ ЛИХОРАДКА. — ПОѢЗДКА ВЪ ПЕТРОПОЛИСЪ.—ИТАМАРАТИ.— PRAYA GRANDA. — РЕЛИГІОЗНАЯ ПРОЦЕССІЯ. — ДОНЪ-ПЕДРО II. — БАХІЯ.—НИЖНІЙ ГОРОДЪ И ВЕРХНІЙ ГОРОДЪ.—ПУБЛИЧНЫЙ САДЪ.— БОМФИНЪ.—МАСКАРАДЪ.—ВЗРЫВЪ ПЛАСТУНА.

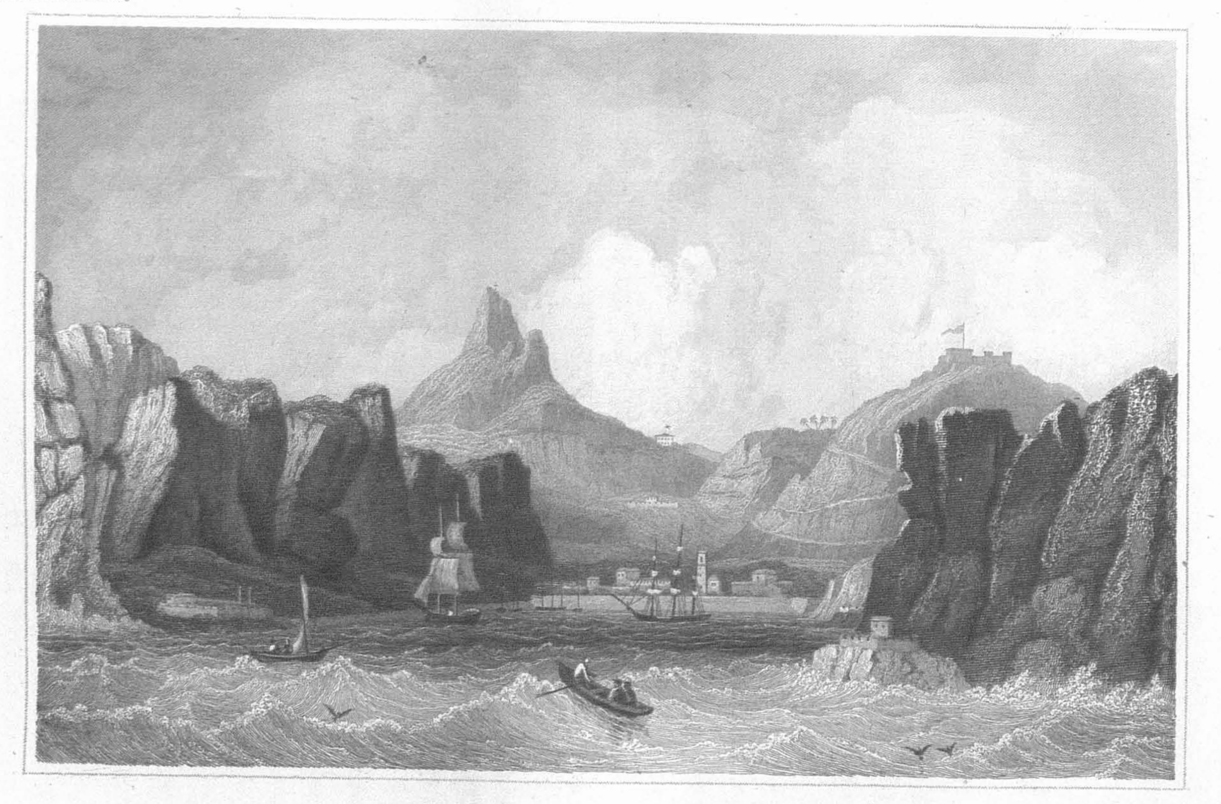
Передъ нашимъ уходомъ изъ Монтевидео меня перевели на корветъ *Новикъ*. Клиперъ *Пластунъ*, на которомъ мы обошли почти весь свѣтъ, оставилъ я только что приподнявшимся съ одра болѣзни, послѣ килевки, въ ожиданіи принятія вынутыхъ котловъ. Послѣ тѣсноты клипера, корветъ показался мнѣ *Гретъ-Истерномъ*: такъ было на немъ просторно, свободно, комфортабельно. Еще яснѣе увидѣлъ я эту разницу, когда пришлось вытерпѣть четырехдневный памперо. На корветѣ, во время самыхъ сильныхъ порывовъ и ударовъ волнъ, можно было гулять по сухой палубѣ и любоваться на бушующее море, какъ изъ окна городской квартиры; на клиперѣ же пришлось бы дня четыре просидѣть закупореннымъ и время отъ времени получать на голову холодныя души морской воды, проникавшей даже сквозь законопаченные люки, и дышать спертымъ воздухомъ съ примѣсью трюмнаго запаха. Если, желая освѣжить разболѣвшуюся голову, я выходилъ наверхъ, то на палубѣ былъ тотъ же океанъ; по ней кати-

лись волны, обдавая васъ брызгами и грозя унести съ собою... Однако, не заключайте изъ этого, что клиперъ не оставилъ во мнѣ другихъ воспоминаній, кромѣ какъ о подобныхъ непріятностяхъ и неудобствахъ; напротивъ, много хорошихъ и свѣтлыхъ дней провелъ я на клиперѣ; память о немъ будетъ для меня отрадой надолго, и легкій контуръ граціознаго судна часто будетъ мелькать передо мною среди ясныхъ и темныхъ картинъ въ воспоминаніяхъ о нашемъ далекомъ плаваніи. На немъ я познакомился съ моремъ, ему я вѣрилъ больше нежели другому судну, несмотря на его легкій и измѣнчивый характеръ; съ нимъ, какъ съ капризною женщиною, бывало, бьются и хлопочутъ наши моряки, то одѣвая его красивыми парусами, то подбирая ихъ въ разнообразныя складки; и вотъ, вытянется и развернется, бывало, наша красавица и летитъ птичкою тринадцатью узлами плавнаго и покойнаго хода, доказывая свои права на званіе самаго быстраго морскаго судна. Низкій на водѣ, длинный, съ высокимъ рангоутомъ, съ большими, красивыми, угловатыми парусами, ныряя въ волнахъ, и быстро и легко всплывая на нихъ, клиперъ, конечно, представляетъ одно изъ красивѣйшихъ созданій кораблестроительнаго искусства. Какъ влюбленный мужъ забываетъ и прощаетъ капризы жены, когда видитъ ее въ хорошемъ расположеніи духа, такъ и мы прощали все нашему клиперу, и уже изъ одного этого сравненія можно заключить, что первыя мои впечатлѣнія на корветѣ не набрасывали тѣни на клиперъ. Если продолжать метафору, то корветъ пришлось бы сравнить съ женою положительною, толковою, съ характеромъ ровнымъ и неизмѣнчивымъ; она и домъ ведетъ аккуратно, и въ свѣтѣ бываетъ, гдѣ держитъ себя прилично и съ тактомъ; платья свои она не часто мѣняетъ, какъ и корветъ свои паруса; между тѣмъ какъ клиперъ то одно примѣритъ, то другое, и никакъ не можетъ остановиться на чемъ нибудь одномъ.

Мы вышли изъ Монтевидео, 8 мая, рано утромъ, вмѣстѣ съ корветомъ *Рында,* на которомъ развѣвался брейдъ-вымпелъ отряднаго начальника. Я еще спалъ, когда начали сниматься съ якоря; меня разбудилъ непріятный, незнакомый звукъ, какъ будто изъ-подъ подушки вынимали что-то желѣзное, тяжелое и гремящее; въ просонкахъ я не догадался въ чемъ дѣло, но наконецъ понялъ, что канатные ящики, въ которые укладываются поднятыя съ якоремъ желѣзныя цѣпи, находились около моей каюты. Это укладыванье продолжалось часа два; я вспоминалъ съ сожалѣніемъ клиперъ, на которомъ сонъ мой ни разу не бывалъ прерываемъ подобными дисгармоническими звуками. Къ этимъ звукамъ присоединились еще два фальшивые голоса металлическихъ помпъ и, наконецъ, частые разговоры проходившихъ мимо матросовъ; отъ всего этого мы были удалены на клиперѣ, вслѣдствіе особеннаго расположенія каютъ.

Скоро мы вышли изъ Лаплаты, имѣя попутный вѣтеръ, и стали направляться къ югу, чтобы спуститься въ болѣе низкія широты. Тамъ мы надѣялись получить свѣжій W вѣтеръ, который донесъ бы насъ до параллели Св. Елены, куда мы имѣли намѣреніе идти. На четвертый день засвѣжѣло; качка корвета показалась мнѣ безпокойнѣе, нежели на клиперѣ, можетъ-быть съ непривычки; за то ни малѣйшей брызги не было наверху; въ каютъ-компаніи свѣтло, и я не только могъ читать, но преспокойно писалъ. Штормъ, продолжавшійся сутки, совершенно измѣнилъ нашъ маршрутъ: треснула передняя мачта, а съ такимъ поврежденіемъ дальше идти было опасно. Стихнувшія бури дали намъ возможность укутать и забинтовать больную, наложивъ на нее безчисленное множество шкалъ и найтововъ. Рѣшено было идти на Екатерину, а если и тамъ не найдемъ средства къ скорому исправленію, то въ Ріо-де-Жанейро, а оттуда въ Бахію; *Рында* же

пошелъ прежнимъ путемъ, на Елену. Такимъ образомъ, мы разлучились со всѣмъ нашимъ отрядомъ, до свиданія уже въ Европѣ; клиперъ оставили мы въ Монтевидео, и раскланивались теперь съ *Рындою*, которому на прощаніе салютовали. Погода стихала, какъ будто нарочно для того, чтобы дать намъ время проститься, а къ вечеру задулъ снова штормъ, попутный для *Рынды* и противный для насъ; онъ продолжался четверо сутокъ: это былъ настоящій памперо! Сломанная мачта была такъ упутана, что выдержала борьбу съ страшнымъ врагомъ. Я часто вспоминалъ клиперъ, смотря на подступавшія подъ самый бортъ волны и по привычкѣ приготовляясь получить водяной ударъ, но волна не хватала выше борта; рѣдко, рѣдко брызнетъ и упадетъ подъ киль судна. А штормъ былъ очень силенъ; бѣлыхъ гребешковъ на волнахъ не было; они не успѣвали образоваться, сдуваемые сильными порывами вѣтра, и безчисленными бѣлыми дорожками бороздили поверхность клокотавшаго океана; брызги неслись вихремъ надъ водою. Это же явленіе видѣли мы во время японскихъ тайфуновъ и во время сильнаго шторма у мыса Доброй Надежды. За штормомъ послѣдовало нѣсколько тихихъ и свѣтлыхъ дней; легкій вѣтерокъ понемногу подвигалъ насъ къ Екатеринѣ. 23 мая, съ утра, увидѣли мы берегъ острова, который обогнули съ восточной стороны, чтобы съ сѣвера войдти въ проливъ, отдѣляющій Екатерину отъ материка Южной Америки. Островъ представлялъ нѣсколько раздѣленныхъ долинами возвышенностей, по которымъ росли лѣса; мѣстами возвышенія эти представляли скалистые и песчаные откосы, мѣстами виднѣлись на нихъ вырубленныя поляны. Войдя въ проливъ, мы видѣли берега и острова, и материка; послѣдній былъ такъ близко, что можно было ясно разсмотрѣть и домики, разбросанные по холмамъ, и деревья, и другія подробности картины. На небольшомъ скалистомъ островѣ,



ST. HELENA

* Longwood, Napoleon's Wohnung. Nach der Natur gez. v. E. v. L.

Aus d. Kunstanst. d. Bibliogr. Inst. in Hildbh.

отдѣленномъ отъ материка узкимъ проливомъ, была крѣпость Санта-Крусъ и близъ нея рейдъ, на которомъ стояло нѣсколько военныхъ судовъ. Мы бросили якорь недалеко отъ крѣпости, не дойдя миль 12 до главнаго города Екатерины. За крѣпостью поднималась довольно высокая гора, покрытая лѣсомъ; у подошвы ея море образовало нѣсколько небольшихъ бухтъ, съ песчаными полосками; вблизи разбросано было нѣсколько домиковъ, выглядывавшихъ изъ-за густой зелени. По собраннымъ сейчасъ же свѣдѣніямъ, оказалось, что починка мачты здѣсь хотя и возможна, но сопряжена съ большими затрудненіями; надобно самимъ вырубать дерево, тащить его съ горъ, обдѣлывать и пр., тогда какъ въ Ріо-Жанейро можно найдти уже готовое дерево и всевозможныя пособія. Времени терять было нечего; часа черезъ три мы снялись съ якоря, успѣвъ однако побывать на американскомъ берегу. Оставивъ вправѣ островокъ съ крѣпостью, мы высадились въ небольшой бухтѣ, выскочивъ на твердый песокъ; тутъ же начинался лѣсъ, расчищенный для нѣсколькихъ домиковъ, изъ оконъ которыхъ смотрѣли грязныя дѣти и какія-то безличныя фигуры. Близъ домиковъ росли зеленыя агавы, а не синія, какъ въ Монтевидео и на Капѣ; около нихъ олеандры и какіе-то кусты съ красными листьями. Тропинка вела на холмъ, выступавшій мысомъ въ море и отдѣлявшій эту бухточку отъ другой; лѣсъ заглушалъ тропинку, тѣснясь къ ней деревьями, перепутанными ліанами. Мѣстами, въ чащѣ, виднѣлась хижина, окруженная апельсиновыми деревьями или *капустною пальмою*, которую мы видѣли здѣсь въ первый разъ; она отличается отъ другихъ пальмъ, утолщеннымъ въ серединѣ стволомъ. Обогнувъ другую бухту, тропинка снова поползла на холмъ, по каменьямъ, и въ одномъ мѣстѣ совсѣмъ исчезла у полуразвалившагося домика, гдѣ мы едва отыскали ее у самой стѣнки, надъ обрывомъ. Съ трудомъ пробравшись

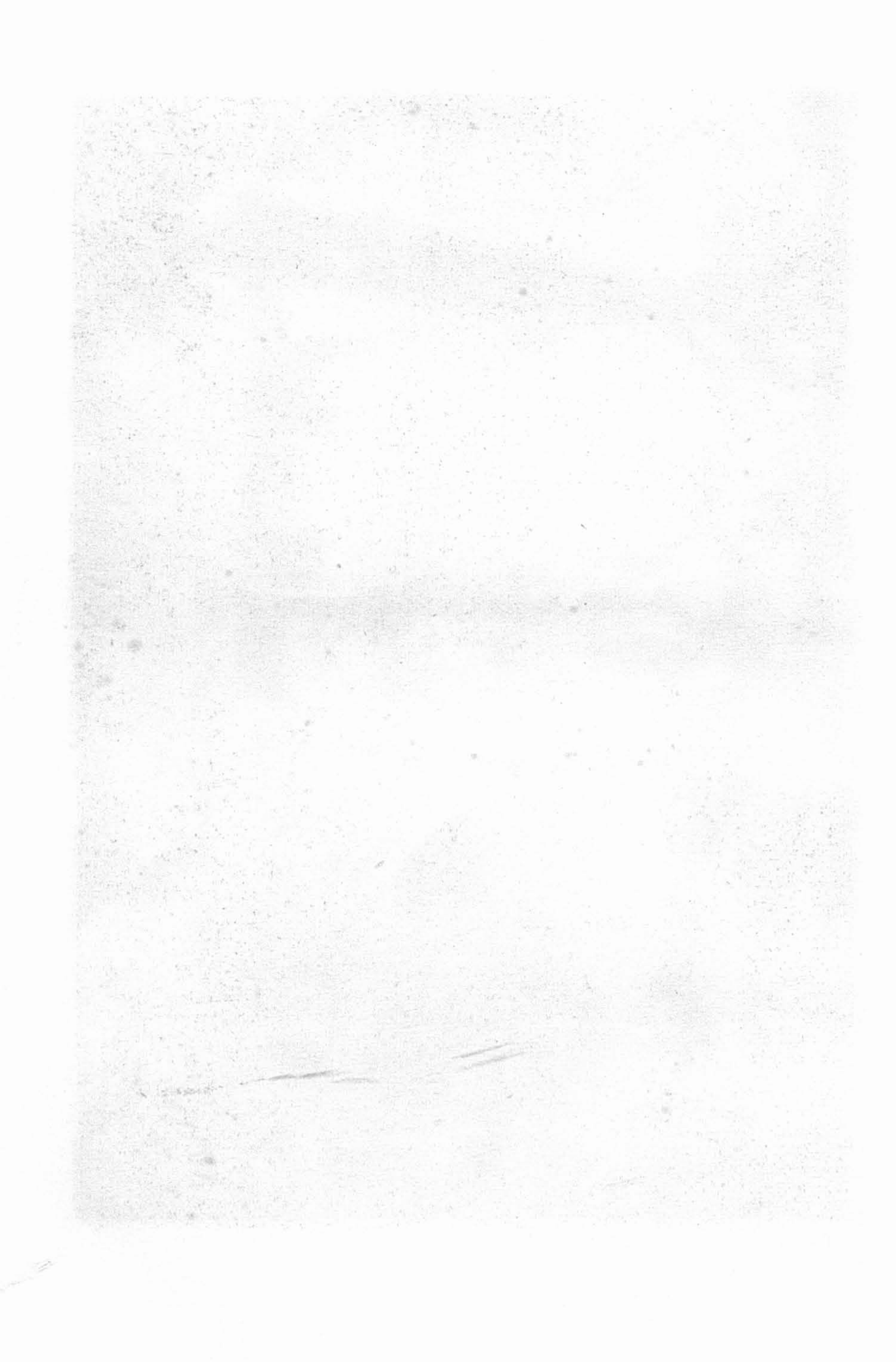
черезъ это мѣсто, мы увидѣли кругомъ себя кофейныя деревья, ягоды которыхъ уже созрѣли и краснѣли въ зелени листьевъ, какъ наши вишни. Было жарко, а апельсины заманчиво золотились на темно-лиственныхъ, блистающихъ деревьяхъ. Отыскивать хозяина было бы трудно, да и не зачѣмъ: онъ, вѣроятно, не принялъ бы за вора того, кто взлѣзъ бы на апельсиновое дерево и сталъ рвать плоды. Вслѣдствіе этихъ соображеній, одинъ изъ насъ полѣзъ на дерево и набросалъ намъ оттуда спѣлыхъ, сочныхъ и сладкихъ плодовъ; но съ высоты того же дерева онъ увидѣлъ шлюпочный флагъ, поднятый на брамъ-стеньгѣ нашего корвета, флагъ, требовавшій насъ на корветъ. А мы отошли отъ шлюпки далеко, и надобно было почти бѣгомъ переходить нѣсколько горъ, по камнямъ, чащѣ лѣса и по песку. Было тепло, что́ мы очень чувствовали, придя къ шлюпкѣ, на которой и отвалили немедленно.

Эта прогулка въ тропическомъ лѣсу, въ промежуткѣ разныхъ морскихъ сценъ, показалась намъ какимъ-то сномъ, картиной, нарисованной воображеніемъ, и мы долго спустя вспоминали эту двухчасовую стоянку, промелькнувшую такъ фантастически. Туземцы пріѣхали къ намъ на шлюпкахъ, выдолбленныхъ изъ стволовъ огромныхъ деревьевъ, и навезли апельсиновъ, банановъ и даже индѣекъ.

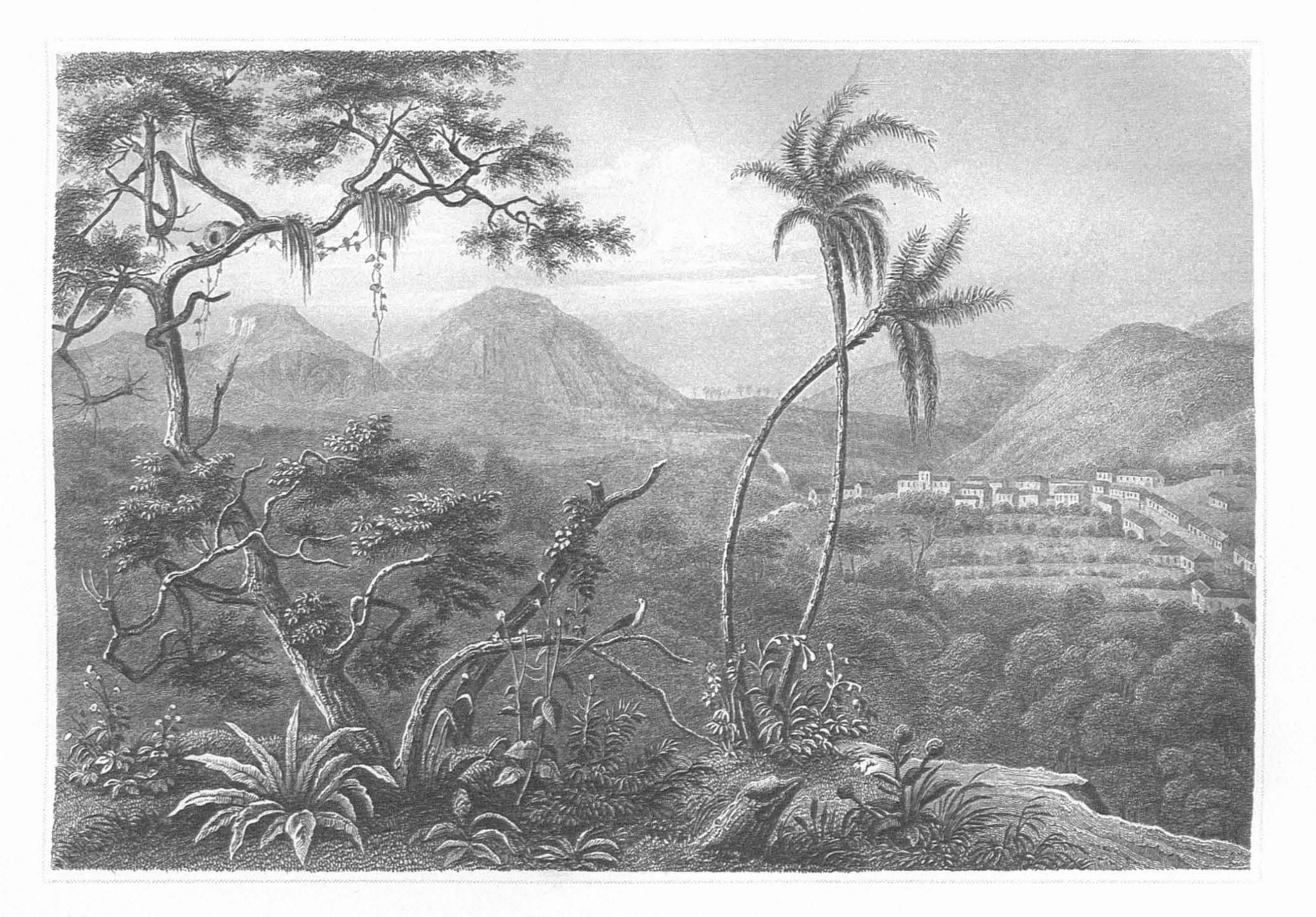
Такимъ образомъ, мы видѣли очень мало островъ Екатерины, хотя и много слышали о немъ; только, выходя изъ пролива, могли мы снова пересчитать мысы его и возвышенности, но наступившая темнота лишила насъ и этого удовольствія... А островъ Екатерины сто́итъ, чтобы побывать на немъ. Растительность его до того разнообразна, что одинъ изъ его жителей представилъ на лондонскую выставку 300 родовъ различныхъ деревьевъ, годныхъ для красивыхъ подѣлокъ. Почти весь строевой лѣсъ Бразилія получаетъ съ Екатерины. Въ чащѣ его дебрей живутъ макаки и попугаи; климатъ острова очень здоровъ,

URWALD-SCENERIE
in Brasilien

Aus d.Kunstanst. d. Bibl. Instit. in Hildbhsn.



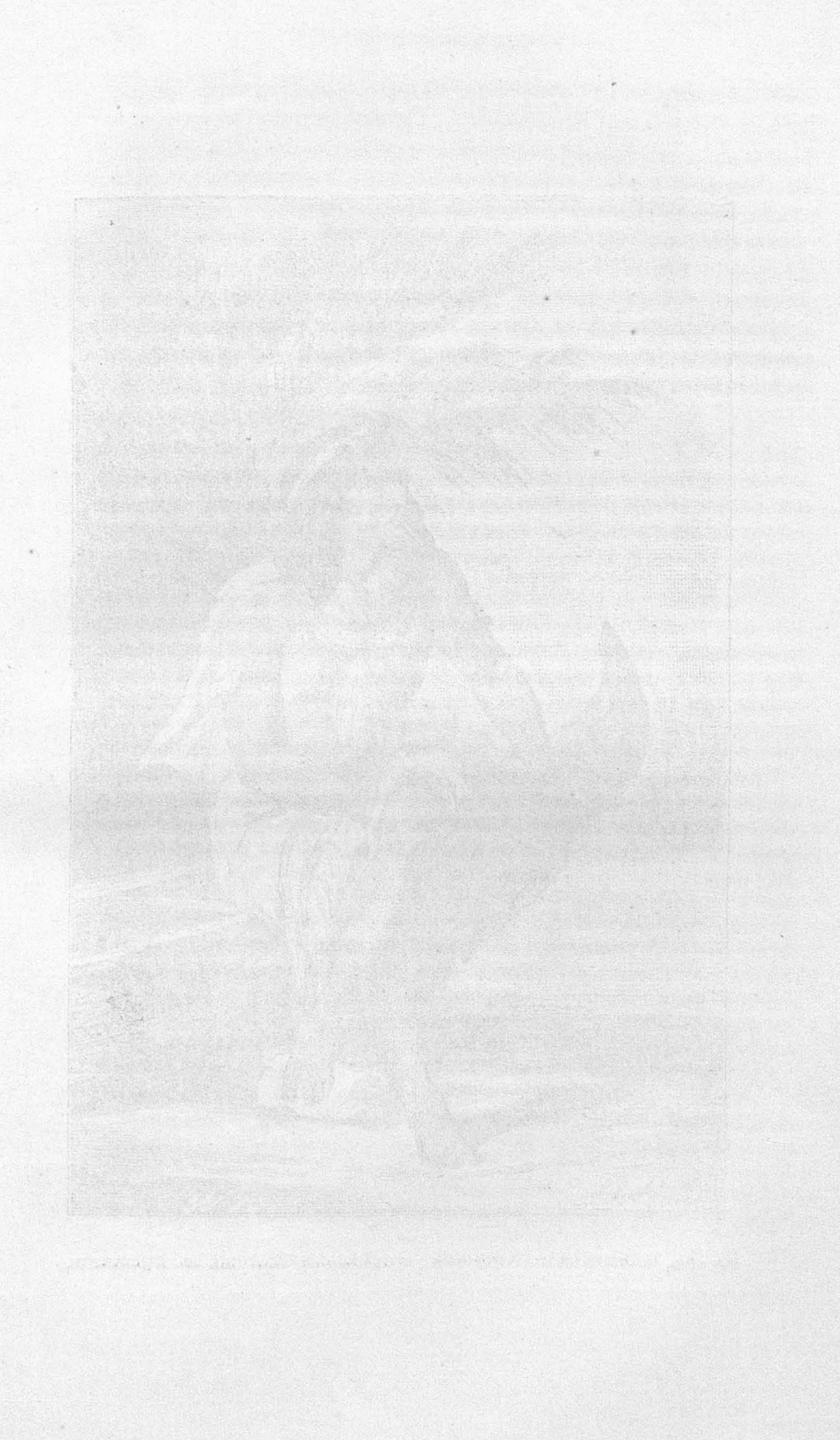
65

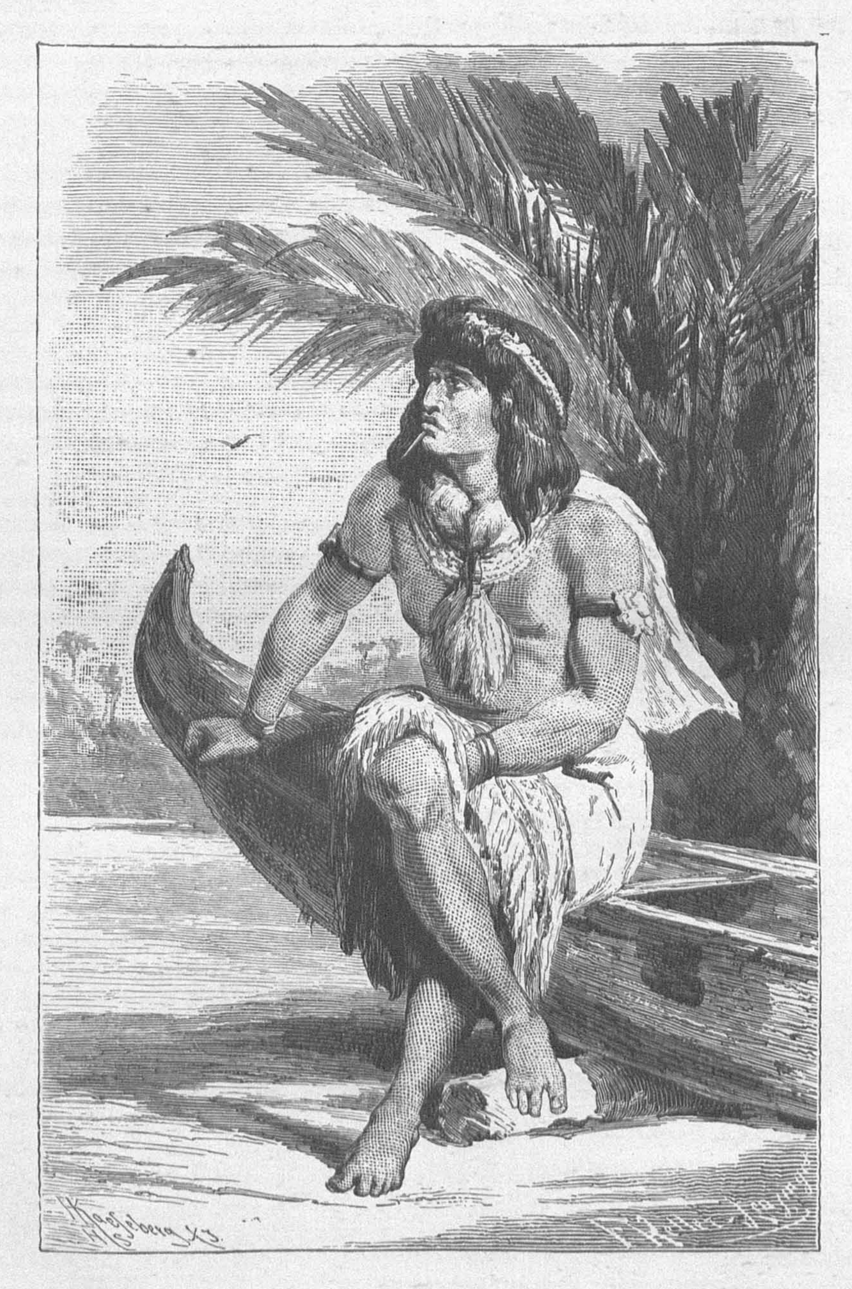


NEU FREIBURG
(Brasilien)

Aus d. Kunstanst. d. Bibl. Instit. in Hildbhsn.

Eigenth. d. Verleger.





Куяба, начальникъ племени индѣйцевъ Кайова въ Бразиліи.

неслышно ни о какихъ болѣзняхъ. Главный городъ его служитъ мѣстомъ отдохновенія для китобоевъ; жителей на островѣ около тридцати тысячъ.

Живущіе на американскомъ берегу бразильцы также наслаждаются всѣми благами превосходнаго климата, чудною природой и роскошью ея произведеній. Временами только нападаютъ на нихъ индѣйцы и опустошаютъ ихъ колоніи.

Переходъ до Ріо-Жанейро можно было назвать въ полномъ смыслѣ тихимъ. 29 мая, послѣ обѣда, увидѣли мы замѣтныя точки берега, гору Карковадо и Сахарную Голову. Ломаная линія горъ была очень разнообразна и обѣщала много для ближайшаго разсмотрѣнія. Едва стало темнѣть, какъ блеснулъ маякъ на островѣ; надъ нимъ зажглась какая-то звѣзда, и такая свѣтлая, что когда на нее нашло небольшое облако, то она освѣтила его сзади, какъ молодая луна; облако пролетѣло, и звѣзда отбросила отъ себя яркую, длинную полосу на темной водѣ. Огонь маяка, то уменьшался до точки, то расширялся, то краснѣлъ; массы горъ темными тѣнями едва рисовались во мракѣ. Вотъ маякъ остался за нами, и мы идемъ между *Сахарною Головой*, правильнымъ конусомъ возвышающеюся у входа въ городъ, и крѣпостью Санта-Крусъ, едва бѣлѣющею на темныхъ скалахъ. Наконецъ, по берегамъ обширной бухты заблестѣли тысячи огоньковъ, точно иллюминація въ большой праздникъ; огоньки правильными нитями тянулись горизонтально, обозначая собою улицы и набережную, шли кверху, осыпали свѣтлыми блестками возвышенія, скрывались въ отдаленіи, опять виднѣлись на высотѣ, съуживались, широко разсыпались и ярко играли на темномъ фонѣ горъ, долинъ и холмовъ. Казалось, по этимъ огонькамъ можно было нарисовать весь городъ; особенно красиво расположились они по округлости одного холма, казав-

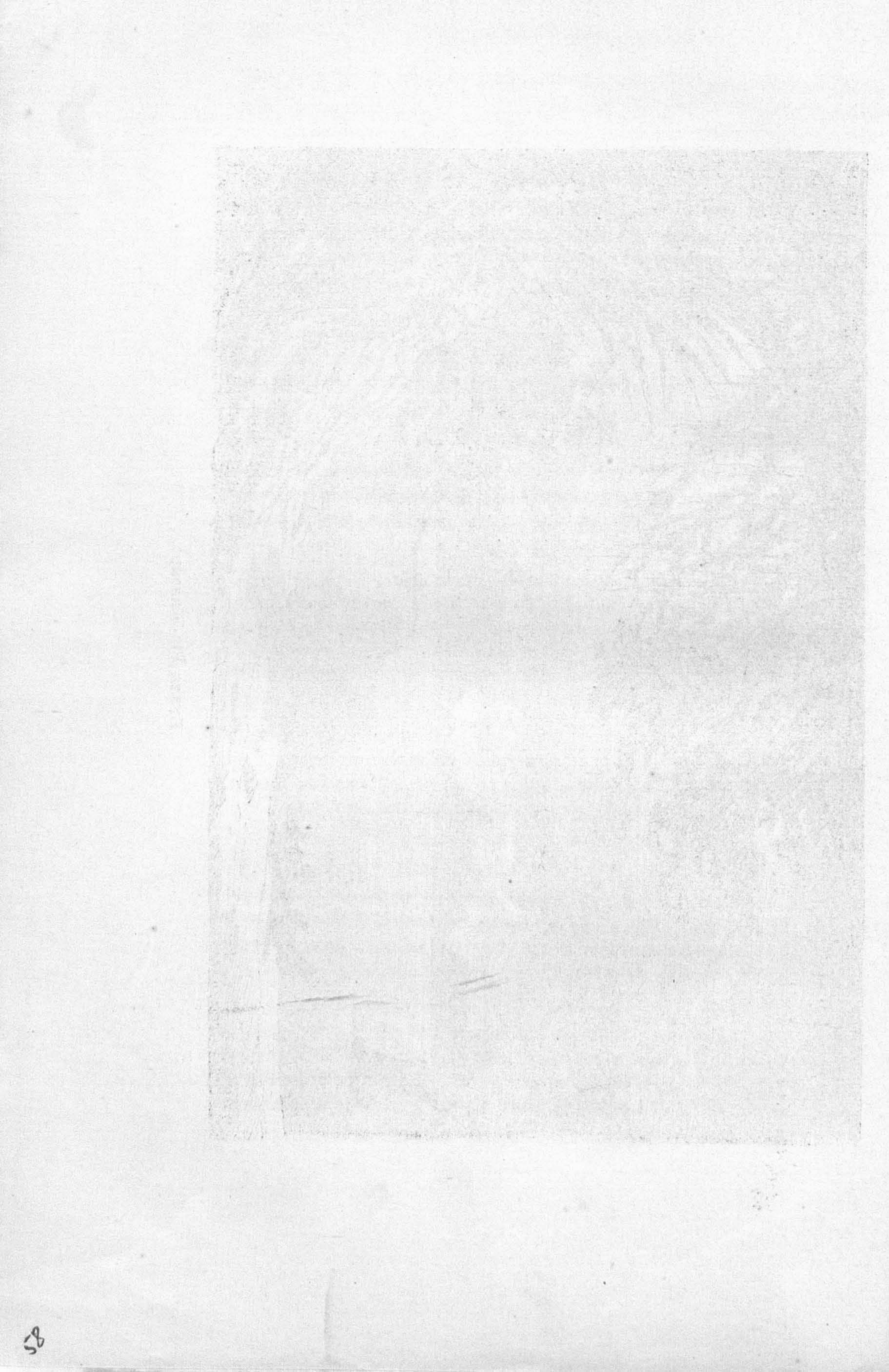
шагося во мракѣ подушкою съ натыканными въ нее бриліантовыми булавками; между ними былъ одинъ огонекъ зеленый, а другой красный, какъ рубинъ.

Скоро мы стали на якорь, и долго еще любовались оригинальною картиной города. Мы готовы были сожалѣть, что не могли сейчасъ же уйдти съ рейда, чтобъ унести съ собою неповрежденное представленіе этой волшебной картины...

На другой день мы увидали, что бухта Ріо-Жанейро еще лучше при солнечномъ освѣщеніи, что ей нечего укутывать себя мракомъ ночи, какъ сомнительной красавицѣ въ капишонъ, вводящій въ искушеніе легковѣрныхъ.

Днемъ, картины, явившіяся передъ нами, были блистательны, и описать ихъ очень трудно. Бухта, или скорѣе заливъ, углублялась болѣе чѣмъ на двѣнадцать миль въ материкъ, такъ что отдаленные берега ея едва виднѣлись; только въ ясный день рисовался на противуположной сторонѣ хребетъ горъ, съ остроконечными вершинами. Бухта усѣяна множествомъ острововъ и небольшихъ заливовъ, и видимыхъ и скрытыхъ между холмообразными вершинами. Бухта съуживается у входа, гдѣ конусообразный пикъ, называемый *Сахарною Головой*, выдвинулся впередъ, какъ бы желая сблизиться съ лежащею на противуположномъ берегу крѣпостью, бѣлыя стѣны которой обнимаютъ нѣсколько гранитныхъ выступовъ. Тотчасъ за входомъ въ бухту, оба берега широко отступаютъ другъ отъ друга, образуя множество бухтъ и мысовъ и представляя совершенно различную мѣстность. Городъ Санъ-Себастіанъ, или Ріо-Жанейро, расположился на лѣвомъ берегу, котораго возвышенія и неровности начинаются съ Сахарной Головы. Безчисленное множество домовъ, церквей и разныхъ строеній, тѣсно занимаютъ холмы, долины, узкіе проходы и пестрѣютъ въ самомъ картинномъ безпорядкѣ по ближнимъ и отдаленнымъ холмамъ; подробности кар-

Бухта Ріо-Жанейро.


58

тины, благодаря здѣшнему воздуху и солнцу, не пропадаютъ даже въ синевѣ отдаленія. Желтѣющія и бѣлѣющія стѣны домовъ, съ черными пятнами оконъ, колокольни, куполы церквей, заборы, крыши, ставни, балконы, все это перемѣшивается съ зеленью садовъ, которая или густою массой охватываетъ холмъ, или продолговатыми гирляндами спускается среди песчаныхъ осыпей къ долинѣ; среди массъ густой зелени и въ пестротѣ зданій, красуются отдѣльныя деревья или небольшія группы пальмъ и банановъ. Надъ этою неровною и разнообразною мѣстностью возвышается гора, оканчивающаяся пикомъ Карковадо, съ остатками какого-то строенія на самой вершинѣ, и протянувшаяся далѣе огромнымъ кряжемъ, который весь покрытъ непрерывающимся лѣсомъ. Эта гора своею громадой не давила перваго плана холмистой мѣстности и не исчезала вдали туманнымъ облакомъ на горизонтѣ; она отстояла именно на столько, чтобы скрыть всѣ подробности своихъ выступовъ и ущелій, и вмѣстѣ занимать собою главный планъ картины. Иногда, какъ солнце заходило на чистомъ небѣ, какой-то золотистый туманъ покрывалъ эти горы, падалъ на долины, на холмы и на безчисленные домики, которые усѣяли зеленыя отлогости, или сплотнились въ одну массу въ долинахъ и углубленіяхъ.

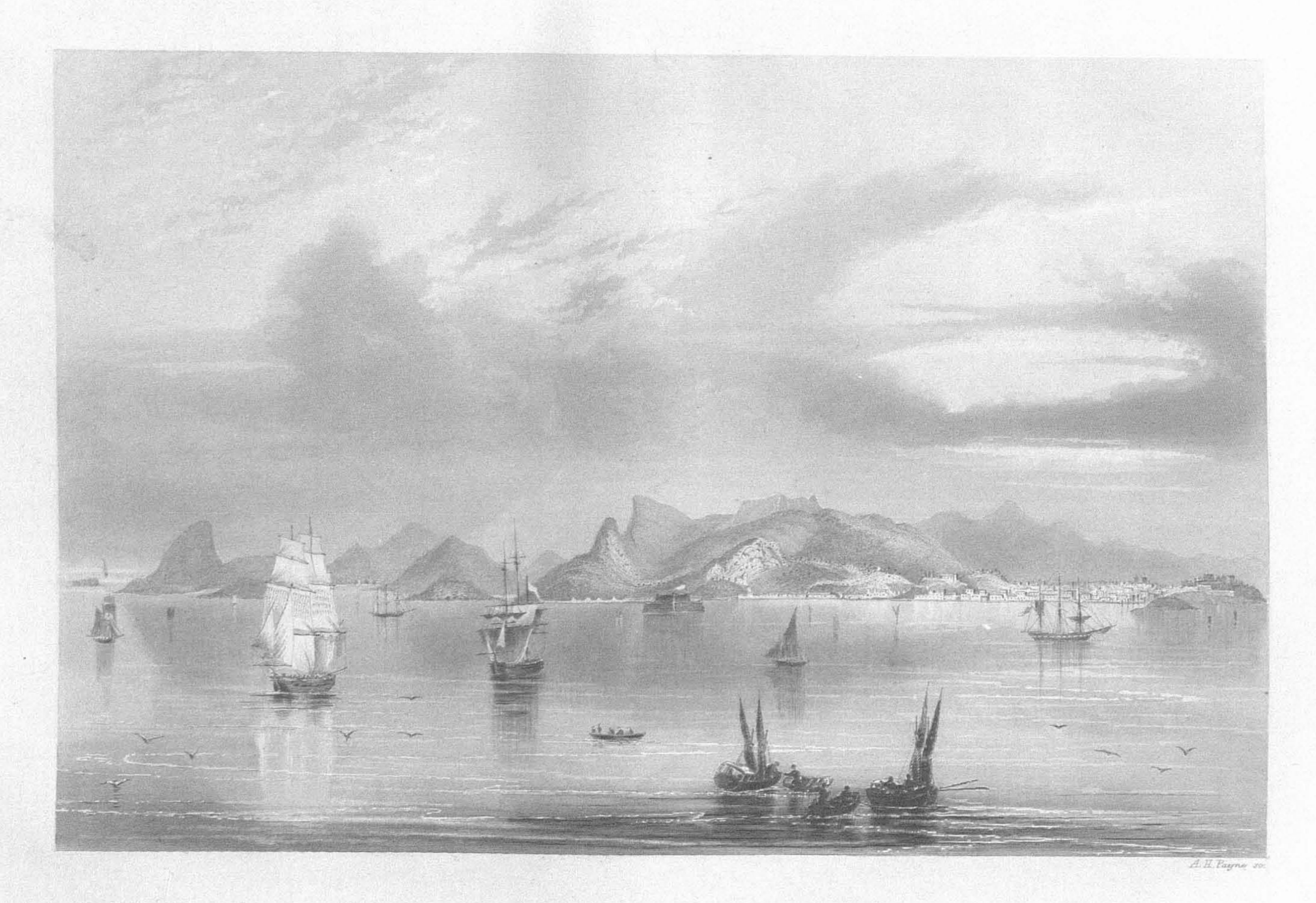
Противоположный берегъ состоитъ изъ множества холмовъ, поросшихъ зеленью, съ городками и мѣстечками, расположенными у ихъ подошвы и вдоль береговъ, образуемыхъ капризною линіей бухтъ; холмы, красовавшіеся вблизи всѣми подробностями садовъ, гранитныхъ уступовъ, деревъ и поселеній, по мѣрѣ удаленія, являлись то облитые золотомъ солнца, то подернутые синевою дали.

Глубина залива терялась въ отдаленіи, острова уходили и тонули въ прозрачномъ туманѣ, хребты горъ громоздились одни надъ другими, представляясь полувоздушными

массами; казалось, грубая матерія исчезала, линіи сглаживались, и осязаемый міръ переступалъ границу вещественнаго...

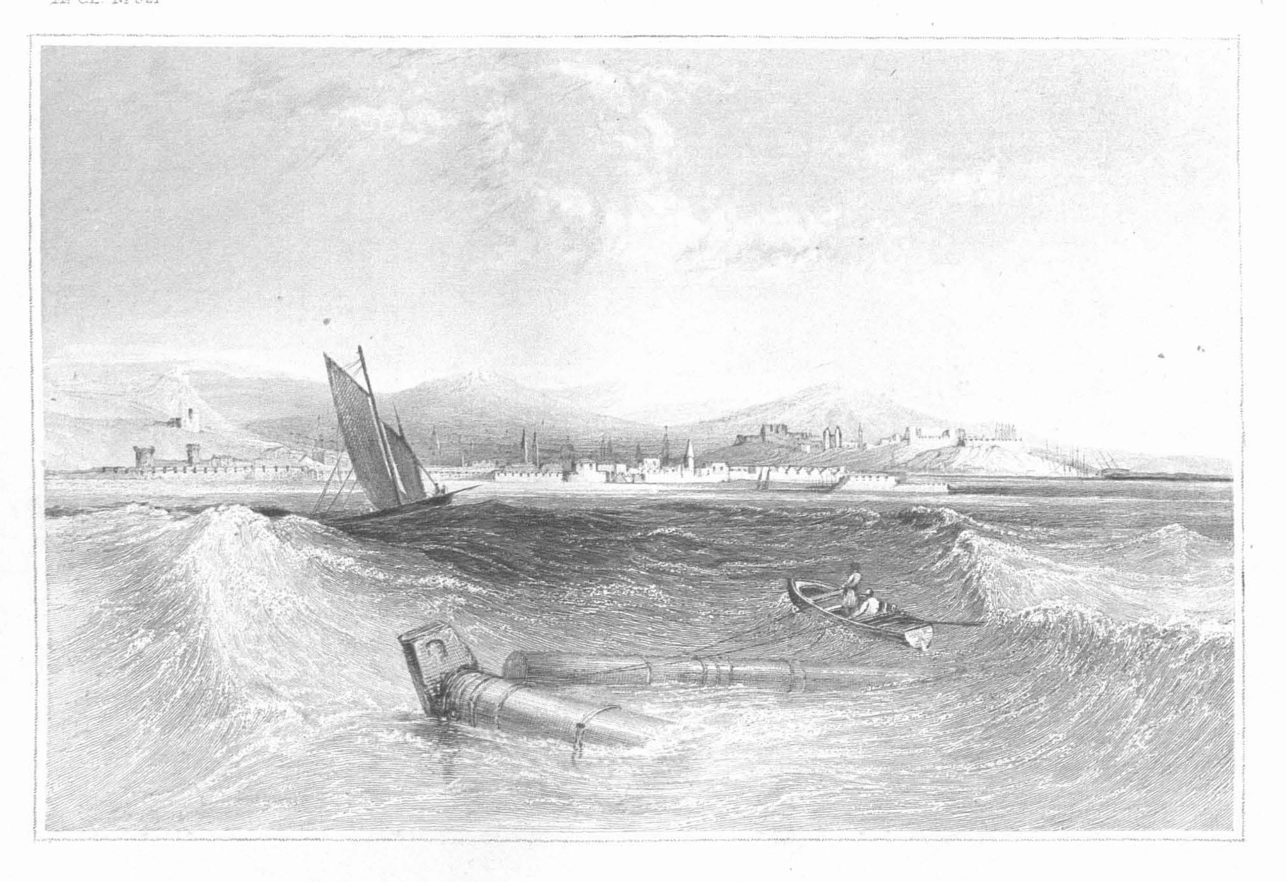
Близъ города нѣсколько острововъ заняты укрѣпленіями и адмиралтействомъ; между ними рейдъ со множествомъ судовъ, которыхъ снасти и мачты мѣшаются съ колокольнями и высокими домами набережной.

Мы стали довольно далеко отъ пристани и имѣли довольно времени насмотрѣться на представлявшійся ландшафтъ. Пристань деревянная, старая; на ней толпа негровъ въ толстыхъ рубашкахъ и панталонахъ, и множество тѣхъ фигуръ, которыя обыкновенно толкаются на пристаняхъ. Дома, выходящіе на набережную, высоки, почти всѣ съ черепичными крышами, со множествомъ оконъ и вывѣсокъ; но нельзя не замѣтить, что и пристань и дома носятъ на себѣ печать какой-то ветхости. Трудно рѣшить, выкрашенъ ли угловой домъ, въ которомъ находится гостинница Фару, красною краской, или выстроенъ изъ какого-то краснаго матеріяла. За угломъ его находится огромная, неправильная площадь, съ дворцомъ, съ двумя церквями, съ магазинами, рынкомъ и фонтаномъ, стоящимъ посрединѣ въ видѣ обелиска. Къ площади примыкаютъ узкія улицы съ высокими домами и съ спертымъ воздухомъ, слѣдствіемъ тѣсноты и сыраго, но жаркаго климата. Дома представляютъ довольно странный видъ своею пестротой; часто нижній этажъ выкрашенъ однимъ цвѣтомъ, а верхній другимъ; иногда пространство между двухъ оконъ покрыто одной краской, а слѣдующій простѣнокъ другою; такое же разнообразіе и въ карнизахъ, и на фризахъ, и въ украшеніяхъ оконъ. Иногда на фасадѣ совершенно простаго дома являются два-три окна, затѣйливо украшенныя колонками, росписанныя, съ гирляндами и съ другими хитростями. При этомъ, безчисленное множество балконовъ, тоже съ совершеннымъ отсутствіемъ



Rio Janeiro

Verlag der Englischen Kunstanstalt von A. H. Payne in Leipzig.



RIO JANEIRO

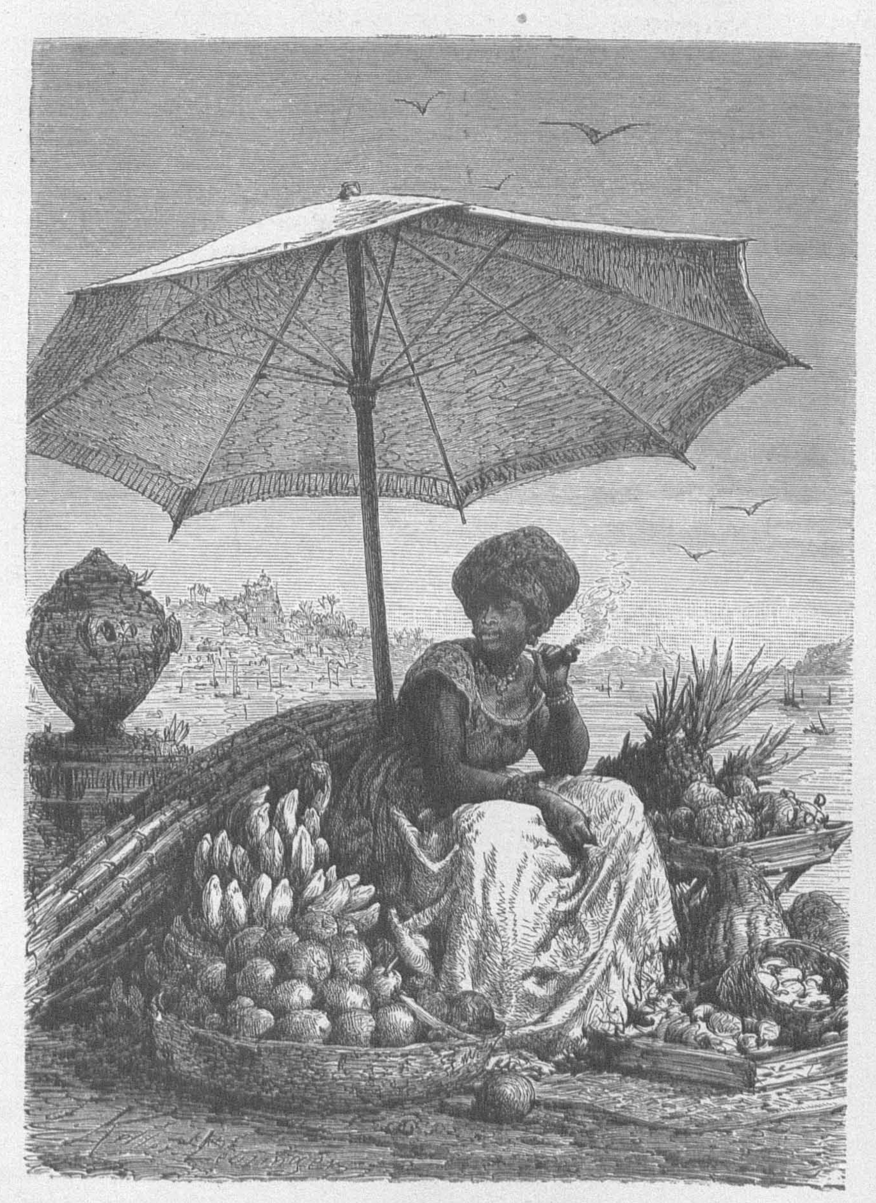
Aus d. Kunstanst. d. Bibliogr. Inst. in Hildbh.

Eigenthum d. Verleger

симметріи. У оконъ зеленыя ставни, маркизы, и опять не вездѣ, но мѣстами, по вкусу каждаго. Крыши домовъ большею частію черепичныя, съ острымъ верхомъ; глухія боковыя стѣны тоже крыты черепицей. Вся эта пестрота, вмѣстѣ съ затѣйливыми вывѣсками, дѣлаетъ узкую и грязную улицу довольно живописною. Церкви же, съ небольшими варіаціями, выстроены всѣ по одному образцу. Съ боковъ трехугольнаго фронтона поднимаются двѣ четырехугольныя колокольни, съ мавританскими куполами; множество лѣпныхъ арабесокъ по угламъ, вокругъ дверей, оконъ, и вездѣ, гдѣ только можно что-нибудь налѣпить. Внутри, тоже лѣпная и рѣзная работа, множество цвѣтовъ, матерій, безвкусно висящихъ наверху, много свѣчъ на высокихъ этажеркахъ, и небольшія фигуры святыхъ, совершенно одѣтыя и скрывающіяся въ нишахъ. Примыкающій къ площади рынокъ состоитъ изъ четырехугольнаго каменнаго зданія съ выходами на четыре стороны; вдоль стѣнъ расположены лавки со всевозможною живностію, съ рыбой, попугаями, золотыми свинками, различною птицей, посудой и пр. Центръ рынка занимаютъ продавцы фруктовъ и зелени, группируясь вокругъ бьющаго посрединѣ фонтана. За лотками, заваленными апельсинами, бананами и танжеринами, сидѣли большею частію негритянки въ своихъ живописныхъ костюмахъ; у многихъ были мѣтки на щекахъ, въ видѣ трехъ продольныхъ разрѣзовъ. Нѣкоторыя были очень привлекательны своею оригинальною красотой, съ большими тюрбанами на головахъ, съ голыми, полными руками, украшенными браслетами и кольцами, съ большими платками, которые красиво драпируются вокругъ ихъ стройнаго стана. Бо́льшая часть ихъ смотрѣли тѣми добрыми глазами, которые можно встрѣтить только у негровъ. Но у нѣкоторыхъ былъ и очень суровый взглядъ, который, вмѣстѣ съ тюрбаномъ на головѣ и яркими цвѣтами костюма, придавалъ имъ видъ

чернолицыхъ Бобелинъ. Многія изъ нихъ совершали здѣсь же, на площади, свой туалетъ; одна изъ негритянокъ расчесывала другой голову, и я долго смотрѣлъ на эту трудную работу; войлокообразная куафюра не легко поддавалась гребню! Бо́льшая часть торговокъ сидѣли подъ большими бѣлыми зонтиками и подъ парусинными навѣсами, устроенными отъ лавокъ; прозрачная тѣнь этихъ навѣсовъ, пестрота костюмовъ, фонтанъ, журчащій посрединѣ, и множество фруктовъ и зелени,—все это придавало рынку какой-то восточный видъ.

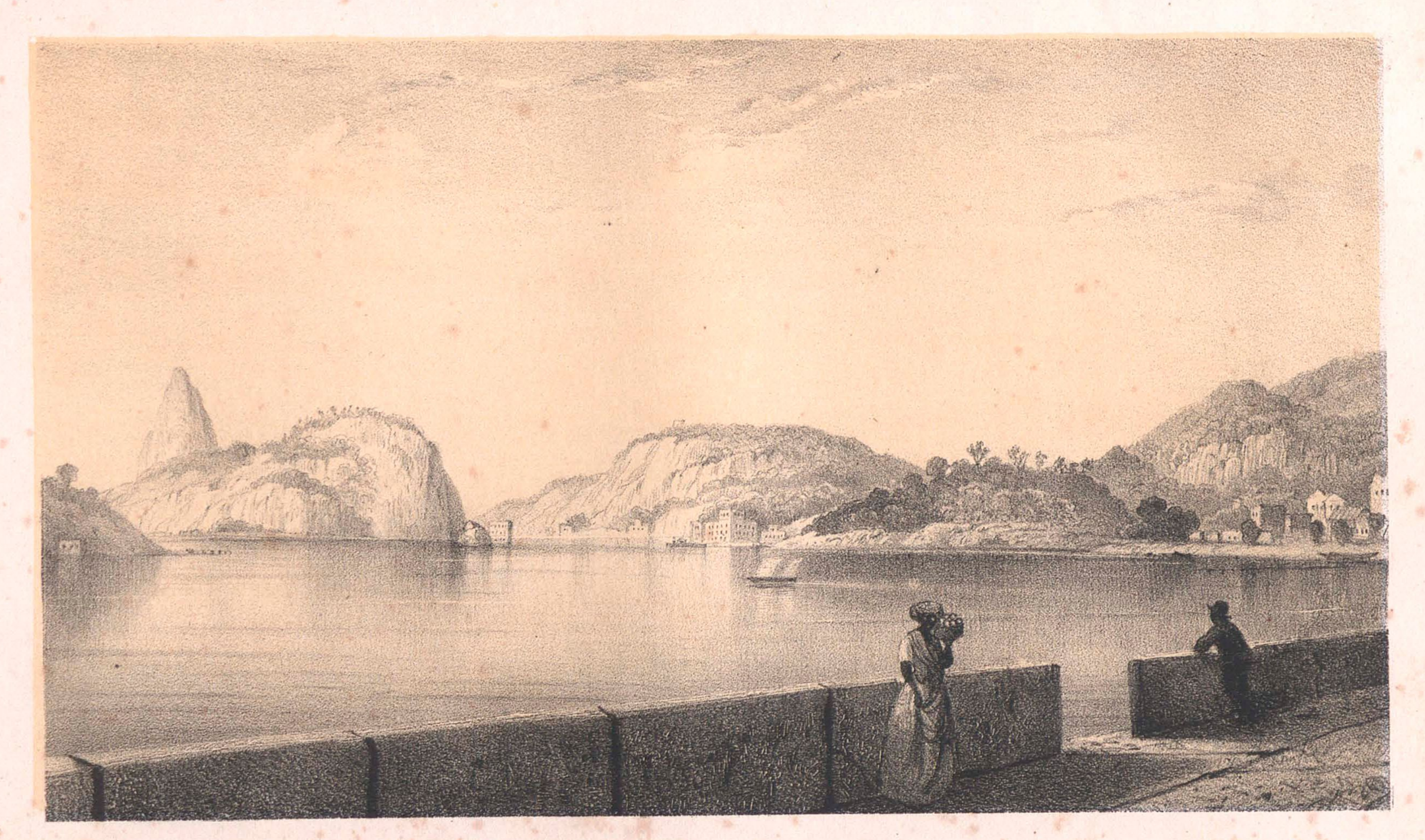
Не желая ходить долго по солнцу, мы взяли на площади желтую коляску, запряженную двумя мулами, и сказали чернобородому бразильцу, чтобы везъ насъ въ ботаническій садъ, къ которому надо было ѣхать черезъ Ботофого, то-есть почти черезъ весь городъ. Миновавъ нѣсколько узкихъ улицъ, на перекресткахъ которыхъ строились какіе-то подмостки, мы выѣхали къ самому рейду, блеснувшему передъ нами гладью своихъ спокойныхъ водъ, въ которыхъ картинно отражались гранитныя скалы и тѣсно застроенные берега. Проѣхали большое зданіе съ серебрянымъ куполомъ, въ которомъ мы узнали *Мизерикордію*, огромный и превосходный госпиталь; потомъ опять углубились въ улицы, полныя лавокъ, движенія, суеты, духоты и смрада. Наконецъ начали показываться загородные дома, съ красивыми садами и рѣшетками; воздухъ сталъ чище, но насъ очень непріятно поражало страшное безвкусіе, являвшееся повсюду, гдѣ только замѣтна была рука человѣка, наперекоръ величественной и роскошной природѣ. То являлся передъ глазами домъ, въ видѣ нашей старинной изразцовой печки, весь выкрашенный голубыми и бѣлыми квадратиками, то цѣлая галерея алебастровыхъ статуетокъ наполняла небольшой цвѣтникъ съ китайскими понятіями о садоводствѣ; домикъ въ три окна ставилъ себѣ на крышу вазы съ какими-то вѣниками; фарнезскій Гер-



Торговка фруктами.

кулесъ, съ отбитою рукою, выглядывалъ изъ-за воротъ, на столбахъ которыхъ лежали голубые львы; три граціи мокли у фонтана, на которомъ безхвостый Тритонъ лилъ изъ раковины воду; изъ музъ сдѣлали цѣлую аллею, заключивъ ее двумя высокими обелисками, основаніе которыхъ утверждено на четырехъ шарахъ. Почти каждый домъ и каждая улица, до самаго Ботофого, какъ будто желали превзойти другъ друга отсутствіемъ всякаго вкуса. И это въ виду такой мѣстности, среди такой природы!.. Гдѣ же ея вліяніе на человѣка!?.. Какую чудную декорацію составляли горы и холмы, возвышавшіеся надъ домами; сколько разнообразія въ зелени, капризно убравшей уступы и неровности утесовъ! Какъ величественъ видъ Карковадо, выказывающаго свою остроконечную верхушку, когда близлежащіе холмы раздвинутся живописною долиной! Надъ домами съ нелѣпыми украшеніями возвышаются живописные утесы, то покрытые зеленью и увѣнчанные густою рощею, то выступающіе голыми обрывами, которые испещрены слѣдами избороздившихъ ихъ потоковъ. Но вотъ передъ нами неподвижное, мертвое озеро; со всѣхъ сторонъ обставили его разнообразныя гранитныя скалы, убранныя по округлостямъ кудрявою зеленью; конусъ Сахарной Головы возвышается надъ деревьями, рисуясь своею оригинальною фигурою; только одна темная трещина нарушаетъ однообразіе его гранита. Вдоль берега, полукругомъ, расположились между красивою зеленью дома и мѣстечки; за ними тянутся холмы, покрытые лѣсами; далѣе пикъ Карковадо, и опять лѣса, поднимающіеся до самой вершины горъ, идущихъ въ даль. «Это Ботофого,» говоритъ, полуобращаясь къ намъ, бразилецъ-кучеръ, останавливая своихъ муловъ. Видъ дѣйствительно былъ превосходный, и если бы Ботофого былъ въ Греціи или въ Италіи, сколько бы стиховъ написано было въ похвалу его! Въ сторонѣ отъ мѣстечка виднѣлось боль-

шое бѣлое строеніе; это былъ домъ сумасшедшихъ. Дорога, обогнувъ бухту Ботофого, похожую на озеро, шла въ горы, и пройдя два-три ущелья, вилась уже по берегу дѣйствительнаго озера, которое показалось намъ бухтой, потому что дальній его берегъ былъ низокъ и едва-едва виднѣлся надъ водою. Та же роскошная и причудливая природа, изъ горъ, лѣсовъ и исполинскихъ каменьевъ, составила красивую рамку для этого озера. Въ долинѣ, примыкающей къ озеру, находится ботаническій садъ, который начинается великолѣпною пальмовою аллеей. Бѣлые и ровные стволы ихъ, украшенные зеленолиственными капителями, точно колонны египетскаго дворца или храма, находились въ равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ и исчезали въ дальней перспективѣ. Съ каждой стороны было по 50 деревьевъ, и всѣ были одинаковой толщины и равнаго роста; по кольцамъ стволовъ можно было насчитать имъ больше ста лѣтъ; толщиною они были больше нежели въ обхватъ; капавшій изъ надрѣзовъ сокъ засыхалъ красными пятнами, что̀ придавало стволу видъ кирпичнаго столба, обмазаннаго известкою, индѣ опавшею. Стволъ нѣсколько утончался наверху и переходилъ въ отдѣльные листья, наслоенные другъ на другѣ; уже изъ этихъ листьевъ, перегнувшись на двѣ стороны, зеленою короной висѣли большіе перистые листья. Эта пальма привезена сюда изъ Африки, и ее называютъ здѣсь императорскою пальмой. Въ саду соединена, кажется, вся тропическая растительность. Около небольшаго пруда, отдѣльными кустами, растетъ граціозный бамбукъ, съ своею легкою зеленью, качающійся при небольшомъ вѣтеркѣ; по куртинамъ посажены чай, коричневое дерево и гвоздика; два или три хлѣбныя дерева, небольшаго роста, мѣшаютъ свою блестящую зелень съ тамариндами и акаціями. Нѣсколько колибри порхали съ одного куста на другой... Человѣкъ съ живымъ воображеніемъ подумалъ бы, что зашелъ въ



Ботофого.

(Ріо-де-Жанейро)

земной рай. Около сада былъ небольшой трактирецъ, гдѣ мы спросили позавтракать. На бѣду нашу, хозяйка оказалась француженкой съ претензіями на вкусъ и знаніе въ живописи. Вмѣсто того, чтобы поспѣшить удовлетвореніемъ нашихъ законныхъ требованій, она пустилась въ разсужденія о Буше, а главное о томъ, что у нея, во Франціи, есть двѣ оригинальныя картины Буше, и что за нихъ давали ей 100 000 франковъ, но она не рѣшилась разстаться съ ними, потому что онѣ *des tableaux de famille*.

Назадъ мы ѣхали довольно печально; мулы нѣсколько разъ останавливались, и кучеръ часто соскакивалъ съ козелъ, подтягивалъ упряжь, и обманувъ кратковременнымъ отдыхомъ скотовъ своихъ, снова садился, гикалъ и порядочно стегалъ ихъ бичомъ. Едва добрались до города. Было уже не такъ жарко, и мы пошли ходить по улицамъ. Прошли знаменитую улицу *Ouvidor*, блистающую французскими магазинами, въ которыхъ видѣли много цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ перьевъ колибри и другихъ птицъ. Ходили и по узкимъ улицамъ, гдѣ атмосфера была такъ тяжела; но нигдѣ почти вовсе не было видно женщинъ, а тѣ, которыя намъ встрѣчались, лучше бы сдѣлали, если бы не показывались вовсе. Чаще всего попадаются негры, у которыхъ въ лицахъ большое разнообразіе. Всѣ они обыкновенно несутъ что-нибудь на головѣ, идя кадансированнымъ шагомъ, и всегда что-то бормоча сквозь зубы. Къ вечеру много негровъ попадалось съ кадками на головахъ, и улицы стали невыносимы... Старческія лица негровъ отличаются сліяніемъ добродушія съ веселостію. Попробуйте посмотрѣть на негра и немного улыбнуться,—какимъ добродушнымъ смѣхомъ отвѣтитъ онъ, замотавъ своею шершавою головой, и выказывая свои зубы въ неизмѣримомъ ртѣ! На улицѣ попадаются часто мулаты различныхъ степеней, отъ негритянской физіономіи до бронзоваго красиваго лица, выжженнаго и высушеннаго тропическимъ солн-

цемъ. Вмѣстѣ съ перемѣною въ чертахъ, и самый костюмъ становится постепенно болѣе европейскимъ. Дѣвушка еще кофейнаго цвѣта и съ вьющимися волосами уже носитъ кринолинъ, тюлевые и рюшевые воротнички, легкія шляпки; а молодой мулатъ съ тросточкой и въ круглой шляпѣ щеголяетъ не меньше какого-нибудь *commis* французскаго магазина. Встрѣчая кровную негритянку въ ея красивомъ костюмѣ, я всегда смотрѣлъ ей на ноги: въ башмакахъ ли она, потому что только свободная имѣетъ право носить башмаки; вслѣдствіе этого, босоногія носятъ такія длинныя юпки, что разсмотрѣть ихъ ноги бываетъ довольно трудно; за то свободная негритянка, если ей бываетъ жарко, тяжело и неловко въ башмакахъ, несетъ ихъ въ рукахъ, чтобъ ее не смѣшивали съ невольницами... Бразильцы, такъ же какъ и жители Монтевидео и Буэносъ-Айреса, особеннаго типа не имѣютъ. Не совсѣмъ чистый португальскій типъ, въ бразильскомъ климатѣ погрубѣлъ и почерствѣлъ отъ солнца и испарины, и представляетъ теперь, почти безъ исключенія, очень будничныя, чтобы не сказать пошлыя лица. Всѣ подобныя лица годятся на провинціяльныя сцены играть разбойниковъ, погонщиковъ муловъ, содержателей одинокихъ трактировъ, среди гористыхъ дорогъ и т. п. Болѣе образованные носятъ большія бороды, черный цвѣтъ которыхъ набрасываетъ новую тѣнь на худощавыя морщинистыя лица. Но съ мужчинами еще помириться можно, женщины же положительно всѣ дурны собой... Становится какъ-то жалко смотрѣть на здѣшнихъ женщинъ; подумаешь, будто наложена печать гнѣва Божія на всю страну! И хорошо, что ихъ такъ мало видно на улицѣ.

Подъ вечеръ мы зашли въ монастырь бенедиктинцевъ, старинное зданіе, стоящее на возвышеніи. Къ нему вела дорога различными извилинами, какъ-будто въ укрѣпленіе; по обѣимъ сторонамъ вокругъ монастыря, по стѣнамъ рас-

положены террасы съ деревьями и цвѣтами. Церковь была заперта, а встрѣтившій насъ монахъ, съ бритою макушкой, указалъ пальцемъ на дворъ, куда мы и пошли, снявъ предварительно шляпы. Дворъ былъ устланъ плитами, на которыхъ изсѣчены эпитафіи лежащимъ подъ ними братьямъ; кругомъ двора шли крытыя галереи. Поднявшись по лѣстницѣ, мы очутились въ большомъ корридорѣ, идущемъ вокругъ всего зданія; по угламъ его были залы съ дубовыми скамейками и съ почернѣвшими отъ времени масляными картинами, на которыхъ изображены были эпизоды изъ жизни какихъ-то почтенныхъ монаховъ. Вдоль корридора расположены кельи, въ которыхъ помѣщались братья бенедиктинскаго ордена, отличающіеся большими животами и выбритыми макушками, какъ наши крестьяне Пензенской губерніи. Изъ окна безмолвнаго монастыря, на городъ, открывался одинъ изъ самыхъ живописныхъ видовъ Ріо-Жанейро. Подъ ногами пестрѣли зданія съ своими черепичными крышами, нагроможденные другъ подлѣ друга дома (дворовъ въ Ріо нѣтъ), съ церквями, гаванью и рейдомъ; все это множество камня и черепицы пропадало въ долинахъ, между зеленѣющими красивыми холмами; горы, возвышаясь надъ городомъ, спускались лѣсами къ долинѣ, на встрѣчу поднимавшимся къ нимъ другимъ зданіямъ. Сахарная Голова одною своею верхушкой торчала изъ-за возвышенія, на которомъ устроенъ телеграфъ. Съ моря шелъ пароходъ, и дымъ его мѣшался съ дымомъ снующихъ по рейду маленькихъ пароходовъ, которые ходятъ въ Санъ-Доминго и Ботофого, каждые полчаса.

Садившееся солнце обливало золотистымъ туманомъ эту разнородную картину, стушевывая скалы и горы, крыши и колокольни. Нѣтъ словъ, чтобы передать всѣ нѣжные и безчисленные переливы тоновъ и цвѣтовъ, которые съ такою гармоніей были разлиты въ представлявшейся кар-

тинѣ. Когда стало темнѣть, на каждомъ перекресткѣ мальчишки начали пускать ракеты, бросать бураки и разныя петарды, которыя разрывались, подъ носомъ проходящихъ, съ невыносимою трескотней. Часто изъ оконъ летѣли на улицу начиненные порохомъ сюрпризы и разсыпались огненными фонтанами. Смрадъ становился ночью еще нестерпимѣе, потому что улицы наполнялись неграми, съ кадками на головахъ, которыя замѣняютъ въ Ріо помойныя ямы. Сторонясь, чтобы пропустить одного, вы сталкиваетесь съ другимъ, и, только благодаря ловкости и опытности негровъ, кадки эти не падали съ ихъ головъ и не обливали проходящихъ.

Таковы впечатлѣнія нашего перваго дня, проведеннаго въ Ріо-Жанейро.

На другой день мы поѣхали въ Тижуко.

Надо было перевалиться черезъ хребетъ горъ, поднимающихся близъ города. Дорога потянулась по ущелью, въ гору, и пройдя по возвышенной горной долинѣ, спустилась въ низменную, къ берегу моря. Мы взяли верховыхъ лошадей, и болѣе часа не могли выбраться изъ города и его предмѣстій. По эту сторону города было тоже много загородныхъ домовъ, испещренныхъ изразцами, статуэтками и вазами. Видѣли издали дворецъ императора, Санъ-Кристофъ, въ которомъ онъ живетъ въ настоящее время, а въ лѣтніе жары онъ удаляется со всѣмъ дворомъ въ Петрополисъ. Ѣхали вдоль конной желѣзной дороги, которая шла до половины пути въ Тижуко; по ней катились уродливые дилижансы, нагруженные огромнымъ числомъ пассажировъ. Деревья все больше и больше захватывали себѣ мѣста, по мѣрѣ удаленія отъ города, то красуясь въ садахъ, то скрывая какой-нибудь холмъ; наконецъ, совершенно завладѣвъ мѣстностію, они затопляли своею разнообразною листвой и горы, и долины. Съ того мѣста, гдѣ кончилась желѣзная дорога, начались подъемы, устроен-

ные впрочемъ очень искусно зигзагами, и съ каждымъ поворотомъ открывался новый превосходный видъ, главными элементами котораго были двѣ поднимавшіяся надъ нами горы, покрытыя непроницаемымъ лѣсомъ, и разстилавшіяся подъ нами долины, съ ихъ холмами, городомъ и дальнею бухтою. Часто попадались одинокіе домики, между которыми было нѣсколько трактировъ, о чемъ возвѣщали вывѣски, съ намалеванными указательными пальцами, и виднѣвшіеся въ открытыя окна сервированные столы. Иногда, у самыхъ ногъ, являлись обрывы и пропасти, откуда слышался, доносимый звучнымъ эхомъ, шумъ бѣгущихъ ручьевъ. Лошади наши были очень кротки, смирны и, вѣроятно, очень привычны къ поѣздкамъ въ Тижуко; особенно выказывали онѣ свое близкое знакомство съ трактирами, останавливаясь положительно передъ каждымъ изъ нихъ и съ неохотой отходя отъ заманчивой калитки въ дальнѣйшій путь. Иногда какія-нибудь особенно граціозныя картинки представлялись посреди общей, живописной мѣстности; но мы не останавливались, желая скорѣе увидать водопады Тижуко. Когда шумъ бѣгущихъ внизу ручьевъ особенно громко раздавался среди ущелья, вниманіе настраивалось, но водопадовъ еще не было видно, и только картины, провожавшія насъ, становились все живописнѣе. Перевалившись черезъ хребетъ, мы спустились въ долину, образуемую другими горами; вдали виднѣлся широкій, гранитный уступъ, по которому стекали внизъ два или три ручья. Можетъ быть, это и не былъ водопадъ Тижуко, а какой-нибудь другой, однако мы не пропустили по дорогѣ ни одного встрѣчнаго, чтобы не спросить: это ли Тижуко? Для этого мы указывали пальцемъ впередъ, кивали головой и придавали голосу вопросительное выраженіе, произнося: Тижуко? на что́ всякій указывалъ пальцемъ по тому же направленію и, утвердительно кивая головой, проговаривалъ: Тижуко!... По всѣмъ этимъ даннымъ, видѣн-

ный нами водопадъ надобно было принять за Тижуко. Воды въ немъ было мало, шуму большаго паденіе его не производило, но за то близъ него развертывалась такая грандіозная картина, что она не потеряла бы рѣшительно ничего, еслибы водопада вовсе не было. Горы, покрытыя непроходимыми лѣсами, раздвинувшись въ обѣ стороны, образовали циркообразную долину, среди которой блестѣло сталью тихое и гладкое озеро Тижуко, окаймленное изумрудною зеленью окружавшихъ его садовъ и лѣсовъ. Мѣстами, по холмамъ, виднѣлись плантаціи съ бѣлыми строеніями, ярко рисовавшимися на темной зелени. Лѣса поднимались на горы, какъ бы желая перерости ихъ гранитные пики, и каждое дерево ясно рисовалось въ чистомъ, прозрачномъ воздухѣ со всѣми подробностями. Ущелья темнѣли зеленью; а вдали виднѣлось безпредѣльное море. Мы не жалѣли, что съѣздили на Тижуко. На возвратномъ пути заѣхали въ одинъ изъ трактировъ, около котораго была обширная кофейная плантація, и кофе высушивался на особенно-устроенныхъ каменныхъ платформахъ. Трактиръ содержалъ англичанинъ, слѣдовательно для обѣда былъ назначенъ извѣстный часъ, котораго нужно было дожидаться; а мы проѣхали верстъ тридцать по горамъ и долинамъ, устали и проголодались порядочно. Чтобы сократить время, мы ходили на кухню, гдѣ негръ-поваръ готовилъ очень усердно и подавалъ намъ большія надежды на достоинство обѣда; выходили пять разъ на плантацію, хотѣли даже перевести часы, только это не удалось, потому что какой-то желтоватый господинъ ходилъ по комнатѣ и вѣроятно пожаловался бы хозяину. Когда оставалось не болѣе четверти часа, мы сѣли за столъ и расположились рѣшительно; это произвело должное дѣйствіе, намъ подали обѣдъ пятью минутами раньше; на главномъ мѣстѣ усѣлся тотъ самый желтый господинъ, котораго мы боялись.

Проѣхавъ то мѣсто, откуда дорога начинаетъ спускаться къ долинѣ Ріо-Жанейро, мы увидѣли еще одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ пейзажей. Бухта съ своими островами сливалась вдали съ небомъ; острова казались облаками, плававшими въ золотистомъ туманѣ; красиво расположился городъ между холмами; живописно вилась дорога по ущельямъ, спускаясь подъ гору между деревьями и камнями и пропадая въ ущельѣ. Все это было хорошо, но было бы обыкновенно безъ чуднаго освѣщенія, которое разрисовывало такъ отчетливо всѣ подробности ландшафта. Тутъ были холмы совершенно фіолетоваго цвѣта, другіе какъ будто изъ чистаго золота, и въ этой золотой массѣ виднѣлась мягкая зелень деревъ, граціозный контуръ какой-нибудь пальмовой рощи. Въ доказательство того, что этотъ ландшафтъ дѣйствительно хорошъ, его можно найдти въ любой картинной лавкѣ въ Ріо-Жанейро, къ сожалѣнію обезображеннымъ до послѣдней крайности.

Познакомившись съ окрестностями Ріо-Жанейро, мы нѣсколько усѣлись и принялись за изученіе страны, или по крайней мѣрѣ за разспросы обо всемъ замѣчательномъ, чѣмъ я и подѣлюсь съ вами.

Положеніе негровъ въ Бразиліи до 1850 года было ужасно, какъ отъ трудности работы, такъ и жестокости и необразованности плантаторовъ. Хозяева Бразиліи опытомъ дознали, что выгоднѣе истощать силы негра до послѣдней крайности и мѣнять его чаще, чѣмъ сохранять силы одного и того же человѣка, не замѣщая его новокупленнымъ; плантаторъ же Сѣверной Америки, по ихъ понятію, плохой хозяинъ: онъ кормитъ своего негра и дорожитъ имъ! Понятно, какія слѣдствія вели за собою подобные разсчеты бразильцевъ. Подвозы грузовъ *черного товара*, находя на бразильскихъ берегахъ безчисленныхъ покупателей, увеличивались съ каждымъ годомъ, и Англія, въ 1845 году, вынуждена была выйдти изъ границъ международнаго пра-

ва, издавъ билль, по которому преслѣдованіе торговли негровъ не ограничивается однимъ океаномъ, а должно распространяться на берега и рѣки. Каковы бы ни были цѣли Англіи, но слѣдствія были благодѣтельныя. Вслѣдствіе этого билля, бразильское правительство рѣшилось прекратить постыдный торгъ и въ 1850 г. вступило въ союзъ съ Англіей, и Бразилія, даже больше другихъ націй, стала ревностною гонительницею торговли неграми. Мнѣ говорили, что съ 1850 года ни одно судно съ невольниками не выгрузилось у береговъ Бразиліи; что всѣ занимавшіеся этимъ торгомъ обанкрутились, потеряли суда и купленный товаръ. Бразилія, возставъ противъ привоза негровъ, какъ баснословный пеликанъ, рвала свои внутренности; она лишила себя рабочихъ рукъ, главнаго условія своей будущности. Одаренная природою всѣми богатствами земли, Бразилія находится въ положеніи Тантала, безсильнаго сорвать висящій надъ нимъ зрѣлый плодъ. Колонизація европейцевъ идетъ медленно; ихъ пугаютъ и бывшія войны, и самые законы страны; такъ напримѣръ, колонистъ, если онъ не католикъ, не достигнетъ никакихъ важныхъ мѣстъ на службѣ; а хотябъ онъ былъ и католикъ, то только дѣти его пользуются всѣми мѣстными правами, какъ и дѣти негровъ, мулаты. Хозяева огромныхъ кофейныхъ плантацій часто не могутъ убрать своего плода, за недостаткомъ рукъ; золотыя розсыпи и копи алмазовъ остаются необработанными, потому что къ нимъ нѣтъ дорогъ, а дорогъ не кѣмъ проложить. Но если вынужденная или добровольная мѣра прекращенія ввоза негровъ, пока оказывается невыгодною, то въ нравственномъ отношеніи она ставитъ Бразилію на высоту самыхъ просвѣщенныхъ державъ, а нравственное начало едва ли можетъ быть причиною паденія государства. Всѣ приведенныя выше невыгоды мало-по-малу будутъ уменьшаться, и Бразиліи, кажется, можно предсказать прочную будущность,

если только законы ея станутъ на одной высотѣ съ ея послѣднею государственною мѣрой—прекращенiемъ привоза негровъ.

Къ сожалѣнiю, всѣ бывшiе невольники не освобождены и остаются по прежнему въ полномъ владѣнiи хозяевъ, хотя законъ и далъ имъ нѣкоторыя права. Убiйство негра во всякомъ случаѣ считается за убiйство человѣка; наказанiя, которымъ можно подвергать негра, ограничены, но больше на словахъ, нежели надѣлѣ: законъ опредѣляетъ не больше 50 ударовъ, а плантаторы отсчитываютъ ихъ, какъ бывало иные наши становые, которые, давъ предварительно 200 или 300 розогъ, начинали считать, и насчитывали дѣйствительно 50, и еще въ продолженiи экзекуцiи спрашивалъ иной: такъ ли? Если же не такъ, пожалуй начнетъ считать снова. Въ исправительныхъ домахъ, которые довольно хорошо содержатся въ Рiо-Жанейро, на виновныхъ надѣваютъ жестяныя маски, чтобы лишить арестанта удовольствiя разговаривать; употребляютъ колодки, цѣпи и проч. Одно отдѣленiе исправительнаго дома назначено для наказанiя невольниковъ розгами; кто бы изъ владѣльцевъ ни послалъ туда раба для наказанiя за грубость или непослушанiе (самыя важныя изъ преступленiй рабовъ), его наказываютъ немедленно, и днемъ и ночью, и содержатъ насчетъ заведенiя столько времени, сколько владѣлецъ пожелаетъ. За непослушанiе и дерзость сѣкутъ розгами, надѣваютъ жестяныя маски, желѣзные ошейники, привѣшиваютъ чурбаны и заковываютъ въ цѣпи (преимущественно бѣглыхъ); жестяныя маски надѣваются часто на лица городскихъ невольниковъ за пьянство, а тѣмъ изъ нихъ, которые работаютъ въ копяхъ, для того, чтобы не ѣли земли: страсть негровъ ѣсть сырую землю, грязь, здѣсь общая, а между тѣмъ пища эта развиваетъ чахотку, лихорадку и разныя другiя болѣзни, часто даже причиняетъ скорую смерть.

Въ настоящее время, въ Бразиліи, свободный черный или мулатъ, при энергіи и талантѣ, можетъ подняться до высшаго общественаго положенія, какого собратъ его въ Сѣверной Америкѣ никогда не достигаетъ. Съ 1850 г. торгъ африканцами кончился, и хотя у владѣльцевъ, къ сожалѣнію, не выкуплены прежде пріобрѣтенные ими рабы, но цѣна на невольниковъ возрасла быстро, и обхожденіе съ ними стало лучше, особенно съ городскими; вмѣстѣ съ этимъ освобожденіе стало много доступнѣе для каждаго. Всякій невольникъ можетъ идти въ судъ и внести за себя опредѣленную сумму; можетъ потомъ, если имѣетъ способности и знанія, занять всякое офиціяльное мѣсто; только не можетъ быть сенаторомъ. При всемъ томъ примѣры жестокаго обращенія съ неграми, особенно на плантаціяхъ, нерѣдки, что́ доказывается частымъ самоубійствомъ рабовъ, чего не случается въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки. Можетъ-быть, это происходитъ и отъ того, что негры Соединенныхъ штатовъ происходятъ отъ людей, которые уже много испытали, привыкли къ своему положенію больше, и почти всѣ безъ исключенія христіане; вообще негры Соединенныхъ штатовъ нравственно выше своихъ дикихъ африканскихъ собратій.

Многіе образованные люди, съ которыми мы встрѣчались въ Бразиліи, получившіе воспитаніе въ Парижѣ или Коимбрѣ, были африканскаго происхожденія; предки ихъ были рабы. Обширнѣйшая типографія въ Ріо-Жайнеро принадлежитъ мулату; въ коллегіяхъ медицинской, юридической и богословской, нѣтъ различія цвѣта, хотя нельзя не сказать, что нѣкоторое предубѣжденіе въ пользу чисто-бѣлыхъ существуетъ и здѣсь. Бразильское общество, къ чести его сказать, не исключаетъ изъ своей среды ни мулатовъ, ни черныхъ; но тѣмъ не менѣе положеніе благовоспитанныхъ людей африканскаго происхожденія далеко не завидно и здѣсь; не говоря о томъ, что нескоро

исчезнутъ совершенно общественные предразсудки, не легко этимъ людямъ видѣть своихъ собратій въ неволѣ, съ ошейниками, въ цѣпяхъ, съ масками на лицахъ...

Домашніе слуги въ городахъ одѣты прилично, но ходятъ всегда босые, и въ этомъ—знакъ ихъ рабства. Въ трактирахъ и на судахъ существуютъ разныя цѣны, одни для людей «съ истоптанными башмаками», *coltados*, другія—«для босоногихъ», *descalcos*. Во многихъ богатыхъ домахъ проходишь среди толпы маленькихъ кудрявыхъ головокъ, обладатели которыхъ почти безъ всякой одежды; имъ позволяютъ прибѣгать въ домъ для забавы гостей. Мужское поколѣніе черныхъ живетъ въ городѣ на открытомъ воздухѣ: одежда, едва защищающая ихъ отъ непогодъ, груба и грязна; сотни негровъ шатаются постоянно по улицамъ съ широкими плетеными корзинками, готовые нести какой угодно тюкъ, тогда какъ здѣшній бѣлый слуга обидится, если ему дадутъ хотя малѣйшій узелокъ. Вслѣдствіе этого, негры всегда находятъ работу и высылаются господами на улицу для заработки денегъ, часть которыхъ откладывается на ихъ содержаніе. Слуги спятъ ночью въ чуланахъ, на рогожкахъ, и за малыми исключеніями содержатся плохо; можетъ-быть, по этому между ними встрѣчаются нерѣдко случаи *elefantiasis* и другихъ болѣзней, развивающихся отъ нерадѣнія или отъ невозможности лечиться.

Въ Ріо-Жанейро черные принадлежатъ къ различнымъ племенамъ, враждебнымъ между собою въ Африкѣ, и сохраняютъ свои обычаи, свой языкъ, все свое. Люди изъ племени мина постоянно остаются магометанами, между тѣмъ какъ другіе принимаютъ христіанство; есть много и идолопоклонниковъ. Кидеръ, въ 1839 г., присутствовалъ при похоронахъ, происходившихъ съ тѣми же любопытными обрядами, какъ и въ Африкѣ. Амулеты между ними въ большомъ употребленіи: въ каждой корзинкѣ съ фруктами непремѣнно найдется амулетъ; самый употребитель-

ный изъ нихъ—кусокъ древеснаго угля, о которомъ негръ не пропуститъ сказать, что онъ предохраняетъ отъ дурнаго глазу, порчи и т. п. Нѣкоторые знаютъ великій секретъ достигнуть значительнаго сана и, даже, продлить жизнь...

Иногда встрѣчаются негры изъ тѣхъ частей Африки, съ которыми мы лишь недавно познакомились, по описаніямъ неустрашимыхъ путешественниковъ, Ливингстона и Барта. Носильщики кофейныхъ грузовъ—лучшій народъ изъ всѣхъ черныхъ въ Бразиліи; они почти всѣ изъ племени мина, съ береговъ Бенина; большею частію атлетическаго сложенія и понятливѣе негровъ. Работаютъ они полунагіе, и жилистыя, мускулистыяформы ихъ тѣла, съ черною какъ уголь кожей, выказываются особенно, когда они, легкою рысью, бѣгутъ за новымъ грузомъ, повидимому безпечные и довольные... За эту работу имъ платятъ очень хорошо.

Вообще всѣ негры имѣютъ здѣсь обыкновеніе выкупать того изъ своихъ собратій, котораго особенно уважаютъ. Въ Ріо-Жанейро есть теперь одинъ мина замѣчательнаго роста; его называютъ принцемъ, и онъ дѣйствительно царской крови; онъ былъ взятъ въ плѣнъ на войнѣ и проданъ бразильцамъ; его выкупили товарищи; онъ возвратился на родину, снова пошелъ на войну, опять взятъ въ плѣнъ и опять попалъ въ Бразилію. Всѣ эти несчастія не произвели, однако, на него сильнаго впечатлѣнія. Онъ необыкновенно силенъ и носитъ такія тяжести, на которыя въ Сѣверной Америкѣ потребовались бы три, если не четыре человѣка негровъ. Мина—плохіе слуги, можетъ быть потому, что не терпятъ принужденія и что имъ нужно дышать свободнымъ воздухомъ; они стараются попасть въ кофейные носильщики, а жены ихъ въ разнощицы (quitandeiras). Въ Бахіи ихъ очень много, и въ 1838 г. они произвели въ городѣ кровопролитное возстаніе.

Надобно замѣтить, что въ Бразиліи не одни бразильцы владѣютъ рабами. И нѣмцы, и французы, и даже англичане, не смотря на строгое запрещеніе своихъ законовъ, имѣютъ невольниковъ. Въ 1843 г. вышелъ въ Англіи законъ, строго воспрещающій англичанамъ владѣть невольниками. За нарушеніе этого закона виновный отвѣчаетъ своимъ имѣніемъ, а если будетъ имѣть невольника въ англійскихъ владѣніяхъ, то предается уголовному суду.

Желающій узнать въ самомъ Ріо-Жанейро что-нибудь о желтой лихорадкѣ, услышитъ самые противоположные толки. Въ интересахъ торговли, многіе здѣшніе жители, даже страдая сами желтою лихорадкой, не хотятъ признать ее; правительство беретъ ихъ сторону и печатаетъ офиціальныя объявленія о благополучномъ состояніи общественнаго здоровья, тогда какъ болѣзнь еще свирѣпствуетъ въ грязныхъ кварталахъ города. За мѣсяцъ до нашего прихода министерство иностранныхъ дѣлъ увѣряло англійскаго посланника въ прекращеніи эпидеміи, между тѣмъ какъ она была еще и при насъ. Съ другой стороны, люди, боящіеся болѣзни, разсказываютъ такіе факты, какіе могутъ быть созданы только сильно возбужденнымъ воображеніемъ; чтобы познакомиться съ этими фактами, надобно поѣхать въ Петрополисъ, куда удаляются всѣ боящіеся лихорадки. Здѣсь услышишь такія вещи о желтой лихорадкѣ, что невольно будешь удивляться, какъ остался живъ самъ, пробывъ столько дней въ заразительномъ городѣ. Всего благоразумнѣе не вѣрить ни тѣмъ, ни другимъ, а стараться самому найдти какъ-нибудь истину.

Желтая лихорадка въ первый разъ появилась, въ Бразиліи, въ декабрѣ 1849 или въ январѣ 1850 года и была тогда особенно сильна въ приморскихъ провинціяхъ и преимущественно въ Ріо-Жанейро. Эпидемія 1850 года, сравнительно съ другими годами, была несравненно сильнѣе; но вообще всѣ страшные разсказы о ея опустоше-

ніяхъ преувеличены. На 7 000 000 народа умерло 14 000 въ продолженіи года, и изъ нихъ 4000 въ Ріо-Жанейро (гдѣ 300 000 жителей). Въ новомъ Орлеанѣ, въ августѣ мѣсяцѣ 1853 г., умерло 5269, на 100 000 жителей. Но въ Ріо-Жанейро изъ 300 000 человѣкъ народонаселенія исключаютъ негровъ и бразильцевъ, и тогда, конечно, 4000 умершихъ придутся на нѣсколько десятковъ тысячъ иностранцевъ, между тѣмъ какъ желтая лихорадка такъ же точно поражаетъ и бразильца и негра. Наконецъ, во время эпидеміи половина города Новаго Орлеана убѣгаетъ и поселяется въ окрестностяхъ. Болѣзнь продолжалась до 1854 года, въ продолженіи котораго умерло только четыре человѣка. По случаю прекращенія эпидеміи министръ представилъ любопытный рапортъ, въ которомъ пишетъ, что прекращеніемъ эпидеміи должны быть обязаны неусыпнымъ попеченіямъ медицинской полиціи. Такъ какъ большое количество купеческихъ иностранныхъ судовъ, стоявшихъ на нашемъ рейдѣ, были постояннымъ фокусомъ заразы, то назначенъ былъ особенный пароходъ (health-steamer), который немедленно перевозилъ заболѣвшихъ въ морской госпиталь Хурухуба, гдѣ они и получали самую скорую помощь. Этотъ госпиталь, назначенный преимущественно для заболѣвающихъ желтою лихорадкой, достоинъ всякихъ похвалъ. Въ теченіи 1854 года, изъ числа 1627 больныхъ (далеко не одною желтою лихорадкой) умерли 40, а въ 1854 году, какъ я уже сказалъ, умерло только четыре человѣка отъ желтой лихорадки. Въ 1857 году болѣзнь возобновилась и продолжается до сихъ поръ, усиливаясь въ лѣтніе мѣсяцы, то-есть въ январѣ, февралѣ и мартѣ, и почти исчезая въ зимніе.

Не столько сама желтая лихорадка, сколько толки о ней имѣютъ большое вліяніе на приходящихъ въ Ріо-Жанейро купцовъ. Наши финляндцы, разсчитывая къ открытію навигаціи быть въ Финскомъ заливѣ, постоянно

посѣщаютъ Ріо въ январѣ и февралѣ, и потому теряютъ половину своей команды, что, конечно, отвращаетъ ихъ отъ торговли бразильскимъ лѣсомъ, который можно покупать не только въ самомъ городѣ, но и во внутреннихъ провинціяхъ, среди непроходимыхъ дебрей, несмотря на всѣ трудности сообщеній. Еслибъ они больше были знакомы съ явленіями желтой лихорадки, то приходили бы сюда въ другое время.

Петрополисъ, куда удаляются люди осторожные и благоразумные, а главное достаточные, находится въ сорока миляхъ отъ Ріо-Жанейро, на горѣ (*), покрытой непроходимыми лѣсами и называемой *Corrego Secco*. Въ послѣднее время небольшой городокъ, основанный въ 1854 году, благодаря лѣтнему пребыванію тутъ императора, порядочно выросъ; въ немъ теперь уже 5257 жителей, состоящихъ преимущественно изъ нѣмецкихъ колонистовъ, вызванныхъ дономъ Педро II. На высокомъ Corrego Secco — климатъ европейскій, умѣренный, иногда даже холодный, и городъ, благодаря этимъ условіямъ, съ каждымъ годомъ развивается. Поѣздка въ Петрополисъ очень любопытна; сначала пароходъ идетъ почти черезъ всю бухту, мимо безчисленныхъ острововъ и заливовъ; длинный островъ Губернатора тянется съ лѣвой стороны, выказывая всю грацію своихъ выступающихъ мысковъ и бухтъ, обросшихъ пальмами и разными другими тропическими деревьями. Мѣстами нѣсколько голыхъ камней высовываются изъ воды, въ контрастъ лежащимъ рядомъ съ ними островамъ съ богатою растительностію. Постепенно приближающійся берегъ выказываетъ высокую цѣпь остроконечныхъ горъ; по обѣимъ сторонамъ тянутся красивые берега широко раздавшейся бухты. Часа черезъ два пароходъ останавливается у пристани, и публика пересаживается въ вагоны желѣзной дороги, которые минутъ

(*) Высота этой горы больше 3-хъ тыс. фут.

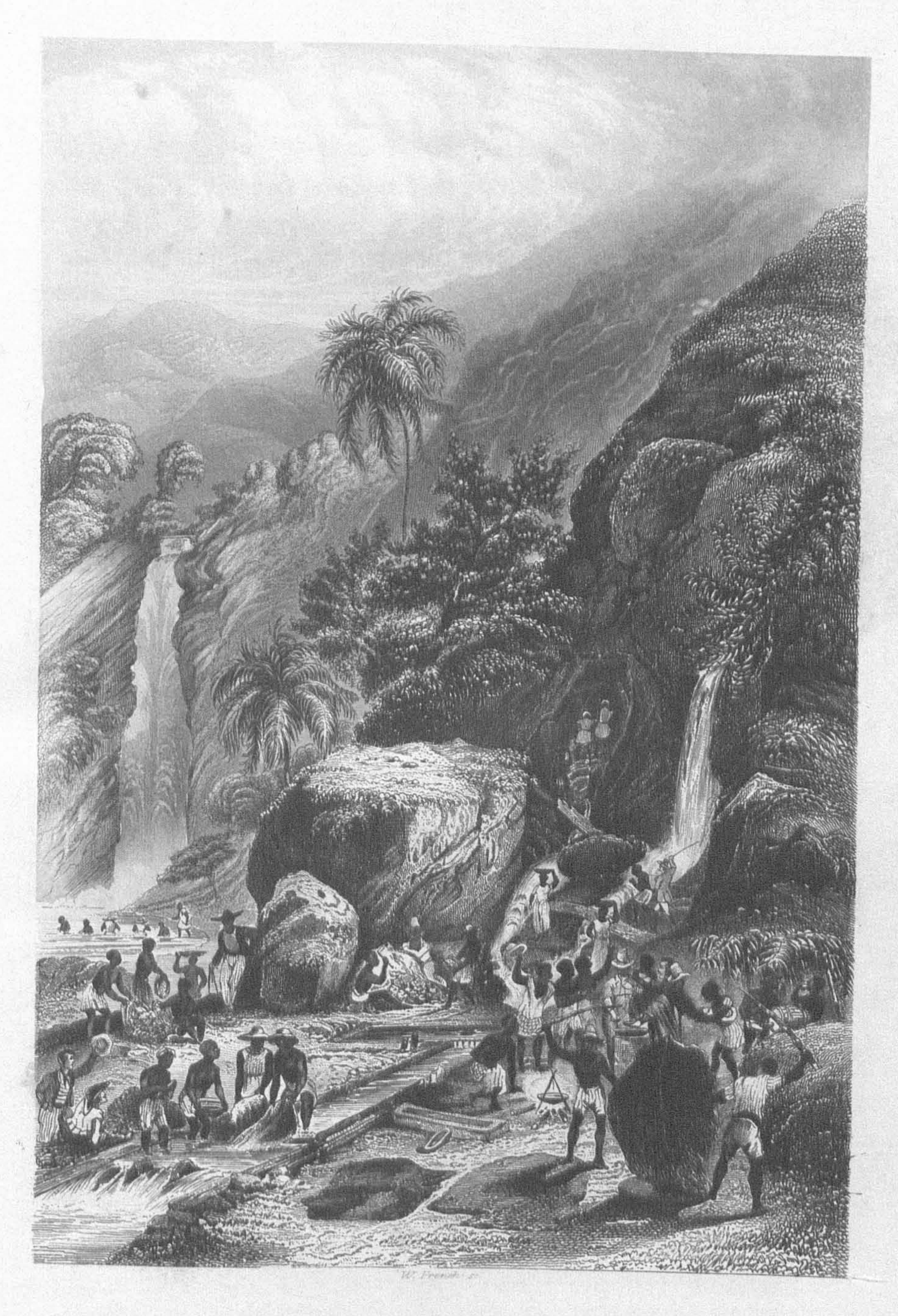
черезъ пять трогаются и мчатъ съ ужасною быстротой, среди чащи непроницаемаго лѣса. Поѣздъ влетаетъ въ ущелья, выскакиваетъ изъ нихъ, сильно наклоняясь на косогорѣ; мимо глазъ мелькаютъ ущелья, холмъ съ бѣлымъ домомъ, близъ котораго бросаются въ глаза четыре громадныя пальмы, неуступающія пальмамъ ботаническаго сада, мелькаетъ грязный домишко, на который легла всею своею массой густая растительность распространяющагося лѣса, сначала мелкаго, а потомъ, къ верху горы, гигантскаго. Черезъ двадцать минутъ поѣздъ останавливается у подошвы горъ, поднимающихся до облаковъ. Желтыя и красныя кареты, запряженныя въ четыре мула, ждутъ здѣсь пассажировъ съ ихъ саками, чемоданами, палками и сигарами. Кучера, большею частію нѣмцы, суетятся, стараясь удовлетворить справедливымъ требованіямъ каждаго; берутъ къ себѣ на козлы вещи, мѣшающія ногамъ, перекликаются между собою, и когда всѣ кареты (а ихъ, кажется, пять) готовы, все усажено и улажено,—начинается хлопанье бичей и поощрительные крики, вслѣдствіе которыхъ вислоухія животныя начинаютъ подниматься въ гору. Дорогу устраивалъ, какъ видно, человѣкъ очень искусный; она обходитъ холмы зигзагами, постепенно поднимаясь, не круче какъ подъ угломъ въ 25°; каменная стѣнка защищаетъ дорогу отъ встрѣчающихся безпрестанно обрывовъ и пропастей; сама дорога крѣпко убита щебнемъ и пескомъ. Горы и холмы, на которые мы взбирались, были покрыты непроходимымъ лѣсомъ, перепутаннымъ ліянами и другими вьющимися растеніями; лѣсъ наполнялъ всѣ пропасти и ущелья, которыя представлялись при каждомъ поворотѣ; часто изъ этой густой массы зелени вырѣзывались гранитныя конусообразныя скалы; сначала на нихъ смотришь снизу, потомъ онѣ являются уже у ногъ, какъ гранитные острова среди моря зелени. Лежащая внизу долина съ желтою лентой желѣз-

ной дороги, съ бухтою и обставляющими ее горами, у подошвы которыхъ бѣлѣется отдаленный городъ, какъ будто поднявшійся на высоту вмѣстѣ съ нами,—вся эта картина надолго должна остаться въ памяти каждаго, кто хоть нѣсколько способенъ чувствовать красоты природы.

Ландшафтъ, постепенно развивающійся, становился грандіознѣе по мѣрѣ взъѣзда на гору; денной, яркій свѣтъ начиналъ смѣняться болѣе мягкимъ и теплымъ вечернимъ освѣщеніемъ; солнце садилось сзади тѣхъ самыхъ горъ, на которыя мы поднимались, вслѣдствіе чего ровная, густая тѣнь покрывала темные лѣса, спускавшіеся у нашихъ ногъ въ ущелья; кое-гдѣ гранитныя вершины скалъ горѣли краснымъ отблескомъ. Гдѣ кончалась тѣнь, золотистый эѳиръ затопилъ подробности отдаленнаго ландшафта, горы Ріо, Карковадо и Сахарная Голова лиловыми легкими облаками рисовались на горизонтѣ, разнообразные острова бухты казались тоже составленными изъ пара, и бухта наполнена была какъ будто не водою, но газообразнымъ легкимъ веществомъ; золотистые туманы плавали по отдаленному небу, и все это оживлялось безпрерывнымъ измѣненіемъ освѣщенія. На значительной высотѣ, по уступамъ горы, разбросаны бѣлые дома съ навѣсами, подъ которыми ѣли свою вечернюю порцію мулы; явились и различныя подробности хозяйства: надъ живописнымъ ущельемъ, съ роскошнымъ лѣсомъ, скалами и обрывами, повисъ коровій хлѣвъ, на золоченной лазури неба рисовались хомуты и збруя. Въ этихъ мѣстахъ мѣняютъ муловъ, или кормятъ ихъ, если останавливаются большіе караваны, направляющіеся во внутреннія провинціи. Кромѣ этихъ станцій, попадались и жилые домики. Вечерній, золотистый свѣтъ начиналъ блѣднѣть и холодѣть; розовыя воздушныя громады горъ окрашивались какимъ-то стальнымъ холоднымъ цвѣтомъ; воды бухты какъ будто застыли, облака повисли тяжело надъ ними; между холмовъ

и долинъ, у насъ подъ ногами, началъ подниматься туманъ. Покамѣсть перемѣняли муловъ на одной изъ станцій, мы успѣли съѣсть нѣсколько сандвичей и выпить по чашкѣ кофе; времени было столько, что можно было и напиться до пьяна, что́ доказалъ одинъ изъ нашихъ кучеровъ. Прежде чинно и правильно слѣдовавшіе другъ за другомъ экипажи, начали мѣшаться и путаться: пьяный непремѣнно хотѣлъ обогнать нашего кучера, молодаго бѣлокураго нѣмца; бѣлокурый не хотѣлъ уступить, и мы скакали надъ провалами и ущельями, все больше и больше окутываемые темнотою наступившей ночи. Послѣ двухъ-часовой очень скорой ѣзды, мы наконецъ поѣхали по плоскости, лежавшей между высокими холмами. Здѣсь, разбросанными кучками, расположился городъ Петрополисъ. Мы остановились въ *восточной гостиницѣ,* которую рекомендуютъ всѣ русскіе путешественники, потому что ее содержитъ говорящій по-русски турокъ; здѣсь слово: восточный, употребляется въ смыслѣ европейскаго. Турокъ не только по-русски, но ни на какомъ языкѣ не умѣлъ говорить, и, судя по тому, что уже двадцать лѣтъ какъ онъ оставилъ Константинополь, можно быть увѣрену, что онъ забылъ и по-турецки; ко всему этому, толстыя губы его едва пропускали слова.

На другой день утромъ намъ привели верховыхъ лошадей, и мы поѣхали осматривать водопадъ Итамарати. Проѣзжая городомъ, мы увидѣли, что улицы его расположены между покрытыми лѣсомъ холмами; мы видѣли также дворецъ императора и облака, гулявшія по пустыннымъ улицамъ, изъ чего заключили, что если Петрополисъ самое здоровое, то вмѣстѣ и самое скучное мѣсто: здѣсь надобно выѣхать изъ порядочнаго лабиринта ущелій, чтобы наконецъ увидѣть какой-нибудь ландшафтъ. Дома богатыхъ владѣльцевъ потонули въ садахъ, по отдѣльнымъ долинамъ; чтобъ отыскать кого-нибудь, приходится обо-



W. French sc.

Goldwäsche in Brasilien
bei dem Berge Itacolumi.

Goldwashing in Brasil.
at the Itacolumi mountain.

гнуть нѣсколько холмовъ и надобно твердо знать дорогу. Къ водопаду ведетъ живописная тропинка, переходящая черезъ довольно высокій хребетъ. Среди густаго, едва проходимаго лѣса, на каждомъ шагу останавливаютъ васъ особенности здѣшняго растительнаго царства, которое развернулось здѣсь во всей своей роскоши. Тропинка сначала поднимается зигзагами, огибаетъ нѣсколько ущелій, спускается внизъ, снова поднимается, постоянно заглушаемая разнообразною листвою деревьевъ, перепутанныхъ ліянами. Легкіе листья папоротника или короны пальмъ мѣстами высились надъ круглящимися вершинами другихъ деревъ. Съ высоты холмовъ виднѣлись внизу громоздящіеся домики Петрополиса, исчезавшіе въ зелени. Въѣхавъ въ новое ущелье, мы почувствовали прохладу отъ сгустившейся надъ нами зелени, висѣвшей совершенно непроницаемымъ ковромъ; длинныя плети и веревки ліянъ, какъ снасти корабля, спускались внизъ, какъ будто прикрѣпляя деревья къ землѣ. Тысячи насѣкомыхъ и птицъ жужжали и щебетали въ кустахъ; вѣтви часто задѣвали за лицо, и длинные тонкіе прутья какого-то высокаго и перегнувшагося внизъ тростника слегка били насъ сверху въ своемъ эластическомъ качаньи. Иногда слышался ручей, гдѣ-то невидимо журчавшій. Вотъ снова послышался звукъ текущей между камнями воды; надъ широкимъ ручьемъ нагнулись деревья, образовавъ непроницаемый сводъ; черезъ ручей переброшенъ деревянный мостъ, почти невидимый въ густой тѣни, а на небольшой, освѣщенной яркимъ солнцемъ, площадкѣ стояла скамейка; мы слѣзли съ лошадей и сдѣлали привалъ. Широкая струя воды, расплывшись еще шире въ гранитномъ бассейнѣ, стремительно падала съ обрыва и разбивалась брызгами, встрѣчая въ паденіи своемъ выступавшія неровности и раздѣляясь на безчисленные каскады; потомъ снова расплывалась въ широкомъ бассейнѣ и снова низвергалась величественнымъ водопадомъ

въ глубокую зіяющую пропасть. Лѣсъ съ обѣихъ сторонъ отступилъ, какъ будто съ удивленіемъ смотря на капризную игру ручья. По тропинкамъ мы спустились внизъ, сначала на первую ступень каскада, потомъ и на самое дно ущелья и, усѣвшись на камнѣ, до котораго долетали брызги, долго смотрѣли на величественную картину природы. Я воспользовался минутою, чтобы набросать кое-какъ эскизъ каскада, а товарищъ мой С. П. П., очень непосѣстный человѣкъ, отправился карабкаться по скаламъ; вотъ онъ взлѣзъ на дерево, висящее надъ вторымъ паденіемъ каскада и явился надъ моею головой; иногда онъ вдругъ останавливался, какъ вкопанный, неподвижно и долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, подъ вліяніемъ какого нибудь новаго впечатлѣнія.... Часа два мы пробыли здѣсь, наслаждаясь природою, и возвращались домой новыми тропинками, подъ тѣнью того же величественнаго и живописнаго лѣса.

Достаточно было провести одинъ день въ Петрополисѣ, чтобы хорошенько осмотрѣть самый городокъ; но чтобы видѣть всѣ красивыя мѣста его окрестностей, на это мало мѣсяца, а такъ какъ мѣсяца мы не имѣли въ своемъ распоряженіи, то, переночевавъ еще ночь подъ одною кровлей съ туркомъ, мы пустились въ обратный путь, вставъ рано утромъ, когда свѣтъ только что начиналъ гулять по долинамъ и холмамъ высокаго города. Подъѣхавъ къ спуску съ горъ, мы увидали всю лежавшую внизу долину покрытою густымъ туманомъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорѣзывали высокія гранитныя верхушки горъ. Облака, бродившія внизу, нагоняли другъ друга, сходились и расходились, открывали на короткое время какую-нибудь часть долины и снова соединялись въ холодную, непроницаемую массу. Надъ нами же небо было чисто, и всѣ подробности горъ, съ которыхъ мы съѣзжали, рисовались съ поразительною отчетливостью. По дорогѣ намъ попался

длинный караванъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ, навьюченныхъ муловъ; при нихъ было нѣсколько погонщиковъ въ шляпахъ, съ широкими полями, и въ курткахъ; вся наружность ихъ какъ-то шла къ горному виду, и длинная палка черезъ плечо, и черная борода на загорѣломъ лицѣ, все это было очень живописно. Эти караваны отправляются съ товарами внутрь страны, туда, гдѣ промываютъ золото и добываютъ алмазы, и возвратятся ровно черезъ годъ. Путь ихъ—тропинки по первобытнымъ лѣсамъ и горамъ, пересѣкающимъ Бразилію; пища—соленое и сушеное мясо, котораго приготовленіе мы видѣли на буэносъ-айресскихъ *саладерахъ*. Мулы будутъ находить кормъ у себя подъ ногами. Товары, преимущественно красные, крѣпко запакованы въ кожаныхъ вьюкахъ. Мулы, тихимъ и ровнымъ шагомъ, шли другъ за другомъ, длинною вереницею растянувшись по извилистой дорогѣ, поворотовъ десять которой намъ было видно сверху. На станціонныхъ дворахъ, гдѣ мы въ прошлый разъ видѣли отдыхавшихъ муловъ, караваны снаряжались въ путь, увязывались вьюки, и видно было сильное движеніе.

Съѣхали мы съ горы, конечно, втрое скорѣе, нежели взбирались на нее. Та же желѣзная дорога домчала насъ до парохода, и также пароходъ доставилъ насъ къ деревянной пристани, противъ бенедиктинскаго монастыря, около военнаго порта.

Мы осмотрѣли потомъ почти весь противоположный берегъ бухты, на которомъ также свои города и мѣстечки. Туда каждые полчаса ходитъ пароходъ, всегда нагруженный пассажирами, и возвращается точно также полный публикой. Берегъ этотъ, не имѣя высокихъ и коническихъ вершинъ своего *vis-à-vis*, весь состоитъ изъ различной величины холмовъ, покрытыхъ разнообразною зеленью и удивительно счастливо расположенныхъ. Нѣкоторыя бухты далеко углублялись между холмовъ, составляя совершенно

замкнутыя озера, окаймленныя живописными берегами; много холмообразныхъ острововъ примыкало къ берегу, образуя безчисленные проливы, бухты, затишья, ландшафты, которые спорили другъ съ другомъ въ прелести. По берегамъ большихъ бухтъ тянулись бѣлыя зданія городовъ; на каждомъ островѣ было какое-нибудь строеніе, или церковь, или домъ, или кладбище. Одинъ островъ весь убранъ пальмами, у другаго вся сторона ярко-красная отъ листьевъ какого-то растенія, очень часто украшающаго рѣшетки домовъ Ріо-Жанейро; иногда изъ-за холма выставлялась грандіозная декорація противоположнаго берега съ Сахарною Головой, Карковадо и живописнымъ городомъ, слегка подернутымъ синевою дали. Самый большой городъ этого берега называется Praya Cranda или Nitherohy (прежнее названіе всего залива); въ немъ прямыя улицы, лавки, аптеки, трактиры и все какъ слѣдуетъ. Недалеко отъ него, ближе къ выходу, Санъ Доминго, съ скалистымъ мысомъ Praya de Carahy. Отсюда представляется единственная суровая картина на всей бухтѣ: видно нѣсколько безобразныхъ гранитовъ, торчащихъ изъ воды, о которые разбиваются бѣловатые буруны, и видна довольно большая бухта, въ углубленіи которой находится госпиталь Хурухуба, одно имя котораго наводитъ страхъ на всякаго жителя Ріо-Жанейро.

Всѣ другіе мысы этой бухты выступаютъ голыми и мрачными скалами. На этотъ берегъ мы ѣздили и на пароходѣ, который высаживаетъ пассажировъ у пристани на своемъ барказѣ, когда бываетъ благопріятный вѣтеръ. На своей шлюпкѣ мы посѣщали самыя замаскированныя бухты, существованія которыхъ и не подозрѣвали.

Самый городъ, кромѣ своихъ ежедневныхъ явленій, какъ-то негровъ на рынкѣ и по улицамъ, вечерняго газоваго освѣщенія, дающаго ему по вечерамъ такой фантастическій видъ, и разнообразныхъ монаховъ, — ничего не

представлялъ особеннаго. Только по воскресеньямъ, на улицахъ замѣтно было особенное движеніе. Давно приготовлявшіяся по угламъ улицъ эстрады получили окончательный видъ. Мѣстами стояла полковая музыка; гвардейская форма мундировъ довольно красива и напоминаетъ нашу, временъ императора Александра I. У часовень церквей замѣтно было особенное стеченіе народа, и уже днемъ тысячи ракетъ летѣли съ площадей и перекрестковъ, и лопались съ страшнымъ шумомъ и трескомъ. По справкѣ оказалось, что въ этотъ день будетъ большая процессія Св. Антонія, особенно чтимаго въ Бразиліи, и котораго во время какой-то войны *произвели въ капитаны!*... Смѣшавшись съ разнообразною толпой, мы съ часъ ждали у выхода императорской часовни, куда собирались участники процессіи, съ дѣтьми, одѣтыми херувимами; много такихъ дѣтей, съ крылышками за спиной и съ золотыми коронами на головахъ, встрѣчали мы на улицѣ... Заиграла музыка, зазвонили въ колокола, и потянулся попарно длинный рядъ знаменъ, хоругвей, распятій, свѣчъ, дѣтей, клериковъ, семинаристовъ въ бѣлыхъ рясахъ, дьяконовъ, священниковъ и проч. Народъ сталъ на колѣни, и съ каждаго перекрестка полетѣли букеты ракетъ, а съ приготовленныхъ эстрадъ заиграла музыка. Мы, видавшіе японскія религіозныя церемоніи, съ великолѣпіемъ которыхъ врядъ ли что можетъ сравниться, недолго слѣдовали за этою процессіей. Насъ удивило только то, что между сотнею фантастически одѣтыхъ дѣтей, конечно, изъ лучшихъ бразильскихъ семействъ, не только не было ни одного хорошенькаго личика, но бо́льшая часть были или кривобокіе, или горбатые, болѣзненные, безобразные. Всѣ эти дѣвочки будущія матери семействъ: какихъ же дѣтей должно ожидать отъ нихъ?... У выхода процессіи толпился народъ; впередъ всѣхъ протолкалась негритянка, конечно, свободная, потому что на ней была щегольская розовая шляпка

*

и отличное голубое шелковое платье. Выходившія изъ церкви пары часто останавливались, поджидая другихъ, и одинъ, вѣроятно, очень важный чинъ, въ красномъ балахонѣ, подъ которымъ замѣтна была осанка нашего, по крайней мѣрѣ, статскаго совѣтника, несшій свѣчу, о чемъ-то задумался, и крупныя горячія капли воска быстро закапали на великолѣпное шелковое платье негритянки... Надобно было видѣть какою яростью воспылала она!... точно львица, которой наступили на хвостъ! Красный балахонъ, несмотря на свой санъ, нѣсколько сконфузился, выслушивая справедливую и громкую, вѣроятно, очень выразительную брань черной щеголихи.

Бывшая въ наше время въ Ріо-Жанейро итальянская опера пересcорилась съ театральною дирекціей, и сказывалась больною, въ лицѣ примадоны, нашей петербургской знакомой Медори, вслѣдствіе чего по вечерамъ мы ходили въ *café chantant*, гдѣ давались небольшіе водевили по-французски до того глупые, что именно это и составляло главный ихъ интересъ. Въ одной піесѣ фигюрировали все китайцы, въ другой испанцы. Одинъ разъ намъ удалось увидать на сценѣ русскаго помѣщика, comte Ostrogoff, къ которому въ деревню поселились, подъ видомъ гувернера и гувернантки, маляръ и постоянная посѣтительница баловъ Mabile, чуть ли не изъ Rue Joubert № 4. Графъ отъ нихъ въ восторгѣ; за маляра отдаетъ дочь, а на гризеткѣ женитъ сына, давая имъ по нѣскольку сотъ тысячъ приданаго и 15 *cosaks* de gratification.

Несмотря на пошлость шутки, въ ней кое-что было вѣрно и, главное, очень смѣшно. Гувернантка, между прочимъ, учитъ свою ученицу танцовать *cancan* подъ видомъ качучи. Содержатель театра старательно справлялся: не обидѣлись ли мы, русскіе, игранною шуткой, тогда какъ мы отъ души смѣялись и едва ли не больше всѣхъ. Въ португальскій театръ я ходилъ, чтобы посмотрѣть бразильскаго

императора. Донъ-Педро II очень красивый мужчина. Когда онъ входитъ въ ложу (во фракѣ и со звѣздой), публика встаетъ и кланяется. Лицо его отличается аристократическимъ отпечаткомъ; красивая русая борода и усы оттѣняютъ довольно большой, но красивый ротъ. Императрица, сестра неаполитанскаго короля, толстая и высокая женщина весьма обыкновенной наружности. Въ другой разъ я видѣлъ императора въ итальянской оперѣ. Дѣло съ дирекціей какъ-то уладилось, и пѣвцы, наканунѣ нашего отхода, рѣшились дать всѣмъ надоѣдавшаго *Trovatore*. Общество города, недовольное вообще правительствомъ, любитъ лично дона-Педро. Говорятъ, онъ удивительно добръ, раздаетъ почти все свое содержаніе бѣднымъ и нуждающимся, а между тѣмъ, очень бережливъ на государственныя деньги; онъ доступенъ для всякаго; всѣ идутъ въ его дворецъ съ увѣренностію, что просьба будетъ принята, и должно сказать, что съ его именемъ соединяются какъ успѣшное окончаніе внѣшнихъ дѣлъ Бразиліи съ Росасомъ, низложеніе тирана, уничтоженіе торговли негровъ, такъ и созданіе бразильскаго флота, постройка госпиталей, желѣзныхъ дорогъ и всего, чѣмъ можетъ теперь похвалиться Бразилія. Онъ родился здѣсь, и ребенкомъ оставленъ былъ отцомъ своимъ. Бразилія смотритъ на него какъ на своего сына, и гордится имъ. Но всѣ эти утѣшительныя черты отношеній народа къ государю имѣютъ свою изнанку. Дѣла самаго государства представляются не въ привлекательномъ свѣтѣ. Оставаясь гуманнымъ и благороднымъ человѣкомъ, донъ-Педро лишенъ административной способности и энергіи; въ то время, какъ онъ самъ едва живетъ на своемъ добровольно-скудномъ содержаніи, его министры безсовѣстно воруютъ и истощаютъ государство. Вмѣстѣ съ этимъ, появившаяся желтая лихорадка и прекращеніе привоза негровъ парализируютъ силы Бразиліи. Въ послѣднее время, несмотря на огромный

урожай, кофе вздорожалъ оттого, что не было кѣмъ убирать его. Пришедшія суда не могли дать требуемой суммы за кофе, застаивались на рейдѣ Ріо-Жанейро и теряли половину командъ отъ желтой лихорадки. Финансовое положеніе страны тоже незавидно. Едва Бразилія подумала объ отложеніи отъ Португаліи, какъ уже впала въ долгъ. Трактатомъ 29 августа 1825 г., заключеннымъ при посредничествѣ Англіи, Португалія признала независимость Бразиліи, вслѣдствіе чего послѣдняя обязывалась выплатить Португаліи 1 000 000 фунт. стерл. для уплаты португальскаго займа, сдѣланнаго въ 1823 году у Англіи. Увеличивавшіяся требованія новаго государства увеличивали и бюджетъ его, между тѣмъ какъ главныя силы его въ послѣднее время были потрясены и остановлены закономъ противу привоза невольниковъ. Бахія и Пернамбуко, постоянный центръ недовольныхъ, не замедлятъ поднять голосъ, и Бразилія должна ожидать потрясеній. По всей вѣроятности, она останется побѣдительницей, потому что въ томъ, чѣмъ она временно повредила себѣ, лежитъ справедливое и гуманное начало.

Дворецъ императора находится за городомъ въ мѣстечкѣ Санъ-Кристовайо; отъ него превосходный видъ на Карковадо и городъ. Садъ, примыкающій къ нему, удивительно хорошъ. Особенно замѣчательны въ немъ аллеи бамбуковъ, совершенно темныя отъ стрѣльчатаго свода перекрестившихся между собою тростниковъ. Это длинные и темные корридоры, прохладные во время самыхъ жаркихъ дней. Въ саду много террасъ, скверовъ и вмѣстѣ куртинъ съ фруктовыми деревьями. Дорожки не отличаются особенною чистотой, и на статуи и другія украшенія, какъ видно, немного потрачено денегъ, что́ даетъ саду видъ нѣкоторой запущенности, отчего онъ выигрываетъ еще больше. По камнямъ, близъ оградъ, множество ящерицъ грѣлись на солнцѣ и быстро исчезали при нашемъ появленіи.

Треснувшая мачта нашего корвета была замѣнена новою, и мы, послѣ 12 дней стоянки на рейдѣ Ріо-Жайнеро, снялись рано утромъ, 11 іюня, съ якоря и, съ туманомъ и дождемъ, вышли изъ великолѣпной бухты, живописныя подробности которой вѣроятно не скоро изгладятся изъ памяти. Намъ оставался еще одинъ бразильскій портъ, старая столица португальской колоніи, Бахія или Санъ Сальвадоръ. Обогнувъ мысъ Фріо, у скалъ котораго разбилось когда-то судно, имѣвшее на шесть милліоновъ грузу, мы скоро получили попутный вѣтеръ и совершили очень счастливый переходъ. 16 іюня, съ утра, мы уже увидѣли берегъ, тогда какъ всѣ разсчитывали пробыть въ морѣ не меньше десяти дней. Надобно замѣтить, что когда приходишь на мѣсто вдвое скорѣе того, какъ разсчитывалъ, то въ душѣ раждается какое-то очень пріятное чувство, точно награду получилъ, или кто-нибудь похвалилъ. «А вѣдь мы молодцы! Догоняй-ка теперь насъ французскій фрегатъ *Альцестъ* (*Альцестъ* двумя днями позднѣе насъ хотѣлъ выйти изъ Ріо). Какъ бы уйдти до его прихода. То-то было бы славно!...» Vanitas vanitatum! Что намъ *Альцестъ*, и что мы ему?... А все-таки мы молодцы, оттого, что, вмѣсто десяти дней, *вѣтеръ* доставилъ насъ въ пять...

Показался небольшой клочокъ земли, мало возвышенной, съ маякомъ; это была крайняя точка длинной косы, образующей съ едва-виднымъ материкомъ обширную бухту Всѣхъ Святыхъ, открытую Америкою Веспуціо. За маякомъ потянулся берегъ, не болѣе возвышенный чѣмъ правый берегъ Днѣпра, на которомъ расположился Кіевъ. Но если русскій городъ поражаетъ подъѣзжающихъ своею красотой, то Бахія, затопленная растительностію, какая только можетъ быть въ широтѣ 13 градусовъ, на материкѣ Южной Америки, не поразитъ, но понравится еще больше. Выше города ничего нѣтъ, ни горъ, ни дали... Весь ландшафтъ расположился на одномъ планѣ возвышеннаго бе-

рега, сначала густо поросшаго ярко-зеленою, пышною растительностію, изъ массы которой поднимаются старинныя колокольни монастырей и домà; висящіе надъ моремъ террасы, обрывы, зелень, спустившаяся густыми массами къ самому морю, разбросанныя хижины, старый, почти почернѣвшій отъ времени монастырь, рисующійся на свѣжемъ зеленомъ холмѣ,—все это составляетъ превосходный ландшафтъ; далѣе строенія заглушили зелень; кое-гдѣ только виднѣется она, вмѣстѣ съ сосѣднимъ гранитнымъ утесомъ, на какой-нибудь площади верхняго города, гдѣ столпились разнообразныя зданія со множествомъ оконъ. Домъ стоитъ на домѣ; вотъ поднимается фронтонъ старой церкви; каменныя лѣстницы виднѣются надъ домами, выше опять нагроможденные другъ на другѣ дома, и переросшіе ихъ три высокіе ствола пальмъ, качающихъ свои верхушки надъ куполами монастырей и шпицами какихъ-то зданій. Замѣтнѣе всѣхъ поднимаются, у самаго берега, пять совершенно похожихъ другъ на друга домовъ въ пять, или шесть этажей; ихъ не давитъ и множество строеній, находящихся надъ ними на горахъ. Видъ города очень напоминаетъ Кіевъ, только Кіевъ католическій, а не православный. Ничто не даетъ столько физіономіи городу какъ церкви; въ Бахіи ихъ, можетъ быть, больше нежели въ Кіевѣ; здѣсь и теперь резиденція бразильскаго епископа. Чѣмъ выше мѣстность, тѣмъ зданія чаще; дома и церкви такъ тѣсно сжаты, что издали кажется, будто между ними нѣтъ ни проѣзда, ни прохода. Далѣе мѣстность опять понижается, выступая впередъ длинною низменною косой, покрытою строеніями и зеленью; на концѣ коса немного возвышена и образуетъ холмъ, на которомъ построена церковь съ двумя бѣлыми башнями, видными издалека; отсюда самый лучшій видъ на городъ. Противъ города находится крѣпость, говорятъ, самая сильная въ Бразиліи.

Мы бросили якорь и, наскоро пообѣдавъ, поѣхали на

берегъ. Вмѣстѣ съ пароходами и другими судами современной постройки, на рейдѣ было около сотни шлюпокъ, напоминавшихъ собою средневѣковыя галеры; своими тонкими, косыми мачтами, онѣ очень шли къ средневѣковой физіономіи города. Строенія, стоявшія у самаго берега, составляли такъ-называемый нижній городъ, въ противоположность верхнему, находящемуся на горѣ. Въ нижнемъ сосредоточена торговля и всякая дѣятельность; тутъ военный портъ, верфь, рынки, казармы; улицы узки, длинны и темны отъ высоты домовъ. У самой пристани рынокъ, какое-то захолустье, куда надобно входить, смотря подъ ноги, съ извѣстною предосторожностью. На этомъ рынкѣ нагромождены плетеныя корзины съ курами, индѣйками, всевозможные плоды, попугаи, обезьяны, и все это продаютъ живописныя негритянки въ красивыхъ костюмахъ. На улицѣ, кромѣ негровъ, рѣдко кого увидишь. Вдругъ слухъ поражается страшнымъ крикомъ, котораго никогда и нигдѣ не слыхалъ; догадываешься, что, должно быть, негры несутъ что-нибудь; и дѣйствительно, изъ узкаго и грязнаго переулка, идущаго какою-то кривою линіей, показывается толпа чернокожихъ рабочихъ, несущихъ на длинномъ бревнѣ огромную бочку; идутъ они, плотно сомкнувшись другъ съ другомъ, и выступаютъ не въ ногу; потъ льется съ ихъ шершавыхъ головъ, бронзовые мускулы напряжены, и сѣтка жилъ, какъ у кровныхъ лошадей, выступаетъ наружу. Изъ ихъ широкихъ ртовъ вырываются дикіе звуки, смѣшивающіеся съ тяжелымъ дыханіемъ сильнаго истомленія. На перекресткахъ ждутъ крытые паланкины, точно такіе, вѣроятно, въ какихъ разносили гостей Капулета послѣ знаменитаго маскарада. Негры бросаются на васъ, какъ наши извощики, кричатъ, хватаютъ и почти силою втаскиваютъ въ свой экипажъ; на верху паланкина придѣлана палка, за которую берутся два негра, и несутъ въ верхній городъ. Идти туда, среди бѣлаго дня, подъ

здѣшнимъ солнцемъ тяжело и даже опасно; изъ всякаго переулка, изъ-за каждаго угла, поднимаются испаренія, отравляющія организмъ, а тропическое солнце довершитъ отравленіе; ничто такъ не опасно въ тропическихъ странахъ, какъ солнце: кромѣ своихъ собственныхъ ударовъ (coup de soleil), оно имѣетъ какое-то непонятное, тайное участіе въ зараженіи человѣка. На тропическое солнце не надо показываться безъ защиты, и никакъ не слѣдуетъ уставать подъ этимъ солнцемъ. Поэтому мы и взяли по паланкину. Сидѣть въ здѣшнихъ паланкинахъ неловко, не то что въ гонконгскихъ, гдѣ эластическіе бамбуки тихо качаются подъ вами, и вамъ покойно какъ въ люлькѣ. Здѣсь же надобно принять извѣстную позу, чтобы носильщикамъ не было тяжело. Къ верхнему городу устроено нѣсколько дорогъ; насъ несутъ по ближайшей. Вотъ мы на высотѣ домовъ нижняго города; изъ-за каменной ограды выказываются два мавританскіе купола стоящей внизу церкви, прочіе дома висятъ одинъ надъ другимъ; нѣтъ между ними свободнаго мѣстечка, а гдѣ и есть, тамъ какой-нибудь гранитный утесъ занялъ его собою, и его отвѣсною стѣной воспользовались, чтобы выбить въ ней ступени крутой и извилистой лѣстницы, минующей крыши и дома. Идя по этимъ ступенямъ, видишь много интересныхъ сценъ въ открытыхъ окнахъ. Но вотъ мы въ высокомъ городѣ. Ждемъ увидѣть болѣе просторное размѣщеніе домовъ, судя по различнымъ описаніямъ, въ которыхъ говорится, что высокій городъ совершенно противоположенъ нижнему: какъ нечисто и тѣсно въ нижнемъ, такъ, сказываютъ, просторно и хорошо въ верхнемъ; говорятъ, что въ нижнемъ улицы старыя и что тамъ живутъ негры, а въ верхнемъ европейцы и бразильцы, и что вообще городъ расположенъ и выстроенъ совершенно по-европейски. Видно, все это писалъ человѣкъ, небывавшій здѣсь. Верхній городъ чуть ли не тѣснѣе нижняго; неровная, холмообразная мѣст-

ность расположила строенія, правда, въ картинномъ безпорядкѣ: на площадь выходятъ только верхніе пѣтушки двухъ колоколень, а зданія сидятъ у подошвы обрыва, какъ будто городъ сначала былъ выстроенъ на ровной поверхности, которая вдругъ отъ чего-нибудь заходила волнами, приподнявъ половину одной улицы и опустивъ другую; домъ взлѣзъ на другой, нѣкоторыя церкви высоко вознеслись своими колокольнями, другія опустились внизъ. Дома, ни величиною, ни формою, не походили одинъ на другой; иной съ фасадомъ въ два окна вытянулся этажей въ шесть, какъ башня, другой тянется въ длину сараемъ. Нѣтъ ни одной площади правильной, хотя нельзя не замѣтить, что картинный безпорядокъ стѣснившихся вокругъ нихъ старинныхъ домовъ, церквей и дворцовъ, дѣлаетъ площади эти очень живописными. Въ верхнемъ городѣ, магазиновъ меньше, нежели въ нижнемъ; всѣ торгующіе внизу запираютъ свои лавки съ закатомъ солнца, и идутъ ночевать въ верхній городъ, гдѣ находятся ихъ семейства. По улицамъ тѣ же негры; иногда гдѣ-нибудь на перекресткѣ сидитъ ихъ человѣкъ пятнадцать, дѣля между собою заработанныя деньги; на грязномъ платкѣ виднѣются столбики мѣдной монеты. Одѣваются негры очень разнообразно; на иномъ матросская рубашка, на другомъ какой-то мѣшокъ, которымъ негръ прикрылъ только свою черную спину; иные закусываютъ, обгрызая свареный початокъ кукурузы или вареные бананы. Нигдѣ не встрѣтите такихъ красивыхъ поповъ, какъ въ Бахіи: красные чулки, лаковые, съ бронзовыми пряжками, башмаки, шелковыя рясы, — хоть подъ стекло каждаго поставить!... Португальцевъ, бразильцевъ и вообще носящихъ европейскій костюмъ попадается мало; вся эта публика видна у дверей своихъ лавокъ; за то негритянки, старыя и молодыя, некрасивыя, какъ только могутъ быть некрасивы негритянки, попадаются на каждомъ шагу, хотя должно прибавить, что между ними

встрѣчается не мало и очень красивыхъ, по крайней мѣрѣ очень видныхъ, съ монументальнымъ сложеніемъ тѣла, съ высокою грудью, съ полными, словно вычеканенными изъ бронзы руками, въ живописныхъ чалмахъ и полосатыхъ платкахъ, драпирующихся около ихъ плечъ и стана. Онѣ продаютъ въ плетеныхъ корзинкахъ кукурузу, апельсины, и нарѣзанный кружечками сахарный тростникъ, или идутъ куда-нибудь съ корзиною, полною цвѣтовъ, на головѣ, или просто болтаютъ на какомъ-нибудь перекресткѣ.

На правомъ концѣ города, близъ рѣшетки, мы вылѣзли изъ портшезовъ и пошли смотрѣть знаменитый публичный садъ Бахіи. Вся верхняя его часть занята превосходною рощей мангу, развѣсистаго, съ блестящею листвой дерева, дающаго непроницаемую тѣнь; дальше идетъ аллея изъ тамариндовъ. Вся эта часть сада виситъ террасою надъ обрывомъ къ морю, куда спускаются мраморныя лѣстницы и дорожки, въ массѣ цвѣтовъ и различныхъ кустарниковъ, наполненныхъ граціозными колибри и другими крошечными птичками. На выступающихъ мѣстахъ верхней террасы устроены мраморныя платформы съ статуями и вазами; съ одной изъ платформъ превосходный видъ на городъ и рейдъ. Подъ ногами каскадъ стремящейся внизъ роскошной зелени, за которою громоздятся зданія города; вдали мысъ съ церковью, блистающею яркимъ освѣщеніемъ своихъ бѣлыхъ колоколенъ, между тѣмъ какъ голубой прозрачный туманъ какъ будто дымкою подернулъ роскошную зелень, покрывающую мысъ; за нимъ виднѣется озеро, дальше горы и одѣвающіе ихъ лѣса. Рейдъ пестрѣетъ судами, и среди ихъ поднимается изъ воды крѣпость Бахіи, съ выкинутымъ флагомъ. Въ саду возвышается обелискъ, сооруженный въ честь Іоанна VI; этотъ обелискъ съ статуями террасъ и рѣшетками, перемѣшанными съ зеленью и деревьями, мы принимали съ моря за кладбище.

Занятіе Португаліи французами, въ 1807 году, заставило короля Іоанна VI покинуть Лиссабонъ со всѣмъ своимъ семействомъ и высадиться въ Бахію; это написано на обелискѣ, въ воспоминаніе чего онъ и воздвигнутъ. Присутствіе Іоанна сдерживало долго движеніе, начавшееся, по примѣру Соединенныхъ штатовъ, въ Бразиліи и во всѣхъ испанскихъ колоніяхъ Южной Америки. Но въ 1821 году король долженъ былъ возвратиться въ Лиссабонъ; главные города Португаліи возставали; король долженъ былъ лицомъ къ лицу встрѣтить возмущенія, чтобы сохранить права на наслѣдство престола для брагансĸой линіи. Опасно было оставлять и Бразилію, которая требовала независимости. Іоаннъ, уѣзжая въ Европу, оставилъ сына своего донъ-Педро губернаторомъ въ Бразиліи, и при прощаніи далъ ему слѣдующій совѣтъ: «Педро, ты знаешь, что все клонится въ нашемъ государствѣ къ независимости. Если хочешь оставить корону Бразиліи за собою, становись въ главѣ этого движенія, ищи овладѣть имъ, и потомъ дѣлай что укажутъ обстоятельства».

Бразилія возстала какъ одинъ человѣкъ для завоеванія своей независимости и для отдѣленія себя отъ метрополіи. Донъ-Педро, 7 сентября 1821 года, торжественно объявилъ независимость Бразиліи, а она признала его въ свою очередь императоромъ; немедленно созвано было собраніе, чтобы дать новой имперіи конституцію.

Между людьми, принимавшими главнѣйшее участіе въ движеніи, особенно выдѣлялись три брата Андрада, бывшіе представителями Бразиліи въ Лиссабонѣ. Энергія, съ которою они тамъ защищали права Бразиліи, пріобрѣла имъ большую популярность.

Возвратясь въ отечество, они сдѣлались поборниками независимости, и начали упорную борьбу съ португальскою партіею. Скорое рѣшеніе дона-Педро дало движенію, вызванному братьями Андрада, и главу и самое вѣрное

ручательство за успѣхъ. Провозглашенный императоромъ, донъ-Педро назначилъ братьевъ Андрада своими министрами.

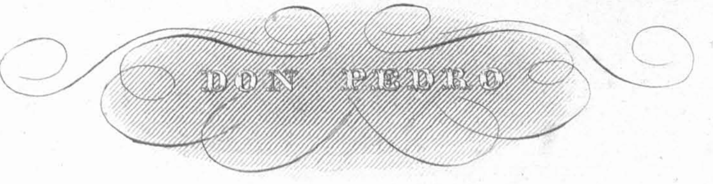
Послѣдователи смѣлыхъ теорій, пущенныхъ французскою революціей въ ходъ, но избалованные успѣхами и любовью народа, братья Андрады были неуступчивы, слишкомъ рѣшительны, и тщеславіе ихъ не выдерживало ни малѣйшаго противорѣчія.

При такихъ свойствахъ, Андрады не могли долго ужиться съ императоромъ. Предоставляя подробности дѣлъ своимъ министрамъ, донъ-Педро замышлялъ великія начинанія, но Андрады затемняли его. Согласіе было нарушено, и донъ-Педро отпустилъ своихъ министровъ, доказавъ имъ, что онъ можетъ обойдтись и безъ нихъ. Между тѣмъ, они засѣдали въ собраніи, созванномъ для начертанія конституціи. Ихъ талантъ и популярность давали имъ преимущества надъ всѣми, и они естественно должны были стать главами оппозиціонной партіи. Съ этихъ поръ начинается разладъ между императоромъ и собраніемъ. Андрады поддерживали волненіе въ странѣ, разжигая ненависть къ португальцамъ. Въ этихъ обстоятельствахъ донъ-Педро принялъ рѣшительныя мѣры: онъ окружилъ войсками собраніе, запечаталъ двери, и въ то же время декретомъ объявилъ народу, что собраніе распущено и что будетъ созвано другое, которое дастъ народу самыя вѣрныя и лучшія ручательства своей независимости. Онъ, однако, не сдержалъ своего обѣщанія: собраніе не собралось, а конситуція была составлена имъ самимъ, при помощи его министровъ. Она была объявлена 25 марта 1824 года, при клятвѣ императора сохранять ее, и существуетъ до сихъ поръ. Послѣ многихъ войнъ, Португалія признала независимость Бразиліи, 29 августа 1825 года, трактатомъ, заключеннымъ въ Лиссабонѣ, при посредничествѣ Англіи.

Mᵉ Conv. Lex. Nº 161

Ramirez in Rio-Jan. pinxᵗ

Hyrtl u. F. Stöber sc.



Inst. Bibl. excudᵗ

Hanfstaengl 1829 gez. — Hyrtl u. Fr. Stöber gest. in Stahl Wien

Nach dem Leben gezeichnet

AMALIE

KAISERIN von BRASILIEN

Druck u. Verlag vom Bibliographischen Institut zu Hildburghausen — Zeitgenossen No. 39 (III Jahrg.)

65

Вмѣсто того, чтобы заняться окончательнымъ усмиреніемъ волновавшихся умовъ, донъ-Педро вступилъ въ войну съ Монтевидео, продолжавшуюся два года безъ всякаго успѣха. Для нея сдѣланъ былъ огромный долгъ, и бывшая народность императора уменьшалась съ каждымъ днемъ.

Конституція, данная дономъ-Педро, основана на либеральныхъ и демократическихъ началахъ. Императоръ откладывалъ, на сколько могъ, созваніе камеръ; но пришло время, когда долѣе отлагать стало невозможнымъ, и въ 1827 году первое законодательное собраніе было наконецъ созвано, а съ нимъ явились представители всѣхъ возможныхъ партій и революціонныхъ началъ. Съ этого времени началась борьба, окончившаяся только съ царствованіемъ дона-Педро. Онъ не хотѣлъ уступить, поддерживалъ португальскую партію, и наконецъ отказался отъ престола въ пользу своего сына (7 апрѣля 1831 года), и удалился въ Европу, назначивъ опекуномъ сына (дона-Педро II-го) своего стараго министра, сдѣлавшагося потомъ его сильнѣйшимъ противникомъ, Жозе Бонифаціо д'Андрада. Либеральная партія торжествовала; но замѣчательно то, что не было ни одной попытки измѣнить монархическую форму правленія... Однако имя Іоанна VI, начертанное на обелискѣ публичнаго сада, завело меня слишкомъ далеко и совершенно въ сторону.

Изъ сада мы пошли за городъ. Окрестные виды много напоминали Сингапуръ, но уже въ насъ самихъ была большая перемѣна. Тамъ мы, еще неутомленные разнообразными красотами тропической природы, смотрѣли на все съ увлеченіемъ, съ восхищеніемъ, старались запомнить всякій холмикъ, украшенный пальмами, или тростниковую хижину, скрывающуюся между листьями банана; тамъ мы засматривались на блестящую листву мангу и мускатнаго дерева, въ зелени которыхъ мелькала красная черепичная крыша какого нибудь бѣлаго домика; отъ нашего жаднаго

вниманія не ускользало ничто. Но теперь мы были утомлены и пресыщены. Холмообразная мѣстность, окружающая Бахію, не уступаетъ въ красотѣ окрестностямъ Сингапура; живописные домики, разбросанные тамъ и сямъ, полуразвалившіяся ограды, прикрытыя цвѣтами и вьющимися растеніями, заманчивыя тропинки, исчезающія въ чащѣ густой и блестящей зелени; но растилавшаяся передъ нашими глазами прекрасная панорама находила въ насъ самыхъ неблагодарныхъ зрителей... Промелькнетъ съ одного кустика на другой колибри, и на нее мы обращали столько же вниманія, сколько въ Россіи на воробья, чиликующаго на плетнѣ.

Порядочно утомившись, мы возвратились къ городу, осмотрѣвъ по дорогѣ кладбище, полное мраморными саркофагами, надгробными фигурами, фарфоровыми вазами, кипарисами и цвѣтами. Здѣсь богатству и роскоши памятниковъ странно противорѣчила бѣдность часовни... Намъ попались только одни носилки; надо было достать другія, но на широкой площади не было ихъ видно. Мимикою объяснили мы неграмъ, что нельзя же одному сидѣть въ носилкахъ, а другому идти пѣшкомъ. Негръ, у котораго черная физіономія напоминала образованіемъ своей челюсти и зубовъ дикую кошку, замахалъ руками и закричалъ громкимъ, какимъ-то потрясающимъ голосомъ: «Эбе, эбе, эбе»; что̀, вѣроятно, имѣло магическую силу, потому что ему откликнулось сейчасъ же, гдѣ-то издали, другое «эбе», и показались носилки, которыя два негра на рысяхъ несли къ намъ. Насъ пронесли чрезъ весь верхній городъ; мы видѣли много старинныхъ церквей, монастырей, много площадей, на которыхъ были прехорошенькіе фонтаны, мраморные и бронзовые, съ различными фигурами, съ тритонами, раковинами, музами, рѣшетками и т. п. Странно, что въ такомъ городѣ, какъ Бахія, гдѣ, какъ кажется, уже давно не строили никакихъ монументальныхъ зданій

и довольствуются стариною, впрочемъ очень живописною, обратили особенное вниманіе на щегольство фонтанами. Въ Ріо-Жанейро нѣтъ ни одного такого красиваго фонтана, какъ на площадяхъ Бахіи.

На другой день мы послали нанять экипажъ, а сами усѣлись у окна довольно чистенькой гостинницы, кажется самой лучшей въ Бахіи. Минутъ черезъ двадцать подъѣхала щегольская коляска четверней, въ шорахъ, съ ливрейнымъ лакеемъ и ливрейнымъ негромъ-кучеромъ, хлопавшимъ длиннымъ бичомъ. Въ коляскѣ сидѣлъ какой-то сѣдовласый старецъ. «Вѣрно какое-нибудь важное лицо!» подумали мы по русской привычкѣ; но сѣдовласый старецъ оказался содержателемъ конюшень, а ливрейный лакей, негръ и четверня, все это предоставлялось намъ въ полное распоряженіе до 4 часовъ, за 35 000 рейсовъ, или 17 съ полов. долларовъ. Кучеръ-негръ искусно везъ насъ по узенькимъ закоулкамъ нижняго города, съ безпрестанными поворотами; лошади скакали въ галопъ, коляска была покойна и бичъ щелкалъ чуть не съ музыкальностью. Нѣкоторыя улицы были такъ узки, что встрѣчавшіеся негры должны были прятаться за двери и въ ниши, чтобы пропустить насъ. Мы ѣхали къ *Бомфину*, той бѣлой церкви, которая видна была съ рейда на оконечности зеленѣвшаго мыса. Нижній городъ вытянулся подъ конецъ въ одну улицу, съ маленькими домиками съ одной стороны, и съ моремъ съ другой. Надъ бѣдными домиками высились скалы, тоже застроенныя всюду, гдѣ только можно было помѣститься; туда вели тропинки и ступеньки лѣстницъ, украшенныхъ зеленью, которая пробивается вездѣ. Между городомъ и мысомъ шло предмѣстье, гдѣ было много дачъ, напомнившихъ ріо-жанейрскія; дальше пошли сады, потомъ совсѣмъ необработанныя пространства съ купами пальмъ, рощами мангу, на которыхъ зрѣлъ ихъ сочный плодъ, очень ароматическій и вкусный, нокот о-

рый ѣшь съ недовѣріемъ, такъ же какъ и превосходные апельсины безъ сѣмечекъ. Въ Бахіи съ досадой смотришь на кучи нагроможденныхъ другъ на друга корзинокъ съ разными плодами. Чтобы съѣсть спокойно апельсинъ или мангу, надо пойдти въ гостиницу, спросить кусокъ бифстексу, съѣсть его, запить стаканомъ краснаго вина, потомъ уже приниматься за апельсинъ, который снова надобно залить рюмкою коньяку и чашкою крѣпкаго кофе... Только совершивъ всю эту сложную операцію, собственно для апельсина или мангу, не боишься схватить какую-нибудь желтую лихорадку или диссентерію.

Бомфинъ — старинная церковь, въ которой нѣсколько разъ въ годъ бываютъ религіозныя процессіи. Въ ней замѣчательны два висящіе другъ противъ друга образа; на одномъ изображена смерть праведнаго, а на другомъ — грѣшника. У постели праведнаго стоитъ католическій монахъ и какой-то господинъ во французскомъ кафтанѣ; на лицѣ праведнаго изображается удовольствіе; онъ какъ будто радъ, что умираетъ; дьяволъ въ печали и злости, и спрятался почему-то подъ стулъ. Совершенно другая сцена происходитъ на противоположной картинѣ: лицо умирающаго изображаетъ кислую улыбку, ложе его окружаютъ черти, съ самыми веселыми лицами; одни изъ нихъ съ колодами картъ; трефовый король упалъ на полъ; монахъ съ ужасомъ бѣжитъ изъ комнаты, наполненной вѣроятно смрадомъ. О работѣ этихъ назидательныхъ образщиковъ нечего и говорить. Съ террасы церкви открывается, кажется, лучшій въ Бахіи видъ; весь городъ съ громоздящимися по скаламъ зданіями, съ украшающею его каменныя стѣны и обрывы зеленью, виденъ на заднемъ планѣ, составляя живописную декорацію, къ которой шла, покрытая пальмовыми лѣсами и садами, долина, волнующаяся зеленью различныхъ породъ деревъ; слѣва сады окаймляли собою зеленое озеро, на берегу котораго вид-

нѣлись холмы, сады, зданія... Между рѣзкими подробностями ближайшихъ деревъ виднѣлись черепичныя крыши домовъ, ихъ желтыя стѣны, безчисленныя окна безъ стеколъ, негры, выглядывающіе отовсюду, вывѣшенное бѣлье на веревкѣ, привязанной къ какой-нибудь живописной пальмѣ, и проч. Мы нагулялись вдоволь по обрывамъ и поросшимъ высокою травою садамъ съ красивыми мангу; спускались къ озеру, гдѣ страшно палило солнце на песчаной полянѣ, вокругъ которой росли пальмы и паслось по клочкамъ зелени нѣсколько длиннорогихъ быковъ. Пожарившись на этомъ солнцѣ на столько, на сколько оно можетъ удовлетворить любопытнаго туриста, мы опять сѣли въ свою аристократическую коляску, промчались по нижнему городу, разомъ взлетѣли въ гору, быстро миновали площади и городъ, и остановились у часовни *da Graça*, въ предмѣстьи Викторія. *Da Graça* самая древняя церковь въ Бахіи; въ ней находится монументъ, посвященный памяти знаменитой Катерины Альваресъ, туземки изъ племени *тупинамбасъ*, которой принадлежала находящаяся теперь подъ Бахіей земля. На памятникѣ написанъ 1582 годъ. Предмѣстіе Викторія состоитъ все изъ хорошенькихъ дачъ, потонувшихъ въ зелени великолѣпныхъ садовъ. Рѣдко случалось видѣть столько красивыхъ цвѣтовъ, какъ здѣсь. *Da Graça* смотритъ на холмообразную мѣстность, спускающуюся обрывомъ къ морю; каждый холмъ споритъ здѣсь съ другимъ въ красотѣ своей зеленой одежды.

Въ городѣ насъ ожидало много удивительнаго. Встрѣчаемъ какого-то кавалера въ малиновой, вышитой серебромъ мантіи и въ маскѣ: что это за шалунъ? подумали мы... Но потомъ встрѣчавшіяся на каждомъ перекресткѣ замаскированныя фигуры заставили бы предполагать слишкомъ много шалуновъ въ городѣ. Маски собирались цѣлыми поѣздами, сопровождаемыя народомъ, и наполняли улицы... На здѣшнихъ улицахъ, съ средневѣковыми зда-

ніями, не очень удивительно было видѣть рыцарей, испанскихъ грандовъ, астрологовъ и полишинелей. Носилки и бархатныя мантіи очень шли къ этимъ домамъ и улицамъ, въ которыхъ толпились негры; слуги въ ливреяхъ, духовенство въ красивыхъ рясахъ и красныхъ чулкахъ; негритянки въ чалмахъ и пестрыхъ платкахъ также были похожи на костюмированныхъ, какъ и тѣ, которые надѣвали на лица уродливыя маски. Былъ дѣйствительно маскарадъ, по случаю какого-то праздника. Какъ въ Ріо, такъ и здѣсь, на каждомъ перекресткѣ, летѣли букеты ракетъ, петардъ и римскихъ свѣчъ; изъ часовень и церквей тянулись процессіи; по улицамъ разъѣзжали маски съ музыкантами и различными погремушками; одинъ мальчишка негръ, не имѣя денегъ купить себѣ костюмъ, вымазалъ свою черную физіономію бѣлою краской; какой-то шутникъ нарядился женщиной и бѣжалъ въ одной рубашкѣ по улицѣ, а костюмированный лакеемъ, съ юпкою въ рукахъ, ловилъ бѣжавшую отъ него барыню. Большинство масокъ были верхомъ: между масками была летучая мышь, державшая все время обѣ руки кверху, для того, чтобы придѣланныя къ нимъ крылья производили свой эффектъ; съ летучею мышью скакали генералы, гранды, монахи и т. д.

Изъ окна кофейной, выходящей на театральную площадь, любовались мы этою толпой. Крикъ, шумъ, музыка, ракеты, все это мѣшалось и перебивало одно другое; толпа пестрѣла, жужжала и кишѣла какъ муравейникъ, который вдругъ раскопали палкою. Наступавшая темнота, послѣ роскошнаго вечера, дала возможность показаться всѣмъ костюмированнымъ въ болѣе эфектномъ видѣ; они зажгли факелы; изъ оконъ полились каскады огня; огненныя тучи рисовались въ небѣ отъ летавшихъ безпрерывно ракетъ. Послѣднее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ Бахіи, было довольно странное: узкія улицы съ старинными

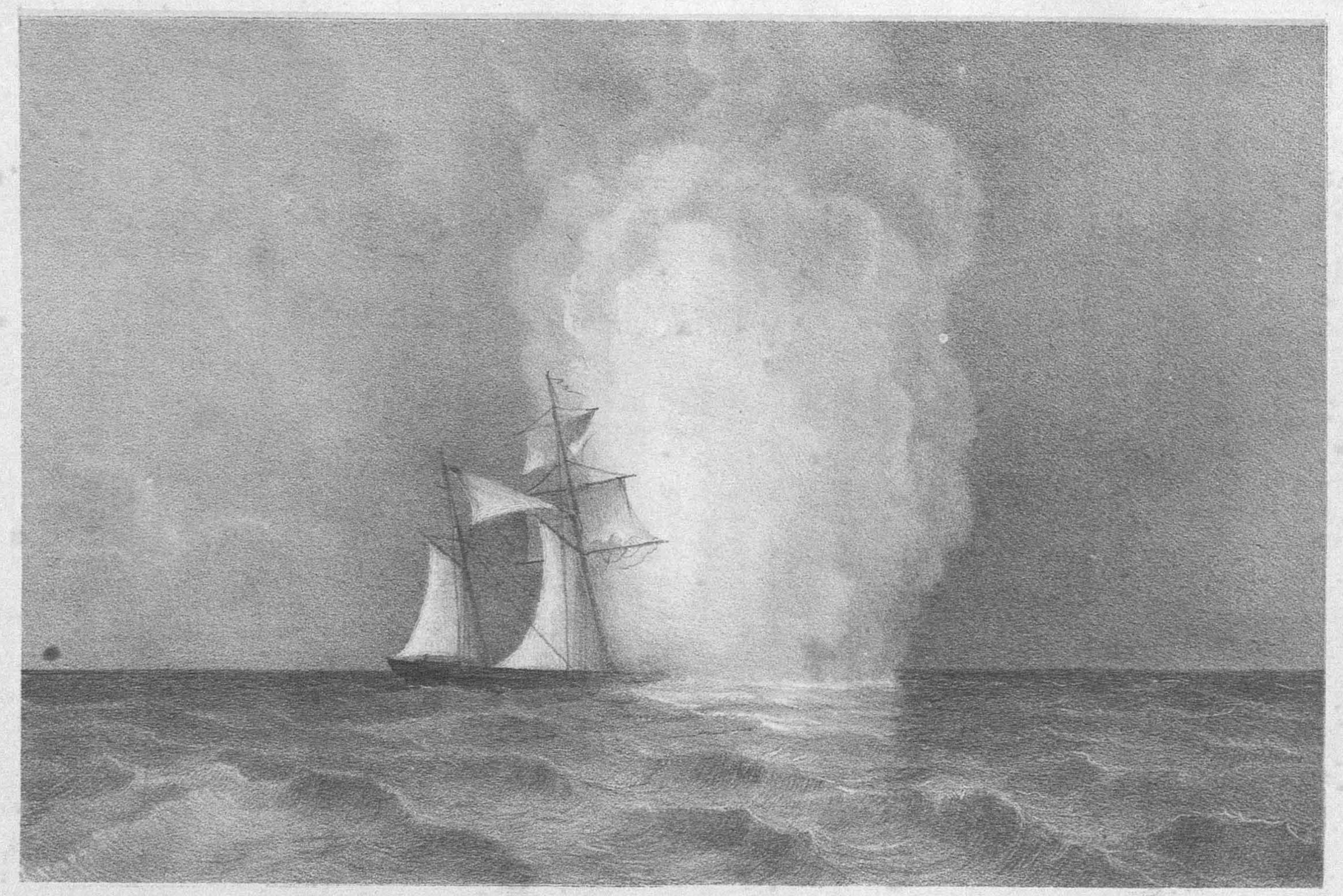
почернѣвшими отъ времени домами, со стѣнами монастырей и ихъ разнообразными, оригинальными колокольнями, безчисленныя окна, наполненныя выглядывавшими оттуда головами, изъ которыхъ на одну бѣлую приходились пять разнообразныхъ черныхъ,—все это мѣшалось съ пестротою замаскированныхъ, съ шумомъ и жужжаніемъ двигавшейся толпы; казалось, будто здѣсь постоянно только и дѣлаютъ, что наряжаются. И вѣроятно въ воспоминаніи моемъ я не буду въ силахъ отдѣлить физіономіи оригинальныхъ улицъ Бахіи отъ наполнявшихъ ихъ верховыхъ и пѣшихъ, замаскированныхъ фигуръ...

Бахія, по величинѣ своей, есть второй городъ имперіи; она основана въ 1549 году, прежде Ріо-Жанейро; въ ней до 1763 г. была резиденція губернатора португальскихъ колоній. Она можетъ также въ свою очередь выставить многое, чтобъ получить право называться современнымъ городомъ, хотя на ней и лежитъ печать такой древности, такой старомодности, что все новое совершенно исчезаетъ въ массѣ стараго. Такъ въ старинныхъ домахъ, напримѣръ, можно встрѣтить современную мебель, но она едва замѣтна среди огромныхъ и толстыхъ старинныхъ комодовъ, уродливыхъ шкаповъ и неудобныхъ стульевъ, къ которымъ, впрочемъ, питаешь уваженіе за ихъ долговѣчность. Старая мебель поросла слоемъ пыли; мѣстами, на стѣнахъ, паутина такъ окрѣпла и сплотилась, что муха не вязнетъ въ ней. На люстрахъ надѣты чахлы, почернѣвшіе отъ времени, похожіе на чахлы въ комнатѣ Плюшкина и напоминающіе собою коконы шелковичныхъ червей, а половая щетка, пытавшаяся когда-то привести все въ порядокъ, какъ будто въ безсиліи стоитъ съ кучею сора у двери. Среди этой старины, пыли и хламу, вы найдете множество потаенныхъ ящиковъ съ фамильными брилліантами и золотомъ, которое накоплено предусмотрительнымъ прадѣдушкой. Бахія гордится своими алмазными ко-

пями, находящимися отъ города въ пяти дняхъ ѣзды. Въ городѣ есть сигары, имѣющія странную особенность—развивать червей. Сады, окружающіе дѣдовскія палаты, великолѣпны. Вырвавшись изъ душныхъ и старыхъ комнатъ, отдохнешь среди вѣчно юной природы, среди зеленыхъ холмовъ, пальмовыхъ рощъ, овраговъ, поросшихъ лѣсами, заслушаешься пѣнія и щебетанья тысячи птицъ, маленькихъ и большихъ, засмотришься на пестрыхъ бабочекъ, разныхъ насѣкомыхъ, ящерицъ... Къ заливу Всѣхъ Святыхъ примыкаютъ богатыя южно-американскія равнины, съ роскошною природой которыхъ едва ли можетъ сравниться какой-либо другой уголокъ земли.

Переходъ нашъ отъ Бахіи до Плимута можно назвать самымъ благополучнымъ. Погода была постоянно теплая, и были ровные пассаты, штилей почти не было, и мы на тридцать-восьмой день уже стояли на якорѣ у Плимута. Вмѣстѣ съ *Рындою*, который встрѣтили въ Плимутѣ, мы пошли въ Шербургъ, куда за нѣсколько дней пришелъ *Пластунъ*, и разрозненная эскадра соединилась снова. Скоро и Копенгагенъ мелькнулъ мимо насъ, и всѣ, довольные и веселые, плыли мы по Балтійскому морю, надѣясь дня черезъ два увидѣть Кронштадтъ.

Настало 18 августа. Былъ сѣренькій день, и ровный, довольно свѣжій вѣтеръ гналъ насъ до 10 узловъ въ часъ. Еще наканунѣ былъ отданъ сигналъ: «Имѣете время привести судно въ порядокъ», что́ означало конецъ ученьямъ и работамъ. Мыли, чистили, красили, желая явиться домой какъ можно въ болѣе-веселомъ и красивомъ видѣ. *Пластунъ* обгонялъ оба корвета, такъ что долженъ былъ убавить парусовъ. «Что́ такое сдѣлалось съ *Пластуномъ*?» говорили мы, смотря на граціозныя формы клипера; мы не думали, что этотъ ходъ будетъ его послѣднимъ движеніемъ... Мы сидѣли внизу и были вдругъ поражены страннымъ голо-



Гибель „Пластуна".

сомъ капитана, крикнувшаго: «Прикажите свистать всѣхъ наверхъ!» Обыкновенно въ этой командѣ слышится что-то призывное и оживляющее, но на этотъ разъ въ ней послышалось что-то лихорадочное, странное. Мы едва успѣли переглянуться въ недоумѣніи, какъ сбѣжалъ внизъ кантонистъ (Прокоповъ) и голосомъ, полнымъ внутренняго волненія, проговорилъ: «*Пластуна* взорвало»... Мы бросились наверхъ. *Пластунъ* еще шелъ... Вся передняя его часть, отъ гротъ-мачты, была закрыта массою бѣлаго, тяжелаго дыма, бригротъ въ клочкахъ, гротъ-марсель и брамсель еще стояли... Страшная, незабвенная минута!.. Но не было времени ужасаться или молиться; каждаго изъ насъ призывалъ долгъ, — долгъ скорой помощи. Первый понялъ это нашъ капитанъ, и громкій его голосъ наэлектризовалъ людей, готовыхъ броситься, казалось, за бортъ, чтобы подать помощь погибавшимъ товарищамъ. Мы въ одинъ моментъ спустились, едва положили руль на бортъ; всѣ бросились на другую сторону, чтобы не потерять даже минуты; но *Пластуна* уже не было.. Дымъ, непроницаемый, тяжелый, поднялся отъ воды, поверхность которой грозно клокотала. Мы увидали на обломкахъ деревъ, на всплывшихъ койкахъ, людей, по временамъ скрываемыхъ волненіемъ.

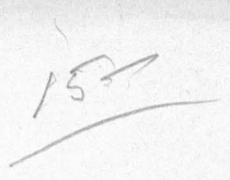
Новикъ, спустившись быстро, подошелъ къ мѣсту катастрофы, и съ невообразимою быстротой сбросилъ всѣ шлюпки, въ которыя кинулись всѣ, кому слѣдовало быть на нихъ... Около часа плавали по роковому мѣсту. Съ радостнымъ біеніемъ сердца видѣли мы въ трубу какъ вырывали у моря его жертвы. *Новикъ* благодарилъ Бога, что ему удалось спасти двадцать пять товарищей, съ которыми дѣлилъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, время, труды, радости и опасности. Когда перевязывали раненыхъ и оттирали вытащенныхъ изъ воды, раздавалась панихида за упокой погибшихъ.

На *Рынду* привезено было девять человѣкъ; семидесяти не удалось увидать родины, бывшей такъ близко, не удалось испытать чувства радости оконченнаго дѣла, отравленнаго и для насъ, лишившихся столькихъ товарищей...

Такъ печально окончилъ свою карьеру *Пластунъ*, оставившій въ сердцахъ служившихъ на немъ не одно отрадное воспоминаніе.

23 августа мы стояли на кронштадтскомъ рейдѣ... но грустно и тяжело было намъ ступить на родную землю.

14



2010515292